

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

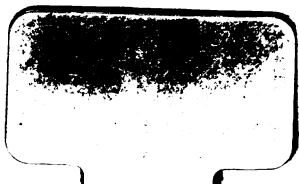
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. DK4. S27b5.085

Книж. и ДДЗ бб

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV,

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РЕДАКТОРЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ИЗДАНИЕ†

книгопродавецъ Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1839 года
Декабря 31 дня.

Ценсоръ *В. Лангеръ.*

Ценсоръ *С. Куторга.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

(Бесѣда Вѣры, Надежды и Любви).

Родъ переходитъ и родъ приходитъ.... И восходить солнце и заходить солнце... Все потоцы идуць въ море и море несть насыщаемо... Что было, тожде есть, еже будетъ, и что было сотворенное, тожде имать сотворитися. И ничто же ново подь солнцемъ, иже возлаголетъ и речеть: «Се, сіе ново есть!» Уже бысть въ вѣдѣхъ, бывшихъ прежде насъ....

Экклезіастъ, I, 4, 10.

Дружески привѣтствую тебя, мой добрый собесѣдникъ, въ сей день, называемый днемъ *Новаго Года*, день, когда люди желаютъ другъ другу *новыхъ радостей, новаго счастья*. Искренно ихъ тебѣ желаю. Но если *радость и счастье* заключаешь ты только въ *исполненіи твоихъ желаній*, позволь мнѣ отступить отъ общаго обычая. Для твоего блага, добра тебѣ желая, хочу я именно о томъ побесѣдовать съ тобою. Не бойся бесѣды моей, не думай, что услы-

шишь отъ меня голось суроваго нравоучителя, который станетъ требовать отъ тебя чего либо выше силъ твоихъ, станетъ угрожать тебѣ бѣдою среди твоего веселья, твоихъ радостей. Нѣтъ! сохрани меня Богъ разрушить даже и мечтательную радость твою, не только радость истинную, благословенную твоимъ сердцемъ, одобренную умомъ твоимъ. Веселись и радуйся, мой любезный собесѣдникъ! Рви розы на пути своемъ, украшай ими чело свое, и пусть *Новый Годъ* дѣйствительно принесетъ тебѣ *новья радости* и *новья наслажденія*. Но желалъ бы я, однакожь, чтобы бесѣда моя застала тебя въ *Новый Годъ* въ одно изъ тѣхъ мгновений, когда невольная задумчивость скользитъ по сердцу челоуѣка среди самой шумной радости, когда какая-то непроизвольная тѣнь грусти мелькаетъ въ душѣ его среди самой роскошной веселости. Тогда сердцу бываетъ доступнѣе голось истины, слышнѣе слово искренней правды; тогда и моя бесѣда, можетъ быть, принесетъ тебѣ болѣе добра, будетъ тебѣ усладительнѣе, и, можетъ быть, болѣе утѣшить и сдружить насъ обоихъ...

Но, если, собесѣдникъ мой, ты захочешь сперва узнать: кто такой я самъ, начинающій съ тобою рѣчь? я буду отвѣчать тебѣ также вопросомъ: на что знать тебѣ о томъ, мой любезный собратъ? — Еслибы встрѣтились мы съ тобою въ свѣтъ, мы спросили бы другъ о другѣ: кто онъ? Обладаетъ ли чинами, знатностью, богатствами? Какое его имя, и что прибавляютъ къ его имени? — Здѣсь, ни тебѣ, ни мнѣ такіе вопросы не надобны. Имя *твое* мнѣ, имя *мое* тебѣ, да останутся неизвѣстны. Я и безъ того знаю, *кто ты*: ты *человѣкъ*, а болѣе мнѣ ничего знать ненадобно. Съ именемъ *человѣка*, я уже вполне узналъ тебя, узналъ, что если Богъ и отличилъ тебя мудростью — мудрость твоя часто

не отдаетъ самой себѣ отчета во многомъ; если ты отличенъ знаніями — часто видишь ты невѣрность, несовершенство ихъ; если ты обилуешь благами знатности и богатства — горе и тебя посвящаетъ; если ты еще юнъ — умъ твой видитъ во многомъ загадку и съ недоумѣніемъ смотритъ въ будущее; если ты уже старъ — взоръ твой часто ирачится думою и спокойно обращается на прошедшее. Мой добрый собесѣдникъ! все это знаю я потому, что все испыталъ самъ. Не угрюмость мудреца, не гордость ученаго не безразсудство юности и не уныніе старости услышишь ты въ моей бесѣдѣ: дружески, какъ *человѣкъ*, буду я говорить съ тобою, также *человѣкомъ* и собратомъ монимъ. Лѣта научили меня не доврять надеждъ, но они научили меня и не отчаяваться ни въ чемъ. Опытность вразумила меня въ суетность гордаго ума нашего, но она показала мнѣ и великія силы его. Но, что какъ истинное сокровище, вынесъ я изъ опыта жизни моей и уроковъ прожитаго мною времени, то *Вѣра, Надежда, Любовь* — вѣра въ премудрость и благость Создателя, надежда въ добро созданий Его, любовь къ ближнему, любовь ко всему Имъ сотворенному. И тебя, братъ мой, не зная, я люблю. Не поучать тебя хочу я — нѣтъ! но бесѣдовать съ тобою желаю, и мы найдемъ предметы для бесѣды нашей. Условимся объ одномъ: если листокъ мой попадетъ тебѣ въ такое время, когда увлекаютъ тебя обольстительныя мечты, шепчетъ тебѣ гордость, бесѣдуетъ съ тобою пресыщеніе жизненными благами — оставь его и не читай! Мы не поймемъ другъ друга. Нѣтъ! тогда ничего не скажу я тебѣ *новаго*, даже и въ *Новый Годъ*! Гдѣ мнѣ взять для тебя новое и что ново подъ солнцемъ? Прочти поставленныя въ началѣ словъ премудраго Царя — нравоучителя: «Преходятъ и преходятъ роды,» говоритъ онъ, «восходитъ и заходитъ солнце, текутъ потоки въ море ненасытное, и

что было, то есть и будет, и что было прежде сделано, то вновь сдѣлается, и о чемъ скажешь ты: «Вотъ новое?» Нѣтъ! оно было уже въ вѣкахъ прежде насъ!» Истина великая! И потому прошу тебя взять и читать листокъ мой тогда только, когда не суетной новості любопытству своему ищешь ты, но когда сердцу твоему грустно, когда умъ твой отъвненъ уныlostью, и тебѣ хотѣлось бы сердечно побесѣдовать съ другомъ — тогда, тогда позволь мнѣ явиться и бесѣдовать съ тобою. Не научу я тебя, можетъ быть, ничему новому, но сердце мое разговорится съ твоимъ сердцемъ, душа моя скажется душѣ твоей. Добра, добра тебѣ искренно желаю я, и не отравлю твоего счастья моими словами, дружески скажу тебѣ мысль мою; не громко, не великолѣпно, но просто, безъ мудрованія передамъ тебѣ слова Вѣры, Надежды и Любви. О, мой собратъ! не отвергай ихъ: кто вѣсть будущее? кто предскажетъ тебѣ грядущее? Бойся ихъ, мысли объ нихъ, и чтобы уменьшилась боязнь твоя и умилелась дума, готовь грядущему запасъ въ дни настоящіе. Царь премудрый не даромъ изрекъ: «Не хвалися о утрин, не въси бо, что родитъ находя день!» Кто вѣдаетъ: не днемъ ли гнѣва будетъ день, наступающій для тебя съ такими уопительными мечтами? А день гнѣва силенъ, по слову святому! Удѣли же мнѣ одинъ часъ, нѣсколько мгновеній, сынъ роскоши, нѣги и радостей, нѣсколько мгновеній немного, когда столько ихъ отдаешь ты суетѣ міра, услажденію чувствъ своихъ, мечтамъ обольщающимъ, столь часто обманчивымъ и измѣнчивымъ — удѣли ихъ мнѣ въ Новый Годъ... А ты, собратъ мой, ты, встрѣтившій Новый Годъ съ грустью, съ печалью — со слезами, можетъ быть, ты, чье сердце растерзано, духъ волнуется и разумъ возмущенъ — тебя призываю я къ сердцу моему: приди, побесѣдуемъ — будемъ хоть плакать вмѣстѣ! Раздѣленное и горе легче. Не найдетъ

ся ли у меня слова утѣшительнаго? Не пособить оно тебѣ, такъ хоть облегчить тяготу скорби твоей, бремя мечали твоей...

Сынъ счастья! и такъ ты *весело* встрѣтилъ *Новый Годъ*? А ты, скорбящій, тяжело встрѣтилъ его? Но знаете ли — я угадаю безъ словъ вашихъ, что у васъ обоихъ была одинакая мысль: и тотъ и другой, вы оба хотѣли, чтобы въ наступившемъ году *исполнились ваши желанія* — исполненіе желаній кажется вамъ обоемъ самымъ верховнымъ счастьемъ, самымъ высшимъ благомъ, первою радостью въ мірѣ. Счастье наше является намъ не полно, если нѣтъ ему прибавки въ исполненіи безпрерывно новыхъ желаній нашихъ. И люди усердно желаютъ другъ другу исполненія желаній — оно кажется имъ лучшимъ привѣтомъ, драгоценнымъ подаркомъ; лучше не могутъ они изъявить своего усердія ближнему. Они придумали даже остроумныя изъясненія, что «человѣкъ, лишенный желаній, есть человѣкъ, лишенный возможности быть счастливымъ»; что «въ безпрерывномъ стремленіи нашемъ, въ жадности ненасытимыхъ желаній нашихъ состоитъ жизнь наша, оказывается признакъ нашей дѣятельности жизненной.» Остроуменъ бываетъ человѣкъ, когда ему надобно что либо доказать или пояснить въ пользу свою. Такъ доказываютъ необходимость страстей нашихъ, называя ихъ вѣтрами, которые мчатъ наши челноки по океану жизни; такъ преступникъ находитъ себѣ извиненіе, говоря, что онъ былъ увлеченъ въ преступленіе непреоборимыми обстоятельствами. И все, даже самыя отвратительныя наклонности и самыя гибельныя отношенія наши умѣютъ оправдывать себя...

Нѣтъ, любезные собесѣдники! не послѣдую я общепринятому мнѣнію, не пожелаю вамъ въ *Новый*

Годъ исполненія всѣхъ и всяческихъ желаній вашихъ. И — пусть съ перваго слова моего не ужоу я вамъ, но не стану я говорить противнаго убъжденію совѣсти моей. За то въ Новый Годъ хочу я подарить васъ драгоценнымъ подаркомъ, важною тайною счастья человѣческаго. Мой подарокъ, моя тайна состоятъ именно въ противномъ тому, въ чемъ вы были убъждены донинѣ. Вотъ они: *Не желайте себѣ ничего, не просите себѣ исполненія желаній вашихъ.*

Слышу слова ваши: «Какъ? Не желать ничего и не просить, чтобы желанія наши исполнялись! Но, ты обрекаешь насъ на безчувствіе; живымъ дѣлаешь ты міръ могилою; отъемлешь у насъ дополненіе радостей нашихъ, утѣшеніе въ горестяхъ нашихъ!»

Нѣтъ, любезный собесѣдникъ! ни то, ни другое; напротивъ, я передаю тебѣ такое сокровище, которое радости твои сдѣлаетъ живѣе, горести сноснѣе, усладитъ душу твою и упрочитъ наслажденіе жизнью. Разсмотришь предметъ нашъ внимательнѣе.

Начнемъ съ того: *можетъ ли счастливить тебя то, что неисполнимо?* Желанія человѣческія безграничны и безконечны. Справься съ совѣстью своею, и ты согласишься со мною. Оглянись вокругъ себя и увѣрься, что нѣтъ богатствъ, нѣтъ почестей, нѣтъ радостей, нѣтъ наслажденій въ мірѣ, послѣ которыхъ человѣкъ рѣшился бы сказать: *Довольно! Ничего болѣе не желаю!* Перечитай лѣтописи всего міра и увѣрь себя, что желаніямъ человѣческимъ нѣтъ мѣры и предѣла, если только покорить имъ волю свою человѣкъ. Какъ страннику, восходящему на гору, непрерывно открываются новые виды, новый небосклонъ, такъ послѣ исполненія каждаго желанія нашего немедленно является желаніе новое. Да, и дожи-

дается ли челоѣкъ исполненія прежняго, дабы составить себѣ новое желаніе? Никогда! Волнамъ морскимъ, непрерывно бѣгущимъ одна за другою, волнамъ, которыя мчатся, разбиваются, пересѣкаютъ себя взаимно крутятся, движутся, безъ конца, волнамъ, морскимъ можно уподобить желанія челоѣческія! Каждая мысль, каждая минута поражаетъ ихъ, какъ солнечная теплота тучи насѣкомыхъ лѣтомъ, и они, какъ лдовитыя насѣкомыя, впиваются въ челоѣка, терзаютъ, мучатъ, губятъ его. Бывали примѣры людей, изъ ничтожества достигавшихъ высоты власти, и почестей — царскихъ вѣнцовъ, славы, побѣды, преобладанія міромъ, и — не было еще примѣра, чтобы и тогда остановился челоѣкъ. Величіе и слава не довольствовали никого — божеской почести, названія Бога желалъ иногда челоѣкъ въ своемъ безуміи, и терзался, видя, что мало ему цѣлаго міра для удовлетворенія еѣ желаній. Такъ видали мудрецовъ, мужей ученыхъ, терявшихъ умъ свой въ безконечности и ненасытности желаній. Сколько людей — не сотни, не тысячи, болѣе, гораздо болѣе — доводили желанія въ домъ сумасшедшихъ. Недовольный настоящимъ, только, переноса въ будущее жажда неутолимыхъ желаній, на минуту забывается челоѣкъ, и для того только, чтобы еще сильнѣе и ненасытнѣе жаждать и желать снова.

Видишь ли послѣ сего, любезный собесѣдникъ, тщету и бессмысліе желаній нашихъ? Но здѣсь еще не главное: *неутолимость желаній* не самая темная сторона ихъ: еще болѣе темны и страшны являются желанія наши, если сообразимъ, какъ безразсудны и безцѣльны они! Челоѣкъ, который въ прошедшемъ видитъ только ошибки и заблужденія свои; въ настоящемъ ежеминутно познаетъ недостатокъ разума своего, обманчивость чувствъ своихъ, пустоту надеждъ

своихъ; въ будущемъ не можетъ располагать ни единою минутою бытія своего, ни единою малѣйшею мыслью — простираетъ безконечно свои желанія, нигдѣ не ставитъ имъ предѣла, вмѣшивается въ таинственность судебъ Божіихъ, и — тяжко грѣшитъ, и дерзостью желаній и ропотомъ за неисполненіе ихъ. Безумецъ! еслибы иногда могъ ты видѣть, какъ пагубно иное желаніе твое, тебѣ самому, ближнимъ твоимъ, людямъ, общему благу—мысль твоя оледенѣла бы отъ страха и языкъ твой не нашелъ словъ выразить твое безразсудное желаніе...

«Но если желаніе мое доброе, если я желаю добра и блага?» возразишь ты. А гдѣ ручательство, что ты *хорошо понимаешь добро и благо*, тобою желаемыя, и что истинно *благо и добро принесетъ желаніе твое*, а не зло и пагубу? Или Творецъ призывалъ тебя въ советъ свой, или ты усомнился уже въ *Его мудрости и благодати*, что осмѣливаешься предупредить тайны судебъ *Его своимъ желаніемъ*? Разгадаешь ли ты непостижимость божественныхъ предначертаній, искони до вѣковъ уже предположенныхъ, и думаешь ли ты слабымъ разумомъ своимъ замѣнить премудрость Непостижимаго?

Предчувствую сильнѣйшее возраженіе твое: «Какъ лишиться мнѣ желаній моихъ, если иногда только они и могутъ во многомъ утѣшить, усладить меня? Могу ли *всегда* отъ нихъ отказываться? Неужели даже и въ тяжкой скорби моей не пожелать мнѣ переменъ? Неужели и отцу семейства, умирающему среди неутѣшнаго, беспомощнаго семейства, не пожелать жизни и здоровья? Неужели матери, въ глазахъ которой погасаетъ жизнь милаго сына ея, не пожелать ему возстанія съ одра смерти на счастье и радость?»

Да, если гдѣ простиительно желаніе, такъ здѣсь; но и здѣсь, что доказываетъ оно? Только слабость нашу, маловѣріе наше, тщету нашу; доказываетъ, что всякому свое горе бываетъ столько же тяжело, сколько легко чужое горе, что каждому изъ насъ своя рана больше, когда чужая причиняетъ только малую скорбь и возбуждаетъ только легкое сожалѣніе. Здѣсь страдаемъ мы, страдаетъ личность наша, и потому все намъ кажется такъ страшно, тяжело и невыносимо. Какъ легко высыхаютъ слезы наши, когда мы плачемъ о бѣдствіи ближняго! Сколько утѣшительныхъ рѣчей находимъ мы, когда бѣдствіе постигло чуждаго намъ человѣка! Что же? Развѣ все изменилось въ порядкѣ природы, развѣ превратились судьбы Божіи изъ благихъ въ злыя, едва только тебя коснулось бѣдствіе, твой сынъ умеръ, твоя семья остается безпомощною при твоей смерти? Гдѣ же дѣвалось краснорѣчіе, которымъ такъ щедро утѣшались другіхъ въ бѣдствіи? Гдѣ твѣ спасительныя надежды на провидѣніе Божіе, которыми подкрѣплялъ ты ближняго въ горѣ и печали его? Почему здѣсь начались у тебя сомнѣнія въ премудрости Божіей, руководящей всѣ дѣла твои? Куда дѣвались вѣра и увѣренность твоя въ Бога, любовь и милость Его?... Человѣкъ слабый! согласишься лучше, что здѣсь желаніе твое есть доказательство только слабости, маловѣрія, тщетной мудрости, которая такъ сильна и могуча, когда худо нашему ближнему и хорошо намъ, и такъ безсильна и ничтожна, когда перстъ судьбы коснулся насъ, и громъ разразился надъ нашею головою. Сколько, даже слабымъ умомъ нашимъ, находимъ мы оправданій судьбамъ Бога, если — даже и безъ вѣры, но — хладнокровно можемъ рассуждать, выводя, что самое кажущееся зломъ есть въ сущности добро совершенное!

Но, впрочемъ, кто и мѣшаетъ тебѣ создавать

безпрерывно новыя желанія, желать, желать и желать безпрестанно, обманываться, скорбѣть при неисполненіи и утѣшаться новымъ желаніемъ? Воля полная, любезный собесѣдникъ! Но разсуди, что изъ того слѣдуетъ? Не выдумываешь ли ты только вящихъ огорченій самому себѣ? Не терзаешь ли только ты себя мнимыми потерями и утратами, когда и съ настоящими столь тяжело управиться? Можешь ли ты подвинуть хоть что нибудь въ дѣль Провидѣнія? Всѣ желанія твои отвращаютъ ли отъ тебя и самыя малыя и самыя великія событія въ жизни твоей? Нимало и никогда. Что же ты дѣлаешь? Бросаешься въ море безпредѣльное, хочешь наполнить пронасть бездонную, когда еще самъ ты не знаешь: на добро или на зло самому себѣ желаешь ты того или другаго, и когда притомъ желаніе твое означаетъ дерзкое возстаніе противъ воли Божіей, сомнѣніе въ премудрости и любви Его къ тебѣ — паденіе въры твоей въ Него...

Нѣтъ! разсуди, любезный собесѣдникъ, разсуди, разсмотри основательнѣе и глубже, и увѣрься, что самое счастье твое требуетъ прежде всего — *отреченія отъ ненасытныхъ желаній твоихъ*. Не создавать желанія, и въ игрѣ ихъ находить себѣ мнимое утѣшеніе долженъ ты, но — покорно принимать то, что угодно будетъ Богу даровать тебѣ; не хотѣть исполненія желаній своихъ надобно тебѣ, но предаваться волю Бога, и изъявляя желаніе счастья своему ближнему, не говорить объ исполненіи его желаній, но *желать ему счастья, какое Богу угодно будетъ даровать*, по безконечной Его премудрости, по неизъяснимой Его благодати, по безпредѣльной любви Его къ намъ!

Любезный мой собесѣдникъ! не всякій ли день повторяешь ты въ молитвѣ своей: *Отецъ нашъ!* да

будетъ воля твоя! Что же значить молитва твоя, если сотворивъ ее, ты уже мгновенно и нарушаешь ее, создавая себѣ желанія, прося объ исполненіи ихъ, сътуя при неисполненіи? И неужели никогда не пришло тебѣ на мысль, что такимъ образомъ уста твои говорятъ одно, а сердце твое ощущаетъ другое? И молитва твоя, чѣмъ она дѣлается? Ложью и кощунствомъ, если не оправдывается твоими дѣлами и твоими мыслями. *Да, святится имя Твое!* говоришь ты Отцу Небесному, но *святить* имя Небеснаго Отца нашего можемъ мы только вѣрою, упованіемъ, преданіемъ себя въ волю Его, устами, сердцемъ и дѣлами возглашая къ Нему: *Да, будетъ воля Твоя, и на небесахъ и на земль!*

Вспомнимъ, когда приближалось совершеніе страшнаго чуда, наступала минута спасенія нашего, когда померкало солнце, тряслась земля, и мертвые вставали изъ гробовъ своихъ, когда — *умиралъ на крестъ Владыка Смерти* — вспомнимъ, какъ приближаясь къ сей минутѣ молился Онъ кровавыми слезами, говорилъ недоумѣвающимъ ученикамъ Своимъ: «Прискорбна душа моя!» и вопіялъ къ Отцу Небесному: «Отче мой! если возможно, да мимо идетъ чаша сія,» и дополнялъ молитву Свою словами: «Но, да будетъ, не яко же я хощу, но яко же Ты — *буди воля Твоя!*» Такова была молитва Богочеловѣка, такова, да будетъ и наша молитва, любезный собесѣдникъ мой, даже въ самыя тяжкія минуты испытанія, когда желаніе кажется всего простибельнѣе нашей слабости, когда сердцу нашему недостаточно настоящаго, когда отчаяніе готово овладѣть душою нашею, когда все, что имѣемъ, все, чѣмъ обладаемъ, готовы мы отдать за исполненіе желанія нашего. Пусть тогда-то и познается христіанинъ, пусть тогда-то и укрѣпитъ онъ сердце вѣрою, и сквозь слезы, сквозь вздохи возне-

сеть моленіе къ Богу: «*Отецъ нашъ! да будетъ воля Твоя!*»

О, сколь счастливымъ почелъ бы я себя, мой любезный собесѣдникъ, еслибы бесѣда наша съ тобою вразумила тебя, что не только въра христіанина, но самое достоинство чловѣка должно научать насъ, прежде всего, отказываться отъ желаній нашихъ, укрощать ихъ, считать ихъ сѣтью, которою уловляются гордость наша, страсти наши, слабость наша! Тогда, тогда я истинно подарилъ бы тебя сокровищемъ безцѣннымъ, открылъ тебѣ великую тайну: счастья нашего на землѣ. Тогда ты вынулъ оцѣнилъ бы настоящее благо, которымъ обладаешь, видѣлъ въ потерь его урокъ испытанія твоей вѣры, и твердо взиралъ въ будущее, какъ на море пространное, по которому безопасно поплыветъ челнокъ твой, когда будутъ кормчимъ его упованіе на Бога, якоремъ въ буряхъ Вѣра, и среди самой погибели спасеніемъ будетъ сознаніе, что ты былъ доволенъ благами жизни, которыя Богу угодно было даровать тебѣ, что ты не мѣнилъ ихъ на суету желаній, не увлекался мечтою будущаго, пренебрегая настоящимъ. — «Но если настоящее мое тяжело и горестно?» скажешь ты. — Пусть такъ, но могли ль усладить его твои желанія, и еще болѣе: могли ль они измѣнить его? И признайся притомъ: неужели такъ уже была безотраднa вся жизнь твоя, что *ничто и никогда* въ ней тебя не радовало? Полно, не отъ того ли, что ты *не умѣлъ и не хотѣлъ* довольствоваться тѣмъ, что у тебя было, что ты непрерывно стремился къ лучшему и большому, по крайней мѣрѣ, къ тому, что тебѣ мечталось лучшимъ и большимъ, ты губилъ радости жизни твоей, счастье дней твоихъ? И здѣсь, желанія, ненасытныя желанія были твоими врагами и пагубными твоими советниками!...

Если мудрость міра сего будетъ внушать тебѣ, что отказаться отъ желаній своихъ значить обречь себя на томительное безчувствіе; что услаждаться только настоящимъ значить сдѣлаться своекорыстнымъ себя-любомъ; что отражать самыя скорби свои только хладнокровнымъ терпѣніемъ, значить обманывать себя гордостью древнихъ Стоиковъ, и что наконецъ чело-вѣку невозможно не молить Творца исполнять его желанія, ибо чело-вѣку даны воля и свобода дѣйство-вать, а мы хотимъ обречь его на покорность какому-то хладному предопредѣленію, за которое не смѣютъ преступать желаніе и воля чело-вѣка... какъ ошибочны подобныя сужденія, какъ превратны такіа истолкованія!

Развѣ, увѣщевая чело-вѣка умѣрить порывы желаній своихъ, отказаться отъ мечтательныхъ стремленій да-лѣе настоящаго, далѣе того, гдѣ онъ находится, мы осуждаемъ его на окаменѣлость чувствъ и мыслей? Развѣ, советуя ему быть довольнымъ въ настоящемъ, ему советуютъ держаться *только за настоящее*, въ немъ видѣть все свое добро и благо? Развѣ, указывая ему на неизмѣняемость недовѣдомыхъ намъ судебъ Божіихъ, отнимаютъ у него разумъ и волю? Нѣтъ и нимаго! Не грозную судьбу Древнихъ, не безчув-ствіе воли народовъ Востока означаетъ наше требо-ваніе предаться волѣ Божіей — нѣтъ! свободное и несомнительное разумѣніе, что надъ нами есть Бо-жественное Провидѣніе, для Котораго не только наша жизнь, но жизнь царствъ и народовъ, нашего міра, цѣлой вселенной, всѣ вѣка, протекшіе отъ мірозданія до нынѣ, и всѣ которые протекутъ послѣ насъ въ вѣчность — *ничто*, менѣе нежели ничто предъ нами, и, слѣдственно, въ десницѣ Котораго заключены всѣ жребіи, все что *было, есть, будетъ*, судьба судебъ, начало концовъ и концы началъ. Но кто разгадалъ:

какимъ образомъ соединены безконечное съ столь малымъ и конечнымъ, вѣчное съ столь временнымъ, все-содержащее съ столь малообъемлющимъ? И тамъ, гдѣ трепещетъ и затмѣвается всякое человѣческое разумнѣе, какъ Израиля въ пустынь предводилъ столпъ огненный, предводити и освѣщаетъ насъ *вѣра*. Но, она *огнь свѣтлящій*, если мы безпредѣльнымъ благоговѣнїемъ объемлемъ ее, и только темное облако, если мы хотимъ проникнуть въ нее свѣтомъ безсильнаго ума нашего. Но ума нашего достаточно однакожь обозрѣть: *что мы здѣсь, для чего мы здѣсь и къ чему?* И Вселюбящій не во мракъ оставилъ Свое созданіе, вѣнецъ Своего творенія на землѣ: Онъ указалъ намъ путь, сказалъ, *чего требуетъ отъ насъ*, говорилъ и о томъ, *что насъ ожидаетъ*. Указалъ, сказалъ, рекъ — и предоставилъ человѣку волю и свободу, далъ ему умъ и совѣсть, вложилъ въ сердце его мысль добра, да идетъ путемъ судьбъ Божїихъ! Кому связаны умъ на познаніе и сердце на любовь? И кому въ то же время отказана свобода дѣйствовать, совершенствовать себя во славу Бога? Человѣкъ! подумалъ ли ты о томъ, не создавая еще суетныхъ желаній своихъ, подумалъ ли о томъ: *все ли выполнилъ ты, въ томъ мѣстѣ, въ томъ времени, въ томъ призваніи, гдѣ ты поставленъ?* Возблагодарилъ ли ты, прежде всего, Создателя твоего, за жизнь, которую Онъ даровалъ тебѣ? Старался ли ты уразумѣть чудеса, которыми Онъ окружилъ тебя? Исполнилъ ли ты все то, что предписываетъ тебѣ законъ Его, внушаетъ тебѣ умъ твой, подсказываетъ твое сердце, одобряетъ твоя совѣсть? Рабъ лѣнивый! не скрылъ ли ты въ землю сокровища, тебѣ даннаго? Въ несчастїяхъ твоихъ видѣлъ ли ты напоминанія Божїи, призывъ опомниться, испытаніе вѣры твоей? Божественный законъ воспрещаетъ тебѣ отвратительное чувство своекорыстія, предписываетъ тебѣ *любовь къ ближнему, какъ къ*

самому себѣ, любовь къ самымъ врагамъ твоимъ; говорить, что любовь христіанская велить тебѣ полагать душу твою за ближнихъ твоихъ; и умъ твой тому же научаетъ тебя, и сердце твое тоже твердить тебѣ: спроси же совѣсть твою, не укорить ли она тебя, что ты не внимаешь уму и заглушаешь голосъ сердца! Ты стремишься впередъ, ты желаешь новаго для добра и блага — положимъ, но исполнилъ ли ты все вполнѣ тамъ, гдѣ ты теперь? Тебѣ малъ, тебѣ тѣсенъ кругъ твоего дѣйствія? Несчастнѣй! а подлѣ тебя плачущій ближній, а подлѣ тебя пренебреженныя обязанности семьянина, гражданина, чловѣка; твой умъ гибнетъ въ сомнѣніяхъ; въ твоёмъ сердцѣ змѣя гордости и на языкѣ твоёмъ слово притворства! За протекшій день не смѣешь ты отдать самому себѣ отчета, а смѣешь требовать суда и осужденія другихъ! Ты дерзаешь даже сомнѣваться въ премудрости Творца, потому, что слабый умъ твой, отуманенный страстями, обуреваемый желаніями, мчитъ тебя всегда за предѣлы настоящаго, влечетъ тебя въ пучины мечтаній... О, не коварствуй, по крайней мѣрѣ, съ самимъ собою! Ты можешь обмануть людей, но Бога не обманешь, не обманешь и своей совѣсти! Какъ ни заглушалъ бы ты голосъ ея, онъ не умолкнетъ, и напрасно будешь ты прикрывать именемъ мудрости буйные порывы твои и ненасытныя пожеланія! Вспомни слова святыхъ: «Свыше Премудрость, прежде всего чиста, потомъ мирна, кротка, благопокорлива, исполнена любви и плодовъ благихъ, несомнѣнна и нелицемѣрна.»

Не къ тебѣ, мой любезный собесѣдникъ, обращаю рѣчь мою. Увѣренъ, что въ чистотѣ и смиреніи сердца твоего, ты сознаешь истину словъ моихъ, которыя не отъ себя изношу я, но отъ закона провидѣнія и созерцанія дѣлъ міра сего — нѣтъ! обра-

*

щаю слова мои къ тѣмъ, кто не только самъ неидеть стезею правды, но и другихъ соблазняетъ во имя гордаго ума человѣческаго! Блюдитесь зла, но не менѣе блюдитесь лукаваго мудрованія. Кичить мудрость человѣка и губить. Многихъ погубила надежда на суетное самопознаніе, ибо, прикрывая ухищреніемъ слова безумія, они себя влекли въ пагубу, увлекли и другихъ. Не требую, да повѣришь безсмысленно и моимъ словамъ: разсмотри ихъ, взвѣсь, изслѣдуй, и рѣши самъ. Но, да будетъ тебѣ руководительницею не суетная мудрость мірская; проси премудрости отъ Бога, той премудрости, начало которой *страхъ Господень*, и которая прежде всего научитъ тебя покорять желанія свои волю Божіей, въ скорбяхъ пошлетъ отраду Вѣры, въ печаляхъ освѣжить рососою Надежды, и научитъ тебя понимать все величіе смиренія, которое возносить Богу молитву: *Отецъ нашъ! да будетъ воля Твоя!*

Братъ мой! да, будетъ мнѣ Богъ свидѣтелемъ, что добра твоего желая, говорю я тебѣ, и повѣрь, что тяжкимъ опытомъ купилъ я то, что здѣсь передаю тебѣ. И я обуревался нѣкогда несатыми желаніями, мѣнялъ ихъ, ропталъ на несбыточность ихъ, и недовольный ничѣмъ, стремился только къ будущему — тамъ видѣлъ все, не заботился о прошедшемъ, не мыслилъ о настоящемъ! И не слѣдствіемъ только малодушной робости было наконецъ отреченіе отъ змій ненасытнаго желанія, терзавшихъ меня — нѣтъ! оно было слѣдствіемъ глубокаго убѣжденія, что если и мнѣ доставались на долю страданія, то безумными желаніями умножалъ я скорбь ихъ, а радости, какія Богу угодно было посылать мнѣ, казались мнѣ малы и недостаточны, ибо далеко не соответствовали мѣрѣ ожиданій и желаній моихъ. Съ преданіемъ себя въ волю Божію, сердце человѣческое получаетъ неизъяснимую и неоцѣнимую сладость тишины и душевнаго спокойствія. Отягчен-

ная мечтами голова челоѣка, какъ будто склоняется тогда на лоно отца, будто младенецъ успокоивается въ колыбели, и какъ будто ангель-хранитель становится тогда подлѣ насъ, и сладостная роса Вѣры, Надежды и Любви освѣжаетъ сердце, дотолѣ палимое жаждою неутолимою и непрерывною! Довольный настоящимъ, довольный тѣмъ, что Богъ послалъ тебѣ, исполняй то, что дано тебѣ исполнить въ настоящемъ, и съ какой свѣтлой стороны будешь ты смотреть на мѣръ, удаляя отъ него туманъ суетъ несбыточныхъ, съ какимъ наслажденіемъ будешь ты принимать «всякъ даръ», какъ отъ Бога посылаемый и надежный, ибо не самъ ты просилъ его, но Отецъ Небесный, о тебѣ промышляющій, ниспослалъ его тебѣ, Онъ, изрекшій, что отъ Его всемогущества «всякое даяніе благо.» Не о томъ будетъ тогда забота наша, чего желать, но о томъ, чтобы приготовиться къ принятію даруемаго Богомъ, ибо кому Онъ даетъ, отъ того и потребуетъ, и чѣмъ болѣе кому дано, тѣмъ болѣе отъ того требуется.

Мой любезный собесѣдникъ! согласенъ ли ты со мною? И если согласенъ, вознесемъ вкупѣ голосъ нашъ къ «Отцу нашему, иже есть на небесахъ», не о томъ, чтобы въ наступающій Новый Годъ исполнялъ Онъ желанія наши, но помолимся Ему словами молитвы, Имъ данной намъ: *Отецъ нашъ! да будетъ воля Твоя!*

Но, понимаешь ли, любезный собесѣдникъ, какія обязанности принялъ ты на себя, если сія молитва твоя не была только устами твоими произнесена, но исходила отъ сердца, была воплемъ изъ глубины души твоей? Вспомни, что молитву твою слышалъ Богъ! Сею молитвою, ты обязался святить дѣлами и жизнью своею имя Его, повиноваться волѣ Его, какъ царя и владыки твоего; умоляя Его только о насущ-

номъ, ты умолялъ Его оставить долгъ твой Ему, оставляя въ свою очередь и твоимъ должникамъ; обещалъ удалаться отъ искушений лукаваго, моля Его избавить тебя отъ нихъ.

Такъ, и — да, не будетъ молитва наша тщетнымъ глаголомъ, любезный братъ мой, помысли теперь, при началъ Новаго Года: нѣтъ ли въ душѣ твоей чего такого, что не святитъ имени Господа твоего? Имя его святятъ Вѣра, Надежда и Любовь. Крѣпка ли Вѣра твоя, чиста ли Надежда твоя, безпредѣльна ли Любовь твоя? — Далѣе: готово ли сердце твое повиноваться Богу твоему во всемъ, вездѣ и всегда? Вѣдь ты не знаешь: можетъ быть, сей наступившій Новый Годъ будетъ для тебя тяжкимъ годомъ бѣдствій? можетъ быть, въ сей годъ отъ сердца твоего будетъ оторвано бытіе, драгоценное тебѣ болѣе твоего собственнаго, богатство твое исчезнетъ, слава твоя предана будетъ неумолимому позору? Блюдись и сознай: готовъ ли ты встрѣтить все, и тогда сказать также, съ такою же вѣрою, съ какою теперь, довольный и счастливый, произносишь ты: «Отецъ мой! да будетъ воля Твоя!» Долгъ нашъ предъ Богомъ — увы! никогда неоплатимый долгъ — но, братъ мой, воздадимъ хоть часть его отпущеніемъ долговъ должникамъ нашимъ. Подумай: не таятся ли въ душѣ твоей мщеніе и злоба кому нибудь? не хранишь ли ты памяти обиды чьей либо? не сокрывается ли въ изгибахъ сердца твоего червь зависти?... О, братъ мой! обнови храмъ сердца твоего съ Новымъ Годомъ — вспомни, что къ алтарю молитвы должно подходить только съ чистымъ сердцемъ, и если ты даже принесъ жертву свою на алтарь и вспомнилъ, что не примирился съ кѣмъ либо, ты долженъ оставить жертву твою, идти и примириться, и тогда только жертва и молитва твоя не будутъ отвергнуты,

какъ жертва и молитва злобнаго Каина. Тогда услышитъ тебя Отецъ Небесный, не введетъ во искушение и избавитъ отъ лукаваго! Подумай и о томъ: въ томъ ли только долгъ твой, что ты не прощаешь обиды другаго, а самъ ты не нанесъ ли кому обиды? И если у тебя есть лишнее, вспомни: не найдутся ли такіе, у которыхъ и необходимаго нѣтъ — отдай же черезъ нихъ въ заемъ Богу, хоть излишекъ твой, хоть то, что тебѣ самому ненужно! Только съ такими условіями можешь ты просить *благословенія Божія*, и предать себя *волю Его* пресвятой и преизобилующей милостію и любовью.

Братъ мой! последнее слово бесѣды нашей: подумай — всѣ ли теперь на лицо изъ тѣхъ, съ кѣмъ за годъ прежде встрѣтилъ ты *день Нового Года* въ истекшемъ году? — Осмотрись окрестъ себя: можетъ быть, не одного изъ нихъ ты не досчитаешься нынѣ, не одного изъ тѣхъ, кто за годъ прежде былъ юнъ, доброзраченъ, обиленъ благами. Что, если *нынѣшній годъ твоя очередь*? Бди и блюдись: никто не вѣдаетъ, что родитъ грядущій день, подумай о томъ: застанетъ ли тебя готовымъ то мгновение, когда преходящее начнетъ исчезать передъ тобою, и вѣчность откроетъ тебѣ путь невозвратимый! Готовъ ли ты и тогда изречь: *Отецъ мой! да будетъ воля Твоя....*

ФІЛОСФІИ П—ВЪ.

=

II.

ПИГМАЛИОНЪ.

—
 ФАНТАЗИЯ.
 —

I.

И пиръ шумѣлъ — полны виномъ,
 Кипѣли чаши золотыя;
 За пышнымъ пиршесшва споломъ
 Сидѣли госпи молодые.
 Воспоргъ на лицахъ ихъ блиспаль,
 Лилися рѣчи ихъ волнами,
 И жаръ любви одушевлялъ
 Ихъ прихотливыми мечшами.
 Обнявъ горячею рукой,
 Имъ дѣвы радости внимали,
 И дружно въ даръ любви земной
 Оспрадный кубокъ наливали.
 И взоръ гостей горѣлъ огнемъ,
 Свояшра на дѣвъ, Эдема краше,
 И звонко, полныя виномъ,
 Сшибались радостныя чаши!

А Царь пошупилъ взоръ къ землѣ:
 Одинъ лишь онъ не веселился.
 Вѣнокъ изъ миршогъ на челѣ,
 Но, подъ вѣнкомъ — шоска гнѣздишся.
 Напрасно, спрасшю горя,
 Поюшгъ любовь младыя дѣвы:
 Неносшижимы для Царя
 Ихъ прежде милые нацѣвы!

Разсѣйше, дѣвы, спроси сонъ!
 Разбейше радосныя чаши!
 Не упадешъ Пигмалюнь
 На перси облачныя ваши!
 Спѣвшише дымкой завернушь
 Роскошно дышащую грудь!
 Вамъ не превлечъ его учасья,
 Вамъ не разжечъ его крови:
 Не пылъ земнаго сладоспрасья,
 Въ его душѣ — огонь любви!

Свѣнилѣшъ пирь... пѣвцы гремящъ,
 Сверкающъ чаши золошья...
 И нѣгой роскоши горящъ
 Небрежно дѣвы молодыя!
 Глаза смыкаешъ спроси сонъ,
 Надъ ними вѣшъ упоенье...
 А Царь? — Давно ужъ вышелъ вонъ —
 Его зовешъ уединенье!

II.

Волнуешя море пѣвучей волной
 Въ лучахъ огневаго закаша;
 Какъ рыцарь, блестящъ вороненой броней,
 Сверкаешъ, какъ змѣй, золошой чешуей,
 И спелешя нивой богашой!

Тамъ парусъ, какъ шица, надъ бездною скользишъ,
 Тамъ облако по небу рѣшъ;
 Тамъ — гдѣ-шо... далеко... звукъ пѣсни лешиншъ —
 И пальма, какъ арфа, звучишъ и шумишъ,
 И роза багрянцемъ алъешъ!

* * *

Но вошь и день уснулъ въ волнахъ,
 Какъ будшо въ колыбели,
 И звѣзды въ синихъ небесахъ
 Какъ очи засвѣплѣли:
 Мерцаешъ западъ одинокъ
 Блѣднѣющимъ пожаромъ,

И шихо, шихо въперокъ
Вздыхаетъ подь чинаромъ.

III.

Надъ царскимъ садомъ, молчаливо,
Плыветъ луна средь облаковъ,
Скользя опаловымъ опливомъ
По свѣжей зелени луговъ.
Дымяшся легкіе шуманы,
Съ пѣшовъ клубишся оиміамъ,
И ронцуютъ звучные фоншаны
И рвушся къ синимъ небесамъ.
Темнѣетъ лѣсъ — синѣютъ горы —
Во всей природѣ спраситъ и лѣтъ —
И шихо зыблюшъ сикоморы
Свою мечшашельную шѣнь!

Передъ фоншаномъ, Царь печальный,
Главой поникнувши, сидишь,
И шочно пѣсню погребальной
Фоншанъ серебряный журчишь,
Жемчужной пѣною роскошенъ....
Печаль въ душѣ — шоска въ очахъ,
Съ главы вѣнокъ веселья сброшенъ,
Лежишь, забышь въ его ногахъ!
Вокругъ все жизнью расцвѣшаетъ
И сердцу бишься шакъ легко;
Прекрасенъ міръ.... но, далеко
Царь грусиной думою лепашетъ!

О чемъ грусишишь Пигмаліонъ?
Какимъ окованъ онъ спраданьемъ?
Или прошедшей спрасши сонъ
Его шомашъ воспоминанемъ?
Зачѣмъ горишь душа его?
О чемъ печальный Царь мечшашетъ?
Иль о звѣздѣ, шчо на него,
Какъ на любимца своего,
Лучи привѣшные бросаешъ?

Нѣшь! не звѣзда его манишь:
 Въ его душѣ, какъ лучъ прекрасный,
 Любовь безумная горитъ,
 И какъ цвѣшокъ порой ненастной
 Безъ солнца вынешь и грустишь.
 А какъ прекрасны дѣвы Тира!
 Какая нѣга въ ихъ очахъ,
 Когда фіаль, вѣнки и лиру
 Любви прекрасному кумиру
 Приносятъ въ жершву на пирахъ!

Нѣшь, нѣшь! клянусь косою Крона,
 О, дѣвы юныя мои!
 Вамъ не привлечь Пигмаліона
 Въ объятія жаркія свои!
 Не чистой спрасши вдохновенье
 Васъ нѣгой сладостной поминь:
 Земная жажда наслажденья
 Въ лобзаньяхъ вашихъ говоришь!
 Онъ ищетъ сердце и участья,
 Онъ ищетъ неба на землѣ...
 И шолько чувствую сладостраснья
 У васъ встрѣчаешь на челѣ!...

И полною грусти и тревоги,
 Невольной силой увлеченъ,
 Въ свои безмолвные чертоги
 Идешь одинъ Пигмаліонъ.
 Синѣешь лѣсъ, темнѣюшь горы,
 Во всей природѣ спрасшь и лѣнь,
 И шихо зыблюшь сикоморы
 Свою мечпашельную шѣнь!

IV.

Чертогъ Царя безмолвенъ, шихъ, и мнѣшия,
 Какъ великанъ минушнимъ сномъ уснулъ.
 И все молчишь! Лишь нзрѣдка дощичися
 Веселый кликъ и пированья гулъ.
 Луна съ высошъ лазурныхъ небосклона
 Льещъ на него свѣшь вдохновенный свой;

Въ ея лучахъ бѣлѣшся колонна
И мрачный сфинксъ глядишь какъ бы живой.
Его чело угрюмое свѣшлѣнь,
А шамъ — вверху подъ сводами шемно,
И въперъ южной ночи вѣшь
Такъ упоительно въ окно!

Но на спѣнѣ шѣнь чья-шо шевелилась:
То грустный Царь въ раздуми ходилъ;
Люби, иль смерти онъ просилъ,
И ожиданіемъ душа его помилась.
Какой-шо чародѣйный сонъ
Надъ нимъ, какъ шѣнь, неслышимо носился
И нѣжилъ духъ... И вопъ Пигмаліонъ,
Какъ разгромятъ, осшановилоя.

Предъ нимъ — вся прелесши полна,
О жизни и спраспяхъ шоскуя,
Луны лучемъ озарена,
Сшопишь прекрасная сшашуя!

О, что съ шобою, бѣдный Царь?
Иль шы узналъ въ бездушномъ изваяньи
Свою мечшу — кошорой на алшарь
Все сердце, душу, всѣ желаньи,
И сполько думъ, и сполько слезъ
Ты въ жершву. чисшую принесть?

И увлеченъ какой-шо дивной силой,
Онъ къ ней и взоръ и душу приковаль;
Сшашуи ликъ шакъ радосшно сіяль —
И на колѣни Царь унылый
Предъ дѣвой каменной упаль.

V.

И жаркія слезы на мраморъ холодной
Текли и лилися рѣкою свободной,
Сшашую въ объашьяхъ Царь крѣпко сжималь
И въ хладныя очи, въ уша цѣловаль.
Онъ жадалъ кипучую жажду спраданыя,
И жизнь, и восшорги излишь въ изваянье,

И пламень лобзанья, и горещи кликъ
Могучею силой въ спашуя проникъ!

VI.

И подъ огнемъ палящимъ поцѣлуя,
Новорожденна и свѣшла,
Его прекрасна спашуя
Для новой жизни ожила!
Всѣ ощущенія волнами
Въ нее кипучими влились,
Большими, яркими звѣздами

Глаза небесные заглясь.
И яркимъ пурпуромъ покрывши,
Пылая спрасшью неземной,
Зардѣлись блѣдныя ланнишы
Румянцомъ жизни молодой.
И сердце, полное помленья,
Воспорговъ нѣги и любви,
Для новой жизни наслажденья
Забилось въ мраморной груди!
И вошь она — безъ покрывала,
Любовью чистую горя,
Сошла живая съ пьедестала
Въ объятія грушнаго Царя!

VII.

Царь изумленъ — и наслажденьемъ
Душа поскливо замерла,
Когда съ любовью и помленьемъ
Его спашуя обняла!
О, сколько нѣги, чарованья
Въ ея лобзаньяхъ огневыхъ!
Въ нихъ нѣсть пресшупнаго желанья,
Нечиспыхъ помысловъ земныхъ;
И Царь впервые поспигаешь
Любви свяшую чистошу —
И мѣсяцъ ярко озаряешь
Счастливицовъ юную чешу!

И изъ обихели изгнанья
Ихъ души въ небо унеслись,
Когда ушла въ одно лобзанье
Какъ рифмы звонкія слились!

VIII.

На жизненномъ пуши печально я иду,
О счастья мечшая и горяю;
Въ какой спрантъ, когда жъ себя найду,
Моя прекрасная спашуя!
Гдѣ ты цвѣшешь? Какими небесами
Любуешься въ безмолвіи ночей?
Моей ли родины звѣздами
Иль небомъ родины своей?

Не Сѣверъ ли холодный и шуманный,
Въ снѣгахъ взлелѣяль для любви?
Иль Юга вѣшрь благоуханный
Взвѣваетъ локоны свои?

Гдѣ плачешь ты о горести жишейской?
Гдѣ лавръ цвѣшеть Торквашова вѣнца,
Иль гдѣ звучать волной Эгейской
Рапсодіи Хюсскаго слѣнца?
Или не знаю я, но вѣрю въ упованье,
Что я найду себя когда нибудь;
И счастья жизни ожиданье
Не даромъ брошено мнѣ въ грудь.

Найду, и обниму тебя, и расцѣлюю,
Согрѣю грудь холодную твою —
И всю тебя, прекрасную спашую,
Своей душой одушевлю!

Но жизнь идешь — уходишь — я шоскую,
И съ думами за нею вслѣдъ иду.
И, можешь бышь, надъ гробомъ лишь найду
Свою холодную спашую!

ПЕРОНИМЪ ЮЖНЫЙ.

=

III.

П Ъ В Ц У

ЕВРЕЙСКИХЪ МЕЛОДИЙ.

Когда, избранникъ неба, ты,
 Измученъ сердцемъ и угрюмый,
 Покинувъ царство шемноты,
 Твоею созданное думой,

На високахъ земли свяшой
 Являлся съ лирою своею —
 Какъ ты великъ! какъ предъ побой,
 Невольно я благоговѣю!

Среди пророческихъ могилъ,
 Ты, будто моря опзывъ бурный,
 Пѣвца Эговы воскресилъ
 Давно умолкнувшія струны!

И слухъ склонялъ къ шебѣ Сіонъ!
 Но въ дикихъ звукахъ пѣснопѣнья,
 Не гимны славы слышалъ онъ,
 Но пѣснь печальнаго паденья!

Пришельца дальныхъ, дикихъ мѣстъ
 Онъ слышалъ вопль неумолимый,
 Какъ воли чадъ своихъ, окрестъ
 Пылавшаго Иерусалима!

Тотъ край родной швоимъ мечшамъ
 Своей красою погребальной...
 Тамъ всюду шихо! всюду шамъ
 Оцущошенья слѣдъ печальной.

Ливанъ заглохъ. На високахъ
 Сыновъ Египша слышны клики!
 На Иорданскихъ берегахъ
 Пасешъ Арабъ верблюдовъ дикихъ!

Средь зеленѣющихъ долинъ,
 Подъ снѣю пальмъ уединенныхъ,
 Свирыый рыцешъ Бедуинъ,
 Жилецъ Солима спѣнь священныхъ....

То судъ небесъ! въ Иерусалимъ
 Несясь болѣзненной мечпою,
 Тамъ, подъ унынемъ свяшымъ,
 Переродился шы душою....

Какъ бысрый вихрь, погда мечпой
 По горнимъ рѣвшій равнинамъ,
 Скрыжали шайны не земной
 Ты взоромъ пролетѣлъ орлинымъ.
 Чшо здѣсь оплакала любовь,
 Похишилъ гробъ у дружбы вѣрной, —
 На берегахъ безмершья вновь
 Въ красть шамъ видѣлъ шы нешлѣнной
 И слышалъ гласъ съ свяшыхъ высотъ.
 Душа швоя была въ покоѣ —
 Ясна, какъ лоно зыбкихъ водъ,
 Зарей вечерней облишое!

О, дивный неба сынъ! шы былъ
 Проникнушь горнимъ вдохновеньемъ,
 Но демонъ мрака свѣшъ зашмилъ,
 Въ шебъ зажженный Провидѣнемъ!

Когда бы, мощный, побороль
 Ты духомъ вѣры мраки ночи,
 И проникашья очы
 Ты къ свѣшу вѣчному возвелъ —

Никто шебя доспойнѣй слова
 Гремѣшь не могъ бы на спрунахъ,
 Гремѣвшихъ древе, шамъ въ снѣнахъ,
 Чшо славой ошнлалъ Эгова!

И. ГОГНИЕВЪ.

—

IV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

ГАЙДАМАКЪ.

I.

Въ глуши Украинскихъ шепей,
 За быстрою Днѣпромъ рѣкою,
 Подъ сѣнью вѣшкихъ куреней,
 Сбирались буйною шолою,
 Сыны опваги, грабежей
 И волн дикой, безопечной.
 Глухая полночь. Пиръ гошовъ,
 Садяся всѣ вокругъ костровъ
 И медъ шипучій, искромешной,
 Изъ чашъ тяжелыхъ, золошыхъ,
 Пьюшь за здоровье вольной Сѣчи,
 И льюшя пламенныя рѣчи
 Объ ихъ набѣгахъ удалыхъ.

II.

Они въ далекія сѣраны,
 Слѣшатъ опважною шолою,
 Съ огнемъ губительной войны —
 И шамъ осваивашъ за собою
 Надолго незабышый слѣдъ
 Опустошительныхъ побѣдъ!
 Предъ ними хушора пусшьюшъ
 И далеко опъ ихъ мечей
 Ташары мчашся въ глубъ шепей,
 И ляхи гордые не смѣюшъ
 Въ набѣгъ имъ прошивосташъ,
 И смѣло двинушъ рашъ на рашъ.

Опъ ихъ названья: «Гайдамаки!»
 Трещущъ гордые Поляки,
 И машъ, когда ночной порой
 Ея дыша не засыпаешъ,
 Нарушивъ въ хижинѣ покой —
 Ихъ именовъ дыша пугашъ. . .

III.

Они пируютъ. Ночь темна.
 Шумишь, волнуясь Днѣпръ широкий,
 Закрыша пучами луна,
 И бродишь спорожь одинокій
 Съ пицалью мѣшкою своею
 Вокругъ пасущихся коней;
 И Гайдамаки удалые
 Запѣли пѣсни спарины,
 Про молодецкія, ночныя
 Съ Ляхамъ схватки боевыя —
 Игру опважную войны.
 Имъ кровь волнуешь медъ шинучій,
 У нихъ веселье, пиръ горой,
 Разгуль и пѣсни, хошь порой,
 Свисся и воя, вихрь лешучій
 Чупь не шумилъ косшеръ прескучій,
 И черныи воронъ, внемля имъ,
 Во шмѣ надъ ними шакъ лешаешъ —
 И имъ судьбу напоминаешъ
 Зловѣщимъ карканьемъ своимъ!

Я. ВУТКОВЪ.

=

У.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ,

И МЕЖДУ ПРОЧИМЪ

ГОРШОКЪ ЕРАНИ.

РАССКАЗЪ ВЪ РОДѢ ПОВѢСТИ.

Съ исхода Іюня въ Москвѣ стояли жары; никто не припомнитъ такихъ жаровъ. Надъ желѣзными крышамивоздухъ струился бѣлымъ пламенемъ; на раскаленную мостовую можно было поддавать какъ на каменку — куда ни кинься, вездѣ Русская баня, безъ передбанника, безъ выхода освежиться. Дышать нельзя, таить вся внутренность! . . .

Проходить недѣля, двѣ, нѣтъ помилованья, чисто небо; лишь изрѣдка, какъ будто заволочетъ его; думаешь: вотъ налетѣло благотворное облачко, вотъ дунетъ свѣжій вѣтерокъ! Ничего не бывало; это пыль, взвѣтая вихремъ, поднялась и стоитъ неподвижно.

Лучшимъ термометромъ силы жара могъ служить пріятель Александра Федоровича — Сергѣй Федоровичъ. Онъ привыкъ къ Закавказкому 48-ми-градусному жару, и Русскіе жары въ 20, въ 25 градусовъ казались ему не болѣе какъ однимъ градусомъ Кавказскаго тепла. Во всѣ каникулы прошедшихъ годовъ ему было свѣжо; но нынѣшнимъ лѣтомъ, въ началѣ Іюля, онъ вдругъ сказалъ «жарко!» снялъ ли-

шнюю Персидскую шелковую сорочку, снялъ лосинную фуфайку и рѣшился ходить безъ ватной шинели.

— Плохо! дурной знакъ! — подумалъ Александръ Федоровичъ, и рѣшился ѣхать изъ раскаленной Москвы въ прохладный Петербургъ. Съ этою счастливою мыслью онъ немедленно отправился въ контору дилижансовъ. — «Есть мѣсто на завтрашній день?» — Есть № 8-й. — «Не въ четверомѣстной ли каретѣ?» — Въ четверомѣстной; но съ вами поѣдетъ только одна дѣвица. — «Дѣвица!.... Какъ ое несчастіе! Но, нечего дѣлать, запишите меня.»

— Вѣрно, изъ иностранокъ — подумалъ Александръ Федоровичъ, выходя изъ конторы — потому, что Русская дѣвица, даже согбенная подъ тяжестію дѣтъ, ни за что въ свѣтъ не рѣшится провести три дня и три ночи наединѣ, даже съ извѣстнымъ, не только что съ неизвѣстнымъ ей мужчиною. Это возмутить всю ея жизнь, заставить краснѣть всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ о дилижансахъ. Нѣтъ, у насъ сомнительныхъ положеній не любятъ. И прекрасно! таковы должны быть патріархальные нравы: только то чисто, на что и тѣнь не ложится. У насъ тотчасъ скажутъ: «Плоха та овца, которая одна одиначонька въ лѣсъ пошла; не Божья жертва, а волчья.»

Въ предположеніи, что сопутница непременно изъ иностранокъ, Александръ Федоровичъ явился на другой день въ контору дилижансовъ съ своимъ чемоданчикомъ, и покуда взвѣшивали поклажи и укладывали ихъ, онъ прохаживался по конторѣ и по двору, выходилъ за ворота и выжидалъ дѣвицы изъ иностранокъ. Александру Федоровичу представлялось, что она непременно должна явиться на извозикѣ, въ шляпкѣ изъ суроваго батиста, покрытой зеленымъ вуалемъ, въ холстинковомъ, или ситцевомъ съ широкою оборкою платьѣ, въ передникѣ или *таблѣ* съ

карманами; въ одной рукѣ большой зонтикъ à la Taglionі, въ другой огромный ридикюль à la мѣшокъ.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи, Александръ Федоровичъ сѣлъ на тротуарный столбикъ, чтобъ разсвѣять себя какими нибудь впечатлѣніями и, по требованію вѣка, изслѣдовать какую нибудь сторону жизни. Его наблюдательный взоръ устремился влѣво вдоль по переулку, и искалъ въ отдаленіи у Мясницкихъ Веротъ какого нибудь предмета, который обратилъ бы на себя его вниманіе. Вдругъ, подлѣ него раздался голосъ: «Подай, батюшка, милостинку на погорѣлыхъ!» Это была молодая деревенская баба, въ бѣломъ балахонѣ, съ ребенкомъ на рукахъ.

«Откуда ты, голубушка?» спросилъ Александръ Федоровичъ, подавая ей гривенникъ.

«Издалека, косатикъ.

«Давно ли въ Москвѣ?

«Теперь лишь пришли, да не знаемъ, куда пройти на площадь, и Господи, какой великій градъ— не узнаешь что домъ, что церковь; идешь да молишься.»

Александръ Федоровичъ хотѣлъ поохотатъ надъ простотою деревенской, но вспомнилъ, что вѣкъ не велитъ ни надъ чѣмъ смѣяться, а обо всемъ сожалѣть.

Къ счастью, кондукторъ объявилъ пассажирамъ, что все готово, и просить садиться по мѣстамъ. Александръ Федоровичъ взобрался по желѣзной лѣстницѣ такъ называемаго Французскаго дилижанса, вступилъ въ заднюю дверь, сѣлъ въ душный кузовъ, и спросилъ о своей спутницѣ.

«Сударыня, не угодно ли садиться?» крикнулъ кондукторъ къ женщинѣ, которая сидѣла на крыльцѣ, и на которую Александръ Федоровичъ не обращалъ вниманія, принимая ее за особу, принадлежащую къ семейству какого нибудь изъ членовъ конторы.

«Сейчасъ, любезный,» сказала она, и, схвативъ со

скамьи узелокъ и огромный горшокъ ерани, подошла къ каретѣ. «Подержи, милый, покуда я влѣзу.

«Неужели, сударыня, и горшокъ-то съ собой?» сказалъ кондукторъ.

«Не тебѣ ли оставить?»

«Что мнѣ въ немъ? Я бросилъ бы его.

«Ты свое бросай, а мы свое будемъ беречь!» сказала она, и взобравшись въ карету, съ трудомъ протасила сквозь дверцы развѣтвенную на рѣшетчатыхъ тычинкахъ ерань.

— Такъ это-то дѣвица изъ иностранокъ? — думалъ Александръ Федоровичъ, осматривая спутницу свою отъ сырцовыхъ локоновъ подъ чепцомъ, до изношеннаго башмака на огромной Саксонской ногѣ, съ выдавшеюся костью большаго пальца. Она была худа, костлява и обтянута четырьмя полотнищами скромнаго ситца; лифъ *décolleté*; лѣта трудно было опредѣлить, хотя и замѣтно было сквозь чепецъ, что косы осталось не болѣе какъ съ мышинный хвостикъ, и пробившійся гренадерскій усъ пора уже было подстригать.

«Вы также въ Питеръ?» спросила она, усѣвшись и держа обѣими руками горшокъ ерани на коленяхъ.

«Въ Питеръ,» отвѣчалъ Александръ Федоровичъ.

«Господи, благослови!» произнесла она, когда дилижансъ двинулся съ мѣста, и хотѣла перекреститься; но по мостовой такъ затрясло, такъ начало вскидывать заднюю часть дилижанса, что темя ударялось въ крышу, а горшокъ припрыгивалъ, — никакъ нельзя руки отнять.

«Ахъ, чортовъ возокъ!» повторяла охая спутница Александра Федоровича, который не могъ надивиться на глупость возить съ собой горшки цвѣтовъ.

Подлѣ заставы дилижансъ остановился; его окружили мужики и мальчишки съ сайками, и начали на-

сильно совать ихъ въ руки и въ окны, крича: «Сайки горячи! Баринъ, барыня, купи на дорогу!»

По шоссе дилижансъ катился плавно; спутница Александра Федоровича поуспокоилась.

Александръ Федоровичъ носилъ волоса по модѣ, à la мужикъ; на немъ былъ покойный лѣтній сюртукъ. По выраженію Пушкина, дрема долма его и давала возможность скромной дѣвѣ разсматривать своего спутника и дѣлать добъ немъ выгодныя и невыгодныя заключенія.

«Фу, какая несносная жара!» вскричалъ онъ, очнувшись отъ забывчивости, въ поту и изнеможенъ, какъ послѣ паровой ванны.

«Ужасная жара!» произнесла почтенная спутница его, полагая, что жалобы Александра Федоровича обращались къ ней. Послѣ этого учтиваго вниманія, вѣроятно, желая знать, стоитъ ли спутникъ ея этой чести, она обратилась къ нему съ вопросомъ:

«Позвольте узнать, изъ какого званія?»

По полету узнается птица, а по вопросу человекъ.

«Изъ разночинцовъ, сударыня; не имѣю чести знать ваше имя,» отвѣчалъ Александръ Федоровичъ.

«Минодора Памфиловна.

«Минодора Памфиловна,» прибавилъ Александръ Федоровичъ.

«А какиѣ ремесломъ занимаетесь?»

«Литтературой.

«Своя фабрика есть?»

«Какъ же.

«Да въ чемъ же состоитъ это руководье! Слышала я что-то, да не знаю въ точности.»

«Дѣлаемъ поэзію и прозу.

«Чтожь это за матерія? Какая-то новая, вѣрно— Французская.

«Бумажная, нестрая и полосатая матерія.

«Да это, вѣрно, просто пестрядь Русская. На чтожь она употребляется?»

«Поэзія теперь безъ всякаго употребленія, не въ ходу, вышла изъ моды; а прозу всякій дѣлаетъ отъ руки, а употребляется на обертки.

«Невыгодно, мой любезный. Вы обратились бы къ другому ремеслу.

«Ничего не знаю, кромѣ читать да писать.

«Слава Тебѣ, Господи! Да чегожь лучше, ступайте въ приказные.

«По приказному писать не умѣю, все пишется по своему.

«Крючковъ не мастеръ выводить? И, батюшка, научись, выучать — такой народецъ! Впервые видѣла, какъ наѣхали описывать покойнаго родителя имущество, да и не дай Богъ вѣкъ видѣть!... Ничего не оставили кромѣ носильнаго платья! По міру пустили!»

И вотъ; дѣвица Минодора Памфиловна принялась глубоко вздыхать, даже до слезъ.

«За что же описали ваше имѣнье?»

«А кто ихъ знаетъ! Какіе-то, видишь, документы вывели на покойнаго родителя. Будто онъ все въ закладъ отдалъ... въ закладъ отдалъ! Двадцать душъ, да весь домъ въ закладъ отдалъ! Сами они, вѣрно, чорту душу заложили — прости, Господи!... Потрудитесь, пожалуста, поддержать,» проолжала Минодора Памфиловна, подавая горшокъ ерани Александру Федоровичу.

По привычному порыву къ услужливости, онъ взялъ огромный горшокъ изъ рукъ ея, въ увѣренности, что она передаетъ ему свое драгоценное бремя на минуту; но Минодора Памфиловна развязала узелокъ свой, въ которомъ былъ бѣлый хлѣбъ, икра въ бумажкѣ, да нѣсколько тряпокъ; закрыла лицо платкомъ, и, го-

рестно заливаясь слезами, начала жаловаться на судьбу свою.

Между тѣмъ горшокъ ерани оттянулъ Александру Федоровичу руки.

«Не угодно ли?» сказалъ онъ, подавая ерань, когда Минодора Памфиловна, казалось, успокоилась. «Я боюсь, чтобъ какъ-нибудь не попортить вашъ цвѣтокъ.»

«Э, нѣтъ, не бойтесь, держите! Вы хорошо держите.»

«Извините; мнѣ руки оттянулъ вашъ цвѣтокъ,» сказалъ Александръ Федоровичъ, и поставилъ горшокъ въ ноги.

«Ахъ, Боже мой!» вскричала Минодора Памфиловна съ сердцемъ: «тягость какая!... На земь ставить, чтобъ всю землю повытрясло!... Не мнѣ пусть лучше душу вытрясетъ въ этой проклятой кельмагъ!....»

«Какой дорогой цвѣтокъ!» сказалъ Александръ Федоровичъ.

«Да, недшевь-сь!»

«Отдайте пожалуста его мнѣ; въ Петербургъ за него я вамъ дюжину горшковъ достану.»

«Какой-вы добрый!... Скажите пожалуста — дюжину!»

«Хоть сотню, если вамъ угодно; только позвольте выбросить эту дрянъ, потому что ночью вы выколете и себѣ и мнѣ глаза этими распорками!»

«Какія богатыя милости! Да, покорно благодарю! Не нуждаюсь въ чужомъ: дрянъ да своя!.... Чтожь дѣлать! гдѣ взять!... Было время, инобы за честь поставилъ угодить не такими пустяками; за счастье почелъ бы, что съ нимъ говорятъ!... У дряни все дрянъ.... а благовоспитанный человекъ оказываетъ уваженіе къ дамамъ.... наблюдаетъ учтивство.... знаетъ, что, какъ водится....»

Подобныя тонкія наставленія Александру Федоровичу долго бы продолжались, но дилижансъ остановился, и кондукторъ, отворивъ дверцы, спросилъ: «Будете здѣсь кушать?»

«Не худо закусить чего нибудь,» сказалъ Александръ Федоровичъ, «мы въехали 30 верстъ—слишкомъ четыре часа!»

Изъ трехъ съѣхавшихся дилижансовъ высыпало народа человекъ двадцать. Вся компанія путешественниковъ, проклиная жаръ, столпилась въ прихожей, заѣзжей, пріемной, или, если угодно, въ общей залѣ гостиницы, гдѣ былъ накрытъ круглый столъ. Кто съ трубкой, кто съ узелкомъ провизіи, кто съ бутылкою дорожнаго напитка мадеры, усаживались за гостепріимныя столы, или раскидывались на канане, расписанное подъ красное дерево и покрытое холщевою бомбой. Здоровая барыня, съ двумя довольно здоровыми дочерьми невестами, освободясь изъ двухмѣстной кареты, которую онъ занимали втроемъ, посреди подушекъ, узловъ, манто и разныхъ дорожныхъ припасовъ, спросили себѣ котлетъ; два Нѣмецкихъ юнгермана—бутылку блага Берлинскаго пива; Французъ, отправлявшійся съ больною женою старухой въ Парижъ для востановленія ея здоровья, разстроеннаго Русскимъ климатомъ, потребовалъ порцію супу и графинъ воды; Рыбинскій купецъ велѣлъ, пожаловать себѣ бутылку квасу, а за неимѣніемъ простаго, хорошаго квасу, согласился на бутылку бурды, именовавшейся кислыми щами, которая пѣнилась отъ положенной изюмины; два купчика пожелаали угостить себѣ бутылкою Кроновскаго меду; всѣ прочіе разночинцы кричали въ одинъ голосъ: биштекку! полпорціи чаю! рюмку настойки!» а между тѣмъ находившійся противъ гостиницы *трактиръ* также наполнился требователями порцій и полпорцій чаю. Здѣсь Русскіе мужички, въ пестрыхъ ситце-

выхъ рубахахъ съ бѣлыми передниками, живо наполни чайники изъ вѣчно-кипящаго самовара; но въ гостиницѣ, другое дѣло: тамъ длинный верзила лакей, во фракъ съ пестрыми эксельбантомъ, въ грязномъ передникѣ, не успѣвалъ повторять «сейчасъ!» не только удовлетворять требованія нахлынувшихъ путешественниковъ. Онъ особенно внимателенъ былъ къ нѣкому здоровому барину, который одинъ изъ всѣхъ произнесъ громко и полно аккордъ: *объдать*. Въ этомъ словѣ заключалось достоинство, важность и благосостояніе проѣзжаго, между тѣмъ какъ требованіе тарелки супу, или куска жаркаго съ огурцами, означало челоуѣка съ расчетцомъ, которому нужно только *перекусить*, чтобъ быть сытымъ.

Когда наконецъ длинный верзила, какъ «пострѣлъ вездѣ поспѣлъ» и всѣ отвѣдали повареннаго произведенія *Ресторации*, тогда каждый *скорчилъ маску*, поморщился, побранился, еще разъ попробовалъ; плюнулъ и спросилъ: «Что стоить?» Длинный слуга смиренно доложилъ или таксу, или вольную цѣну, и сталъ собирать деньги.

«Какъ!» вскрикнулъ одинъ молодой челоуѣкъ, который хотѣлъ отдѣлаться отъ обѣденныхъ порцій стаканомъ молока, «какъ! за стаканъ молока, въ деревнѣ, двухгривенный!»

«А какъ же-съ?» отвѣчалъ слуга-верзило. «Стаканъ продашь, а десять крынокъ проквасишь.»

«Это ужасъ! Я стану жаловаться!... Это грабежъ!» повторялъ молодой челоуѣкъ.

«Какъ угодно-съ!» повторялъ лакей.

А между тѣмъ въ дверяхъ стоялъ какой-то бѣднякъ и жалостнымъ голосомъ, обращая глаза на всѣхъ присутствующихъ, издавалъ слѣдующіе звуки, на которые никто не обращалъ вниманія:

«Mein bester Herr, mein gnädiger Herr! Ihr Exce-

lenz, Herr Graff! пожалуйста чтонибудь на дорогу, бѣдному человѣку съ семействомъ.....»

Только что Александръ Федоровичъ за двери, а у крыльца новыя требованія; его обступили бабы:

«Купи, баринъ, остальные яички въ смяточку.

«И, полно, Карповна, баринъ лучше купить у меня парочку горяченькихъ пирожковъ.

«Купи, баринъ, чашечку землянички!» пищали дѣвочки.

«У меня, сударь, возьми, у старой бабы — и купля и милостыня.»

Нельзя было не купить.

Протѣснясь сквозь этотъ ягодный рынокъ, Александръ Федоровичъ думалъ, что лошади готовы. Не тутъ-то было; прочіе дилижансы уѣхали, а около того, въ которомъ онъ ѣхалъ съ прекрасною сопутницей дѣвой, одинъ ямщикъ металъ «орла и рѣшетку» а всѣ прочіе стояли вокругъ, и какъ азартные игроки ждали, на чью долю падетъ жребій везти дилижансъ, кому впрягать свою тройку, кому припречь четвертую лошадь.

Жребій выпалъ. Начался наемъ одной лошади, для дополненія тройки; потомъ завязались споры за раздѣлъ прогоновъ.

«Давай, дядя Иванъ, ужь я и повезу, давай три гривенника.

«Посулилъ четвертакъ, гроша не прибавлю,—самъ ѣду!

«Чтожь ты обчелъ на пять копѣекъ!

«Какъ обчелъ?....

«Да, такъ; давай! куда пошелъ?.... рубаху-то ситцевую надѣлъ! у насъ посконная, да своя кровная!»

Послѣ долгихъ споровъ, лошади, наконецъ, были запряжены, и Александръ Федоровичъ взобрался въ

карету. Минодора Памфиловна прислушивалась къ разговору Француза съ женой.

«Скажите, пожалуйста,» спросила она, «на какомъ это языкѣ они разговариваютъ? ничего не разберешь.»

«Это Французы.»

«Французы? Полно, настоящіе ли?... съ роду не случалось видѣть.... Въ Москвѣ просила я, чтобъ меня свозили на Кузнецкій мостъ посмотреть ихъ, да все не удавалось. Да вотъ что хочется мнѣ знать: теперь у Французовъ тотъ же Наполеонъ, что былъ въ Москвѣ, или ужь другой?»

«Другой,» отвѣчалъ Александръ Федоровичъ, даже не улыбувшись.

«А гдѣ жь тотъ?»

«Умеръ, по обычаю.»

«А говорили, что онъ антихристъ, что ему жить триста лѣтъ.... Какой, подумаешь, глупый народъ! Да, еще говорятъ, что при антихристъ и люди-то не будутъ умирать до самаго преставленія свѣта.»

«Страхъ какой! прожить триста лѣтъ! Что дѣлать-то столько времени на землѣ?»

«Правду сказать; вотъ примѣрно сказать, — у меня ни роду, ни племени, ни своихъ, ни чужихъ; одна забота полить *еранку*, да обобратъ сухіе листики. Избави Богъ, какъ она у меня завянетъ, тогда ужь я точно и не буду знать, что дѣлать на бѣломъ свѣтѣ!....»

При этихъ словахъ Минодора Памфиловна готова была уже прослезиться.

«Добудете другую еранку, и горе пройдетъ,» сказалъ Александръ Федоровичъ.

«Другую?... нѣтъ ужь! заживо лягу въ гробъ, прикинусь мертвой, чтобъ зарыли въ землю!....»

«Чудная ерань! Вѣрно, завѣтная?»

«Пусть хоть завѣтная.»

«Вѣрно, съ ней соединены всѣ ваши сладкія воспоминанія?»

«У меня и сладкаго-то въ жизни ничего не было,» сказала жалобнымъ голосомъ Минодора Памфиловна.

«Чтожь въ ней особеннаго?»

«Ахъ, Боже мой, ну просто моя, да и только; моя, да еще и собственная.... хоть чтонибудь да свое!...»

«Сдѣлайте одолженіе не сердитесь; я у васъ готовъ просить извиненія, что такъ дерзко подумалъ.»

«Дерзко! То-то и есть, какъ у насъ нѣтъ золотыхъ горъ, такъ и позволяютъ себѣ думать дерзко!....»

«Худо вы поняли меня,» сказалъ Александръ Федоровичъ, и желая утѣшить затронутое щекотливое самолюбіе Минодоры Памфиловны, онъ продолжалъ: «Вы, безъ сомнѣнія, въ свое время были прекрасны и очаровательны, имѣли тму поклонниковъ вашей красоты.....»

«Волокиты!» вскричала дѣвица Минодора Памфиловна. «Что это вы? Чтобъ я позволила за собою волочиться! Чтобъ какойнибудь шематонъ осмѣлился говорить мнѣ разныя сладости! Онъ будетъ нѣжничать да мигать, а благородная дѣвица раскиснетъ отъ радости, что нажила себѣ прихвостня!»

«Какихъ вы строгихъ правилъ!» сказалъ Александръ Федоровичъ, «это кладнокровіе однакожь дѣлаетъ вамъ честь.»

«Съ чего вы взяли, что у меня рыба кровь! однакожь никогда не допущу себя до униженія предъ мужчиною.... Благородная дѣвушка должна быть скромна, и ни подъ какимъ видомъ не должна показывать, что она когонибудь любитъ.... Что это за срамъ! На-тко! Мочи нѣтъ, люблю, скрыть не могу!....»

«Однакожь, во всякомъ случаѣ вы любили, и безъ сомнѣнія, были любимы взаимно?»

«Хорошъ вопросъ! Вы духовникъ что ли мой?»

Не обращая вниманія на замѣчаніе Минодоры Памфиловны, Александръ Федоровичъ продолжалъ настойчиво допытывать тайны ея сердца.

«А если любили и были любимы, то надо же какое нибудь средство, чтобъ высказать взаимную любовь; обожая васъ, нельзя же было скрывать вѣчно чувства свои; иначе какъ бы вы узнали, что васъ обожаютъ?»

«На все есть благородная манера....»

Минодора Памфиловна, какъ будто спохватилась, что завела съ незнакомымъ мужчиною нескромный разговоръ о любви, вдругъ стала жаловаться на несносный жаръ, на мухъ, на комаровъ и на тряску дилижанса, который въ это время ѣхалъ по новой насыпи битаго камня. Но нужно было только обратить вниманіе на эти маленькія дорожныя истязанія, чтобъ принять ихъ за муку кромешную, особенно съ горшкомъ ерани въ рукахъ. Ропотъ Минодоры Памфиловны быстро возрасталъ, и наконецъ обратился на Александра Федоровича.

«Это ужасъ!» роптала она, мотая головою, чтобъ отогнать мухъ, «проклятыя! и отмахнуться нельзя!... Что это за жара! Фу!... Ой! душу вытрясло!... Господи!... есть же такіе закаленные.... ни къ кому жалости не имѣютъ.... лишь бы самимъ было хорошо.... другіе хоть пронадай!... Пошлетъ же Богъ такое несчастье!... поднять руки нельзя на комара!»

За жалобами и ропотами послѣдовало оханье. Александръ Федоровичъ понималъ, къ чему это все клонилось, но совсѣмъ не былъ расположенъ угождать Минодорѣ Памфиловнѣ. Однакомъ Минодора Памфиловна доохала—таки до того, что Александръ Федоровичъ не вынесъ и вскричалъ:

«Да дайте пожалуста, я подержу вашу ерань, отмакивайтесь отъ мухъ и комаровъ, только не охайте!»

«Покорнѣйше благодарю! Я не принимаю услугъ, когда ими тяготятся!»

И Минодора Памфиловна еще больше заохала.

«Ахъ, ты несносная баба!» вскрикнулъ, про себя, Александръ Федоровичъ. «Кто вамъ виновать, сами навязали на себя обузу, да на людей плачетесь!»

«Благодарна за совѣты! Постарше васъ, не нуждаюсь въ нихъ!»

«И не думалъ совѣтовать!... Честь приложена, отъ убытка Богъ избавилъ!»

«Ахъ, Боже мой, извините! Какая я безчувственная, не замѣчаю, что вы мнѣ дѣлаете честь! Я должна была принять ее съ особенной признательностью!...»

Александръ Федоровичъ молчалъ, и казалось бы, что всѣ добрыя отношенія между нимъ и сопутною дѣвой Минодорой Памфиловной кончились, — нисколько. Долго проклинала она въ полголоса людей безчувственныхъ къ страданіямъ другихъ, людей безжалостныхъ, съ закаленнымъ сердцемъ, съ ледяною душой; жаловалась, что ей разломило голову, что у ней одеревенѣли руки, что всю ее избило, изломало. И все это шло crescendo; вдругъ хлынули потоки слезъ; плачь, всхлипыванье, вытье, оханье, кончились внезапнымъ: «Охъ! Боже мой, умираю! Подержите, сдѣлайте Божеское милосердіе на минутку!»

Александръ Федоровичъ съ испугомъ схватилъ горшокъ изъ рукъ изнеможенной сопутной дѣвы, и она поверглась въ уголъ кареты; глава ея подъ чепцомъ опала, какъ увядшая лилея, руки повисли какъ плющъ.

Къ счастью Александра Федоровича, дилижансъ дотянулся уже до гостиницы.

«Вы вышли бы изъ кареты, отдохнули, напились бы чаю,» сказалъ съ участіемъ Александръ Федоровичъ.

«Съ чего вы это взяли, чтобъ я пошла въ трак-

тирь!» отвѣчала Минодора Памфиловна, горделиво приподнявъ голову.

— Безумная баба! — подумалъ Александръ Федоровичъ, выѣзая изъ дилижанса и отправляясь вслѣдъ за прочими въ гостиницу «распивать чай».

Въ самое то время, когда лошади были готовы и всѣ сѣли по мѣстамъ, принеслась къ гостиницѣ тройка взмыленныхъ коней.

«Что, догналъ!» сказалъ кондукторъ съ трудомъ выѣзавшему изъ тельги купцу.

«Догналъ!» отвѣчалъ онъ, едва шевеля языкомъ и моргая опухшими глазами.

Это былъ одинъ изъ спутниковъ Александра Федоровича, Илья Федосвичъ, или Кузьма Тихоновичъ, Богъ его знаетъ. На послѣдней станціи онъ куда-то *запалъ*, и, по постановленіямъ дилижанса, объ немъ не заботились и благополучно оставили тамъ, гдѣ онъ есть.

Это было однако же очень замѣчательное лицо. Жирненькій, ростомъ «два съ небольшимъ», въ спортукъ, борода съ добрый локоть, волоса острижены въ кружокъ. Только что дилижансъ на станцію, кто навѣво къ гостиницѣ, а онъ выѣзетъ изъ дилижанса безъ шапки, и — правымъ путемъ въ харчевенку и упадетъ тамъ. Кондукторъ провозгласитъ: готово! а Илья Тихоничъ, или Кузьма Федосвичъ — Богъ его знаетъ — и не думаетъ торониться, идетъ себѣ грузень, *на-готовъ*, да подставляетъ подъ себя распластавшія ноги, чтобъ не свихнуться на бокъ.

«Что это за пьяненькій дѣдушка?»

«У этого пьяненькаго дѣдушки тысячь триста капиталау.»

«Ого!» сказалъ Александръ Федоровичъ, садясь въ карету на новую муку внимать стенаніямъ сопутной дѣвы-души.

Уже совершенно смеркось; Александръ Федоровичъ

Т. I. — Кн. I.

намлобурила шнурку на уши и прикурнула въ уголь кареты на подушку, готовилась заснуть, — никакъ не спитъ. «Нѣтъ, нѣтъ,» и вдругъ охаетъ.

«Да, сдвигайте одолженія, перестаньте охать; кажется, теперь нѣтъ ни жару, ни мухъ, ни особенной грязи.»

«Радехонька бы не охаетъ, да мочи нѣтъ! Ноги распухли, мозоли смертельно болятъ.... вѣрно, къ перемены погоды, а проклятыя башмаки узки!....»

«Кто вамъ мѣшаетъ скинуть ихъ?»

«Какъ это можно! Что за страхъ! Ни за какія деньги не возьму на себя такого стыда!....»

«Въ чемъ же тутъ стыдъ? Какой тутъ стыдъ?» повторилъ Александръ Федоровичъ съ досадою.

«Чтобъ я при мужчинѣ стала разуваться!....»

—Чтобъ ты провалилась съ своею дѣвственной скромностью! — подумалъ Александръ Федоровичъ, погружая голову въ подушку. Напрасно старался онъ *катить* *передъ собою колесо*, чтобъ скорѣе забыться сномъ; *передъ нимъ вертелась* охая Минодора Памфиловна и *везла ея* ересь. Чѣмъ больше старался онъ не думать объ этомъ несносномъ существѣ, тѣмъ хуже. Аллопатія не помогала; надо было приняться за правило гомеопатіи: «*similia similibus curantur.*» Онъ сталъ думать о Минодорѣ Памфиловнѣ, и разгадывать: какая тайная связь можетъ существовать между нею и горшкомъ ереси? Неужели сердце можетъ любить такъ страстно предметъ неодушевленный, дѣлать и нѣжить его какъ собственнаго младенца?... Нѣтъ, невозможно; неодушевленный предметъ долженъ имѣть свой языкъ, который понятенъ только тому, кто съ нимъ таинственно подружился, ласкаетъ его, печется объ немъ... Да, ересь Минодоры Памфиловны, вѣрно, разговариваетъ съ ней о комънибудь и о чемънибудь, занимаетъ, тѣшитъ ее разказами о быломъ, ручаясь ей за чьенибудь сердце, какъ аманатъ....

иначе Минодора Памфиловна не любила бы ераки, развѣ на ней вмѣсто листьевъ росли бы проценты съ какого нибудь капитала.....

Разсуждая такимъ образомъ, Александръ Федоровичъ постепенно мирился съ своею спутницей; имъ овладѣло сперва любопытство узнать повѣсть ея жизни, а наконецъ овладѣлъ и сонъ.

Когда настало утро, дилижансъ пріѣхалъ въ Тверь. Александръ Федоровичъ вошелъ въ гостиницу и велѣлъ подать себѣ порцію чаю. Онъ заботливо подумалъ и о своей спутницѣ, которая, можно сказать, во всю дорогу ни пила, ни ѣла, и, наливъ стаканъ чаю, вынесъ къ ней въ дилижансъ, почти увѣренный, что она откажется отъ этого угощенья. Однакожъ Александръ Федоровичъ ошибся: у ней засверкали глаза радостью, когда онъ сказалъ ей: «Не угодно ли вамъ выкушать чаю;» и губы ея довременно вытянулись и смаковали благодотворный декоктъ, лекарственный напитокъ, тонкій опіумъ, притупляющій душу и производящій во всемъ тѣлѣ *китаизмъ*, или онѣмьніе чувствъ.

«Ну, ужъ какъ я вамъ благодарна!» сказала Минодора Памфиловна, «*отвела душу!* Никакъ не думала я, чтобъ здѣсь былъ такой прекрасный чай.

«Прекрасный!» сказалъ Александръ Федоровичъ, «настоящій Копорскій.

«Очень душистъ; вѣрно, цвѣточный.»

Александръ Федоровичъ, пользуясь добрымъ расположеніемъ духа сопутной дѣвы, старался возбудить въ ней болтливость. — Это по крайней мѣрѣ будетъ сносно оханья — думалъ онъ. Простымъ слогомъ нельзя было успѣть въ этомъ. Александръ Федоровичъ началъ говорить съ ней возвышеннымъ, книжнымъ слогомъ:

«Я увѣренъ, что этотъ цвѣтокъ напоминаетъ вамъ

что нибудь пріятное въ жизни? Симпатія къ чему нибудь есть признакъ сентиментальныхъ душъ.

«Ахъ, конечно!» отвѣчала со вздохомъ сопутная дѣва Минодора Памфиловна.

«И можетъ ли чувствительная, прекрасная женщина не испытать, въ пылкія лѣта, возвышенной; благородной страсти?» продолжалъ Александръ Федоровичъ.

Эти слова были по сердцу Минодорѣ Памфиловнѣ. Она вытянула шею, нѣжно склонила голову, сдѣлала *маленькій ротикъ*, глубоко вздохнула, и сказала: «Ахъ, это правда!

Послѣ этого вздоха, на очахъ Минодоры Памфиловны показались двѣ слѣзки.

«Ваши воспоминанія однакожь грустны; можетъ быть, вамъ измѣнилъ неблагодарный, не умѣвшій цѣнить возвышенную, молчаливую любовь?»

«Мнѣ измѣнить!» произнесла вдругъ она гордымъ тономъ съ улыбкою презрѣнія, «мнѣ измѣнить! Нѣтъ, не родился еще тотъ на свѣтъ, кто мнѣ измѣнить.

«О, я увѣренъ, что никто не былъ бы въ состояніи дойти до такого положенія, чтобъ измѣнить вамъ...»

Александръ Федоровичъ не зналъ что говорить, чтобъ затронуть чувствительную струну Минодоры Памфиловны, и рѣшился говорить безъ связи и смысла.

«Но часто судьба намъ измѣняетъ я самъ испыталъ превратности сердца, любовь несчастную, безнадежную жестокость рока. . . .»

«Ахъ, это ужасно!» сказала Минодора Памфиловна, «ужасно! Я знаю по себѣ! Представьте, мой покойный родитель имѣлъ хорошее состояніе; мы жили полнымъ домомъ; хоть не была я красавицей, да не была и въ уголь рожей, могла нравиться; были люди достойные, которые и во мнѣ искали; я вос-

питана была въ строгихъ правилахъ — за мной никто не смѣлъ волочиться....

«Но, согласитесь, что невозможно же противиться симпатіи чувствъ,» сказалъ Александръ Федоровичъ. «Сердце само находитъ предметъ любви.... одинъ разъ въ жизни суждено любить....»

«Всеконечно, *симпатичная* любовь позволительна; я не могу назвать себя такой *неключимой*, чтобъ не испытать симпатичной любви.

«Разумѣется, къ человѣку вполне достойному, прекрасному собою....»

«Безъ всякаго сомнѣнія, я не какая нибудь....»

«О, возвышенная, благородная душа иначе и не можетъ,» прервалъ Александръ Федоровичъ, боясь, чтобъ привязчивое самолюбіе Минодоры Памфиловны не разстроило откровеннаго разговора. «Ахъ, если вы знали любовь,» продолжалъ онъ, «вамъ должны быть понятны мученія, которыя я испыталъ ... ужасно!

«Ужасно!» повторила Минодора Памфиловна. «Чаще всѣхъ навѣщалъ насъ одинъ молодой помѣщикъ, капитанъ въ отставку, съ кавалеріями; мужчина, описать нельзя, какой прелестный собою; умный, благовоспитанный, скромный, словомъ манерный человѣкъ, и сверхъ того съ хорошимъ состояніемъ. Мнѣ бы и не въ догадку его частыя посѣщенія, подъ видомъ будто играть съ батюшкою въ шахматы, или охотиться на нашей землѣ, да Ульяна Тихоновна, сестра сосѣда по имѣнью, изъ ревности открыла мнѣ глаза. — Не даромъ, говорить, къ вамъ *учащаетъ* Петръ Матвѣевичъ, вѣрно, цѣли имѣть; гдѣжь ему найти лучше васъ невѣсту. — Точно слѣпоту съ очей сняла. Стала я примѣчать, и въ самомъ дѣлѣ, у Петра Матвѣевича какая-то дума запала въ душу; такой грустный иногда, что меня, бывало, жалость возьметъ; такъ бы, кажется, рада душу отдать, чтобъ утѣшить его, ей Богу!

« Это ужасно ! » сказалъ Александръ Федоровичъ. « Первая страстная любовь поражаетъ сердце, какъ стрѣла.

« Первая ! Да какаяжь еще бываетъ ? Не знаю, какъ по вашему, а по нашему на первой и заговѣнье !

« Помилуйте, я и говорю про первую и послѣднюю любовь.

« А, это дѣло другое.

« Вы не повѣрите, сколько терзаній ! Это ужасно !

« Ахъ, это ужасно ! » повторила и Минодора Памфиловна. « Бывало, какъ нѣтъ его, такъ и сидишь подлѣ окна, да выжидаешь, скоро ли будетъ ; вѣдь кажись бы, преглуно это, и скука смертная сидѣть сложа ручки какъ портретъ въ рамѣ, а просидишь хоть цѣлый вѣкъ. Поднимется пыль на дорогѣ — думаешь : вотъ онъ идетъ ! и бѣжишь принарядиться. Нарядишься, выйдешь.... Чтожь вы думаете ? ждешь, ждешь, анъ это вихрь крутилъ. Съ досады раздѣнешься, а онъ, какъ на зло, вдругъ въ двери. Тутъ ужъ хоть одѣвайся, хоть нѣтъ — засуетишься, все пойдетъ на тебѣ коробомъ. Возьмешь съ досады, да и уткнешь голову въ подушку — плачешь, плачешь!... Ей Богу ! Бывало, при немъ совсѣмъ языкъ отнимется, а въ глазахъ точно темная вода: то споткнешься, то вмѣсто двери попадешь на косякъ; а ужъ чай разливать при немъ — избави Богъ ! Вмѣсто чайника, бывало, положу чай въ полоскательную чашку, поставлю на самоваръ, да и сижу дура душой. Признаться, не даромъ любовь есть чувство ; почувствовалась я!...

« О, природа надѣлила васъ чувствительнымъ сердцемъ, » сказалъ Александръ Федоровичъ: « это видно даже по вашей попечительности объ этомъ цвѣткѣ. Истинная, симпатическая любовь дорожитъ не только цѣлымъ растеніемъ, но даже однимъ листикомъ, напоминающимъ взаимность. Вотъ посмотрите, какъ я

храню драгоцныя лісткі, падареныя мнѣ прудметомъ обожанія.»

И Александръ Федоровичъ открылъ свой бумажникъ, въ которомъ, какъ въ гербаріумъ, хранился весь исписанный лістокъ ровы.

Минодора Памфиловна взглянула, расчудовалась, и глубоко вздохнула.

«Столь же драгоцэнна, можетъ быть, и вамъ, эта заветная ерань!» сказалъ Александръ Федоровичъ, также глубоко вздыхая.

Минодора Памфиловна склонила голову на бокъ, взоры на сторону, сдѣлала маленькій ротикъ скромности, и старалась покраснѣть румянцемъ стыдливости.

«Ахъ, какъ вы любопытны!» сказала она.

«Баринъ, баринъ, подай милостинку!» раздася вдругъ неумолкаемый крикъ подлѣ дилижанса. Это были ребятишки деревни, черезъ которую проѣзжалъ дилижансъ. Рысью гнались они за нимъ съ версту. Александръ Федоровичу стало и досадно и жалко смотрѣть на нихъ. Онъ вспомнилъ, что въ карманѣ есть нѣсколько грошей; досталъ одинъ и выбросилъ на дорогу. Солнце ярко блеснуло на монетѣ.

«Что это вы бросили?» спросилъ черезъ окно съездъ, купецъ изъ Армянъ.

«Ошибкою четвертакъ вмѣсто гроша.»

«Ну, задали вы имъ теперъ работу: они будутъ бѣгать за каждымъ дилижансомъ до уморы, въ надеждѣ на богатую милостыню.»

—Да,—подумалъ Александръ Федоровичъ—«такъ-то и судьба бросить ошибкою на долю челоуьку счастье, и заставить вѣкъ гоняться за собою напрасно: одного одарить изобиліемъ, а соблазнить тысячи!»

И Александръ Федоровичъ вздохнулъ еще глубже; ему все представлялся то мальчикъ, который прыгаетъ съ четвертакомъ въ рукахъ и дразнить ихъ

прочихъ, то дилижансъ, за которымъ бѣгутъ ребяташки и кричатъ: «Баринъ, баринъ, подай милостинку!»

«Извините, что вашъ разговоръ прервался,» сказала она, обратясь къ Минодоръ Памфиловнѣ.

«Я и позабыла, на чемъ остановилась....»

«Кажется, вы остановились на томъ мѣстѣ, когда два сердца, проникнутыя взаимною любовью, поняли другъ друга.

«Ахъ, да. Вотъ видите, я уже сказала, кажется, что помѣщикъ другой части деревни, Иванъ Тихоновичъ, почти каждый день, да таки каждый день, таскался къ намъ. Надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки! Мозглявый, скверный, ни дать ни взять Адамова голова въ парикъ; а тоже, бывало, лѣзетъ въ дамскіе угодики, да проситъ погадать ему въ карты. Придетъ Петръ Матвѣевичъ, и этотъ какъ тутъ! Петръ Матвѣевичъ подсядетъ изъ учтивости слово сказать, и этотъ туда же; перебьетъ матерію, и все дѣло спорить; а что еще досаднѣе: покойный родитель, въ шутку или не шутку, прочилъ меня за него. «Что, Миночка, говоритъ бывало, еслибъ за тебя посватался Иванъ Тихоновичъ, пошла бы ты за него?» — Чтобъ я пошла за этого сморчка! — Покойный родитель мой ужасно какъ любилъ меня; не бывало мнѣ отъ него принужденія ни словомъ, ни дѣломъ. А хотѣлось ему этого союза: близкій сосѣдъ, имѣнье въ одномъ мѣстѣ; оно бы и кстати соединить; у насъ мало земли пахатной, а у него лѣсу — не на чемъ повѣситься. Да я и слышать не хотѣла: хороша пара, чортъ съ младенцемъ!

«Это ужасно!» примолвилъ Александръ Федоровичъ.

«Право, ужасъ какая! прѣдвратительный! Бывало, какъ обдаешь у насъ, ѣсть ничего не могу; хорошъ мужъ!

«Притомъ же сердце ваше было уже посвящено обожаемому предмету.

«Охъ, нѣтъ, не судьба, вѣрно, была!... Не освятился нашъ союзъ!...

«Неужли!» произнесъ съ удивленіемъ Александръ Федоровичъ, «неужели вы не объяснились, и не передали другъ другу чувства пламенныхъ сердець?»

«Какъ это можно! По нашему это можно только послѣ сговора, когда благословить священникъ.

«Нѣтъ, я говорю про объясненіе; неужели вы не передали другъ другу ни одного нѣжнаго взора?»

«Начали было передавать, да чортъ Ивановичъ помѣшалъ. Дни за два до именинъ моихъ, Петръ Матвѣевичъ съ охоты заѣхалъ къ намъ обѣдать; глядь, и Иванъ Тихоновичъ явился. Передъ обѣдомъ покойный родитель и говоритъ мнѣ: «Нарви-ка, Миночка, капуциновъ для салату;» я и пошла въ цвѣтникъ; Петръ Матвѣевичъ вызвался помогать мнѣ; и Иванъ Тихоновичъ, обезьяна проклятая, туда же: и я! Что дѣлать? не сказать же: убирайся къ чорту! Вотъ и пошли; я вся горю, безъ души иду. Петръ Матвѣевичъ вдругъ спрашиваетъ: «Какіе вы цвѣты любите, Минодора Памфиловна?» Я и въ конфузъ пришла; не знаю что отвѣчать; ни одному цвѣтку имени не припомню; а не оставаться же дурой безотвѣтной. Пришла на память ерань, я и брякни: ерань; а чи запаху, ея терпѣть не могла. Любимые цвѣты мои были піоны...

— Да, — подумалъ Александръ Федоровичъ, — бываетъ тоже и съ людьми: ждешь помощи отъ роднаго богатаго, а подаетъ помощь чужой бѣднякъ.

«Чудо, ей Богу,» продолжала Минодора Памфиловна: «теперь на піоны смотреть не могу.

«Чтожь, удивился Петръ Матвѣевичъ, что вы избрали такой скромный цвѣтокъ?»

«Нисколько.» — Это дѣлаетъ честь вашему вкусу; сударыня, сказалъ онъ; а Ивану Тихоновичу нель-

зя было не приставить своего слова:— Какъ же это, говорить, нѣтъ у васъ ни одного горшка ерани? — «Были да пересохли, говорю, «чтобъ твое горло пересохло!.... Вотъ, нарвали капуциновъ; мнѣ и въ голову неидеть, чтобъ разговоръ Петра Матвѣевича къ чемунибудь клонился; только сердце такъ и хочетъ выскочить. Чтожъ вы думаете?... Охъ, сердце вщунъ! Только что я воротилась въ день именинъ отъ обѣдни, смотрю, въ цвѣтникъ стоитъ горшокъ ерани — я такъ и ахнула!

«Вѣрно, этотъ самый?» спросилъ Александръ Федоровичъ.

«Именно. Оробѣла я, стою надъ нимъ истуканомъ, поджилки трясутся. Насилу вздохнула. Спрашиваю у всѣхъ въ домъ, кто принесъ ерань? Никто знать не знаетъ.... Тутъ ужъ я и подумала: кому же такъ деликатно поступить, кромѣ Петра Матвѣевича.... Не даромъ онъ спрашивалъ, какіе цвѣты я люблю.

«Это явное объясненіе въ любви,» сказалъ Александръ Федоровичъ.

«Я не приняла иначе, и перенесла ерань въ гостиную на окно.

«Ну, послѣ этого оставалось ему только упасть къ ногамъ вашимъ и сказать:

Мой другъ, хранитель—ангелъ мой!

О ты, съ которой нѣтъ сравненья!

Люблю тебя, дышу тобой;

Но гдѣ для страсти выраженья.....

«Неужели! Я такъ и думала; да этотъ чортъ Иванъ Тихоновичъ, какъ бѣльмо на глазу, такъ и ходитъ за мной хвостомъ; какъ нарочно сидеть у насъ безвыходно! А Петръ Матвѣевичъ знаетъ манеры и скромный челоувѣкъ, — не при постороннихъ же открываться въ любви! — не какойнибудь сорванецъ

куры строить, хоть будь тысячи. Я ужь видѣла, что Иванъ Тихоновичъ ему не по сердцу; да и я, какъ будто предчувствовала, такъ бы и разорвала его на части! Представьте себѣ, только что собрались гости въ мои именины, а Иванъ Тихоновичъ подошелъ къ ерاني, понюхалъ, да и говорить: «Какая прекрасная ерань у васъ, Минодора Памфиловна.» Я такъ и сгорѣла. А тутъ еще, подлѣй масла въ огонь Ульяна Тихоновна, впрдерзкая! безстыдно укаживала за Петромъ Матвѣевичемъ. «Это, вѣрно, подарокъ?» говоритъ, «не вашъ ли, Петръ Матвѣевичъ?» Тутъ, всѣ такъ и уставили глаза на меня и на Петра Матвѣевича. Обмерла я со стыда! Да не преминула жъ и я сказать ей, какъ пошли всѣ въ садъ: «Съ чего это вы взяли, Ульяна Тихоновна, что Петръ Матвѣевичъ подарилъ мнѣ ерань?» — Да съ того и взяла, говоритъ, что онъ въ васъ безъ памяти влюбленъ. — «Да какъ вы смѣете говорить такія вещи, такъ порочить меня?» А она: — Да таки вотъ говорю, говорю, и буду говорить! — Ветошка скверная! Тутъ ужь я вышла изъ себя, начала ее честить. Чтожъ вы думаете, она, войдя въ гостиную, сорветъ листокъ, помнетъ, помнетъ, да къ носу. «Ахъ, какъ славно пахнетъ! Гдѣ это вы добыли такую ерань, Петръ Матвѣевичъ? Своего, вѣрно, саду?...» Петръ Матвѣевичъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ....»

Сонъ одолѣлъ Александра Фѣдоровича, потому что уже смерклося, и онъ ничего не слыхалъ, что Минодора Памфиловна рассказывала далѣе. Проспанныя двѣ станціи однако же вознаградили эту потерю, тѣмъ болѣе, что Александрѣ Фѣдоровичу снилось, будто онъ попалъ на именины къ Минодорѣ Памфиловнѣ и былъ свидѣтелемъ, какъ она подралась съ Ульяною Тихоновной за Петра Матвѣевича, и прибила ее очень больно. Такъ какъ и во снѣ, какъ на яву, строго наблюдается иногда, чтобъ никто самовольно и собственноручно не дѣлалъ расправы, то Минодору Памфиловну потребо-

вали въ судъ, а равно и свидѣтеля безчинства ея, Александра Ѳедоровича. И вотъ, ихъ везуть вмѣстѣ; дорога дальняя и ужасно тряская. Александръ Ѳедоровичъ въ отчаяніи упрекаетъ Минодору Памфиловну; зачѣмъ она звала его на свои именины?

«Да и къ чему вамъ было,» говоритъ онъ ей, «драться? Не лучше ли вы сдѣлали, если бъ просто ее прибили.»

«Правда, правда ваша,» отвѣчаетъ она, обливаясь слезами: «лучше бы просто сорвать съ нее голову, безъ церемоній, не нарушая благочинія.»

«И конечно, тогда и я имѣлъ бы право присягнуть въ судъ, что вы не голову сорвали, а что-то въ родѣ отороднаго растенія — тыкву или дыню, потому что голова Ульяны Тихоновны совершенно похожа и наружностію и цвѣтомъ на спѣлую тыкву или дыню, а следовательно, по наружности я могъ ошибиться....»

«Будете здѣсь чай пить?»

«Помилуйте, до чаю ли мнѣ!» вскричалъ Александръ Ѳедоровичъ; но очнувшись, онъ осмотрѣлся вокругъ себя, зѣвнулъ и сказалъ: «Ужь утро, надо напиться чаю!» Выскочивъ изъ дилижанса, онъ спросилъ названіе станціи. Это было село Зимогорье, близъ Валдая.

«Ага! чай, съ Валдайскими баранками!»

Не успѣлъ Александръ Ѳедоровичъ сдѣлать шагу отъ дилижанса, какъ его осыпали Зимогорскія дѣвки, съ связками баранковъ.

«Изволь, сударь, баранчиковъ! Кушай, золотой мой, на здоровье!»

«Сколько связочекъ прикажешь?»

«Эхъ, золотой мой, вотъ свѣжія!»

«Чтожь, золотой мой, берешь у нея? Вѣдь я первая тебя встрѣтила.»

Александръ Ѳедоровичъ взялъ одну связку, а де-

сять связокъ насильно навязали ему на руки, приговаривая: «Скушай на здоровье, золотой мой!»

Но этимъ не кончилось; толпа дѣвокъ преслѣдовала Александра Федоровича въ комнату задняго дома, гдѣ онъ расположился пить чай.

«Нѣтъ, золотой мой, какъ хочешь, а возьми,» продолжала называвшая себя первую встрѣчной; «мнѣ обидно; вотъ изволь, золотой мой.

«Куда мнѣ дѣваться съ твоими баранками? Не нужно!» вскричалъ Александръ Федоровичъ.

«Кушай на здоровье, золотой мой! Мнѣ и денегъ не надо.»

И положивъ всѣ свои баранки на столъ передъ Александромъ Федоровичемъ, она ушла.

Обложенный огромными связками баранковъ, Александръ Федоровичъ пилъ чай, и смотрѣлъ, какъ дѣвки атаковали двухъ купцовъ, которые сидѣли за другимъ столикомъ и также распивали чай, оперевъ одну руку фертомъ объ колено, а другою придерживая блюдечко между усами и бородой.

Но они любили пить, а не кушать чай; а потому напрасно торговки баранками обступили ихъ и повторили:

«Возьми, тысяцкой, хоть связочку баранчиковъ!

«Ступай, ступай, съ Богомъ, голубушка!» повторялъ одинъ купецъ сердитымъ голосомъ.

Когда Александръ Федоровичъ сталъ собираться, красная дѣвица, которая навязала ему насильно свои баранки, стояла уже подлѣ дверей, сложа ручки.

«Возьми свои баранки,» сказалъ онъ ей.

«Нѣтъ, золотой мой, изволь кушать на здоровье.

«Ну, золотая моя, вотъ тебѣ гривенникъ, только отвяжись со своими баранками,» сказалъ Александръ Федоровичъ, торопясь въ дилижансъ, ибо лошади давно уже были готовы.

Не зная какъ бы заставить Минодору Памфиловну

пересказать снова все что проспалъ, Александръ Федоровичъ началъ бранить Ульяну Тихоновну.

«Это ужасъ, что за женщина!» сказалъ онъ; «я бы эту Ульяну Тихоновну въ три дуги согнулъ!»

«Да, батюшка, каково мнѣ было: распустила слухи, что я въ связи съ Петромъ Матвѣевичемъ! По неволѣ челоувѣкъ оставилъ домъ. Да вдругъ два горя мнѣ: лишилась благополучія, а потомъ родитель Богу душу отдалъ; да еще на придачу, имѣнье все описали, домъ опечатали, пустили по міру!... Вотъ.... только и достоянья уцѣлѣло....»

Тутъ Минодора Памфиловна горько зарыдала!... «Какъ стали приказные печатать.... я и бросилась безъ памяти къ горшку: батюшки, вѣдь ерань-то засохнетъ, безъ поливанья! да и схватила ее.... схватила, да и бѣжать!... Къ счастью, вѣрно, никто не замѣтилъ, а то бы прицѣпились.... Ужь-то тутъ-бы я легла да и сказала бы: зарывайте, не отдамъ!... Чего-то у насъ не было!... Все описали!... Цѣлый шкапъ хрусталю и фарфору!... Два сундука платья... а хозяйство-то какое! Все свое: три коровы, курятникъ полнехонекъ птицы, въ погребѣ, по чуланамъ запасу на цѣлый годъ — все въ прокъ; и огурцы соленые, и варенье разное, моченныя яблоки, капусты каді три.... Квасу и пива сколько бочекъ — Мартовскіе!... Теперь бы и стаканчикомъ полакомилась.... пробовала я въ Квасномъ Ряду въ Москвѣ — куда! и за деньги не достанешь; а у насъ бывало пей — не хочу!... А вотъ.... Богъ привелъ....»

Минодора Памфиловна собиралась уже плакать; Александръ Федоровичъ старался разсѣять дождливую тучу отводами.

«Давно ужъ это было?» спросилъ онъ.

«Вотъ ужъ лѣтъ восемь, или ужъ цѣлыхъ десять.

«Гдѣжь вы жили все это время?»

«По разнымъ домамъ: то тамъ погощу, то въ дру-

гомъ мѣстѣ; хорошо въ гостяхъ, дома лучше! Сначала приласкають, а потомъ, смотри, и въ тягость; хуже всего нигодяи холопы! Выживуть хоть откуда. Бралась я и въ экономки, не учиться стать хозяйству, да такія грубости перенесла отъ людей, что Боже упаси! Куда! помышай имъ только лапу запускать въ господскій карманъ — такъ они такую экономію дадутъ тебѣ!... На зло всю посуду перебьютъ, изъ подъ ключей все пожрутъ, а ты отвѣчай, Чести нѣтъ, а совѣсти и подавно!...

«Зачѣмъ же вы ѣдете теперь въ Петербургъ?»

«А вотъ какая вещь: тамъ живетъ должникъ покойнаго родителя; годъ за годъ все водилъ: уплачу да уплачу; да уплачивалъ по двадцати пяти рублей; а сумма не шуточная — пятьсотъ рублей, а теперь, другой годъ, и того не платитъ. Еще и другое дѣло есть въ Питерѣ, поважнѣе: видѣла я изъ нашего города судью; онъ сказалъ мнѣ, что у Ивана Тихоновича хотять оттягать землю, которую продалъ ему покойный родитель. Дѣло поступило въ Сенатъ; а Иванъ Тихоновичъ такъ славно повелѣлъ дѣла, что обличилъ въ неправильномъ завладѣніи имѣніемъ покойнаго родителя. Вотъ я и ѣду, сама подамъ просьбу Министру; можетъ быть, Богъ дастъ, все воротится....»

«Дай Богъ,» сказалъ Александръ Федоровичъ, «чего добраго, можетъ быть воротится и старая любовь, и Петръ Матвѣевичъ будетъ снова искать вашей руки.»

«Признаться, что вѣрность до гроба!» сказала Минодора Памфиловна, глубоко вздохнувъ, «по сю пору живетъ холостякомъ!»

«Возможно ли забыть васъ!»

«Гдѣжь помнить! Прошло столько времени; куда ужъ мнѣ нравиться!»

«И, полно-те! Снппатія не смотритъ на время и лѣта.

«Дай-то Богъ!»

Подобный разговоръ, съ нѣкоторыми подробностями о счастливыхъ временахъ продолжался до самаго Петербурга, куда благодаря жару, долгимъ спорами ямщиковъ, кому запрягать, запряжкѣ тройки вмѣсто шести лошадей и наконецъ обычаю ямщиковъ и самихъ лошадей не торопиться, по пословицѣ «Тише ѣдешь, дальше будешь», дилижансы пріѣхали на четвертые сутки въ ночь. Нечего было дѣлать! Александръ Федоровичъ рѣшился занять номеръ въ гостиницѣ въ томъ же домѣ, гдѣ была контора дилижансовъ.

«Вы гдѣжь остановитесь?» спросилъ онъ свою сопутницу.

«А сама еще не знаю, гдѣ Богъ приведетъ.

«Имѣете знакомыхъ, или наймете квартиру?»

«Гдѣжь мнѣ нанимать: мнѣ бы только отыскать Ивана Тихоновича; отъ него узнаю я, гдѣ живетъ Прохоръ Захаровичъ, должникъ покойнаго родителя; я прямо къ нему на дворъ — что хочеть, то и дѣлаеть: или деньги подай, или пой да корми.

«Но гдѣжь искать теперь по ночи Ивана Тихоновича? А здѣсь въ конторѣ оставаться нельзя.

«Право, не знаю, что дѣлать; я здѣсь человекъ новый; дѣло другое въ Москвѣ, тамъ таки есть знакомые.»

Александрѣ Федоровичу жалко стало безпріютное положеніе Минодоры Памфиловны. Онъ предложилъ ей занять одну комнату номера, который онъ нанялъ.

«Нѣтъ-съ, покорно благодарю!» отвѣчала она ему довольно гнѣвнымъ тономъ.

«Отъ чего же?»

«Съ чего вы это взяли, что я буду жить съ вами?»

«А, понимаю,» сказалъ Александръ Федоровичъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, надо опасаться навѣта злыхъ языковъ; я самъ пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ кто нибудь даже подумалъ, что я живу съ вами; но я вамъ предлагаю особенный номеръ.

«Это дѣло другое, въ такомъ случаѣ я согласна.»

По приказанію Александра Федоровича, Минодоръ Памфиловнѣ показали маленькій номеръ въ два съ половиной, и онъ велѣлъ продовольствоваться се на свой счетъ чаемъ и обѣдомъ.

Пожелавъ покойной ночи Минодоръ Памфиловнѣ, Александръ Федоровичъ отправился въ свой пяти-рублевый номеръ, украшенный закоптѣвшею живописью, огромнымъ футляромъ отъ стѣнныхъ часовъ, двумя огромными въ четыре аршина квадратныхъ картинами, на которыхъ какой-то Петербургскій Теньеръ произвелъ, на одной: на первомъ фасѣ дерево, на второмъ рыбу, плавающую въ водѣ, на третьемъ рыбка вооруженнаго удою, на четвертомъ гору съ заходящимъ солнцемъ. На другой, сюжетъ тотъ же, только съ восходящимъ солнцемъ. Мебель была выкрашена подъ дубъ, какъ Московскія ворота, двери и ставни, и покрыта *полуштофомъ*.

Александръ Федоровичъ потребовалъ чаю.

Принесли чаю, похожаго на настоенный кнастеръ.

«А сливокъ?»

«Сливокъ прикажете?»

«Да, сливокъ прикажу.»

«Сливокъ нѣтъ, скислись.»

«Гдѣ хочешь достань!»

Пошелъ, воротился; принесъ сливокъ — молока съ наболтанною мукой.

«А сухарей?»

«Сухарей прикажете?»

«Да, сухарей прикажу.»

Пошелъ — пришелъ; принесъ сухарей.

Т. I. — Кн. I.

«Помилуй, любезный, да это древніе сухари! Гдѣ ты досталъ?»

«У булочника-съ.»

«Неправда; вѣрно, изъ Египетскаго Музеума; они, вѣрно, хранились подъ стекломъ, съ надписью: «Син огромные, ситные сухари заготовлены за три тысячи лѣтъ до Р. Х. для похода Египетскаго Царя Сезостриса, въ Азію.»

«Никакъ нѣтъ-съ, во время Петербургъ лучше нѣтъ.»

«Есть, любезный.»

«Никакъ нѣтъ-съ!»

«На нѣтъ и слова нѣтъ!»

Приказавъ убирать и чай фамильный, и сливки Охтенскія, и сухари Египетскіе, Александръ Федоровичъ легъ въ постель, и, какъ истомленный послѣ пару въ банѣ, уснулъ богатырскимъ сномъ. Грекъ *Фантастъ*, братъ Морфея, немедленно же явился передъ нимъ въ видѣ угодливаго чичероне и предложилъ, не угодно ли ему осмотрѣть Петербургъ и всѣ рѣдкости его? И вотъ, онъ повелъ его по чуднымъ улицамъ великолѣпнаго города, котораго ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать. Александръ Федоровичъ не вѣритъ своимъ глазамъ. «Неужели,» спрашиваетъ онъ у Фантаста, «весь Петербургъ высѣченъ изъ одного камня?» — А вы думали изъ сколькихъ? Вѣдь онъ не какой нибудь складной бургъ, который можно увезти на одной подводѣ. — «Какъ много народу!» — Извините, это спуютъ по улицамъ не настоящіе люди. — «Какъ!» — Настоящихъ людей и всѣ одушевленные вещи показываетъ мой братъ Морфей. — «А это чтожь такое?» — Это все простой механизмъ. — «Помилуй, да этотъ господинъ говорить.» — Говорить? Полно-те, для того чтобъ говорить, надо думать; прислушайтесь сами. — «Я не люблю прислушиваться къ словамъ,

которыя не ко мнѣ относятся.» — Прислушайтесь, не бойтесь, вы ничего не разберете. А вотъ еще минимый челоуѣкъ, который живетъ въ пространствѣ, а не во времени. А вотъ одно нѣживнѣйшее *supergine*, сдѣланное для механической любви; посмотрите, какая отдѣлка, *pop-pareille*. — «Довольно,» сказалъ Александръ Федоровичъ, «покажи мнѣ картину «Послѣднй день Помпеи». — Вотъ она — «Тутъ ничего не видно, кроиъ ночи; гдѣжь фигуры?» — Ихъ не мое дѣло показывать, онѣ одушевлены. — «Чтожь толку мнѣ въ такомъ чичероне, какъ ты?» — Странно, какъ будто то только и хорошо, что одушевлено? А, напримѣръ, всѣ, состоящяе по моему отдѣленю, которые *безъ души* отъ любви къ чему нибудь? Я думаю, вы и сами поступите со временемъ въ мое отдѣленіе, по части любви къ дѣтямъ. — «Не приведи Богъ! Ступай, пошли мнѣ своего брата Морфея.» — Очень сожалѣю — сказалъ Фантастъ, кланяясь — что вы не осмотрѣли еще всего моего заведенія.

Фантастъ исчезъ, а Александръ Федоровичъ очутился въ какомъ-то Хаотическомъ переулкѣ; по обѣ стороны воздымались чудныя зданія и созданія: грибъ при шпагѣ вель подѣ ручку башню въ шляпкѣ; молодой челоуѣкъ, обтянутый полусертукомъ, въ полубородѣ, метался во всѣ стороны, полуговорилъ со всѣми, и полусмотрѣлъ въ лорнетъ. Дѣвушка съ барабанными палками вмѣсто рукъ, била на роялѣ походѣ; четыре журавля въ очкахъ, съ четырьмя раскрашенными фигурами Парижскихъ модъ шаркали Французскую кадрили; полный мѣсяцъ въ шапоба преслѣдовалъ блѣдную, сентиментальную луну въ облачной одеждѣ; вѣтеръ съ крученымъ вихремъ насвистывалъ общее мѣсто изъ всѣхъ новѣйшихъ оперъ; геній съ растрепанными волосами носился надъ *неземной*, и смотрѣлъ на нее въ перламутровую луну.

«Что вамъ угодно?» раздался голосъ подлѣ Александра Федоровича. «Я Морфей.

«Покажи мнѣ «Послѣдній день Помпей.»»

«Въ природѣ или на картинкѣ? Но въ природѣ я боюсь вамъ показать, потому что и васъ должно непременно залить лавой, и вы со страху очнетесь на томъ свѣтѣ, въ гостиницѣ. Лучше посмотрите на картинѣ, не принимая большаго участія въ томъ, что вся главная улица Помпей въ искусственномъ смятеніи и ужасѣ. Смотрите, фигуры такъ одушевлены, что того и гляди уйдутъ съ холста; одинъ сынъ уноситъ отъ смерти престарѣлаго отца на плечахъ, другой сынъ влечетъ отъ гибели хилую мать, женихъ тащитъ изъ этого ада свою невѣсту, и такъ далѣе; но куда имъ бѣжать отсюда, не знаю; лучше оставаться на мѣстѣ въ своей эффектной позиціи, до послѣдняго дня Петербурга. Вся картина освѣщена не свѣтомъ, а блескомъ.

«Это все прекрасно, любезный Морфей; но эта картина не по твоей части.

«Какъ?»

«Да, такъ; всѣ фигуры на этой картинѣ должны быть *безъ души* отъ ужаса.

«Это софизмъ, просто софизмъ; можетъ быть, въ природѣ, но въ искусствѣ — другое дѣло. Не угодно ли посмотреть на современное одушевленіе? Вотъ, на примѣръ, бесполезный предметъ, но онъ одушевленъ, бросается въ глаза, соблазняетъ, увлекаетъ васъ наружностію, игрою цвѣтовъ и блеска, своею тонкостію, или толстотою, своимъ названіемъ, или заглавіемъ, такъ увлекаетъ, что вы совершенно ненужную вещь покупаете для того, что она *въ ходу*. Это значитъ одушевлять, давать всему жизнь. На примѣръ, посмотрите на одушевленіе литературное:

какъ трудно было прежде сдѣлаться литераторомъ... Отъ чего? Отъ того, что все считалось важнымъ дѣломъ, имѣющимъ послѣдствія, составляющимъ славу или стыдъ; а теперь изъ самаго стыда извлекается честь: одинъ умный учтиво скажетъ, что вы дуракъ, а десять дураковъ прокричатъ на зло ему, что вы геній, и вы воспользуетесь славою генія, получите ходъ у девяноста девяти, а сотый по неволѣ замолчитъ. И прекрасно! потому, что жизнь есть сонъ, и чѣмъ больше разнообразія....

«Но послѣ сна слѣдуетъ пробужденіе, а за пробужденіемъ существенность. Какова же должна быть существенность послѣ сна, подобнаго жизни?

«Что касается до существенности, то это не мое дѣло; да и ни одинъ изъ тысячи братьевъ моихъ не служить по существенной части.

«Стало быть, и я сплю и вижу все это во снѣ? Ты, пожалуй, покажешь мнѣ Вавилонъ, вмѣсто Петербурга.

«Чтожь такое? Лишь бы впечатлѣнія были одинаковы.

«Какое мошенничество!» вскричалъ Александръ Федоровичъ. «Куда идти обратно въ гостиницу?

«Пути сообщеній не по моей части,» отвѣчалъ Морфей, «не угодно ли спросить у кого нибудь изъ этихъ существъ.

«Ей, извозчикъ, вези меня въ гостиницу къ Обухову мосту.

«Садитесь, баринъ.»

Александръ Федоровичъ сѣлъ на дрожки и, какъ водится, поѣхалъ. Ъхалъ, ѣхалъ, нѣтъ конца улицъ; чѣмъ дальше, тѣмъ темнѣе; наконецъ мракъ кругомъ сталъ темнѣе полуночи во время затмѣнія луны.

Вдругъ тряска экипажъ остановился и раздался голосъ: «Господа, прѣехали; не угодно ли выходить?»

Александръ Ѳедоровичъ вздрогнулъ, оглянулся — подлѣ него сидитъ Минодора Памфиловна, а у открытыхъ дверейъ дилижанса кондукторъ откидываетъ подножки.

«Что это значитъ?» спросилъ удивленный Александръ Ѳедоровичъ.

«Прѣехали въ Петербургъ,» отвѣчалъ кондукторъ.

«Какъ? Въ гостиницу.

«Да, здѣсь есть и гостиница.

«Вы крѣпко уснули,» сказала Минодора Памфиловна.

Александръ Ѳедоровичъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, но сонъ былъ въ руку: все то, что случилось съ нимъ во снѣ до тѣхъ поръ, покуда онъ легъ въ постель въ пяти-рублевомъ номерѣ, повторилось и наяву, только въ другой гостиницѣ, по сосѣдству. Минодоръ Памфиловнѣ въ самомъ дѣлѣ негдѣ было остановиться и не на что нанять квартиры, и онъ предложилъ ей маленькій номеръ въ два съ полтиною въ сутки. Александрю Ѳедоровичу казалось даже, что въ занятомъ пяти-рублевомъ номерѣ онъ уже не въ первый разъ. Точно такъ же, какъ и во снѣ, подали ему плохой Ван-чу-со-дзи, вмѣсто сливокъ сыворотку, а вмѣсто сахарныхъ сухарей ситные сухари изъ запасныхъ магазиновъ Рамессейюна.

Стараясь разгадать, что явственнѣе, сонъ или дѣйствительность, Александръ Ѳедоровичъ заснулъ опять богатырскимъ сномъ; но ни Фантастъ, ни Морфей не предлагали уже ему своихъ фокусъ-покусовъ.

На другой день, проснувшись довольно поздно, онъ послалъ нанять коляску, и, въ ожиданіи ея, посѣтилъ Минодору Памфиловну. Она преспокойно обрѣзывала увядшіе во время дороги листики.

«Какъ же вы располагаетесь?» спросилъ Александръ Федоровичъ, пожелавъ ей добраго утра.

«И сама не знаю какъ. Надо бы узнать отъ Ивана Тихоновича, гдѣ живетъ Прохоръ Захаровичъ; но я лично ни за что не пойду къ Ивану Тихоновичу — онъ холостой человѣкъ.

«Если хотите, я съѣзжу къ Ивану Тихоновичу; есть ли у васъ адресъ его?»

«Есть записочка,» сказала Минодора Памфиловна, вынувъ изъ ридикюля платокъ, въ которомъ завязанъ былъ клочекъ бумажки.

«Если бъ побывалъ у меня Иванъ Тихоновичъ, я бы лучше сама у него все разспросила.

«Пожалуй, я привезу его къ вамъ; вѣрно, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтитъ васъ.»

Человѣкъ, посланный за коляскою, воротился и донесъ Александру Федоровичу, что просятъ двадцать рублей на день, и то съ тѣмъ, чтобъ не вѣзти на дачи. Александру Федоровичу показалась эта цѣна безбожною, и онъ отправился пѣшкомъ, въ надеждѣ нанять дешевле. Проходя Свинную Площадь, онъ остановился посмотреть на толстѣйшую купчиху и послушать, какъ она бранитъ извозчика.

Она бранила его просто мошенникомъ и разбойникомъ.

«Что ты сдѣлалъ ей?» спросилъ Александръ Федоровичъ.

«Да, вотъ, баринъ, нанимаетъ къ Полицейскому Мосту; я запросилъ два четвертака, кажись дешево — не придется и по гривнѣ съ пуда; а она сулить пятакъ серебра. Что я, ломовой что ли?»

«Мошенникъ, разбойникъ!» повторяла купчиха, удаляясь.

«Ты правъ,» сказалъ Александръ Федоровичъ.

«Да, какъ же, баринъ, того и гляди, лесора лопнетъ; а лесора-то стоитъ дороже ея самой, вотъ что!»

«А съ меня что возьмешь къ Полицейскому Мосту?»

«Съ васъ можно взять два двухгривенничка.»

«За чтожь съ меня дороже? По гривнѣ съ пуда, такъ и быть, дамъ.»

«Не приходится, баринъ, мало потянетъ!»

«Свезти, что ль, баринъ?» крикнули со всѣхъ сторонъ набѣжавшіе извозчики; но Александръ Федоровичъ съѣлъ уже на дрожки и отправлялся къ Полицейскому Мосту. Прибывъ туда благополучно, онъ встрѣтилъ наемную коляску, нанялъ за пятнадцать рублей, съ тѣмъ, чтобъ не ѣздить на дачу, и поѣхалъ по адресу къ Ивану Тихоновичу.

Подлѣ воротъ огромнаго, семи-этажнаго дома онъ выскочилъ изъ коляски, вошелъ на маленькій дворъ и ему показалось, что онъ на днѣ семи-этажнаго каре, изъ котораго едва-едва видно небо; нижній этажъ фронтъ дверей, шесть верхнихъ шеренгъ оконъ, мало-мало меньше.

По узенькой лѣстницѣ, которая шла отъ этажа въ этажъ зигзагомъ, Александръ Федоровичъ поднимался въ поднебесье, рассматривая нумера и надписи квартиръ на мѣдныхъ дощечкахъ, прибитыхъ

къ дверямъ. На седьмомъ небѣ, Александръ Федоровичъ постучалъ въ двери вправо, кажется, подъ сотымъ номеромъ. Ключъ внутри повернулся, двери приотворились и плотная дѣва спросила: кого вамъ угодно?

«Ивана Тихоновича, такого-то.

«Онъ здѣсь живетъ, да его дома нѣтъ.

«Когда же можно застать его?

«Онъ уходитъ очень рано утромъ, приходитъ домой часу въ одиннадцатомъ ночи.

«Такъ мнѣ удобнѣе будетъ видѣть его въ одиннадцатомъ часу-вечера.

«А какъ объ васъ сказать?

«Не нужно сказывать.»

Александръ Федоровичъ возвратился въ гостиницу, переодѣлся, увѣдомилъ Минодору Памфиловну, что Ивана Тихоновича онъ увидитъ не прежде поздней ночи, и потомъ отправился отыскивать своихъ знакомыхъ.

Убивъ день по столичному, около половины одиннадцатаго онъ вторично постучался въ двери сотаго номера. Та же дѣва встрѣтила его.

«Дома Иванъ Тихоновичъ?

«Ахъ, это вы; а я думала, что кто нибудь изъ нашихъ; правда, нашъ только что въ двери, и кричить: «Анна!» Войдите, я сейчасъ зажгу свѣчу.»

Александръ Федоровичъ вошелъ въ крошечную темную переднюю и ждалъ, откуда толстая Анхень высъчетъ огня. Вскорѣ она появилась изъ своей миниатюрной кухонки, со свѣчкой.

Александръ Федоровичъ окинулъ взоромъ крошечную переднюю; кромѣ входа и кромѣ двери влѣво въ кухонку, передъ нимъ были еще три двери; здѣсь не разсердился бы пльный Ванька «*что въ свѣтъ такъ мало дверей*».

«Пожалуйте сюда,» сказала Анхень, вводя Александра Фёдоровича въ лѣвую дверь, изъ двухъ лежащихъ прямо. Онъ вошелъ въ довольно пустенькую комнатку, изъ которой былъ ходъ въ другую.

«Иванъ Тихоновичъ долженъ скоро воротиться,» сказала Анхень, поставивъ свѣчу на столъ. «Который часъ?»

«Ну, мои часы остановились; вѣрно, забылъ ихъ завести,» сказалъ Александръ Фёдоровичъ, смотря на часы и садясь подлѣ столика.

«Я посмотрю, который часъ,» сказала Анхень, входя во вторую комнату. «Нѣтъ, Григорій Ивановичъ взялъ съ собой часы; да все равно, въ комнатѣ у Петра Сергѣевича есть столовые.»

И Анхень пошла въ другое отдѣленіе квартиры.

«Скоро одиннадцать,» сказала она воротясь.

«Ты Нѣмка, или Чухонка, Анхень?»

«Я изъ Ревеля.»

«Давно служишь у Ивана Тихоновича?»

«Я не у Ивана Тихоновича служу,» отвѣчала Анхень, «онъ здѣсь живетъ у своего племянника, Григорія Ивановича.»

«Такъ ты нанимаешься у его племянника?»

«Э, нѣтъ, Григорью Ивановичу я только мою бѣлье, вычищу сапоги и платье, изготовлю чай, да постелю постелю; а Петру Сергѣевичу я и кушанье готовлю.»

«Эге! такъ ты слуга двухъ господъ; сколько же ты получаешь жалованья въ мѣсяцъ?»

«Со всѣхъ трехъ рублей пятнадцать.»

«Хорошо тебѣ жить?»

«Какое хорошо; такая скука, что съ ума сойдешь; всѣ уйдутъ съ утра: цѣлый день и сиди одна оди-нехонька, не съ кѣмъ слова сказать. Григорій Ивановичъ и Петръ Сергѣевичъ такіе молчаливые; только

развѣ когда воротятся домой сердитые, такъ умолку нѣтъ—бранять за все. Вотъ Яковъ Матвѣевичъ добрый и шутникъ; когда ни придетъ, всегда веселье, говорить, говорить, покуда раздѣнется, да уснетъ.

«Такъ еще и Яковъ Матвѣевичъ твой господинъ?»

«А какъ же?»

«А Ивану Тихоновичу кто служить?»

«Я ему только сапоги чищу, да подамъ умыться; а чай пьетъ онъ съ Григорьемъ Ивановичемъ.... да такой....»

Вдругъ раздался стукъ въ двери, и громкій голосъ: «Эй, Анна!»

«Ахъ, Петръ Сергѣевичъ пришелъ!» вскричала Анхень, и бросилась отворять двери.

«Чтожь свѣчу?»

И съ этимъ словомъ, кто-то прошелъ въ среднее отдѣленіе квартиры.

«Что это, стеклянный футляръ разбить!» вскричала грозно тотъ же голосъ.

«Это кошка разбила, Петръ Сергѣевичъ,» отвѣчала Анхень печальнымъ голосомъ.

«А ты что смотрѣла? Зачѣмъ впустила сюда кошку!»

«А чортъ ее впустилъ! Она въ открытое окно вскочила.»

«Я этого знать не хочу! На твой счетъ купится новое стекло.»

«Я хотѣла купить сама, чтобъ вы не знали; думала, что недорого стоитъ.... анъ двадцать рублей!... Я въ цѣлый мѣсяцъ не выслужу этихъ денегъ....»

«Дура!... Хорошо, я заплачу за тебя половину, а впередъ....»

Раздался новый стукъ.

«Проклятая кошка! Изъ за нея мнѣ придется даромъ служить!» говорила сердито Анхень, отворяя двери.

«Сними шинель, Анна! Чтожь огня?... Что за скверный огарокъ? Ахъ, какая ты!

«Да гдѣжь взять; вѣдь я вамъ говорила, Яковъ Матвѣевичъ, что свѣчи всѣ вышли; а вы сказали, что сами восковыхъ купите; вотъ и сидите въ потьмахъ, когда сгорить огарокъ.

«Какая ты глупая, Анна! Чтобы догадаться купить сальную свѣчу.

«Да на какіяжь деньги я куплю? Петръ Сергѣевичъ далъ на обѣдъ, только что достало, а потребуетъ счетъ; не говорить же ему, что купила для васъ сальную свѣчку.

«Анна!» раздался голосъ Петра Сергѣевича, «чтожь ты счетъ?

«Вотъ видите.»

Новый стукъ въ двери. Анхень побѣжала отворить.

— Не Иванъ ли Тихоновичъ наконецъ явился, — подумалъ Александръ Федоровичъ.

Кто-то, въ мундирномъ фракѣ, нахлобучивъ шляпу на глаза, прошелъ молча мимо Александра Федоровича, не обращая на него вниманія, взявъ свѣчу со стола и скрылся въ другой комнату, захлопнувъ за собою дверь, и — Александръ Федоровичъ остался въ темнотѣ.

«Анна!» раздалось за дверьми.

Анхень пробѣжала на зовъ.

«Тебя не докличешься! Поди купи бутылку кислыхъ щей.»

Анхень опрометью побѣжала за кислыми щами; а между тѣмъ, кто-то тихо вошелъ въ двери, и потомъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Александръ Федоровичъ въ темнотѣ, и разсуждалъ о неудобствѣ имѣть одному

господину трехъ Русскихъ слугъ, и объ удобствѣ имѣть тремъ господамъ одну служанку-Нѣмку.

Покряхтывая, тихимъ голосомъ произнесъ вошедшій также: «Анна!»

Но Анна не отвѣчала.

— Это долженъ быть наконецъ Иванъ Тихоновичъ,—подумалъ Александръ Федоровичъ,—болѣе некому быть.

Ощупью положилъ Иванъ Тихоновичъ шляпу на столъ; потомъ скинулъ фракъ, или сертукъ и — прямо развѣсилъ-было на лицо Александра Федоровича. Не желая быть въшалкой, Александръ Федоровичъ вскочилъ съ мѣста.

«Это ты, Аннушка?» прошепталъ Иванъ Тихоновичъ, шаря рукой по темнотѣ.

«Нѣтъ, это я,» отвѣчалъ Александръ Федоровичъ.

«Ахъ, это ты, Григорій Ивановичъ? Рано ты сегодня воротился; я думалъ, что тебя еще нѣтъ.

«Что вы тамъ говорите, дядюшка?» раздался сердитый голосъ изъ другой комнаты.

«То-то я говорю, что ты рано воротился.

«Чтожь изъ этого?

«Ничего.

«Иванъ Тихоновичъ, васъ давно уже ждетъ вотъ этотъ господинъ,» сказала Анхень, входя въ комнату со свѣчей.

«Ахъ, Боже мой, извините!» вскричалъ Иванъ Тихоновичъ, маленькій человѣчекъ, лѣтъ за пятьдесятъ, схвативъ со стула фракъ.

«Я имѣю порученіе къ вамъ. Здѣсь одна ваша знакомая, и именно Минодора Памфиловна....

«Ахъ, Боже мой, Минодора Памфиловна! Она здѣсь!.. Позвольте узнать, не съ супругомъ ли ея я имѣю честь говорить?

«Совсѣмъ нѣтъ; я познакомился съ ней во время пути, въ дилижансѣ.

«Покорнѣйше прошу садиться.... Что, какъ здоровье Минодоры Памфиловны?...

«Слава Богу... Она просить васъ посѣтить ее; она живетъ въ гостиницѣ за Обуховымъ Мостомъ..... номера я не помню....

«Непремѣнно, непремѣнно!... А позвольте вашу собственный адресъ.

«Я стою въ той же самой гостиницѣ,» сказалъ Александръ Федоровичъ, подавая Ивану Тихоновичу свой визитный билетъ, и прощаясь съ нимъ.

— Ну — подумалъ Александръ Федоровичъ, выходя изъ сего номера квартиры — здѣсь не матушка Москва!

На другой день, часу въ восьмомъ утра, вдругъ явился Иванъ Тихоновичъ.

«Извините,» сказалъ онъ, «что я васъ беспокою. Я спрашивалъ здѣсь про Минодору Памфиловну, и ни отъ кого не могъ узнать объ ней.

«Позвольте же мнѣ самому быть вашимъ проводникомъ,» сказалъ Александръ Федоровичъ, любопытствуя видѣть встрѣчу Ивана Тиховича съ Минодору Памфиловной. «Минодора Памфиловна, Иванъ Тихоновичъ къ вашимъ услугамъ.

«Минодора Памфиловна, васъ ли я вижу!» вскричалъ Иванъ Тихоновичъ, подходя къ ручкѣ обожаемаго своего во время оно предмета.

«Гдѣжь узнать меня теперь, Иванъ Тихоновичъ! Прощу покорно садиться....

«Какая у васъ прекраснѣйшая квартирка.... и какъ нарочно любимѣйшій вашъ цвѣтокъ — ерань, на окошкѣ.... Помните, Минодора Памфиловна, я имѣлъ удовольствіе угодить вамъ въ день вашихъ именинъ, еранью....

«Нѣтъ, не помню, Иванъ Тихоновичъ,» проговорила вспыхнувъ Минодора Памфиловна. «Да кто это вамъ сказалъ, что я люблю ерань?....

«Сами вы изволили говорить, Минодора Памфиловна,» сказалъ значительно Иванъ Тихоновичъ, замѣтивъ ея смущеніе, «сами.... да ужь что говорить о старомъ.... Мало ли что прежде было.... Въ десять лѣтъ, Минодора Памфиловна, можно переѣмниться.... хэ, хэ, хэ! и за мной водились грѣшки!.....»

«Я васъ просила, Иванъ Тихоновичъ, пожаловать ко мнѣ, чтобъ узнать отъ васъ, гдѣ живетъ Прохоръ Захаровичъ,» сказала сухо Минодора Памфиловна.

— Бѣдная Минодора Памфиловна! — подумалъ Александръ Федоровичъ, поклонясь и выходя изъ комнаты. — «Какое разочарованіе! Лучше бы не ѣздить тебѣ въ Петербургъ, и во вѣки вѣковъ не встрѣчать Ивана Тихоновича.»....

Дальнѣйшія грустныя размышленія Александра Федоровича были прерваны встрѣчею въ корридоръ знакомаго. А потомъ Александръ Федоровичъ побѣжалъ съ визитами, а потомъ на желѣзную дорогу, въ Павловскъ, за новыми впечатлѣніями. Вотъ онъ взялъ уже мѣдный билетъ, вотъ засѣлъ съ трепетомъ сердца въ линѣйку.... Ухъ! *Богатырь* * пыхтитъ, свиститъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ, изъ ушей полымъ. Мчится, влечетъ за собой летомъ, по желѣзнымъ полосамъ, цѣлую *прихвостню* каретъ и линѣекъ. Въ каждой по тридцати по два человекъ, а всего человекъ четыреста. Двинулся поѣздъ съ мѣста—застучали, загрохотали десятковъ пять тяжелыхъ желѣзныхъ колесъ, словно какъ земля захромала, затряслась, разтопилась и поплыла.

Въ тридцать минутъ долетѣлъ Богатырь до Царскаго Села. Честная публика вышла въ галерею для перемѣны билетовъ, и потомъ всѣ усѣлись въ новые вагоны, и паровозъ *Стрѣла* домчалъ до Павловска минутъ въ шесть. Валомъ повалили приѣзжіе въ галерею и въ садъ, гдѣ уже было доволь-

* Названіе одного изъ паровозовъ.

но народу. Кто къ буфетамъ выпить шнапсу и закусить холоднымъ пирожкомъ, кто за столъ объдать, пить чай, или *прохлаждаться разными закусками и напитками*, кто въ толпу къ бесѣдкѣ слушать *ресторационные* вальсы нервическаго оркестра Германа.

Вдругъ дождикъ. Вся публика стѣснилась въ галерею. Прошелъ часъ, другой посреди монотоннаго разнообразія, и — толпы бросились въ контору брать билеты на обратный путь. Александръ Федоровичъ, обаянный страхомъ, чтобъ не опоздать взять билетъ на десятый часъ, также пробился съ трудомъ до истока билетной продажи, насильно всунулъ одному изъ *вендиторовъ* 2 р. 60 к., и получилъ мѣдную бляху съ означеніемъ часа отъѣзду, номера и отдѣленія линѣйки.

Вскорѣ паровозъ «*Огнь жупель духъ бурень*» закипѣлъ подлѣ подъѣзда, колоколь ударилъ разъ, путешественники затолпились около выхода; все заняло мѣста, а запоздалые бѣжали къ линѣйкамъ; колоколь ударилъ третій — двери линѣекъ захлопнулись; кондукторы, усаживающіе на мѣста и собирающіе билеты, протяжно и рѣзко засвистѣли въ свистки коршунами. Прибѣжавшіе *отсталые* заохали, и вся процессія *пеци огненной* медленно *затутукала* съ мѣста; шибче, шибче, и — помчалась, осыпая дорогу адскими угольями. Англичакинъ, продавшій душу свою демону скорой ѣзды, управлялъ паровозомъ. Въ закопченной бѣлой курткѣ и шараварахъ, онъ казался раскаленнымъ до бѣла. Встрѣчные православные, *небывалые*, крестились по обѣ стороны дороги, смотря съ ужасомъ на сороконожку змѣя-горыныча, который быстро бѣжалъ по рельсамъ, какъ кольчатый многожелудочный *Polypoë fulgurans*, и съ сожалѣніемъ на бѣдныхъ людей, которыми наполнены были желудки чудовища.

Въ галлерей Царскаго Села надобно было пересѣсть въ другія линѣйки. Александръ Федоровичъ, чтобъ подкрѣпить силы свои, истощившіяся отъ множества новыхъ впечатлѣній, спросилъ себя глотокъ горькой водки; ему подали настоенную, безъ всякаго сомнѣнія, ипекакуаной; съѣлъ пирожокъ, слоенный какъ должно полагать на клещевинномъ маслѣ, и протрадалъ цѣлую дорогу; впрочемъ, можетъ быть, это была паровозная болѣзнь, подобная морской. Однако же, къ счастью, отъ новаго сильнаго впечатлѣнія ему стало легче: вдругъ сидѣвшая въ томъ же отдѣленіи линѣйки женщина застонала необычнымъ образомъ, и вскорѣ оказался, противъ положенія, девятый пассажиръ, безъ билета.

Между тѣмъ паровозъ вошелъ въ пристань. Александръ Федоровичъ торопливо выскочилъ изъ линѣйки, и, боясь новыхъ впечатлѣній, съѣлъ на извошика домой.

«Барыня, что пріѣхала съ вами въ делижансѣ,» сказалъ слуга рестораціи; раздѣвая Александра Федоровича, «приказала вамъ кланяться; она куда-то перѣехала.

«Неужели?»

«Такая чудная!»

«А что?»

«Да у ней, кажется, только и было за душой, что горшокъ ерани.

«Чтожь дѣлать? Если другаго состоянія нѣтъ, хорошо и это.

«Вчера цѣлый день возилась съ нимъ — надоѣла! то подай ей ножницы обрѣзать сухіе листья; то десять разъ воды — поливать. Сидитъ да обдуваетъ пыль съ листовъ. «Да что вамъ далась, сударыня, эта ерань?» спросилъ я. — «А за эту ерань я никакихъ сокровищъ не возьму,» говорить. А сегодня какъ поѣхала и забыла объ ней. «Горшокъ-то, ерань-

то свою забыла.» «Возьми себя,» говорить. «А что мнѣ въ ней, хлопоты только поливать.» — Ну, такъ выбрось вонъ,» говорить, «чортъ съ ней!» Я и выбросилъ.

—Эгэ! повѣсть кончена! — подумалъ Александръ Федоровичъ—бѣдная Минодора Памфиловна! Какое разочарованіе для пламенной, постоянной любви твоей!... Въ продолженіе десяти лѣтъ поливала ты слезами драгоценный цвѣтокъ, который напоминалъ тебѣ время сердечныхъ надеждъ.... и вдругъ нѣсколько словъ Ивана Тихоновича, бессмысленныхъ для каждаго другаго, обличаютъ десяти-лѣтній обманъ чувствъ твоихъ! Столько лѣтъ цѣловала ты каждый листочекъ, какъ завѣтъ любви, и представляла въ мечтахъ своихъ, какъ Петръ Матвѣевичъ, въ ночь передъ днемъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, тайкомъ съ горшкомъ ерани въ рукахъ, перелѣзаетъ черезъ плетень сада, ставить ее посреди твоего цвѣтника, вздыхаетъ глубоко и — исчезаетъ.... Какъ сладостны были эти мечты, эти благодѣтельные завѣсы бѣдной жизни! — И вдругъ является Иванъ Тихоновичъ, и говорить: «Это я, Минодора Памфиловна, я тотъ, который.... Тьфу! какая картина! Иванъ Тихоновичъ, скверненькій Иванъ Тихоновичъ лѣзетъ съ горшкомъ ерани въ рукахъ черезъ заборъ, крадется съ боязнью, чтобъ не закашляться; ставить его посреди цвѣтника, вздыхаетъ глубоко, говорить шепотомъ: «Это тебѣ въ день именинъ, моя дражайшая Миночка,» и — исчезаетъ.

Какая разница между одною и той же еранью!

Такъ рассуждалъ Александръ Федоровичъ засыпая; но едва заснулъ, сцена перемѣнилась — и къ лучшему. Откуда ни возьмись высокій мужчина, съ рыжими усами.

«Позвольте узнать,» говорить, «куда дѣвалась Минодора Памфиловна?»

«Съ кѣмъ имѣю честь говорить!» спросилъ Александръ Федоровичъ.

«Я Петръ Матвѣевичъ.

«Неужели? Откуда вы?

«Въ продолженіе десяти лѣтъ я заключенъ былъ злымъ волшебникомъ Иваномъ Тихоновичемъ въ горшокъ ерани. Минодора Памфиловна десять лѣтъ носилась съ горшкомъ, не зная, какъ меня изъ него освободить, между тѣмъ какъ вся премудрость состояла только въ томъ, чтобъ грохнуть горшокъ объ полъ; но она въ десять лѣтъ не догадалась этого сдѣлать. Вдругъ вчера злой волшебникъ Иванъ Тихоновичъ внезапно явился передъ Минодору Памфиловной, похитилъ ее и безжалостно заключилъ ее въ сердце, такъ неожиданно, что она не успѣла захватить горшокъ ерани съ собою. Къ счастью моему, какой-то благодѣтельный геній грохнулъ горшокъ о землю и — я свободенъ; иначе, простоялъ бы на окнѣ цѣлый вѣкъ, или въ цвѣтъ лѣтъ увялъ бы безъ призыванія. Вы знаете, гдѣ живетъ злой волшебникъ Иванъ Тихоновичъ — будьте моимъ секундантомъ, поѣдьте къ нему; я его вызываю за похищеніе Минодоры Памфиловны на дуэль; притомъ же и собственная моя честь обижена.

Александръ Федоровичу нельзя было отказываться отъ такого предложенія, и вотъ онъ отправился съ Петромъ Матвѣевичемъ прямо на квартиру Ивана Тихоновича. Постучались. Анхень отперла двери. Мы вошли и слышимъ голосъ Ивана Тихоновича; онъ что-то пѣлъ.

«Прикажете доложить?» спросила Анхень.

«Тсъ! не нужно.»

Мы подкрались къ двери. Иванъ Тихоновичъ пѣлъ:

«Тебя я въ сердце заключаю....»

«Иванъ Тихоновичъ!» грянулъ Петръ Матвѣевичъ.

войдя внезапно въ комнату, «извольте освободить изъ заключенія Минодору Памфиловну, или на дуель!»

Иванъ Тихоновичъ оробѣлъ, оторопѣлъ, испугался, и вдругъ обратился въ мышку, а Петръ Матвѣевичъ перекинулся въ кота и началъ метаться во всѣ стороны.

«Ахъ, проклятая кошка!» вскрикнула Анхень, «опять разобьетъ стеклянный колакъ! Прысь! прысь!»

Коть не унимается; истомился Иванъ Тихоновичъ; котъ прижалъ его лапой, — вдругъ пискнулъ Иванъ Тихоновичъ, и былъ догадливъ, обратился въ мошку, прыгъ изъ-подъ лапы прямо на шею Анхень. Петръ Матвѣевичъ протянулъ было два пальца.... а Анхень какъ крикнетъ:

«Что это вы вздумали?»

«Ивана Тихоновича ловлю, моя милая; сдѣлай одолженіе, позволь....»

«Отстаньте отъ меня!» крикнула опять Анхень, и бросилась въ двери; Петръ Матвѣевичъ за ней, она отъ него, онъ за ней, она отъ него.... бѣгутъ, народъ слѣдомъ.... Держи! держи!.... исчезли изъ глазъ....

Только ихъ и видѣлъ Александръ Федоровичъ и на яву, и во снѣ.

ВЕЛЬТМАНЪ.

VI.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ О ПОДВИГАХЪ ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА, НА АМУРЬ, ВЪ 1649—1651 ГГ.

—

Нельзя иногда не подумать, что бываетъ какая-то странная судьба нѣкоторымъ именамъ, и иногда можно сказать объ историческихъ лицахъ, какъ говорить о книгахъ — *habent sua fata*. Такъ въ исторіи Сибири гремитъ имя *Ермака Тимовеева*, и — многіе ли знаютъ имя *Ерофея Хабарова*, хотя Ермакъ подьзуется незаслуженною славою. *Открыватель, завоеватель Сибири*, говорятъ намъ, или привыкли говорить, объ Ермакѣ. Но Рускіе задолго до него знали Сибирь, воевали въ ней, и смѣлымъ походомъ своимъ на берега Тобола, Ермакъ нисколько *не завоевалъ* Сибири: онъ погибъ въ своемъ предпріятіи, а отъ Искера оставалось еще безконечное пространство земель до *пролива Дежнева* и до *береговъ Амура*, которое надобно было пройти и завоевать Русскому народу, пока онъ могъ сказать: *Сибирь завоевана!* Дежневу и Хабарову принадлежала честь — въ первый разъ пронести имя Русское между Америкою и Азією, и грозно сказать его на берегахъ Амура, тревожа тѣмъ неподвижный Китай. По странной случайности, въ одинъ и тотъ же

годъ — 1649-й, Дежневъ прошелъ изъ Колымы въ Анадырь, и Хабаровъ завоевательною ногою ступилъ на берега Амура. Но, какъ открытіе Колумба получило названіе по имени Америка Веспучія, такъ проливъ Дежнева остался извѣстенъ въ потомствѣ подъ именемъ *Берингова*, а имя Хабарова почти изгладилось изъ памяти потомковъ. Не потому ли, что робкая политика уступила потомъ всѣ плоды его подвиговъ хитрому и сильному сосѣду? Но развѣ, тѣмъ не менѣе, не должно быть признательно потомство смѣлому предку своему, если бы потомъ недоразумѣніа и неудачи его послѣдователей и разрушили все, что было имъ начато, когда притомъ геройская отважность и истинно-*Русское* удалство знаменовали его подвиги?

Не будемъ здѣсь рассказывать, какъ постепенно шли и воевали Сибирь Рускіе, основывая города, или *остроги* свои, и изъ нихъ простираясь далѣе и далѣе къ востоку, сѣверу и югу. Не будемъ говорить о томъ, когда и какъ узнали Рускіе о *Китайскомъ* *государствѣ* и *великой* *рѣкѣ* *Амурѣ*. Они не къ вершинамъ ея пришли, черезъ Байкаль и заморье Байкальское, но съ Лены изъ Якутска, пробираясь рѣками на границы Монголіи. Первое открытіе Лены послѣдовало въ 1630 г.; Якутскъ заложили на берегахъ ея въ 1640 году. Еще при Годуновѣ были уже послышки Рускихъ въ Китай, и наши лѣтописи сохранили намъ драгоцѣнное описаніе Китая, относящееся къ концу XVI-го вѣка. Пробираясь на Амуръ, Рускіе узнали о живущихъ тамъ *Даурахъ*, слышали имена Князей *Лавкаля*, *Богдоля*, Царя *Шамшакана*, земли *Никанской*, не подозрѣвая, что *Никанъ* есть тотъ же *Китай*. Первый пустился на завоеваніе Амура Воевода Якутскій, Поляковъ, въ

1643 г., но предпріятіе его было безуспѣшно; онъ едва могъ воротиться, и принесъ только бѣдный *ясакъ* и грозныя вѣсти, о сильныхъ и многочисленныхъ Амурскихъ народахъ, и Царяхъ ихъ, которые тысячами выставляютъ въ поле войско, и *не только лучной, но и огненный бой имѣютъ*. Напрасно корыстолюбіе сулило добычу: никто не смѣлъ послѣ того и подумать о походѣ на «Великую Южную рѣку.»

Въ числѣ отважныхъ искателей приключеній, которые сотнями уходили въ Сибирь, особливо, когда смуты отечества и мечъ Ляховъ и Шведовъ грозили и благосостоянію и жизни на родномъ пепелищѣ, былъ и уроженецъ Устюга Великаго, *Ерофей Павловъ сынъ Хабаровъ*. Устюжане были *промышленники* съ природы; Сибирь давно была имъ знакома, и они считались тамъ одними изъ лучшихъ *опытниковъ* (ислѣдователей). Вѣроятно, еще юный, сочувствуя свои силы, ловкій, отважный, Хабаровъ помолился Богу, повѣсилъ винтовку за плечо, простился навсегда съ родиною, и отправился искать счастья и богатства въ Сибирскую землю, что должно было быть въ два первыхъ десятилѣтія XVII-го вѣка.

Кажется, Хабаровъ останавливался въ Сольвычегодскѣ, и тамъ занимался солянымъ промысломъ, отъ чего и именовался *Сольвычегодскимъ промышленникомъ*. Въ 1636 году, онъ былъ уже въ Енисейскѣ, и тамъ на устьѣ Тиса завелъ земледѣліе, но черезъ два года потомъ слухи о *Ленѣ* и *Амурѣ* увлекли его. Онъ выпросился изъ Енисейскаго острога на Лену, и съ 27-ю *покручениками*, въ 1638 г., пустился онъ туда. Мы имѣемъ теперь въ рукахъ подлинную провѣзжую записку нашего Устюжскаго Кортеца. Здѣсь остановился онъ въ Усть-Кутскѣ,

завель соловарню, земледѣліе, промыслы. Воевода Полярковъ отпаялъ у него соловарню въ казну, въ 1641 г., но, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ Хабаровъ разжился, разбогатѣлъ, приобрѣлъ славу удалца, любовь товарищей, познаніе Сибирскихъ земель, и въ 1649 г., когда пріѣхалъ въ Илимскъ новый Якутскій Воевода Дмитрій Франсбекъ, Хабаровъ явился къ нему, съ предложеніемъ: позволить ему Ерофею идти на Амуръ рѣку, на своемъ кочтѣ, безъ Государева жалованья, съ охочими людьми, и Государевымъ счастьемъ тамошніе народы покорять, подъ высокую Царскую руку приводить и ясаки съ нихъ брать. Воевода дозволилъ ему набрать вольницу, далъ казеннаго военнаго запаса, и въ 1650 году, воротился Хабаровъ съ вѣстями въ Якутскъ, что до Амура онъ доходилъ, тамошнею землею завладѣлъ; Князь Лавкай, испуганный, отъ него бѣжалъ, и — богатый ясакъ соболиный свидѣтельствовавъ объ успѣхѣ начатаго дѣла.

Хабарову поручили неограниченное управленіе Амуромъ; послали съ нимъ грамоты къ Лавкаю, къ Богдою, и съ 140 человекъ, онъ завладѣлъ тамъ главнымъ Лавкаевымъ городомъ *Албазиною*, укрѣпилъ его, и благословясь поплылъ, въ 1651 г., по Амуру, покорять берега сей рѣки до самаго устья.

Не будемъ описывать его подвиговъ. Съ горстью людей, въ два года, онъ навелъ ужасъ на жителей Амурскихъ. Князья и Ханы приходили и кланялись ему. Наконецъ встревожился и Китай; явились Китайскія войска. Они были разбиты Хабаровымъ въ отчаянномъ боѣ. Онъ просилъ помощи; къ нему прислали еще 144 человекъ Рускихъ изъ Якутска, и съ двумя сотнями Хабаровъ властвовалъ Амуромъ. Донесли объ немъ Царю; отправили въ Москву его

ясаки. Съ 600-ми человекъ, Хабаровъ брался овладѣть всѣмъ Амуромъ, гдѣ имя его заставляло трепетать, и гдѣ онъ казался грознымъ и сильнымъ воеводою. Въ Москвѣ изумились успѣхамъ; положили отправить на Амуръ околыничаго, Князя Лобанова-Ростовскаго, съ 3000 войска, и предварительно отправленъ былъ туда дворянинъ Зиновьевъ. Онъ явился на Амуръ въ 1653 году, съ Царскою милостію и ласковымъ словомъ.

Здѣсь кончатся дѣла Хабарова. Уже и прежде, неограниченная власть его и богатства возбуждали зависть и подозрѣніе. Зиновьевъ началъ стѣснять его, собиралъ на него доносы, не смѣлъ самъ осудить храбраго Хабарова, особливо среди подчиненныхъ, душею приверженныхъ къ нему, но смѣнилъ его, и повезъ съ собою въ Москву, вмѣстѣ съ нѣсколькими плѣнными Гиляками, Даурами и Дучерами.

Хабаровъ удостоился видѣть свѣтлыя очи ласковаго Царя; милостиво приняли его Царь и вельможи, но, кажется, не повѣрили его отважнымъ предложеніямъ. Казенное, воеводское управленіе введено было на Амурѣ. Хабаровъ не являлся уже туда болѣе. Посланные на Амуръ Воеводы терпѣли неудачи, а черезъ тридцать лѣтъ, Посоль Русскій торжественно уступилъ Китайцамъ всѣ завоеванія Хабарова, Нерчинскимъ трактатомъ 1689 года.

Если Хабаровъ дожилъ до старости, предполагая, что въ 1636 г. былъ онъ еще молодъ, то онъ могъ видѣть разрушеніе всего, такъ счастливо имъ начатаго. Онъ былъ пожалованъ отъ Царя въ званіе *Сына Болрскаго*, и опредѣленъ *Государевымъ приказникомъ на Лену*, отъ Усть-Кутска до Якутска. Тамъ донынѣ сохранилась близъ Киренги деревня *Хаба-*

рова, заселенная его потомками. Вѣроятно, тамъ жилъ и умеръ нашъ необыкновенный человекъ.

Трудолюбивый Миллеръ, разсматривая Якутскій архивъ, въ 1741 г., первый описалъ событія на Амурь, и передалъ потомству память о Хабаровѣ, его сподвижникахъ и послѣдователяхъ. Краткія извѣстія Миллера помѣщены были въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* (1757 г., *Исторія о странахъ при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ Россійскимъ владѣніемъ*). Фишеръ списалъ извѣстія Миллера въ свою *Сибирскую Исторію*. Потомъ списалъ ихъ, на свой манеръ, В. Н. Берхъ (С. О. 1821 г., *Подвиги Боярскаго Сына Ерофея Хабарова и водвореніе Россіянъ при берегахъ рѣки Амура*). Но описаніе Миллера, сухое, тяжелое, не могло показать намъ вполнѣ всей любопытной характеристики Русскаго удалства на Амурь. Миллеръ не передалъ намъ актовъ, вѣроятно, сберегая ихъ для своей *Сибирской Исторіи*, которую довелъ онъ только до 1618 г., и оставилъ неконченною, когда, по интригамъ Фишера, ему переданъ былъ сей важный трудъ. Вѣроятно, списки актовъ вывезенные изъ Якутска Миллеромъ, лежатъ въ его бумагахъ. Подлинники ихъ теперь уже сгнили въ Якутскомъ архивѣ.

Одинъ изъ почтенныхъ любителей Русской Исторіи, бывши въ Якутскѣ, выписалъ вновь изъ Якутскаго архива нѣсколько любопытныхъ актовъ и передалъ ихъ намъ. Думая, что подобные матеріалы для отечественной Исторіи драгоценны каждому просвѣщенному Рускому, мы рѣшились помѣщать ихъ въ С. О., и здѣсь представляемъ *четырнадцать* актовъ, въ которыхъ изображается походъ Хабарова на Амурь. Кромѣ множества подробностей, здѣсь видите и образъ дѣйствій и сношеній письменныхъ

XVII-го вѣка — памяти, наказы Воеводъ, граматы ихъ къ владѣльцамъ на Амуръ, о которыхъ доходили до нихъ слухи, росписи ясака, географическія изслѣдованія Хабарова. Все это дополняетъ страницы Исторіи, и живо представляетъ намъ характеристику предковъ, всегда дорогую для потомка, умѣющаго цѣнить ихъ дѣла, ихъ жизнь, и понимать поэзію быта отечественной старины.

Помѣщаемые нами здѣсь акты состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Паспортъ, или *проѣзжая грамота*, данная Хабарову, при отправленіи его изъ Енисейска на Лену, въ Маѣ 1638 г. (съ полнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника).

2. Наставленіе, или память, данная Хабарову изъ Якутска, при отправкѣ его на Амуръ, въ Мартѣ 1649 г.

3. *Память*, или приказъ въ Усть-Кутскій острогъ, о дозволеніи Хабарову набирать охочихъ людей для его похода на Амуръ, въ Мартѣ 1649 г.

4. Донесеніе Царю А. М. изъ Якутска, объ отправленіи Хабарова на Амуръ, въ Мартѣ 1649 г.

5. Грамата, данная изъ Якутска, для врученія ея, черезъ Хабарова, Князю Богдою, послѣ перваго возвращенія Хабарова съ Амура, въ 1650 г.

6. Такая же грамота, для врученія Князю Лавкаю, въ 1650 г.

7. Наставленіе Хабарову, при вторичномъ походѣ его на Амуръ, въ 1650 г.

8. Допросы, сдѣланные Хабаровымъ Даурцамъ, взятымъ въ плѣнъ въ 1651 г. (драгоценный географическій документъ).

ческій матеріалъ для познанія Амура и тамошнихъ отношеній Китая, въ половинѣ XVII-го вѣка).

9. Роспись и оцѣнка ясака, собранаго Хабаровымъ на Амуръ, въ 1651 г.

10. Донесеніе Царю А. М. изъ Якутска, о подвигахъ Хабарова на Амуръ, въ 1651 г.,

11. Грамата, посланная изъ Якутска, для передачи на Амуръ Царю Шамшакану, въ 1651 г.

12. Память, отправленнымъ съ сею грамотою на Амуръ, Чечегину и Русланову, въ Іюль, 1651 г.

13. Наставленіе Чечегину и товарищамъ его, о поѣздкѣ на Амуръ, въ Іюль, 1651 г.

14. Память, или приказъ, посланный съ Чечегинимъ къ Хабарову, изъ Якутска, въ Іюль 1651 г.

н.д.

I.

По Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу отпущенъ изъ Енисейскаго острогу на Лену рѣку промышленной человекъ Ерофѣйко Павловъ Хабаровъ Устюжанинъ. А снимъ промышленно заводу и хлѣбно за пасу двѣ тысячи пудъ муки ржаной триста сажень сѣтей, неводныхъ два пуда мѣди вкусахъ двадцать семь кастановъ борхатныхъ сто аршинъ суконъ сермяжныхъ а по Енисейской таможенной оцѣнке на тысячу на пятьсотъ на четыре рубли съ полтиною И стогу у него спромышеннаго заводу Государевы десятой отъзжей пошлины не взято потому какъ онъ будетъ спромыслы И снево возмется Государева десятая пошлина мягкою рухлядью сполна Да снимъ же дватцать семь человекъ покручениковъ И снево Ерофѣйка и съ покручениковъ отъзжей пошлины взято съ человека по алтыну и на нынешней На РМС годъ по осми алтынъ по двѣ

деньги съ человѣка въ Государеву казну взято сполна И печатные пощлины по Государеву указу по деньгъ съ рубля въ Государеву казну взяты сполна Къ сей провѣзжей Государеву Цареву и Великого князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи печать земли Сибирскія Енисейскога острогу приложилъ воевода Прокоей Ѳедоровичъ Соковнинъ лѣта 3РMS Маія КЕ день

II.

7157 году, Марта 6 дня, билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Руссіи старшой опытовщикъ Ерофейко Павловъ Хабаровъ, а въ челобитѣхъ своемъ сказалъ: въ прошлыхъ де годѣхъ по государеву указу посыланы были на Государеву службу на Лавкал, да на ботогу, при стольникъ и воеводѣ, при Петръ Петровичъ Головинъ, Письменный Голова Еналей Бахтеяровъ, да съ нимъ служилыхъ людей семьдесятъ человѣкъ, и они де до тѣхъ Князцовъ недошли, а ходили де по Витиму, а не по Алекмъ, прамыя дороги не знали; а давано де было изъ Государевы Казны Государево денежное и хлѣбное жалованье, и порохъ, и свинець, и пищали; и Государь бы его Ерофейка пожаловалъ: велѣлъ съ нимъ охочимъ служилымъ и промышленнымъ людямъ итти, которые похотять, безъ Государева жалованья, а онъ де имъ, на 150 человѣкъ, на ссуду стапеть давать хлѣбъ и всякіе запасы, и суды, и судовыя снасти, или сколько можетъ прибрать; а будетъ де Государевымъ счастиемъ, подъ Государеву Царскую высокую руку приведуть Лавкал и Ботогу, или иныхъ какихъ захребетныхъ неясачныхъ людей, и Государю де въ ясашномъ сборѣ будетъ прибыль большая. И по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссіи Указу, Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да дьякъ Осипъ Степановъ, велѣли ему Ерофейку итти, и съ нимъ охочимъ служилымъ и промышленнымъ людямъ 150 чел., или сколько можетъ прибрать, которые похотять, безъ Государева жалованья, итти по Алекмъ и по Тутирю рѣкамъ и подъволокъ Шильской и на Шилку, на Государевыхъ непослушниковъ, которые Государю непослушны и непокорны, и ясаку съ

себя и съ улусныхъ людей не платять, на Лавкая и на Батого, и на улусныхъ ихъ людей, и на иныхъ захребетныхъ неясачныхъ же людей, для Государева Царева и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссїи для ясачнаго сбора, и для приему новыхъ земель; и дорогою итти бережно, сторожливо, и на станехъ ставиться съ карауломъ, чтобъ пришедь иноземцы надъ ними какова дурпа не учипили; и дошедь Алеймою рѣкою и по Тугирю рѣкъ до волоку, или до Шилки, домышляючи Государю, гдѣ пригоже острогъ поставить, и укрѣпить велѣть тотъ острожекъ всякими крѣпостями накрѣпко, чтобъ въ томъ острожкѣ будучи для Государева ясачнаго сбора, отъ приходу немирныхъ неясачныхъ людей безстрашно и безъ боязни; и ходить ему Ерофейку, съ охочими службыми и съ промышленными людьми, которые съ нихъ будутъ, изъ того острожку въ походы на Лавкаю и на Батого, и на иныхъ неясачныхъ захребетныхъ людей, которые къ Государскому Величеству непослушны и непокорны, и говорити имъ, чтобъ онѣ были подъ Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссїи высокою рукою, въ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ, на вѣки неотступны, и ясакъ бы они Лавкай и Батога, съ себя и своихъ улусныхъ людей давали, а съ тѣхъ непослушниковъ неясачныхъ людей Лавкая и Батога и его улусныхъ людей, и иныхъ неясачныхъ захребетныхъ людей иматъ соборлей, выбирая изъ Турусскихъ ясачныхъ иноземцовъ знающихъ людей добрыхъ, сколько человекъ пригоже, чтобъ кто зналъ, и выпровождати и указывати Рускимъ ратнымъ людямъ не на ясачныя мѣста, гдѣ кто живетъ по кочевьямъ. А будетъ они иноземцы Лавкай и Батога, и улусные люди, и иные неясачные захребетные люди, подъ Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссїи высокою рукою будутъ послушны и покорны, и ясакъ съ себя и съ своихъ улусныхъ людей по вся годы платить учнутъ, и имъ Лавкаю и Батогъ съ своими улусными людьми жить на прежнихъ своихъ кочевьяхъ, безъ боязни, и велѣть Государь ихъ оберегати своимъ Государевымъ ратнымъ людямъ; а того Лавкаю и Батого, и иныхъ лутчихъ людей, по ихъ вѣрѣ привести накрѣпко, потомъ, чтобъ имъ быть, со всемъ своимъ родомъ и съ улусными людьми, подъ Госуда-

ревою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русси высокою рукою на вѣки неотступно, въ прямомъ ясачномъ холопствѣ, и ясакъ Государевъ, съ себя, и со всѣхъ родовъ давать по ихъ мочи, по вся годы, безпереводно, а котораго рода тѣхъ новыхъ неясачныхъ людей и съ кого имянемъ къ шерти приведете, и тѣхъ лучшихъ людей имена у себя записывати, и приведши ихъ къ шерти, и взять въ аманаты у нихъ лучшихъ людей, чтобъ впредь съ тѣхъ родовъ Государевъ ясакъ и поминки было за кѣмъ имати по вся годы, а Лавкаю и Батогъ, и ихъ улуснымъ людемъ, и инымъ захребетнымъ неясачнымъ людемъ, заказывати накрѣпко, устрашивая Государевою грозю и смертною казнию, чтобы они торговыхъ и промышленныхъ людей грабить и побивать, и иничѣмъ тѣснить и избивать имъ невелѣли, а будетъ тѣ новые неясачные люди учинятся непослушны, Государева ясаку и аманатовъ давати не учнутъ, и ему Ерофею, съ служилыми съ промышленными людьми, прося у Бога милости, надъ ними поискъ чинить, промышлять войною всѣми служилыми и промышленными охочими людьми, чтобы ихъ немирныхъ неясачныхъ людей Лавкаю и Батогъ, и ихъ улусныхъ людей, и иныхъ захребетныхъ неясачныхъ людей, ратнымъ обычаемъ, войною смирить, и въ аманаты у нихъ лучшихъ людей изымать подъ котоу мочно впредь ясакъ на Государя собирать и смирять, по тамошней мѣрѣ всякими мѣрами промышлять надъ иноземцы, надъ Лавкаемъ и надъ Батогою, и надъ иными неясачными людьми, съ великимъ радѣньемъ неоплошно, чтобъ Государевъ ясачной казнѣ учинить не малая прибыль, и которая Государю впредь прочна была и стоятельна, а себя бы за ту службу видѣть въ Государевъ жалованьи, и одноличноу тебѣ Ерофею Государевымъ дѣломъ радѣти, подъ Государеву Царскую высокую руку Лавкаю и Батогъ, и иныхъ неясачныхъ непослушныхъ людей, которые Государю ясаку не платятъ, приводить и смирять ихъ, прося у Бога милости, ратнымъ обычаемъ, войною, безвѣстнымъ, тайнымъ приходомъ, и на Государя съ нихъ ясакъ имати, соболи и шубы собольи, и ожерелья, и пластины собольи, и попольники собольи, и лисницы черныя, и чернобурыя, и бурыя, и черночеревыя и красныя, а шубы горпостальи, а бобры и выдры;

а у которыхъ будутъ неясчныхъ людей степныя мѣста, а не лѣсныя, а въ тѣхъ степныхъ мѣстахъ соболей, и лисиць, и бобровъ, и выдръ пѣть, и съ тѣхъ людей имати иными какими звѣрями, или узорочными товарами, что у нихъ въ ихъ земляхъ есть, золото, или серебро, или камни, или каменье дорогое, по ихъ изможепью; а за тѣмъ бы они не раздумывали, что для своей ясачной звѣриной скудости и не быть подь Государевою высокою рукою; и имъ бы одлично ни въ чемъ въ томъ не опасаться, и впредь бы Государю прочно было и столательно; а имъ бы новымъ людямъ не въ тягость, и не въ налогъ, чтобъ ихъ тѣмъ отъ Царскіа высокіа руки не отгонить, а будетъ они Лавкай и Батога ясаку съ себя и съ улусныхъ людей своихъ платить не учнутъ, и подь Государевою Царевою и Велпкаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссіа высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ быти не захотять, и на нихъ Лавкай и Батогу, и на иныхъ неясчныхъ людей, прося у Бога милости, Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, будутъ, собрався со многими большими ратными людьми, и велять всѣхъ побивать, и вѣшать, и разоряти, а повоевавъ до основанія, женъ ихъ и дѣтей въ полонъ возмутъ, а будетъ они неясчныя люди Государю покорны и послушны во всемъ будутъ, и тѣхъ людей потому-же приводити по ихъ вѣрѣ къ шерти, чтобъ они одлично были подь Государевою высокою рукою, въ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ, вовѣки неподвижно, и ясакъ съ себя и съ улусныхъ своихъ людей по вся годы безпереводно платили; и межъ служилыми и промышленными людьми, которые съ нимъ Ерофейкомъ охочіе люди будутъ, расправа чинить, смотря по винѣ, отъ всякаго дурна упимать; будетъ которые служилые и промышленные люди учнутъ тебѣ Ерофею челобитные подавать, по кабаламъ, или въ искахъ, челобитные принимать и записывать, а не судить, имать по исцѣ и отвѣтчикъ поручныя записи, и челобитные и записки присылать въ Якутской острогъ, въ съвзжую избу, и о томъ писать къ Воеводамъ Дмитрію Андрѣевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову. А какъ аже дастъ Богъ, Божіею милостию, а Государевымъ счастьемъ, на Шылку перейдете, и тѣхъ новыхъ людей Лавкай и Батогу, или иныхъ какихъ неясчныхъ

людей, идущи дорогою, по Алекмъ и по Тугирю, подъ Государеву Царскую высокую руку приведете вновь, и ясаць съ нихъ на 158 годъ возьмете и аманатовъ, и тебѣ Ерофейку, съ тою Государевою, ясачною и поминочною казною послать въ Якутскій острогъ сколько человекъ и пригоже, и той Государевъ казнѣ ясачныя имяныя книги и рѣкамъ чертежи, и многомъ по тѣмъ рѣкамъ людей живеть, и какіе люди, и о томъ описать въ Якутской острогъ, въ съзжую избу, къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову; а которые торговые, или промышленные люди будутъ на Алекмъ для своихъ торговъ и промысловъ, и тебѣ Ерофейку осматривать накрѣпко, и по осмотру что у нихъ объявитца Тунгусской перекупной мягкой рухляди, и тебѣ у тѣхъ людей Тунгускую перекупную мягкую рухлядь записывать, а тѣхъ людей за поруками отпущать въ Якутской острогъ, чтобъ они въ иные которые города не прошли и велѣть явиться въ Якутскомъ, острогъ въ съзжей избѣ, къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову, а будетъ у нихъ Тунгусской перекупной мягкой рухляди не объявитца, и тебѣ ихъ отпущать въ Якутской острогъ безъ задержанія потому же, а напрасно не примѣтываться, и о томъ о всемъ писать въ Якутской острогъ въ съзжую избу.

III.

7157 года, Марта въ 7 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Руссїи указу память Усть Куты пятидесятнику Ивану Григорьеву Шукъ, да въ Пачичейской волокъ и на Кирспу Семенкъ Чюфарову съ товарищи. Въ нынѣшнемъ во 157 году билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Руссїи старой опытовщикъ Ерофейко Павловъ Хабаровъ, а въ челобитьи своемъ объявилъ, чтобъ Государь его пожаловалъ велѣть прибрать служилыхъ и промышленныхъ охочихъ людей 150 человекъ, или сколько можетъ прибрать, которые похотятъ безъ Государева жалованья итти на Государевыхъ непослушниковъ по Алекмъ и по Тугирю и по Шилкѣ, на Лавка и на Батогу, которые Государю непо-

слушны и непокорны, а ясаку съ себя не платятъ; и по Государеву указу Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да дякъ Осппъ Степановъ, по его Ерофейкову челобитью, велѣли ему Ерофейку итти, и съ нимъ 150 чел. охочимъ людемъ, которые похотятъ безъ Государева жалованья, или сколько можетъ прибрать, на Государевыхъ непослушниковъ пеласачныхъ людей, по Алекмъ и по Тугирю рѣкамъ, и по Шилкѣ; и какъ къ вамъ сія память придетъ, и тебѣ бѣ велѣтъ кликать служилыхъ и промышленныхъ охочихъ людей, которые похотятъ съ нимъ Ерофейкомъ итти на Государевыхъ непослушниковъ, да Лавкаля и на Батогу, безъ Государева жалованья; и онъ Ерофейко станетъ тѣмъ охочимъ скуднымъ людемъ давать хлѣбъ, и всякіе запасы и судовыя снасти на 150 человекъ, и сколько можетъ прибрать, а которые служилые или промышленные люди учнутъ просить ся итти съ нимъ Ерофейкомъ безъ Государева жалованья, и тѣбѣ люди приходили къ вамъ, челобитныя приносили и имяна свои записывали у васъ.

IV.

Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, холопи твои, Митька Францбековъ, Оська Степановъ челомъ бьютъ. Въ пынѣшнемъ Государь во РНЗ году Марта въ КѠ, билъ челомъ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи, а въ Илимскомъ острогѣ въ съзжей избѣ подалъ намъ холопамъ Твоимъ челобитную, за своею рукой, старый опытовщикъ Ерошка Павловъ сынъ Хабаровъ, чтобъ Государь Ты его пожаловалъ, далъ ему служилыхъ и промышленныхъ охочихъ людей, которые похотятъ безъ твоего Государева жалованья, со сто съ пятьдесятъ человекъ, или сколько можетъ прибрать, а на подмогу тѣмъ твоимъ промышленнымъ людемъ хотѣлъ готовить онъ Ерошка свой хлѣбной запасъ и судовыя снасти, и порохъ, и свинець, и пищали, да съ тѣми промышленными людьми хотѣлъ онъ Ерошка итти на Твою Государеву службу, на новую землю на Алекмъ рѣкѣ, на Князца на Лавкаля, да на Боргатая и на его улусныхъ людей; и мы холопи Твои того Ерошку Хабарова, да съ нимъ служилыхъ и промышленныхъ

охочихъ людей, да въ подмогу оубъ Ерошка Хабаровъ десптаги и хлѣбными запасами и суда дощеники, пороухъ и свинецъ, отпустили на твою Государеву службу, на новую землю, на тѣхъ Князцевъ на Лавкая да на Боргатая и на ихъ улусныхъ людей; а велѣли мы холопи Твои тому Ерошкѣ Хабарову тѣхъ Князцевъ Лавкая и Боргатая и съ ихъ улусными людьми призывать подѣ Твою Государеву Царскую высокую руку, чтобъ онъ былъ въ Твоемъ Государевомъ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ во вѣки неподвижно, и Твой бы Государь ясакъ, соболи и лисцы, съ себя и съ улусныхъ своихъ людей давалъ Тебѣ Государю повсягодно, безпереводно; и будетъ Государь Божією милостию и твоимъ Государскимъ счастьемъ, тотъ Ерошка Хабаровъ прѣхавъ въ ту новую землю, тѣхъ Князцевъ Лавкая да Боргатая съ ихъ улусными людьми подѣ твою Государеву Царскую высокую руку приведетъ, вмѣсто твоего Государева крестнаго цѣлованья по ихъ вѣрѣ къ шерти, и въ Твое Государево вѣчное ясачное холопство учнутъ быть во вѣки неподвижно, и ясакъ Тебѣ Государь платить повсягодно безпереводно стануть, и мы холопи Твои о томъ къ Тебѣ къ Государю отпишемъ, а напередъ сего въ тую новую землю, для тѣхъ же Князцевъ Лавкая да Боргатая, носылали не по одно время письменнаго голову Василья Пояркова, да Епалея Бахтелрова, а съ ними служилыхъ многихъ людей, а Твое Государь денежное и хлѣбное жалованье, и пороухъ, и свинецъ, и пищали, давано изъ Твоей Государа казны, и они до тѣхъ Князцевъ до Лавкая и до Боргатая не дошли, а ходили они по Витиму, а не по Олекмѣ; прямой же дороги не узнали, и въ Твоемъ Государевѣ денежномъ и въ хлѣбномъ жалованьи и въ свищу и въ пороуху учинилась большая убыль.

V.

Бога въ Троицѣ славнаго милостию, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи Самодержецъ, Владимирскій и Московскій и Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Иверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ Государствъ, и Ве-

ликій Князь Нижнегорода Низовскія земли, Рязанскій, Ростовскій и Ярославскій, Бѣлозерскій, Угорскій и Обдорскій и Кондійскій, и всея Сѣвѣрныхъ страны, Повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ, Царь Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, вѣдомо Ему Государю учинилось на Амурь рѣкъ Князя Лавкаево княженіе, и по Государеву Цареву Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Указу, Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, въ прошломъ во 157 году послали Князю Лавкаю для провѣдыванія въ послахъ приказнаго челоуѣка Ярофея Хабарова не съ большими людьми, и какъ Ярофей Хабаровъ на Амурь пришелъ и Князь Лавкай съ братьями и съ улусными людьми пять городовъ своихъ покинулъ пусты, и побѣжалъ къ тебѣ Князю Богдаю; и нынѣ Воеводы Дмитрій Андреевичъ Францбековъ да Дьякъ Осипъ Степановъ того приказнаго челоуѣка Ярофея Хабарова для посольства къ тебѣ Князю Богдаю послали съ невеликими людьми, а велѣли тебѣ Князю Богдаю сказать Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи милостивое жалованное слово, чтобъ ты Князь Богдай былъ подѣ Его Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Самодержца высокою рукою въ вѣчномъ холодствѣ, со всеми своимъ родомъ и съ иными Даурскими Князьями, которые подѣ твоимъ Князь Богдаевымъ княженіемъ, и со всеми улусными людьми; а Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи силенъ и великъ и страшенъ, многимъ Царямъ и Государямъ и Великимъ Князьямъ Повелитель и Государь, и служатъ Ему Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи Самодержцу Цари и Великіе Князи со всеми своими государствами, которыя писаны выше сего въ титулѣ Государевомъ, и отъ сего Государскаго ратнаго бою никто стоять не можетъ; а про тебя Князя Богдая Ему Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи было напередъ сего невѣдомо; и нынѣ Государь изволилъ послать не большихъ людей и оказать къ вамъ свою Государеву милость и жалованное слово сказать, а не для бою; а будетъ ты Князь Богдай пеучнешь подѣ Его Государевою Царевою и

Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссiи высокою рукою въ вѣчноѣ холопствѣ быти, и Воевода Дмитрій Андреевичъ Фрапцбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, учнутъ писать на тебя Князя Богдая къ Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Руссiи къ Москвѣ, чтобъ онъ Государь велѣлъ быти своимъ Государевымъ ратнымъ многымъ людямъ, и тебя Князя Богдая, за твое непослушаніе, велитъ Государь разорити, и городъ твой взять на себя Государя, и тебя Князя Богдая и иныхъ Князей, и всѣхъ вась, и женъ вашихъ, и дѣтей безъ остатка, чтобъ смотря на тебя Князя Богдая и на твое непослушаніе и нынѣ Даурскія земли Князя, которые не подъ твоимъ княженіемъ, видя грозу Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссiи, и смертную казнь къ вамъ и разореніе, были бы покорны и послушны безъ бою, а Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Руссiи милостивъ и праведенъ, и кровей никакихъ не искатель, которые ему Государю добыють челомъ и учнутъ не противны быти, тѣхъ ихъ кровей и не искатель, и ихъ пожалуетъ, да и то тебѣ Князю Богдаю вѣдомо буди, что и до большихъ Государевыхъ людей на тебя Князя Богдая Воевода Дмитрій Андреевичъ Фрапцбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, пойдутъ со шестью тысячью, съ пушками и съ огненнымъ многымъ боемъ за твое Князь Богдаево непослушаніе; а здѣсь въ Его Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссiи въ одномъ Сибирскомъ государствѣ ратныхъ Русскихъ людей многое множество; да у Государя жъ нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссiи въ Якутскомъ острогѣ вверхъ и внизъ по Лепѣ, и по инымъ сторонамъ, въ холопствѣ Якуты и Тунгусы и Юкагиры и многіе люди, къ ратному бою навичны, и Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Руссiи на измѣнниковъ и на непослушныхъ людей въ походѣ ходять и бьются, не жалѣя головъ своихъ, и самому тебѣ Князю Богдаю вѣдомо, потому что Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Руссiи ясачные Тунгусы жили въ сосѣдствѣ живутъ безбоязно, и съ Князь Лавкаевыми съ улусными людьми сходились съ Олекмы на Шильскихъ и на Амурскихъ вершинахъ.

VI.

Бога въ Троицѣ славимаго милостью, Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи Самодержецъ, Владимирскій и Московскій и Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Иверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болдарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Нижняго Новагорода Низовскія земли, Рязанскій, Ростовскій и Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій и Обдорскій и Кондійскій и всея Сѣверныя страны, Повелитель и Государь Иверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, Кабардинскія земли Черкасскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, вѣдомо Ему Государю учинилось: Даурская земля на Амурь рѣкъ твое Князь Лавкаево княжене, и по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи указу Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, въ прошломъ во 157 году послали къ тебѣ Князю Лавкаю для провѣдыванья въ послахъ приказнаго чело-
вѣка Ярофея Хабарова не съ большими людьми; и какъ Ярофей Хабаровъ на Амурь рѣку пришелъ, и ты Князь Лавкай съ братьями и съ улусными людьми пять городовъ своихъ покинулъ пусты, а побѣжалъ ты Князю Богдаю; и нынѣ Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, того жъ приказнаго чело-
вѣка Ярофея Хабарова для посольства къ тебѣ Князю Лавкаю послали съ невеликими людьми, а велѣли тебѣ Князю Лавкаю сказать Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи милостивое жалованное слово, чтобъ ты Князь Лавкай былъ подѣ Его Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Самодержца, высокою рукою въ вѣчномъ холодствѣ, со всемъ своимъ родомъ, и съ иными Даурскими Князьями, которые подѣ твоимъ Князь Лавкаевымъ княженіемъ, и со всеми улусными людьми. А Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи силенъ и великъ, и страшенъ многимъ Царямъ и Государямъ, и Великимъ Князьямъ Повелитель и Государь и служатъ Ему Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи Самодержцу Цари

и Великіе Князи со всѣми своими государствы, которые выше писаны сего, и отъ Его Государскаго ратнаго бою никто стоять не можетъ; и про тебя Князя Лавкаю Ему Царю нашему Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи было напередъ сего невѣдомо, и нынѣ Государь изволилъ послать небольшихъ людей и оказать къ вамъ Свою Государеву милость и жалованное слово сказать, а не для бою, а буде ты Князь Лавкай не успеешь быть подъ Его Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи высокою рукою въ вѣчпомъ холопствѣ, и Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, учнутъ писать на тебя Князя Лавкаю Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи къ Москвѣ, чтобъ онъ Государь велѣлъ быть своимъ Государевымъ ратнымъ многимъ людямъ, и тебя Князя Лавкаю за твое непослушаніе велить Государь разорить и городъ твой взять на Него Государя, и тебя Князя Лавкаю и иныхъ Князей, и всѣхъ васъ, и женъ вашихъ и дѣтей побить безъ остатка, чтобъ смотря на тебя Князя Лавкаю и на твое непослушаніе и иные Даурскія земли Князи, которые не подъ твоимъ княженіемъ, видя грозу Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи, и смертную казнь и разоренье, были покорны и послушны безъ бою; а Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи милостивъ и праведенъ, и кровей ни чьихъ не искатель, которые Ему Государю добыють челомъ и учнутъ не противны быть, тѣхъ ихъ кровей неискатель и ихъ помилуетъ; да и то тебѣ Князю вѣдомо буди, что и до большихъ Государевыхъ людей на тебя Князя Лавкаю, я Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ да Дьякъ Осипъ Степановъ, пойдемъ съ шестью тысячами съпушками и съ огненнымъ многимъ боемъ, за твое Князь Лавкаево непослушаніе; а здѣсь въ Его Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи въ одномъ Сибирскомъ государствѣ ратныхъ Рускихъ людей многое множество; да у Государя жъ нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи въ Якутскомъ острогѣ въ верхъ и въ низъ по Ленѣ, и по инымъ стороннимъ рѣкамъ, въ Его Государевѣ въ вѣчномъ въ мѣсячномъ холопствѣ Якуты и Тунгусы и Юкагири многіе

люди и ратному бою навъчыны, и Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи на измѣнниковъ и на непослушныхъ людей въ походы ходять, и быются пещади головъ своихъ, и самому тебѣ Князю Лавкаю вѣдомо, потому что Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи ясачные Тунгусы съ тобою вмѣстѣ въ сосѣдяхъ живутъ безбоязненно, съ твоими Князь Лавкаевыми съ улусными людьми сходились съ Олекмы на Шильскихъ и на Амурскихъ вершинахъ.

Подпись у ермакы:

По Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи указу грамота Князю Лавкаю припятъ, любительный отвѣтъ учинить противъ Его Государева милостиваго приказу.

VII.

Лѣта 7158 года, Іюль въ 9 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи указу и по приказу Воеводы Дмитрія Андреевича Фраицбекова, да Дьяка Осипа Степанова, взать приказному челоуку Ярофею Павловичу Хабарову, да съ нимъ Якутскаго острога служилымъ людямъ двадцати одному челоуку, да промышленнымъ охочимъ сту семнадцати челоукамъ, въ новую Даурскую землю, для того, что въ прошломъ по 157 году Марта въ 9 числѣ, что посылаиъ онъ Ярофей Хабаровъ по приказу изъ Илимскаго острога, служилыми съ охочими людьми безъ Государева жалованья, да въ подмогу онъ Ярофей свои хлѣбные запасы и суды и судовыя спасти и порохъ и свинець и шпцалы, на новую Даурскую землю по Олекмѣ рѣкѣ на Князя Лавкаю, да на его улусныхъ людей, да на Гильдягу, а велѣно ему Ярофею показать тѣмъ Князя Лавкаю, да Гильдягу и съ ихъ улусными людьми призывать не боемъ, а ласкою, подѣ Государеву Царскую высокую руку, чтобъ они были въ государствѣ въ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ во вѣки неподвижны, и Государевъ бы ясакъ соболи и лисицы съ себя и улусныхъ людей своихъ давали Государю по вся годѣ безпереводно; и въ нынѣшнемъ 158-мъ году, въ великое заговѣнье, передъ масленицею, Ярофей Хабаровъ съ служилыми и промышленными охочими людьми прѣхавъ въ ту Даурскую

новую землю, и Божіею милостию, а Государскимъ счастьемъ нападе на нихъ страхъ Божій, и покажися имъ многіе Государевы люди идуть, и тотъ Князь Лавкай съ братьями своими и съ улусными людьми, покинул свой городъ, побѣжалъ ко князямъ Шильгинѣю и Гильдегъ, а живетъ де онъ Князь Лавкай нынѣ, со всѣми своими улусными людьми, у тѣхъ князей у Шильгинѣя да у Гильдиги, и Ярофей Хабаровъ съ тѣми своими служилыми и промышленными охочими людьми заселилъ тутъ Князь Лавкаевъ одинъ городъ, и нынѣ въ немъ сидятъ Ярофеева полку Хабарова семьдесятъ человекъ, и иные города заселить было пектѣмъ; и Ярофею Хабарову Якутскаго острога со служилыми и промышленными охочими, людьми следуя дорогою, учнутъ прибывать, охочіе промышленные люди сверхъ Якутскаго сбора, и ему Ярофею тѣхъ людей къ себѣ въ полкъ принимать, да съ тѣми охочими людьми на Князя Лавкая, да Князя Шильгинѣя, да на Князя Гильдигу, и на улусныхъ ихъ людей, и на иныхъ захребтныхъ ихъ ясачныхъ же людей, для Государева Царева и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи ясачнаго сбора и для приему новыя земли итти бережно и остерегательно, и на стапѣхъ ставится съ карауломъ, чтобъ пришедъ ратными людьми дурна не учпили и дошедъ Олекмою рѣкою и по Тугиру рѣкъ до Волоку до острожка, что нынѣ идучи дорогою поставилъ ты Ярофей съ своими ратными людьми, на усть Укача рѣки, и отъ усть Укача рѣки на Урпу рѣку, а съ Урпы рѣки на великую Амурь рѣку прибить тебѣ Ярофею со служилыми и охочими, промышленными людьми въ Князь Лавкаево княженіе въ городъ, и въ томъ городѣ въ Князь Лавкаевъ въ княженіе огненной бой пушки на башняхъ поставить, и жить съ великимъ береженіемъ, чтобъ въ томъ городѣ будучи для Государева ясачнаго сбора отъ прихода пемірныхъ неясачныхъ людей безъ страшно и безболзненно, и посылать ему Ярофею ко Князю Лавкаю, да ко князю Шильгинѣю, да ко князю Гильдигъ, и велѣть имъ говорить Лавкаю, чтобъ они Князь Лавкай, да Князь Шильгинѣй, да Князь Гильдига были подъ Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою въ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ на вѣки неотступны, и ясаку бы они Князь Лавкай и Князь Шильгинѣй и Князь Гильдига съ себя и ихъ улусныхъ людей давалъ еже-

годно безпереводно, а которые будутъ изъ нихъ непослушны и непокорны, Государева ясака платитъ не учнутъ, и для тѣхъ непослушныхъ неясачныхъ людей, и которыхъ захребетныхъ людей имать выбирая, и Тунгусскихъ ясачныхъ иноземцовъ значущихъ людей добрыхъ, сколько человекъ пригоже, чтобъ кто зналъ провожать и указывать Рускимъ ратнымъ людямъ не на ясачные мѣста, гдѣ кто живетъ по кочевьямъ; а будетъ они иноземцы Князь Лавкай, да Князь Шильгинѣй, да князь Гильдига, и ихъ улусные люди и ихъ всѣ неясачные захребетные люди подѣ Государевою Царскою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи высокою рукою будутъ послушны и покорны, и ясакъ съ себя и своихъ улусныхъ людей по вся годы платити учнутъ, и имѣ Князю Лавкаю и Князю Шильгинѣю и Князю Гильдигѣ своими улусными людьми жить на прежнихъ своихъ кочевьяхъ безбоязно, и велитъ Государь ихъ оберегать своимъ Царскимъ ратнымъ людямъ; и того Князя Лавкай и Князя Шильгинѣя и Князя Гильдигу и иныхъ улусныхъ людей и съ ихъ улусными людьми по ихъ вѣрѣ привести къ шерта, на томъ, что имѣ быти со всѣмъ родомъ и съ улусными людьми подѣ Государевою Царскою и Великою рукою Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою на вѣки неотступно въ прямомъ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ, и ясакъ Государевъ съ себя и со всѣхъ своихъ родовъ давать по ихъ мочи, по вся годы безпереводно, а котораго города тѣхъ новыхъ неясачныхъ людей и кого имнемъ къ шерти приведутъ, и тѣхъ лутчихъ людей имяна у себя записывать въ книгу, а приведши ихъ къ шерти и взяти въ аманаты у нихъ лутчихъ людей, чтобъ впередъ съ тѣхъ родовъ Государевъ ясакъ ласкою имать по вся годы, а имѣ Князю Лавкаю и Князю Шильгинѣю, да Князю Гильдигѣ и ихъ улуснымъ людямъ и инымъ захребетнымъ неясачнымъ людямъ заказывать на крѣпко, устраивая Государевою грозною и смертною казнью, чтобъ они торговыхъ и промышленныхъ людей грабить и побивать и ни чемъ тѣспитъ и изобижать имѣ не велѣтъ, а будетъ тѣ новые неясачные люди учинятся непослушны, Государева ясака и аманатовъ давать не учнутъ, и ему Ярофею со служилыми и промышленными людьми, прося у Бога милости, надъ ними промышленять войскою, всѣми служилыми и съ промышленными людьми, чтобъ ихъ немирныхъ не

ясачныхъ людей ратнымъ обычаемъ войною смирить, и аманатовъ у нихъ взять лутчихъ людей, подъ кого бы можно впредь ясакъ на Государя взять, и смотря по тамошней мѣрѣ всякими мѣрами промышляти надъ иноземцы надъ Князь Лавкаемъ, да надъ Князь Шильгинѣемъ, да Княземъ Гильдигою, и надъ иными неясачными людьми, съ великимъ радѣніемъ непопашно, чтобъ Государевъ ясачной казнѣ учинить немалой прибыли, которая бы Государю впредь прочна была и стоятельна, за ту службу видѣть въ государствѣ жалованье, а однолично тебѣ Ярофею Государевымъ дѣломъ радѣть, подъ Государеву Царскую высокую руку Князя Лавкаля, да Князя Шильгинѣя, да Князя Гильдигу и иныхъ неясачныхъ непослушныхъ людей, которые Государю ясака не платятъ, приводить и смирять ихъ, прося у Бога млости, приходить на нихъ безвѣстнымъ тайнымъ обычаемъ и смирять ихъ ратнымъ боемъ; а будетъ Богъ помощи подастъ, и будутъ подъ Государевую высокую рукою, то съ нихъ имать собольи шубы, соболи и ожерелья, и пластины соболи и наполники соболи, и лисицы черныя и чернобурыя и бурыя и черпочеревыя и красныя, и шубы горносталя, и бобры и выдры, а у которыхъ будетъ неясачныхъ людей степныя мѣста, а не лѣсныя, а въ тѣхъ степныхъ мѣстахъ соболей и лисиць, и бобровъ и выдровъ дѣть, и съ тѣхъ людей имать иными какими сборми, или узорочными товары, что у нихъ въ землѣ есть, золото или серебро, или камни, или каменье дорогое, по ихъ изможеню, а тѣмъ бы они не раздумали, что для своей ясачной звѣрипой скудости имъ не быть подъ Государевую высокую рукою, и имъ бы однолично ни въ томъ не опасаться, и впередъ бы Государю прочно было и стоятельно, а имъ бы новымъ людямъ не тягость и не въ налогъ, чтобъ тѣмъ отъ Царскія руки не отгонить; да есть де имъ всѣмъ Князь Богдай, и Ерофею и ко Князю Богдаю посылать посланниковъ, а велѣть имъ говорить, чтобъ Князь Богдай съ родомъ своимъ и съ племенемъ и со всѣми улусными людьми былъ подъ Государевую нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою въ холопствѣ, потому что Государь нашъ страшенъ и великъ, и многимъ Государствамъ Государь и обладатель, и отъ Его Государскаго ратнаго бою никто не могъ стоять, а про ихъ землю Государю нашему было неизвѣстно, а пышъ Ему Государю въ-

домо учинилось, велѣвъ послать своихъ Государевыхъ ратныхъ людей не для бою, для того, что велѣвъ имъ говорить, чтобъ онъ себя не разорялъ и бою бы съ Его Государими людьми не чинили, потому что многихъ государствъ Государи живутъ при Его Государевъ милости въ холопствѣ, въ тишинѣ и благоденствѣ, и Ему Государю служить и дань даютъ, и онъ бы Богдай по томужъ съ себя и своихъ людей Государю дань давалъ златомъ и серебромъ и драгимъ камнемъ и узорочимъ; и будетъ Князь Богдай съ родомъ своимъ и со всеми оными улусными людьми подъ Его Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою будутъ послушны и покорны, дань и ясакъ съ себя и рода своего и со всеми улусными людьми по вся годы учнутъ платить, и имъ Князь Богдаю со всеми своими улусными людьми жить на прежнихъ своихъ городахъ безъ боязни, и велитъ Государь ихъ оберегать Своимъ Государевымъ ратнымъ людемъ, и того Князя Богдая съ родомъ своимъ и съ племянемъ и съ его улусными людьми по ихъ вѣрѣ привесть къ шертѣ; на томъ, чтобъ быти со всемъ своимъ родомъ и улусными людьми подъ Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою на вѣки неотступно въ прямомъ холопствѣ, а будетъ Князь Богдай съ родомъ своимъ и племянемъ и улусными своими людьми учинятся да непослушны и непокорны и Государева ясакъ и аманатовъ давать не учнутъ, и ему Ярофею съ товарищи служилыми и промышленными людьми безвѣстнымъ и тайнымъ обычаемъ смирять ихъ ратнымъ боемъ, и какъ Богъ помощи подасть, и будетъ подъ Государевою высокою рукою, и съ него Богдая имать дань или ясакъ собольи шубы, соболи и ожерелья и пластины соболи и наполники соболи, и лисицы черныя и чернобурья и бурья и черно-черевые и красныя и шубы горностални, и бобры и выдры, а у которыхъ будетъ лѣсачныхъ людей степныя мѣста, а не лѣсныя, а въ тѣхъ степныхъ мѣстахъ соболей и лисицъ, и бобровъ и выдръ пѣтъ и съ тѣхъ людей имать иными какими сборми или узорочными товарами, что у нихъ въ ихъ землѣ есть, золото или серебро, или камни или каменье дорогое, по ихъ изможенью, а за тѣмъ бы онъ не раздумывалъ, что для своей лѣсачной звѣриной скудости имъ небыть подъ Государевою высокою, рукою и имъ бы ни въ чемъ одно лично въ томъ не

опасаться и впредь бы Государю прочю было и стоятельно, а имъ бы новымъ людямъ не въ тягость и не въ палогъ, чтобъ имъ тѣмъ отъ Царскія высокія руки не отгонить, а имать у нихъ, что имъ въ мочь платить; а будетъ они Князи Лавкай, Шильгиней и Гильдигъи и Князь Богдай съ родомъ своимъ и улусными людьми платить не учнутъ, а подъ Государевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ быть не захотятъ, и на нихъ на Князей на Лавкаю и на Шильгиней и на Гильдига и на Князь Богдаю и на иныхъ неясачныхъ людей, прося у Бога милости, Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, будутъ они собравъ вся со многими ратными большими людьми, и велеть ихъ всѣхъ побивать и вѣшать и разорять, а пововавъ до основанья женъ ихъ и дѣтей въ полонъ возмутъ, а будетъ они неясачные люди Государю покорны и послушны во всемъ будутъ, и иныхъ людей потомужъ приводить по ихъ вѣрѣ къ шертѣ, что они однолично бывъ подъ Государевою Царскою Высокою рукою въ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ во вѣки неподвижно быть, а ясакъ бы съ себя и улусныхъ своихъ людей по вся годы безпереводно платить; и межъ служилыми промышленными людьми, которые съ нимъ Ярофеемъ охочіе люди и тѣхъ людей судить и расправа чинить, смотря по винѣ, ото всякого дурна унимать, и за непослушаніе и за воровство чинить имъ наказаніе, а будетъ которые служилые и промышленные люди учнутъ тебѣ Ярофею челобитныя подавать о судѣ по кабаламъ, то судить ихъ, а въ большихъ дѣлать срочить въ Якутской Острогъ, имать по ихъ поручныя записки, и поручныя записи и челобитныя и записки присылать въ Якутской острогъ, въ свѣзжую избу къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да Дьяку осипу Степанову; да емужъ Ярофею бередины смотрѣть накрѣпко, чтобъ сторонніе торговые и промышленные люди у ясачныхъ иноземцовъ мягкія рухляди никакой не покупали, а будетъ стапуть съ иноземцами торговати и мягкую рухлядь покупать, и ему Ярофею у тѣхъ людей та иноземная мягкая рухлядь имать на Государя, и присылать въ Якутской острогъ, и тѣхъ людей, у кого будетъ взята, присылать въ Якутской острогъ за приставы или за порукою, а въ Якутскомъ острогѣ велѣть лвиться въ свѣзжей избѣ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да Дьяку Осипу Сте-

напову; въ другіе Божією милостію а Государевымъ счастьемъ, на Шилку рѣкую перейдете и на Велику рѣку Амуръ въ Князь Лавкаево княжене въ городъ прїѣдете, и тѣмъ повыхъ людей Князя Лавкаля, и Князя Шильгиня и Князя Гильдигу и Князя Богдалъ съ родомъ и со всѣми ихъ людьми, или инымъ какихъ неясачныхъ людей, идучи дорогою по Олекмѣ и по Тугирию подѣ Государеву Царскую высокую руку приведете вновь и ясаку съ нихъ впередъ на 159 годъ возьмете и аманатовъ поймаете, и Ярофею съ тою Государевою ясачною и поминочною казною послать въ Якутской острогъ сколько человекъ пригоже и той Государевъ ясачной соболиной казнь ясачныя именныя книги, и рѣкамъ чертежи, и много ли по тѣмъ рѣкамъ людей живеть и каковы люди и о томъ отписать въ Якутской острогъ въ съвзжую избу, къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову. А какъ онъ Ярофей учеть посылать ко Князю Богдаю служилыхъ людей въ послы, и ему Ярофею написать Государева титла слово въ слово, и приказать говорить въ посольствѣ про Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи многолѣтнее здорovie въ Его Государеву повышенью съ большимъ опасеньемъ, и никакою простотою въ посольствѣ не оказаться, а титла писаны ниже сего.

Бога въ Троицѣ славимаго милостію, Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи Самодержецъ, Владимірскій и Московскій и Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Иверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Нижняго Новгорода, Низовскія Земли, Рязанскій, Ростовскій и Ярославскій, Бѣлозерскій и Удорскій и Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны, Повелитель Иверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, Кабардинскія земли Черкасскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель.

«Вельми говорить по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи указу Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, тебѣ Князю Богдаю, чтобы ты былъ подѣ Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Само-

держца высокою рукою, а Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи силенъ, великъ и страшень многимъ Царямъ и Государямъ, и Великимъ Князьямъ Повелитель и Государь, и служатъ Ему Государю Царю и Великіе Князья со всеми своими государствы, которые всѣ выше въ Государевѣхъ титулахъ написаны, и отъ Его Государскаго ратнаго боя никто стоять не можетъ, а про тебя Князя Богдая. Ему Государю было невѣдомо, и нынѣ Государь изволилъ намъ приказать послать небольшихъ людей и оказать къ вамъ Государеву милость, посланы не для бою, что бы ты Богдай былъ подъ Его Государевою высокою рукою, а будетъ ты Богдай не будешь подъ Его Государевою высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ, и мы будемъ на тебя писать къ Великому Государю своему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи къ Москвѣ, чтобъ Онъ Государь велѣлъ быть Своимъ Государевымъ ратнымъ многимъ людямъ, и тебя Богдая за твое непослушаніе велѣлъ Государь разорить и городъ твой взять на Себя Государя, и всѣхъ васъ, и женъ и дѣтей вашихъ побить безъ остатка, чтобъ смотря на тебя Князя Богдая и на твое непослушаніе и иныя Даурскія земли Князи, которые не подъ твоимъ княженьемъ живутъ, видя Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи и смертную казнь и разореніе, были бы покорны и послушны безъ бою, а Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи милостивъ, кровямъ не чымъ нескатель, которые Ему Государю добьютъ челомъ въ холопствѣ и учнутъ непротивны быть, тѣхъ ихъ кровей и не искатель и ихъ пожалуетъ, да и тебя Князю Богдаю вѣдомобъ было, что и до большихъ Государевыхъ людей на тебя Князя Богдая Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ и Дьякъ Осипъ Степановъ пойдутъ шестью тысячь съ пушками и съ огненнымъ многимъ боемъ, за твое Богдаево непослушаніе. Люди посланы были для провѣдыванія Лавкаева княженія; а нынѣ посланы небольшіе люди для посольства и вѣдомости: будетъ ли твое Богдаево послушаніе? А здѣсь въ Его Государевѣхъ Царевѣхъ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ одномъ Сибирскомъ государствѣ и вверхъ и внизъ по Ленѣ и по инымъ стороннимъ рѣкамъ въ Его Государевѣхъ въ вѣчномъ холопствѣ въ одномъ городѣ Якуты, Тунгусы и Юкагиры многіе люди

ратному бою павычны, и Государю нашему Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу всея Русіи на измѣнниковъ и на непослушныхъ людей въ походы ходять и бьются, не щадя головъ своихъ въ смерти, и самому тебѣ Князю Богдату вѣдомо, потому что Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Русіи ясащыя Тугусы съ Князь Лавкаевыми съ улусными людьми сходятся и живутъ съ Олекмы на Шильскихъ и на Амурскихъ вершинахъ.

VIII.

159 года Марта въ . . день, я въ новой Даурской землѣ Князя Лавкаевъ, во Албазинѣ городѣ, приказной человекъ Ярофей Хабаровъ Даурскихъ языковъ, которые взяты на бояхъ, Князьковыхъ Шилчинковыхъ дѣтей Араула Дамазигу, да егожъ Шилчинцица сына Агантимураулана, Князя Шурипа Тычигея распрашивалъ, какіе люди живутъ на Амурѣ и по инымъ постороннимъ рѣкамъ, какіе у нихъ города и тѣми городами кто у нихъ владѣть, и какія у нихъ узорочья живутъ?

И въ распросѣ Даурскіе языки, Князевскіе дѣти Шилгиневы Арауль Дамазева Дагапъ Тимра, Князя шуринъ Тычигей сказали: сверхъ до Шилки рѣки и по Амуру впизъ живутъ городами Даурскіе Князья, Князь Лавкай, да Князь Шилгиней, да Князь Албаза, да Князь Ату, да Князь Десауль, да Князь Балбулай, да Князь Гогуданъ, да Князь Якорей, да Князь Шочкань, и тѣ де всѣ Даурскіе Князья съ себя и своихъ улусныхъ людей платятъ ясакъ по всѣ годы Богдайскому своему Царю Шамшакану; Царь же Шамшаканъ посаженникъ Царя Алакабатуракана, а тотъ де у нихъ Царь Алакабатураканъ Царю Шамшакану и Даурскимъ Князьямъ Даурской области великъ и грозенъ, а которой де ясакъ Царь Шамшаканъ емлетъ съ Даурскихъ Князей, и съ ихъ улусныхъ людей, и тотъ де ясакъ отсылаетъ онъ, Царь Шамшаканъ къ Царю Алакабатуракану, а Шамшаканъ де Царь живетъ на Нонъ рѣкѣ, а Нона рѣка пала въ море, а которые де Дауры и Жулеры и Натки ходять къ нему, Шамшакану, съ ясакомъ черезъ хребетъ копемъ съ Амура напрямую дѣль педѣля, а воднымъ путемъ съ Амура рѣки по рѣкамъ

же, которые пали въ Амуръ, по Наупу и Посилпму, и по Илнму водянымъ путемъ въ судахъ четыре недѣли, а съ Илнму рѣки черезъ хребетъ на Кону рѣку волоку пѣшого хода четыре дни, а по тѣмъ де рѣкамъ стоять у нихъ города, деревянные и каменные, и у Царя де Шамшакана на городахъ пушки есть, а какъ де на въѣздѣ случится на бояхъ, и онъ де бьется на бояхъ лучшимъ боемъ и саблями и копьями, да у нихъ де на Шулнмъ рѣкѣ гора, а въ той горѣ руда серебрянная, и съ той де руды они плавятъ серебро, и стоять де у той горы, для обереженія оныхъ земель, на караулѣ Богдайскіе люди же по пяти сотъ человекъ днемъ и ночью, всѣ въ кучкахъ по переѣздамъ безпрестанно, а которые де люди приходятъ къ той горѣ свѣдома Шамшаканова по серебрянную руду, и тѣ де люди копаютъ изъ той горы серебрянную руду въ мѣру, а на Шамшакана де Царя выдѣлаютъ мѣру; а ходу де до той горы отъ Албазина города сухимъ путемъ черезъ гору конемъ ѣхать двѣ недѣли, а выше де того города, съ Шилки рѣки, есть де другой прямой путь до той серебрянной горы, ѣхать конемъ семь дней, и про тотъ де у нихъ путь заказъ всякимъ людямъ положенъ жестокой, чтобъ тѣмъ путемъ никакъ люди не ѣздили, а кто де будетъ тѣмъ путемъ поѣдетъ, Царь Шамшаканъ тѣхъ людей поймать и велитъ казнить смертною казнью; да тутъ же де на Шилнмъ живутъ люди Арары, и тѣ де люди дѣлаютъ золото и серебро, да у нихъ же родится жемчугъ и камень драгое, нилы всякія краски и шелки, тѣми красками крашены всякими разповитыми цвѣты и всякіе дорогіе товары, атласы и бархаты, и каемъ, и тафты, и кивдаки, и кумачи, а нилые де люди у нихъ слывуть чинные, и тѣ де люди у нихъ мудры гораздо, дѣлаютъ де они на своего Царя Алакабатуракана и на Багдацкаго Царя Шамшакана, всякія дорогія узорочья; да нилыхъ де всякихъ людей подѣ ихъ областью, и всякихъ дорогихъ узорочныхъ товаровъ многое множество, да и на Великой де рѣкѣ Амуръ, и по инымъ стороннимъ рѣкамъ, живутъ многіе люди Дауры и Жюгеры городами и улусами, и пашни пахутъ большія, и родится де у нихъ желѣзо, и мѣдь, и олово, и свинець, а всѣ де тѣ люди платятъ съ себя ясакъ Багдадскому Царю Шамшакану собольми. Того съ нихъ ясаку идетъ Шамшакану Царю противъ Государевы казни, почему посылается на годъ къ Государю къ Москвѣ

изъ Ленскаго Якутскаго острога; а пняже къ морю, по Амуру, и на море по губамъ, и по островамъ, живутъ люди, лсаку де съ себя никому не платятъ, и съ натками прѣзжаютъ и торгуютъ, и на устье де Нопы и Надна рѣки отъ Багдатскаго Царя Шамшакана Князя во мѣсто, и тотъ де Князь Гипа водить на Царя своего Шамшакана гуси и лебеди и куры, и ловить всякую добрую рыбу на пегожь; Шилки рѣки есть пелсачной Князь Гаутимуръ Улапъ, и про того Князя шуринь его Тычилей, въ роспросѣ сказалъ: подъ тѣмъ де Княземъ Гаутимуромъ живутъ люди Шарадувы и Шлюды и Ночега многіе и большіе, и тотъ де Князь Гаутимуръ Улапъ съ Рускими людьми драться не станеть, и ясакъ де съ себи и съ улусныхъ людей платить. Да въ верхужь по Амуру рѣкѣ живутъ люди Таргачины, и противъ ихъ иноземцы, и Государскимъ счастиемъ тою новою Даурскою землею обовладѣть будетъ можно и подъ Государскую Царскую Высокую руку привести, и та повая Даурская земля будетъ Государю второе Сибирское царство, и впередъ будетъ та Даурская земля проча и постоянственна; да опижь Даурскіе языки въ приспросѣ сказали, что де Даурскіе Князья сверхъ Амуры бѣжать всѣ на низъ къ большимъ людямъ и близко де Рускихъ людей жить не смѣють, а ждуть къ себѣ оборони отъ Багдатскаго Царя Шамшакана и Алакабатуракана Царя.

IX.

Росписъ Государевъ Царевъ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи Его Государевъ соборной казнѣ новой Даурской земли пинѣшняго 159 года.

Сорокъ соболей съ полухвосты и у всякаго соболя по одной лапѣ. Цѣна 100 рублей.

Сорокъ соболей съ полухвосты и у всякаго соболя по одной лапѣ. Цѣна 60 рублей.

Сорокъ соболей съ полухвосты и у всякаго соболя по одной лапѣ. Цѣна 47 рублей.

Сорокъ соболей съ полухвосты и у всякаго соболя по одной лапѣ. Цѣна 35 рублей.

6 соболей съ полухвосты и у всякаго соболя по одной лапѣ, въ томъ числѣ одинъ соболь битъ. Цѣна 5 рублей.

Да пзъ тѣхъ же изъ Государевыхъ изъ ясачныхъ соболей 4 сорока, 6 пупковъ собольныхъ. Цѣна 21 рубль.

Шуба соболя, а въ ней 28 пластинъ собольныхъ, по швамъ покрыто кумачемъ лазоревымъ. Цѣна 30 рублей.

А разбирали и цѣнили ту Государеву ясачную мягкую рухладъ Рускихъ и поморскихъ городовъ торговые люди, гостя Василья Запши прикащикъ.

Гостя Василья Шерина, прикащикъ Ивашию Власовъ, да Сергушка Васильевъ гостя Кирила.

Гостя Данила Панкратьева, прикащикъ Андрюшка Косыдыпъ.

Гостиной Сотни Никитора Ревкина, прикащикъ Ивашка Никитцевъ.

Гостиной Сотни Павла Девякова, прикащикъ Лука Володмировъ.

Гостиной Сотни Александра Баева, прикащикъ Андрюшка Балакшинъ.

Суконной Сотни Дементя Кирилова, прикащикъ Федотко Боршовъ.

Торговые люди:

Ивашка Пеуновъ.

Васильевъ сынъ Колупаевъ.

Прокопьевъ сынъ Хабаровъ.

Бориско Игнатьевъ Кошкודהевъ.

Оптошко Семеновъ.

Федька Ивацовъ Лаптевъ.

Ивашко Семеновъ сынъ Самойловъ.

Стольника и Князя Семена Ивановича Прозороваго, крестьянина Матюшка Юрьевъ Кошкинъ.

Ивашко Семеновъ Коровниъ Устюжанинъ.

Степка Васильевъ Вятчанинъ.

Ивашко Ивановъ Заметинъ Юрдавскій.

Назарко Ефремовъ сынъ Ярославецъ.

Васька Емельяновъ сынъ Бѣломоевъ Устюжанинъ.

Артемьевъ Оцепковъ Федоровъ.

Ивашка Яроевъ Замарадской Москвичъ.

Оленка Мартыновъ.

Гришка Сергеевъ Мянцоновъ.

Иванка Яковлевъ.
Степка Еадокимовъ Журлиной.

Х.

Государю Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу Всея Русіи, холопи Твои Митька Францбековъ, Оська Степановъ челомъ бьютъ : въ нынѣшнемъ Государь во 159 году Мая въ 29-й день, писалъ Государь къ намъ холопанъ Твоимъ изъ новой Даурской земли приказной человекъ Ярофей Хабаровъ, что въ прошломъ Государь 158 году по Твоему Цареву указу послали мы холопи Твои его Ярофея съ служилыми и съ охочими промышленными людьми, на твою Государеву службу, въ новую Даурскую землю, на Твоихъ Государевыхъ непослушниковъ, на Даурскихъ людей, на Князя Лавкаю съ товарищи, для привоуду подъ Твоею Государеву Царскую высокую руку, и для твоего царства ясачнаго сбора, и для Государь провадывація серебряными руды, и оны де Ярофей съ служилыми и охочими, съ промышленными людьми, въ прошломъ во 158 году, на ту Твою Государеву службу шелъ и пришелъ въ новую Даурскую землю, на великую на Амурь рѣку, въ Князя Лавкаево княженіе, и къ Даурскому городу, и они де Государь Даурскіе люди подсмотря ихъ и не допустя до того ихъ Даурскаго города вышли на вылазку, и въ томъ мѣстѣ съ ними бой поставили, и билися де съ ними съ половина дни до вечера, и на томъ де Государь бою ихъ Даурскихъ людей многихъ побили, а у него де Государь Ярофея въ полку ни одного человека до смерти не убили, только де Государь переранили двадцать человекъ, и тѣ де Государь Даурскіе Князья, и съ своими улусными людьми, противъ того ихъ бою стоять не могли, и покипя тотъ свой городъ, и съ хлѣбными запасы; пометався на кони, всѣ побѣжали въ явзъ по Амуру рѣкѣ, къ коннымъ большимъ людямъ, и оны де Ярофей, съ тѣмъ войскомъ, тотъ Албазинъ Даурской городъ и засѣлъ, и того жъ Государь дни оны же де Ярофей послалъ служивыхъ людей, Дунай Трофимова, Тренку Ермолина, да съ ними охочихъ промышленныхъ людей сто тридцать пять человекъ въ легкихъ стругахъ, за тѣми за Даурскими людьми въ погоню и подъ городъ Князя Атуя, и тѣ де Государь служа-

лые люди до того города Князя Атуя плыли почь, и на утро де, Государь, ть Даурскіе Князья съ своими людьми, увидя тотъ ихъ служилыхъ людей приплавъ и полчаса страхомъ одержимы, и тотъ свой городъ зажгли, и зажегши на кони пометались, и отъ того города всь побѣжали на низъ по Амуру рѣкъ, и служилые де, Государь, люди, увидя надъ собою Божию помощь, что ть Даурскіе люди отъ нихъ побѣжали, и бою съ ними не поставили, и они де Государь за тѣмъ Даурскими людьми отъ того мѣста гналися, съ утра до половины дни, и въ половину дни тѣхъ Даурскихъ людей достигли, и съ ними де Государь, бой учинили, и Божіею де милостию, и твоимъ Государскимъ счастиемъ, на томъ бою многихъ Даурскихъ людей побили, и рогатаго скота у нихъ отбили сто семнадцать скотинъ, а у нихъ де у служилыхъ людей на томъ бою переранили девять человекъ, и съ тѣмъ де Государь, скотомъ служилые люди пришли всь въ Албазинъ городъ 11 Ноября; да Государь, въ 29 день онъ же де Ярофей, съ служилыми людьми, въ походъ ходилъ на партахъ, съ Твоимъ Государевымъ большимъ ружьемъ, съ двумя пушками, а въ городъ де Государь, оставалъ не съ большихъ людей, и шли де они, Государь, отъ своего, отъ Албазина города, внизъ по Амуру рѣкъ, девять дней, а въ десятой де Государь день встрѣтили де ихъ конные Даурскіе Князья съ большимъ де своимъ войскомъ, и въ томъ де Государь, мѣстѣ съ ними бой поставили и былися де Государь, съ ними день весь, съ утра и до вечера, и многожь де Государь, Даурскихъ людей побили и ть де Государь, Даурскіе люди противъ того ихъ бою и пушекъ стоять не могли и отъ нихъ всь побѣжали, и онъ де Ярофей на усть Шыки рѣки, на великой рѣкъ Амуръ, для Государь поселенья пашенново, и для приходу Русскихъ людей новый поставилъ острогъ, въ угожемъ, въ крьикомъ мѣстѣ подь волокомъ, гдѣ Государь переходить будетъ Рускимъ людямъ пѣшею ногою, сухимъ путемъ только въ два дни, и въ томъ де Государь, острогъ для пашни оставилъ онъ, Ярофей, на своихъ проторяхъ и съ своими подьемы двадцать человекъ. А для Государь службы и для привоуду подь Твою Государеву Царскую высокую руку Князя Гаптимураулаха и Таргачина для ясачнаго сбора служилыхъ людей тридцать человекъ; и будетъ де тебѣ Государю въ произволъ послать

на бѣлкую на Амурь рѣку ссыльныхъ или иныхъ какихъ людей для пашеннова поселенія, и на Амурь де, Государь, рѣкъ пашенныхъ угодныхъ мѣсть, и сѣиныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ угодей гораздо много. Да Божіею де милостію и Твоимъ Царевымъ счастьемъ, поймали де они на бояхъ Даурскихъ языковъ, Князевыхъ Шылгинцевыхъ дѣтей, Арауядама, да Гартиму Раулана, Князя шурина, его тыгыля, и тѣхъ де Государь языковъ онъ, Ярофей, спрашивалъ, какіе люди живутъ на Амурь и по стороннымъ рѣкамъ, и какіе у нихъ города, и тѣми городами кто у нихъ владеть, и какія у нихъ узорочья живутъ, и что Государь тѣ Даурскіе языки въ распросъ сказывали, и тѣ Государь ихъ распросныя рѣчи онъ, Ярофей, подъ отпискою прислалъ въ Якутской острогъ къ намъ холопамъ твоимъ въ съѣзжую избу. Да въ прошломъ же де Государь, во 158 году, Іюня въ 8 день, прислалъ де Князь Шылгинай Тебъ, Государю, ясаку тридцать соболей въ казкахъ по одной задней лапъ, съ полухвостами; да съ тогожь Государь де Князя Шылгина взято на Тебя Государя ясаку, на тотъ же на 158 годъ, девяносто одинъ соболю, и у тѣхъ, Государь, соболей по одной лапъ съ полухвосты; да тебъ же де, Государю, прислалъ въ ясакъ Князь Лавкай, съ зятемъ своимъ, съ Тунгусомъ Гавьящюю шубу соболемою пластинную, да двѣнадцать соболей, въ казкахъ, по одной же задней лапъ съ полухвосты, да соболю битой; да тебъ де, Государю, прислалъ въ ясакъ Князь Албазагинъ, Дегина сынъ, тридцать два соболя, спутки поротые, и у тѣхъ соболей по одной же задней лапъ съ полухвосты, а въ передъ де онъ, Ярофей, приказалъ имъ, Даурскимъ Князьямъ, чтобъ, Государь, они у соболей лапы прочь не отнимали и хвостовъ не пороми, а привозили бы соболя тебъ, Государю, въ ясакъ цѣлыми соболями, а прочь бы у нихъ ничего не отнимали и всего, Государь, того ясаку, съ Даурскихъ Князей, взято на Тебя, Государя, четыре сорока, шесть соболей, въ томъ числѣ соболю битой, да шуба соболемою пластинная, и ту же, Государь, всю мягкую рухлядь онъ, Ярофей, изъ новой Даурской земли, изъ Албазина города прислалъ въ Якутской острогъ къ намъ холопамъ Твоимъ въ съѣзжую избу служилымъ челоукомъ, съ Трепкою Ермолинымъ, да съ охочимъ служилымъ людьми съ Дружинкою Васильевымъ, да Септюшкою

Филиповыяъ Петриловскихъ , и мы, Государь, холопи Твоя ту Твою Государеву ясачную мягкую рухлядь велѣли въ Якутскомъ острогѣ торговымъ людямъ разобрать, и споря оцѣнить врознь сороками Лепскою прямою цѣною, и оцѣпя, Государь, ту Твою Государеву ясачную мягкую рухлядь, соболи и пунки, и шубу соболѣю пластинную, и Даурскихъ языковъ допросныя рѣчи, и той Твоей Государевъ ясачной мягкой рухляди цѣновную роспись за оцѣщипловыми руками подь сею отпискою послали мы, холопи Твоя, изъ Якутскаго острога къ Тебѣ, Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Руссиі къ Москвѣ, съ Амурскимъ съ охочимъ, съ служилымъ челокѣкомъ, съ Дружинкою Васильевымъ Поповымъ, а которые де, Государь, Даурскіе Князья, Князь Лавкай, и Князь Шингалей, и Князь Албаза Тебѣ, Государю, ясакъ дали, и тѣ де, Государь, Князья и впередь подь Твоею Государевою, Царскою высокою рукою быть въ вѣчпомъ холопствѣ, и ясакъ съ себя, и съ улусными людьми Тебѣ, Государю, платить хотять, а что, Государь, въ прошломъ во 158 году писали, Государь, мы холопи Твоя, къ Тебѣ, Государю, къ Москвѣ про Князя Богдая, и въ тепоры, Государь, у Ярофея Хабарова, на великой рѣкѣ Амурѣ, изымана была на погромъ только одна Даурская баба, и въ распросѣ разказать про то, про все подлинно не умѣла, а по пынѣшнимъ по подлиннымъ, Государь, Даурскимъ распроснымъ рѣчамъ, Князя Богдая у нихъ нѣтъ, а словеть де у нихъ земля Богдайская, а Царь де въ той землѣ именемъ Шамшаканъ, а посаженникъ де онъ Царя Алакабатуракана, и нынѣ де, Государь, Даурскіе Князья живутъ всконѣ на нгу Амура рѣки, а ждуть де, Государь, оборони къ себѣ отъ Царя своего, Шамшакана, Котисака, Батуракана Царя, а Ярофей де Хабаровъ служилыми, и съ охочими, съ промышленными людьми въ ихъ Даурской землѣ на великой рѣкѣ Амурѣ живутъ въ Албазинѣ городѣ, въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ, и за помощію де, Государь, Божіею чають милости Божіей, что имъ, Даурскимъ людямъ, изъ того мѣста выжить будетъ ничемъ не можно; а хлѣба де, Государь, у нихъ служилыхъ людей, хотя на пять лѣтъ, и то будетъ запаснаго, что взято въ городѣ у Даурскихъ людей, а будетъ Тебѣ, Государю, въ произволь тою повою Даурскою землею, и тѣми Царями Шамшаканомъ и Алакабатураканомъ

и серебряною горою, обрести, и послать въ ту Даурскую землю большихъ ратныхъ людей, и тѣмъ, Государь, ратнымъ людямъ изъ Якутскаго острога только надобно хлѣбныхъ запасовъ до Волоку, на челоука по семи пудъ, а за Волокомъ де, Государь, на великой рѣкѣ Амурь, по сказкѣ Амурскихъ служилыхъ людей можно хлѣба взять у Даурскихъ людей, хотя на двадцать тысячъ челоуковъ, или побольше, а которые де, Государь, люди во 158 году, прежняго его Ярофея, на великой рѣкѣ Амурь, безъ него, Ярофея, тѣловали пятьдесятъ челоуковъ въ городъ, и Даурскіе де люди съ ними, по многія времена бывали подъ ихъ городомъ, а города де, Государь, они взять не могли, и ихъ де, Даурскихъ людей, на тѣхъ бояхъ они служилые люди многихъ побили, а иныхъ переранили, а сами де они служилые всѣ прожили до него Ярофея здоровыми, а нынѣче, Государь, мы холопы Твои, послали на прибавку въ новую Даурскую землю, для той Твоей, Государь, службы изъ Якутскаго острога служилыхъ людей двадцать семь челоуковъ, да охочихъ, Государь, промышленныхъ людей сто десять челоуковъ, а которыхъ, Государь, промышленнымъ людямъ за скудостію, и въ нынѣшней 159 годъ, на ту Твою Государеву службу въ новую Даурскую землю своимъ подняться было нечѣмъ, и я холопъ твой, Митька, тѣхъ промышленныхъ людей, для той Твоей Государевой службы своимъ хлѣбными запасами, и ружьемъ, и порохомъ, и свинцомъ, и на платѣ деньгами, а впередъ, Государь, намъ, холопамъ Твоимъ, о той Даурской службѣ, что Ты, Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи, прикажешь.

XI.

Бога въ Троицѣ славимаго милостію, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи Самодержецъ, и проч. и проч. и проч. Въ прошломъ во 157 году вѣдомо Государю учинилось: Даурская земля на Амурь рѣки Князь Лавкаево княжене, и по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу Воєвода Дмитрій Андреевичъ Фраицбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, въ прошломъ во 157 году послали Князю Лавкаю для провѣдыванія приказнаго челоука Ерофея Хабарова не

съ большими людьми; и какъ Ерофей Хабаровъ на Амуръ пришелъ, и Князь Давкай съ братьями и съ улусными людьми пять городовъ своихъ покинулъ пусты и побѣжалъ къ тебѣ Царю Шамшакану. Въ прошломъ во 158 году, мы Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ, тогожъ приказнаго Ерофея Хабарова къ тебѣ Царю Шамшакану съ невеликими же людьми послали, а велѣли тебѣ Царю Шамшакану сказать Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи милостивое жалованное слово, чтобы ты Царь Шамшакаинъ былъ подъ Его Государя нашего и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи Самодержца высокою рукою, со всеми живущими подъ твоею областью. А Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи велѣлъ во всѣхъ окрестныхъ государствахъ, и служить Ему Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи Самодержцу Царя и Великіе Князи, со всеми своими государствами, которые писаны выше сего въ титулахъ государскихъ, и отъ его государскаго ратнаго бою никто стоять не можетъ, а про тебя Царя Шамшакана Ему Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи было не вѣдомо, и какъ тебя въ титулахъ пишутъ, и ихъ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да Дьяку Осипу Степанову было не вѣдомо. Въ прошломъ во 158 году Государь изволилъ послать небольшихъ людей и сказать вамъ Свою Государеву милость и жалованное слово сказать и не для бою, а буди ты Царь Шамшакаинъ не учнешь быть подъ Его Государевою Царевою и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи высокою рукою, и мы Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ да Дьякъ Осипъ Степановъ учнемъ писать на тебя Царя Шамшакана къ Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи къ Москвѣ, чтобъ Онъ Государь велѣлъ быть Своимъ Государевымъ ратнымъ многимъ людямъ, и тебя Царя Шамшакана за твое непослушанье велитъ Государь смривъ своимъ государевымъ ратнымъ боемъ, а города твои взять на Себя Государя, чтобъ смотря на тебя Царя Шамшакана и на твое непослушанье и выше Даурскія земли Князи, которые не подъ твоею областью, видя грозу Царя нашего и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи и смертную казнь къ вамъ и разо-

репье, былибъ покорны и послушны вперёдъ безъ бою, а Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи милостивъ и праведенъ, и кровлямъ ни чѣмъ не иматель, которые Ему Государю добьють челомъ и учнутъ не противны быть, тѣмъ ихъ кровлямъ не иматель и ихъ жалусть; и въ нынѣшнемъ во 159 году твои Царя Шамшакаповы Князи Князь Лавкай, да Князь Шильской, да Князь Албаза, да Князь Отый, да Князь Фихуль, да Князь Батулай, да князь Гоударь, да князь Екоре, Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи ратныхъ людей побить хотѣли, и бои многіе ставили, и отъ Государя нашего ратнаго бою ваши люди стоять не могли, и тебѣ Царю Шамшакану противъ Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи ратнаго бою не стоять, и съ Его Государя нашего людьми не биться, и Государя нашего тѣмъ не прогнѣвить, а велѣтъ дань давать серебромъ и золотомъ, и самоцвѣтными камнями и узорочными товарами, и мягкою рухлядію, что въ вашемъ государствѣ родится, по вашей силѣ, какъ бы вамъ въ мочь, а здѣсь въ Его Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ одиомъ Сибирскомъ государствѣ ратныхъ Русскихъ людей многое множество; да у Государя жъ нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ Якутскомъ острогѣ, въ верхъ и внизъ на Ленѣ, и по инымъ стороннимъ рѣкамъ въ Его Государевѣ въ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ, Якуты и Тунгусы, Юкагири многіе люди и ратному бою навѣчны, и Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи на замѣппиковъ и на непослушныхъ людей въ походы готовы, и рады биться за Государя нашего честь, не щадя головъ своихъ, и самому тебѣ Царю Шамшакану, чаемъ, вѣдомо, потому что Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи ясачные Тунгусы съ вами въ сосѣдствѣ живутъ безъ боязни, и съ Князь Лавкаевыми съ улусными людьми сходились сами на Шильскихъ и Амурскихъ вершинахъ.

А подписка грамоты, какова послана въ Даурскую землю:

По Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи указу грамота Царю Шамшакану принять, и вычетчи, любительски отвѣтъ учинить, противъ Его Государева милостиваго приказа.

XII.

Лѣта 7159 года Юля въ 27 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Указу, и по приказу Воеводы Дмитрія Андреевича Францбекова, да Дьяка Осипа Степанова ѡхать Трипку Чечигину, да Онапѣ Русланову съ товарищи въ Богдайскую землю къ Царю Шамшакану, съ любительною грамотою, и говорить по росписи, какая вамъ дана подъ симъ наказомъ; и какъ грамоту примуть и отвѣтъ учинять и въ отвѣтъ учнуть говорить, что онъ Государю нашему данъ давать учпеть, и его Царя Шамшакановыхъ людей не воевать Воеводѣ безъ указа; а будетъ Царь Шамшаканъ подъ Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи подъ Его высокою рукою быть не похочеть, и то въ отвѣтъ стануть говорить, и тѣ рѣчи писать въ статейный списокъ, и ѡхать съ отвѣтными рѣчами и статейнымъ спискомъ къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову, а прѣѡхавъ въ Якутскій острогъ явиться въ сѣѡзжей избѣ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову.

По Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Указу, и по приказу Воеводы Дмитрія Андреевича Францбекова, да Дьяка Осипа Степанова, посланные въ посланникахъ Трипка Чечигинъ, да Онапья Руслановъ подьячій Апанья Жедаевъ съ товарищи, стать Государю Царю Шамшакану съ любительною грамотою, и тебѣ Царю Шамшакану принявъ вселтъ любительную грамоту вычетчи любительно отвѣтъ учинить, и въ Якутской острогъ къ Государеву Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ дьяку къ Осипу Степанову, письмомъ вѣдомо учинить, какъ ты въ титлахъ пишешься, и противъ твоего письма Воевода Дмитрій Андреевичъ Францбековъ, да Дьякъ Осипъ Степановъ учнуть къ Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи Самодержцу къ Москвѣ писать.

XIII.

Лѣта 7159, Юля въ 27 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи Указу, и

по приказу Воеводы Дмитрія Андреевича Францбекова, да Осипа Степанова, память Якутскаго острога служилымъ людямъ Трепкъ Ермолину Чечигину, да Артюшка Филипову Пестриловскихъ: ѡхаты имъ изъ Якутскаго острога въ новую Даурскую землю, на великую рѣку Амуръ, къ приказному челоуѣку Ярофею Павловичу Хабарову, а съ ними послапо къ нему Ярофею Хабарову Якутскаго острога служилыхъ людей 26 челоуѣкъ, да Воеводы Дмитрія Андреевича Францбекова челоуѣкъ Ананья Руслановъ, да Дьяка Осипа Степанова челоуѣкъ Афонька Михайловъ сынъ Частиковъ, да охочихъ служилыхъ промышленныхъ людей 107 челоуѣкъ, и всего ихъ 137 челоуѣкъ, всѣ съ ружьями, а кто шмяпно служилыхъ, охочихъ и промышленныхъ людей, и тому подъ сею наказною памятью роспись за дьячю приписью; а итти имъ Трепкъ и Артюшкъ съ тѣми съ ратными людьми на спѣхъ днемъ и ночью, чтобъ имъ поспѣть нынѣшнимъ лѣтомъ въ Даурскую землю; а какъ они Трепка и Артюшка придуть въ Даурскую землю, и имъ Трепкъ и Артюшкъ быть въ полку по прежнему и служилымъ и охочимъ, служилыхъ же промышленныхъ людей отдать по росписи приказному челоуѣку Ерофею Павловичу Хабарову всѣхъ на лицо съ ружьями; да съ ними же Трепкою и Артюшкою послапо къ Ерофею Павловичу Хабарову для ратнаго бою 30 пудовъ зелья, да 30 свинцу, и то зелье и свинець отдать ему же Ерофею; а самимъ имъ Трепкъ и Артюшкъ и служилымъ никакою проигрышною игрою не играть, чтобъ никакого межъ нимъ другъ отъ друга Государеву дѣлу убытка не было, а кого гдѣ поймають, и ихъ отъ зерни и воровства унимать, бить батоги, имянно которые служилые люди объявятся на Олекмѣ рѣкъ, и на Тугурѣ и на Ленскихъ и на Шильскихъ вершинахъ на соболниныхъ промыслахъ, или будетъ въ Даурскую землю для ратнаго бою отпущены они будутъ отъ Ленскаго Волочка, и изъ иныхъ городовъ, или изъ города безъ отпуска, и имъ Трепкъ и Артюшкъ служилыми людьми тѣхъ служилыхъ и промышленныхъ людей за поруки и за приставы прислать въ Якутской острогъ къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да Дьяку Осипу Степанову; да имъ же Тренкъ и Артюшкъ служилыми людьми идучи Алекмою и Тугиремъ рѣками, и буде которые объявятся Тунгусы прежніе бѣглые аманаты, сколько ихъ роду, или вновь иныхъ родовъ Тунгусы, и

ихъ Трепкѣ и Артюшкѣ служилыми людьми тѣхъ Тунгусовъ въ аманаты поймать, и отдать на руки служилымъ людямъ, кто въ нынѣшнемъ во 159 году въ Якутской острогѣ для ясачнаго взносу, и въ томъ съ ними росписаться, потомъ отписать въ Якутской острогѣ къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку Осипу Степанову, кто имена и которыхъ родовъ въ аманаты посланы.

XIV.

Лѣта 7159 года, Июля въ 27 день, по Государеву Цареву и Великому Князю Алексѣи Михайловичу Всея Русіи Указу, память въ новую Даурскую землю Якутскаго острога приказному человѣку Ерофею Павловичу Хабарову. Въ нынѣшнемъ во 159 году посланы къ тебѣ служилые люди Трепка Ермолинъ сынъ Чечигинъ, да Артюшка Филиповъ сынъ Петриловскихъ, да съ ними 26 человѣкъ; изъ тѣхъ служилыхъ людей одному служилому человѣку Богданкѣ Забышеву быть съ тобою Ерофеемъ въ подьячихъ до весны впередъ 160 году, и весною выслать въ Якутской острогѣ; да Воеводы Дмитрія Андреевича, Францбекова человѣкъ, Еруслановъ, да Дьяка Осипа Степанова человѣкъ Афонька Михайловъ сынъ Частиковъ, да охочихъ служилыхъ промышленныхъ людей 107 человѣкъ, и всего ихъ 137 человѣкъ, всѣ съ ружьями, а кто имена служилыхъ и охочихъ промышленныхъ людей, и тому роспись подѣ сею навазномъ памятью, да дьячею приписью; и какъ къ тебѣ сія память придетъ, и тебѣ бѣ Ерофею Павловичу тѣхъ служилыхъ людей Трепку Чечигина, да Артюшку Филипова съ товарищи, 27 человѣкъ, въ рядовую службу, да охочихъ служилыхъ людей 107 человѣкъ принять, да оданъ служилому человѣку Богданку Забышеву; да къ тебѣ жѣ Ерофею послано для ратнаго бою 30 пудъ зелья, да 30 пудъ свинцу, да стопа бумаги писчей; да тебѣ же Ерофею послать въ посланикахъ Царю Шамшакану служилаго человѣка Трепку Чечигина, а въ товарищахъ Воеводы Дмитрія Андреевича Францбекова человѣка Ананью Русланова; да въ подьячихъ служилаго человѣка Богдана Забышева. А какъ имъ говорить Царю Шамшакану и имъ дана память; да имъ же дать служилыхъ людей пять человѣкъ, которыхъ они Трепка и Ананья и Богданка съ собою въ по-

сланики у тебя Ерофея учнутъ просить, и тебѣ бѣ тѣхъ служивыхъ людей имъ дать, для того, чтобъ которымъ людямъ ратное дѣло было за обычай и въ тѣ поры покаместа въ посланникахъ Трепка съ товарищи вздять, или Царь Шамшаканъ своихъ людей въ послахъ къ тебѣ Ерофею принять; и тебѣ Ерофею его Шамшакановыхъ людей не воевать; а будетъ онъ Царь Шамшаканъ подь Государевую Царскою высокою рукою быть не похочеть, и дань съ себя брать не велитъ, и тебѣ бѣ Ерофею по Государеву указу падь ими Царемъ Шамшаканомъ поискъ чинить, сколько милосердїи Богъ помощи подасть; да ему же Ерофею принять къ себѣ въ полкъ служивыхъ людей, которые съ Олекмы, въ прошломъ во 158 году, съ тобою въ Даурской, Максимка Михайлова, да Лучка Иванова; да ему же Ерофею Павловичу Хабарову въ новой Даурской землѣ, которые служилые и охочіе служилые же люди упромышляютъ по досугу промышленныя мягкія рухляди соболей, и у тѣхъ людей съ промысла имать Государева 10 поимина, отъ 9 соболей десятимъ лутчимъ соболемъ, да тѣ соболи записывать въ книги именемъ, да тѣ десятинные соболи присылать въ Якутской острогъ къ Воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку къ Осипу Степанову за своею печатью; а которые будутъ служилые люди напередъ тебя Ерофея пойдутъ съ промышленною рухлядью въ Якутской острогъ, и тебѣ Ерофею о той мягкой рухляди писать къ Воеводѣ, къ Дмитрію Андреевичу Францбекову, да къ Дьяку къ Осипу Степанову.

VII.

ОБОЗРѢНІЕ БЕРЕГОВЪ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ,

ОТЪ МЫСА ВАРРОВА,

СОВЕРШЕННОЕ РУССКОЮ ЭКСПЕДИЦІЕЮ ВЪ 1838 ГОДУ.

Въ 1836 году, по возвращеніи изъ Америки, бывшаго Главнымъ Правителемъ Россійскихъ колоній въ Америкѣ, Барона Ф. П. Врангеля, предположено было Главнымъ Правленіемъ Россійско - Американской Компаніи снарядить въ нашихъ колоніяхъ экспеди-

* Въ предидущемъ и прошломъ годахъ, мы сообщали читателямъ нашимъ (С. О. 1838 г. Августъ, и 1839 г. Февраль) извѣстія объ открытіи и окончательномъ обозрѣніи берега Сѣв. Америки г-ми Дизомъ и Симпсономъ. Въ Англійскомъ извѣстіи упомянуто было о приготовленіи для сего же предмета Русской экспедиціи, которая, дѣйствительно, была предпринята и совершена лѣтомъ 1838 года. Просвѣщенные г-да Директоры Россійско-Американской Компаніи, при благосклонномъ вниманіи Е. П. Контръ-Адмирала Барона Ф. П. Врангеля, позволили намъ заимствовать краткій очеркъ изъ присланнаго изъ Америки въ нынѣшнемъ году отчета. Слѣшимъ передать любопытное описаніе вниманію соотечественниковъ, какъ новое доказательство того, что польза и честь науки всегда высоко оцѣняются нашею Американскою Компаніею, руководствовавшеюся при сей экспедиціи безкорыстнымъ желаніемъ дополнить отдаленныя географическія открытія, и того, что Рускіе такъ же смѣло совершаютъ опасныя и трудныя морскія предпріятія, какъ и опыты на моряхъ Британцы. Р. С. О.

цію, для окончательнаго обозрѣнія, лежащаго въ нашихъ границахъ, небольшого пространства Американскаго материка, оставшагося неосмотрѣннымъ между мысомъ Баррова и мысомъ Бичел. Сіе предположеніе доведено было, черезъ г-на Начальника Главнаго Морскаго Штаба, до свѣдѣнія Е. И. В. Государя Императора.

Годовая почта доставила изъ Россіи въ Ситху предписанія Главнаго Правленія не ранѣе осени 1837 года. Главный Правитель колоній, капитанъ 1-го ранга Купредновъ, оказалъ все пламенное усердіе патріота, желавшаго усвоить Россіи честь достопамятнаго открытія. Съ началомъ навигаціи 1838 года, экспедиція снаряжена была въ Ново-Архангельскъ, подъ командою креола, воспитанника Компаніи, Корпуса Штурмановъ прапорщика Кашеварова. Она состояла изъ одной 6-ти-весельной байдары, 4-хъ трехъ-лючныхъ байдарокъ и 18-ти человекъ Алеутовъ и креоловъ. Кашеваровъ отправился въ море на Компанейскомъ бригѣ *Полифемъ*, состоявшемъ подъ командою Корпуса Штурмановъ прапорщика Чернова. По предначертанному плану, бригъ Полифемъ долженъ былъ проикнуть сѣвернѣе Берингова пролива, такъ далеко, какъ только льды допустятъ, и приблизясь къ Американскому берегу спустить въ море байдару и байдарки Кашеварова, которому слѣдовало продолжать нуть вдоль берега между льдовъ, а по совершеніи описи береговъ до мыса Бичеля, возвратиться въ заливъ Коцебу, гдѣ бригъ Полифемъ долженъ былъ опять принять экспедицію, для обратнаго перевоза ея въ Ситху. Сей планъ, въ существѣ своемъ, одинаковъ былъ съ тѣмъ, по которому предначертано было въ 1821 и 1822-мъ годахъ капитану Васильеву, на военномъ шлюпѣ *Открытіе*, а въ 1826 и въ 1827 годахъ, Англійскому капитану Бичелю, на военномъ шлюпѣ *Блоссомъ*, про-

должать гидрографическія работы знаменитаго Кука. Такимъ образомъ Кашеваровъ долженъ былъ вступить въ состязаніе съ Кукомъ, Васильевымъ и Бичеемъ, который, какъ извѣстно, простеръ опись берега, на палубномъ гребномъ суднѣ, до мыса Баррова, 120 миль далье капитана Васильева, когда г-нъ Васильевъ, въ свою очередь, прошелъ 35 миль далье Кука. Кукъ, Васильевъ, Бичей и Кашеваровъ имѣли въ виду одну цѣль: отъ запада на востокъ прости- рать опись сѣвернаго берега Америки на возможно дальнѣйшее разстояніе.

Между тѣмъ, нашей экспедиціи было неизвѣстно, что за годъ до времени отправленія ея, Англійская экспедиція, снаряженная Гудзонскою Компаніею, была уже отправлена изъ озерныхъ факторій по рѣкѣ Маккензія. Начальники ея, г-да Дизъ и Симпсонъ, совершили плаваніе до устья означенной рѣки, и въ Августъ 1837 года достигли мыса Баррова, на бай- дарахъ, обозрѣвъ такимъ образомъ неизвѣстное до- томъ пространство берега, предназначенное для из- слѣдованій нашей экспедиціи. Полный успѣхъ Гг. Симпсона и Диза лишилъ насъ чести довершить обо- зрѣніе сѣверныхъ береговъ Американскихъ; но онъ не долженъ лишать г-на Кашеварова славы состяза- нія и чести побѣды въ трудномъ подвигѣ, всегда со- пряженномъ съ самоотверженіемъ истиннаго моряка. Преодолевая величайшіе труды и опасности отъ льдовъ и враждебнаго дѣйствія туземцовъ, г-нъ Ка- шеваровъ, высаженный въ море, съ Полифема, у мыса Лизбурна, миновавъ мысъ Ледяной, долженъ былъ разлучиться съ большою байдарою и частью команды, и продолжать путь на однѣхъ малыхъ бай- даркахъ, на которыхъ и достигъ мыса Баррова, крайней точки изслѣдованій капитана Бичея. Но здѣсь не остановился онъ; слѣдуя далѣе сего мыса, прошелъ и описалъ подробно берегъ на 30 миль,

почтавшійся дотоль неизвѣстнымъ, и только за десять мѣсяцовъ, въ Іюнь 1837 года, въ *первый разъ* осмотрѣнный Европейцами, именно экспедиціею Гг. Диза и Симпсона. Здѣсь нашелся онъ вынужденнымъ скрыться во льдахъ моря отъ преслѣдованій туземцовъ; не видя никакой возможности спасти вѣренную ему команду отъ многочисленныхъ дикарей, озлобленныхъ противъ бѣлыхъ, за появившуюся здѣсь оспенную заразу, г-нъ Кашеваровъ, скрѣпя сердце, рѣшился обратиться назадъ. Совершивъ на своихъ байдаркахъ до 850 Итал. миль, экспедиція достигла опять *острова Шамиссо*, въ *заливъ Коцебу*, гдѣ и соединилась она съ Полифемомъ, на которомъ возвратилась благополучно въ портъ Ново-Архангельскъ.

По осенней почтѣ Главное Правленіе Росс. Амер. Компаніи надѣется получить подробные журналы изложенной нами любопытной экспедиціи. Здѣсь предварительно сообщается выписка изъ рапорта г-на Кашеварова, поданнаго имъ, 11-го Октября 1838 года, Главному Правителю Россійскихъ колоній въ Америкъ, капитану 1-го ранга Купреянову, и изъ нея можно видѣть главныя подробности экспедиціи, ознаменованной, сколько усердіемъ къ порученному дѣлу, столько и отважностью его исполненія.

Іюня 23-го находились на суднѣ байдара собранная и байдарки со всеми принадлежностями и съ полными запасами экспедиціи, все въ томъ самомъ видѣ, какъ бы имъ въ кратчайшее время оставлять бригъ и начинать порученное дѣло. Сего же числа бригъ оставилъ редутъ св. Михаила. Противные вѣтры имѣли мы до острова Азіана; 1-го числа Іюля прошли *Беринговъ проливъ*, и въ полночь 3-го Іюля, въ шир. 69° N, 168° долг. W, встрѣтили первые льды; съ утра былъ густой туманъ, продолжавшійся до 5 числа, а по прочищеніи тумана бригъ по-

дошелъ къ мысу *Лизбурну*, около котораго было мало льда. Усмотря людей на берегу, я отправился на байдаръ съ своимъ толмачемъ, и узналъ отъ нихъ, что они пріѣхали съ зимняго своего жила на мысъ *Голъ* (Норе), и поѣдутъ къ О, до мѣста, гдѣ они обыкновенно проводятъ лѣто въ промыслѣ оленей; что берегъ къ О свободенъ отъ льда и возможенъ для плаванія въ байдаръ, въ чемъ можно убѣдиться и самому; съ высоты, сколько только можно было видѣть, не было видно льда къ О. При семъ случаѣ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчено, сколь свободно и вѣрно объясненіе наше съ туземцами впрѣдъ имѣеть быть черезъ такого толмача, какъ взятый нами изъ Михайловскаго редута, Американецъ *Тунтокъ*.

Возвратясь на бригъ, я предложилъ командиру брига высадить экспедицію на мысъ *Лизбурнъ*, рассчитывая, что по видному состоянію льда, усиленною вздою въ байдаръ можно надѣяться упредить то время, въ которое берегъ до мыса *Ледянаго* очистится отъ льда, и возможно будетъ приближеніе къ нему брига *Полифема*, и такимъ образомъ экспедиція можетъ достигнуть *Ледянаго* мыса скорее, что и рѣшено было исполнить для необходимаго выигрыша времени.

Того же 5-го числа, вечеромъ, вся экспедиція, на 1-й байдаръ и 5-ти байдаркахъ, со всѣмъ ей принадлежащимъ, благополучно высажена на мысъ *Лизбурнъ*, и бригъ отошелъ отъ берега.

7-го числа, въ 5 часовъ, отправились. Противныя обстоятельства замедляли путь, какъ крѣпкій вѣтеръ, такъ и встрѣченныя льды, и пройдя 12 миль, задержаны оними на мѣстѣ до 9-го, а сего числа при тихомъ вѣтрѣ отправились въ путь. Юля 10-го числа, по утру, при свѣжемъ вѣтрѣ отъ SW, пристала байдара къ берегу, но, не имѣя обыкновенной при семъ случаѣ помощи, неудачно. Двѣ волны влились въ байдару, и только проворство людей сохранило многое отъ подмочки.

Прибрежныя озера, означенныя на картѣ капитана *Бичея*, не доставили ожидаемыхъ удобностей для плаванія байдары; они мѣстами такъ мѣлководны, что даже для байдарокъ провѣздъ труденъ, и потому должно было тащить байдару по мѣлкимъ, и по частямъ перевозить грузъ,

или выѣзжая въ море, искать провѣзда между льдами. Юля 13-го въ вечеру, вынуждены пристать къ берегу, имѣя къ *N* *Ледяной мысъ* въ виду.

Въ широтѣ 70° 00' *N*, миновали расположенный у моря на низменной кошкѣ лѣтникъ *Утукагмютовъ*, въ три дни спустившихся отъ своего зимняго жила по рѣкѣ *Утукакъ*, устье которой близъ той же широты впадаетъ въ длинное озеро. Противъ лѣтника море было довольно чисто ото льда, и всѣ мужчины были на промыслѣ маклаковъ; встрѣчены же мы были однѣми женщинами, числомъ до 50, и при нихъ мужчинъ только 6. Одаривъ ихъ всѣхъ табакомъ, мы скоро познакомились съ ними, но тщетно терялъ я время, стараясь вывѣдать что нибудь отъ нихъ; на вопросъ мой вдругъ отвѣчали 10-тъ и болѣе женщинъ; шумъ и разногласіе ихъ въ отвѣтахъ заставили меня прекратить мое любопытство. Языкъ ихъ на слухъ имѣеть сходство съ *Аглегмютскимъ*.

У *Ледянаго мыса* встрѣченъ былъ густой ледъ, такъ, что для провѣзда на байдарѣ нужно было ожидать случайнаго отдаленія отъ берега льдовъ, которыми онъ былъ заваленъ. Ледяныя закраины, еще неотдѣлившіяся отъ берега, имѣли на себѣ горки, вышиною до 14 футовъ; на нихъ отъ таянія образовались небольшіе ручьи хорошей воды.

До встрѣчи густаго льда, мы получали воду изъ ручьевъ, текущихъ по топкой тундрѣ; вѣроятно, эта вода была причиной, что всѣ включительно до одного человека страдали въ то время болью живота, болѣе или менѣе сильною. Я приказалъ предпочтительно доставать воду изъ льда и приправлять пищу лимоннымъ сокомъ, или уксусомъ.

Ночью на 14-е число вѣтеръ дулъ отъ *N*. Я ожидалъ, что при семъ вѣтрѣ тронется ледъ, и, дѣйствительно, къ *S* отъ насъ льдины стали отходить отъ береговъ, но къ сѣверу оставались онѣ неподвижны. Осмотрѣвъ въ ту сторону берегъ на разстояніи 5 верстъ, мы нашли возможнымъ путь для байдарокъ, и полагали его таковымъ на значительное разстояніе, но для байдары онъ былъ извилистъ и опасенъ. Здѣсь я рѣшился, оставя большую байдару, продолжать путь, сколько будетъ возможно, на од-

ныхъ малыхъ байдаркахъ, а рѣшился я на то по следующимъ причинамъ:

1) Пользуясь въ полномъ смыслѣ отличною ревностію бодрыхъ и здоровыхъ людей моихъ, въ 7-й день едва могъ я достигнуть Ледянаго мыса, совершивъ около 160 миль плаванія, большею частію вдоль такого берега, у котораго препятствіе отъ льдовъ еще не было значительно. Слѣдственно, продолжая плыть далѣе съ байдарой между густымъ льдомъ, путемъ часто извилистымъ, необходимо было потерять времени вдвое болѣе на переездъ разстоянія. 2) Между густымъ льдомъ необходимо провзжать случится и между такихъ льдинъ (взгроможденныхъ одна на другую, вѣроятно, крѣпкими вѣтрами моря), у которыхъ трудно предвидѣть величайшую для байдары опасность: разумно здѣсь внезапное разрушеніе льдовъ. Масса такой льдины, составленная изъ разныхъ обломковъ, имѣющихъ собственную свою толщину незначительную, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, въ это время года быстро разрушающихъ ледъ, измѣняя постепенно свою тяжесть, вдругъ наклоняется и скатывается съ себя верхнія льдины, отъ чего вся масса, теряя прежнее свое равновѣсіе, начинаетъ колебаться, разрушаться и вдругъ поворачивается основаніемъ своимъ вверхъ. Въ тѣсотѣ между льдинами, такое разрушеніе льдовъ легко можетъ быть гибельно для байдары, ибо легко прорвать можно на ней лафтакъ, и тогда тяжело нагруженная байдара, не имѣя вблизи удобной пристани, неминуемо должна потонуть. Подобная опасность, которая далѣе къ N естественно должна была встрѣчаться чаще, заставила бы меня терять много времени въ ожиданіи удаленія льдовъ отъ берега, да и приставать отъ льдовъ къ такимъ берегамъ, при многихъ обстоятельствахъ, опасно и сопряжено съ неминуемымъ пожертвованіемъ времени.

Изъ изъясненныхъ, неожиданныхъ обстоятельствъ ясно видно было, что я съ байдарой достигну мыса Баррова не прежде начала Августа, и, слѣдственно, заранее должно было отказаться отъ надежды и на малѣйшій успѣхъ экспедиціи. Притомъ же вышеупомянутая болѣзнь, слѣдствія которой я не могъ знать, усилилась между крестами, находящимися на байдарѣ, и необходимо было, сбе-

регая ихъ здоровье, уменьшить для нихъ труды. Находясь въ сихъ обстоятельствахъ, дѣлавшихъ успѣхъ экспедиціи десьма сомнительнымъ, я почелъ должнымъ послѣдовать дозволенному въ инструкціи распоряженію, и вынужденнымъ нашелся разлучиться съ лучшею частью моей команды, поручивъ ихъ прикащику Кулишову, которому сдѣлалъ подробное наставленіе, какъ проживать безъ меня. Байдарной же командѣ приказомъ моимъ объяснилъ причину моего распоряженія, постановивъ ей въ обязанность сберегать сколько можно провизію, и быть въ полной зависимости у прикащика. Я счелъ необходимымъ оставить здѣсь и лекарскаго ученика. Съ собою на 5-ти байдарахъ взялъ я помощника Малахова, толмача Утуктака и 10 человекъ изъ Алеутовъ, а провизію, по числу 13-ти человекъ, на 6 недѣль.

Іюня 14-го отправилъ я байдару къ S, приказавъ Кулишову безостановочно плыть, уже извѣстнымъ путемъ, до устья рѣчки, находящейся въ широтѣ $69^{\circ} 25' N$, у которой замѣтилъ достаточное количество выкиднаго лѣса, и множество оленей, гусей и утокъ. Въ то же время на байдаркахъ сталъ я пробираться къ N.

Въ полночь на 15-е число провхали жилу *Калкшивиглеютъ*, находящееся на N сторонѣ Ледянаго мыса. Многочисленные его жители встрѣтили насъ дружелюбно и охотно показали намъ разнообразную свою пляску, но изъ провизіи ничего не продали. Послѣ, толпа ихъ, человекъ до 40, провожала насъ берегомъ версты двѣ, и съ величайшимъ крикомъ предупреждала насъ остерегаться *Каллигмютовъ*, жителей дальнихъ мѣсть. 16-го числа, въ 5 часовъ утра, въ шир. $70^{\circ} 33' N$, мы пристали къ жилу *Киламытакагмютъ*; жителей тутъ до 25 человекъ; они, принявъ насъ за *Каллигмютовъ*, своихъ враговъ, встрѣтили насъ со стрѣлами и копьями, но объяснившись потомъ, подружились съ нами и проводили насъ до залива *Тувагикъ* (*Wainwright*, по картѣ капитана Бичея); жители сего залива многочисленны и дерзки; называя себя добрыми людьми, они предупреждали насъ также о *Каллигмютахъ*, а сами открытымъ образомъ покушались взять у насъ топоръ, и съ оружіемъ въ рукахъ старались дѣлать намъ непріятности. 17-го числа, въ 6 часовъ, провхали

первое *Каглигмютское* жили, называемое *Атанькь*, находящееся на мысѣ *Бельшеръ*. Жители вышли на берегъ со стрѣлами, и долго не знакомились съ нами, но табакъ помогъ. Число людей тутъ незначительно. Въ 8 часовъ вечера, для отдыха людямъ моимъ, присталъ я на первый отъ *S Сивучій островокъ*, называемый *Пани Шизирю*. Къ намъ прїѣзжали сюда 4 человека дикихъ, изъ селенія *Атанькь*. Въ полночь на 19-е число перешли въ заливъ *Пеардъ*, гдѣ мѣлкій ледъ уже не позволилъ намъ продолжать отъ сего залива путь далѣе къ N; онъ такъ былъ густъ, что никакой возможности не было отыскать провѣздъ. Все видимое съ 30-ти фут. вышины пространство моря было плотно покрыто имъ.

Осматривая берегъ къ N, мы видѣли, верстъ за 10 отъ насъ, ледъ рѣже, но берегъ былъ неудобенъ для переноса байдарокъ. Замѣтивъ на тундрѣ озера, для осмотра ихъ посылаю я помощника Малахова, въ томъ предположеніи, что если озера значительны, и будутъ направлены вдоль берега, то воспользоваться ими; но ожиданіе не удовлетворилось. Ночью на 20-е Іюля, мы имѣли въ первый разъ морозъ, простиравшійся по Реомюру до 2°.

За 6 миль къ N отъ нашихъ палатокъ, мы встрѣтили *Каглигмютовъ*, до 25 человекъ, съ женщинами и дѣтьми, также за густымъ льдомъ принужденныхъ здѣсь остановиться. Они плыли на 2-хъ байдарахъ къ мысу *Бельшеръ*. Между ними былъ старикъ, тоень селенія *Атанькь*, по имени *Тукакъ*. Отъ него узналъ я, что онъ, со своими родственниками, весной, еще по льду, имѣя свою байдару, на санкахъ отправился съ мыса *Бельшеръ* на жили *Нутагмютъ*, по словамъ его, находящееся къ O отъ мыса *Баррова (Кибалю)*, въ 8 или 9 дней вѣды на байдарѣ. Онъ вѣдилъ туда торговать, и по первому пути водой теперь возвращается въ свое жили, имѣя на пути частую остановку за густымъ льдомъ.

Всѣ дикари два раза были у нашихъ палатокъ, и каждый разъ явно покушались на воровство, но были принуждаемы мною возвращать покражу. На дѣлѣ оказывалась болѣе и болѣе дерзость обитателей, чѣмъ далѣе подвига-

лись мы къ N, и наконецъ заставляла опасаться всего болѣе, чтобы не сдѣлалась она главною помѣхою въ путешествованіи.

Тоёнъ Тукакъ, по желанію моему, начертивъ на песокъ направленіе здѣшнихъ береговъ, сколько онъ ему извѣстны, объяснилъ мнѣ, что отъ мыса Кибалю (Баррова) берегъ, вдругъ поворачиваясь къ O, идетъ сперва прямо, на одинъ день въды байдарой, а потомъ чрезвычайными извилинами продолжается по тому же направленію до устья рѣки *Большой* (Квихпакъ), впадающей въ Ледовитое море. На той рѣкѣ онъ не бывалъ самъ, но слышалъ отъ бывалыхъ, что по берегамъ ея живетъ многочисленный народъ. Выдавалъ онъ за правду и то, что въ той рѣкѣ водится такая рыба, которая длиною будетъ съ нашу 3-хъ-лучную байдарку. За мысомъ Баррова есть тоже жители, только въ лѣтнее время, а зимою уходятъ они въ тундру къ своимъ зимнякамъ. Вообще отъ мыса Баррова къ O, люди, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже; по выраженію Тукака: «они дики и на всѣхъ нападаютъ.»

Между другими любопытными свѣдѣніями, Тукакъ общилъ мнѣ, что прошлаго лѣта пріѣзжали на мысъ Баррова отъ восточной стороны люди, подобно намъ одѣтые въ суконное платье, и называвшіе себя *Каликагмютами*. Они торговались съ туземцами, и на память пребыванія своего у нихъ оставили имъ много исписанной бумаги. Къ счастью, тутъ же одинъ изъ нихъ имѣлъ лоскутокъ этой бумаги, купленный имъ отъ жителей мыса Баррова. Лоскутокъ оказался клочкомъ изъ нашего рукописнаго Морскаго Календаря 1836 года, и на немъ была назначена величина полу-діаметра солнца. Полагаю, что этотъ лоскутокъ бумаги иначе не могъ къ дикарямъ попасть, какъ чрезъ Нушагакскаго толмоча Лукина; онъ, какъ я слышалъ, въ прошломъ году, отъ Колмакова, вывѣзжалъ въ 1836 году въ Ледовитое море. Всѣ дикіе согласно утверждали, что нынѣшнее лѣто началось необыкновенно поздно; они говорили: «много дней, какъ солнце уже не уходило въ воду, но морозы у насъ все еще были сильные.» По словамъ ихъ, лѣтомъ ледъ всегда былъ виднѣнъ въ морѣ, но возлѣ берега ѣздить на байдарѣ можно, пока ночи бы-

ваютъ еще не очень темныя. За мысомъ Баррова радеа прекращается навигація.

Наконецъ, 22-го Іюля, въ 3 часа утра, при S вѣтра, тронулся ледъ, и мы могли продолжать путь нашъ. Пробравшись между густымъ льдомъ 20 миль, стали встрачивать малыя ледяныя поля, между коими и берегомъ каналъ до полумили шириной былъ довольно чистъ. Отъ параллели 71° 10' шир. до мыса Баррова простиралось вдоль берега одно ледяное поле, имѣвшее горки до 18-ти футовъ; каналъ между симъ полемъ и берегомъ, въ одну милю шириною, былъ свободенъ отъ мѣлкаго льда. Я приставалъ къ мысу *Смитъ*, на которомъ находится большое селеніе *Уткіагвигмютъ*; жителей почти все были въ развѣздѣ. Оставшійся тутъ старикъ, вѣроятно, шаманъ, сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ, что мы ѣдемъ на *Квихпакъ*, но теперь намъ туда не дохватъ; онъ бывалъ тамъ, когда еще былъ молодъ; отправился туда съ своего жила, какъ только тронулся ледъ, а дохватъ до *Квихпака*, когда море стало замѣрзатъ, хотя очень мало останавливался на пути. Старикъ болѣе не распространялся въ своихъ разсказахъ, но тѣмъ не менѣе подаль мнѣ мысль заключить о *Квихпакѣ*: не есть ли это *рѣка Маккензія*? И если мое мнѣніе справедливо, слѣдственно, *путь водой туда возможенъ*.

Іюля 23-го, въ 4-е часа утра, мы объѣхали *мысъ Баррова*, и я несказанно былъ обрадованъ, увидѣвши къ О море, свободное отъ льдовъ. Но, къ сожалѣнію моему, я тутъ же убѣдился, что непріязненность здѣшнихъ жителей, многочисленныхъ и дерзкихъ, можетъ противопоставить намъ гораздо болѣе препятствій, нежели все опасности, неизбежныя въ плаваніи между льдами. Все сіи опасности, при бдительномъ вниманіи, могутъ быть избѣгнуты, но остановить дерзость дикихъ можно только силою, ибо я убѣдился, что малочисленность наша, не смотря на всегдашнюю готовность нашу къ оборонѣ, всеяла въ нихъ большую смѣлость; и если мы избѣгали по сіе время непріязненностей съ дикими, то единственно быстрою перемѣною мѣсть. Теперь же и такой надежды я лишился. Къ намъ выѣхали съ большаго жила *Нугмютъ*, находящагося на О сторонѣ мыса Баррова, 2 байдары, на которыхъ было 32 человека мужчинъ; оба байдары были нагружены стрѣ-

лами и копьями. Отъ нихъ узналъ я, что весь прочіе жители разъѣхались по лѣтникамъ, и что очень скоро станутъ они собираться на жилю для китоваго промысла, къ которому времени стекаются еще къ нимъ тундренные жители. Казалось, мы хорошо познакомились съ дикими, въѣхавшими къ намъ на байдарахъ, но послѣ нашей ласки и подарковъ, они отстали отъ насъ съ тѣмъ только, чтобы сговориться, какъ на насъ напасть. Утуктакъ, въѣхавши возлѣ нихъ, хорошо слышалъ, что они условились дѣйствовать такимъ образомъ, что одна байдара нападетъ на насъ съ морской стороны, а другая сзади. Они сперва звали къ себѣ на байдары Утуктака, и когда онъ отказался, то смѣло стали готовить свои стрѣлы, что уже все мы видали. Я приказалъ, поверотясь вѣсмы къ байдарамъ, увеличить интервалы между байдарками и приготовиться отразить нападеніе. Переговоры наши не имѣли успѣха, и чтобы показать дикимъ готовность нашу къ оборонѣ, я принужденъ былъ приказать выпалить изъ пистолета, мимо ихъ байдаръ, а ружья навести прямо на байдары. Дикіе долго смотрѣли на насъ, и потомъ погребли къ своему селенію. Думая, что симъ кончилось все, я продолжалъ нашу путь.

Отъ восточной стороны мыса Баррова тянется на О рядъ небольшихъ, низменныхъ, узкихъ островковъ, образовавшихся изъ наноснаго мѣлкаго камня. Сіи островки, или, лучше сказать, банки, возвышаются надъ поверхностью моря отъ 2-хъ до 4-хъ футовъ. Мы ѣхали вдоль банокъ, и проплывъ отъ О-й стороны мыса Баррова $3\frac{1}{2}$ мили, принуждены были пристать на 4-й островокъ, имѣющій въ длину 60, а въ ширину 20 сажень, въ виду жиля Нугмютъ. Съ сего островка, къ N, къ S и къ O, за пасмурностью, мы не видали ни берега, ни льдовъ. Вътрѣ отъ W очень засвѣжалъ и неблагоразумно было съ усталыми гребцами отважиться на неизвѣстный путь. Но вскорѣ, къ удивленію нашему, мы увидали прежнія байдары, въѣхавшія къ намъ подъ парусами. Байдары пристали на ближайшій къ намъ W-й островокъ; люди вышли съ копьями на берегъ, пѣли пѣсни и плясали съ бубнами. Мы не поняли ихъ намѣренія. Послѣ утреннихъ высотъ солнца, я рѣшился ѣхать съ островка прямо къ S; черезъ

полчаса былъ я обрадованъ, увидавши берегъ материка, къ которому пристали чрезъ $2\frac{1}{2}$ часа. Байдары не погнались за нами, ввроятно, потому, что волненіе съ боку было велико; еслибы дикіе рѣшились за нами гнаться, то мы были бы въ обстоятельствахъ самыхъ критическихъ, потому, что при волненіи необходимо нужно было бы затянуть обтяжки на байдаркахъ, чѣмъ затруднилась бы возможность дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Небольшой мысъ, на который мы вышли, опредѣленъ мною въ широтъ $71^{\circ} 15' 13''$ N; здѣсь въ полдень замѣчено солнце по компасу на $SO 41^{\circ} 30'$.

Послѣ отдыха, въ полночь, на 24-е Іюля, я поехалъ далѣе къ О, вдоль низменнаго берега, и въ счислимой широтѣ $71^{\circ} 13' N$, долготѣ $155^{\circ} 40' W$, отъ Гринича, миновалъ устье мѣлководнаго небольшого залива, шириною до двухъ миль, углубившагося въ материкъ къ SW на значительное продолженіе. Сей заливъ, какъ первое обрѣтеніе экспедиціи, которою я имѣлъ честь начальствовать, наименовалъ я *заливомъ Прокофьева*, по имени Директора Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи, И. В. Прокофьева, которому я столь много обязанъ за мое воспитаніе. Полагаю возможнымъ перейти берегомъ изъ залива Прокофьева въ заливъ Refuge, хотя о томъ не могли мы хорошо разстолковать Каглигюты. Въ счислимой шир. $71^{\circ} 9'$ и долг. $155^{\circ} 15' W$, берегъ вдругъ поворачивается къ S, образуя низменное побережье, которое назвалъ я *мысомъ Степоваго*, въ честь генераль-лейтенанта и Инспектора Корпуса Штурмановъ, М. С. Степоваго. Чрезвычайная низменность здѣшнихъ береговъ и туманъ заставили меня объѣхать кругомъ значительнаго залива, устье котораго съ W стороны ограничивается мысомъ Степоваго, а съ О-й, въ шир. $71^{\circ} 08' N$ и долг. $154^{\circ} 53' W$, низменнымъ, узкимъ *мысомъ Врангелл*, такъ названнаго мною по имени бывшаго Главнаго Правителя Колоній, контръ-адмирала барона Ф. Ц. Врангеля, подъ лестнымъ начальствомъ коего прослужилъ я три первые года колоніальной моей службы, въ качествѣ командира судна. Заливъ сей, вдавшійся къ S до 7 миль, при вершинѣ коего замѣтилъ я довольно значительное устье рѣвки, имѣетъ глубины не болѣе двухъ сажень, и мѣстами обсохшія банки, и я наименовалъ *заливомъ Купрелнова*,

по имени нынѣшняго Правителя Колоній, важнѣйшее обращеніе взвренной мнѣ экспедиціи. Отъ мыса Врангеля, по компасу, на W около $1\frac{1}{2}$ миль разстоянія лежитъ небольшой островокъ, послѣдній изъ ряда идущихъ отъ мыса Баррова. Такимъ образомъ опредѣлилось ихъ протяженіе отъ мыса Баррова по правому компасу къ SO 51° , на 29 миль Итальянскихъ. Отъ сего островка къ O видно было много ледяныхъ острововъ, или горъ значительной высоты. Отъ мыса Врангеля берегъ вдругъ опять поворачивается къ S, образуя еще большій заливъ, восточнаго берега коего я не могъ усмотрѣть, по причинѣ густаго тумана. По словамъ дикихъ, отсюда берегъ становится извилистымъ; многіе заливы такъ обширны, что если переѣзжать ихъ близъ устья, то нельзя видѣть, ни ихъ вершинъ, ни O-хъ береговъ. Общее направленіе берега отъ мыса Баррова до рѣки Квихпакъ идетъ одинаково къ O.

Подъѣзжая къ мысу Врангеля, миновали мы довольно большой лѣтникъ, откуда тотчасъ выѣхали къ намъ 3 байдары. Зная уже по опыту, въ какомъ затрудненіи можно находиться на байдаркахъ, когда непріязненные обстоятельства заставятъ взяться за оружіе, я рѣшился пристать къ мысу, чему и дикіе безъ нашего приглашенія послѣдовали. Отъ нихъ купилъ я оленьяго мяса до 4-хъ пудовъ, и сига, 20 штукъ. Это было первая рыба, которую мы видѣли отъ мыса Лизбурна.

Дикіе рассказали мнѣ о путешественникахъ, пріѣзжавшихъ въ прошломъ лѣтѣ на мысъ Баррова. Рассказы ихъ были согласны съ тѣмъ, что я уже зналъ отъ Тукака. О пути этихъ путешественниковъ я узналъ только то, что они отправились изъ озера по рѣкѣ, впадающей въ Ледовитое море, и въ 3-й день своего плаванія отъ озера достигли мыса Баррова. Туземцы признавали Малахова, что онъ, или похожій на него, былъ въ числѣ Каликагмютовъ. Малаховъ имѣетъ одинаковый ростъ съ Лукинымъ, почему я съ увѣренностію думаю, что именно Лукинъ былъ у нихъ, и самое названіе: *Каликагмюты*, вѣроятно, выдуманное Лукинымъ, происходитъ отъ Алеутскаго слова *Калига*, означающее бумагу, книги, письмо, и вообще все то, что только относится до письменъ; следовательно, Каликагмютъ, говоря буквально, есть *грамотный*

человѣкъ. Дикіе, вслушиваясь въ разговоръ моихъ гребцовъ, увѣрили меня, что Каликагмюты говорили между собою языкомъ похожимъ на Кадьякскій.

Во всю ночь дикіе не отходили отъ нашихъ палатокъ; и число ихъ безпрестанно прибывало, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастала постепенно и дерзость ихъ. Въ то время, когда я занятъ былъ съ ними, нѣсколько туземцовъ, мальчишья, непримѣтно подкрались къ моей палаткѣ, и вынувъ задніе колья, вытащили изъ палатки хронометръ, термометръ и мой журналъ, единственныя вещи, хранившіяся въ ней, какъ драгоценность. У палатки моей стоялъ часовъ, впрочемъ обязанный наблюдать также и за байдарками; прочіе же наши люди были въ своей палаткѣ при ружьяхъ, потому, что самъ я находился тогда въ толпѣ дикихъ, состоявшей человекъ изъ 20-ти. Оставивъ ихъ, тотчасъ замѣтилъ я такую важную для насъ покражу, и хлопоты въ отысканіи вещей едва не довели меня до рѣшительныхъ мѣръ. Дикіе возвратили мнѣ въ цѣлости всѣ вещи, но никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на виновныхъ, а напротивъ многіе приготовили свои ножи (всегдашняя принадлежность дикаго).

Уже по утру, Утухтакъ едва могъ уговорить дикихъ оставить насъ; они звали его къ себѣ, и съ своей стороны уговаривали оставить насъ, объявивъ ему прямо, что скоро много людей соберется на мысъ Баррова, и тамъ, въ числѣ 20 байдаръ, они нападутъ на насъ непремѣнно. Мы ни сколько не сомнѣвались въ томъ, что многочисленность дикихъ, действительно, придастъ имъ еще болѣе дерзости и намъ не избѣжать тогда большихъ хлопотъ. Тѣлесная сила этихъ дикарей, ловкость и привычка ихъ къ опасностямъ, еще болѣе убѣждали меня не пренебрегать опасеніемъ; дерзость, видимая на лицѣ каждаго туземца, замѣтно отличала ихъ отъ смиреннаго вида моихъ гребцовъ, столь усердныхъ въ работѣ, терпѣливыхъ въ высшей степени въ перенесеніи нуждъ и трудовъ, но, къ сожалѣнію, убѣжденныхъ въ томъ, что многочисленность непобѣдима. Положеніе наше сдѣлалось болѣе, нежели сомнительнымъ, съ того времени, когда дикіе стали смѣло гнаться за нами на своихъ байдарахъ, не скрывая своихъ непріязненныхъ намъреній (чего до мыса Баррова мы не

испытани), а объездъ селеній сдѣлался невозможнымъ по естественнымъ препятствіямъ, и мнѣ должно было уступить необходимости въ таковыхъ обстоятельствахъ.

Юля 25-го, въ половинѣ 5-го часа по полудни, когда мы собрались въ дорогу, съ обѣихъ сторонъ мыса въ одно время подъехали къ намъ 4 байдары. Я отвалилъ отъ берега, единственно для того, чтобы намъ перемѣнить только мѣсто. Дикіе послѣдовали за нами, и когда мы проѣзжали лѣтникъ, то замѣтили тамъ необычайное движеніе: дикіе снимали свои палатки, беспорядочно и съ поспѣшностію грузили свои вещи на байдары; другіе, имѣя на себѣ свои легкія байдарки, бѣжали по берегу, а двѣ байдары слѣдили за нами. Къ счастью, сдѣлался въ то время густѣйшій туманъ, и я могъ обмануть дикихъ тѣмъ, что сталъ грести въ море, и такимъ образомъ удалился отъ берега на 3 мили; здѣсь встрѣтили мы свѣжій вѣтеръ отъ О, принудившій насъ пристать на банкъ. Одна байдара, которой прежде мы не видали, и не знали откуда она взялась, также пристала съ нами. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ осталось одно — возвратиться къ нашей байдарѣ. Съ неизъяснимо прискорбнымъ чувствомъ, которое не изгладится во мнѣ во всю жизнь мою, я приказалъ грести къ мысу Баррова, располагая по компасу и водненію курсомъ. Необходимостью принужденъ я былъ набирать явной, а, можетъ быть, и общей гибели людей взвѣренной мнѣ экспедиціи.

26-го числа, въ 6 часовъ утра, мы объѣхали мысъ Баррова, и за густотою льдовъ принуждены были приближаться къ берегу. Отъ селенія у мыса Смитъ, дикіе шли за нами по берегу, страшая насъ своими стрѣлами и копьями, но однакожь они скоро насъ оставили. Въ 3 часа по полудни, послѣ 22½ часовъ ѣзды, за густымъ льдомъ, мы принуждены были пристать къ берегу, отъ мыса Смитъ къ S въ 10 миляхъ. Съ высоты видно было, что мили за 2 отъ берега ледъ довольно рѣдокъ; но пробраться туда не было никакой возможности. Юня 27-го послѣ полудни, чтобы избавиться явнаго и злаго намѣренія жителей, съ величайшею опасностію между льдовъ, при довольно значительномъ прибоѣ съ моря, мы отделились отъ береговъ на милю, и къ счастью нашли себѣ просторный

путь. 27-го числа пристали въ заливъ Пеардъ, отъ котораго къ S, мы болѣе не встрѣчали льдовъ, и море отъ нихъ было совершенно чисто. Съ большою поспѣшною сталъ я продолжать отсюда наше обратное слѣдованіе, и на пути завѣзжалъ въ Каглигмютское жило Атаныкъ, обдарить его жителей, бывшихъ къ намъ столь доверчивыми, и неодожилихъ на встрѣченныхъ послѣ, а особенно хотѣлъ отличить тоёна Тукака знакомъ: *Союзные Россіи*, даннымъ на сей предметъ, каковой награды я считалъ его достойнымъ, поручивъ ему сказать дальнимъ народамъ все то, что онъ узналъ отъ насъ. Августа 4-го числа, я соединился съ байдарою у назначеннаго ей мѣста, и нашелъ байдарную команду въ благополучномъ состояніи и совершенно здоровою. Всѣ мы, бывшіе на байдаркахъ, чувствовали большую нужду въ отдыхѣ, и потому провелъ я здѣсь два дни на мѣстѣ.

Байдарная команда прибыла на это мѣсто 16-го Іюня. По приказанію моему, она выстроила здѣсь изъ колотыхъ лѣсицъ избу, въ двѣ сажени длиною, обложивъ ее снаружи дерномъ, и небольшую байдару для домашняго употребленія. Во все время своего здѣсь пребыванія, она промыслила стрѣлами 1 нерпу, 8 оленей и довольно дичи. Вся провизія, взятая изъ Ново-Архангельска, сохранена была, какъ нельзя лучше, и вообще дѣятельность, направленная для обезпеченія нашей прозимовки, пріятно меня удивила. Кулишовъ свидѣтельствовалъ о своей командѣ во всѣхъ отношеніяхъ съ похвалою.

Августа 6-го, со всею командою отправился я къ S. 11-го числа объѣхали мысъ Лизбурнъ, и на W сторону его прожили 8 дней на мѣстѣ, по причинѣ крѣпкаго вѣтра отъ S. 19-го числа выѣхали въ заливъ *Маррѣтъ*. Промѣривая устье его, я нашелъ глубины только $\frac{3}{4}$ сажени. Отъ здѣшнихъ жителей узналъ я, что у острова Шамиссо стоитъ на якорѣ судно; я положилъ, что это долженъ быть Полифемъ, и потому перепеся байдару, байдарки и всѣ вещи на S берегъ мыса Гопъ, сталъ слѣдовать въ заливъ Коцебу. Въ широтѣ $67^{\circ} 37'$ N, мы проѣхали многолюдное жило *Кавалнагмютъ*; жители его непріязненнаго расположенія. За мысомъ *Крузенштерна*, мы миновали до 10-ти отдѣльныхъ барабаръ съ жителями, у которыхъ ку-

пили много превосходной рыбы. Августа 29-го, я благополучно присталъ къ острову Шамиссо, гдѣ мы нашли несомнѣнные признаки недавнаго пребыванія здѣсь команды брига Полифема; но брига не застали, и не могли отыскать бутылки, оставленной съ Полифема на *полуостровъ Хориса*.

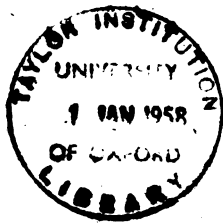
Проживая на островъ Шамиссо, я принужденъ былъ довольствоваться командою единственно изъ своего запаса, и для поддержки ея переехалъ 3-го Сентября на материкъ, къ О отъ острова Шамиссо. Сентября 5-го, мы были обрадованы прибытіемъ брига Полифема къ острову Шамиссо.

6-го числа, имѣя полной провизіи на 4 недѣли, прибылъ я на Полифемъ, и имѣлъ честь сдать г-ну командиру брига всю мою команду въ полномъ числѣ и совершенно здоровою.

Я счелъ справедливымъ отличить знакомъ отличія: *Союзные Россіи*, дикаря, спутника моего Утухтака, за его похвальное поведеніе, всегдашнюю готовность къ трудамъ и примѣрное терпѣніе во все продолженіе экспедиціи. Преданность же свою Рускимъ онъ доказалъ намъ не разъ, самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи услуги его взвѣренной мнѣ экспедиціи были нецѣненны.

Въ заключеніе обязываюсь донести, что полагая себя въ правѣ наименовать по произволу вновь осмотрѣнный *берегъ*, я ознаменовалъ оный именемъ Его Свѣтлости *Князя Меншикова*, какъ и означено мною на картѣ.

=

VIII.

ЛЮБВИ И ОЧЕРКИ

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

И Природа, какъ произведенія Искусства, какъ все въ мѣръ, какъ Человѣкъ, требуетъ также своихъ прекрасныхъ мгновений, своего художническаго освѣщенія, своихъ *минуть изящнаго бытія*, и тогда только можно вполне понять и оцѣнить ея красоту и прелесть. Такія минуты тайны художника, но и всѣ ихъ постигаютъ. Красавица больная и въ запачканныхъ лоскуткахъ можетъ возбудить жалость, а ни въ комъ не зажжетъ восторга. Ландшафтъ осенью, въ грязи, съ сѣрыми тучами и мѣлкимъ, туманистымъ дождемъ, не произведетъ ни на кого сердечнаго впечатлѣнія. Если хотите разсматривать картину, станьте на надлежащую точку зрѣнія. Если хотите видѣть городъ какой нибудь, выберите для того мигъ его изящнаго бытія, или минуту его свѣтлой жизни. — Почти двадцать лѣтъ живши въ Москвѣ, я зналъ ее во всѣ мгновенія — видѣлъ ее въ дымящихся развалинахъ 1812 года; видѣлъ въ торжественные часы Царскихъ привздовъ, въ ея великолѣпныхъ церковныхъ праздникахъ, въ скорбную годину смертоносной болѣзни—глядѣлъ на нее со всѣхъ сторонъ: въ панорамахъ Ивана Великаго и Сухаревой башни, въ діорамахъ отъ Симонова монастыря, Воробьевской и Поклонной горы, съ Тульской дороги, и — какъ она хороша всегда являлась мнѣ, старая, добрая Москва, колыбель Русской земли, царственная столица Русская! Но и въ ней есть однакожь особенныя, прекрасныя минуты, которыя надобно ловить поэту и художнику. Мнѣ вспомнилось теперь одно изъ самыхъ прекрасныхъ мгновений жизни Мо-

сквы, когда она является въ своей Русской, чудной характеристикѣ. Хотите ли ~~многое~~ понять въ *Руси-Матушкѣ* и въ *Москвѣ-Блочнокаменной*? Въ прекрасную весеннюю полночь, на *Святѣйшій праздникъ Пасхи*, подите въ Московскій Кремль.

Три раза, по три года, когда ноздняя Пасха и прекрасная погода благоприятствовали прогулкамъ, посѣщала я Кремль въ *полночь на Великъ День*. Мнѣ хотѣлось бы указать на общія черты впечатлѣній, оставшихся въ памяти моей отъ всѣхъ трехъ, незабвенныхъ для меня полуночей...

Одиннадцать часовъ. Отправляемся въ Кремль. Ночь и мракъ — безмолвна Москва, но она не заснула, не спитъ; улицы ея не пусты, хоть и не гремятъ по нимъ экипажи. Все въ какомъ-то молчаливомъ, суетливомъ ожиданіи; около домовъ ходятъ люди, разстанивая плашки; въ окнахъ каждаго дома свѣтятся кое-гдѣ уединенные огоньки; на колокольняхъ зажигаютъ огни; тамъ и здѣсь слышится тѣда, и народъ идетъ куда-то, какъ вы видите, приближаясь къ Кремлю. Чѣмъ ближе туда, тѣмъ болѣе толпы его, и когда вы вошли въ Кремль — онъ кипитъ народомъ. Но народъ не бродитъ, не ходитъ по площадямъ Кремлевскимъ — онъ весь идетъ въ Соборы, въ церкви; они уже отворены, набиты народомъ; тысячи свѣчъ пылаютъ уже тамъ передъ иконами. Тогда въ Кремль не увидите вы *свѣтскихъ людей*, не встрѣтите *каретъ* и *колясокъ* — Кремль, и соборы и церкви его наполняются *простолудинами*, Русскими бородами. Во мракъ ночи скрывается весь Кремль; все новое въ немъ, какъ будто исчезло; только полусвѣтлымъ отблескомъ огней освѣщается *Царская площадь* въ растворенныя двери Соборовъ и съ колокольни Ивана Великаго, уставленной между колоколовъ плашками. Какъ великаны прошедшаго, мелькаютъ въ полумракъ Грановитая Палата, Печерская церковь, стѣны Соборовъ, съ ихъ старинными, огромными образами, написанными надъ входомъ, и сквозь двери Соборовъ видны яркія золотыя ризы и темныя лики иконостасовъ, да Царскія гробницы, да раки Святыхъ, и Царское и Патріаршія мѣста. Вы забываетесь — вамъ кажется, что вы перенесены во времена Михаила и Алексія, что васъ окружаютъ предки ваши; вы ждете, что изъ

Красномъ Крыльцѣ появится Царь среди Бояръ... Но обойдите сюда, мимо Архангельскаго Собора, мимо пушекъ, которыя уже прикатились въ Кремль, и ждутъ мгновенія, когда велятъ имъ огласить Москву. Взгляните отсюда, съ Кремлевской горы, и на зубцы стѣнъ Кремля и башни его, и на Москву рѣку, и на все обширное Замоскворѣчье, лежащее во мракѣ, и только, какъ звездочками, освѣщаемое огнями на колокольняхъ, безмолвное, но живое, дышащее ожиданіемъ. И вотъ — слышите-ли? Толпы зашевелились живѣе; на Спасской башнѣ раздались колокольчики — бьютъ часы: разъ, два, три — *двѣнадцать!*... О, эта минута бываетъ чудная! Потому ли, что сердце невольно наполняется тогда благоговѣніемъ, потому ли, что съ нею сливается память вашей жизни, дѣтства, тѣхъ временъ, когда *Святый Праздникъ* такъ радовалъ, такъ безпечно веселилъ насъ... И еще не замеръ гулъ *двѣнадцатаго* удара — *серебряный* колокольчикъ соборный даетъ вѣсть, и — заревъ *Царь-Колоколъ*; гулъ *четырехъ тысячъ* пудовъ мѣди оглашаетъ Кремль, и въ одно мгновеніе — тамъ, здѣсь, тутъ, вонъ гдѣ — раздается звонъ: *Симоново* отзывается на привѣтъ Кремля; *Новоспасское* поздравляетъ съ праздникомъ *Донскую* обитель — тысячи колоколовъ *благовѣстятъ* вѣсть спасенія. И вотъ — изъ Соборовъ посыпалъ народъ, несутъ древнія, святыя иконы, идутъ священники, свѣчи пылаютъ тысячами, возносятся хоругви, при умильномъ пѣніи, среди ночнаго мрака: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесахъ»... Все остановилось у затворенныхъ дверей древняго, великаго, священнаго Русскому человѣку Собора Успенскаго... Еще мгновеніе, и голосъ Архипастыря раздается среди глубочайшаго благоговѣнія и безмолвія народнаго: *Христосъ Воскресе!* возглашаетъ онъ, и съ симъ словомъ — разверзаются двери; гулъ молитвы летитъ шопотомъ между народомъ; всѣ колокола *Ивана Великаго* разомъ колеблются и начинаютъ *трезвонъ*; ракета взлетаетъ, лопается на воздухъ, и пушечные выстрѣлы, сверкая огнемъ, грохочутъ перекатами по Москвѣ рѣкѣ. А Москва въ то время уже не отзывается отдѣльными голосами колоколовъ — нѣтъ! на всѣхъ церквахъ ея гремятъ, ревутъ, гудятъ всѣ колокола — звонъ и гулъ потрясаетъ аеръ небесный; во

мракъ отъ зажженныхъ мгновенно повсюду плашекъ встаетъ надъ Москвою какое-то мрачное зарево...

Три раза былъ я въ Кремль, въ полночь на великій день Пасхи, и — три раза плакалъ въ умиленіи сердца...

Эккартсгаузенъ написалъ *Науку чиселъ*. Я читалъ ее и не понималъ; но почему не предположить и здѣсь чего-то неизъяснимаго для насъ? Мнѣ чело́вчества, Востокъ върилъ *числамъ*, и хотѣлъ разгадать ихъ въ своей Кабалистикѣ. По крайней мѣрѣ, поэту позволено иногда върять въ числа, какъ върили имъ наши старики; по крайней мѣрѣ, сближеніе чиселъ иногда невольно покажется любопытнымъ, и признаюсь — я люблю иногда задумываться надъ странностью чиселъ. Вспомните сближеніе ихъ въ 1612 и 1812 годахъ: ровно *двумя сотнями лѣтъ* надобно было разграничиться эпохъ спасенія Россіи Мининимъ и великому началу новой для Россіи эпохи. Еще болѣе: *26-го Августа* 1395 г., когда Москва встрѣтила знаменіе спасенія своего, икону Владимірской Богоматери, отъ предѣловъ Россіи бѣжалъ, *никѣмъ же гонимый*, Тимуръ, грозный воевода полчищъ, хромоногій Тамерланъ; *26-го Августа* 1612 г. побѣда Пожарскаго рѣшила участь Руси на пепелищѣ Москвы; *26-го Августа* 1812 года былъ бой Бородинскій. А 1796-й годъ, когда родился *нашъ Царь*, какими великими событіями ознаменованъ этотъ памятный годъ: явленіемъ Наполеона на поляхъ Италіи, кончиною Екатерины. Какими послѣдствіями не запечатлѣлись потомъ всѣ сіи событія! — Прошедшій 1839-й годъ, по числамъ, былъ особенно любопытенъ для нашей литтературы: ровно *за сто лѣтъ*, въ 1739 г., Ломоносовъ написалъ первую свою Оду, на взятіе Хотина; ровно *за 75 лѣтъ*, умеръ Ломоносовъ, и въ *одинъ и тотъ же* годъ родился Карамзинъ; ровно *за 50 лѣтъ*, Карамзинъ писалъ свои *Письма Русскаго Путешественника* — начало новой Русской прозы, и ровно *за 25 лѣтъ*, Пушкинъ началъ писать и печатать свои стихи — эпоха въ нашей поэзій! Не вывожу никакого кабалистическаго гаданья изъ того, что такъ *сошлись числа*, но для чего же они такъ *сошлись*? Еслибы не сдѣлалось уже слишкомъ истертымъ повтореніе словъ Гамлета, я по-

вторилъ бы ихъ здѣсь: «Есть многое»... Да, кто ихъ не знаетъ?...

*

Говорили объ одномъ, теперь ужь покойномъ, стихотворцѣ. Какъ обыкновенно, приводили въ примѣръ нелѣпости стихи его, смѣялись, что у него *ботъ моргаетъ глазами*, *однажды идетъ дождикъ дважды*, корова лѣзетъ на дерево, голуби являютя съ зубами, и проч. и проч. — Одинъ изъ собесѣдниковъ съ удивленіемъ спрашивалъ наконецъ: Для чего пишетъ этотъ бѣдный стихотворецъ? Ни славы, ни денегъ, ни похвалъ не получаетъ онъ за свое мараенье! — «Господа! я вижу въ немъ чистую, безкорыстную любовь къ дѣлу прекраснаго,» отвѣчалъ Пушкинъ, бывшій въ нашей бесѣдѣ. «Таланты отъ Бога, и бѣдный N. N. не виноватъ, что Богъ ему не далъ таланта. Но, посмотрите, какая сила воли! Какая чистая страсть къ искусству! Ну, все мы — вы, я, А., Б., В., пишемъ, кто изъ золота, кто изъ лавровъ, кто угождая какой нибудь Арמידъ своей, а онъ? Его бранять, надъ нимъ смѣются; онъ разоряется на печатанье, и все таки пишетъ, подлинно изъ чистой, безкорыстной, святой любви къ Поэзій!» Пушкинъ говорилъ съ такою лукавою важною свой остроумный парадоксъ, что все мы расхохотались невольно.

*

У Сумарокова было какое-то дѣло. Извѣстно, что онъ терпѣть не могъ приказныхъ, бранился съ ними, сердился на нихъ. И вотъ, дѣло его — ни назадъ, ни впередъ! Наконецъ, самымъ забавнымъ образомъ разсказалъ онъ объ дѣлѣ своемъ начальнику-вельможѣ, подъ вѣднѣемъ котораго было производство его дѣла. Тотъ смѣялся разсказу, и при первомъ случаѣ вспомнилъ и велѣлъ рѣшить поскорѣе дѣло Сумарокова. Къ нашему трагику является приказный человекъ. «Что угодно?» — Его Сіятельство изволили приказать, касательно дѣльца Вашего Превосходительства..... «Такъ что же, батюшка?» — А вотъ изволи-те... и приказный пустился объяснять, пояснять, дополнять. Сумароковъ слушалъ, слушалъ, крѣпился, крѣпился — наконецъ, едва удерживая гнѣвъ, спрашиваетъ онъ: «Такъ, что же надобно, батюшка, что такое надобно, го-

ворите!»— Да, изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что недостаетъ *справочки*. — «Такъ, справку вамъ надобно, справку? А?» — Точно такъ, В. П. — отвѣчаетъ приказный, начиная пугаться сердитаго взгляда, маханья рукъ и горящихъ глазъ, чьимъ сопровождались вопросы възвышеннаго поэта. Вдругъ Сумароковъ утихаетъ, смѣется. — «Справку я сей часъ вамъ напишу,» говоритъ онъ, садится писать и нишетъ. Бумага сложена, отдана. Приказный радъ, беретъ ее и уходитъ. Но идутъ дни, и какъ прежде, дѣло тянется. Сумароковъ опять къ вельможъ. «Я вельвъ, Александръ Петровичъ, вельвъ, братецъ, и сегодня же нагоню ихъ всѣхъ, что не рѣшаются!» Въ самомъ дѣлѣ, вельможа спрашиваетъ грозно у подчиненнаго: «Чтожь дѣло Сумарокова?»— В. С., надобно было взять у него справку, но онъ...— «Что онъ? Далъ эту справку.»— Далъ, но я не смѣлъ приобщить ее къ дѣлу.— «Почему же?»— Не угодно ли вамъ самимъ прочесть?— «Подайте!» Приносятъ бумагу Сумарокова. Вельможа развертываетъ и читаетъ слѣдующее:

Требованіе справки:

Потребна въ протоколъ порядочная справка,
 Понеже выпала казенная булавка:
 Какой по описи булавки оной вѣсъ?
 Жельзо, или мѣдь, въ булавкѣ той пропало?
 Въ которомъ именно году она упала,
 Въ которомъ мѣсяцъ, котораго числа,
 Которымъ и часомъ, которой и минутой?
 Казенный былъ ущербъ булавки помянутой.

Отвѣтъ.

Я знаю только то, что ты глушій осла!

Вельможа расхохотался такой справкѣ, и вельвъ *безъ справокъ* рѣшить дѣло Русскаго Расина. Кажется, и все дѣло-то состояло въ вычетъ у него чего-то изъ жалованья, которое получалъ онъ за что-то.

*

Какъ часто то, что кажется намъ ново, было сказано давно, да только забыто нами. Недавно гдѣ-то прочиталъ я, что «каждый изъ насъ такъ долженъ жить, какъ будто

ему каждое изъясненіе умереть должно.» Прекрасная мысль, святая истина, но мнѣ пришло въ голову, какъ давно сія истина сказана людямъ: вы найдете ее у Залевка, ученика Пифагорова, законодателя Локрійскаго, жившаго за 500 лѣтъ до Р. X.—Ему же приписывала Древность еще прекрасную мысль, что тотъ, кто разсмотритъ красоту и гармонию вселенной, непременно увѣрится, что есть Богъ, и что міръ не могъ создаться самъ собою.

«Знаешь грудь, да подоплека,» говоритъ Русская пословица. Что такое *подоплека*? Я никакъ не могъ понять. Недавно узналъ я случайно, что *подоплекой* называется нижняя холщевая водшивка, которая дѣлается у Русской рубашки, *подъ плечами*, къ верху ворота.

Пословицу: «Провалился, какъ въ *Камскій мохъ*,» нельзя ли изъяснить походами и отъездами Русскаго народа въ Сибирскія, сверныя тундры и мхи, за рѣку Каму, бывшую прежде предѣломъ Руси?

Слова въ языкѣ измѣняютъ свое значеніе, старѣютъ и умираютъ, какъ люди. Сколько у насъ словъ, значеніе которыхъ совершенно измѣнилось, и прежній смыслъ которыхъ доступенъ только археографіи! Слово: *трудъ*, значило прежде *печаль*, *грусть*. Такъ въ Псалмахъ читаете: «Жизнь человѣческая семьдесятъ, а много что восемьдесятъ лѣтъ, а далѣе *трудъ* и болѣзнь.» Такъ у Пѣвца Игорева: *трудная* повѣсть, значитъ *печальная* повѣсть. *Плечо* значило прежде *руку*, то, что по Нѣмецки: *der Arm*, по Французски: *le bras*; нынѣшнее плечо называли прежде *рамо*; слово: *рамена*, значило *плечи*. Отсюда слова: *заплечный* мастеръ, *плечистый* человекъ. Въ Псалтири находимъ: «*Плещма* своима освѣтитъ тя,» то есть, *руками*. Забавно, что нѣкоторые изъяснители Слова о полку Игоревомъ, переводятъ: «Тяжко ти головы, *кромъ плечу*,» словами: «тяжко тебѣ голова *безъ плечъ*. Пѣвецъ Игоря хочетъ сказать: «Тяжко тебѣ голова *безъ рукъ*,» и смыслъ тутъ простъ и понятенъ. — Какое странное измѣненіе приняли у насъ слова: *задница* и *порты*! У нашихъ стариковъ, первое значило *наслѣдство*, а второе

всякую одежду. Отсюда слово: *портной*, какъ отъ забытаго слова: *скора*, значившаго *мѣхъ*, произошло названіе: *скорнякъ*. — Если принимать слово: *милость*, въ нынѣшнемъ смыслѣ, какъ понять слова: «*милости* хочу, а не жертвы?» Но *милость* въ старину значила: *любовь*, и въ такомъ смыслѣ это слово произвело слѣдующія выраженія: «*Милость* Господня; изъ *милости* прошу васъ; *милостивый* государь.» У Поляковъ, слово: *miłosc*, сохранилось доннынѣ въ прежнемъ значеніи, и *miłowac* значить у нихъ *любить*. Польскимъ языкомъ поясняются намъ многія старинныя значенія словъ нашихъ, какъ-то, на примѣръ: *рокъ*, *годъ*, *часъ*, *недѣля*, которыя значили прежде: *годъ*, *часъ*, *судьба*, *воскресенье*. Теперь у насъ *годъ* заступилъ мѣсто *рока*, слово *часъ* смѣнило *рокъ* (хоть и осталось *несчастный*), а *недѣля* значить прежнюю *седмицу* (хоть и осталось слово: *недѣльный*, въ смыслѣ *праздничнаго*, *воскреснаго*).

*

Для чего не соберемъ мы двойственныхъ словъ, означающихъ одинъ и тотъ же предметъ, безъ всякой синонимички: *сыкира*, *топоръ*, *чело*, *лобъ*, *око*, *глазь*, и т. п.? Тутъ мы увидѣли бы, можетъ быть, вліяніе *Нордманской* стихіи на *Славянскій* языкъ.

*

Грибодовъ и его *Горе отъ ума*, кажется мнѣ, показываютъ Русскій духъ, который просыпается, чувствуетъ, что ему *что-то* неловко, *чего-то* недостаетъ, но еще самъ онъ не знаетъ: *чего* именно и *почему* именно? И вотъ, какъ всегда Русскій человекъ, онъ начинаетъ извѣстнымъ Русскимъ привѣтствіемъ, безъ котораго Русскій разговоръ—словно кушанье безъ соли....

*

Безмыслица—это слово надобно ввести въ Русскій языкъ. *Безмыслица*, значить—*нѣтъ смысла*. Въ *безмыслицѣ* есть *смыслъ*, да *мыслей* нѣтъ. Въ наше время такое различіе необходимо.....

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

IX.

К Р Ш Т Ц К А.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ЛИТТЕРАТУРУ 1838 и 1839 годовъ.

(Письма къ С. Д. П—му, въ Москву).

I.

Что это такое, мой добрый другъ? Ты непременно требуешь исполненія моего обещанія, которое такъ опрометчиво успѣлъ я тебѣ дать, въ проѣздъ твой черезъ Петербургъ въ Москву? Какая неосторожность, въ самомъ дѣлѣ! *Отчетъ о Литтературѣ!* Какъ будто шутка дѣло: отдать отчетъ объ умственной дѣятельности цѣлаго народа, и еще въ теченіе двухъ лѣтъ! А если притомъ узнають, что мнѣ что нибудь кажется не такъ, что я несогласенъ съ мнѣніемъ того, либо другаго корифея нашей литературы—бѣда! И безъ того не оберешься литературнаго шума, только тронь чье нибудь мнѣніе или самолюбіе! Но ты напоминаешь мнѣ, что нѣкогда писывалъ я къ тебѣ объ Русской литературѣ, ког-

да ты странствовалъ далеке, за морями далекими. Да, помню то время, но тогда было время, а теперь другое. Оба мы постарѣли—можетъ быть, и устарѣли. Бѣюсь не надѣла ли уже, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ старость своихъ темныхъ очковъ, о чемъ недавно, печатно, увѣрялъ публику одинъ изъ нашихъ журналистовъ. Если разрушеніе многого, что прежде такъ обольщало, если недоувѣрчивость къ собственнымъ своимъ силамъ, и усиленіе требованій отъ другихъ, суть признаки старости—согласенъ. Но все же еще сердце мое не потеряло чувства добра; душа моя дѣлать все, что вижу я прекраснаго, особливо юнаго, которое оцѣвчивается надеждою. Полнаго, систематическаго, ты не требуешь отъ меня, а хочешь только общихъ очерковъ и нѣсколькихъ главныхъ подробностей. Ты не советуешь мнѣ смотреть и на журнальный шумъ. Давши тебѣ слово, довольствуюсь твоими причинами и доводами, и рѣшаюсь писать.

Не подумай однакожь, чтобы я хотѣлъ изречь немолимый, грозный приговоръ Русской литературы двухъ послѣднихъ лѣтъ, и сперва осудилъ ее оптомъ, а потомъ разобралъ въ подробностяхъ. Совсѣмъ нѣтъ, хоть нынѣ какъ-то въ модѣ подобныя осужденія. Не хочу обозрѣнія моего дѣлать и такимъ книжнымъ смотромъ, гдѣ дѣлать все на двѣ части — *пріятельскую* и *непріятельскую*, хвалить первую, осуждаютъ вторую. Мнѣ хотѣлось бы показать тебѣ главныя, отличительныя черты характеристики современной Русской литературы, сообразить съ ними прежнее, и не столько заниматься частными явленіями, судъ надъ которыми отдѣльно, болѣе или менѣе, но всегда будетъ сбиваться въ нѣкоторую произвольность, а потомъ указать на нѣсколько общихъ выводовъ, изъ которыхъ частныя явленія поясняются сами собою. Далѣе мнѣ хотѣ-

лось бы также сличить и сообразить *настоящее* съ *прошедшимъ*, что весьма важно: только тѣмъ можно повѣрять настоящее. Начнемъ съ такихъ соображеній, и прежде всего съ матеріальной ихъ части.

За *пятнадцать лѣтъ*, въ 1825 году, по вѣрнымъ вычетамъ, всѣхъ книгъ напечатано было въ Россіи, на всякихъ языкахъ, до 600, изъ которыхъ только половина на Русскомъ языкѣ—300. Въ 1836 году напечатано въ Россіи книгъ болѣе 800, въ 1837 г. до 850, въ 1838 г. до 900. Нельзя опредѣлительно сказать, сколько въ семь чиселъ было книгъ на Русскомъ языкѣ. Положимъ, по прежнему, на половину. Постепенное увеличеніе числа книгъ съ каждымъ изъ послѣднихъ годовъ показываетъ усиленіе печатанія, и сличая итоги 1825 и 1838 годовъ, находимъ, что печатанье усилилось въ Россіи на *половину*—300 и 450. Не приступая къ выводамъ, замѣтимъ еще любопытный фактъ: въ 1837 году, число повременныхъ изданій, отдѣльно отъ книгъ, простиралось до 48-ми, въ 1838 г. до 51; но важнее объемъ ихъ: они составляли *почти половину листовъ* противъ числа листовъ въ книгахъ. Въ 1837 г. число листовъ въ книгахъ составляло 9,677, въ журналахъ и газетахъ 4,354 листа; въ 1838 году, въ книгахъ 10,918, въ журналахъ и газетахъ 4,447 листовъ.

Прежде всего приходитъ въ голову мысль: какъ еще мало у насъ дѣлается! По счету твоего любезнаго Бѣшо, онъ насчиталъ вышедшихъ во Франціи, въ нынѣшнемъ году, до 21-го Декабря, книгъ и журналовъ болѣе 6000; по Брангаузовой Нѣмецкой библіографіи, по 26-е Декабря, находимъ число Нѣмецкихъ книгъ и журналовъ нынѣшняго года болѣе 6500. Итоги Англійскіе едва ли меньше Французскихъ и Нѣмецкихъ. И такъ, *нашъ итогъ* не составляетъ и *десятой* части ихъ итоговъ. А если вспомнить, что

во Франціи и Англіи число жителей только 32 и 25-ть милльоновъ? Въ Германіи хотъ и 60 милльоновъ, но вѣдь и у насъ въ Россіи 60!

Не смотря на твою любовь къ числамъ статистическимъ и библіографическимъ, по моему мнѣнію, они могутъ однакожь вводить въ ужасныя ошибки. Недавно одинъ какой-то статистикъ *числами* доказывалъ, что просвѣщеніе вредно, ибо съ числомъ учащихся увеличивается число преступленій. Мысль нелъпая; да и давно ли Дюпенъ, также *числами*, доказалъ совсѣмъ противное? Дѣло въ томъ, что *кромъ чиселъ* надобно смотрѣть на *отношенія мѣстных и числа моральныя*. Какъ не подумать, взглянувши на вышеприведенное мною число Русскихъ газетъ и журналовъ, что Русская журналистика находится теперь въ огромной дѣятельности: *пятдесятъ журналовъ и газетъ!* Но много ли журналовъ собственно литературныхъ издается въ Россіи, въ нынѣшнемъ году? Въ Петербургѣ *четыре* журнала и *двѣ* газеты, въ Москвѣ *одинъ* журналъ, а всего на все *семь* счетовъ. Въ Германіи однихъ юридическихъ журналовъ выходитъ *пятнацать*.

И такъ—числа въ сторону. Изъ нихъ извлечемъ мы только *одинъ выводъ*, тотъ, что хотя несоразмѣрно съ другими, хотя понемногу, мы движемся однакожь въ печатаніи нашемъ впередъ, и я не стану спорить, если скажутъ мнѣ, что въ 1850 году выйдегъ въ Россіи книгъ ровно вдвое противъ 1825 года. Следственнно, *печатно и книжно* дѣятельность наша удвоится.

Для меня гораздо важнѣе другой вопросъ: если принять, что литература есть выраженіе общественной дѣятельности, Русская литература можетъ ли быть почитаема такимъ выраженіемъ? Хочу знать: соответствуетъ ли ходъ Русской литературы тому сильному движенію, какое замѣтно нынѣ въ Россіи,

по ученію, образованію, торговлѣ, промышленности, наукъ, искусству? Такое движеніе неоспоримо. Взгляни на промышленность, на улучшеніе общественнаго быта, на наши Выставки, Академіи наукъ и художествъ, учебныя заведенія. Мы сильно идемъ впередъ, да и нельзя же намъ пятиться — это «не въ натурѣ вещей», по присловью одного моего знакомаго. Мнѣ кажется однакожь, что если и въ литтературѣ замѣтенъ ходъ впередъ, то все таки она не поспѣваетъ за общимъ ходомъ и общество наше ее опереживаетъ. Говоря вообще, литтература наша неидетъ впереди нашего общественнаго быта, а едва только успѣваетъ бѣжать за нимъ. Безспорно, что въ послѣдніе годы, охота къ Русскому чтенію усилилась, книгопечатаніе улучшилось, книгъ Русскихъ расходится больше; но отъ чего повсюдныя жалобы на нашу книжную торговлю? отъ чего наше усиленное стремленіе къ чтенію на иностранныхъ языкахъ? Итоги въ послѣднемъ отношеніи могутъ изумить тебя: въ 1834 году привезли въ Россію иностранныхъ книгъ до 300 тысячъ томовъ, въ 1838 г. до 500,000, а въ нынѣшнемъ году число ихъ, вѣроятно, взойдетъ до 600 т.; слѣдственно, находясь въ огромномъ размѣрѣ противъ Русскихъ книгъ, привозъ иностранныхъ книгъ удвоится въ *шесть лѣтъ*, когда маленькій итогъ Русскихъ книгъ, какъ мы выше видали, едва можетъ удвоиться въ *двадцать пять лѣтъ*! Явно, что масса свѣдѣній льется въ Россію не черезъ ручеекъ Русской литтературы, но по особому водопроводу надъ нею; что паровозъ ученія и знанія летитъ по особой желѣзной дорогѣ, подъ которою пролегаютъ избитая дорожка нашей литтературы, и по ней тянется обозъ литтературы Русской; лошадки затачиваются; извожники вокругъ нихъ хлопчуть, кричатъ, а иные изъ нихъ взглядываютъ на паровозъ, дивятся его силѣ и быстротѣ, называютъ его

опаснымъ для ѣзды и перевоза, и почитаютъ даже чѣмъ-то бусурманскимъ и демонскимъ. Извини шутку, но что общество наше живетъ болѣе литературою иностранною, тутъ для меня нѣтъ сомнѣнія: доказательство — мы сами, все, что насъ окружаетъ, и то, что въ послѣднее время изученіе иностранныхъ языковъ проникло во всѣ званія, не оставаясь удѣломъ только высшихъ званій. И не только черезъ училища и книги проникло оно — нѣтъ! просто, усиленіе промышленности и торговыхъ сношеній нашихъ съ иностранцами требуетъ отъ насъ знанія ихъ языковъ, и языкамъ учатся ради пущды, а потомъ уже переходятъ къ чтенію на нихъ, отъ чего и происходитъ, что иной купецъ лучше узнаетъ по Французски, или по Нѣмецки, отъ своего подмастерья, нежели ученый, отъ котораго еще при вступленіи въ училищъ требовалась бездѣлка: свободно переводить съ Русскаго на Французскій языкъ! — Но не о томъ рѣчь, а о томъ, что по моему мнѣнію, литература Русская отстала отъ успѣховъ Русской общественности, и слова мои берусь я всячески доказать тебѣ.

Теперь третій вопросъ, также немаловажный: литература наша, въ настоящее время, составляетъ ли выраженіе нашего народнаго, то есть, *національнаго*, духа и образованія? Безспорно то, что литература тогда только укрѣпляется и усиливается, когда она составляетъ необходимую часть *бытія народнаго*, и изъ него развивается. Можно доказать, что развитіе всѣхъ другихъ частей нашей общественности есть слѣдствіе необходимости, и что развиваясь, своими улучшеніями и успѣхами они сливаются съ бытомъ народнымъ и съ жизнью его. Посмотри на промышленность нашу, и ты увидишь, что она передѣлываетъ и перевариваетъ по своему все, что беретъ у иностранцовъ. Станокъ Жаккарда мы упростили,

обрусилъ, и на послѣдней Выставкѣ меня радовало, что необходимость употребленія машинъ возбудила уже у насъ самобытный духъ изобрѣтательности и усвоенія по части Механики. Вообрази себѣ, что обзоръ литературныхъ произведеній за годъ, за два года, Выставка Литтературная, и едва ли на предложенный нами вопросъ не дадимъ мы отвѣта отрицательнаго. Да, мой другъ! принадлежа самъ къ литературному цеху, я однакожь изреку строгій приговоръ себѣ и моимъ собратіямъ, Русскимъ *литтературищикамъ*, а съ ними и Русской литературѣ, тотъ именно приговоръ, что Русская литература *народности и общественности нашей не выражаетъ*; что до сихъ поръ она не срослась существенно съ Русскою жизнью, и что Русскій народъ умнѣе Русской литтературы — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

Отъ чего все это? Какія причины? — Ихъ нелегко объять въ небольшой журнальной статьѣ, и хотя, по моему мнѣнію, всего вѣрнѣе поясняютъ дѣло историческія и этнографическія причины, но вѣдь я обязанъ представить тебѣ краткій отчетъ за новѣйшую литтературу, а не писать ея исторіи, и тѣмъ болѣе литтературной географіи и статистики. Ты можешь возразить, что я общалъ тебѣ однакожь характеристику и сличеніе съ прежнимъ, а не такой обзоръ, гдѣ исчисляются названія книгъ, съ прибавкою словъ: «хороша,» или «дурна,» или «и хороша и дурна», а сверхъ того должно оправдать, что уже мы здѣсь сказали предварительно, изъ общихъ выводовъ предполагая пояснять частныя явленія.

Начнемъ съ того, что какъ для нашей общественности, такъ и для нашей литтературы, стихин, или элементы, у насъ превосходныя, удивительныя. Часто смотрю и думаю: что это за народъ такой, нашъ

славный, умный, терпѣливый, дѣльный народъ Русскій! Что за языкъ такой, богатый, звучный, гибкій, пріимчивый! Ты знаешь, что я *оптимистъ* въ Исторіи, и свято вѣрю въ Гердерову историческую ересь, ту именно, что Человѣчество совершенствуется во исполненіе великихъ законовъ Провидѣнія. Для меня Исторія не есть хаосъ нестройный, не шахматы, которыя разстанавливаютъ для игры, одну производя въ цари, другую въ ферязи, третью въ піоны, а потомъ, доигравши, или даже и не доигравши, игры, складываютъ въ мѣшокъ, и опять разставляютъ, когда понадобится. Исторія для меня великій и вѣрный рядъ силлогизмовъ, и какимъ силлогизмомъ въ Исторіи представляется мнѣ Россія, ты можешь видѣть изъ краткаго очерка Русской Исторіи, который напечаталъ я года полтора тому (С. О. 1838 г. кн. VI). Я вѣрю въ великую будущность Россіи, вѣрю головою и сердцемъ. Обращаясь къ Русской литературѣ, не могу не увлекаться даже и нѣкоторымъ эгоизмомъ: я Русскій душою и тѣломъ, люблю мою родную Русь — нельзя мнѣ не любить и Русской литературы, не быть пристрастнымъ къ тому предмету, которому посвятилъ я двадцать лѣтъ жизни, трудъ, здоровье, юность, увлеченія свѣта. Нельзя же считать мечтою и вздоромъ того, чему принесли мы такія жертвы! И такъ, элементы для Русской литературы есть, и превосходныя; будущность ея должна быть великая и прекрасная, но что была она *донынѣ*?

Начиная собственно-Русскую исторію съ XV-го вѣка, собственно-Русскую литературу начинаю я еще позднѣе, именно, только съ Петра Великаго и съ Ломоносова. Все прежде того бывшее — только матеріалы, а не начало литературнаго зданія. И притомъ въ матеріалахъ является намъ уже много нероднаго, несвойственнаго, чуждаго: странный

книжный языкъ, Западная схоластика, Классическая Фера, обломки чуждой образованности, которые цѣликомъ начали употреблять при постройкѣ зданія Русской литтературы, какъ на Востокъ цѣликомъ берутъ, безъ разбора, обломки стараго для созиданія новаго. По неизбѣжному закону, образуя общественность нашу по образцу другихъ, перегнавшихъ насъ народовъ, мы забывали о своихъ родныхъ стихіяхъ, и какъ учились мы строить корабли и крѣпости, принимали практическія свѣдѣнія у иностранцовъ, перенимали ихъ промышленность и одежду, такъ образовывалось и общество наше по ихъ общественнымъ формамъ. Французское общежитіе, Французскій Классицизмъ владѣли тогда всею Европою литтературно; Нѣмецкая и Англійская литтературы самобытно не существовали, и мы приняли для общества нашего Классическое Западное образованіе, которое перешло и въ нашу литтературу, смѣшавшись въ ней съ приготовленными прежде матеріялами — ученою схоластикою, превратнымъ понятіемъ объ Русскомъ языкѣ и презрѣніемъ къ родному, національному, Русскому. Отъ того вся литтература Русская сдѣлалась удѣломъ немногихъ, образованныхъ по чужому, и была понятна для нихъ, а для массы Русской была она чуждымъ растеніемъ, растущимъ на величественномъ деревѣ Русскаго духа, Русской національности. Народъ пѣлъ пѣсни, сказывалъ сказки, берегъ память роднаго, прошедшаго, отдельно отъ Русской современной литтературы. И такъ прошелъ весь періодъ литтературы Русской до XIX вѣка, весь Ломоносовскій и Карамзинскій вѣкъ. Тутъ два новые толчка: литтературное возстановленіе, самобытность Германіи и Англійи, и паденіе Французскаго Классицизма и владычества, а потомъ, когда пролетѣлъ періодъ бурь начала XIX вѣка, общій космополитизмъ Европейскихъ литтературъ,

споръ Классицизма съ Романтизмомъ, раздвиженіе литературъ на всѣ званія каждаго народа, разрушеніе монополіи немногихъ избранныхъ литературщиковъ, и неминуемое отсюда обращеніе къ національности каждаго народа отдѣльно. Какъ изъ континентальной системы Наполеона начали развиваться народныя Европейскія промышленности, такъ изъ Романтизма было начало новыхъ народныхъ литературъ, и онѣ рѣзко обозначаются уже теперь у Англичанъ, Германцовъ и Французовъ; въ нисшей категоріи литературъ стоятъ теперь Итальянцы, Голландцы, Шведы—здѣсь находимся въ наше время и мы. И насъ коснулся переворотъ литературный, начатый Гёте и Байрономъ, Романтиками и Озеристами Англійскими, изученіемъ Востока и Скандинавіи, обобщеніемъ знаній и литературъ, всѣмъ, чего начала къ намъ перенесены Жуковскими, Батюшковыми, Грибоедовыми, Пушкиными и ихъ современниками; и у насъ долженъ онъ былъ наконецъ обратиться къ народности, послѣ жестокихъ битвъ Классицизма и Романтизма, усиленія литературнаго словопренія, неудачныхъ опытовъ, странныхъ теорій, частныхъ мономаній къ тому или другому предмету, когда притомъ такъ сильно зашевелились общественное образованіе, промышленность, знаніе, и когда, въ послѣднее время, просвѣщенное и мудрое Правительство наше мощною рукою указало намъ на родныя стихіи нашего образованія.

Спрашивается, что же такое *нынешняя Русская литература*? Какъ высшая потребность общества, она не можетъ еще быть у насъ существенною потребностью настоящаго времени, подобно тому, какъ потребны нынѣ хронометръ, пушка, паровая машина; какъ юное и слабое еще движеніе, она не можетъ проникать во всѣ слои нашего общества; какъ столѣтъ двигавшееся по неутрному пути направленіе,

она не можетъ явиться нынѣ народною, самобытною. Русская литтература стоитъ на распутии, слышитъ со всѣхъ сторонъ шумъ, крикъ, споръ, совѣты, увлекается всѣми порывами, и бывши прежде, хотя и линючею, но одноцвѣтною, она сдѣлалась теперь пестрою. Ей хочется и схватить хорошее чужое, и добывать хорошее свое, и творить, и обрабатывать готовое. Она боится труда и сбивается въ извлеченіе вещественныхъ польвъ отъ работы, забывая, что онѣ слѣдуютъ за пользами только духовными (spirituel). Для однихъ она важное дѣло, для другихъ игрушка, для третьихъ мебель, для четвертыхъ филатурный станокъ. А между тѣмъ, съ обобщеніемъ ея, втерлись въ нее и шарлатаны, и чудачки, и фанатики, и — вотъ тебѣ мое мнѣніе объ умственномъ базарѣ, который называется *Русскою литтературою* въ наше время.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ современныхъ дѣлателей есть безкорыстные, умные, мыслящіе дѣлатели; нѣтъ сомнѣнія, что какъ прежде находились у насъ геніяльные самородки, Ломоносовы, Державины, Пушкины, Хемницеры, Крыловы, такъ могутъ они находиться и нынѣ; не поспорю даже, если опровергая библиографическій вычетъ мой, вышеприведенный, объ удвоеніи литтературныхъ произведеній въ 25-ть лѣтъ, мнѣ скажутъ, что они утроятся до 1850 года, и пойдутъ въ геометрической пропорціи: богатырскіе шаги намъ не диво. Правда, что литтераторъ, какъ гражданинъ, принимается теперь у насъ и въ свѣтъ и въ обществѣ, и такъ же смѣло можетъ отвѣчать на вопросъ: «Кто вы?» — «Я *литтераторъ*», какъ другой отвѣчаетъ: «Я *чиновникъ*, я *фабрикантъ*.» Правда, что съ одной стороны проникаетъ литтературное образованіе въ Русскую коренную почву, а съ другой Русскій элементъ входитъ въ литтературу, и съ нею ввѣдряется въ выс-

шіе ряды общества. Все это такъ, и правда, но все еще, въ настоящее время, Русская литература и бѣдна, и отстала, и далеко не составляетъ собою полнаго народнаго выраженія. Съ одной стороны видимъ несообразность посвященія и образованности столицъ и провинцій и одного званія противъ другаго. Съ другой — перевозимоющее увлеченіе иностраннаго литературнаго и, что ни говори наши германофилы, все таки Французскаго образованія — полки съ Французскими книгами и уголки кое съ чѣмъ Русскимъ, Нѣмецкимъ и Англійскимъ. Наконецъ, съ третьей стороны, все таки литература у насъ еще дѣло мимоходомъ, какъ ученое средство для другихъ цѣлей, для службы, для промышленности, для чего угодно, только не для ученья-собственно...

Отсюда естественно выводится и излагается сущность современной литературы, частные успѣхи одного при упадкѣ другаго, вымѣнъ однихъ ошибокъ на другія, и недостатокъ великихъ дарованій, и сбивчивость понятій литературныхъ, и недостатокъ критики, и все, все другое. Можетъ быть, ты почтешь парадоксомъ, если не совершеннымъ софизмомъ, если я скажу, что положивши начало новаго литературнаго переворота съ 1815-го, или съ 1820 года, (ибо и у Французовъ начался онъ не ранѣе, а отъ нихъ уже отразился къ намъ), я нахожу, что Русская литература съ того времени въ одну сторону подвинулась, а въ другую отодвинулась; что въ некоторыхъ отношеніяхъ была она выше тогда, а въ другихъ выше теперь. Но я берусь доказать мои слова фактами, и обозрѣніемъ всего, что явилось въ литературѣ нашей въ послѣдніе два года.

Вотъ, что я здѣсь разумю: нынѣ Русская литература болѣе обобщена, болѣе раздвинута, болѣе читательна, такъ сказать, болѣе разнообразна. Но тогда, при концѣ Карамзинской и началѣ Пушкин-

ской эпохи, она была болѣе систематическа, болѣе художественна, болѣе стройна и правильна; и юные дѣлатели, воспитанники прежней, Карамзинской эпохи, дѣлали и сдѣлали болѣе въ послѣднія 20-ть лѣтъ, нежели наши воспитанники, во всякомъ отношеніи. Особенно жалуясь я на нашу нынѣшнюю молодежь. Пусть она умнѣе, ученѣе насъ стариковъ, но гдѣ же доказательства того и другаго въ ея трудахъ, въ ея направленіи? Нѣтъ, юные сподвижники современной Русской литературы! не ослѣпляясь горделивою памятью прежняго, скажу, что относительно и сравнительно, мы пламеннѣе, безкорыстнѣе, трудолюбивѣе васъ приступали къ дѣлу литературы и работали на литературномъ поприщѣ. Помню юношей и дѣлателей 1820 года, вижу юношей и дѣлателей 1840 года. Среди первыхъ я самъ былъ ровесникомъ и по силамъ моимъ сподвижникомъ; среди послѣднихъ, я становлюсь и могу назваться уже болѣе зрителемъ и наблюдателемъ; они старше насъ 20-ю годами, но старше ли они насъ успѣхами, и въ нихъ, какъ представителей нынѣшней литературы, старше ли литература Русская на 20-ть лѣтъ?—Заклавши послѣдніе отблески Державина и Карамзина, слѣдуя за Жуковскимъ и Батюшковымъ, наше время пережило бурный переворотъ паденія Классическаго и вторженія Романтическаго, стремилась къ знакомству съ Германією и Англією; понимало новыя свѣтлыя Германскія идеи Философій и Исторіи; прислушивалось къ поэзіи Гёте и Байроновъ; принялось за романъ В. Скотта; начало разработку отечественныхъ матеріаловъ Исторіи, обратилось къ роднымъ Русскимъ элементамъ языка народнаго и пѣсни народной, расковало идеи отъ Классическихъ кандалъ, гнало со сцены чучель на ходуляхъ, и на старости не покинуло труда. Я не мечтаю, и исчислю тебѣ имена сподвижниковъ, оказавшихъ заслуги на поприщѣ

Русской литературы въ послѣдніи 20-ть лѣтъ. Слушай и опровергни. Въ сіи 20-ть лѣтъ, Востокъ и Грець начали пересоздавать схоластическую Русскую Грамматику и опредѣлять законы Русскаго языка; Пушкинъ пѣлъ, съ своими спутниками: Баратынскимъ, Дельвигомъ, Языковымъ, Плетневымъ; Русскую сцену оживляли и измѣняли Грибоедовъ, Князь Шаховской, Жандръ, Хмельницкій; легкая сатира игриво проявлялась Княземъ Вяземскимъ; дикая бивачная пѣсня сверкала стихами Давыдова; трогательно пѣлъ слѣпецъ Козловъ, трудился Гильдичъ, и прекрасныя дарованія мелькали въ Веневитиновъ, А. Писаревъ, Мансуровъ, Норовъ, Родзянкъ, Подежаевъ, Шишковъ А., и другихъ. Теплою прозою писалъ Ѳ. Глинка; романъ начали Бугаринъ и Загошкинъ, повесть Марлинскій, Военную Исторію приготовился писать Данилевскій; матеріалы Русской Исторіи стали обрабатывать Калайдовичъ, Кеппенъ и Строевъ; съ Философіею знакомил Вланскій и Галичъ; умѣли передавать ее другимъ Давыдовъ и Павловъ, и среди Московскихъ юношей показывали прекрасныя начала дарованія, науки и труда: Князь Одоевскій, Шевыревъ, Титовъ, Тютчевъ, А. Муравьевъ, Раичъ, Хомяковъ, Киреевскій, Розбергъ, Камашевъ, Погодинъ, Рожалинъ, и другіе. Конечно, многіе не оправдали потомъ своихъ началъ, другихъ увлекли суета и жизнь, но все истинное мною принадлежало періоду Пушкинскому, трудилось, работало, увлекалось къ идеямъ, хотѣло мыслить, сражалось за мысль. Дѣлателей было тогда меньше нынѣшняго, но, истинно, болѣе системы, безкорыстія и правоты было въ ихъ работѣ.

Что же нынѣ, или теперь? Непременное условіе: нынѣшнему надобно быть лучше и совершеннѣе прежняго, но таково ли оно? Каковы нынѣшняя Русская философія, поэзія, исторія, историческая кри-

тика, филологія, проза, журналистика, нынѣшній романъ, нынѣшнія повѣсти? — Не думаю, чтобы — говоря *сравнительно* и *относительно*, повторяю, ибо здѣсь *непрѣмливое* условіе всѣхъ *хронологическихъ* сравненій — не думаю, чтобы 1840-й годъ могъ похвастать лучшимъ и большимъ чѣмъ нибудь противъ 1820 года. Старыхъ дѣлателей не считайте, а гдѣ новыя и что они дѣлаютъ? — Уровень посредственности въ дарованіяхъ и въ идеяхъ; *безмыслица* и часто пошлость въ стихахъ; уродливое искаженіе прозы; страсть къ *мелочнымъ*, *смѣшнымъ*, *крошечнымъ* рефермамъ и *безтолковщина* въ философіи и теоріи языка и словесности; отсутствіе труда, лѣность умственная, при несносной хвастливости; сбивчивость въ идеяхъ исторій, и только желаніе отличатся во всемъ какою нибудь *новостью* и *странностью*, забывая объ истинѣ и цѣли науки и знанія... Пусть, какъ угодно терпятся на меня, пусть бранятъ меня, называютъ отстающимъ, усталымъ, педантомъ, старовѣромъ, но таковы отличительныя черты *теперешней* (медное слово!) литературы нашей, а въ доказательство словъ моихъ, приступимъ къ обозрѣнію того, что она показала намъ въ 1838 и 1839 годахъ.

Но, покамѣсть, оканчиваю мое *первое* къ тебѣ *письмо*, добрый другъ. Исчисленіе новѣйшихъ литературныхъ явленій Русскихъ будетъ предметомъ *второго*. Осуждать я никого не буду и не хочу, и если бы можно было, я не говорилъ бы даже именъ, ибо личности автора, какъ человека и гражданина, никогда не смѣшиваю я съ его твореніемъ, съ его трудомъ; знаю, что самый добрый человекъ можетъ быть плохимъ художникомъ и литераторомъ, хоть и вѣрю, что «въ злохудожную душу не снидетъ премудрость»; знаю, что и съ самымъ добрымъ намѣреніемъ можно увлечься и увлечь другихъ въ ошиб-

ку и заблужденіе. Мы необходимо должны однакожь пересмотрѣть рядъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, а потомъ перебрать плоды дѣланія ихъ, литературныя произведенія. Потомъ вѣрнѣе выведемъ мы нѣсколько главныхъ результатовъ, и, по мѣрѣ силъ и возможности, предложимъ наше мнѣніе о томъ: по какому направленію надобно идти Русской Литтературѣ, дабы она могла полнѣе, правильнѣе, вѣрнѣе и плодороднѣе развиваться? Намъ необходимо надобно будетъ коснуться здѣсь современной журналистики Русской, взглянуть и на современныя литературы Европейскія, доказать нынѣшнія отношенія наши къ нимъ, и то, каковы должны быть наши къ нимъ отношенія. Можетъ быть, мы во многомъ ошибемся, но смѣю увѣрить, какъ въ искренности желанія добра, и литературѣ и литераторамъ нашимъ, такъ и въ томъ, что я всегда готовъ сознать ошибку мою, и что ни личность, ни самолюбіе не руководствуютъ и никогда не будутъ руководствовать моимъ мнѣніемъ. Но тебя нѣтъ надобности въ томъ увѣрять: ты меня знаешь лучше другихъ, и дружба наша считаетъ уже пятую олимпиаду. Твой, и проч.

Н. ПОЛЕВОЙ.

Х.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

КНИГИ 1840 ГОДА.

1. Мѣсяцословъ на (высококрсный) 1840 годъ. Спб., въ гп. Академіи Наукъ, 1840 г., въ 8, 218 стр., съ портре-тамн.

Чѣмъ лучше начать библиографію, если не книгою, самую *необходимую, самую многочитаемую, настольную* у всѣхъ — книгою, въ которой, по словамъ Ривароля, «всегда сказано правды болѣе, нежели во всякой другой книгѣ?» Какнхъ *воспоминаній* не приведетъ вамъ на память *календарь*? О чемъ не заставитъ васъ подумать? И намъ кажется, взгляды на него, переборъ его и печатныхъ и бѣлыхъ листочковъ, всегда поучительны для всякаго. Вотъ тутъ 1-е *Января* — *первый* годовой праздникъ, понедѣльникъ: солнце взоидеть въ 8 ч. 55 м., заидеть въ 3 ч. 23 м.; луна взоидеть въ 2 ч. 14 м. А вотъ и *последній* день года, 31-е Декабря: вторникъ, память Меланіи Римлянки; солнце взоидеть въ 8 ч. 56 м., заидеть въ 3 ч. 22 м.; луна взоидеть въ 11 ч. 10 м.; свѣтать начнетъ въ 6 ч. 11 м. — И все, какъ прежде, и все воимъ порядкомъ! И какъ они близки тутъ одинъ къ другому, *первый* и *последній* день... И все въ нихъ, какъ всегда! Гогущая мать природа не думаетъ, что между тѣмъ мы, чедвички, хлопочемъ, шумимъ, гремимъ, споримъ, плачемъ, дуемся, умвраемъ, родимся, и те хотимъ ускорить, те оставитъ часовую стрѣлку... А она идетъ себя, да идетъ, и что

взмахъ маятника—то король, то пиццй, то великій, то малый уходятъ изъ міра, а календарь опять является и говоритъ свое... Да, календарь для челоуька урокъ, и никогда не привыкну я равнодушно смотрѣть на календарь—книгу, которую зналъ я еще не умѣя читать книгъ, паравѣ съ «Московскими Вѣдомостями». И какъ я завидовалъ тогда тѣмъ, кто могъ читать и календарь и *Вѣдомости!*.... Однакожь, что мы *расфилософствовались*, какъ будто и забыли премудрую аксіому Саломова: «*По философіи—умъ искривляется!*» Не удалось ли изъ новаго календаря извлечь ту утѣшительную мысль, что являясь пыпъ каждый годъ съ новыми усовершенствованіями, онъ доказываетъ, что все въ мірѣ временемъ совершенствуется. Въ календарь на 1840-й годъ, издатели собрали много новыхъ, любопытныхъ, или необходимыхъ въ житейскомъ быту приложений, какъ-то: о цѣности иностранныхъ монетъ, объ уравненіи ассигнацій на серебро, о числѣ жителей въ Россіи; роспись городовъ дополнена, и проч., и проч. Дай Богъ, чтобы всѣ Русскія книги такъ шли впередъ, какъ идетъ календарь.

2. Памятная Книжка на 1840-й годъ. Спб., въ Военн. тип., 1840 г., въ 16, 441 стр., съ картинками.

Читатели знаютъ уже по прежнимъ годамъ, и содержащее, и красивую наружность этой прелестной типографической игрушки, впрочемъ необходимой и полезной по своему содержанию. Картинки при ней выбраны на сей годъ особенно интересныя по предметамъ (Кремль, Фюрстенштейнъ, Крейтъ, Камеронова галерея, и проч.) и выгравированы, какъ прежде, превосходно.

3. Подарокъ на Новый Годъ. Двѣ сказки Гоэмаиа для большихъ и маленькихъ дѣтей, Спб. въ тип. А. Сычева 1840 г., въ 16, 320 стр., съ картинками.

Объ Гоэмаиовы сказочки не новость въ Русскомъ переводѣ *Наизястиево дитя* и *Грызунъ ореховъ*, давно уже были переведены; но дѣти могли давно уже *использовать* премудрѣя переводы; возобновить ихъ, напечатавши въ одной книжечкѣ, было весьма не худо. Дайте поскорѣе ихъ дѣтямъ: они рады будутъ снова ихъ читать и перечитывать; а мы астан

обратимся къ сочинителямъ сказокъ для дѣтей, и скажемъ, «Прочитайте и вы, Мм. Гг., и поучитесь у Гофмана — вотъ какъ *надобно писать для дѣтей!* Подражайте ему, какъ подражалъ ему Погорельскій въ своей *Курортѣ Чертушкинѣ*, и вы напишете точно занимательныя, увлекательныя повѣсти для маленькихъ читателей!» Какое искусство! Какое умѣнье, не превышая дѣтскаго понятія, увести за собою дѣтей въ мѣръ фантастическій, и играть съ ними такъ, какъ со взрослыми игралъ Гофманъ своимъ *Котомъ-Муравомъ, Принцессою Брамбиллою, Мейстеромъ Флазеломъ!*—Новый Русскій переводъ Гофмановыхъ сказочекъ очень хорошъ.

4. ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Соч. дѣвнцы Тремадюръ. Пер. съ Французскаго Алекс. Зражевской. Четыре части. Спб., въ тип. Рос. Академіи, 1840 г., въ 12, 153, 108, 115 и 119 стр.

Намъ кажется, что это едва ли *Дѣтскія* Библиотека. По крайней мѣрѣ, она не для *маленькихъ дѣтей*: четыре повѣсти, гдѣ описана вымышленная жизнь четырехъ художниковъ и художницъ (Проенерь скульпторъ, Эмелина музыкантша, Леонъ граверь и Валерія живописица), и описана мастерски и увлекательно. Нужныя чувства любви, дѣтской и родительской, маленький миръ юныхъ страстей, дружба, даже немножко любовь, все тутъ есть, и все рассказано очень мило и съ чувствомъ добра, а пользуясь рассказами, сочинительница передаетъ читателямъ и *техническія* подробности избранныхъ ею художествъ. Мы ставимъ *Дѣтскую Библиотеку* г-жи Зражевской подлѣ *Пустышника Чилбораскаго*, переводомъ котораго мы были ей обязаны. Обѣ книги, переданныя г-жею З., можно назвать истинно полезными и прекрасно выбранными для перевода, который немного поспѣшно сдѣлавъ, и требовалъ бы пересмотра.

5. Утренняя Заря. Альманахъ на 1840 годъ, издашпый В. Владиславевымъ. *Второй годъ*. Спб. въ тип. А. Плюшара, 1840 г., въ бол. 16, 442 и III стр., съ картинками.

Съ особеннымъ умилеіемъ сердца смотримъ мы на мило видную книжку *Утренней Зари* вышншаго года, и первое слово наше объ ней будетъ — благодарность почтенному издателю, за то, что изъ литературы и игры мы умѣемъ оны сдѣлать

богатый подарок бѣдой брати. Сколько слезъ будетъ стертъ, сколько молитвъ вознесется на небо отъ тѣхъ, кто получитъ богатую, щедрую милостыню отъ красной книжечки, издавшой г-нъ Владиславлевымъ! И можете судить, какъ въ умѣли оцѣнить его благотворное предприятие: тысячи экземпляровъ разобраны были въ самое короткое время. Нѣкоторые изъ благотворныхъ особъ брали по 500 экземпляровъ альманаха, и только второе издание могло поступить въ обыкновенную книжную торговлю.

Намъ кажется, что г-нъ В. вводитъ у насъ своимъ альманахомъ особенный родъ ихъ, известныхъ подъ именемъ *кипсековъ*: такъ называются Англійскіе альманахи, отличіе которыхъ составляютъ щегольскія картинки. Заказанныя въ Англии, замѣчательныя по своимъ предметамъ, картинки Утренней Зари превосходны въ томъ родѣ, какой искусство гравированія изобрѣло въ Англии, особенно для кипсековъ. Главное достоинство сего рода — *выбѣлываніе*; художникъ остается недоволенъ, но картинка прелестна своею свѣтлостью, живостью штриха, своею неопредѣленностью очерка, такъ сказать. Онъ тоже, что танецъ Талльони въ мимикѣ, что стихъ Ламартина въ прозѣ, что игра Оле-Буля въ музыкѣ. Особенно ландшафты въ кипсековой гравировкѣ выходятъ очаровательны. Посмотрите для убѣжденія въ Утренней Зарѣ на *Мертвое море*, съ картины Воробьева.

Содержаніе кипсековъ всегда уже вторая статья послѣ картинокъ. Но и въ семъ отношеніи Утренняя Заря — восходъ солнца противъ ея иностранной собратини. Съ удовольствіемъ прочли мы тутъ назидательную повѣсть Г. О. Основьявенка, *Божія Дѣти*. Не съ меньшимъ наслажденіемъ прогулялись въ старомъ знакомцѣ Московскомъ, *Нескучномъ*, и заслушались притомъ веселаго, живаго разсказа М. Н. Загоскина. — Князь В. О. Одоевскій разсказалъ намъ, что будетъ Петербургъ черезъ 2500 лѣтъ (*1338-й годъ. Петербургскія письма*), и мы подумали, что хоть О. В. Булгаринъ давно уже истощилъ сей предметъ, и идея его прежде была уже высказана въ *Европейскихъ письмахъ* г-на К., но истинное дарованіе всегда найдетъ нѣкоторыя новыя стороны, даже и въ старомъ предметѣ. За *Антонио*, мы готовы и хвалить и бранить Н. В. Кукольникъ: хвалить за то, что его разсказъ живой и прекрасный, а бранить, что онъ набрасываетъ на имя Корреджіо такую темную и омерзительную тѣнь. Намъ ка-

жется, что подобныя поэтическіе вымыслы — злоупотребленіе фантазіи! Впрочемъ, вѣдь и Шампанское злоупотребленіе жидки, но, право, оно прекрасно. Въ стихахъ лучшая пѣса принадлежитъ, кажется, Е. А. Баратынскому: его *Примѣты* мысль истинно поэтическая и напоминаетъ его прежнія, бывалыя стихотворенія. Прекрасны также стихи В. А. Жуковскаго: *Поэту Лепенсу*. Давыдовъ изъ могилы отозвался лихою *пѣсенкою*, которой нельзя прочесть не улыбувшись. *Самоваръ*, одна изъ лучшихъ пѣсенокъ князя П. А. Вяземскаго, въ томъ родѣ, въ которомъ онъ такой мастеръ писать стихи, въ родѣ прежней Французской *поззи салоновъ*, о которой нельзя иногда не вдохнуть, видя, чѣмъ *слѣнила* ее нынѣшніе Французы. Стихи, подобныя слѣдующимъ:

Дни странника листьямъ разрозненнымъ подобны...
 Въ насъ умъ космополитъ, а сердце домосѣдъ....
 И лишній гость у васъ не лишній за столомъ....
 Кипучій самоваръ—домашній зашвало, и проч.

такіе *эпиграфическіе* стихи напоминаютъ Шолье и Делля, и, признаюсь, одного такого стиха не промѣняемъ мы на цѣлый *романсъ*, въ родѣ Сулье и Ж. Зандъ, какииъ подчитываетъ насъ въ Утрепней Зарѣ Н. Ф. Павловъ, или на другой *романсъ*, тамъ же помѣщенный (*Въ горахъ я встрѣтила Черкеса*). Согласитесь, что при очаровательныхъ картинкахъ Утрепней Зари, и исчисленнаго нами уже слишкомъ довольно въ литературномъ отношеніи; и если не все тутъ одинаковаго достоинства, по крайней мѣрѣ, замѣчательно въ томъ или другомъ отношеніи.

6. Полный курсъ Чистой Математики. Соч. Франкера. Перес. съ Франц. 4-го изданія, исправленнаго и значительно дополненаго. Часть вторая. Спб. въ тип. Копр. Вилгебера, 1840 г. въ 8, VII и 827 стр., съ чертежами.

Намъ обѣщали подробный *разборъ* сей превосходной учебной книги, и мы довольствуемся на сей разъ только *извѣщеніемъ* объ окончаніи ея въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ искусною рукою одного изъ практическихъ нашихъ математиковъ, который, самъ занимаясь преподаваніемъ Математики, умѣлъ передать ясно и отчетливо обширный трудъ Франкера. Во 2-й части помѣщены: *Высшая Алгебра, Приложение*

Анализъ, Дифференціальное и Интегральное исчисленіе и послѣдствіе разностей. Нельзя не замѣтить роскоши изданія: немногіе романы издуются у насъ такъ, какъ изданъ А. Ф. Смирдинымъ *Курсъ Математики*, когда притомъ цѣна ему положена изумительно дешовая, а между тѣмъ, во 2-мъ томѣ — *плотдесять два листа печатныхъ*, огромнаго формата!

7. Три оригинальные водевилы. Новички въ любви. Его Превосходительство, или средства нравиться. Такъ, да не такъ! *Сов. Н. А. Корошкина.* Слб. въ тѣхъ Н. Греца, 1840 г. въ 32, 238 стр.

Съ легкой руки И. П. Песоцкаго, по привѣру его изданія, въ крошечномъ форматѣ, являютъ три очень милые водевиля г-на Коровкина, нашего неистощимаго водевилиста. Г-нъ Песоцкій долженъ быть по драматической части немпожко козлудъ: началъ опъ издавать свой *Репертуаръ*, и уже ему строить *Памтеонъ*, какъ доказательство, что предпріятіе его было обдуманно и исполнено удачно. Прежде того, опъ издалъ *три водевиля* въ одной маленькой книжечкѣ, и водевилы въ книжечкѣ его разлетѣлись мигомъ, какъ мотыльки весною, и сдѣлались такими любимцами читателей, что ихъ нанвчатами теперь въ третій разъ въ Москвѣ, въ трехъ раздѣльныхъ книжкахъ. Вотъ они:

КНИЖИ 1839 ГОДА.

1. Три водевилы. Хороша и дурна, и глупа и умна. *Д. Ленскаго.* — Крестный отецъ, служачій продолженіемъ водевила: «Хороша и дурна, и глупа и умна.» *П. С. Оедорова.* — Стряпчій подъ столомъ. *Д. Ленскаго.* Третье изданіе. Москва, въ тѣхъ Н. Степанова, 1839 г. въ 12, 128, 92 и 134 стр.

Глядя на эти водевилы, и на слова въ заглавіи ихъ: *третье изданіе*, мы вспомнили поговорку: «не родись, ни хороши, ни пригожи, а родись счастливъ.» — Кстати, намъ прислали изъ Москвы еще разныя *новости*, изъ которыхъ самую любопытную отмѣтимъ мы немедленно здѣсь.

2. Путеводитель *отъ Москвы до С. Петербурга и обратно*, сообщающій историческія, статистическія и другія свѣдѣнія о замѣчательныхъ городахъ, мѣстахъ и предметахъ, на-

ходящихся по дорогѣ между обѣими столицами. Составилъ и издалъ И. Д. Москва, въ Унив. тип. 1839 г. въ 16, 612 стр.

Вотъ чего давно у насъ не доставало! У насъ завели шоссе отъ Москвы до Петербурга, устроили *дилижансы*, сеть уже такая по дорогѣ гостиницы, гдѣ вы не подавитесь бѣнштексомъ, или какъ зовутъ его тамъ, *бимитикомъ*, и гдѣ подають вамъ только *стерашний* супъ, а не сваренную за педью ошлупотриду; къ Петербургу подвѣзаете вы черезъ *железную дорогу*, къ Москвѣ ѣдете около *марка* и *вокала*, а не было у насъ такой книжечки, которая заняла бы дорогою ваше любопытство, вмѣстѣ съ станціями, пересказывала достопамятности на пути, была вашимъ *взгеромъ* въ Клину, Твери, Торжкѣ, Волочкѣ, Валдаяхъ, Крестцахъ, Новгородѣ, напоминала о древностяхъ Бронницъ и Городни, о Валдайскихъ горахъ и Зимогорскихъ бубликахъ, Торжковскихъ башмакахъ, и о прочемъ, потому что мало ли еще чего не встрѣтите по Московской, или *Питерской* дорогѣ, начиная съ *Лизаветы Ивановны*, прославившей Померанье валями, до *Торжковскихъ козлятотъ* Пожарскаго, съ Бронницкой горы до Вышневолоцкихъ шлюзовъ, и съ проч. и проч. до проч. и проч.— И прибавьте—скуку въ дорогѣ, любопытство проѣзжаго, который глядитъ, видитъ — не понимаетъ, хочетъ знать — не узнаетъ ни отъ кого ничего. Едва выѣхали вы изъ Петербурга, да самой Москвы весь дорожный лексиконъ вашъ можетъ оправдаться десятками двумя словъ: «Сколько до будущей станціи? Много ли еще осталось? Ступай!—На водочку баринъ!—Везъ худо—Славно проѣхали!—Чаю поль-порціи—объдать—водки—огля!—сдачу возьмите—Чортъ возьми, за такую дрянь и такъ драть!—Пошелъ!—Стой!—И молчите Новгородъ, молчать Тверь, и Торжокъ! И какъ было до сихъ поръ не догадаться и не издать дорожнаго *Путеводителя*? Хоть перепечатать бы старинный, изданный лѣтъ за 40 *Русской Дорожникъ*, очень порядочно составленный, и теперь еще годный, за исключеніемъ *сорока лѣтъ* перемѣнъ! Велите продавать его по станціямъ — у васъ раскупать въ годъ цѣлое изданіе... Но теперь всѣ наши волненья, и удивленія, и вопросы не нужны; Москва даритъ насъ *Путеводителемъ*; теперь *голосъ* и *жизнь* получили Новгородъ и Бронницы, обезсмертились печатными листомъ и *Помераньскими вафли*

и *Торжковскія ноты*; есть теперь у насъ такая книжечка, которую читайте только, и вы узнаете то, чего и живущіе по дорогѣ не знаютъ и вамъ не расскажутъ! Честь и слава И. А. Дмитріеву! Онъ сдѣлалъ для *Московской дороги* то, чего не сдѣлали еще мы для *Петербурга* и *Москвы* — вспомните, Мм. Гг., что не смотри на *Исторію* г-на Башуцкаго, *Описание Петербурга* г-на Пушкарева, книги Гг. Свидьнна, Аппенгофера, Богданова, Заблѣцкаго, и другихъ, у насъ нѣтъ еще *ручной книжечки*, Ариадниной нити для лабиринтовъ Петербургскаго и Московскаго быта и Петербургскихъ и Московскихъ достопамятностей!

Шутки въ сторону — мы благодарны собирателю *Путеводителя* отъ Москвы до Петербурга: онъ занимался имъ прилежно, добросовѣстно *собралъ* всѣ возможные матеріалы, и въ его книжечкѣ помѣщено множество и *книжныхъ* и *мѣстныхъ* свѣдѣній; части *историческая* и *географическая* особенно хороши. Прочитайте описаніе Новгорода (оно занимаетъ почти 200 стр.), или Вышне-Волоцкихъ сообщеній (на 45 стр.). Гуморъ его разказа, и описаніе обычаевъ и мѣстностей, имѣютъ также свою цѣну. Жаль, что нѣтъ дорожной, маленькой карточки, и особливо такого *плана* дороги, какіе при подобныхъ дорожникахъ прилагаются въ иностранныхъ Путеводителяхъ. Впрочемъ, не будемъ требовать многого при первомъ опытѣ, какъ равно не будемъ сътовать на нѣкоторыхъ, вкравшіяся въ него ошибки; все можетъ *дополниться* и *исправиться* при *второй* изданіи. Книжечка напечатана уютно и опрятно. Запаситесь ею, когда поѣдете въ Москву. — *Путеводитель* г-на Дмитріева напомнимъ намъ, что въ прошломъ году вышелъ еще —

3. *Путеводитель по Ревелю и его окрестностямъ*. Издавъсь Французскаго, съ дополненіемъ и измѣненіями, Н. Р. Спб. въ тип. Деп. Вѣд. Торг. 1839, въ 12, XIII, 261 и IV стр.

Впрочемъ, трудъ г-на Р. былъ тутъ весьма небольшой. Прибавки его, большею частью, ненужныя и пустыя, а *переводъ* Французскаго подлинника весьма плохой. Такъ, напримѣръ, при описаніи Фалы, главной достопамятности Ревельскихъ окрестностей, г-нъ Р. удовольствовался простою перепечаткою легонькой статьи г-на Владиславева. Къ чему еще въ Путеводителѣ по Ревелю роспись указовъ, прибавленная г-мъ Р.? —

Самое любопытное прибавленіе его, безспорно, есть предисловіе, о которомъ мы, и всѣ другіе журналы, давно сказали свое мнѣніе, ибо предисловіе это предварительно было помѣщено г-мъ Р. въ прошлогоднемъ *Одесскомъ Альманахѣ*. Впрочемъ, если вы пойдете въ Ревель, лечитесь или гулять, возьмите въ запасъ книжечку г-на Р. — Вы посмѣетесь дорогою надъ его *предисловіемъ*, а самая книжечка все таки можетъ замѣнить вамъ Французскій ея подлинникъ, если вы не знаете по Французски.

4. Поваренная *хозяйственная книга, составленная* славною Шведскою поварихою и экономкою *Христиною Варгъ*, и переведенная почти на всѣ *Европейскіе языки*, а равно и на языки, *которыя говорятъ въ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ: Латвійскій, Эстляндскій и Финляндскій*. Переведена съ Нѣмецкаго Ф. К. Р. *съ прибавленіемъ отъ переводчицы разныхъ испытанныхъ, полезныхъ въ домашнемъ хозяйствѣ средствъ*. Москва въ тип. Лавар. Инст., 1839 г. въ 8, 384 стр.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись, и если Лафонтеновъ мудрецъ учился у муравьевъ, червячковъ, кротовъ, овечьихъ, барашковъ, букашекъ и таракашекъ, почему намъ не поучиться у *поваренной книги*, и не только стряпать, печь и жарить, но даже чему нибудь побольше? Вотъ изъ одного заглавія можемъ мы научиться тому:

1-е, что и *поварищи* бываютъ *славны*, и въ кухнѣ можно сварить себѣ *славу*, и исцѣль себѣ *извѣстность*, какъ слоеный пирогъ.

2-е, тому, что Швеція славится не только рожденіемъ Теллеровъ, Тальони и Оле-Булей, но и рожденіемъ славной *Христины Варгъ*.

3-е, тому, что языки, *которыя говорятъ въ нашихъ Остѣ-Зейскихъ областяхъ*, отдѣльны отъ *Европейскихъ*, и что тамъ говорятъ, не по Нѣмецки, какъ мы думали, но по Латвійски, Эстляндски и Финляндски, и наконецъ.

4-е, тому, что... Но довольно и тѣхъ трехъ новостей, какія мы исчислили! Отъ иной философской книги не добьетесь трехъ новостей, а повариху можно поблагодарить, если она, кромѣ уроковъ въ пирогахъ, супахъ и котлетахъ, подаритъ хоть од-

ное еще новостью въ части Физики, Исторіи, или Географіи. — Впрочемъ, трудъ г-жи Христины Варгъ и самъ по себѣ очень замѣчательнъ. По Русски являетя оны на строй бумагѣ, въ безграмотномъ переводѣ, и содержитъ въ себѣ 788 уроковъ, изъ коихъ многие донынѣ были *секретами*, а другіе хоть и не секреты, но весьма важны. Знаете ли вы: «какъ готовить для *холоднаго употребленія* свиную голову?» Извѣстны ли вамъ «*лудилы изъ селедей съ сарацинскими пшеномъ?*» Умѣете ли вы *дѣлать вино, изъ красной, или белой смородины*, которое *мало уступаетъ Шалипанскому?* или «*вино съ памерянцами, подъ названіемъ: бимовъ?*» Все это узнаете вы отъ г-жи Христины, или переводчика, она Ф. К. Р. — Выписываемъ для образца одинъ весьма важный *секретъ*, или «способъ, чтобы куры весной рано занеслися и выводили цыплятъ.» Безъ Египетскихъ печей, можете умножить число цыплятъ вашихъ слѣд. образомъ:

«Куры держать зимою въ *отомлеваемыхъ* раза три въ недѣлю *палотъ*, и ихъ съ первыхъ чиселъ Февраля кормить *мелкою отъ гороховъ шелухою*, съ толчеными канопляными и крапивными сѣмлями, отъ чего начнутъ рано класть яйца, но чтобы также рано вывеи цыплятъ, тогда нанесутъ довольна яицъ, кормить ихъ уже мочоною гречихою и овсомъ, но и то только въ полсутки, примѣшивая къ корму на каждую курицу въ сутки по щепоти толченой селитры, отъ чего *охолодятся и будутъ садиться на яйца.*»

Мы выписали бы вамъ еще средство: «Какъ лечить индвекъ отъ головной опухоли.» Но лучше прочтите его въ самой книгѣ. Тамъ найдете вы его въ самомъ концѣ, подъ № 788-мъ.

XI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОБОЗРѢНІЕ СОБЫТІЙ 1839 ГОДА.

Постоянно, въ каждой книжкѣ журнала нашего, налагали мы читателямъ нашимъ и въ прошедшемъ году Лѣтопись современныхъ событій, гдѣ, въ непрерывной цѣпи краткихъ извѣстій, они могли видѣть связь и ходъ всѣхъ историческихъ происшествій нашего времени. Полагаемъ послѣ сего необходимымъ, и на нынѣшній годъ продолжая лѣтопись нашу, начать ее такимъ же обзорѣніемъ, каковымъ начали мы въ прошломъ году.

Утѣшительно подобное обзорѣніе, если среди настоящихъ бѣдствій и неизбежныхъ заблужденій человечества, оно не поражаетъ однакожь насъ тѣми губительными переворотами, тѣми кровавыми ужасами, коими прежде, такъ долго и такъ страшно, печатались страницы новѣйшей исторіи. Еще утѣшительнѣе, если годъ отъ году болѣе видимъ мы притомъ укрѣпленіе союза общественнаго, усиленіе

мѣръ здоровой и мудрой политики, болѣе и болѣе дѣятельную передачу пособій и средствъ науки, знанія и промышленности между народами, и то, что обозрѣваемый нами краткій періодъ времени не измѣняетъ идеѣ о совершенствованіи чловѣка, могущественномъ знаменіи Провидѣнія Божія на землѣ.

Все это представляетъ намъ прошедшій, 7347-й отъ С. М., 1839-й отъ Р. Х., 39-й отъ начала XIX-го столѣтія, годъ. Не съ чувствомъ гордости и не съ чувствомъ эгоизма, но съ благодареніемъ къ Богу, замѣтимъ, что и въ семь году, спасаемое имъ, любезное Отечество наше, первое среди всѣхъ царствъ въ мірѣ, подавало всѣмъ другимъ народамъ и примѣръ счастья и благоденствія такого царства, гдѣ на православіи, единодержавіи и народности зиждутся сила и богатство, трудъ и знаніе. Не касались Русской земли внутреннія бури и смтенія другихъ государствъ, и только мирными торжествами и гражданскими подвигами знаменовалось ея государственное бытіе.

Обозрѣвая всѣ другіе народы и царства, съ прискорбіемъ находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темныя стороны бытія, утѣшаясь только тѣмъ, что всюду однакожь мудрость правителей успѣвала истреблять зло, и общее усиліе Государей и подданныхъ споспѣшествовало миру и спокойствію общественному.

Главныя историческія черты прошедшаго года составляютъ слѣдующія событія: на сѣверѣ Европы окончаніе распрій между Нидерландами и Бельгією, утвержденіе самобытности Бельгійскаго королевства и кончина добродѣтельнаго Монарха Даніи; на западѣ — быстрое окончаніе военныхъ дѣйствій претендента на Испанскій престолъ, бѣгство и плѣнь его во Франціи; на востокѣ — начало новой

войны между Турціею и Египтомъ, прекращеніе ея посредничествомъ другихъ державъ и кончина преобразователя Турціи, султана Махмута, Частныя событія во Франціи, Англии, Португаліи и другихъ государствахъ дополняютъ сіи главные черты. Другія части свѣта зависятъ нынѣ въ исторіи своей отъ исторіи Европы, хотя Мегеметь-Али въ Египтъ и Абдъ-Эль-Кадеръ въ Алжиръ являются самобытными дѣятелями на сценѣ событій Африканскихъ. Усиленіе Англійской власти въ Аравіи и Индіи—занятіе Кандагара, смерть Кабульскаго царя, ссора Англичанъ съ Китайцами, суть главные событія Азіійскія. Такъ прекращеніе войны Франціи съ Мексикою, утишеніе смутеній въ Канадѣ, отношенія Англии къ Соединеннымъ Штатамъ, блокада Буэносъ-Айреса Французами—суть главные событія Америки, которыя дополняются внутренними раздорами Перу и Чили, республикъ Мексиканскихъ, Гватимальскихъ, Аргентинскихъ и междоусобіями въ Бразиліи. Послѣ политическихъ происшествій, при цынзшнемъ образованіи обществъ, важны и особенныя дѣла, хотя собственно и не политическія: финансовый кризисъ Америки, Англии и Бельгіи; вопросъ о выгодахъ колоніальной и метропольной промышленности во Франціи, и столкновение выгодъ и интересовъ по торговаѣ и промышленности разныхъ государствъ.

Таковы главные черты исторіи прошедшаго года. Переходимъ къ отдѣльнымъ взглядамъ на событія въ каждомъ государствѣ, начиная Европою, а въ Европѣ утѣшительнымъ созерцаніемъ событій въ нашемъ любезномъ отечествѣ, православной Россіи.

Ангель-хранитель мира, тишины и спокойствія охранялъ въ минувшемъ году православное царство Русское, въ лицѣ возлюбленнаго нашего, мудраго

Монарха. Никакія 'тяжкія' бѣдствія физическія не касались предѣловъ Русскихъ, и мы всюду видѣли только преуспѣваніе силъ государственныхъ, въ наукѣ, искусствѣ, промышленности и щедротахъ, изливаемыхъ отъ престола Царскаго. Повторяемъ: только мирными и радостными торжествами могли мы исчислять наше время. Они начались освященіемъ церкви въ великолѣпномъ жилищѣ Царя (Февраля 3-го), истребленномъ пламенемъ за 13-ть мѣсяцовъ, и въ одинъ годъ возникшемъ изъ пепла и развалинъ волею Царскою, съ такимъ величіемъ, что блескъ и изящество новаго феникса невольно поражаютъ каждого изумленіемъ. Въ день Свѣтлаго праздника, Царь Русскій праздновалъ новоселье въ жилищѣ предковъ Своихъ, и угощалъ въ немъ Своихъ обрадованныхъ подданныхъ. Въ концѣ Марта открылось новое гражданское торжество, праздникъ Русскаго труда—*Выставка промышленности*, на которую свезены были со всѣхъ концовъ Россіи предметы искусства и работы. Взглядъ на нихъ показалъ, какіе быстрые успѣхи оказываетъ Россія и на семь поприщъ гражданской дѣятельности. Юня 12-го, когда Государь Императоръ перѣхалъ въ загородную резиденцію Свою, въ Петергофъ, мы увидѣли утѣшительное зрѣлище: всѣ, участвовавшіе въ Выставкѣ, даже простыя ремесленники, раздѣлили *хлѣбъ-соль* съ Царемъ, своимъ въ Богъ чертогахъ, и были угощены Августѣйшимъ Хозяиномъ съ Русскимъ радушіемъ. Юня 23-го, сердца Августѣйшихъ Родителей были обрадованы возвращеніемъ первороднаго Сына Ихъ и Наслѣдника. Встрѣтивъ новый годъ въ Италіи, Е. И. В. Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ посѣтилъ Неаполь, и въ Февраль былъ уже въ Генуѣ и Туринѣ; Февраля 19-го прибылъ Онъ въ Вѣну, и черезъ Баварію и Перинейскія земли достигъ Нидер-

ландовъ. Здѣсь, послѣ свиданія съ родственными Еяу семействомъ влaстителя Голландіи, осмотра смиреннаго домика, гдѣ жилъ великій Предокъ Ея, и нѣсколькихъ дней отдыха, Цесаревичъ отправился въ Англію. Великобританія и Королева ея встрѣтили высокаго Гостя съ изъявленіями радости, и мѣсяць былъ проведенъ въ праздникахъ, гдѣ Англія хотѣла показать все достойное уваженіе и дружбу свою Русскому Царевичу. Мая 20-го, Цесаревичъ снова былъ уже въ Голландіи; посѣтилъ на возвратномъ пути Эмсъ и Франкфуртъ; Іюня 10-го былъ еще разъ въ гостяхъ у Августѣйшаго Дѣда Своего, въ Берлинѣ, и спѣшилъ обрадовать родителей и родину Своимъ возвращеніемъ, собравъ въ продолжительномъ путешествіи Своемъ и плоды опыта, и свидѣтельства общаго уваженія къ Россіи и Царю ея, и подтвержденіе нашихъ надеждъ на Него, юнаго и прекраснаго, всюду возбуждающаго чувства любви и почтенія. Между тѣмъ Россія ждала уже новой Царской радости: за мѣсяць до возвращенія Цесаревича (Мая 19-го) прибылъ въ Царское Село женихъ старшей Дщеря Царской, а 2-го Іюля, въ Петербургъ, великолѣпно праздновано было бракосочетаніе Е. И. В. Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго съ Е. И. В. Великою Княжною Марією Николаевною. Въ то же время уже со всѣхъ сторонъ шли Русскіе полки на великое поле Бородинское. Не для браней, не для битвы за царство, но почтить память незабвенныхъ собратій, освятить трезною мѣсто событія великаго собирались они. Августа 15-го, Государь Императоръ отправился съ Наслѣдникомъ въ Бородино, и тамъ, послѣ блестящихъ военныхъ маневровъ, среди собранія 120,000 войска, высокихъ гостей, прибывшихъ изъ Европы, героевъ отечественной войны 1812 г., и безчи-

сленнаго множества зрителей, открытъ былъ *Бородинскій памятникъ*. Сентября 3-го, древняя Москва увидѣла своего Монарха, и еще торжество—исполненіе обѣта, даннаго Благословеннымъ въ годину спасенія, совершилось 10-го Сентября: заложенъ *Храмъ Спасителя*, на твердомъ, уже сооруженномъ подножіи его, вблизи царственнаго Кремля. Въ числѣ праздниковъ по сему случаю, нельзя не вспомнить объ угощеніи гвардіи Царской хлѣбомъ-солью отъ Московскаго Купечества, причемъ удостоилъ присутствовать и Самъ Царь Русскій. Сентября 15-го, Монархъ возвратился въ Царское Село, гдѣ пребывало уже тогда Его Августѣйшее Семейство.—Въ Петербургъ открыта была потомъ *Выставка Академіи Художествъ*, порадовавшая насъ многимъ, а всего болѣе надеждами, и совершилось свѣтлое торжество науки — *открытие Пулковской Обсерваторіи*, первой въ цѣломъ свѣтѣ по ея величію и устройству. Октября 17-го, возвратился въ Царское Село Цесаревичъ Наслѣдникъ изъ Москвы, совершавшій путешествіе въ Варшаву, и 3-го Ноября Государь Императоръ переехалъ въ Петербургъ, гдѣ съ восторгомъ узнали мы, что здоровѣе Государыни, Императрицы, наводившее горестное сомнѣніе на сердца приверженныхъ къ Ней любовью и благодарностью подданныхъ, не возбуждаетъ болѣе опасенія.

Въ такихъ событіяхъ прошелъ для насъ минувшій годъ. Только по наградамъ, какія даны были Русскому охранному войску за Кавказомъ, узнали мы, что буйные Горскіе народы возмущали тамъ спокойствіе, но мгновенно покорились грозному Русскому оружію. — Ноября 19-го выступили изъ Оренбурга Русскіе полки — смирить дерзкую неприязнь

Хивицковъ, и расплатиться съ ними за неотпущенную еще гибель Бековича. — Мудрыя попеченія Монарха обращались между тѣмъ непрерывно на устройство внутреннее. Изъ числа разнообразныхъ государственныхъ постановленій и частныхъ событій въ Россіи, вспомнимъ здѣсь немногое: учрежденіе реальныхъ классовъ при Гимназіяхъ и высшаго купеческаго училища въ Петербургѣ; прекращеніе бродяжничества Цыганъ; усиленное попеченіе объ истребленіи нищенства и заведеніе обѣдовъ для бѣдныхъ; труды ученыхъ обществъ (изданіе древнихъ актовъ Археографическою Коммиссіею; открытія Якоби и Гесса въ водородъ и электро-магнетизмъ); разработки золотосныхъ песковъ въ Сибири; сооруженіе великолѣпныхъ зданій (Исакиевскій Соборъ, Зимній Дворецъ, Дворецъ В. К. Маріи Николаевны, домъ Благороднаго Собранія въ Петербургѣ, Храмъ Спасителя, Дворецъ Кремлевскій и Биржа въ Москвѣ); усиленіе флота (спускъ огромнаго корабля *Rosia*, въ Петербургѣ); Сводъ Военныхъ Указоначій; награды и прибавки жалованья военнослужащимъ и воинамъ Бородинскимъ; цвѣтущее состояніе нашихъ колоній въ Америкѣ и усиленіе различныхъ вѣтвей промышленности въ Россіи. — Іюля 1-го прекращено было возникшее въ денежныхъ оборотахъ затрудненіе *лажа*, или неравенства монеты во внутреннемъ обращеніи. — Но, съ чувствомъ христіанскаго умиленія, особенно вспомнимъ о достопамятномъ событіи въ лѣтописяхъ Русской православной Церкви: въ 1839 г. прекращень раздоръ въ нѣдрахъ ея, начатой за *три съ половиною столѣтія* хитрою политикою враждебнаго честолюбія. *Уніяты*, родные намъ по отечеству, стали родными и по Вѣрѣ, добровольно подчиняясь уставамъ нашей Апостольской Церкви, принимая благословеніе нашего Синода, и

радуя обращеніемъ своимъ Царя Православнаго. — Необыкновенная зима, потому жестокіе жары — бѣдствія, общія всей Европѣ, коснулись и насъ. Невъзбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ были пожары и посредственный урожай хлѣба и другихъ земледѣльческихъ произведеній. Но всюду спѣшили утѣшить пострадавшихъ и щедрота Правительства и участіе общественное. — Россія повесла еще горестную утрату въ нѣсколькихъ доблестныхъ государственныхъ мужахъ, и нѣсколькихъ войнахъ, имена которыхъ памятны подвигами: скончались — *Князь Х. А. Ливень*, памятный заслугами дипломатическими; *Графъ М. М. Сперанскій*, памятный трудами по части Законодательства, и заступившій мѣсто его, *Д. В. Дашковъ*; кромѣ того: сенаторъ *А. М. Бороздинъ*, *графъ Ю. П. Липта*, *С. С. Кушниковъ*; генералы: *С. А. Тучковъ*, основатель города Тучкова; *М. К. Крыжановскій*; старецъ *Л. Я. Неклюдовъ* — первый восшедшій на стѣны Измаила, за 50 лѣтъ прежде; *адмиралъ П. М. Рожковъ*, 60 лѣтъ прослужившій отечеству; *Д. В. Давыдовъ* — удалый партизанъ и пѣвецъ браней; почтенный по службѣ и занятіямъ агрономическимъ, *С. С. Джунковскій*. Не забудемъ еще, дочери героя Смоленскаго, *Е. М. Хитровой*, и памятныхъ заслугами по воспитанію общественному: *Ю. Ф. Адлербергъ* и *А. Я. Кремпину*. — Но въ 1839 г., мы опять имѣли наслажденіе видѣть 50-ти-лѣтній юбилей заслугъ, праздникъ нашего почтеннаго мореходца, совершившаго *первое подъ Русскимъ флагомъ путешествіе кругомъ Свѣта*, адмирала *И. Ф. Крузенштерна*, какъ въ 1838 г. праздновали мы юбилей поэта Крылова, педагога Клингемберга и благодѣтельнаго врача Буца.

Англія и Франція, два могущественнѣйшія госу-

дарства Европы послѣ Россіи, въ некоторомъ отношеніи были тревожны въ прошедшемъ году одинакими слѣдствіями того, что испытали они съ начала нашего вѣка: Франція, двинутая на великую сцену дѣйствій рукою Наполеона, и Англія, истощавшая себя въ борьбѣ противъ него; потому Франція, вошедшая въ область мира и гражданскаго порядка, подъ скипетромъ прежней династіи Королей, и Англія, увидѣвшая несоразмѣрность распространенія силъ съ средствами, должны были необходимо приняться за размѣры внутренняго бытія своего съ жизнью внѣшнему, за примиреніе настоящаго съ прошедшимъ. Отсюда явились необходимыя измѣненія прежняго, давшія тому и другому государству, при волненіи неутихавшихъ еще страстей, обширныя и трудныя задачи внутренней политики. Въ Англіи уравненіе Католиковъ, реформа Парламента, уничтоженіе прежнихъ партій Виговъ и Торіевъ, уравненіе правъ Остъ-Индской Компаніи, породили новыя партіи и рядъ вопросовъ. Сшибка мнѣній; страстей, выгодъ, при разнообразіи идей и плановъ разныхъ Министровъ, управлявшихъ кормиломъ правленія (Ливерпуль, Каннингъ, Веллингтонъ, Грей, Пиль, Мельбурнъ), должны были произвести то, что видимъ нынѣ въ Англіи. Политика нынѣшнихъ Министровъ Англійскихъ состоитъ въ примиреніи всѣхъ партій, усмиреніи дерзкихъ покушеній; смятченіи рѣзкихъ требованій, показаніи силы Правительства, гдѣ слѣдуетъ противопоставить ее буйному порыву ослѣплевшихъ. Но трудность дѣла велика, и ее умножаютъ нынѣ: различіе въ некоторыхъ частяхъ плана бывшихъ Министровъ Пила и Герцога Веллингтона; радикализмъ краснорѣчиваго Вругама (Brougham); смѣлость О'Коннелла, всего требующаго для родины своей Ирландіи; споры Католиковъ, которые, получивъ

часть правъ, требуютъ и дальнѣйшихъ льготъ, особенно по духовному и педагогическому управленію, чему сильно противятся Протестанты и Протестантское Духовенство; наконецъ, требованія уравниній въ правахъ колоній съ метрополіею, и споры между классами промышленнымъ и земледѣльческимъ. Здѣсь скрываются причины колебанія Министерствъ; затрудненія вопросовъ объ общественномъ воспитаніи, привилегіяхъ банковъ, учрежденіи городскихъ полицій, Ямаикъ, Канадѣ, свободной торговлѣ хлѣбомъ, правахъ Ирландіи, и наконецъ самыхъ смятеній хартистовъ, требующихъ окончательной и полной парламентской реформы. Все это производило и производило въ прошедшемъ году шумныя пренія Парламентовъ; отставку министра Гленельга (Февраля 8-го) и замѣну его Лордомъ Норманби; просьбу объ увольненіи министра Мельбурна; предложеніе Пилло составить новое Министерство; препятствія къ тому въ его требованіяхъ; принятіе Министерства снова Мельбурномъ; увольненіе оратора Парламентскаго Аберкромби; отставку министра Спрингъ - Рейса и замѣну его Барингомъ. Парламенты открылись Февраля 9-го, и послѣ временнаго закрытія съ 27-го Марта до 8-го Апрѣля, продолжали засѣданія, до 27-го Августа. Требования свободной торговли хлѣбомъ были снова отвергнуты; и кромѣ немногихъ частныхъ мѣръ, ни одинъ важный государственный вопросъ не былъ рѣшенъ Парламентами. Между тѣмъ, смятенія и голодъ въ Ирландіи; волненія хартистовъ въ Бирмингамѣ (въ Іюль), и особенно въ Нью-Портѣ (въ Ноябрь); протестъ Канады противъ предложенной для нея организаціи; несогласія съ Губернаторами мѣстныхъ управленій въ Ямаикѣ и на Ионическихъ островахъ, тревожили Англію. Смѣна правителей въ Ямаикѣ, на Ионическихъ островахъ и

въ Канадѣ, показала, что Правительство не было ими довольно, хотя не согласилось однакожь и на произвольныя требованія ихъ противниковъ. Касательно внѣшней политики, Англія приняла дѣятельное участіе въ дѣлахъ Бельгій, Мексики, Турціи, и уклонилась отъ рѣшенія дѣлъ между Франціею и Буэносъ-Айресомъ. Ея движеніе въ Азіи породило несогласія съ Персіею, которыхъ не могъ рѣшить Персидскій Посоль, пріѣзжавшій въ Лондонъ, а стараніе прекратить торгъ Неграми произвело несогласіе съ Португаліею. Нейтралитетъ удержала Англія въ дѣлахъ Испанскихъ и въ ссорѣ подданныхъ своихъ съ Китаемъ, а пріемъ нашего Царевича въ Аврійи вполне доказалъ, какъ дорожить Англія дружбою Россіи. — Ноября 23-го, объявлено о предположенномъ супружествѣ Королевы Викторіи съ *Принцемъ Албертомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ*, племянникомъ вдовствующей Королевы Англійской и Бельгійскаго Короля, и кузиномъ супруга Королевы Португальской. Юный Принцъ родился въ 1819 году. Среди всѣхъ исчисленныхъ нами событій, рупчательствомъ добра въ будущемъ для Англіи являються любовь народа къ Королевѣ и общее отвращеніе Англичанъ отъ буйства несчастныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, увлекаемыхъ, или невѣжествомъ, или коварными злоумышленниками. Политика Англіи не упускаетъ притомъ ни гдѣ малѣйшихъ выгодъ для своей торговли и промышленности, дѣятельно дѣйствуя въ Азіи, Америкѣ, Австрали: Аденъ, Роатанъ, Новая Зеландія, и самый Буширъ въ Персидскомъ заливѣ едва ли не сдѣлаются колоніями Англіи, которыя учреждаются въ то же время и на берегахъ Абиссинскихъ. Науки, искусства, ученія предпріятія, торговля и промышленная дѣла, движутся между тѣмъ въ Англіи съ удивитель-

ного дѣятельностью. — Въ прошломъ году нѣсколько значительныхъ Англійскихъ аристократовъ сдѣлались добычею смерти: *графъ Кларендонъ*, *герцогъ Бедфордъ*, *Букчингамъ*, *Ардайлъ*, *графъ Эссексъ*. Умерли еще: другъ Фокса, лордъ *Даудердаль*, и известные адмиралы и генералы Англійскіе: *Педжетъ*, *Повизъ*, *Бентинкъсъ*, *Гюденъ*, *Стюартъ*, *Троллопъ*, *Бересфордъ*. Важныя обстоятельства претерпѣваемаго Англіею торговаго и финансоваго кризиса покажемъ мы далѣе, ибо онъ принадлежитъ къ дѣламъ не одной Англійи, но увлекаетъ пользы и интересы, не только Европейскихъ государствъ, но и заатлантическихъ народовъ.

Франція, какъ мы сказали, въ прошедшемъ году сближалась въ нѣкоторомъ отношеніи внутреннихъ событій ея съ тѣмъ, что увлекало и занимало Англію: и тамъ и здѣсь были перемѣны и колебанія Министерствъ, и пренія о внутреннихъ реформахъ, хотя дѣятельность и различіе дѣйствователей придавали различіе событіямъ. Главное тутъ составляетъ, конечно, самый характеръ жителей, а не меньше и разность исторіи — недавность великихъ переворотовъ, испытанныхъ Франціею, отъ которыхъ остались различные элементы въ ея обществѣ — Легитимисты, Роялисты, Наполеонисты, Радикалы, Умѣренные — даже Республиканцы! И должно ли тому удивляться? Только 90 лѣтъ прошло послѣ 1789-го, 25-ть послѣ 1815-го и 10-ть послѣ 1830 года. Можно сказать, что и внутренняя политика Франціи нынѣ походитъ на Англійскую, тѣмъ, что стремится умягчить дерзкій радикализмъ, примирить партіи, не отказываясь отъ благоразумной реформы, но прекращая властію и силою всякое буйное покушеніе на перемѣны. Но здѣсь разница та, что не въ рукахъ Министерства,

но въ рукахъ самого опытнаго старца Короля заключается рѣшеніе, и притомъ Францію движутъ еще нѣкоторые вопросы, которые уже давно рѣшены временемъ для Англіи. Такъ въ началѣ года оппозиція устремилась прежде всего низложить министерство Графа Моле и успѣла заставить его просить увольненія. Но Король, не принявъ просьбы, возвратилъ ее и распустилъ Палаты (Февраля 2-го). Тщетно однакожь старались послѣ того примириться Тьеръ, Сульта, Одилонъ-Барро и Гизо. *Временное* Министерство смѣнило Моле при открытіи новой Палаты (4-го Апрѣля), и шумные споры партій, послѣдовавшіе послѣ того, не привели къ миру. Тѣмъ хотѣли воспользоваться злонамѣренные люди, и хотя Король назначалъ новое Министерство, подъ председательствомъ уважаемаго всѣми партіями *маршала Сульта* (Мая 13-го), но уже съ начала Мая буйныя толпы возмутителей двинулись въ Парижъ, и не смотря на предосторожности Правительства, произвели 12-го Мая волненіе. Ни войско, ни жители Парижа не принимали въ немъ участія; бунтъ было утушено; заговорщики преданы суду Палаты Перовъ, и помилованы. Королемъ, презрѣвшимъ ихъ ничтожное покушеніе. Казалось, однакожь, что какъ будто несчастное событіе это пояснило партіямъ всю опасность и неприличіе ихъ споровъ; онѣ умолкли, но съ тѣмъ вмѣстѣ оставлены были безъ рѣшенія, и всѣ важнѣйшіе вопросы государственные, такъ, что Палаты, кромѣ бюджета и немногихъ частныхъ мѣръ, ничего не рѣшили во все время засѣданій. Онѣ были закрыты Августа 6-го. Временное рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ послѣдовало потомъ отъ имени Короля, который, уравнивая всѣ партіи, возвелъ въ прошедшемъ году въ званіе Перовъ 28-мъ человекъ, соединяя въ нихъ людей всѣхъ мнѣній, такъ же какъ

соединилъ онъ въ Министерствѣ Сульта *Пасси*, *Вильямеа* и *Дюшателя*. Явное отвращеніе всѣхъ добрыхъ гражданъ отъ буйныхъ волненій не останавливало однакожь дальнѣйшихъ покушеній злонамѣренныхъ людей, и бдительная полиція открывала безпрестанно разныя тайныя общества и приготовленія къ нарушенію спокойствія въ Парижъ и другихъ мѣстахъ. Но участники въ томъ и другомъ всюду принадлежали къ самымъ ничтожнымъ искателямъ приключеній и высшимъ званіямъ. Палаты вновь открыты 23-го Декабря. Спокойствіе Франціи нарушалось еще въ нѣкоторыхъ городахъ сопротивленіемъ жителей отпуска за границу хлѣба, но здѣсь не было никакихъ политическихъ отношеній. Лѣтомъ, герцогъ Орлеанскій съ супругою путешествовали по южной Франціи и всюду встрѣчали любовь и привѣтъ. Онъ посѣтилъ потомъ Алжирскую колонію и совершилъ небольшую военную экспедицію противъ непокорныхъ Арабовъ. Полагаютъ, что многіе важные проекты законовъ будутъ теперь подвергнуты сужденію Палаты, въ нынѣшнемъ году, когда въ прошломъ засѣданіи реформы по военному штабу и по статуту ордена Почетнаго Легіона едва ли не ограничились собою всѣхъ новыхъ законодательныхъ дѣйствій. Во внѣшней политикѣ Франціи участвовала въ рѣшеніи дѣла о Бельгій, посредничествѣ между Турціею и Египтомъ, и соблюдала нейтралитетъ въ дѣлахъ Испаніи, тѣмъ не менѣе способствовала Испанскому Правительству прекратить покушенія Испанскаго претендента Донъ Карлоса. При посредничествѣ Англіи, рѣшена была выгоднымъ для Франціи миромъ война съ Мексикою. Но блокада Дѣла Платы и несогласіе съ Буэносъ-Айресомъ не кончились въ прошедшемъ году. Споры съ самою Англіею начинались по Африканскимъ колоніямъ

Франціи на Сенегаль; встрѣчались также разныя недоумѣнія и по мореплаванію, но съ обѣихъ сторонъ видно было стараніе поддержать миръ и дружбу, чему особенное свидѣтельство видно было въ Мексиканскихъ дѣлахъ, пособіи, оказанномъ Французскимъ Банкомъ Англійскому, конвенціи о рыбныхъ ловляхъ близъ береговъ Франціи и Англии, и Бельгійскихъ конференціяхъ. Третій сынъ Короля, Принцъ Жуаувильскій, по возвращеніи изъ Мексики, совершилъ путешествіе въ Царьградъ, а второй, Герцогъ Намурскій, въ Португалію. Оппозиція съ жаромъ возопила противъ безпечности Министровъ, когда въ Ноябрь Абдъ-Эль-Кадеръ возобновилъ непріязненные дѣйствія въ Алжирскихъ земляхъ; не менѣ шума возбудили: временное рѣшеніе Министровъ о сбавкѣ пошлинъ съ колоніальнаго сахара, проэктъ о прекращеніи продажи мѣсть, и предполагаемый проэктъ о сбавкѣ процентовъ государственнаго долга. Финансовый кризисъ отчасти коснулся и Франціи, гдѣ безумный ажіодажъ и усиленныя предпріятія промышленности произвели много замѣшательства въ дѣлахъ и банкротствъ. Но Выставка промышленности въ Парижѣ была однакожъ блестящая, и торговля и капиталы Франціи усиливаются, вмѣстѣ съ множествомъ полезныхъ учрежденій, открытій и изобрѣтеній, заботливостью Правительства о путяхъ сообщенія, особливо желѣзныхъ дорогахъ, устройствѣ флота и войска, обезпеченіи общественнаго благоденствія законами и строгою внутреннею полиціею. — Нѣсколько лицъ, нѣкогда значительныхъ и важныхъ во времена Наполеона — сестра его, вдова Мюрата, *Графиня Липона*; племянница, Принцесса *Шарлотта*, дочь Юсифа Бонапарте, дядя его *кардиналъ Фешъ*, министръ его *Маре* (Герцогъ Бассано) сошли

со сцены міра, и кромѣ того, старые генералы Шоберъ, Сень-Женьестъ, Лаллеманъ. Другіе замѣчательные люди, скончавшіеся во Франціи, были потомки старинныхъ родовъ: Герцогъ *Шеврезъ*, Герцогъ *Тремуйль*, Герцогъ *де-Крой*, и скончавшійся въ изгнаніи, вѣрный приверженецъ старшей Бурбонской линіи, Герцогъ *Блакасъ*, а также бывшіе министры: *Графъ Де-Ко*, *Лабурдонне*, *Бернаръ*; Маркизь *Семонвиль*, адмиралъ *Гамеленъ*, баронъ *Жиро* (Де л'Энь), кардиналы *Изоаръ* и *Латиль*, депутатъ *Сальвертъ*, генералъ *Алларъ*, преобразователь войскъ Ренджитъ-Сянга, умершій въ Индіи.

Дѣла на Пиринейскомъ полуостровѣ испытали въ прошедшемъ году важное измѣненіе изгнаніемъ претендента Донъ Карлоса изъ Испаніи. Хитрая политика Эспартеро и излишняя довѣрчивость Донъ Карлоса къ Марото, успѣвшему уничтожить вліяніе всѣхъ другихъ совѣтниковъ претендента, а также и утомленіе жителей тѣхъ областей, гдѣ свирѣпствовала шести-лѣтняя междоусобная война, когда притомъ имъ обѣщали подтвердить всѣ ихъ древнія привиллегіи (фуэросы) ускорили развязку. Обезопасивъ себя со стороны министровъ, владѣя полномочіемъ на дѣла, уничтоживъ вліяніе Кордовы и другихъ соперниковъ, и предоставляя Кортесамъ спорить и шумѣть, Эспартеро умѣлъ увлечь съ одной стороны Марото въ переговоры о мирѣ и взаимныхъ уступкахъ, и въ то же время усиленно двинулся на главныя войска Донъ Карлоса. Между тѣмъ, какъ въ тылу его вели партизанскую, наѣздническую войну, Кабрера, отдѣлившійся отъ Марото, послѣ начала переговоровъ его съ Христиносами, и старикъ Эспанья, Эспартеро быстро отнималъ области, занятыя Карлистами. Неудача подѣ Эстельею

не попрепятствовала тому, что въ три мѣсяца Донъ Карлосъ увидѣлъ себя стѣсненнымъ на краю Испаніи, отрѣзаннымъ отъ крѣпостей, отъ Кабреры, и только тогда возстаніе и бунтъ противъ Марото другихъ Карлистовъ показали Донъ Карлосу, что главный министръ его и полководецъ вовсе не думаетъ объ его пользахъ. Въ Августѣ послѣдовала роковая развязка: Марото подписалъ договоръ, по которому Донъ Карлосъ обязывался удалиться изъ Испаніи, получая за то пенсію, предоставлялъ дальнѣйшія распоряженія о наслѣдствѣ престола переговорами, утверждая власть Королевы, обезоруживая свое войско и прекращая войну. Поздно было противиться превосходнымъ силамъ Христиносовъ, поправлять ошибку довѣрія къ Марото, и среди смятенія, кровавыхъ сценъ возмездія и безсильной ярости людей, оставшихся ему вѣрными (причемъ погибъ извѣстный Морено), Донъ Карлосъ принужденъ былъ удалиться во Францію. Прежде и послѣ него, въ безпорядкѣ бѣжали туда его генералы, министры, придворные, остальные солдаты. Донъ Карлосъ былъ немедленно отвезенъ въ Буржъ; всѣ Испанскіе эмигранты, по вступленіи ихъ во Францію, обезоружены, и главныя силы Карлистовъ исчезли мгновенно, ибо Эспартеро спѣшилъ обезоружить жителей покорившихся областей и отнять у нихъ средства къ новому возстанію, чему особенно споспѣшествовало подтвержденіе Королевою всѣхъ ихъ привилегій, объявленное всепрощеніе и щедрыя награды тѣмъ, кто переходилъ на сторону Королевы. Вся Испанія раздѣлила радость о прекращеніи междоусобій и награды необыкновенныя назначены были Эспартеро и его товарищамъ. Марото и даже Муньягорри, ненавистные Карлистамъ, скрылись отъ нихъ,

и, являсь въ Мадридъ, были приняты съ особенною ласкою и щедро награждены. Но и тогда уже можно было предвидѣть, что усмиреніе и конецъ бѣдствій Испаніи еще далеки отъ полной развязки. Съ одной стороны, *Кабрера* и *Эспанья* не признали договора съ Эспартеро, соединили свои войска, укрѣпились въ горахъ Каталоніи, Аррагоніи и Кастиліи, поклялись побѣдить или умереть, собрали конты, повели отчаянную войну, и хотя Эспартеро немедленно двинулся противъ нихъ, хотя несогласія терзаютъ остальные силы Карлистовъ, такъ, что Эспанья едва ли уже не погибъ въ смятеніи, и хотя предпріятія Кабреры кажутся болѣе дѣломъ отчаянія, по тѣмъ не менѣе храбрость, рѣшительность, мѣстное положеніе и значительное число войскъ Кабреры возбуждаютъ опасенія, такъ, что всѣ дѣйствія противъ него ограничились донинѣ только стараніемъ Эспартеро не дать ему распространиться, стѣснять его, истреблять отдѣльныя его партіи и заслонять столицу. Рѣшительный походъ отложенъ до весны, какъ равно и осады нѣсколькихъ крѣпостей, занятыхъ непокорными Карлистами. Карлисты имѣли даже удачу въ нѣсколькихъ кровавыхъ сшибкахъ съ Христиносами. Съ другой стороны, если бы и удалось Эспартеро истребить рѣшительно Кабреру и уничтожить Карлистовъ и вооруженное возстаніе ихъ, если Испанія и желаетъ мира и тишины, и если нигдѣ нѣтъ явныхъ возмущеній, долго еще будутъ раздирать Испанію вражды партій, смѣшеніе и сбивчивость неопредѣлительныхъ требованій и недостатокъ средствъ для дѣйствій Правительства, при упадкѣ земледѣлія, промышленности, совершенномъ истощеніи финансовъ, чрезмѣрномъ долгѣ государственномъ, разности мѣстныхъ областныхъ учреждений, вѣковыхъ монополіяхъ, спорахъ духо-

венства, упрямомъ, безопасномъ и пламенномъ характерѣ жителей, малой образованности народа, и личныя, своекорыстныхъ выгодахъ многихъ дѣйствователей, враждѣ ихъ между собою, съ чѣмъ соединяется почти всегда непримиримая ненависть и пылкость страстей жителей юга. Что составилось въ слѣдствіе исторіи четырехъ столѣтій, было потомъ приведено въ безпорядокъ событіями сорока лѣтъ, того нельзя поправить скоро и безъ сильныхъ средствъ. Здѣсь видимъ объясненіе нерѣшительныхъ мѣръ Испанскаго Правительства, буйства Кортесовъ, колебанія Министерствъ. Между тѣмъ, какъ рѣшалась участь Дона Карлоса, въ Мадридѣ происходили шумныя пренія и споры партій. Напрасно Перезъ де-Кастро и Але перемѣнили своихъ товарищей (Мая 10-го); напрасно распустили Кортесовъ и произвели новые выборы ихъ; вновь собравшіеся Кортесы, открытые 1-го Сентября, оказали прежнее неповиновеніе, хотѣли всѣмъ жертвовать личнымъ страстямъ своимъ, и не хотѣли даже утвердить договоровъ Эспартеро съ Карлистами; они опять были распущены (18-го Ноября), но съ тѣмъ вмѣстѣ и Министерство перемѣнилось снова. — При изложенныхъ нами происшествіяхъ, частныя подробности уже не могли представлять большаго интереса. Таковы были переговоры Испанскаго Правительства съ Папою, Турціею, Сардиніею; требованія вознагражденій Англіею; распоряженія объ управленіи колоній; возмущеніе Африканскихъ президій, вскорѣ потушенное; волненіе въ нѣкоторыхъ областяхъ (Валенціи, Каталоніи, Андалузій).

Для Португаліи прошедшій годъ протекъ одинаково съ 1838-мъ годомъ, такъ, что мы могли бы теперь повторить здѣсь все то, что говорили въ

обозрѣніи нашемъ при началѣ прошлаго года. Шайки Мигуэлистовъ продолжали возмущать спокойствіе Португаліи, особенно въ гористой, полудикой Алгарбіи, хотя, преслѣдуемые войсками Правительства, погибли отчаянные гверильясы *Кодессо*, *Ришадо* и сынъ *Ремешидо*. Писали еще, что важный Мигуэлистскій заговоръ открытъ былъ въ Лиссабонѣ, и особенно въ Брагъ, но подробности остались донынѣ неизвѣстными. Недостатокъ финансовъ, упадокъ торговли и промышленности, споры партій, рѣшительная перемѣна Министерства, составившагося въ Апрѣлѣ, подъ предсѣдательствомъ Барона Рибейры Сабраса, и учрежденіе новаго кабинета, подъ предсѣдательствомъ Графа Бомфина (27 Нолбря), наконецъ, несогласіе съ Англіею по торгу Неграми, составляли событія Португальской исторіи въ прошедшемъ году.

Рѣшеніе девятилѣтняго спора между Нидерландами и Бельгіею было важнѣйшимъ событіемъ для сихъ обонхъ государствъ. Спорная статья — уступка Луксембурга придавала въ началѣ года вопросу весьма грозный видъ. И во Французской и въ Бельгійской Палатахъ Депутатовъ оппозиція сильно вопіяла противъ отдачи небольшой, но прекрасной и составляющей ключъ къ Бельгійи упомянутой области. Буйныя головы волновали народъ въ Бельгійи; доходило даже до волненій въ разныхъ мѣстахъ, и Правительство принуждено было захватить и предать суду дерзкаго журналиста Каттса. Народъ и Палаты требовали войны; Министры смѣнялись; Король Леопольдъ былъ въ большомъ затрудненіи, при невозможности воевать. Но приготовленія къ войнѣ были сдѣланы; Бельгія вооружилась; войска ея стали на

границу; Голландскія войска двинулись съ своей стороны. Строго однакожь вѣдно было не начинать военныхъ дѣйствій, и тогда же можно было предвидѣть необходимую развязку, ибо еще въ Январѣ Франція подписала, вмѣстѣ съ четырьмя другими, посредствовавшими державами, актъ конференціи въ Лондонѣ. Прусскій и Австрійскій Послы оставили Брюссель, и сопротивленіе являлось нецѣлостію. Марта 19-го послѣдовало согласіе Бельгійской Палаты Депутатовъ. Апрѣля 19-го подписаны Бельгією, Нидермандами и ихъ посредниками договоры; военныя приготовленія съ обѣихъ сторонъ прекращены и дружественныя сношенія немедленно возобновились. Уступленная область мирно занята была Голландцами. Но стѣснительное положеніе, въ какомъ столько времени находилась Бельгія, и военное положеніе ея, при сильныхъ потрясеніяхъ финансоваго кризиса, нанесли между тѣмъ сильный ударъ капиталамъ, торговлѣ и промышленности Бельгійцевъ. Огромныя и многочисленныя банкротства (между прочимъ знаменитаго машиниста Кокерилля) и разстройка дѣлъ Бельгійскаго Банка были ихъ слѣдствіемъ.—Бывшій въ 1830 г. регентомъ Бельгій, *Баронъ Стюрме де-Шокье*, умеръ въ прошедшемъ году, въ удаленіи отъ дѣлъ.

Нидерландія, въ полной увѣренности на счастливое окончаніе важнаго для нея дѣла, хотя и выставила свои войска на границу, но ея финансовыя средства не претерпѣли отъ того, и торговля и промышленность ея находились въ положеніи цвѣтушемъ, особливо усилились ея колоніальныя обороты на Суматрѣ и Явѣ. Юля 22-го закрыты были засѣданія Штатовъ и вновь открылись въ Октябрѣ. Попеченія Правительства во все время постоянно

обращались на внутреннее благоустройство: пересмотръ кодекса законовъ, осушеніе болотъ и озеръ Зюйдеръ-Плаца и Гарлемскаго, устройство дорогъ и каваловъ, колоніи бѣдныхъ, общественное воспитаніе, а послѣ окончанія Бельгійскаго спора, переводъ всѣхъ военныхъ силъ государства въ мирное положеніе, были непрерывными предметами его заботливости. Возобновленіе сношеній съ Бельгіею придало новую дѣятельность Голландской торговль, и Нидерландія, подъ скипетромъ мудраго и кроткаго Короля, при полномъ повиновеніи подданныхъ законной власти, дѣятельности, трудолюбіи, экономіи и основательномъ характерѣ жителей, представляла Европѣ примѣръ благоденствующаго государства. Сельдяная ловля, какъ равно китовый промыселъ и ловъ трески, въ прошедшемъ году не принесли выгодъ Голландіи и другимъ государствамъ, ибо жестокая, продолжительная зима и свирѣпыя бури на Океанѣ во время промысловъ были причиною весьма малой добычи.

Данія понесла горестную потерю кончиною своего добраго Государя, *Фридриха VI-го*. Онъ тихо скончался, Декабря 17-го, сопровождаемый благословеніями подданныхъ, которые любили и чтли его, за кроткое, благотворное; тридцати-лѣтнее правленіе. Въ самое бурное время, еще юный, онъ сдѣлался уже соправителемъ своего родителя, въ 1784 году, такъ, что собственно поль-стоletія обязана была ему Данія счастіемъ въ мирѣ, спасеніемъ въ тяжкія времена Революціи, Наполеона и послѣ его паденія, когда такъ твердо и благородно умѣлъ онъ согласить требованія совѣсти съ благомъ государственнымъ, показавъ и личное мужество при двукратномъ нападеніи Англичанъ на Копенгагенъ, въ 1801

и въ 1808 гг.—Законы, общественное спокойствіе, промышленность, знанія укрѣплялись его скипетромъ. Съ радостію услышали Датчане обѣщаніе новаго Короля, *Христіана VIII-го* (род. въ 1786 г.), продолжить царствованіе его предмѣстника, и не измѣнять ни порядка, ни устройства, имъ введеннаго.

Въ Швеціи мирно продолжалъ царствовать любимый подданными Король, приложившій въ прошедшемъ году особенное стараніе еще тѣснѣе соединить отношенія Норвегіи къ Швеціи. Въ Февраль открылъ онъ засѣданія стортинга въ Христіаніи, гдѣ спокойно и тихо обсуживаемы были взаимныя пользы Шведовъ и Норвежцовъ, и возвратился въ Стокгольмъ уже 15-го Іюня. *Послѣдній* потомокъ знаменитаго дома Ферзеновъ, племянникъ умерщвленнаго въ 1810 г. графа Акселя Ферзена, скончался въ Стокгольмѣ.

И Германія являла наблюдателю также зрѣлище мирнаго благоденствія и тишины въ прошедшемъ году. Могущими хранителями ихъ были на сѣверъ Германіи *Пруссія*, на югъ *Австрія*. Обѣ сии великія державы принимали участіе въ дѣлахъ Бельгіи и Турціи, вмѣстѣ съ Россією, Англією и Францією. Различныя религією и мѣстною характеристикою, обѣ онѣ стремились къ одной цѣли — спокойствію Европы, сохраненію мира и благу своихъ подданныхъ. Окрестъ ихъ, разнообразною купкою собранныя, другія государства Германскія слѣдовали ихъ примѣру; когда притомъ власть Австріи благотворила и Итальянскимъ ея подданнымъ. Усиленіе промышленности, пароходства и сообщеній, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, было общемою характери-

стическою чертою Германіи. Пруссія и составившія съ нею, такъ называемый, *Талможенный Союзъ*, государства, прилагали попеченія усилить и упрочить его единообразіемъ монетной системы, договорами съ Голландіею, и дѣйствія Союза оказываются уже такъ успѣшны, что возбуждаютъ опасенія производителей Франціи и Англій. Боурингъ нарочно пріѣзжалъ въ Германію узнать всѣ подробности дѣла Союза, по порученію Англійскихъ купцовъ. Ученая дѣятельность и движеніе изящныхъ художествъ были особенно замѣчательны въ Пруссіи и Баваріи. Въ Берлинѣ враздновали трехъ-сотъ-лѣтній юбилей Протестантской Церкви, 69-й годъ отъ рожденія возлюбленнаго Монарха Пруссіи и 41-й отъ начала его, обильнаго событіями, царствованія. — *Ганноверъ* занятъ былъ новымъ устройствомъ государственныхъ постановленій, только второй годъ начавши свое самобытное существованіе. — Въ *Виртембергѣ* праздновали бракосочетаніе Нидерландскаго Принца съ Виртембергскою Принцессою. — *Саксенъ-Веймаръ* былъ опечаленъ кончиною юнаго Принца Вильгельма, племянника владѣтельнаго Герцога. — Скончались еще: *Ландграфъ Гессенъ-Голбургскій Людовикъ Вильгельмъ* (на 69 году) и *Герцогъ Нассау-Вейльбургскій Вильгельмъ Георгъ* (на 47 году). — Въ Австріи потревожила всѣхъ болѣзнь Князя Меттерниха; въ Венгріи открытъ былъ Сеймъ; на южной Австрийской границѣ продолжались несогласія съ безпокойными Черногорцами.

Швейцарія представляла, напротивъ, странное зрѣлище взаимныхъ несогласій между кантонами, и между жителями одного и того же кантона, движимыми различіемъ выгодъ и неопредѣленностію уставовъ. Особенно замѣчательны были волненія канто-

на Валезскаго и религіозно - политическое движеніе въ Цюрихъ, когда притомъ во всѣхъ случаяхъ Сеймъ Швейцарскій удалялъ отъ себя рѣшеніе всякихъ частныхъ вопросовъ по внутреннимъ институтамъ каждаго кантона.

Австрійскій Императоръ оказывалъ все великодушіе къ обладаемой имъ Сѣверной Италіи. Прощеніе прежнихъ политическихъ преступниковъ, и учрежденія ученныя и учебныя, доказывали Итальянцамъ и кротость и попеченія объ нихъ ихъ Государя. — Такими же попеченіями о Сициліи ознаменовалъ себя *Король Неаполитанскій*. — Властитель *Рима* былъ огорчаемъ положеніемъ Католическаго Духовенства въ Испаніи и Португаліи, нѣкоторыми спорами въ Германіи; гоненіемъ на Христіанъ въ Китаѣ и Кохинхинѣ. Пребываніе въ Римѣ Герцога Бордосскаго произвело жаркіе переговоры съ Франціею. Но его могло утѣшить распространеніе Католицизма въ Сѣверной Америкѣ, учрежденіе епископства въ Гамбургѣ, заведеніе, перваго со временъ Генриха VIII-го, Католическаго монастыря въ Англіи, и учрежденіе епархій въ Алжирѣ. Кромѣ Французскихъ кардиналовъ Феша, Изоара и Латіля, скончались еще въ Римѣ кардиналы *Тибери* и *Грегорио*. Въ Римѣ умеръ еще одинъ изъ Князей *Боргезе*, а въ Неаполь извѣстный дипломатъ *Баронъ Лудольфъ*. Донъ Себастьянъ, инфантъ Испанскій, послѣ удаленія Донъ Карлоса во Францію, отправился въ Италію, и пребылъ въ Неаполь. — Донъ Мигуэль живетъ въ Римѣ. — Мы говорили уже о пребываніи въ Италіи нашего Русскаго Царевича, которому всюду оказанъ былъ тамъ пріемъ, достойный Его высокаго рода. Въ Римѣ скончался сопутствовавшій ему Князь Х. А. Ливень. — Французское Правительство обращало

свое особенное вниманіе на родину Наполеона, *Корсику*, гдѣ предполагаются многія общественныя улучшения.

Оканчивая взглядъ нашъ на Европу въ прошедшемъ году, обращаемся къ остальному отдѣленію сей части свѣта, востоку Европейскому — Эллинскому полуострову, гдѣ вниманіе наше обращаютъ юное *королевство Греческое* и дряхлая *имперія Оттоманская*. Но дѣла Турціи связываются уже съ дѣлами Востока и Азій вообще, что вмѣстѣ съ обзорніемъ событій Африки, Америки и Океаніи, и нѣсколькими общими выводами, составитъ предметъ второй статьи нашего *обозрѣнія*.

=

XII.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

I.

ПИСЬМА ЛЮТЕРА ВЪ РЕВЕЛЬ *.

1.

Gnad und fried von Christo ersamen, weisen lieben Herrn. Aufs ewr. Beger hab'ich mit Magister Henrico Hamel handeln lassen. Aber er wegert sich solchs ampts seer höchlich und meinen auch ettliche, er sey zu solchem Amt noch nicht genugsam erwachsen noch geübt, noch versucht. Derohalben er E. W. freundlich dankt. So habe ich mich auch umb einen andern umbsehen, aber jetzt bey uns keinen funden dazu tüchtig, versehn mich aber es sollen ettliche anherkommen. Wo es dann E. W. gefällt, wil ich meinen vleis gerne dazu thun. Es were aber wol not und gut, das eure Stadt ettliche gesellen zum Studio hielten. And sonderlich hab ich diesen Ioachim

* Подлинники сихъ любопытныхъ актовъ хранятся въ архивъ Ревельской Ратуши. Всѣ они писаны рукою Лютера. Долгомъ почитаемъ изъяснить благодарность нашу почтенной особѣ, сообщившей намъ сіи памятники старины, относящіяся къ столь замѣчательному историческому лицу. *Р. С. О.*

dazu vermahnet, damit yhr selber eigene Priestern hettet. Also hat er mich gebeten ich wollte E. W. damit schreiben und verbitten, das E. W. wollen ihn hier drei Jar zum Studio halten und verlegen, weil an seiner stat wol ein ander forhanden. Demnach bitt ich Ewr W. wollen ansehen dieser Zeit gelegenheit, wie der priestern allenthalben wenig sind, die man doch nicht gerathen kann, und helfen Gottes reich und lob mehrn, als ich mich zu E. W. tröstlich versehe. Ich dank auch für das marderegeschenk freundlich, hiemit Gott befohlen der sein Werk in euch angefangen, würdiglich erhalte und reichlich stärke. Ameu.

III. Majs 1531.

MARTINUS LUTHER.

Ein beiliegendes P. S.

Es ist auch einer hier Matthäus Röske, war ewr stad Prediger gewest, der were auch gut vor euer Land, begert aber ewr. Hülfe zum Studio. Das befehle ich euch.

Adresse.

Den Ersamen und weisen Bürgermeistern und Rat der Stadt Reval in Estland, meinen günstigen Herrn und Freunden.

Remerket ist auf der Adresse.

empfangen Anno 31 am 12 Junius von Doctore Martino des geforderten Superintendenten halven.

Der Brief ist mit Lutters Pettschaft gesiegelt.

2.

Gnade und Friede von Christo. Ersame, weise lieben Herrn und Freunde. Es kempt hier Herr M. Herrman-

nus Gronau, so durch Ewr. Schrift zum Schulmeister berufen ist, der hat begerd von mir diesen Brief an E. W. derhalber befehle ich denselben E. W. und bitte wollet trewlich die Schule fördern und genugsam versorgen. Denn yhr sehet. das es allenthalben grosser mangel au gelehrten Leuten ist, und hohe zeit und not, das man Kinder mit vleis aufziehe. Zu welchem ampt dieser M. Hermannus gelehrt und geschickt ist, und ohne zwievel des wol und Krewlich warten wird, wo er seine bequeme Anterhaltung bey euch haben kann, als ich denn mich versehe, dass er an euch keinen Fehl haben soll. Christus unser Herr gebe seine Gnade dazu und zu alle ewrem thun, dass es reichlich fruchtbar sey zu seinen Lob und Ehren. Amen.

Wittenberg VIII Augusti 1532.

DOCTOR MARTINUS LUTHER.

Adresse.

Den Ersamen und weisen Herrn Bürgermeistern und Rath der Stadt Reval zu Liflandt, meinen günstigen Herrn und Freunden.

3.

Gnad und Fried ein Christo Ersame und weisen lieben Herrn. Wir haben allhier zu Wittenberg Er Nicolaus Glossen ewren beruffenen Supperatlenditen promovirt und zum Licentiaten theologia gemacht, dabey unser gnädigster Herr der Curfürst samt andern Hertzorgen gewest, und das aus vielen beweglichen Ursachen zu dieser Zeit leufften nötig. Derselbe kompt nun her und wird des alles Kundschaft zeigen. Befehle denselben E. W. ynn aller trewen, und Gott verleyhe yhm und ewr gantzen

christlichen Gemeine, dass yhr nicht allein fest bleibet und rein an seinem heiligen Wort, sondern auch ymmer bas zunemet und vielen andern nutz seyn mögt. Amen.

So nemet yhn nun an ewren Brief anch, und wie yhr euch gegen ihn und er sich gegen euch halten sollet, werdet yhr durch Gottes Gnaden wol wissen. Hiemit Gott trewlich befohlen. Amen.

Zu Wittenberg IX Julii 1533.

MARTINUS LUTHER D. THEOL.

Die Adresse lautet:

Den Ersamen und weisen Herrn Burgermaistern und Rat zu Reval meinen günstigen Herrn und guten Freunden.

Bemerkt ist auf der Adresse:

empfangen am 25 August von Dr. Martino Luthero pro Colosseno.

I.

Миръ вамъ во имя Господа Иисуса Христа, достопочтенные, велемудрые мужи! По желанію вашему, обратился я къ магистру Генриху Гамелю, но онъ, со всею въжливостію, отрекся отъ сей должности; также нѣкоторые полагають, что онъ для нея еще недовольно свѣдуещъ и опытещъ, а посему онъ благодарить васъ, М. Г., за сдѣланное ему предложеніе. Послѣ сего старался я сыскать другаго, но теперь еще не нашлось у насъ никого для сего способнаго; однакожь мы ожидаемъ прібытія нѣкоторыхъ учениковъ. Если вамъ, М. Г., благоугодно будетъ, то я приложу о томъ всевозможное стараніе. Впрочемъ необходимо, чтобы городъ вашъ имѣлъ нѣсколько лицъ учениковъ, которые занимались бы изученіемъ Бого-

словія; преимущественно говорилъ я о томъ Іоакиму, дабы вы имѣли собственно своихъ священниковъ, а поему онъ меня убѣждалъ отписать къ вамъ, М. Г., и васъ просить, чтобы вы его оставили здѣсь на три года для изученія Богословія, особенно и потому, что на его мѣстѣ имѣется еще другой, на что я и прошу васъ, М. Г., обратить вниманіе, ибо, по обстоятельствамъ времени, повсюду чувствительнѣе недостатковъ въ священникахъ, которые были бы способны къ распространенію слова Божія и славы Его. Покорно благодарю васъ за подарокъ, состоящій изъ куняго мѣха. Засимъ, да благословитъ васъ Господь, и да подкрѣпитъ васъ въ дѣлѣ, во славу Его начатомъ. Аминь. III-го Мая 1531 г.

МАРТИНУСЪ ЛЮТЕРЪ.

Приложенная припись :

Здѣсь еще находится нѣкто Маттеусъ Реске, бывшій у васъ городскимъ проповѣдникомъ, и онъ былъ бы годнымъ для вашей страны, но требуетъ вашего вспоможенія для изученія Богословія, исполненіе чего я вамъ совѣтую.

Адресъ.

Достопочтеннымъ и велемудрымъ Бургомистрамъ и Советникамъ города Ревеля въ Эстляндіи, благосклоннымъ друзьямъ моимъ.

Отмѣтка на адресъ:

Получено въ лѣто 1531, 12 Іюля, отъ Доктора Мартына, относительно требованнаго суперъ-интенданта.»

Письмо съ печатью Лютера.

2.

Миръ вамъ во имя Господа Иисуса Христа, велемудрые мужи и друзья! Сюда прибыль г. магистръ Германъ Гронау, приглашенный письмомъ вашимъ въ званіе учительское. Онъ просилъ меня о письмѣ къ вамъ, почему, рекомендуя его, прошу васъ споспѣшествовать благосостоянію школы, ибо вы сами видите, какъ вездѣ великъ недостатокъ въ учебныхъ, и что пора пешиась о воспитаніи дѣтей. Магистръ Германъ ученъ и способенъ къ должности, и безъ сомнѣнія, приложить все свое стараніе, если ему будетъ назначено хорошее содержаніе, о чемъ и я прошу, чтобы онъ не терпѣлъ недостатка. Иисусъ Христось, Госнодь нашъ, да благословитъ всѣ предпріятія ваши, во славу Его творимыя. Аминь.

Виттенбергъ, VII-го Августа, 1532 г.

Докторъ Мартинусъ Лютеръ.

3.

Миръ вамъ во имя Господа Иисуса Христа, велемудрые мужи! Мы здѣсь въ Виттенбергъ произвели приглашеннаго вами Суперъ-Интендента Николая Глоссена въ званіе лиценціата Богословія, при чемъ присутствовали нашь всемыслостивѣйшій Курфюрстъ и другіе Герцоги, что весьма нужно по обстоятельствамъ нынѣшняго времени. Онъ, Глоссенъ, прибудеть къ вамъ и обо всемъ увѣдомитъ. Поручаю его вамъ, М. Г., и да ниспошлетъ Госнодь ему и всему вашему христіанскому обществу благодать, дабы вы не токмо пребывали тверды въ исповѣданіи святаго слова Его, но и распространяя его, были бы полезны другимъ. Аминь. И такъ примите его по вашему требованію, а какъ вамъ съ нимъ обходиться надле-

жить, и какъ ему поступать, вамъ, конечно, известно. Да благословить васъ Господь! Аминь.

Виттенбергъ, IX-го Іюля 1533 г.

Мартиусъ Лютеръ, Докт. Богословія.

Отъяснено:

Получено 25-го Августа отъ Др. Мартына Лютера, черезъ Глоссена.

II.

ДРЕВНИЕ ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ *.

1.

Псковская Межевая Запись.

Се розапсашь сябри вастечкин. ободъ. вастечьской. земли съ старыхъ грамотъ. а заводъ той земли. подереваныи. мостекъ. да по верхунскую. мѣжю. да по дувъскую. мѣжю. да по твердислаи. кроіевъ. да второшину рѣку. да вбълюю. реку. и за рѣка по вязовникъ. по ручей а поручіеви вмохъ. а съ другой сторонѣ от деревяного мостька влюботову. реку. да по вервуйскую мѣжю. да по шестакови кроіевъ. да по иромьскій. путь. да в каменку. реку. изрѣка по любви-

* Почтенная особа, сообщившая намъ сіи любопытные памятники, пишетъ, что первый изъ нихъ списавъ съ пергаментнаго подлинника, находившагося у Митрополита Еягенія, и можно полагать, что онъ относится къ XIV. вѣку. Второй исанъ также на пергаментъ, и есть знакъ, что при немъ была печать. Онъ не находится въ *Юридическихъ Актахъ*, изд. Археограф. Комиссіею; три другія Новгородскія купчія, присланныя къ намъ вмѣстѣ съ сего, помещены въ упомянутыхъ Актахъ. Р. С. О.

жс. ожеро. да покодедкину мѣжу. да то остричитоіе. ожерце. а отъ ожерць. по речке. промѣжи. вастечкипъ поженъ и по дедькипе позни. втолъву. реку. отъ реки по вастъ. отъ вѣста. в толювъѣно. истаповечна. по десиловице. кропвѣ. да поречьковльскую мѣжу. а отъ мѣжа по великын. олсачъ. а на то послуши. артемѣи осиневичъ. остапья пасаконицъ. павича братъ іего. дмитръ домашиничъ. захарья забановичъ. губа тарасіевъ сынъ.

2.

Новгородская данная.

Се купи Есипѣ село у брата у своего у Игната Станищкилонское на Лукина береги по Игнатови купной грамоти дѣрной и то село даль Есипѣ къ Светому Николи въ вѣкъ и неумну отцу моему духовному Кузми до его живота а хкто уаветъ отымати у святаго Николи то село сѣжуся съ нимъ и зредъ Богомъ.

ХІІІ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Мы извѣщали уже читателей С. О., что съ Новаго Года будутъ прилагаемы къ сему журналу очерки замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ произведеній Живописи, Ваянія и Зодчества. Надзоръ за тѣмъ, чтобы очерки были достойны вниманія читателей, и сдѣланы были съ художническою отчетливостію, принялъ на себя извѣстный художникъ нашъ, Я. Ѳ. Яненко. Осмѣливаемся думать, что знакомя публику съ изображеніями лучшихъ произведеній нашихъ Русскихъ художниковъ, мы предпринимаемъ не бесполезное дѣло. *Рисунокъ* лучше всякаго *описанія* знакомитъ съ работою художественною, и мы радуемся, что посредствомъ нашего журнала отечественная публика самыхъ отдаленныхъ мѣстъ быстро будетъ знакомиться съ лучшими современными новостями художественными, съ видами новыхъ зданій, со всѣмъ тѣмъ, что обращаетъ современное вниманіе знатоковъ. Споспѣшествуя распространенію вкуса къ Изящнымъ Художествамъ (почему такъ не думать?), можетъ быть, иной очеркъ нашъ возбудитъ чей нибудь самородный геній, непостигавшій дотолъ своего назначенія. — При сей книжкѣ приложенъ очеркъ *статуи*, которая пріобрѣла общую похвалу на Выставкѣ нашей Академіи Художествъ, въ прошедшемъ году: *Рыбакъ*, или *юноша, удлищій рыбу*. Она первое произведеніе юнаго ученика Гальбергова, г-на *Ставассера*, и прекрасна, какъ изящное произведеніе, а еще прекраснѣе, какъ надежда, что въ Ставассерѣ увидимъ мы достойнаго наследника его знаменитому учителю, столь рано похищенному смертію. Художникъ выбралъ то мгновеніе, когда рыба *клюетъ*, какъ говорится; заботливость, внимательность, ожиданіе, выражаемая фізіогноміею, естественность положенія, прелесть формъ статуи, простота, при вниматель-

номъ наблюденіи природы, вотъ что составляетъ достоинство произведенія г-на Ставассера, которое сдѣлало бы честь даже и опытному художнику.

XIV.

ИЗВѢСТІЯ И СМЫСЛЪ.

Отечественныя извѣстія. Чѣмъ другимъ можемъ мы начать извѣстія, въ которыхъ стараемся собирать всѣ современныя свѣдѣнія о новыхъ благотворныхъ мѣрахъ и постановленіяхъ Правительства, полезныхъ открытіяхъ и учрежденіяхъ, подвигахъ гражданской добродѣтели въ нашемъ Отецествѣ, успѣхахъ промышленности и торговли, замѣчательныхъ случаяхъ въ Россіи, чѣмъ, если не молитвою за Царя нашего и Его Августѣйшее Семейство, не желаніемъ, да продолжится для насъ то счастье, какимъ наслаждается подъ свѣтло священнаго Царскаго престола Русская земля, и да преуспѣваетъ она въ добрѣ и знаніи, вѣрѣ и просвѣщеніи, и нынѣшній, и многіе еще годы—«долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, кромѣ души человѣческой!» какъ говорилъ нашъ незабвенный Исторіографъ. Въ день *Новаго Года*, когда коленно-преклоненная Россія возноситъ моленія, да «благословить вѣнецъ лѣта Господь благостію Своею!» повторимъ молитву нашу. Прѣдки наши учили насъ, дали намъ завѣтъ, молитвою начинать новое лѣто. И когда по всей Россіи, на празднествахъ Новаго Года, провозглашается теперь народный гимнъ нашъ, повторимъ и мы его, съ сердечною радостью, восклицая: «Боже! Царя храни!»

Если обратимся къ *прошедшему*, съ умиленіемъ вспомнимъ мы, что нынѣ *сто лѣтъ* ровно совершилось, съ того времени, какъ настала для Россіи годъ великій и достопамятный: въ 1740 году, смертью Императрицы Анны прекратился родъ Царя Іоанна, и скипетръ Русскій, на

время несправедливо переданный Ея преемнику, усердіемъ и любовью Русской земли врученъ былъ истинной преемницѣ Русскаго престола, Дочери Петра Великаго. Сто лѣтъ совершится въ нынѣшнемъ году, съ того незабвеннаго года, когда Божіе Провидѣніе благословило Россію въ Наслѣдникахъ Петровыхъ, и *шесть царствованій*, въ теченіе истекшаго столѣтія, осчастливили, прославили, вознесли Россію! Русскіе люди! пройдите мыслью великое *столѣтіе*: какими событіями, какою честью, какою славою не было оне ознаменовано? Дщерь Петра и преемники Ея, какъ далеко раздвинули Они предѣлы Русской земли въ сіи сто лѣтъ: вспомните предѣлы Россіи въ 1740 году, и перенеситесь потомъ на скалы Торнео, на предѣлы царства Польскаго, на берега Дуная, льды Арарата, въ глубь Киргизскихъ степей и къ предѣламъ Калифорніи, во всю сіи мѣста, гдѣ нынѣ стоятъ грани Русскія. А побѣды нашихъ Суворовыхъ и Задунайскихъ, нашихъ Барклаевъ и Кутузовыхъ, нашихъ Дибичей и Паскевичей — Рускіе въ Берлинъ, Варшавъ, Мантуу, Дрезденъ, Амстердамъ, Парижъ, Адрианополь, Арзерумъ, Тавризъ; и мудрые законы, и плоды просвѣщенія, и грозный флотъ, и побѣдоносное войско, и богатая промышленность, все, что связалъ Петръ, все что возрасло въ сіи сто лѣтъ—какія воспоминанія!—Да, будетъ же *новое столѣтіе*, начинаемое 1840 годомъ, еще славнѣе, и да продолжитъ въ немъ Богъ для Россіи Своѣ благословеніе въ потомствѣ тѣхъ Царей Русскихъ, рядъ Которыхъ за сто лѣтъ начала кроткая Дщерь Петра Великаго!

Трудолюбивый ученый нашъ, г-нъ Кеппенъ, составилъ подробныя таблицы о числѣ жителей въ Россіи. Выходитъ, что въ 53-хъ нашихъ губерніяхъ и областяхъ жителей муж. пола находится нынѣ 25,460,645 (самыя многолюдныя губерніи—*Полтавская*, 809,309, и *Оренбургская*, 865,374; самыя малолюдныя—*Олонецкая*, 112,567, и *Енисейская*, 102,843). Прилагая сюда женскій полъ, да болѣе 4-хъ милліоновъ жителей въ Царствѣ Польскомъ, болѣе милліона въ Финляндіи, два милліона за Кавка-

вомъ и въ Америкѣ, слишкомъ миллионъ войска, и полтора миллиона Горцовъ Кавказскихъ, получаемъ *итого* въ 62 миллиона. Если сложить числа жителей въ Англии и Франціи, еще неостанетъ миллиона три. А между тѣмъ приращеніе народа въ Россіи истинно изумительное: въ 1837 году, умерло $1\frac{1}{2}$ миллиона; а родилось до *двухъ миллионовъ четырехъ сотъ тысячъ*; следовательно, число родившихся превосходило число умершихъ — почти *девятью стами тысячъ*.

Ученыя извѣстія. Декабря 29-го, Императорская С.-Петербургская Академія Наукъ имѣла свое торжественное собраніе, которымъ ежегодно празднуетъ она день своего основанія, нынѣ 113-й, съ того времени, когда Преемница Петра Великаго осуществила Его великую мысль основаніемъ Академіи.

Два любопытныя событія должны совершиться у насъ въ нынѣшнемъ году: въ Пекинъ отправляется миссія, на смѣну находящейся тамъ, и уже прожившей въ Китаѣ предположенное для нея время, и изъ Кронштадта отправляется кругомъ свѣта нашъ Русскій военный корабль, для отвоза разныхъ запасовъ въ Камчатку и Америку; съ отправленіемъ его соединена будетъ *практическая и ученая* польза. Мы слышали, что наши мореходцы обогнуть мысъ Доброй Надежды, посвятятъ Австралію и другія земли Океанійскія, а возвратятся мимо мыса Горна.

Извѣстный путешественникъ, начальникъ Французской экспедиціи къ Шпицбергену, на корабль *Изысканіе*, г-нъ Гемаръ, находится теперь въ Петербургъ, и намъренъ отсюда посвятить Москву. Онъ предполагаетъ потомъ объѣхать сѣверный край Россіи — Сѣверъ свѣдѣлся ему чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ. Извѣстно, что г-нъ Гемаръ совершилъ путешествіе въ Исландію и Гренландію, и два раза начальствовалъ экспедиціями къ Шпицбергену.

Художественныя извѣстія. Въ Парижѣ готовятся къ новой Выставкѣ Художественныхъ произведеній, и говорятъ, что она будетъ блестяще прошлагодной. Вотъ исчисленіе трудовъ главнѣйшихъ художниковъ Французскихъ, приготовленныхъ на Выставку: *Л. Буланже*—картина, гдѣ изображены Беатриса Данта, Лаура Петрарки и Елеонора Тасса; *Жагу* — портретъ Маршала Монсея и Св. Женевьева; *Евг. Дела-Круа*, триумфъ Траяна и Колумбъ (по заказу А. Н. Демидова); *Пав. Деларошъ*, переходъ Альповъ Карломаномъ и крещеніе Кловиса; *Кам. Рокелланъ*, бѣгство въ Египеть, Дилижансъ, Цыганы, сраженіе Фонтенуаское; *Ари Шефферъ*—Страшный Судъ; *Изабей* — видъ Марсели; *Пико* — Иисусъ въ Эммаусъ; *Винтергалтеръ* — сцена изъ Декамерона Боккачьева; *Жакандъ* — Иоанна Даркъ; *Шассерио* — Г. Х. на Элонской горѣ; *Декенъ* — четыре Евангелиста; *Корню* — сцена изъ Агасферуса; *Алекс. Дебакъ* — Крестоносцы и рыбаки, вытаскившіе трупъ изъ моря; *Жиро* — четыре сцены Итальянской жизни; *Куреркъ* — открытіе Генеральныхъ Штатовъ; *Де-Венъ* — Иисусъ, исцѣляющій слѣпago; *Ди-азъ* — сцена изъ Телемака; *Тиссье* — Нимфа и Сатиръ; *Фландренъ* — Иисусъ, благословляющій дѣтей. Ландшафты будутъ: Марилья, Коро, Л. Флерц, Изабел, Каба, Вителе, Левассера, Годфруа, Нуво, Лепуатвена, Тено, Дюпрессуара, Руссо, Ю. Дюпре, Браскасса и Калама. Портреты выставляютъ Шанмартенъ, Шарпантье, Амори-Дюваль, Лепольдъ, Альфредъ де-Дре, Ю. Варнье, Шлезингеръ, г-жа Мирбель, Жун, Редуте. — Статуи будутъ: *Прадье* — Центавръ съ урною; *Дюре* — нѣсколько святыхъ для церкви Магдалины; *Муана*—барельефы; *Прео*—поклоненіе волхвовъ; *Артура Гилло*—Психея; *Гурделя*—Св. Ириней; *Удине* — Милосердіе. Бриаръ, только что возвратившійся изъ Лапландіи, ничего не выставляетъ. О Штейбенъ и Декампъ ничего неизвѣстно. Ингресъ разсердился, и поклялся ничего не выставлять. — *Бартолини*, Флорентійскій ваятель, присылаетъ модель надгробнаго памятника, который, по заказу А. Н. Демидова, будетъ имъ изваянъ изъ мрамора, и поставленъ въ память родителя г-на Демидова, въ его великолѣпной виллѣ, близъ Флоренціи. Говорятъ, что онъ чудо искусства, и Француз-

скіе журналисты называютъ его — *une oraison funèbre durable et éloquente.*

Промышленность и торговля. Число кораблей, въ теченіе навигаціи прошлаго года, продолжавшейся въ Кронштадтѣ съ 3-го Мая по 16-е Ноября, было: пришедшихъ 1333 и 45 пароходовъ, а съ зимовавшими 1447 (въ томъ числѣ Русскихъ 112, Американскихъ 53, Англійскихъ 785, Французскихъ 75, Сардинскій 1, Неаполитанскихъ 51, Прусскихъ 67, Тосканскій 1), а отплывшихъ 1412; въ томъ числѣ въ Англію 620, Америку 51, Францію 86, Португалію 4; осталось зимовать 34.

Количества сала, оставшагося отъ 1838 года на Петербургской биржѣ, составляло 1121 бочку, а вновь въ привозъ его было въ 1839 г. 163,360 бочекъ (всего 164,481 б). Главные оптовые торговцы саломъ были: *Немиловъ* — 10,283 бочки, *Чумичевъ* — 10,189, *Харичковы* — 9725, и *Черновъ* — 9,033. Больше 5000 бочекъ было у 3-хъ торговцовъ; больше 4-хъ у 3-хъ; около 4-хъ у 1-го; больше 2-хъ у 14-ти; больше 1000 у 29-ти, и меньше 1000 у 44-хъ. *Пеньки* представлено было для пробраковки и отпуска до 2,295,689 $\frac{1}{2}$ пудовъ. Главные торговцы: *Немиловъ* — около 538,000 пудовъ; *Харичковы* 538,000; *Мерцаловъ* 250 т. п. и *Турковъ* 216,226. Всѣхъ торговцовъ пенькою 20. — *Льна* предъявлено было 354,425 пудовъ.

Географія и Статистика. Въ прошломъ году Географія вписала въ свои таблицы два новыя государства: одно въ Европѣ, *Бельгію*, признанную всеми Европейскими державами, по утвержденіи Лондонской конференціи; другое въ Америкѣ — *Техасъ*, независимость коего признана Англією и Францією. — Бельгія составила въ 1830 году, изъ областей прежней Фландріи и Брабанта, съ 1815 года принадлежавшихъ Нидерландамъ; пространство ея до 450 кв. миль; жителей до 4-хъ милліоновъ; въ столицѣ,

Брисселль, жителей до 100,000. — Техась, прежде бывшая Мексиканская область, на с. в. берегу Мексиканскаго залива, граничащая съ Луизианою. Мы представимъ въ одной изъ слѣд. книжекъ С. О. любопытную исторію сей области въ новѣйшее время.

Въ нынѣшнемъ году будутъ: малое затмѣніе луны (Февраля 5-го), прекрасное кольцообразное солнца (Февраля 21-го), малое луны (Юля 31-го) и полное солнечное (15-го Августа). Мы въ Петербургѣ ни одного изъ нихъ не увидимъ.

Зрѣлища и Музыка. На вызовъ *Филармоническаго Общества*: написать музыку на *Свѣтлану Жуковскаго*, нашлось нѣсколько соискателей. Лучшее изъ присланныхъ сочиненій написано было *не-природнымъ Русскимъ*, и потому не получило награды. Вторымъ послѣ него признано сочиненіе, имени автора котораго Общество не могло объявить, не имѣя его согласія. Но рѣшена ли задача? Вотъ что, кажется, объявить было бы можно. Нельзя не удивляться, какъ холодно принято предложеніе *Филармоническаго Общества* нашими композиторами и дирижерами!

Въ Парижѣ съ шумомъ упала лирическая трагедія: *Инеса де-Кастро*, слова Каммороано, музыка Персіани, мужа известной пѣвицы. Напрасно, она сама, Рубини, Лаблашь, Албертацци, старались поддержать пьесу. Парижане, не смотря на успѣхъ сей оперы въ Венеци, Миланѣ и Неаполѣ, объявили, что работа г-на Персіани имѣетъ три важные недостатка, а именно, что она — *trop triste, trop long et trop monotone*.

Услышимъ ли мы хоть въ нынѣшнемъ году оперу нашего любимца, М. И. Глинки, его *Руслана и Людмилу*? Что-то дѣлаетъ еще нашъ А. Н. Верстовскій? Что опера г-на Алябьева, и другія, о которыхъ мы давно слышали? — Но наши композиторы могутъ, въ свой чередъ, спро-

сать: «А что, Мм. Гг., ваши трагедіи и комедіи?» Вопросъ деликатный! — Мы слышали, будто Н. В. Кукольникъ написалъ прологъ къ новой трагедіи, *Князь Холмскіе*; знаемъ, что трагедія Барона Е. О. Розена, *Дочь Иоанна III-го*, совсѣмъ готова; что П. Г. Ободовскій перевелъ еще трагедію съ Нѣмецкаго; что Н. А. Полевой кончилъ свою драму: *Елена Глинская*, и что г-нъ Гоголь привезъ изъ-за границы новую большую комедію; но, кажется, ничего изъ исчисленнаго здѣсь мы не увидимъ на сценѣ, по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ году. Впрочемъ, Мм. Гг., смотръть будетъ что. Во первыхъ, у насъ богатый запасъ стараго репертуара; во вторыхъ, балеты Таліони; въ третьихъ, каждый бенефисъ даритъ насъ новостями, а въ четвертыхъ, можетъ быть, и неожиданно упадетъ на голову что нибудь гениальное и прекрасное! Годъ дѣло велико, Мм. Гг. — Знаете ли, что у насъ будетъ въ нынѣшнемъ году два изданія для драматическихкихъ сочиненій, и издатель одного изъ нихъ предварительно объявляетъ, что «много превосходныхъ сочиненій сохраняется въ портфеляхъ Русскихъ драматурговъ,» и онъ берется знакомить публику «съ тѣми Русскими писателями, которые могутъ развить вкусъ и движеніе въ отечественной драматургіи,» о чемъ подробнѣе можете увидѣть далѣе, вмѣстѣ съ извѣстіями о разныхъ диковинкахъ и новостяхъ Русской литературы.

Литтературныя извѣстія. Нынѣшній 1840-й годъ, кажется, будетъ ознаменованъ большими новостями въ области Русской литературы. Замѣтимъ здѣсь некоторые изъ нихъ.

Выпуски книгъ тетрадами и книги съ полнотипажными рисунками, кажется, у насъ усилятся. Въ Москвѣ, г-нъ Семеновъ, своими *Живописными Обзорніями*, въ Петербургѣ, г-нъ Плюшаръ своими *Донъ Кихотомъ* и *Дюмонъ-Дюрвилемъ* показали тому и другому примѣръ. По примѣру втораго, въ нынѣшнемъ году г-нъ Фариковъ предполагаетъ издавать извѣстную Исторію Наполеона, съ превосходными полнотипажками Горація Вернета; явятся и другія editions illustrés. По примѣру перваго, хотъ и безъ

рисунковъ, но *выпусками*, предположено издавать въ Петербургъ: *Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности*; *Полезное чтеніе для всѣхъ сословій*; *Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ*; *Календарикъ знаменитыхъ отечественныхъ воспоминаній* и *Русскіе Синонимы*. Объявленіе о Маякѣ могло зацѣпить за живое самолюбіе Русскихъ литераторовъ, особливо журналистовъ. Издатель (книгопродавецъ В. П. Поляковъ) объявлялъ, что донынѣ въ Россіи не было складочнаго мѣста трудовъ учености популярной и глубокой; что за неимѣніемъ средствъ къ изданію, въ портфеляхъ нашихъ ученыхъ лежитъ множество матеріаловъ, ожидающихъ только средствъ изданія, а съ другой стороны, все что дѣлается и печатается въ чужихъ краяхъ по части наукъ, известно только читающимъ иностранныя журналы, а до публлки доходятъ, и то изрѣдка, одни невнятные отголоски, а потому онъ, г-нъ Поляковъ, предлагаетъ капиталъ и услуги, и дѣлаетъ первую попытку извлечь изъ портфелей матеріалы и знакомить Русскую публику съ Европейскимъ міромъ наукъ. Намъ-рвеніе прекрасное, но что же дѣлали до сихъ поръ всѣ наши газеты, журналы, литераторы, книгопродавцы, и неужели первую попытку увидимъ мы только теперь въ Маякѣ? Нѣтъ, г-нъ Издатель! подумавши хорошенько, вы сами согласитесь, что объявленіе ваше было — немного сгоряча и поспѣшно написано. Но мы нисколько не сердимся, и напередъ увѣрены и надѣмся, что *Маякъ* будетъ собраніемъ статей дѣльныхъ и занимательныхъ, ибо редакцію его приняли на себя два почтенные и опытные литератора наши, П. А. Корсаковъ и С. О. Бурачекъ. Также довольно... поспѣшно, такъ сказать, было написано и другое объявленіе г-на Полякова, объ издаваемомъ имъ-же г-мъ Поляковымъ *Пантеонѣ*. Опять Издатель увѣряетъ, что въ какихъ-то портфеляхъ Русскихъ драматурговъ лежатъ превосходныя сочиненія, а Русской публикѣ неизвѣстны произведенія лучшихъ Европейскихъ писателей и *Пантеонъ* беретъ на себя посредничество въ томъ и другомъ отношеніи. Посмотримъ, увидимъ, хоть, право, не знаемъ: гдѣ видѣлъ и подымилъ всѣ эти благодатныя портфели нашихъ ученыхъ людей и драма-

турговъ Издатель *Маяка и Пантеона*. *Полезное Чтеніе* издается книгопродавцомъ Бородинымъ. И этотъ издатель увѣряетъ, что до сихъ поръ мы не имѣемъ еще ни одной книги, ни одного изданія для общаго чтенія, и онъ рѣшается пополнить недостающее зѣпно ея цѣпи общественной образованности. Бѣдные Русскіе журналы и книги! да, что же такое были вы донынѣ? Неужели ни одного, и ни одну изъ васъ нельзя было назвать общимъ чтеніемъ? Г-да Издатели! смотрите: обѣщавши, надобно и исполнять, а не испытавши самимъ дѣла, судить, конечно, легко. Да посмотримъ, что-то черезъ годъ вы скажете. *Календарикъ* издается третьимъ книгопродавцомъ, г-мъ Теряевымъ, и будетъ нѣчто такое миниатюрное, историческое, крошечное, въ 32-ю долю листа.—*Русскіе Синонимы* издаетъ почтенный переводчикъ «Часовъ Благоговѣнія», г-нъ Крыловъ, и обѣщаетъ что-то полезное. Искренно желаемъ успѣха, хоть и не понимаемъ, что такое значить: синонимъ, и хоть увѣрены, что синонимы не существуютъ въ мѣрѣ, и что это названіе была ошибка прежнихъ грамматиковъ. Но если синонимовъ и нѣтъ вовсе, на свѣтъ, изданіе г-на Крылова все таки можетъ быть и полезнымъ, и занимательнымъ, а что за дѣло до навванья!

Новыхъ журналовъ не является, но за то въ новомъ видѣ является: *Литтературная Газета*, сі-девант «Литтературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», съ модными куклами, съ науками, критикою и проч. и проч.—*Русскій Инвалидъ* преобразуется въ политическую и литтературную газету огромнаго формата. Измѣненіе къ лучшему испытываетъ и *Художественная Газета*.—Если не журналомъ, то чѣмъ-то среднимъ между журналами и альманахами. ползая *Репертуаръ Русскаго Театра*, издав. И. П. Песоцкимъ, нельзя не обратить вниманія читателей на *улучшенія и прибавки*, какія предполагаетъ издатель «Репертуара».—На альманахи рѣшительный урожай. Кромѣ *Утренней Зари* и *Одесскаго Альманаха*, которые уже вышли въ нынѣшнемъ году, нѣтъ ничего альманачнаго!

На замѣтить ли еще, какъ новость по литтературной части, объявленіе Московскаго книгопродавца П. И. Гла-

зунова: онъ напечаталъ роспись разныхъ книгъ, до 900 названій, за которыя готовъ взять по 25 проц. за 100, такъ, что вмѣсто 7062 р. по каталожной и газетной цѣнѣ, теперь можете заплатить только 1765 руб. 50 коп., и надобно прибавить, что въ девяти-стахъ названій найдете *десятка два* книгъ весьма хорошихъ и полезныхъ. Разумвется, что остальные *восемь сотъ восемьдесятъ* названій съ лихою вознаграждать книгопродавца за уступку съ хорошаго. Да, впрочемъ, въ книжной нашей торговлѣ было до сихъ поръ нѣчто похожее на то, что называлось у насъ *лажемъ на ассигнаціи*. У насъ существовали двѣ цѣпы: одна *по каталогу*, другая *настоящая*, и всю тайну книжнаго лажа скоро пояснить намъ каталогъ книгъ, который печатается А. Ф. Смирдинымъ, и гдѣ будутъ всѣмъ Русскимъ книгамъ назначены *настоящія ихъ цѣны*. Онъ скоро долженъ выйти, и составитъ одну изъ заслугъ нашего почтеннаго Книгопродавца, который никогда не употреблялъ въ дѣлахъ своихъ средствъ побочныхъ, а дѣйствовалъ и дѣйствуетъ, какъ говорится по Русски—*на чистоту*.

Разныя извѣстія и смѣсь. Старикъ Мишо, известный литераторъ Французскій, недавно умершій, считался однимъ изъ знаменитыхъ *говорунковъ* (causeurs) Французскихъ, число которыхъ уменьшается безпрерывно во Франціи: *on ne cause plus dans les salons*; въ однихъ — *on discute*, въ другихъ—*on dispute*, et voilà la seule différence qui existe aujourd'hui entre la bonne et la mauvaise compagnie, et la conversation est perdue. Теперь въ журналахъ повторяютъ многія остроты Мишо. Когда, за подачу голоса противъ проекта министра Пейроне, у него отняли мѣсто Королевскаго чтеца, приносившее ему 3000 фр. жалованья, и когда потомъ опять потребовали его мнѣнія по какому-то дѣлу—«Извините, Мн. Гг.,» отвѣчалъ Мишо, «три слова уже стоили мнѣ три тысячи, а я не такой богачъ, чтобы говорить за такую дорогую цѣну!»—Какой-то пріятель говорилъ ему однажды: «Мишо! ты академикъ, почему мнѣ не быть Французскимъ академикомъ?»—«И очень!» отвѣчалъ Мишо. «Во-первыхъ, ты въ чинахъ, а

во-вторыхъ, ничего не дѣлаешь.» — Парсеваль-Гранмезонъ принесъ Мишо свою новую поэмъ. «Ну, милый, вотъ тебѣ моя поэма—22,000 стиховъ!»—«Ахъ, Боже мой! такъ вѣдъ надобно 11,000 читателей, чтобъ прочитать ее!» воскликнулъ Мишо.—«Быть большимъ—искусство,» говаривалъ онъ, «и я большой мастеръ въ этомъ искусствѣ: вотъ ужъ сорокъ лѣтъ я изучаю его.»

Жюль-Жаненъ весь прошедшій годъ былъ пресерданный; не за то ли, что всѣ смѣялись надъ его статьями о Тацитѣ, гдѣ вздумалъ онъ разсуждать о Философiи, Исторiи, и проч. Онъ жестоко сражался послѣ того съ Бальзакомъ, ожививъ его новый романъ; на смерть бился за художественную и промышленную Выставку въ Парижъ; раскритиковалъ новую комедию г-жи Дельфины Ге, и недавно еще написалъ статью о Сорбоннѣ и Французскомъ Коллегиумѣ—одну изъ самыхъ остроумныхъ статей, какія канули съ языка пера его. Тутъ досталось Кузеню, Гизо, Вилльмену, и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Что за непостижимое искусство—говорить вздоръ такъ умно, и заставлять смѣяться, когда читатель знаетъ и увѣренъ, что читаетъ вздоръ! «Думали,» говоритъ Жаненъ между прочимъ, «что наши три краснорѣчивые профессора будутъ великими ораторами и въ Палатѣ Депутатовъ—и вотъ посадили ихъ въ Палату, и они такъ заораторствовали, что поскорѣе произвели ихъ въ Перы и просили замолчать!»

Вотъ еще новость: почтенный литераторъ нашъ, известный своими прекрасными *сонетами*, г-нъ Бутырскій, хочетъ читать публичныя лекціи объ *искусствѣ критиковать*. Программа его превосходная. Почтенный г-нъ Бутырскій опредѣляетъ *ученую критику* разсмотрѣнiемъ въ каждой книгѣ трехъ пунктовъ: критика должна разсмотрѣть, что сдѣлалъ авторъ въ своей книгѣ? Если онъ не слѣдовалъ за успѣхами науки—*посредственный авторъ!* Если владѣетъ наукою въ томъ состоянiи, въ какомъ находится она въ ученomъ свѣтѣ—*очень хорошій авторъ!*

Если наполняетъ пустыя мѣста въ наукѣ, разрѣшаетъ неразрѣшимыя задачи, опереживаетъ свой вѣкъ—*геніальный авторъ!* Намъ кажется, что все это сказано и прекрасно и умно. Не менѣе удовлетворителенъ также въ программѣ раздѣлъ *прозы и поэзіи на одиннадцать родовъ*: прозы—на разговорную, письменную, описательную, историческую, поучительную и ораторскую; поэзіи—на лирическую, дидактическую, эпическую, драматическую и смѣшанную. Прочитавъ теорію, г-нъ Бутырскій приступитъ къ практикѣ — прочтаетъ *готовыя разборы* своего сочиненія, а потомъ сличитъ свою оцѣнку съ разборами другихъ критиковъ. «*Для сего призовутся на помощь,*» говорить г-нъ Бутырскій, «*даже періодическія изданія наши, старыя и новыя; послѣднія, конечно, большею частію, какъ примѣры ошибочной критики.*» — Признаемся, что уже и даже почтеннаго г-на Бутырскаго заставило насъ затрепетать, какъ трепетало море отъ Виргиліева: *vos ego.* Но послѣдняя фраза его программы показала намъ, чего должны мы ожидать отъ приговора нашего неумолимаго судьи! Его Цицероновское: *Quousque tandem...* приговоръ новѣйшей Русской критикѣ! И по дѣломъ ей. Не шали, умѣй *опереживать вѣкъ, наполнять пустыя мѣста въ наукѣ, разрѣшать неразрѣшимыя задачи*; знай, что есть проза *поучительная и письменная!* Одна отрада, что не всю сплошь, а *большею частію*, новѣйшую критику отнесетъ г-нъ Б. къ примѣрамъ ошибочной критики. Кто-то будетъ такой счастливецъ, что попадетъ въ *меньшую часть!*... Впрочемъ, если насъ запишутъ въ *большую часть*, мы утѣшимся, что нашего полку больше, а на людяхъ, по пословицѣ, и смерть красна.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВСЯЧИНА. Что новаго въ Петербургѣ? — Очень много: сильныя морозы и оттепели, новый годъ, маскарады и балы, радость однихъ, горе другихъ, новыя надежды, новые календари. Если вы уехали уже мѣсяца съ два изъ Петербурга, то вы не видали прекрасной, свѣтлой новости на улицахъ — *освященія газомъ*, которое и дешево и удивительно красиво. Потомъ новость у насъ была *микроскопъ*, который въ миллионъ разъ увеличивалъ

каплю воды, и показывалъ въ ней миллионы чудовищъ, которыхъ мы ежедневно глотаемъ, какъ устриць. Есть у насъ и *звѣринецъ*, съ своимъ Амбургеромъ. По крайней мѣрѣ, на афишкѣ напечатанъ человекъ, который ухватилъ за хвостъ гиенну, и тянетъ ее изъ всѣхъ силъ, на манеръ Амбургеровскій. — Вообще Петербургъ началъ зиму очень весело. На театральной сценѣ явилось много любопытнаго: *Тиль*, гдѣ Таліони блеснула ослѣпительнымъ свѣтломъ своего чуднаго дарованія. Потомъ видѣли мы *Велизарія*, гдѣ Каратыгинъ предсталъ побѣдителемъ въ своемъ родѣ, и былъ осыпанъ рукоплесканіями. Потомъ уморительный Моръ, въ свой бенефисъ, плясалъ намъ *Качучу*, и уморилъ со смѣху. Наконецъ, любопытныя явленія были: *Фаустъ* Гёте, и старый знакомый нашъ: *Водовозъ*, Херубини. — Благородное здѣшнее Собраніе открыло уже блестящія балы въ новомъ, великолѣпномъ домѣ своемъ. — Въ Павловскомъ Воксалѣ *размивается соловьемъ* и *говоритъ косточками* Илья съ своими Цыганами. — Но не думайте, чтобы Петербургъ только забавлялся: никогда не бывало у насъ столько публичныхъ ученыхъ лекцій: Математика, Химія, Грузинскій языкъ, Англійскій языкъ, Русскій языкъ, Географія, Политическая Экономія, не пугаютъ слушателей, и они сходятся сотнями слушать и учиться. — Къ святкамъ кондитерскія, лавки и магазины испестрились сюрпризами и этренами, гдѣ истощается все воображеніе человѣческое, и на которые нельзя не засмотрѣться, которыхъ нельзя не купить. Кондитерскія у насъ особенно цвѣтутъ и становятся годъ отъ году великолѣпнѣе: Вольфъ и Беранжеръ должны были уступить Доминику, а его побѣдилъ теперь преемникъ сладкаго Амбіеля. Замѣтно, что вкусъ къ живописнымъ вывѣскамъ распространяется въ Петербургъ, а это не доказываетъ ли увеличивающейся любви къ изящнымъ художествамъ? Сначала явилась живописная картина на какой-то кондитерской, гдѣ изображены были Султанъ, съ газетами и съ трубкою, и Султанша, съ чашкой кофе; потомъ надъ перчаточнымъ магазиномъ явились олень и премилая *мамзель*, которая присѣдаетъ и предлагаетъ вамъ перчатки. Наконецъ и шляпный магазинъ какой-то украсился живописною вывѣскою, гдѣ какой-то *мусье* показываетъ вамъ шляпы. Не

смотря на 25 градусовъ мороза, безъ шляпы, во фракъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, онъ неутомимо стоитъ у дверей, мерзнетъ, а все таки приглашаетъ покупать у него шляпы, самыя лучшія и самыя дешевыя. — Видите, что новости въ Петербургъ не переводятся, да и какъ прожить *полумиллиону* людей безъ чего нибудь новаго? По счисленію къ 1839 году, въ Петербургъ было до 470,000 человекъ жителей. Знаете ли, что изъ 53-хъ губерній и областей Русскихъ, только 25-ть превосходятъ Петербургъ числомъ народа, и въ иной обширной губерніи, каковы: Ярославская, Псковская, Новгородская, Могилевская, Калужская, жителей меньше, чѣмъ въ одномъ Петербургъ. Только Лондонъ, Парижъ, да Царьградъ, изъ всѣхъ столицъ Европейскихъ, превосходятъ его народонаселеніемъ. Впрочемъ, мы не знаемъ еще: кто считалъ жителей въ Царьградъ, и почему говорятъ, будто въ немъ 580,000 жителей? Да, за 90,000-ми намъ не долго ждать: Петербургъ растетъ громадно. Кто не былъ въ немъ десять лѣтъ, тотъ изумится, какъ онъ теперь раздвигается во всѣ стороны, и тянется вверхъ, потому, что безпрестанно надстраиваются этажи надъ домами, и гдѣ былъ домъ, тамъ является домище. Лѣтомъ по улицамъ прохода нѣтъ: вездѣ загородки, вездѣ строятъ. И не только на Морской, на Невскомъ Проспектѣ — даже въ отдаленныя линіи Васильевского острова, на Выборгскую сторону, подъ Невское — громады выдвигаются отсюда, и молодецъ Питеръ, по Русской поговоркѣ, *выростаетъ не по годамъ, а по часамъ*. пожелаемъ ему въ новый годъ *добраго здоровья, долгаго вѣку, счастья и талану*. Онъ стоитъ того, крестникъ Петра Великаго — и красивъ, и уменъ, и ловокъ, такъ что, говорятъ люди, которые бывали за моремъ, будто ему подобнаго они нигдѣ тамъ не встрѣтили.

I.

ОРАТОРСКОЕ КРАСНОРЪЧІЕ

и

НЫНѢШНІЕ ОРАТОРЫ ВО ФРАНЦІИ.

Въ Англійскомъ журналѣ: *The Quarterly Review* нашаи мы любопытный разборъ Французской книги: *Etudes sur les orateurs parlementaires, par Timon. Huitième édition. 2 tomes. Paris, 1839.* Книга содержитъ въ себѣ общія разсужденія объ ораторскомъ краснорѣчїи, приспособленныя къ потребностямъ и состоянію его во Франціи, и характеристику замѣчательнѣйшихъ Французскихъ ораторовъ послѣдняго времени. Любопытнѣе всего характеристика, которая знакомитъ читателей съ этими лицами, съ родомъ и направленіемъ ихъ таланта. Англійскій журналъ, разбирая книгу г-на Тимона, или г-на Корменена, и извлекая изъ нея важнѣйшія мѣста, воспоминаетъ объ Англійскихъ ораторахъ и приводитъ также ихъ характеристическія черты, отъ чего разборъ становится вдвое занимательнѣе. Вотъ онъ для читателей С. О., съ нѣкоторыми необходимыми перемѣнами и сокращеніями.

*

Тимонъ (Timon) — хорошо извѣстное прозвище или *nom de guerre* г-на виконта де Корменена (Cormenin), человека замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ. Мы

считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его жизни и характерѣ, чтобы читатели могли видѣть, сколько его сужденія о людяхъ зависятъ отъ личныхъ его предубѣжденій и обстоятельствъ.

Г-нъ де Кормененъ является дѣятелемъ въ трехъ замѣчательныхъ эпохахъ, измѣнявшихъ государственную систему Франціи: въ эпоху Имперіи, Возстановленія Бурбоновъ и Іюльской Революціи. Во время Имперіи онъ занималъ мѣсто аудитора въ государственномъ совѣтѣ, и былъ возведенъ въ баронское достоинство Наполеономъ, котораго победы онъ воспѣлъ въ нѣсколькихъ одахъ, еще въ ранней юности. Въ продолженіе *Ста Дней* онъ оставилъ Парижъ, для занятія мѣста въ гарнизонѣ одного пограничнаго города, находившагося прямо на томъ пути, по которому ожидали приближенія союзныхъ войскъ. Къ счастью, этотъ порывъ доблести не былъ ни кѣмъ замеченъ въ хаосѣ тогдашнихъ громадныхъ событій. Впрочемъ, видя, что храбрость тутъ ничему не поможетъ, онъ рѣшился совсѣмъ удалиться отъ политическихъ бурь, и снова принялся за изученіе административныхъ правъ, которыми онъ занимался прежде съ блестящимъ успѣхомъ. Кормененъ не поладилъ съ Правительствомъ; являясь въ Палатахъ какъ адвокатъ короны, онъ сильно ходатайствовалъ о пожертвованіи одного миллиарда ливровъ въ родѣ вознагражденія въ пользу эмигрантовъ, и зашелъ такъ далеко, что даже рѣшился назвать требуемую имъ сумму «un acte royaliste». Онъ не пренебрегалъ также милостями изъ легитимистскаго источника: ему очень хотѣлось, во время Виллелева министерства, выхлопотать себѣ титулъ виконта и маіората. Потому-то, въ утро Іюльской Революціи, когда онъ требовалъ конституціоннаго собранія и всеобщаго подаванія голосовъ, многіе явно называли его замаскированнымъ Карлистомъ. Вѣроятно, онъ былъ въ то время не въ наи-

лучшихъ ладахъ съ господствовавшею партіей, и послѣ хлопотъ о маіоратѣ, ему весьма естественно было желать продолженія порядка вещей, при которомъ онъ могъ бы съ наибольшою выгодною имъ пользоваться. Во всякомъ случаѣ, преданность его къ монархизму не мѣшаетъ ему напрягать всѣхъ силъ къ досажденію нынѣшнему правительству. Предполагавшееся учрежденіе особыхъ помѣстьевъ для наследника престола, занимало его наиболее; разсужденія о семъ были предметомъ споровъ, въ которыхъ болѣе всего отличался «Тимонъ». Письма его насчетъ «Liste civile» были смертельнымъ ударомъ для этого дѣла. Правда, что его доказательства и арифметическія фигуры встрѣтили сильный отпоръ въ памфлетѣ г-на Лингауэи (Linguaiy), известномъ подъ заглавіемъ «La Liste Civile Dévoilée,» котораго конія стоили по пяти су; но риторическія фигуры Тимона были лучше, и онъ рѣшительно выигралъ побѣду своимъ слогомъ.

Г-нъ де Кормененъ былъ много лѣтъ членомъ Палаты Депутатовъ; но онъ едва ли когда нибудь говорилъ въ ней, — обстоятельство, достойное замѣчанія, если мы рассмотримъ со вниманіемъ его очерки о современникахъ, болѣе смѣлыхъ. Однажды — впрочемъ, когда онъ былъ вызванъ г-номъ Монталиве отвѣчать на одинъ вопросъ, касавшійся «La Liste Civile», и когда друзья его почти насильно притащили его къ трибунѣ — онъ началъ говорить, и такъ хорошо прибиралъ свои риторическія фигуры, что, дѣйствительно, заставилъ молчать противниковъ. Онъ обыкновенно отвѣчаетъ печатно на всѣ нападки, дѣлаемые на него въ Палатѣ; его статей, разнаго достоинства, являлось, какъ говорятъ, безчисленное множество въ журналѣ «Le National», когда редакціею его завѣдывалъ Каррель. Можно сказать объ немъ то же, что Джонсонъ говорилъ о Батурствъ (Bathurst):

«что онъ често ненавидитъ»; но физиономисты рѣшительно лгутъ, если Тимонъ съ своимъ ливкимъ лбомъ и острымъ носомъ способенъ ненавидѣть всѣмъ кодушно. Однажды, Монталиве формально отрекся отъ титула «почтенный» *honorable*; даннаго ему Гну Корменену, какъ онъ говорилъ, по ошибкѣ, въ жару пренія. Подобный случай былъ въ Англии, въ Палатѣ Перовъ, когда лордъ Бруггамъ ясно обозначилъ различіе между *знаменитостію*, которая создается дѣлами, и *знаменитостію*, которая дается важливостію другихъ. Довольно о самомъ авторѣ: обратимся теперь къ его книгѣ.

Вотъ заглавіе перваго отдѣленія, или *études*: «О причинахъ, составляющихъ въ каждомъ народѣ особый родъ парламентскаго краснорѣчія». Нѣсколько отрывковъ покажутъ ясно, что Французъ могъ написать въ этомъ родѣ.

«Въ парламентскомъ краснорѣчій должно принимать въ расчетъ четыре обстоятельства: характеръ націи, геній языка, политическія и общественныя потребности эпохи, и характеръ слушателей.

«Если характеръ націи холоденъ и молчаливъ, какъ наиримѣрь у Англичанъ или у Американцевъ, то оратору трудно воспламенить своихъ слушателей. Чрезвычайно терпѣливые, они съ одинаковою неутомимостію могутъ слушать или говорить. Они слѣдуютъ за столъ, чтобъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ слушать какого нибудь оратора, точно такъ же, какъ бы они сѣдѣли для того, чтобъ курить или пить.

«Если же, напротивъ того, національный характеръ раздражителенъ и живъ (*mobile*), какъ у Французовъ, то стоитъ только какъ нибудь задѣвъ его, и они тотчасъ сочтутъ себя обиженными; схватятъ только дотронуться до ихъ плеча—и они обернутся къ вамъ. Длинныя рѣчи утомляютъ насъ; а когда Франт

цую усталъ, онъ уходитъ прочь. Если ему нельзя уйти, онъ остается и начинаетъ разговаривать; если же и этого нельзя, онъ начинаетъ звать и замываетъ» (Ч. 1, стр. 8.)

Г-ну Корнелену, очевидно, хотѣлось основать свои выводы и опредѣленія на сравненіи трехъ великихъ правительственныхъ собраній. Намъ кажется, однакожь, что, наблюдая пренія Англійскаго Парламента, онъ не могъ достаточно изучить этого предмета, по несвершенному знанію Англійскаго языка. Принужденный судить о ходѣ преній только по однимъ пантомимамъ ораторовъ, онъ долженъ бы былъ самъ усомниться въ справедливости своихъ замчаній. Какъ бы ни былъ Американскій Конгрессъ, Англійская Палата Депутатовъ есть, безъ сомнѣнія, одно изъ собраній самыхъ нетерпѣливыхъ и наиболее расположенныхъ къ критикѣ. Г-ну Тимону стоило обратить только небольшое вниманіе на новѣйшую исторію Англій, и онъ убѣдился бы, что эта увеличившаяся и увеличивающаяся терпѣливость Палаты нисколько не зависитъ отъ національнаго характера въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимаетъ его. Въ дни Питта, Фокса, Шеридана, Тьорна (Tierney), Грея, Плункетта (Plunkett), Каннингга, Коплея (Copley) и Брудггана, каждый, кто по своему характеру и положенію въ свѣтѣ имѣлъ право говорить въ Палатѣ, или хотѣлъ сообщить ей что нибудь важное и полезное, могъ быть увѣренъ, что его выслушаютъ со вниманіемъ; но комплааторы и прозаисты, какого бы они рода ни были, всегда оставались нетерпимыми. Причиною сего было то, что члены — не говоря уже, что они составляли законодательное собраніе болѣе просвѣщеннаго и возвышеннаго рода — не были, подобно другимъ, связаны какими либо опасеніями ответственности, и могли свободно слѣдить за существенными предметами пренія. Тогда считалось неосновательнымъ заботиться только о томъ, что объ васъ подумаютъ ваши слуша-

тели; мы очень хорошо помнимъ ироническія восклицанія и смѣхъ, возбужденные лордомъ Мельбурномъ (тогда г-номъ Лембомъ, Mr. Lamb) во время пренія о парламентской реформѣ 1826 года, когда, въ продолженіе исполненнаго горечи и личности отвѣта своего Сиръ Джону Гобгоузу, онъ ушрекнулъ высокочестнаго собрата тѣмъ, что онъ болѣе занимается мѣстомъ избранія, нежели самою Палатой. Пока нападки на терпѣніе Палаты не превышаютъ необходимо нужнаго, до тѣхъ поръ почти каждый членъ имѣетъ право требовать должнаго выслушанія, хотя мы едва ли поручимся, чтобъ слушатели сѣлись за столъ съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ будто они принимались «курить или пить». Этой сенаторской добродѣтели требуется только отъ представителей въ точномъ, буквальномъ смыслѣ слова, то есть, отъ депутатовъ, связанныхъ во рукавъ и по ногамъ обязательствами, или инструкціями, гдѣ предписывается, чтобъ они держались порядка какъ школьники, и были готовы отвѣчать за всякое слово, котораго бы они не должны были сказать, или за всякое умолченное слово, которое бы надлежало сказать. Посему, мы совершенно одобряемъ обычай Конгресса Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ (какъ говоритъ капитанъ Галль) каждый членъ имѣетъ передъ собою маленькій столикъ, на который онъ облокачивается, или на которомъ пишетъ свои письма; и гдѣ (какъ замѣчаетъ еще новѣйшій путешественникъ), половина рѣчи обращается къ избирателямъ, находящимся за тысячу миль, другая половина къ дамамъ, сидящимъ въ галлерей, а остатокъ — къ самому Конгрессу. Что касается до Французскихъ Палатъ, то мы охотно вѣримъ, что весьма трудно заставить ихъ слушать что нибудь, исключая того, что щекотитъ ихъ самолюбіе, или возбуждаетъ ихъ страсти. Впрочемъ, пока тамъ все еще будутъ читать съ трибуны заранѣе написанныя рѣчи, можно и не приписывать имъ

благороднаго качества: совершенной нетерпимости. Однимъ словомъ, замѣчанія г-на де Корменена неосновательны, и онъ весьма бы могъ избавить насъ отъ своей философіи: до тѣхъ поръ, пока она не будетъ основана на фактахъ. Приписывая терпиміе Англичанъ холодности ихъ національнаго характера, онъ впадаетъ въ такую же ошибку, какъ и тѣ, которые приписываютъ этой же причинѣ нашу шимую наклонность къ самоубійству. Статистическія свѣдѣнія показываютъ, что другіе народы Европы не уступаютъ намъ въ семъ отношеніи.

Слѣдующее правило Корменена болѣе основательно: «Во-вторыхъ,» говоритъ онъ, «мы должны обратитъ вниманіе на геній языка. Если языкъ шипящъ, твердъ и *un peu dédaigneux*, какъ Англійскій, очевидно, что болѣе вниманія будетъ обращено на самое дѣло, нежели на слогъ, которымъ оно будетъ изложено. Слушатели будутъ мало заботиться о фигурности и расположеніи словъ. Если свойства языка дозволяютъ прервать нѣсколько рѣчь, и помѣститъ главный глаголъ въ концѣ фразы, то будетъ еще легче поддержать вниманіе слушателей. Простые обороты, пословицы, одѣлавшіяся правилами, грубыя и простонародныя выраженія могутъ быть допущены, если они только сильны и выразительны. Пусть рѣчь потеряетъ со стороны щеголеватости и вкуса: она выиграетъ въ отношеніи къ истинѣ и убѣдительности. Если языкъ вышенъ и нѣженъ, какъ Испанскій или Итальянскій, ораторъ долженъ обращать вниманіе на звучность и гармонію періодовъ. Въ націи, отличающейся музыкальными способностями, должно льстить слуху и стараться чрезъ то угождать душѣ. Но если языкъ народа благороденъ, возвышенъ, обработанъ и исполненъ достоинствомъ философическихъ и риторическихъ, какъ Французскій, то необходимы тщательное приготовленіе и долговременный навыкъ, чтобъ хорошо говорить публично. Если рѣчь оратора будетъ растянута,

она покажется монотонною и вялою; если слишком сжата, она произведет недоумѣніе и темноту. Ораторъ долженъ избѣгать громозвучныхъ словъ и тяжелыхъ эпитетовъ, затрудняющихъ мысль и останавливающихъ ходъ рѣчи. Онъ долженъ помнить, что природное качество Французскаго политическаго собранія состоитъ въ томъ, чтобы схватывать смыслъ фразы, прежде нежели она окончена, и отгадывать намѣреніе оратора, прежде нежели онъ его вполне выразитъ. Вкусъ собранія такъ утонченъ, что оно не терпитъ повтореній, и такъ чисто, что его можетъ оскорбить самый легкій неологизмъ, исключая развѣ, если онъ блистателенъ, или отъ силы обстоятельствъ дѣлается неизбежнымъ.»

Когда кто-то началъ распространяться, въ присутствіи Каннинга, о достоинствахъ Французскаго языка, онъ воскликнулъ: — Помилуйте! да чего же можно ожидать отъ языка, который ставитъ на одну доску прелестную женщину и ногу баранины, *J'aime Julie — j'aime un gigot?* — Врядъ ли это замѣчаніе справедливо, ибо, нѣтъ языка, который бы лучше обозначалъ различныя отбѣнки общественныхъ отношеній, или былъ удобнѣе для разговора свѣтскихъ людей. Но изъ всѣхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, на которыхъ произведенія человѣческаго генія сохранились для потомства, Французскій, безъ сомнѣнія, наименѣе способенъ для высокой поэзіи или краснорѣчія. Мы не можемъ себя припомнить, въ нынѣшнее время, ни одного первокласснаго Французскаго поэта или оратора, который не олицетворялъ бы собою трудностей, происходящихъ отъ недостаточности языка.

Что касается до мысли, выраженной авторомъ въ предъидущемъ параграфѣ «если языкъ дозволяетъ представлять главный глаголъ наконецъ фразы», и проч., то Нѣмцы въ этомъ отношеніи опередили всѣ прочіе народы, и надобно имъ отдать справедливость, что они

вполнѣ пользуются преимуществами своего языка (какъ напримеръ въ Баденской Палатѣ Представителей). Впрочемъ, мы сомнѣваемся въ выгодахъ, какія приписываетъ авторъ сему риторическому обороту; тотъ, кому случалось разбирать устройство періодовъ лорда Бруггана, согласится съ нами, что и въ Англійскомъ языкѣ есть возможность прерывать теченіе мысли, чтобы отодвинуть управляющій глаголъ отъ обыкновеннаго его мѣста къ концу рѣчи. Можно привести здѣсь хорошо извѣстный случай, когда лордъ Бругганъ наговорилъ такъ много между именемъ существительнымъ и глаголомъ, что невозможно было отыскать между ними никакой видимой связи; и какъ, по несчастію, глаголъ былъ *idem sonans* съ другимъ словомъ, то настоящій смыслъ рѣчи, можетъ быть, и донинѣ остался неразрѣшенной загадкой.

Эпоха есть третій предметъ, заслуживающій вниманіе оратора. Г-нъ Тимонъ въ особенности советуетъ беречь порывы воображенія и смѣлыя восклицанія для случаевъ, которыя бы вполнѣ ихъ оправдывали, и для тѣхъ моментовъ, когда слушатели приготовлены къ ихъ принятію. Какъ ня ясно сіе правило, однакожь нинѣ часто пренебрегали даже первоклассные ораторы. Вспышка Граттана: «Духъ Свифта! духъ Молинё (Molyneux)! Вашъ геній побѣдилъ! Ирландія теперь уже нація!!» была на четвертомъ періодѣ рѣчи, и произнесена прежде, нежели члены успѣли хорошенько усѣсться на свои мѣста.

Четвертое правило: «необходимость принимать въ соображеніе качество слушателей,» даетъ г-ну Кормену случай сказать нелѣпость, что первостепенные ораторы были ораторами черни, и что г-нъ Даніиль О'Коннель между ними *facile princeps*.

Второй урокъ, названный «Сравненіе Ораторовъ и Писателей», мы откладываемъ до того времени, пока дойдетъ очередь до изображенія тѣхъ членовъ

Налать, въ лицѣ которыхъ сѣ два характера соединены.

Третій, «О различныхъ родахъ преній», изображаетъ три рода ораторовъ или, лучше сказать, людей, пламенно желающихъ считаться такими, именно: тѣхъ, которые импровизируютъ, тѣхъ, которые говорятъ выученное ими наизусть, и наконецъ тѣхъ, которые читаютъ то, что они написали.

Руссо предлагаетъ важное правило для сочиненія любовныхъ писемъ: «Начинайте», говоритъ онъ, «письмо, не зная, о чемъ вы будете говорить; и оканчивайте, не зная, что вы сказали.» По мнѣнію г-на де Корменена, импровизирующіе ораторы точь въ точь слѣдуютъ этому правилу въ произнесеніи своихъ рѣчей: «Они отдаютъ себя на произволъ теченія въ томъ морѣ, которое намѣреваются преплыть; посещаютъ на своемъ пути луга, лѣса, города и горы, но сами не знаютъ, гдѣ имъ бросить якорь, или куда пристать.»

« And-where the Subject-theme may gang

Let time and chance determine;

Perhaps it may turn out a sang,

Perhaps turn out a sermon. » *

Выучившій свою рѣчь, весьма часто говоритъ ее совершенно не кстатѣ, и прибѣгаетъ къ ухищреніямъ всякаго рода, чтобъ заставить васъ вѣрить, что онъ ее импровизируетъ. «Онъ никогда не сходится съ своими слушателями; онъ не чувствуетъ внутри себя бога Питониссы, который волнуешь души и преодолеваетъ ихъ; краснорѣчіе его припоминаятъ только, а не изобрѣтаютъ; онъ человекъ вчерашняго дня, тогда, какъ истинный ораторъ весь принадле-

* Пусть время и случай опредѣлятъ, куда должна направиться главная мысль; можетъ быть, что изъ нея выйдетъ пѣсня, а можетъ быть и диссертація.

жить настоящему моменту; его создало искусство, а не природа. Это родъ актёра, который не желаетъ казаться имъ, но въ сущности все таки актёръ.» (Стр. 28). Правило, слѣдующее изъ всего этого (хотя г-нъ Тимонъ его и не выводитъ), состоитъ въ томъ, что самое большое дѣйствіе будетъ имѣть на слушателей тотъ ораторъ, который, обдумавъ хорошенько предметъ и сообразивъ свои доводы, въ тонъ и языкъ своей рѣчи передаетъ впечатлѣніямъ настоящей минуты. Точныя выраженія *ipsissima verba*, счастливо придуманныя для какого нибудь рѣзкаго мѣста въ рѣчи, могутъ, дѣйствительно, съ пользою быть напередъ записаны и заучены. Лордъ Бруггамъ сознался, что важнѣйшія части его рѣчи насчетъ суда Королевы, были перечеркнуты и переделаны семь разъ, прежде чѣмъ онъ могъ удовлетворить самого себя. Никто также, слышавшій Каннингъовы рѣчи о Португальскихъ дѣлахъ въ 1826 году или его защиту торговой политики г-на Гускиссона (Huskisson), во время преній о торговлѣ шелкомъ, не сомнѣвается, чтобъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не былъ многимъ обязанъ своей памяти. Подобныя обстоятельства, однакожъ, нимало не помрачаютъ славы сихъ двухъ великихъ ораторовъ. Своевременное употребленіе заранее приготовленныхъ мыслей и оборотовъ принадлежитъ къ высочайшимъ торжествамъ искусства. По сей причинѣ, мы всегда сомнѣвались въ справедливости показанія Горация Вальполя насчетъ импровизаціи Гамильтоновой единственной рѣчи: «Молодой Гамильтонъ началъ въ первый разъ говорить о трактатахъ, и былъ блистательно хорошъ. Рѣчь его была исполнена противуположностей; но въ этихъ противуположностяхъ были доказательства. Онъ прорывался сквозь правильно сложенные части своего собственнаго сочиненія, отвѣчалъ на замѣчанія и недоумѣнія сочленовъ своихъ и снова попадалъ на свой первоначальный путь съ величайшею

легкостью.» Мы убеждены, что г-нъ Гемдальгенъ заранее предвидѣлъ главныя возраженія, и что отвѣты на нихъ были такъ же заучены, какъ и самая рѣчь. Намъ случилось слышать, что одинъ новѣйшій парламентскій импровизаторъ, выдвинувшійся изъ толпы во время преній о реформѣ, обмануль многихъ опытныхъ судей точно такимъ же образомъ и далъ докладчикамъ полную копию своей рѣчи. Фактъ, въ которомъ можно убедиться изъ единогласныхъ извѣстій, напечатанныхъ о ней въ главныхъ газетахъ.

О третьемъ классѣ ораторовъ *читающихъ* (*liseurs*), авторъ говоритъ, что «эти господа собираются, прокашливаются, высморкаются, чихнуть, положить очки свои на кафедру и спокойно протираютъ стекла ихъ угломъ носоваго платка. У нихъ также есть свои продѣлки. Они нарочно пишутъ какъ можно тѣмъ снѣе, чтобы, взглянувъ на бумагу, вы увѣрились, что рѣчь будетъ не долга. Обманщики! Слушатели скоро убѣдятся, что ораторъ перевернетъ листокъ не прежде, какъ истративъ и заставивъ другихъ истратить порядочный запасъ времени. Манускриптъ, который держитъ онъ въ рукахъ, неподвижемъ, какъ указатель солнечныхъ часовъ.» Главный недостатокъ премій, подобнаго рода хорошо выставленъ г-омъ Тимономъ. «Когда я вижу предводителей министерства и оппозиціи, подходящихъ къ ступенямъ трибуны съ правой или лѣвой стороны, съ томаи краснорѣчія въ рукахъ, то мнѣ всегда кажется, что передо мною двѣ арміи, которыя везутъ свою артиллерію въ параллельныхъ линіяхъ вдоль двухъ береговъ рѣки, и которыя никогда не въ состояніи будутъ добраться другъ до друга.»

Читать рѣчь противно постановленіямъ нашего Нижняго Парламента; но хотя этотъ обычай уменьшается во Французскихъ Палатахъ, онъ все таки еще существуетъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго собранія Генеральныхъ Штатовъ (эпоха, съ

торой начинается эра Французскаго народнаго краснорѣчія); едва ли употреблялся какойнибудь другой образъ преній. Даже самъ Мирабо былъ не очень силенъ, какъ состязатель, или спорщикъ (*debater*) — въ Англійскомъ смыслѣ сего слова. Почти все сильныя порывы его краснорѣчія, электризовавшаго собраніе, были заранее подготовлены; и когда ему приходилось выводить окончательный доводъ, онъ вращивалъ его, какъ и все его собранія. Г-нъ Дюмонъ (*Dumont*) рассказываетъ объ одномъ забавномъ замѣшательствѣ, Мирабо, въ которое онъ впрочемъ, насто: впадалъ отъ своей льви и излишней доверчивости къ своимъ *faiseurs*. Это случилось во время преній на счетъ *veto*:

— Въ тотъ день, говоритъ Дюмонъ, «было произнесено такое множество самыхъ несносныхъ рѣчей, что раздраженіе Мирабо на трибунѣ порадовало всѣхъ; и едва онъ успѣлъ начать, какъ я тотчасъ въ каждой фразѣ угля: ушеніе и словъ Казо (*Cazeaux*). Грубость, орадерогіи, страшнось выраженій, темныя и яблчивыя разсужденія, вскорѣ утомили слушателей. Наконецъ увидѣли, что онъ поддерживаетъ безпрекословно *veto*, и въ тѣлпв слушателей раздался ропотъ. Мирабо едва успѣлъ проблжать глазами, витаемый имъ вздоръ, и замѣтивъ свою ошибку, ударился въ отступленія, въ общія миста, и при помощи нѣсколькихъ блестящихъ выводовъ, возвратилъ себя, обычную даму рукоплесканій отъ галлерей; но какъ скоро онъ возвращался къ гибельной тетради, ропотъ возникалъ снова, и ему стоило величайшаго труда кончить свою рѣчь, не смотря на присутствіе дужа, не оставившее его ни въ какихъ критическихъ случаяхъ. Никогда не видалъ я его до такой степени разстроенымъ. Онъ признавался намъ, что, по мѣрѣ продолженія чтенія, до немъ выступалъ холодный потъ, и что онъ пропустилъ цѣлую половину рѣчи, не зная, чѣмъ ее замѣнить, потому,

что отъ излишней самоуверенности, онъ не подумалъ изучить предметъ, о которомъ собирался говорить.» (*Souvenirs, etc.* p. 106).

Вся рѣчь Шатобриана были читаны, а не говорены, что, какъ кажется, лишило его мѣста между портретами ораторовъ въ сочиненіи г-на Корменена.

Въ урокѣ «О разрядахъ людей, наиболѣе способныхъ къ парламентскому краснорѣчію», авторъ говоритъ много и занимательно о разнообразныхъ и противоположныхъ элементахъ, составляющихъ Французскія и Англійскія законодательныя собранія. Г-нъ Тимонъ говоритъ, что депутаты, которыхъ языкъ «звучать съ наибольшею благоустою и неутомимостью», бываютъ всегда или адвокаты, или профессеры, или военные. Къ адвокатамъ онъ совершенно безжалостенъ. Забывая Могена (*Mauguin*), Одилона Барро (*Odilon-Barrot*), Дювена (*Dupin*), Беррье (*Berrier*), и проч., онъ не признаетъ въ адвокатахъ никакого достоинства. «Богатые на словахъ и бѣдные доказательствами, они всегда готовы говорить за кого вамъ угодно, что вамъ угодно, и сколько вамъ угодно; говоря съ жаромъ, въ то время, когда ихъ сердце совершенно холодно, они будутъ, если вы хотите, нападать съ ожесточеніемъ на какого нибудь министра, и черезъ часъ (къ соблазну добрыхъ провинціаловъ, наводившихъ уши въ галлерею), вы увидите, какъ они дружески пожмутъ руку тому самому человеку, кого они за нѣсколько минутъ вразоглашали величайшимъ изъ неповищенныхъ неподдѣвъ земнаго шара.»

На профессоровъ онъ жалуется, что они управляютъ Палатою какъ классомъ. Они начинаютъ съ того, что кладутъ свою квадратную шапку на трибуну, и секретари замечали, какъ нѣкоторые изъ нихъ (въ числѣ прочихъ, *Fizeu*), *вытаскивали фарту* изъ подъ магистерской своей мантіи. «Они тщеславны, утѣшны, сухи, властолюбивы и догматички напро-

валуно. Они не стараются убедить васъ, но поко-
рять. Она круты въ своихъ методахъ, и деспоты въ
своихъ аксіомахъ.» (Стр. 33).

«Восемь», продолжаетъ г-нъ Тимонъ, «приближа-
ются къ трибунѣ съ свѣтлостью, нетерпѣливостію и
огнемъ, какъ на приступъ баттарей; они высоко
поднимаютъ голову, и съ повелительными жестами
прямо смотрятъ людямъ въ глаза; они одинаково не-
укротимы въ тѣлодвиженіяхъ, какъ и въ рѣчахъ.
Такъ, генераль Фуа (Fou) не жалѣлъ кулаковъ и
ногъ, стучалъ изо всей силы по трибунѣ, и казался
одержимымъ злымъ духомъ. Онъ весь кипѣлъ и въ-
сѣ выступала: у него на губахъ. Дайте ему толь-
ко просторъ, и онъ много уничтожитъ облада-
телей квадратныхъ шаговъ. Что касается до
меня,» прибавляетъ г-нъ Тимонъ, «пусть шорица-
ютъ мой акусъ, но я предпочитаю этихъ суровыхъ
воиновъ, обнажающихъ мечъ и идущихъ на васъ
прямо, сладкимъ риторамъ, убивающимъ васъ булав-
ками.» (Стр. 35.)

Мы готовы одобрить вкусъ г-на Тимона, хотя и не
можемъ согласиться съ нимъ безусловно; наши боев-
ные оставятъ свои мечи дома и режутъ, — когда
имъ случается резать, такъ внятно, какъ не вор-
куютъ голубицы. Профессоровъ (если мы не при-
чтемъ къ числу профессоровъ людей въ родѣ Прайна,
Ваклея и т. п.) у насъ въ Парламентѣ нѣтъ; что же
касается до заседающихъ у насъ законниковъ, то,
за исключеніемъ одного лорда Бруггана (который
уже самъ по себѣ составилъ исключеніе изъ чего
бы то ни было), право, ихъ нельзя винить за то,
что они берутъ себѣ львиную долю въ нашихъ пре-
вѣяхъ.

Перейдемъ къ «Классификаціи ораторовъ, по ихъ
Расположенію и Особенностямъ». Г. Тимонъ сначала
исчисляетъ ораторовъ логическихъ, патетическихъ
и волихъ, что, какъ кажется, разуметь онъ подъ

«Классификаціей по Расположенію;» а потомъ экономистовъ, юристовъ, спеціалистовъ (или людей практическихъ), теористовъ, формалистовъ, генералистовъ, фразеологистовъ и *прерывателей*, что должно составлять «Классификацію по Особенностямъ.» Соответствующіе симиъ разрядамъ, или близкіе къ нимъ люди, могутъ встрѣчаться во всѣхъ многочисленныхъ политическнхъ собраніяхъ; но, не имѣя здѣсь мѣста для подробныхъ разсужденій, мы пока ограничимся описаніемъ прерывателей:

«Прерыватели бываютъ двухъ родовъ: есть прерыватели говорящіе, и прерыватели неговорящіе. Прерыватели неговорящіе шумятъ въ Палатахъ гораздо болѣе говорящихъ, ибо они съ удивительнымъ совершенствомъ и вѣрностью подражаютъ крикамъ всѣхъ дворовыхъ и дикихъ животныхъ, разсѣянныхъ Творцемъ по Земному Шару. Эти господа ревуть, лаютъ, мяукаютъ, каркаютъ, блеютъ, хрюкаютъ и шобечутъ точь въ точь какъ они. Прерыватели говорящіе съ большою пользою употребляютъ междометія и восклицанія: ге! о! ги! уфъ! а! что? какъ? небо! гмъ! и пр. Это значитъ: — быть не въ состояніи удержать порывовъ своихъ ощущеній. Они полагаютъ, что истинное краснорѣчіе не нуждается въ длинныхъ рѣчахъ, и что достаточно одного слова, одного звука, чтобъ убедить и тронуть. Они требуютъ чтобы газетчики приносили имъ на корректуру описанія засѣданій, и лишь только отпечатается въ столбцахъ оффиціального журнала исчисленіе ихъ: о! и а! и т. п., они пишутъ къ своимъ избирателямъ: «Вы увидите въ сегодняшнемъ Монитерѣ, что я достойно выполнилъ свою законодательную обязанность, и что не пропустилъ послѣдняго премія божьяго того, чтобы чего нибудь не сказать.» (Ч. I. стр. 48).

Даже наша Англійская преобразованная Палата Депутатовъ, — мы смѣло это утверждаемъ — имѣетъ

множество отличныхъ ораторовъ этого рода. Наши *каркальцики* и *мяукальцики* могутъ гордиться, что ничѣмъ не уступаютъ, не только Французскимъ, но и какимъ угодно соперникамъ.

Поговоримъ о лучшихъ временахъ. Питтъ привелъ въ смущеніе Эрскина (Erskine), однимъ изъ тѣхъ способовъ, которые можно назвать пантомимною пренія. Извѣстно, что тщеславіе или чувствительность Эрскина были до такой степени раздражительны, что малѣйшій признакъ равнодушія могъ заставить его потеряться. Въ Вестминстеръ-Галлѣ и теперь извѣстенъ по преданію анекдотъ, что одинъ изъ его противниковъ пріобрѣлъ надъ нимъ рѣшительный успѣхъ, посадивъ прямо передъ нимъ какого-то адвоката, знаменитаго своимъ званьемъ. Однажды, когда онъ всталъ, чтобы говорить въ Палатѣ, Питтъ усѣлся противъ него, въ позиціи внимательнаго слушателя, и взялъ перо, какъ будто для того, чтобы записывать замѣчательнѣйшія мѣста рѣчи; но, по мѣрѣ ея продолженія, онъ постепенно принималъ на себя видъ совершеннаго равнодушія, и наконецъ, въ ту самую минуту, когда Эрскинъ обратился лично къ нему, и взоры ихъ встрѣтились, Питтъ наклонился впередъ съ выразительнымъ жестомъ нетерпѣнія и презрительно отбросилъ въ сторону перо. Эрскинъ зашатался и, заикаясь, кончилъ свою рѣчь. Питтъ сталъ продолжать и довершилъ его пораженіе мимоходнымъ замѣчаніемъ: «Я встаю, чтобъ отвѣчать высокопочтенному (Right Honourable) члену, открывшему сегодняшнее засѣданіе (Фоксу). Что же касается до говорившаго сейчасъ господина, онъ сдѣлалъ не болѣе, какъ только повторилъ съ большимъ успѣхомъ все сказанное передъ нимъ, и еще успѣшнѣе ослаблялъ то, что онъ повторялъ.» Съ того времени Эрскинъ считался погибшимъ, хотя мы и совершенно согласны съ превосходнымъ судьей сего дѣла, лордомъ Бруггамомъ, что причиною сего не былъ недостатокъ въ

потребныхъ для того талантахъ. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служить знаменитая его рѣчь на счетъ Билля о Іезуитахъ (the Jesuits Bark Bill).

Замѣтимъ, однакожь, что прерываніе есть продѣлка не всегда успѣшная, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ служить въ пользу противника. Мы приведемъ примѣръ, случившійся съ г-номъ Гротомъ (Mr. Grote), который, по словамъ друга своего, г-на Сидней Смита, былъ бы великимъ политикомъ, если бы нашъ міръ былъ шашешницей. Онъ говорилъ цѣлую проповѣдь противъ какихъ-то неизвѣстныхъ, обвиняемыхъ въ продажности, какъ вдругъ раздался крикъ: «Имя ихъ!» — «Имя?» былъ отвѣтъ; «имя ихъ *legions*.» Съ тѣхъ поръ начали считать г-на Грота чудомъ находчивости и остроумія, хотя намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что ему обыкновенно надобенъ цѣлый часъ времени для разгаданія какой нибудь шутки своего пріятели, и цѣлый мѣсяць, для составленія своей рѣчи. Лорду Норту (North) опять не съ чѣмъ было поздравить себя, когда онъ отважился прервать Борка (Burke). Во время пренія о какомъ-то экономическомъ вопросѣ, Боркъ сдѣлалъ фальшивое удареніе «*Magnum vectigal est parsimonia*.» — «*Vectigal*,» сказалъ министръ довольно внятно въ полголоса. «Я весьма благодаренъ благородному лорду за его поправку,» возразилъ ораторъ, «ибо она даетъ мнѣ случай повторить неопыненное правило — *Magnum vectigal est parsimonia*.»

Многія изъ самыхъ характеристическихъ выходокъ лорда Чатама имѣли тотъ же источникъ. «Однажды (это говоритъ Граттанъ) онъ сказалъ: «Я предвижу, что какое нибудь ужасное бѣдствіе постигнетъ мое отечество и откроетъ глаза королю;» и потомъ онъ сдѣлалъ примѣненіе къ фигурѣ, задерживающей занавѣсъ Пріама, и привелъ выраженіе древняго писателя. Въ Палатѣ раздался крикъ: «*Въ порядокъ!*» Онъ приостановился и сказалъ: «То, что вы слы-

шали теперь, было сказано мною относительно; но теперь я откидываю всякую относительность въ сторону. Я говорю прямо и увѣренъ, что какое нибудь большое несчастье постигнетъ мое отечество,» и онъ снова повторилъ приведенное имъ выраженіе. Потомъ онъ воспламенился и говорилъ чрезвычайно краснорѣчиво и увлекательно. Министры, видя, что имъ трудно съ нимъ справиться, разочли, что лучше всего оставить его продолжать на свободѣ.» Всякій хорошо помнитъ удачное употребленіе лордомъ Бруггамомъ одного мѣста изъ Мильтона (приведеннаго не менѣе удачно Бурке):

«What seemed its head,
The likeness of a kingly crown had on» *.

лордъ Бруггамъ подхватилъ это мѣсто отъ одного изъ находившихся подлѣ него слушателей, передававшего его шопотомъ своему пріятелю.

Потомъ г-нъ Тимонъ разбираетъ общую тактику министерствъ и оппозицій, и подробно распространяется о времени и способѣ употребленія различнаго рода оружія, начиная съ тяжелой артиллеріи двлателей рѣчей, до быстраго и неправильнаго ружейнаго огня вопрошателей. Но какъ онъ не предписываетъ рецепта для превращенія большинства двухъ голосовъ въ двадцать, или для вдохновенія въ Герцога Веллингтона и Сирь Роберта Пила отвлеченнаго желанія мѣста, то мы боимся, что ни Виги-Радикалы, ни консервативная партія, не пріобрѣтутъ многого отъ благоразумныхъ поученій г-на Тимона, исключая развѣ слѣдующаго:

«Краснорѣчіе нашихъ министровъ есть почти всегда краснорѣчіе ложное—общія мѣста насчетъ нравственности и общественнаго порядка, фразеологія,

* «То, что казалось его головою, имѣло на себѣ подобіе царской короны.»

декламация и изношенные правила, одѣваемые въ разнохарактерныя оболочки.

«Могущество страсти, вдохновеніе, бурные порывы души и сила обстоятельствъ, поражаютъ истинное краснорѣчіе. Но что же для государственнаго чловѣка можетъ быть опаснѣе сихъ порывовъ? Онъ долженъ предвидѣть и предугадывать все; онъ болѣе долженъ заботиться о томъ, что у него останется въ запасъ, нежели о томъ, что онъ намѣренъ расходовать; совершенно владѣть страстями слушателей и своими собственными, остерегаться энтузіазма; если понадобится, умѣть остановиться на шагъ отъ побѣды, дабы сдѣлать ее вѣрнѣе, и никогда не щеголять прославленными выраженіями, которыя съ такою жадностію подхватываются и передаются журналами.» (Стр. 58).

Полную власть надъ своимъ темпераментомъ г-нъ Тимонъ предписываетъ министрамъ еще и по другимъ причинамъ:

«Сердитые министры возбуждаютъ страсти оппозиціи, подобно тому, какъ порывистые вѣтры разводятъ сильное волненіе. Добродушные же укрощаютъ страсти, такъ, какъ легкіе вѣтерки укрощаютъ бѣшенство морскихъ валовъ.» (Стр. 57).

Лордъ Нортъ дѣйствовалъ по симъ правиламъ, и, можетъ быть, весь секретъ составленія его знаменитой коалиціи состоитъ въ томъ, что онъ постоянно противопоставлялъ дерзости Фокса кротость. Такимъ образомъ, когда Фоксъ намекнулъ на него, говоря: «Вещь, которую называютъ министромъ»—онъ отвѣчалъ: «Почтенный джентльменъ назвалъ меня *вещью*, и (поглаживая свое огромное брюхо) я, дѣйствительно, довольно некрасивая вещь; но когда онъ прибавилъ—*вещь, которую называютъ министромъ*, то назвалъ меня тѣмъ, чего онъ самъ сильно добивается, и потому я принимаю это за комплиментъ.»

Самая рѣзкая изъ всѣхъ истинъ, сказанныхъ Тимономъ министрамъ отдѣльныхъ департаментовъ, есть: «*Le Ministre de l'Instruction Publique doit savoir parler Français.*» (Стр. 63).

Въ главѣ о «Декламаци и Наружности Оратора», Тимонъ распространяется о желтыхъ перчаткахъ генерала Себастьяни, которыя, какъ говорятъ, надѣлали шуму въ Палатѣ болѣе, нежели его диссертаци. Впрочемъ, достойно замѣчанія, что Граттанъ, въ свой первый дебютъ въ Британскомъ Парламентѣ, впалъ въ тотъ же солецизмъ; его рѣзкое произношеніе, странные жесты и желтыя перчатки удивляли и забавляли Палату въ продолженіе первыхъ десяти минутъ; послѣ чего Питтъ, слушавшій его съ глубокимъ вниманіемъ, сильно ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: «Это будетъ ладно!» Но если перчатки едва не помрачили славы нѣкоторыхъ ораторовъ, то другимъ приходилось страдать отъ неизмѣнія ихъ. Лордъ Бруггамъ, въ продолженіе неутомимаго набиранія голосовъ въ Йоркширѣ, долженъ былъ обращаться въ теченіе дня къ десяти или двѣнадцати различнаго рода сборищамъ; между прочимъ ему понадобилось говорить избирателямъ Лидса (Leds) тотчасъ послѣ своего пріѣзда; пропутешествовавъ цѣлую ночь и не имѣвъ даже времени умыться, «Руки эти чисты!» воскликнулъ онъ, при окончаніи разглагольствованія противъ продажности. Къ несчастью его, они на тотъ разъ были какъ нарочно очень грязны, и это очевидное противурѣчіе возбудило общій смѣхъ.

Г-нъ Корменень не допускаетъ кокетства въ одеждѣ, хотя никакая *petite maitresse*, приготовляясь къ балу, не была въ этомъ отношеніи прихотливѣе лорда Чатама, собиравшагося ѣхать на парламентское преніе. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ, и страдая притомъ подагрой, онъ любилъ, чтобъ даже складки его фланели были расположены наподобіе

Римской тоги. Мирабо также посвящалъ своему любимому слугѣ Тейчу бѣольшую часть каждаго утра. Туалетъ его, по словамъ Дюмона (Dumont), былъ чрезвычайно изысканъ: онъ посылъ огромные волосы, причесанные съ большимъ искусствомъ, что увеличивало объемъ его головы. «Когда я потрясаю своими ужасными кудрями,» говаривалъ онъ: «никто не осмѣливается меня прерывать.» Однажды, когда Тейчъ по неосторожности укоротилъ ихъ слишкомъ много, Мирабо вскочилъ и воскликнулъ: «*Au diable, coquin, vous m'avez gaté pour une quinzaine.*»

Глава, заключающая въ себѣ: «Правила Парламента Краснорѣчія», не содержитъ ничего особенно новаго и замѣчательнаго; мѣсто не позволяетъ намъ сравнить ее съ «Парламентскою Логикой» г-на Гамильтона. Посему мы прямо переходимъ къ «Портретамъ Ораторовъ» — предмету, въ отношеніи котораго весь остатокъ книги можно считать только предисловіемъ. Здѣсь первыми являются на сцену ораторы эпохи Возстановленія. По нашему мнѣнію, портретамъ ихъ принадлежитъ также первенство и въ отношеніи къ ихъ отдѣлкѣ, ибо когда г-нъ Тимонъ приближается ко времени, болѣе близкому къ намъ, и начинаетъ говорить о своихъ собственныхъ соперникахъ или друзьяхъ, то чувства его нерѣдко берутъ верхъ надъ наблюдательностью, рука его уже не такъ тверда, взглядъ дѣлается менѣе вѣрнымъ, и передаваемая полотну черты ясно свидѣтельствуютъ, что художникъ смотритъ на изображаемыя имъ лица уже не столь безпристрастными глазами. Словомъ, онъ льститъ лицамъ своей партіи и выставляетъ въ каррикатуру своихъ противниковъ. Однако же, не смотря на все сіе, портреты его не теряютъ сходства, что для насъ весьма важно. Посему, рассматривая остатокъ его книги, мы скорѣе готовы сокращать, чѣмъ выписывать изъ нея; мы ограничимся почти исключительно тѣми частями, которыя

мы имѣли случай повѣрить и постараемся оживить нѣсколько наше извлеченіе анекдотами и характеристическими чертами, выбранными изъ другихъ источниковъ.

Главными ораторами Возстановленія были гг. Манюэль (Manuel), де Серръ (de Serre), де Виллель, (Villele), Мартиньякъ, Ройе-Колмаръ, Бенжамень Констанъ и Генераль Фуа (Fou).

Манюэль былъ человѣкъ нѣсколько выше средняго роста, съ блѣднымъ, меланхолическимъ лицомъ, провинціальнымъ выговоромъ и большою простотою въ приемахъ. Подобно Эрскину, онъ сначала служилъ въ арміи и потомъ былъ адвокатомъ. Онъ родился въ 1775 году, и вступилъ волонтеромъ въ армію въ 1793 году. Храбростію и хорошимъ поведеніемъ онъ скоро дослужился до капитана, но здоровье его столь сильно пострадало отъ полученныхъ имъ жестокихъ ранъ, что онъ послѣ Кампо - Формійскаго трактата принужденъ былъ оставить военную службу и преданъ законовѣднію, которымъ занимался съ большимъ успѣхомъ въ Провансѣ. Репутація его была такъ блистательна, что когда во время Ста Дней созвали Представительную Палату, то отъ его собственнаго выбора зависѣло быть депутатомъ Э (Aix) или Барселонетты. Манюэль оставался спокойнымъ наблюдателемъ дѣлъ до окончанія Ватерлооскаго сраженія. Но когда, послѣ этого, раздоры Собранія готовы были предать Францію на произволъ союзниковъ, онъ выступилъ впередъ и произнесъ рѣчь необычайно сильную, требуя признанія Наполеона Втораго, и убѣждая противныя партіи соединиться на освобожденіе отечества. Рѣчь его была приветствована громкими восклицаніями и рукоплѣсканіемъ. Камбонъ (Cambon) подбѣжалъ къ нему и вскричалъ въ восторгъ: «Этотъ молодой человѣкъ начинаетъ такъ, какъ Барнавъ кончилъ!» Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предводителемъ Собранія, и подъ его ру-

ководствомъ оно начертало проектъ Конституціи. Онъ былъ докладчикомъ комиссіи и неустрашимо продолжалъ исполнять свою обязанность до самаго вступленія Пруссаконъ въ Парижъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ онъ началъ удаляться отъ политики, и хотѣлъ приняться за прежнее ремесло законовѣдца; но Совѣтъ Дисциплины отказалъ ему въ мѣстѣ адвоката столицы, почему онъ и не могъ уже быть дѣйствующимъ лицомъ въ судахъ, хотя мнѣнія его цѣнились весьма высоко и считались авторитетами. Его личныя достоинства были столь уважаемы—если только можно вѣрить біографіямъ — что когда уполномоченные собирались для общаго учрежденія дѣлъ, одна изъ тварей Фуше была введена туда подъ именемъ Манюэля, и продѣлка эта обнаружилась уже долгое время спустя послѣ того, какъ она была удачно выполнена.

Въ 1818 году онъ былъ избранъ въ представители въ одно время Вандею и Ле Финистерромъ (Le Finistère). Онъ отдалъ предпочтеніе Вандею, и такимъ образомъ провинція, наиболее привязанная къ старому правленію или *ancien régime*, по странному случаю, имѣла своимъ представителемъ самаго пламеннаго защитника новаго. Съ сего періода дѣятельность Манюэля не ослабѣвала ни на одну минуту.

Друзья господствовавшаго порядка находили въ немъ непримиримаго и страшнаго врага; и какъ говорятъ, они часто употребляли для его низложенія средства, которыя бы не легко было оправдать. Въ особенности онъ отличался искусствомъ сдѣлать кста-ти ловкій вопросъ или поразить доказательствомъ. Онъ былъ одаренъ огромною памятью, что давало ему средства перебирать по произволу все сказанное передъ нимъ его друзьями или противниками для подкрѣпленія однихъ и опроверженія другихъ. Чувствуя свои преимущества, онъ всегда выжидалъ заключенія преній, или рѣчи предводителя министер-

ской партіи — въ родѣ того, какъ лордъ Бруггамъ выжидалъ Каннинга или Шериданъ Питта. Приведенные въ отчаяніе тактикою Манюэля, противники его часто пытались принудить его къ молчанію ропотомъ, и не могли успѣть въ этомъ. Чтобъ составить себѣ полное понятіе о его находчивости и блестящей смѣлости, должно помнить, что онъ постоянно страдалъ мучительною болѣзнію, и что Англійское законодательное собраніе, въ самомъ сильномъ своемъ волненіи, даетъ только слабое понятіе о пыломъ и яромъ бѣшенствѣ, которымъ кипитъ иногда Французское. Въ одной своей рѣчи, Мирабо былъ прерываемъ на всякомъ словѣ обидными восклицаніями; на него со всѣхъ сторонъ сыпались эпитеты: «лжець», «убійца», «негодяй», «измѣнникъ», и тому подобное; онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ и вѣжливостію обратился къ самымъ бѣшенымъ изъ своихъ противниковъ и сказалъ имъ: — *«J'attends, messieurs, que ces aménités soient épuisées.»* Преслѣдуемый такимъ же образомъ и подобными эпитетами, Манюэль обыкновенно складывалъ руки на груди и выжидалъ спокойно водворенія порядка; по однажды, когда достигъ его слуха какой-то необыкновенно грубый упрекъ, онъ хладнокровно навелъ лорнетъ на скамьи, занимаемыя противною партіею, и сказалъ: «Я приглашаю члена, только что сдѣлавшаго это неблагопристойное восклицаніе, сказать свое имя; но у него не достанетъ на это духу.» Послѣдовавшая засимъ глубокая тишина, не прерывалась уже до окончанія рѣчи. Въ другомъ подобномъ же случаѣ онъ пріостановился и сказалъ:

«Прежде нежели я буду продолжать, я считаю обязанностью повторить то, что я уже однажды объявилъ съ этой трибуны: «что никакая человѣческая сила не удержитъ меня сказать Палатѣ Франціи тѣхъ истинъ, которыя я считаю полезными для блага моего отечества, безопасности трона, и для ва-

шего собственного достоинства. Я исполню этот священный долгъ, не смотря ни на какой ропотъ, такъ же твердо, какъ среди глубокаго молчанія слушателей. Опытъ долженъ былъ научить нашихъ противниковъ, что не легко заставить меня сдѣлать пожертвованія подобнаго рода.»

Наконецъ представился случай избавиться отъ него или, лучше сказать, противники его изыскали къ тому случай. Онъ отвѣчалъ на знаменитую рѣчь Шатобриана, въ которой тотъ оправдывалъ вторженіе Французовъ въ Испанію; когда Манюэль началъ порицать правленіе Фердинанда VII, раздались вокругъ него восклицанія: «à l'ordre!» онъ возразилъ:

«Я имѣлъ причины нападать на правленіе Фердинанда VII отъ 1815 до 1819 года; каково же оно должно быть, когда имѣетъ причины преслѣдовать за оскорбленія? Въ силахъ ли оно оградиться отъ своихъ собственныхъ страстей, когда дѣла ввѣрены людямъ, которые еще не отомстили за свое изгнаніе и униженное честолюбіе?»

Намекъ на эмигрантовъ былъ съ величайшимъ трудомъ перенесенъ тѣми, когд онъ задѣвалъ за живое; но когда онъ сдѣлалъ вопросъ:

«Могли ль вы забыть, что съ того самаго времени, когда иностранныя державы вторгнулись въ предѣлы Франціи, она, чувствуя необходимость защищаться новыми формами и новыми усиліями»....

Рѣчь его была прервана какъ будто внезапнымъ взрывомъ, и только можно было разслушать: «Долой, долой!» — «Вонъ его!» Тщетно Манюэль убѣждалъ, чтобъ ему дозволили кончить, сто голосовъ ревѣли — «нѣтъ, нѣтъ! мы не слушаемъ ничего больше!» И тотчасъ приступлено было къ его удаленію. Въ послѣдующихъ затѣмъ преніяхъ онъ снова выказалъ отличавшую его твердость.

«Призванный на трибуну защищать выгоды моего отечества, я исполнилъ этотъ священный долгъ, и

говорю вамъ прямо, что еслибъ я и на будущее время должешъ былъ на ней явиться, то показалъ бы ту же откровенность и преданность; но вы хотите изгнать меня отсюда; вотъ вся ваша цѣль. Хорошо же, произносите вашъ приговоръ; я не сдѣлаю ни малѣйшаго усилія избѣгнуть его. Я знаю, что страсти должны взять свое; вы подражаете только вашими предшественникамъ и образцамъ * Все, что они дѣлали, будете дѣлать и вы; тѣ же причины производятъ тѣ же послѣдствія. Я буду вашею первою жертвою; дай Богъ, чтобъ и послѣднею! Я не уношу съ собою вражды противъ васъ; но еслибъ я могъ предаться жаждѣ мщенія, то я бы совершенно предоставилъ вашему собственному сумазбродству заботу отмстить за меня»....

Онъ не хотѣлъ выдти изъ Палаты до тѣхъ поръ, пока не приблизился къ нему жандармъ, которому вѣрно было схватить его. Тогда, чувствуя, что онъ уже достаточно показалъ, что покоряется одному только насилію, онъ всталъ и вышелъ. За нимъ послѣдовали всѣ депутаты его партіи, восклицая— «Выведите и насъ вмѣстѣ съ нимъ, мы всѣ Манюэли!»— Народъ встрѣтилъ его съ восклицаніями, и поздравленія сыпались со всѣхъ сторонъ; но энтузіасмъ народа не раздѣлили избирательныя коллегія, и изгнаніе его сдѣлалось постояннымъ. Онъ страдалъ съ достоинствомъ, но страдалъ сильно. «Вы писатель,» говорилъ онъ Бенжаменъ Констану: «у васъ есть перо; но что остается мнѣ?» Ему оставалась, говорить г-нъ Тимонъ, погребальная процессія и мѣсто въ Пантеонѣ! Послѣднія слова его были обращены къ поэту Беранжѣ, не оставлявшему его предсмертнаго одра въ продолженіе нѣсколькихъ дней: «Беранжѣ, подумай о своемъ здоровьѣ; я требую, чтобъ ты легъ спать; не откажи мнѣ въ этомъ послѣднемъ

* Напоминаніе о *Grégoire*, изгнанномъ изъ Палаты въ 1820 году.

знакъ дружбы; отказъ твой огорчилъ бы меня слишкомъ жестоко.» Нѣсколько минутъ спустя, онъ скончался 20-го Августа 1827 года.

Г-нъ де Серръ (de Serre) (второй въ нашемъ спискѣ), родился въ 1777 году, рано покинулъ свое отечество вмѣстѣ съ эмигрантами, и служилъ простымъ солдатомъ въ арміи Конде. Возвратясь во Францію въ 1802 году, онъ изучалъ законовѣдѣніе и пріобрѣлъ себѣ по сей части значительную репутацію, занимая въ царствованіе Наполеона нѣкоторыя важныя судебныя мѣста. Онъ былъ избранъ въ депутаты Верхне-Рейнскаго департамента въ 1815 году, и присоединился къ конституціонной или умеренной партіи, что доставляло ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ покровительство министровъ.

Въ засѣданіяхъ 1816 и 1817 годахъ онъ былъ избранъ въ Президенты Палаты, и въ 1818 году, его сдѣлали Хранителемъ печати во время министерства г-на Деказа (Decazes), котораго онъ отказался покинуть въ періодъ (въ Ноябрь 1819 году), когда три его товарища отказались отъ него на томъ основаніи, что предложенный имъ законъ объ избраніяхъ казался имъ вреднымъ благу Франціи. Поведеніе де Серра въ семь кризисъ и въ трехъ послѣдующихъ годахъ навлекло ему со стороны либеральной партіи титулъ ренегата.

Г-нъ де Серръ, очевидно, въ большой милости у г-на Тимона, хотя мы и весьма далеки отъ того, чтобъ считать преувеличенными похвалы, которыми онъ осыпаетъ его.

Г-нъ де Серръ былъ большаго роста и сухощавъ, съ возвышеннымъ челою, торчащими волосами, быстрыми глазами, и вообще съ безпокойною фізіономіею чловѣка, волнуемаго сильными страстями. «Подобно большей части пылкихъ ораторовъ,» говоритъ г-нъ Тимонъ, «онъ задумывался, когда начиналъ говорить, и по движенію его бровей можно было ви-

дѣть, что мысли собираются и обрабатываются въ его умѣ медленно: но мало по малу онѣ возбуждались, принимали настоящее направленіе и выходили тѣсными рядами и съ удивительною стройностію; освобождаясь отъ бремени своихъ идей, онѣ разсыпалъ ихъ въ великолѣпныхъ фигурахъ и живописныхъ выраженійхъ.

Г-нъ де Серръ излагалъ предметъ свой всегда съ необычайною тонкостью; мы предлагаемъ слѣдующій образецъ его слога. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ показать невозможность введенія во Францію Англійскихъ и Американскихъ законовъ о книгопечатаніи:

«Вообразите себѣ народонаселеніе, отъ природы спокойное и хладнокровное, разсыянное на большомъ протяженіи, ограниченномъ Океаномъ и степями, погруженное въ земледѣльческія промышленныя работы, и не чувствующее ни потребности въ умственной пищѣ, ни мученій честолюбія. Раздѣлите это народонаселеніе на небольшіе удѣлы, слабо соединенные между собою, и не знающіе различій въ чинахъ или породахъ, и вамъ легко будетъ понять, что между ними можно смѣло допустить полную свободу печатанія въ журналахъ кому что угодно; ясно, что такіе журналы даже полезны въ демократіяхъ, ибо они отрываютъ уединенныхъ гражданъ отъ домашнихъ работъ къ помышленію объ общественныхъ дѣлахъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ призванъ участвовать.

«Вообразите себѣ, опять, государство обширное, сосредоточенное, составляющее одно цѣлое, гдѣ единая нераздѣльная власть посредствомъ стройной іерархіи подчиненныхъ властей, приводитъ въ движеніе весь общественный механизмъ, гдѣ все зависитъ отъ безпрепятственной и успѣшной дѣятельности этихъ властей, а безпрепятственная ихъ дѣятельность зависитъ отъ степени уваженія, какое сопрягается съ ихъ зна-

ченіемъ, отъ ихъ неприкосновенности; вообразите себѣ, говорю, такое государство — и вы согласитесь, что оно непременно должно имѣть и право и силу, противиться своевольству періодическихъ изданій.»

Въ присутствіи духа и въ искусствѣ давать силу простой, не подготовленной рѣчи какимъ нибудь ловкимъ оборотомъ, г-нъ де Серръ не уступалъ Манюэлю. «При мнѣ», говоритъ г-нъ Тимонъ, «и мнѣ кажется, что я его и теперь еще вижу,» — онъ обратился къ членамъ оппозиціи, и пристально глядя имъ въ глаза, сказалъ: «Я наблюдалъ васъ. Я проникъ васъ насквозь; я снялъ съ васъ личину.» Члены оппозиціи кипѣли бѣшенствомъ. Онъ однажды сказалъ депутатамъ крайней лѣвой стороны, (*extreme gauche*) — «Что бы вы ни сдѣлали для новаго порядка вещей, вы никакъ не сдѣлаете болѣе меня»; и они оставались въ глубокомъ молчаніи, убѣжденные въ справедливости его словъ.»

Или партія, которую онъ защищалъ, оказалась неблагодарною, или съ г-номъ де Серромъ нельзя было сладить, только въ 1822 году онъ былъ приговоренъ къ блистательному изгнанію — его сдѣлали посланникомъ; но подобно Манюэлю, онъ тщетно старался отвлечь свои мысли отъ прежняго поприща своей славы, и постепенно увядалъ въ остальное время своей жизни. Говорятъ, что онъ совершенно помѣшался за нѣсколько времени до своей кончины въ Неаполь въ 1827.

«S'il m'était permis de tenir mon pinceau levé, et d'oublier que je ne trace ici qu'un portrait oratoire, je dirais que M. de Serre était homme de bien, courageux, sincère, intègre, orné de vertus domestiques, trop sensible peut-être! La tribune use rapidement ces organisations nerveuses. Le Général Foy était malade du coeur, C. Périer du foie, et de Serre du cerveau. Les surexcitations de la sensibilité perfectionnent l'orateur, mais tuent l'homme.»

«M. de Serre conçut un violent chagrin de sa répudiation électorale. Sa tête se troubla, et les yeux tournés vers cette tribune de France encore rétentissante des échos de son éloquence et tant regrettée, il mourut.

«Vanité des réputations! Qui se souvient aujourd'hui de M. de Serre? Vanité de son peintre! Qui saurait sans moi, si je n'avais reproduit ses traits, sa physionomie, sa forte et mâle éloquence, si je ne l'avais je-té sur la toile et rendu à la lumière, qui saurait, dans notre âge oublieux, que M. de Serre a vécu, qu'il a comprimé la guerre civile, qu'il a sauvé la monarchie, qu'il a été grand orateur, si grand que, parmi les princes de la tribune moderne, on ne pourrait le comparer qu'à Berryer, si Berryer était comparable à quelque autre!» — (Vali. pp. 118—119.)

Г-нъ де Виллемъ (M. de Villèle) скорѣе занимаетъ мѣсто между государственными мужами, нежели между ораторами. Еслибъ мы сравнивали общественныя лица Франціи и Англии по методъ Плутарха, то избрали бы для параллели г-на де Виллея и Сиръ Роберта Вальполя. Оба они одинаково отличались способностью къ финансовымъ дѣламъ, оба имѣли одинокое искусство пріобрѣтать себѣ милость короля или поддержку какой нибудь партіи; тотъ же практическій здравый разумъ, то же отсутствіе всякаго энтузіазма, то же неуваженіе къ громозвучнымъ фразамъ о національной чести и патріотизмъ, ту же не любовь къ войнѣ, ту же привязанность къ положительнымъ мѣрамъ, и почти ту же неразборчивую поспѣшность въ ихъ выборѣ. Каждый изъ нихъ, сходя со сцены, оставилъ вѣренное его управленію королевство въ наружномъ благосостояніи, и обоихъ обвиняютъ въ томъ, что они посѣяли сѣмена зла, долженствовавшія созрѣть въ послѣдующія министерства. Но здѣсь прекращается все сходство между ними.

Вальполь происходилъ изъ древней фамиліи, и былъ статный, красивый и пріятнаго вида мужчина. Г-нъ де Вилмель, можетъ быть, не обладалъ ни однимъ изъ сихъ преимуществъ. Онъ былъ человекъ маленькаго роста, съ простыми, хотя и не безвыразительными чертами лица *; началомъ его поприща была женитьба на дочери одного сахарнаго плантера на островъ Бурбонъ; здѣсь онъ управлялъ помѣстьями своего тестя. Прежде сего, впрочемъ, онъ служилъ во флотъ; но революція принудила его искать убѣжища въ Колоніяхъ. Отличивши себя въ колоніальномъ собраніи, онъ поселился въ Тулузѣ (1807), и былъ тамъ избранъ въ депутаты въ 1815, имѣя уже около пятидесяти лѣтъ отъ роду. Вступивъ въ Палату, онъ немедленно присоединился къ роялистамъ и даже напалъ на статью хартіи, признававшую дѣйствительность договоровъ, заключенныхъ революціоннымъ правительствомъ.

«Помѣшали ли эти уступки 20-му Марту? сдѣлали ли онъ революціонистовъ болѣе покорными и вѣрными? Если на мой вопросъ нѣтъ отвѣта, я долженъ сказать: «Господа, построимте мѣдную стѣну между прошедшимъ и будущимъ, и постараемся выпутаться изъ революціонныхъ помочей, чтобы никогда ихъ уже не надѣвать.»

Онъ сдѣланъ Президентомъ Совѣта въ 1821, и удержался на своемъ мѣстѣ около семи лѣтъ,—время, слишкомъ продолжительное для существованія Французскаго министерства. Замѣчательнѣйшимъ событіемъ его правленія было занятіе Испаніи, противъ которой онъ былъ лично вооруженъ. Важною мѣрою его было также уменьшеніе капиталовъ и дарованіе вознагражденія эмигрантамъ. Защита послѣднихъ достав-

* C'était un homme d'un port assez vulgaire, grêle, de petite stature, avec des yeux perçants, une voix nazillarde, mais accentuée, etc. (*Timon*, vol. 1. p. 120.)

ляетъ характеристическій образчикъ его системы парламентской тактики, состоящей болѣе въ томъ, чтобъ предупредить, нежели отразить нападеніе:

«Тысяча милльоновъ!» воскликнулъ генераль Фуа: «тысяча милльоновъ, господа! Да это ровно въ двадцать разъ болѣе недоимки 1789, произведшей революцію; въ трое болѣе выкупа, наложеннаго на насъ побѣдами союзниковъ въ 1815 году! Тутъ болѣе, нежели сколько требуется для възстановленія всѣхъ дорогъ, окончанія всѣхъ каналовъ, возобновленія всѣхъ нашихъ тюремъ, и постройки всѣхъ укрѣпленій, необходимыхъ для защиты нашего отечества! И тѣ, которые хотятъ поглотить эту тысячу милльоновъ, уже и теперь люди богатѣйшіе и какъ нельзя лучше награждены! Эту огромную сумму денегъ раздѣлять между собою не тѣ, коихъ поту и трудамъ обязана Франція процвѣтаніемъ своихъ полей; нѣтъ! то будутъ люди, которые носили на себѣ нѣкогда имя Французовъ, но которыхъ жребій эмиграціи бросилъ въ чуждыя страны и сдѣлалъ гражданами народовъ, недавно еще враждовавшихъ съ нами; то будутъ Австрійскіе и Прусскіе генералы, получившіе уже свою долю изъ добычи, выжатой побѣдами враговъ нашихъ изъ Французской крови.»

Г-нъ де Виллель всходитъ на трибуну съ меланхолическимъ и поникшимъ взоромъ:

«Если бъ нашъ августѣйшій Монархъ, основатель хартіи,» говоритъ онъ: «еслибъ Король, нынѣ надъ нами царствующій, не покидалъ Франціи во время грозившихъ ему ужасовъ революціи».... Тутъ онъ пріостановился, оставя воображенію слушателей дополнить участь, долженствовавшую постигнуть двухъ братьевъ Людовика XVI, на что правая сторона отвѣчала стономъ. «Но мы сами, что бы изъ насъ было безъ эмиграціи нашихъ принцевъ? Безъ эмигра-

ціи нашихъ Королей, что бы мы могли противуставить въ 1814 году и послѣ Ста Дней побѣдоноснымъ войскамъ Европы, занявшимъ нашу столицу? Освобожденіемъ отъ чужеземнаго ига, общественною нашею свободою, благосостояніемъ, всѣмъ, чѣмъ мы теперь наслаждаемся, мы обязаны единственно эмиграціи, сохранившей для насъ нашихъ Королей. Пусть же перестанутъ превращать въ преступленіе вѣрность и преданность тѣхъ, которые лишились всего, чтобъ за ними слѣдовать.»

На такой доводъ, разумется, не было возраженія въ собраніи, гдѣ приверженность къ законному Королю была въ то время на высшей степени.

Послѣ Виллеля вступилъ въ Министерство Мартиньякъ, настоятельно требовавшій возвышенія Виллеля съ нѣкоторыми другими изъ его предшественниковъ въ званіе Перовъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ сдѣлать безвредною оппозицію, которой онъ отъ него ожидалъ. Характеръ Виллеля хорошо очерченъ г-омъ Тимономъ :

«Слогъ его не былъ цвѣтистъ; онъ не отличался ни блескомъ и роскошью картинъ, ни жаркимъ воодушевленіемъ, ни увлекательною логикою: но онъ былъ ясенъ, полонъ, твердъ и разсудителенъ. Никогда, въ величайшемъ жару пренія, не вырывались у Виллеля тѣ гибельныя выраженія, которыя съ жадностью подхватываются комментаторами, и составляютъ добычу газетъ. Если природа отказала ему въ дарахъ, болѣе блестящихъ, чѣмъ существенныхъ, въ воображеніи и краснорѣчьи, то она дала ему въ высокой степени тотъ вѣрный взглядъ государственнаго человѣка, который обозрѣваетъ вещи быстро и безошибочно..... Нѣтъ, тотъ не могъ быть обыкновеннымъ человѣкомъ, кто боролся такъ постоянно и небезуспѣшно, во все время своего дол-

гаго министерства съ Манюлемъ, Фуа, Ласиттомъ, Дюпономъ-де м'Эра, Шовеленемъ, Виньонномъ, Бенжаменъ-Констаномъ и, что также не менше трудно, съ требованіями друзей своей собственной партіи.» (Т. I, стр. 121.)

Генераль Фуа (Fou) былъ представителемъ анти-легитимистскихъ наклонностей Франціи. Успѣхи его на трибунѣ отчасти справедливо приписываютъ тѣмъ же национальнымъ чувствамъ, которыя отличаютъ Беранже между поэтами. Званіе и характеръ война были также для него выгодны, ибо располагали въ его пользу всѣхъ воинственныхъ соотечественниковъ его. Фуа родился въ 1775 году, и вступилъ въ военную службу, какъ только возрастъ и силы дозволили ему носить оружіе. Онъ служилъ, по очереди, подъ начальствомъ почти всѣхъ республиканскихъ генераловъ, получившихъ себѣ мѣсто на страницахъ Исторіи, и успѣлъ снискать вниманіе большей части изъ нихъ подвигами личной храбрости и знаніемъ военного дѣла, какого нельзя было даже ожидать отъ подчиненнаго офицера. Великодушіе и откровенность его характера также достойны примѣчанія. Когда отъ него требовали, чтобъ корпуть его подписалъ поздравительный адресъ Бонапарту, онъ отвѣчалъ: «Я буду поздравлять Перваго Консула, сколько ему угодно, съ избавленіемъ отъ заговора противъ его жизни; но никогда не подпишу, и никогда не заставлю своихъ офицеровъ подписывать адресъ, который обвиняетъ кого бы то ни было въ заговоръ; потому что я солдатъ, а не судья.» Если человекъ, пользующійся подобною репутаціей, начинаетъ свое ораторское поприще восклицаніемъ:

«Во Франціи есть еще кому отзываться на голосъ, въ которомъ слышны священныя имена отечества и народной чести»; онъ рѣдко встрѣтитъ недоста-

токъ въ слушателяхъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ есть сила, независимая отъ риторики:

«Девятнадцать двадцатыхъ изъ тѣхъ, которые извлекли мечъ въ продолженіе Ста Дней для защиты своей родины, нисколько не содѣйствовали успѣху 20-го Марта; они шли такъ, какъ шли отцы ихъ за двадцать три года передъ тѣмъ, жогда вся Европа ополчилась противъ Франціи. Неужели лучше было бы, еслибъ мы впервые остановились передъ полчищами своихъ непріятелей, и стали спрашивать объ ихъ числѣ? Мы всѣ бѣжали къ Ватерлоо, такъ, какъ Греки къ Термопиламъ — *безъ страха, и почти безъ надежды*. Тогда совершилось великодушное жертвоприношеніе; и вотъ причина, почему воспоминаніе о немъ, какъ оно ни горестно, осталось для насъ столь же драгоценнымъ, какъ самыя славныя изъ нашихъ побѣдъ.»

Въ то же время—если вѣрить преданію и г-ну Тимо-ну—нѣтъ надобности разыскивать второстепенныхъ причинъ успѣховъ генерала Фуа. Онъ имѣлъ наружность, осанку и жесты оратора, обширную память, могущественный голосъ, глаза, блиставшіе умомъ, и рыцарскую *tournure*. «Когда» говоритъ Тимо-нъ, «высокое чело его воспламенялось энтузіасмомъ или пылало гнѣвомъ, онъ поражалъ мраморъ трибуны и походилъ на Сивиллу, на ея треножникъ. Часто видали, какъ, по внезапному внутреннему движенію, онъ вскакивалъ съ своего мѣста и взбѣгалъ на трибуну, какъ будто бы шелъ на бой и вѣрную побѣду. Тамъ говорилъ онъ съ надменнымъ видомъ, металъ слова, подобно маршальскому жезлу, брошенному Конде черезъ непріятельскій редутъ» (стр. 129). Въ послѣдующемъ параграфѣ г-нъ Тимо-нъ не отдаетъ генералу Фуа должной справедливости. Онъ увѣряетъ, что генераль не импровизировалъ своихъ

рѣчей, и основываетъ это на томъ, что онъ осторожно обдумывалъ ихъ и раздѣлялъ на части; это значитъ, онъ дѣлалъ то, что должны были бы дѣлать всѣ первостепенные ораторы. Говорятъ также, что онъ проложилъ путь драматическому эффекту, ловкимъ фигурамъ, счастливымъ выраженіямъ, съ замѣчательною легкостью,—еще доказательство его изобрѣтательности въ самыхъ затруднительныхъ частяхъ искусства. Какъ бы то ни было, бѣльшая часть дошедшихъ до насъ выраженій его похожа на экспромты. Когда ему посоветовали отправиться на биржу съ своими промышленными новостями, онъ возразилъ:

«Я мало думаю о биржевыхъ курсахъ и толкахъ, и спекулирую только на одно—на *воввышеніе* народной чести.»

Весьма замѣчательнъ отвѣтъ его г-ну де Серру:

«Единственное мое отмщеніе, и единственное наказаніе, къ которому я васъ присуживаю, состоитъ въ томъ, чтобъ, выходя отсюда, вы обратили ваши взоры на статуи Л'Опиталя и Дагессо (L'Hôpital et Daguesseau).»

Трудолюбіе его было неутомимо, и едва ли былъ какой нибудь предметъ, касавшійся общественныхъ выгодъ, котораго онъ не разобралъ бы до самыхъ мѣлочныхъ подробностей. Когда доктора присоветовали ему отдыхъ, онъ воскликнулъ: «Перестать трудиться?—я бы умеръ отъ этого!» Онъ скончался въ 1825 г., по мнѣнію г-на Тимона, въ самое лучшее время для его славы.

«Combien de fois Napoléon n'a-t-il pas regretté d'avoir vécu trop d'un jour? Oh, comme il enviait, sur le rocher de Sainte-Hélène, le destin du soldat, qui

fut tué par le premier boulet de Waterloo? La fortune, au contraire, en l'ensevelissant dans le sein de ses triomphes oratoires, n'a pas voulu que le Général Foy perdit rien de sa noble et pure renommée. S'il eût vécu, il eut été Ministre de la guerre, Maréchal de France, Connétable peut-être. Il a mieux fait de mourir.» (Vol. I, pp. 142—143.)

Г-нь де Мартиньякъ родился въ 1770 году, отъ древней фамилиа, въ Бордо. Въ раннихъ лѣтахъ онъ отличился въ званіи адвоката и написалъ для театра нѣсколько удачныхъ піесъ. Говорили, что онъ былъ секретаремъ у Сіэйеса (Sièyes), во время его посольства въ Берлинъ въ 1798, и что въ 1811 онъ издалъ оду на рожденіе Римскаго Короля. Какъ бы то ни было, онъ былъ, въ эпоху Возстановленія, въ числѣ самыхъ жаркихъ Бурбонистовъ; и когда его избрали въ члены Палаты (въ 1821), онъ отличился своими конституціонными мнѣніями столько же, сколько своимъ краснорѣчіемъ. Исполняя нѣкоторыя другія значительныя должности, онъ былъ наконецъ сдѣланъ Министромъ, по распущеніи Виллелева Кабинета; но вскорѣ впалъ въ немилость у Карла X, и былъ лишенъ портфеля. Онъ умеръ въ 1832 г.

Г-нь де Мартиньякъ принадлежитъ къ числу немногихъ роялистскихъ, рациональныхъ, государственныхъ мужей, которыхъ хвалить партія «Движенія» (le parti du Mouvement). Онъ обязанъ симъ отличіемъ отчасти искусному и тонкому адресу, которымъ онъ польстилъ самолюбію всѣхъ партій и пріобрѣлъ себѣ ихъ доброжелательство. Онъ имѣлъ, по описаніямъ, голосъ Сирены; изложеніе его соединяло въ себѣ сладость и гармонію лиры; занимаясь прилежно словесностью, онъ усовершенствовалъ свой слогъ, а привычка къ хорошему обществу сообщила особенную прелесть его наружности и мимикъ. Но съ такими достоинствами онъ скорѣе соблазнялъ

сердца своихъ слушателей, чѣмъ повелѣвалъ ими. Рѣчи г-на Мартиньяка можно считать образцами щеголевато-сти, остроумія, утонченныхъ оборотовъ и ловкаго изложенія; не смотря на то, ихъ можно упрекнуть въ недостатокъ силы, и едва ли сыщете вы въ нихъ сжатую и строгую логику. Лучшимъ дѣйствіемъ его была добровольная защита г-на де Полиньяка.

Репутація г-на *Ройе-Коллара* болѣе литературная, моральная и политическая, нежели ораторская. Онъ рѣдко говоритъ безъ приготовленія; слѣдственно, онъ имѣетъ болѣе вліянія какъ мыслитель, нежели какъ ораторъ, и дѣйствія его были всегда столько же сильны, какъ и слова. Посему, въ изданныхъ объ немъ описаніяхъ мы не находимъ ничего о его наружности, пріемахъ и голосѣ: описанія эти болѣе говорятъ о глубокости его мыслей, обширности его видовъ, прямотѣ и неуклонной твердости его правилъ.

«Г-нъ Ройе-Колларъ,» говоритъ г-нъ Тимонъ, и въ этомъ изложеніи нечего ни прибавить ни убавить: есть патріархъ роялистовъ Возстановленія. Онъ былъ краснорѣчивѣйшій изъ всѣхъ нашихъ парламентскихъ писателей. Онъ отличался сильнымъ и великопнымъ слогомъ. Одно слово или одна истина, оплодотворенная размышленіемъ его могучаго ума, возрастала, расширялась, подобно тому, какъ изъ жолудя вырастаетъ и развивается дубъ, и, оживленный одною жизнію, вскормленный одними соками, составляетъ одно цѣлое, не смотря на безконечное множество его листьевъ и разнообразіе его вѣтвей. Таковы были рѣчи г-на Ройе-Коллара, удивительныя по единству основной идеи, по силѣ слога и красотѣ своихъ формъ. Это была философія, приложенная къ политическимъ потребностямъ, съ ея отвлеченными и нѣсколькими темными формулами. Болѣе глубокой, нежели пылкой, болѣе оригинальный

въ выраженіяхъ, нежели увлекательный, г-нъ Ройе-Колларъ былъ (да извинять мнѣ это выраженіе) копатель идей: онъ былъ говорящая мысль.» (Т. I, стр. 180.)

Онъ родился въ 1763 году, отъ почтенной фамили, и въ началъ Революціи былъ членомъ Главнаго Суда (a member of the metropolitan bar). Онъ присоединился къ партіи роялистовъ, и нѣсколько времени игралъ на политическомъ поприщѣ дѣятельную роль; но, сдѣлавшись подозрительнымъ владычествующей партіи, счелъ нужнымъ удалиться (*). Въ 1811, возрастающая его слава, какъ писателя и метафизика, обратила на него вниманіе Наполеона, назначившаго его деканомъ факультета Словесности и профессоромъ Истории Новѣйшей Философіи. Послѣ втораго Возстановленія онъ былъ избранъ въ президенты Комитета Народнаго Просвѣщенія, и въ 1815 въ члены Палаты, гдѣ онъ неизмѣнно держался настоящей середины, *juste milieu*. Слава его достигла высшей степени въ 1827 г., когда въ одно время избрали его въ представители семи департаментовъ, и когда онъ былъ сдѣланъ президентомъ Палаты и членомъ Академіи. Преклонность лѣтъ не дозволяла ему, въ послѣднее время, являться часто въ публичныхъ собраніяхъ. Рассказывали, за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ, забавное происшествіе, могущее дать понятіе о его характерѣ и нынѣшнемъ образѣ жизни. Когда Викторъ Гюго добивался академическихъ почестей, и пріѣхалъ къ Ройе-Коллару просить его голоса, угрюмый ветеранъ притворился совершенно незнающимъ его имени. «Я авторъ *Notre Dame de Paris, Les Derniers Jours d'un Condamné, Bugjargal,*

* Онъ былъ однимъ изъ немногихъ избранныхъ, поддерживавшихъ сношеніе съ Бурбонами, и ему была поручена забота о ихъ выгодахъ въ то время, когда революціонное правленіе находилось въ полной силѣ и дѣятельности.

Marion Delorme, etc.—«Я никогда не слыхалъ объ нихъ.»—«Сдѣлаете ли вы мнѣ честь принять экземпляръ моихъ сочиненій?»—«Я никогда не читаю новыхъ книгъ.»

Имя *Бенжамень-Констана* сдѣлалось болѣе извѣстнымъ по сношеніямъ его съ госпожею де Сталь, которую, какъ говорятъ, изобразилъ онъ въ одной повѣсти (*); но онъ имѣетъ лучшія и болѣе высокія притязанія на наше сочувствіе, потому что онъ много занимался изученіемъ Англійскихъ постановленій. Франція не была настоящимъ отечествомъ Бенжамень-Констана: она только усыновила его. Онъ родился въ Лозаннѣ, и изучалъ науки въ Единбургскомъ и Геттингенскомъ университетахъ. Онъ прибылъ въ Парижъ въ 1795 г., и скоро возбудилъ общее къ себѣ вниманіе памфлетами, которые сочинялъ обыкновенно съ удивительною легкостью. Но главнымъ поприщемъ его первоначальныхъ подвиговъ былъ Трибунатъ, гдѣ онъ сильно вооружилъ противъ себя Наполеона, сопротивленіемъ самымъ любимымъ его предположеніямъ. «Тамъ, въ Трибунатъ,» говорилъ Первый Консуль, «засѣдаетъ дюжина или человекъ пятнадцать метафизиковъ, которыхъ давно бы слѣдовало утопить. Это репейникъ, прицѣпившійся къ моему платью; но я стряхну его съ себя.» Вскорѣ послѣ сего, онъ выполнилъ свою угрозу, исключеніемъ Констанъ, Шенье, Гинжене (*Guinguene*) и другихъ. «*Nous vous avons epurés,*» было

* Таллейранъ говорилъ, что не слишкомъ мудрено привлечь къ себѣ женщину, но весьма трудно впоследствии отъ нея отдѣлаться. Это служить темою повѣсти Бенжамень-Констана *Адолфа*; въ немъ выставленъ человекъ, преслѣдуемый женщиною, которая дасятыю годами старѣе его, и которая ему смертельно надобна. Вся говорили, что героиня повѣсти была не иная кто, какъ мадамъ де Сталь, а герой ея—Констанъ, (котораго природныя качества худо согласовались съ именемъ). Повѣсть эта переведена на Русскій языкъ и напечатана въ Московскомъ Телеграфѣ, и отдѣльною книжкою 1831 г.

его извиненіе, обращенное къ оставшимся членамъ. «Скажите: *écrités*,» вѣдко замѣтила госпожа де Сталь. Съ сего періода, Констанъ и госпожа де Сталь, по-видимому, поклялись общою ненавистью къ Наполеону, и взаимною привязанностью другъ къ другу; но при началѣ Ста Дней, одного свиданія съ Наполеономъ было достаточно для произведенія замѣчательной перемѣны въ мнѣніяхъ Бенжамеиъ-Констана. Онъ сдѣлался совершеннымъ Наполеонистомъ и государственнымъ совѣтникомъ. Это темное пятно его жизни. Вотъ какъ онъ старается стереть его съ себя:

«Я не отрицаю отъ всего того, что я писалъ; движимый чувствами, коими могу гордиться, я былъ жаркимъ противникомъ того, что мнѣ казалось несогласнымъ съ благомъ Франціи, во время Наполеонова владычества; но когда увидѣлъ, что Франціи угрожаютъ чужеземцы, когда я увидѣлъ Пруссаковъ, Англичанъ, Австрійцевъ и Русскихъ, переходящихъ черезъ наши границы въ другой разъ, я считалъ справедливымъ — уступая убѣжденію и благороднѣйшаго чувства — забыть все, и лѣтъ на помощь чловѣку, который, въ предстоящей крайности, одинъ могъ спасти мое отечество.»

Ораторское его поприще началось въ 1819 году, когда онъ былъ избранъ въ депутаты департаментомъ *La Sarthe*, и рѣчи его служили постояннымъ отголоскомъ его политическихъ убѣждений. «Мы поколѣніе преходящее», возглашалъ онъ, «мы сражаемся для торжества другихъ»; и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ взывалъ къ Правительству, желая, чтобъ оно болѣе и болѣе развертывало свои и народныя силы. Характеристическія его качества, какъ писателя и какъ оратора, были умъ, изобрѣтательность и плодовитость. Нога его была постоянно въ стремени, фантазія его работала неутомимо—сегодня яв-

дмась у него статья, завтра памфлетъ, а на слѣдующій день рѣчь. Онъ такъ хорошо владѣлъ языкомъ, что если ему иногда невзначай случалось не понравиться своимъ слушателямъ какимъ нибудь выраженіемъ, онъ дополнялъ его синонимами до тѣхъ поръ, пока оно не придется по ихъ вкусу. Его експромтныя замѣчанія, опроверженія или возраженія, показываютъ не только находчивость, но и остроуміе. О депутатахъ, сильно защищавшихъ пенсіи (*sinécures*), онъ сказалъ: «Они не жалуютъ ни денегъ, ни словъ.» Когда нѣкоторые жаловались, въ Палатѣ, что по причинѣ нападокъ на административныя власти, скоро нельзя будетъ найти чиновниковъ — «Не бойтесь» сказалъ онъ, «отбить охоту у искателей мѣстъ; усердіе ихъ неистоимо. Когда открывалась вакансія на какую нибудь префектуру, развѣ люди бѣгали изъ страха, чтобъ ихъ не приговорили къ ея занятію?»

Онъ обыкновенно сочинялъ свои рѣчи и статьи по частицамъ, на лоскуткахъ, связываемыхъ между собою, и заключающихъ въ себя по одному параграфу. Вѣроятно, эта привычка имѣла вліяніе на его слогъ, которому не достаетъ единства.

Законы, относительно книгопечатанія, были любимымъ предметомъ Бенжаменъ - Констанъ. Онъ наговорилъ и исписалъ о нихъ цѣлые томы, и кому довелось бы говорить или писать объ этомъ, тотъ можетъ смѣло рыться въ его сочиненіяхъ или рѣчахъ, какъ въ арсеналъ, гдѣ онъ навѣрно сыщеть нужное для себя оружіе. Бенжаменъ - Констанъ былъ выше средняго роста, сутуловатъ, слабого тѣлосложенія, съ тонкими ногами и длинными руками. Волосы (сперва бѣлые, но потомъ посѣдѣвшіе) носилъ онъ весьма длинные, такъ что они рассыпались по плечамъ, по обычаю Германскихъ студентовъ. Въ мо-

лодости онъ былъ весьма хорошъ собою. Его манера говорить была монотонна, а иногда онъ какъ будто заикался. Когда онъ импровизировалъ, то обыкновенно опирался обѣими руками на трибуну, и не употреблялъ никакихъ жестовъ. Личная храбрость его замѣчательно выказалась въ дуели его съ г-мъ Иссартомъ (M-g des Issarts). Когда оба противника уже были не въ состояннн сражаться стоя, ихъ посадили другъ противъ друга на стулья, и они обмѣнялись двумя выстрѣлами — къ счастью, не имѣвшими послѣдствій. Бенжаменъ-Констанъ умеръ въ 1830 году.

Констаномъ заключается рядъ ораторовъ Возстановленія. Портреты живущихъ ораторовъ такъ многочисленны, что намъ нельзя ихъ разсматривать иначе, какъ въ картинной галлерей, — взглядывать на всѣхъ, но разсматривать критически только немногихъ.

Беррье (Berryer), предводитель легитимистовъ, по общему мнѣнню всѣхъ партій, первый изъ нынѣшнихъ Французскихъ ораторовъ. Къ концу его перваго засѣданія въ Палатѣ (1830), одинъ изъ его собратій воскликнулъ, обратясь къ Ройе-Коллару: «*Voilà un beau talent!*» — «*Dites don — une puissance*», былъ отвѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнн, что Беррье многому въ своихъ успѣхахъ обязанъ физическимъ преимуществамъ: лицу, наружности и — болѣе всего — голосу, необыкновенно сильному, которымъ онъ управляетъ съ несравненною легкостью и искусствомъ. Но онъ, какъ свидѣтельствуеъ г-нъ Тимоъ, также великнй риторъ; ничто не можетъ быть утонченнѣе его методы подбирать аргументы, управлять своими переходами, кстати блеснуть эффектомъ, или приводить слушателя издалека къ своему главному предмету. Ничто также ничего нѣтъ поразительнѣе, какъ эти мимоходныя

примѣненія, которыми онъ оживляетъ вниманіе Палаты, или внезапныя вспышки и порывы горячности, которыми онъ поддерживаетъ утомленный энтузіазмъ Роялистовъ. Для него все равно — говорить приготовленную рѣчь или импровизировать; ибо онъ умѣетъ придать послѣдней всю правильность строгой логики, и оживить первую всею силою внезапности, живости и удачныхъ примѣненій.

Въ искусствѣ очищать вопросъ отъ всякой посторонней примѣси и попадать прямо на главную мысль онъ похожъ на лорда Линдгурста; въ способѣ перебирать факты, числа и отрывки изъ прошедшихъ преній — на сиря Роберта Пиля. Лордъ Станлей можетъ дать нѣкоторое понятіе о его средствахъ отражать нападеніе и преслѣдовать своихъ противниковъ, чтобы исторгнуть изъ ихъ рукъ уже захваченную добычу; а сиря Вилльямъ Фоллеттъ можетъ служить примѣромъ логики, употребляемой г-номъ Беррье въ его доказательствахъ. Пересматривая страницы Монитера (этой летописи Французскаго краснорѣчія, менѣе другихъ ошибочной) для свѣдѣній о Беррье, мы невольно припоминаемъ одно мѣсто въ письмѣ Эрскина къ издателю Фоксовыхъ рѣчей, которое припечатано къ нимъ въ видѣ предисловія :

«Краснорѣчіе, состоящее въ ловкомъ построеніи періодовъ и силъ, или гармоніи языка болѣе нежели въ глубинѣ мысли и могущества цѣлаго состава рѣчи, можно сравнить съ тѣломъ какого нибудь чловека, которое бы отличалось не столько превосходствомъ своего объема и своихъ размѣровъ передъ другими, сколько симетріею и изяществомъ своихъ частей. Если парламентскій стенографъ такого рода рѣчамъ не успѣлъ, подобно ваятелю, придать стройной общности и могучей организаціи, то для ихъ славы немного останется. Однакожъ въ обломкахъ

Фоксовых рѣчей, наименѣ поразительныхъ, можно все таки видѣть кости великана.»

Кости великана можно также открыть въ самыхъ несовершенныхъ отрывкахъ рѣчей Беррье; но эти кости къ сожалѣнію до такой степени изломаны, исковерканы, перемѣшаны со всякимъ соромъ и покрыты такою корою, что потребно все искусство возобновителей древнихъ статуй, чтобъ сдѣлать изъ нихъ что нибудь образцовое. Мы удовольствуемся только однимъ отрывкомъ, заключеніемъ его мастерской рѣчи, противъ Французскаго министерства, произнесенной въ Январѣ 1838 года:

«Я обозрѣваю» говоритъ онъ, «карту Франціи, и спрашиваю всѣхъ нашихъ сосѣдей, что они къ намъ чувствуютъ? На югъ я вижу Испанію, раздраемую двумя партіями, которыя, помирившись, будутъ вашими врагами; на сѣверъ, Бельгію, неподдержанную, обманутую вами, въ ея Іюльскомъ движеніи — Бельгію, которую мы уже неспособны подкрѣплять въ ея стремленіяхъ. Швейцарія! — вы ее отвергли. Италія! — если въ нѣдрахъ ея еще найдутся друзья вашей системы, вашихъ правилъ, вашей политики, то неужели вы думаете, что они сдѣлаютъ для васъ хоть одинъ шагъ? Нѣтъ! Вы покинуты со всѣхъ сторонъ, вы одиноки, и вотъ до чего (обращаясь къ Министерству) вы довели Францію! Рука моя скорѣе отсохнетъ, нежели бросить въ эту урну шаръ, который означалъ бы, что подобная политика полезна для нашихъ внѣшнихъ связей, что подобное министерство ревностно поддерживаетъ наше національное достоинство — никогда, никогда!...»

Мы готовы поставить этотъ отрывокъ не ниже подобнаго же мѣста въ рѣчи лорда Чатама: «Еслибъ я былъ Американцомъ,» сказалъ онъ, «такъ

какъ я Англичанинъ, когда чужеземныя войска расположены въ моемъ отечествѣ, я никогда не положилъ бы оружія — никогда, никогда!» Министръ насмѣшливо замѣтилъ г-ну Беррье, что его голосъ никого не убѣдитъ, потому что на него никто не полагается. Ораторъ возразилъ:

«Какое бы разстояніе насъ ни разъѣмало, сдѣлайте только для Франціи что нибудь полезное, достойное ея, великое, и я буду вамъ рукоплескать, — потому что, какъ бы то ни было, я родился во Франціи и желаю умереть Французомъ.»

Беррье сынъ знаменитаго адвоката того же имени, автора недавно изданнаго творенія, подъ заглавіемъ: «*Souvenirs de Mr. Berryer Doyen des Avocats de Paris, de 1774 à 1838.* Онъ самъ отличился въ нѣсколькихъ важныхъ судебныхъ дѣлахъ, и еслибъ политика не отвлекла его отъ обыкновеннаго его рода занятій, онъ непремѣнно пользовался бы большою славою и довѣренностью на семь поприщъ, столь выгодномъ для людей съ дарованіями. Безкорыстіе его было вполне оцѣнено его друзьями; незадолго предъ симъ, узнавъ о его тѣсныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, партія легитимистовъ присудила ему даръ, въ родъ того, какимъ Ирландскій парламентъ почтилъ Граттана. Они поднесли ему сумму денегъ, приведшую его въ возможность выкупить свой замокъ Ожервилль (*château d'Augerville*), который онъ вынужденъ былъ продать, не смотря на то, что онъ доставилъ ему званіе депутата. Беррье около пятидесяти лѣтъ.

Г-нъ Дюпенъ (*Dupin*), едва ли уступающій Беррье въ парламентской знаменитости — Эрскинъ Франціи, и даже нѣчто болѣе, потому, что онъ не только защищалъ Нея и сиръ Роберта Вильсона, но имѣлъ въ своихъ рукахъ судьбу министерствъ. Беранже говорилъ объ немъ: «*Il monte quelquefois aux cieux, mais toujours bien crotté.*» Дюпенъ говорилъ о самомъ

себѣ: *«Je ne saurais jamais entrer dans le cabinet d'un roi avec mes souliers de paysan.»* Приведенныя нами выраженія вѣрно обозначаютъ слогъ оратора и характеръ человѣка, хотя въ нихъ и не все справедливо, потому что г-нъ Дюпенъ происходитъ отъ старинной фамиліи. Онъ суровъ, смѣлъ, вспыльчивъ, фигуренъ, анекдотистъ, язвительнъ, увлекается пылкостью своего воображенія и любитъ примѣненія. Лучшій комплиментъ, сдѣланный ему г-номъ Тимономъ, повидимому нечаянно, есть тотъ, что онъ бываетъ лучше всего въ лучшихъ дѣлахъ. Пусть черта благородства, или попытка на притѣсненіе, дойдетъ до его слуха, когда онъ въ самомъ беззаботномъ или дурномъ расположеніи духа, она навѣрно найдетъ отзывъ въ его сердцѣ. Такъ, защищая сирь Роберта Вильсона, г-на Брюса и г-на Гютчинсона (Hutchinson), судимыхъ за споспѣшествованіе побѣгу Лавалетта, онъ говорилъ:

«Несчастный плодъ нашихъ раздоровъ! Зло сдѣлалось до такой степени обыкновеннымъ, что люди уже неохотно вѣрятъ добродѣтели, и уже не въ состояніи себя увѣрить, что могутъ сыскаться три человѣка, нѣсколько великодушные, для спасенія своего ближняго, единственно изъ чувства человеколюбія! Какъ время перемѣняетъ обычаи! Въ Аѳинахъ — у народа, славившагося своею вѣтренностью, котораго Ареопагъ былъ образцемъ правосудія — молодого человѣка приговорили къ смерти за то, что онъ убилъ голубя, который, будучи преслѣдуемъ коршуномъ, искалъ спасенія на его груди. Они думали, что чужовѣкъ безжалостный никогда не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ. А у насъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи, собираются наказывать людей за спасеніе человѣка, взрившаго имъ свою участь!»

Во время суда, производившагося надъ Неемъ, генераль-прокуроръ предложилъ исключить изъ судеб-

ныхъ актовъ все, что относилось къ событіямъ, предшествовавшимъ его преступленію. Дюпенъ сказалъ на это:

«Вы желаете подставить его голову подъ громовой ударъ; мы желаемъ показать, какимъ образомъ скоп- лялась гроза.»

Гораций Вернетъ изобразилъ Дюпена въ тотъ самый моментъ, когда онъ произносилъ эти слова. Картина сія превосходно подходитъ подъ лару извѣстному портрету лорда Бруггама, когда онъ съ поднятыми къ верху руками восклицаетъ: «Неужели я пахожусь въ судилищѣ?»

Собственныя замѣчанія Дюпена о выгодахъ и невыгодахъ импровизаціи не будутъ здѣсь излишними. Мы приведемъ одно мѣсто изъ его вступительной рѣчи, которою онъ произнесъ во Французской Академіи, въ 1834 году, бывъ избранъ въ ея члены:

«Призовемъ на помощь великія событія и великіе примѣры. Наши знаменитѣйшіе ораторы — Мирабо, Барнавъ, де Серръ, генераль Фуа, доказали, что тотъ, кто даже, посреди бурныхъ и чрезвычайныхъ событій, ввѣряется случайностямъ импровизаціи, находитъ не- рѣдко, въ самомъ затруднительномъ положеніи, не- ожиданное пособіе.

«Пускай у оратора не будетъ заготовленныхъ выра- женій; но если онъ хорошо понимаетъ дѣло, если проникнуть глубокимъ чувствомъ и ревностію къ доб- ру, — вы увидите, что онъ въ своемъ одиночествѣ, посреди непрерывныхъ потрясеній и перерывовъ, ка- кія принужденъ испытывать въ развитіи своей идеи отъ разныхъ помѣхъ и ропота самага безразсуднаго, что въ этомъ-то подстрекаемомъ движеніи своихъ спо- собностей онъ будетъ находить обороты, краски, си- лу, какіе никогда не дадутся человѣку, менѣе возбуж- денному.

«Что ораторъ потеряетъ въ обработкѣ слога и расположеніи рѣчи, то выиграетъ онъ въ *возбужденіи*— въ этомъ ораторскомъ возбужденіи, которому Древніе давали такую высокую цѣну. У него въ рукахъ не будетъ рукописи; его глаза не будутъ безжизненно устремлены на нее—онъ вооружитъ ихъ огнемъ и стрѣлами, предвѣстниками побѣды. Свободный въ своей поступи, подобно Нумидійскимъ всадникамъ, которые ѣздили безъ сѣдла и узды, онъ будетъ бороться лицомъ къ лицу и одинъ на одинъ со своими слушателями. Полный властелинъ своей рѣчи, онъ пускаетъ ее впередъ, или удерживаетъ, ловя на лету счастливое мгновеніе и посылая съ нимъ, этимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ, свой громоносный ударъ. Онъ пробѣгаетъ быстро то, что начинаетъ охлаждать слушателей, и опирается на томъ, что можетъ потрясти ихъ—и если онъ воодушевленъ, то успѣхъ его превзойдетъ дѣйствіе всѣхъ, наилучше приготовленныхъ рѣчей. Тогда глубокое сочувствіе собранія возвѣститъ ему о побѣдѣ и склоненіи большинства голосовъ на его сторону.»

Мы присутствовали при сей рѣчи. Когда Дюпенъ вошелъ въ залу, застегнутый въ некрасивомъ академическомъ мундирѣ, казалось, что ему было очень неловко; также и предметъ его рѣчи: «похвала Кювье», былъ не совсѣмъ по его вкусу. Онъ читалъ довольно равнодушно, пока не дошелъ до приведеннаго нами мѣста; тогда онъ вдругъ совершенно измѣнился: глаза его начали сверкать, всѣ черты его лица прояснились, весь его составъ пришелъ въ движеніе и когда «*sa main ne tiendra pas un cahier*», звонко раздавалось по залѣ, мы начали думать, что онъ подтвердитъ свои слова дѣломъ и швырнетъ тетрадь въ розовое лицо Президенту (М. Жоу). Дѣйствіе было электрическое; природа восторжествовала надъ искусствомъ или, лучше сказать, тутъ было торжество

того совершеннаго искусства, которое производитъ сильнѣйшіе эффекты тѣмъ, что оно скрывается подъ покровомъ естественности. Самые хладнокровные въ эту минуту вышли изъ своей апатіи, и громкія, продолжительныя рукоплесканія загремѣли при окончаніи параграфа. Надобно часто слушать Дюпена, чтобъ быть въ состояніи оцѣнить его вполнѣ.

Политическое его поприще началось въ Палатѣ Представителей, въ 1815 году. Его избрали въ Депутаты въ 1828 г., и съ того времени онъ началъ играть важную роль на политической сценѣ, на которой во Франціи не являлся еще никто, не бывъ заклейменъ клеветою и преслѣдуемъ недоброжелательствомъ, особенно, если онъ держится умѣренныхъ правилъ и при случаѣ осаживаетъ немножко назадъ воителей другихъ партій, горячихъ и выбившихся слишкомъ далеко впередъ. Дюпенъ даже постоянно отдѣлывался отъ тѣхъ, которые призывали его быть своимъ главою. Когда его назвали полководцемъ *du tiers-parti*, онъ сказалъ: «Вы меня обяжете, если доставите мнѣ списокъ членовъ, составляющихъ *tiers parti*: я ихъ не знаю.» Самыя сильныя обвиненія противъ него состоятъ въ томъ, будто бы онъ имѣлъ тайныя сношенія съ Іезунтами, и не оказалъ достаточной твердости въ Іюльскую Революцію. Ничто не можетъ быть несправедливѣе того и другаго обвиненія. Жаркими выходками противъ Іезуитовъ, г-нъ Дюпенъ, кажется, достаточно доказалъ, что онъ не очень любитъ ихъ. Два его выраженія о нихъ превратились даже въ аксіомы: «*C'est une épée, dont la poignée est à Rome, et la pointe partout*»; и «*Protée n'est qu'une fable, le Jésuitisme est la réalité*». Его никто не въ состояніи укорить, чтобы онъ, какъ государственный человѣкъ, говорилъ или дѣлалъ что либо противное симъ мнѣніямъ; но въ продолженіе его явной неприязни къ

Иезуитамъ, онъ не остерегся посѣтить заведеніе ихъ въ Ст. Ашѣль (St. Acheul), по причинамъ, о которыхъ онъ самъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «Еслибъ я зналъ, когда Эней спускался въ адъ, я пошелъ бы туда вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ присутствовать при одномъ изъ засѣданій Миноса.» Изъ этого посѣщенія не преминули заключить, что оно было сдѣлано съ какою нибудь предосудительною цѣлью. Другое нареканіе столь же неосновательно. Въ минуты истинной опасности, г-нъ Дюпенъ никогда не думалъ о себѣ. Въ продолженіе Іюльскихъ безпокойствъ, г-нъ Могенъ (Mauguin) пришелъ къ нему однажды утромъ и сказалъ: «Мнѣ достоверно извѣстно, что на васъ хотятъ сегодня напасть; благоразумнѣе будетъ удалиться, не подвергаясь бесполезной опасности.» Вотъ отвѣтъ Дюпена: «У меня сегодня пропасть нетерпящихъ отлагательства дѣлъ: въ двѣнадцать часовъ я пойду въ Совѣтъ Министровъ; въ два часа мнѣ надобно быть въ Палатѣ; въ пять я возвращусь домой, и буду ожидать этихъ господъ.» Г-нъ Дюпенъ человекъ средняго роста, обыкновенной наружности, съ простыми манерами, *brusque* въ обращеніи и имѣетъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Баронъ Карлъ Дюпенъ, знаменитый статистическій писатель, и г-нъ Филиппъ Дюпенъ, адвокатъ, пользующійся высокимъ уваженіемъ, его родные братья. Братъ Мирабо, *Vicomte*, говорилъ о себѣ, что онъ могъ бы считаться чудомъ остроумія во всякой другой фамиліи, кромѣ своей собственной. Тоже можно сказать и о Дюпенахъ *; надобно признаться, что г-нъ Тимонъ говоритъ не совсѣмъ благосклонно о баронѣ Карлѣ Дюпенѣ: «На фабрику С. Гобена отлито зеркало чрезвычайной величины: оно состоитъ изъ одного куска и заключаетъ въ себѣ 135 дюйм. вышины и 138 дюйм. ширины. Г-нъ

* Вотъ надпись на могилѣ ихъ матери: «*La mère des trois Dupins.*»

Дюпенъ не болѣе какъ на одномъ листѣ бумаги напишетъ вамъ какое хотите донесеніе или объявленіе самымъ мѣлкимъ и сжатымъ почеркомъ, безъ пробѣловъ. Онъ-то, говорятъ, доставилъ первые образцы перьевъ изъ желѣза и чистой, хорошо закаленной стали, которые ненадобно никогда чинить и которыми можно писать съ утра до вечера, не теряя ни минуты времени. Увѣряютъ также, что обыкновенныя типографіи не могли поспѣвать печатаніемъ за быстрымъ ходомъ его мыслей и что принуждены были прибѣгнуть къ паровымъ машинамъ. Г-нъ Дюпенъ накапливаетъ множество словъ безъ всякой пользы для насъ; но онъ употребляетъ ихъ въ пользу для себя. Онъ во Франціи почти все, чѣмъ только можно въ ней быть: онъ инженеръ, членъ адмиралтейства, академикъ, профессоръ консерваторіи, государственный совѣтникъ, перъ, непремѣнный докладчикъ по морскому бюджету, баронъ, имѣющій въ петлицѣ крестикъ. Въ колоніяхъ онъ депутатъ безъ занятій, хотя и не безъ жалованья, въ Швеціи кавалеръ Королевскаго ордена; говорятъ даже, что Папа готовится возложить на него кардинальскую шапку, за проповѣдь, такъ умно имъ сказанную, о епископахъ.

«Кромѣ этого великолѣпнаго собранія почестей, каедръ, должностей, дипломовъ, мантий, галуновъ, шпагъ, желѣзныхъ перьевъ, банковыхъ билетовъ, мѣшковъ съ деньгами и всякой всячины, которыми г-нъ Дюпенъ обремененъ, заваменъ, которые болтаются на немъ со всѣхъ сторонъ, у него есть свои книги, книжечки, карты, планы, рукописи, свои проэктъ: какъ свести Парижъ съ моремъ и свои разсужденія о Демосенѣ, который, однакожь, не былъ изъ числа болтливыхъ ораторовъ.

«Впрочемъ, мнѣ не хотѣлось бы говорить много дурнаго о г-нѣ Дюпенѣ, во-первыхъ, потому, что

не принадлежа къ ученымъ, я не долженъ сѣяться надъ учеными; а во-вторыхъ потому, что люди съ такими достоинствами, какъ г-нъ Дюпенъ, рѣдки во всѣхъ государствахъ. Между нами сказать, мнѣ хотѣлось бы соединить въ себѣ столько разнородныхъ позваній, хотя не столько должностей, какъ у него; я охотно промѣнялъ бы имя Тимоца на имя К. Дюпена. Но желанія мои простираются еще далѣе: я хотѣлъ бы быть его брадомъ.»

У г-на Тьера (Thiers), если вѣрить г-ну Тимону и Парижскимъ журналамъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ качествъ, которыми обыкновенно достигается парламентская или политическая значительность; у него нѣтъ ни богатства, ни связей, ни замѣчательной наружности, ни голоса, ни характера, ни правилъ. А между тѣмъ, такъ или иначе, онъ былъ болѣе трехъ мѣсяцовъ созидателемъ и разрушителемъ министерствъ.

Г-нъ Тьеръ родился въ 1798 г. Начало его біографіи похоже нѣсколько на біографію Минье (Mignet). Оба они были дѣти бѣдныхъ родителей въ Э (Aix), и росли вмѣстѣ; изучали законовѣдѣніе и получили званіе адвокатовъ въ одно время; прибыли вмѣстѣ въ Парижъ, чтобъ искать счастья; оба писали Исторію Революціи, и показывали, какъ говорятъ, другъ другу каждую новую страницу своихъ сочиненій. Пути ихъ разошлись не прежде, какъ когда г-нъ Тьеръ сдѣлался членомъ Палаты. Они въ одно время были представлены Манюэлю, также уроженцу Провансальскому который познакомилъ ихъ съ Лафиттомъ. У него обыкновенно собирались всѣ главные члены и писатели *левой стороны*. «Здѣсь,» замѣчаетъ одинъ остроумный, но злой наблюдатель, «малый ростъ Тьера, простое выраженіе его лица, въ половину закрытаго огромными очками, странное удареніе, дѣлавшее

рѣчь его похожею на чтеніе псалтиря, судорожные жесты, совершенное отсутствіе привычекъ общества, замѣчательное даже въ смѣшной когорть, наполнявшей залы г-на Лафитта, — словомъ, все дѣлало г-на Тьера какимъ-то страннымъ существомъ, которое возбуждало особенное впечатлѣніе при первомъ на него взглядѣ. Впрочемъ, вниманіе, которое пріобрѣтала г-нъ Тьеръ, онъ умѣлъ и поддерживать: для него ничто не было ново, ни финансы, ни военное искусство, ни администрація; обо всемъ онъ разсуждалъ съ такою тонкостью, что увлекалъ банкировъ, старыхъ государственныхъ людей и опытныхъ генераловъ: онъ и обращался зато со всѣми ими безъ малѣйшей церемоніи. Потому-то вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, г-нъ Тьеръ сдѣлался постояннымъ гостемъ у г-на Лафитта и барона Луи, (Louis), а также постояннымъ сотрудникомъ газеты *Le Constitutionnel*, которую однакожъ онъ бросилъ, какъ скоро образовались у него свои политическія мнѣнія; онъ промѣнялъ ее на *National*. * Мы не намѣрены вести читателей по всѣмъ ступенямъ, по которымъ г-нъ Тьеръ взобрался на вершину политической значительности. Исторія Революціи расширила и упрочила его славу **; но въ то же время это занятіе сообщило его идеямъ такія оттънки и формы, какимъ онъ, повидимому, самъ былъ не радъ въ послѣдующіе періоды своей политической жизни. Онъ былъ избранъ въ Депутаты городомъ Э, вскорѣ послѣ *les Barricades*, — событіе, которому онъ обязанъ однимъ изъ множества своихъ орденовъ, хотя злые языки и увѣряютъ, будто бы онъ оставался невидимкою до самаго окончанія рукопашной части дѣла.

* *Revue des Deux Mondes*. доб. W. 4-ro *Séries*.

** Ему недавно предлагали 500,000 франковъ за продолженіе Исторіи Революціи.

Замѣчательный дебютъ его на ораторскомъ поприщѣ начался рѣчью о наследственномъ достоинствѣ Перовъ.

Сцена эта хорошо описана въ одномъ Французскомъ журналѣ: «Рѣчь г-на Тьера была возвѣщена за восемь дней. Онъ прибылъ въ Палату раньше противъ своего обыкновенія, что заставило ожидать длинной рѣчи. Туалетъ его былъ изысканъ; онъ надѣлъ даже перчатки. Г-нъ Тьеръ взошелъ по ступенямъ трибуны съ видомъ притворной небрежности, какъ будто шелъ на самое обыкновенное дѣло, и нѣсколько времени хранилъ молчаніе, какъ будто для того, чтобъ своею осанкою заставить молчать слушателей; но послѣдняго онъ достигъ только стараніями своихъ друзей. Наконецъ ораторъ началъ, и съ разу можно было видѣть, что онъ покусился на новый родъ ораторства; вмѣсто классическаго и правильнаго слога, уже не нравившагося слушателямъ, онъ на тотъ разъ былъ натураленъ, свободенъ, ловокъ, разнообразенъ, откровененъ, фамиляренъ и разговорчивъ. Для пріобрѣтенія благосклонности Палаты къ новому опыту, онъ довольно кстати замѣтилъ, что въ томъ случаѣ, по которому онъ обращается къ собранію, передъ нимъ уже не форумъ древнихъ, а просто комната, гдѣ совѣщаются честные люди. Кромѣ того, онъ старался поддерживать вниманіе слушателей въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ часовъ кстати приводимыми острыми словцами. Такъ, напримѣръ, чтобъ рѣзче выставить качество наследственнаго величія, онъ разказалъ, какимъ образомъ младшаго Питта, когда ему было только шесть лѣтъ отъ роду, ставили на столъ и заставляли говорить выученныя наизусть рѣчи; но, по словамъ насмѣшливаго разказчика, самъ Тьеръ, съ своимъ маленькимъ ростомъ и тоненькимъ голоскомъ, такъ живо напоминалъ видъ стоящаго на столѣ отрока—государственнаго человѣка, что слушатели

чуть не стали смѣяться надъ нимъ самимъ. Какъ бы то ни было, рѣчь произвела свое дѣйствіе; г-ну Тьеру начали съ тѣхъ поръ поручать составлять рѣчи для министерства, хотя по недостатку скромности, онъ едва ли можетъ быть надежнымъ дѣльцомъ какой бы то ни было партіи, а слѣдовательно и министерской. Когда Могенъ назвавъ его органомъ правительства, Казимиръ Перрье презрительно воскликнулъ: «*Ça un organe du gouvernement! M. Mauguin se moque de vous.*» Вотъ какъ г-нъ Тимонъ описываетъ манеру говорить, составившую славу г-на Тьера:

«Это не ораторство, а болтовня, но болтовня живая, блестящая, легкая, одушевленная, пересыпанная историческими чертами, и озаренная блескомъ мысли; и все это говорится, прерывается, отрѣзывается, связывается, развязывается, и снова склеивается, съ изворотливостью языка, рѣшительно необычайною. Мысли такъ скоро рождаются въ его головѣ, что подумаешь, будто онъ явились прежде, нежели успѣли ихъ сообразить. Гигантскихъ лёгкихъ было бы недостаточно для повторенія того, что наговорить этотъ *spirituel* карликъ. Природа, всегда осторожная и предусмотрительная въ своихъ дарахъ, хотѣла, кажется, сосредоточить всѣ силы мужества въ слабыхъ органахъ его гортани.»

Обожатели г-на Шила (Shiel) любятъ сравнивать его съ г-мъ Тьеромъ; но сходство ихъ, по нашему мнѣнію, только кажущееся. Итогъ характера г-на Тьера хорошо сведенъ г-мъ Тимономъ:

«Г-нъ Тьеръ вступилъ въ свѣтъ Божій, не бывъ взлелѣянъ. Родившись бѣднякомъ, онъ алкалъ богатства; родясь незнатнымъ, онъ хотѣлъ блестящаго имени. Не успѣвъ въ своихъ видахъ какъ адвокатъ, онъ сдѣлался писателемъ и бросился въ либеральную партію, болѣе по необхо-

димости, нежели по внутреннему убъжденію. Тогда онъ принялся удивляться Дантону и Монтаньярамъ, и доводилъ до восторга расчетливый фанатизмъ своихъ гиперболъ. Пожираемый желаніями, какъ всѣ люди съ живымъ воображеніемъ, онъ былъ обязанъ началомъ своего богатства г-ну Лафитту, а славой своему собственному таланту. Впрочемъ, безъ переворота 1830, г-ну Тьеру не бывать бы теперь ни избирателемъ, ни избираемымъ, ни депутатомъ, ни министромъ, ни даже академикомъ; онъ состарился бы въ литературномъ уваженіи какой нибудь *coterie*. Съ той эпохи (1830) г-нъ Тьеръ оставилъ прежнюю партію и сдѣлался, изъ личныхъ выгодъ, поборникомъ привилегій. Имя его неразрывно съ *état de siège* Парижа, *mitrillades* Ліона, съ великолѣпными строеніями на *Rue Transnonain*, съ изгнанными Монть Сень-Мишеля, съ законами относительно политическихъ союзовъ, налоговъ, публичныхъ глашатаевъ, уголовныхъ судей и газетъ, со всѣмъ, что осквернило книгопечатаніе, унизило присяжныхъ, разъединило патріотовъ, со всѣмъ, что послужило къ растлѣнію народной нравственности.

«Когда человекъ безъ характера и безъ добродѣтели получить воспитаніе, болѣе литературное нежели нравственное, и если на рукахъ Фортуны онъ взберется на верхъ лѣстницы могущества, то возвышеніе непременно вскружить ему голову. Видя себя одинокимъ на высотѣ, и не зная на что опереться, не возбуждая самостоятельнаго уваженія къ себѣ и не имѣя сподвижниковъ, принадлежа и не желая принадлежать къ народу, и incapable, что бы онъ ни дѣлалъ, сдѣлаться настоящимъ аристократомъ и вельможею, онъ соединяетъ въ себѣ смѣсь низости съ высокомеріемъ, смиряется передъ силою для того, чтобъ во зло употребить силу, какую успѣетъ захватить въ свои руки. Люди такого рода похожи на завербованныхъ жертвъ геэнны, заключившихъ до-

говоръ съ дьяволомъ. На нихъ лежитъ замѣтка, сдѣланная его когтями, и если они осмѣлятся обернуть голову, сломать хоть одно звено своей цѣпи, сдѣлать хоть одинъ шагъ,— ихъ адскій владыка, которому тѣло ихъ предано и душа ихъ продана, взываетъ къ нимъ: *Ты мой!*» (Ч. II, стр. 21.)

Г-нъ Тьеръ служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что человекъ съ разсудкомъ, имѣвшій несчастіе начать политическую жизнь либеральнымъ энтузіастомъ, достигши власти, непременно увидитъ, что ученіе и понятіе его молодости были совершенно нелѣпы и несообразны не только съ началомъ хорошаго правительства, но даже съ существованіемъ какого бы то ни было рода общества.

Передъ нами два портрета г-на Гизо, которые любопытно сравнить между собою:

«Г-нъ Гизо,» говоритъ Тимонъ, «малого роста и сухощавъ, но имѣетъ выразительное лицо; особенно замѣчательны глаза его, полные огня. Но въ его взоръ и приемахъ есть что-то жесткое и педантское, какъ у всѣхъ доктринеровъ. Голосъ его полонъ, звонокъ, твердъ; онъ не всегда повинуется гибкимъ движеніямъ души, но рѣдко бываетъ глухъ или безжизненъ. Наружность его изысканно сурова, и всякое движеніе важно, не исключая даже и улыбки.» (Ч. II, стр. 1.)

Другой портретъ начертанъ въ началѣ одной статьи въ *Revue des Deux Mondes*. Онъ заключаетъ въ себѣ также фактъ для насъ новый, касающійся одного примѣчательнаго государственнаго человека въ Англии:

«Еслибъ вы вздумали оставить Парламентъ и перенестись въ засѣданіе вашей Палаты Депутатовъ, вы увидѣли бы на министерской скамьѣ (если бы

вы только поторопились) человекъ съ лицомъ блѣднымъ и изрытымъ глубокими морщинами, котораго впалые глаза кажутся огнями, скрытыми въ глубинѣ пещеры. Одна рука у него всегда за пазухой, и по ея судорожнымъ движеніямъ, вы подумаете, что это игрокъ, терзающій свою грудь въ страшномъ самозабвеніи отъ роковаго проигрыша. *Лордъ Джонъ Руссельъ, столь маленький, блѣдный и слабый, что его надобно положить на софу послѣ его рѣчи о «Парламентской Реформѣ»*, можетъ вамъ дать понятіе о его особѣ; но тотъ, о которомъ я говорю, не допустить, какъ лордъ Джонъ, чтобъ полуоконченные его періоды терялись въ воздухѣ. Его ѣдкая фраза рѣжетъ и раздражаетъ въ одно и то же время; его глубокій и почти могильный голосъ усиливаетъ мрачное выраженіе его фізіогноміи, и если онъ иногда вздумаетъ пустить сарказмъ — что впрочемъ бываетъ весьма рѣдко — то эта насильственная насмѣшливость имѣетъ что-то ужасное.»

Оба портретиста согласны въ одномъ пунктѣ: что когда Гизо всходитъ на трибуну, онъ живо напоминаетъ Кальвинистскаго проповѣдника, и что рѣчи его часто походятъ на проповѣди, по своему составу и изложенію. Единственное основаніе такого сходства есть, какъ кажется, нѣкоторая суровость взгляда и пріемовъ, и привычка увлекаться предметами въ родѣ тѣхъ, которые иногда превращали Борка и Мекинтоша въ грубіяновъ — замѣтимъ мимоходомъ, болѣе не къ чести слушателей, чѣмъ самихъ ораторовъ.

Г-нъ Тимонъ очень не любитъ Гизо. Вотъ какъ говоритъ онъ о школѣ, которую образовалъ Гизо вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими:

«Уже двадцать лѣтъ, какъ эта злополучная школа управляетъ понятіями юношей, употребляя во зло ихъ благородныя побужденія и затмѣвая ихъ свѣжій,

чистый разумъ. Изъ нея выходятъ умы ложные, сердца, не согрѣваемые никакимъ высокимъ энтузіасмомъ, жаждущія только удовольствій позорныхъ и эгоистическихъ, мучимыя духомъ сомнѣнія, сердца гаснущія и умирающія прежде, чѣмъ они жили истинною человѣческою жизнію.

«Да, главы новыхъ ученій испортили юношество, философію и языкъ. Если когда нибудь красивый Французскій языкъ сдѣлается мертвымъ, мы предупреждаемъ потомство, что г-да Гизо, Ройе-Колларъ и Кузень, эти двигатели современнаго просвѣщенія, эти три философа и профессора неисповидимой метафизики, будутъ для него недоступны; ихъ нельзя будетъ перевести ни на какой языкъ, потому что мы, современники, ровно ничего въ нихъ не понимаемъ.

«Г-нъ Гизо составилъ себѣ какой-то странный языкъ для выраженія понятій также странныхъ, — языкъ надутый, испещренный неправильными оборотами и тощею, бесплодною терминологіею, — языкъ пустой, котораго въ то же время никто не понимаетъ, — метафизическій, безъ всякой логики, догматическій, безъ выводовъ и доказательствъ, медленный, тяжелый въ оборотахъ, — языкъ, похожій на какую-то густую смолу, которою нельзя даже смочить горящихъ и иссохшихъ устъ. Трудолюбивые комментаторы напрасно истощаютъ свои силы, чтобы разгадать его. И это представители Французскаго ума? Геній есть свѣтъ; что не ясно, то не по-Французски.» (Ч. II, стр. 6, 7.)

Теоріи правительства и законодательства г-на Гизо извѣстны всей Европѣ; посему бесполезно выстав-
лять, въ чемъ именно онъ пришелся не по вкусу партіи, къ которой г-нъ Тимонъ нынѣ принадлежитъ. Впрочемъ, г-нъ Тимонъ откровенно признается, что когда г-нъ Гизо отложитъ свои философіческія спекуляціи и снизойдетъ къ суще-

ственнымъ дѣламъ, онъ умѣетъ не хуже всякаго другаго идти къ своей цѣли, не сказать ничего лишняго, и говорить хорошо. Его изложеніе также, какъ увѣряютъ, чаще и тверже, нежели всякаго другаго импровизирующаго оратора Палаты. Любимый способъ разсужденія Гизо тотъ же, что и другаго, въ нѣкоторомъ отношеніи, учителя его, Ройе-Коллара. Онъ одну какую нибудь важную идею дѣлаетъ осью своей рѣчи. «Его ораторство не иное что, какъ развитіе предположенной темы. Если идея вѣрна, то вся его рѣчь справедлива; если идея ложная, то и вся рѣчь ложь.» Онъ никогда не увлекается внезапными движеніями и рѣдко прибѣгаетъ къ личностямямъ.

«Оппозиція считаетъ г-на Гизо жестокимъ. Его влажные глаза, блѣдное лицо, сжатые губы, даютъ ему видъ челоука, осужденнаго въ ссылку. Ему приписываютъ знаменитую фразу: *«soyez impitoyables»* — ужасную, если только она въ самомъ дѣлѣ произнесена. Правда, нѣсколько времени онъ былъ опасно боленъ пламеннымъ фанатизмомъ: но это было отъ жаркой погоды, которая всегда имѣетъ вліяніе на нѣкоторые умы. Нельзя также не видѣть, что между проповѣдываемой имъ теоріею ужаса, какъ бы она ни была хороша, и между его практикою существоуетъ большое разстояніе.

«Почему мнѣ не сказать, какъ не велико мое желаніе быть безпристрастнымъ, что г-нъ Гизо отличается строгою и чистою нравственностію, и что, по высокимъ правиламъ его жизни и чувствамъ, онъ достоинъ уваженія честныхъ людей? Я былъ свидѣтелемъ его родительской горести, и суровости его стоицизма. Душа его одарена великою твердостью.»

Трудно согласить одинъ хорошо извѣстный анекдотъ изъ его юности съ понятіемъ о мнимомъ его

жестокосердіи. Полина де Меланъ, женщина весьма образованная, поддерживала свое существованіе статьими, которыя писала для журнала «Publiciste». Она занемогла и, бывъ не въ силахъ, безъ большаго вреда своему здоровью, продолжать своихъ занятій, должна была переносить величайшія лишенія. Такимъ образомъ она страдала долго. Однажды приносятъ ей пакетъ, съ весьма хорошо написанною статьею, и записку, въ которой сочинитель изъявлялъ желаніе остаться неизвѣстнымъ, но обѣщаль писать для нея все требуемыя отъ нея статьи до тѣхъ поръ, пока она сама не будетъ въ состояніи принятыя за работу. Онъ сдержалъ свое слово; и уже по совершенномъ ея выздоровленіи, одинъ блѣдный, молчаливый молодой человекъ, котораго она видала у г-на Сюарда, попросилъ позволенія видѣть ее, и сознался, что онъ ея благодѣтель. Это былъ Гизо; черезъ нѣсколько времени Полина де Меланъ вышла за него замужъ.

Что говорили о Флудъ (Flood), соперникъ Граттана, и о Дундасъ, другъ Питта, то же самое можно сказать и о г-нѣ Могенъ (Mauguin). Его надобно цѣнить не по рѣчамъ и отдельнымъ выходкамъ, а по его готовности дѣйствовать всегда, какова бы ни была погода, по смѣлости, съ какою онъ встрѣчаетъ все трудности и постоянному противудѣйствию всякаго рода политикъ, несообразной съ его понятіями о патріотизмъ. Пересматривая рѣчи г-на Могена, мы находимъ немного поразительнаго или достойнаго выписки, именно потому, что ни одна изъ нихъ не была обработана для подобной цѣли; но мы невольно удивляемся мужеству, гибкости, находчивости, ясности и плодовитости оратора, и вполне понимаемъ силу, какую человекъ такого рода можетъ придать своей партіи. Когда сиръ Эдвардъ Сугденъ (Sugden) въ послѣдній разъ возвратился въ Парламентъ, то, говорятъ, что *attorney-ge-*

neral признался, что онъ охотно бы заплатилъ тысячу фунтовъ стерлинговъ, лишь бы только онъ оставался за дверьми. Мы не сомнѣваемся, что каждое изъ Французскихъ Правительствъ послѣднихъ десяти лѣтъ готово было бы удесятерить эту сумму, чтобъ только избавиться отъ Могена. Они напрасно старались бы подкупать его. Не говоря уже о его доказанномъ безкорыстїи, онъ недавно получилъ имѣніе въ три или четыре милліона франковъ. Г-нъ Могенъ имѣетъ повелительную осанку, (похожую по массивности на О'Конелеву), открытое, выразительное лицо, прекрасный голосъ, привлекательный своими меланхолическими тонами, благородство въ обращенїи и прїемахъ и обладаетъ большимъ разговорнымъ талантомъ. Онъ наиболѣе превосходенъ въ ироническихъ примѣненїяхъ или въ возраженїяхъ. Г-нъ Тимонъ, который его не любить, хоть и увѣряетъ въ противномъ, бранить его безжалостно за его рѣчь объ иностранныхъ дѣлахъ, въ которой, дѣйствительно, онъ показываетъ нѣкоторымъ образомъ слишкомъ сильную склонность къ войнѣ. Въ добавокъ къ своей парламентской знаменитости, г-нъ Могенъ сльветъ отличнымъ адвокатомъ. Онъ родился въ 1785, а г-нъ Гизо въ 1787.

Г-нъ Одилонъ-Барро (*Odilon-Barrot*) имѣетъ, можетъ быть, болѣе непосредственнаго вліянія на дѣла Франціи, нежели кто либо изъ упомянутыхъ нами ораторовъ. Онъ достигъ сего долгимъ путемъ политическаго благоразумїя и честности. Его рѣчи носятъ на себѣ также отбѣнокъ глубокомыслія и нравственнаго достоинства, въ особенности тѣ, которыя онъ назначаетъ для печати. Онъ говоритъ рѣже чѣмъ г-нъ Могенъ, и потому многіе предпочтительно желаютъ имѣть его своимъ главою, ибо вообще думаютъ, что человекъ, рѣшающійся судить о всѣхъ возможныхъ вопросахъ, непременно долженъ споткнуться на нѣкоторыхъ. Но хотя г-нъ Одилонъ-Барро разсудительный и достойный ораторъ, онъ далекъ одна-

кожѣ отъ холодности и формальности; напротивъ того, онъ одушевляется по мѣрѣ продолженія рѣчи, и при случаѣ у него являются вспышки чувства, которыя г-нъ Тимонъ хорошо назвалъ краснорѣчіемъ сердца. Боле пылкіе члены его партіи обвиняютъ его въ томъ же, въ чемъ недавно обвиняли герцога Веллингтона и сиръ Роберта Пиля: они говорятъ, что онъ не довольно смѣлъ:

«Владѣя своими страстями и словами, онъ укрощаетъ вокругъ себя досаду центровъ и бурные взрывы лѣвой стороны. Онъ въ трудныхъ мѣстахъ приготавливаетъ и прикрываетъ отступленіе, съ искусствомъ хорошаго стратегика: это Фабій Кунктаторъ оппозиціи. Къ несчастію, эта медлительная тактика, когда къ ней прибѣгаютъ слишкомъ часто, охлаждаетъ парламентскую смѣлость, которая и безъ того не слишкомъ велика. Дѣло наступающей или противоборствующей партіи состоитъ не въ томъ, чтобъ скрываться за обозомъ: она должна отважно сражаться въ самомъ жаркомъ пылу битвы. Когда слушатели не видятъ этихъ бойцовъ первыми на приступѣ и въ боевомъ огнѣ, то они утомляются, зѣваютъ, отворачиваются и обращаются къ другимъ предметамъ.» (Ч. II, стр. 139.)

Можетъ быть, это замѣчаніе отчасти и справедливо, но мы полагаемъ, что Одилонъ-Барро знаетъ (чего г-нъ Тимонъ не замѣчаетъ, а если и видитъ, то не хочетъ видѣть), въ какую пропасть можетъ низвергнуть монархію одинъ неосторожный шагъ. Г. Одилонъ-Барро одинъ изъ самыхъ достойныхъ Французскихъ законовѣдцовъ; онъ по временамъ посылаетъ свои статьи въ періодическія изданія, выходящія по сей части на материкъ. Ему отъ роду сорокъ четыре или сорокъ пять лѣтъ; онъ средняго роста, имѣетъ хорошій голосъ, и замѣчательно красивое и возвышенное чело.

Мы не разсматривали главу, подъ названіемъ. «Сравненіе Ораторовъ и Писателей» до тѣхъ поръ, пока не дошли до г-на Ламартина, потому что онъ представитель Литтературы болѣе, нежели кто либо изъ упомянутыхъ нами знаменитыхъ писателей. Гг. Гизо и Тьеръ, напримѣръ, болѣе извѣстны политическою своею дѣятельностію, чѣмъ литтературными произведеніями; но слава г-на Ламартина, что бы онъ ни говорилъ, все таки будетъ заключаться въ его поэзіи. То же самое случилось бы и съ Байрономъ, еслибъ его первыя парламентскія попытки были удачны: Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли сердиться на неудачу тотъ, кто иногда, не только противурѣчитъ себѣ, но даже при случаѣ самъ себя опровергаетъ?

Главный вопросъ сей главы состоитъ въ томъ: отъ чего Франція, имѣющая такъ много парламентскихъ ораторовъ, имѣетъ такъ мало политическихъ писателей, хотя требуется много условій (какъ, напримѣръ, быть избирателемъ и избираемымъ) для того, чтобъ сдѣлаться ораторомъ, а всякій, кто только хочетъ, можетъ сдѣлаться писателемъ? Г-нъ Тимонъ рѣшаетъ эту задачу, говоря, что легче хорошо говорить, нежели хорошо писать. Но прежде нежели мы примемъ разсуждать объ этомъ, мы желали бы съ достовѣрностію знать: что онъ разумѣетъ подъ тѣмъ и другимъ? Намъ поражаетъ такое небрежное сравненіе двухъ степеней превосходства, весьма далекихъ другъ отъ друга. Когда говоритъ онъ о политическихъ писателяхъ, то у него передъ глазами Ла Менне и Шатобріанъ, тогда какъ подъ названіемъ «Парламентскихъ Ораторовъ» онъ разумѣетъ всѣхъ, кто только въ состояніи заставить себя выслушать въ Палатѣ, или чьи рѣчи помѣщаются въ Мониторѣ. Во всякомъ другомъ смыслѣ несправедливо мнѣніе, что хорошіе писатели рѣже хорошихъ ораторовъ. Въ то же время мы убѣждены, что хорошо соображенная и хорошо написанная рѣчь требуетъ бѣльшаго таланта, нежели

обыкновенная импровизация, гдѣ составъ рѣчи и главные предметы являются во время самаго пренія; и что гораздо легче члену Парламента заставить себя слушать, нежели частному человѣку заставить себя читать. Но вотъ болѣе важный вопросъ: часто ли литераторы имѣютъ успѣхъ въ Парламентѣ? Отвѣтъ будетъ состоять въ анализированіи сего вопроса: ибо Литтература заключаетъ въ себѣ всѣ роды сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя сходны съ ораторствомъ, другія не сходны, а нѣкоторыя даже диаметрально противоположны ораторству. Напримѣръ, читая Аддисона, мы чувствуемъ съ перваго раза, что, не смотря на свой литературный талантъ, онъ былъ бы плохимъ членомъ Парламента; но читая Болинброка, мы воображаемъ его декламирующимъ. Дайте намъ сочиненія какого нибудь писателя, дайте намъ взглянуть на него и — если возможно — слышать его разговоръ о какомъ нибудь занимательномъ предметѣ, — и мы можемъ еще попытаться опредѣлить степень его успѣха на ораторской каеедрѣ. Но устанавливать общія правила о семъ предметѣ — съ цѣлью извлекать изъ нихъ частныя опредѣленія, будетъ похоже на дѣйствія Лапутановъ (the Laputans), мѣрившихъ людей для платьевъ.

Лордъ Бруггамъ въ своей вступительной рѣчи въ Глазговъ, совѣтуетъ чаще сочинять на бумагѣ; онъ утверждаетъ, что человѣкъ, привыкшій выразить свои идеи на бумагѣ, долженъ имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ тѣмъ, кто никогда этого не дѣлалъ. На это можно было бы отвѣчать, что тотъ, кто занимается исключительно сочиненіемъ рѣчей, вѣроятно, привыкнетъ къ слогу, худо приспособленному для пренія. Здѣсь кстати вспомнить извѣстное замѣчаніе Фокса: «Хорошо ли рѣчь читалась? Если да, то вы можете быть увѣрены, что рѣчь была нехороша.» Посему, мы готовы вѣрить, что молодымъ писателямъ литературныя привычки могутъ быть еще

*

полезны; но писатели съ упроченною уже славою, въ парламентскихъ успѣхахъ, будутъ наиболѣе зависть отъ своего слога.

Г-нъ Ламартинъ, по словамъ Г-нъ Тимона, хорошо доказываетъ собою нашу теорію; рѣчи его имѣютъ точно тотъ характеръ, какого должно отъ нихъ ожидать по его сочиненіямъ. Но г-нъ Тимонъ не слишкомъ высоко ставитъ его стихотворенія; а посему, вѣроятно, онъ не довольно основательно оцѣняетъ его ораторскія достоинства. Онъ откровенно признается, что Ламартинъ имѣетъ прекрасную наружность, правильныя черты лица, твердую и благородную осанку, доброе сердце, возвышенныя чувства и неукоризненную правдивость; что онъ отлично владѣетъ языкомъ, и отвѣчаетъ на возраженія съ блистательною легкостью. За то, говорятъ, у него нѣтъ страсти и вдохновенія во взглядѣ, жестахъ и голосѣ; что онъ свѣтитъ, а не согрѣваетъ; что онъ религіозенъ, но безъ истинной вѣры, и что тотъ же недостатокъ логики, который такъ ощутителенъ въ его поэзіи, еще болѣе вредитъ ему въ парламентскихъ преніяхъ. Похвалы Ламартину мы можемъ подтвердить собственнымъ свидѣтельствомъ; что же касается до остатка Тимонова изображенія, мы согласны, что г-нъ Ламартинъ показываетъ менѣ огня, нежели слѣдовало бы ожидать отъ поэта — можетъ быть по тому самому, что этого ожидаютъ, онъ растягиваетъ свои мысли, многословитъ — и обращаетъ слишкомъ много вниманія на слогъ и манерность, пока не разогрѣется. За то онъ всегда говоритъ не иначе, какъ по внутреннему убѣжденію, и въ минуты сильнаго возбужденія, дѣлается самымъ одушевленнымъ и пылкимъ ораторомъ Палаты.

Послѣ такого вниманія, оказаннаго нами Литтературѣ, наука имѣла бы право жаловаться, еслибъ мы не сказали ничего о ней, особенно, когда представителемъ ея является г-нъ Араго, занимающій пер-

вое мѣсто между нынѣшними Европейскими знаменитостями. Рассказывать и разбирать, какими изслѣдованіями или открытіями онъ достигъ своей славы, было бы не наше дѣло; г-нъ Тимонъ жжалъ все, что только можно хорошо сказать о его ораторскомъ поприщѣ, въ одинъ параграфъ, и мы этимъ параграфомъ поспѣшаемъ кончить наше изложеніе:

«Когда г-нъ Араго всходитъ на трибуну, депутаты, любопытные и внимательные, наклоняются впередъ и ждутъ въ безмолвіи. Зрители придвигаются ближе и смотрятъ на него съ жадностью. Онъ высокъ ростомъ, волосы его взбиты, и красивая голова южнаго жителя какъ будто повелѣваетъ собраніемъ. Образованіе его висковъ показываетъ силу воли и размышленія, и обнаруживаетъ высокій умъ. Г-нъ Араго не походитъ на тѣхъ ораторовъ, которые легко разглагольствуютъ о всѣхъ предметахъ, и сами не понимаютъ ни того, что они говорятъ, ни того, о чемъ идетъ дѣло; онъ говоритъ только о вопросахъ, глубоко имъ изученныхъ,—вопросахъ, соединяющихъ въ себѣ занимательность настоящаго обстоятельства съ привлекательностью науки. Рѣчи его отличаются возвышенностію общихъ идей глубокими истинами опыта; онъ въ одно время дѣйствуютъ на умъ слушателей и возбуждаютъ всѣ страсти; посему, онъ легко преклоняетъ ихъ на свою сторону. Лишь только онъ начинаетъ разсуждать о чемъ нибудь, всѣ взоры сосредоточиваются на немъ. Вамъ кажется, что онъ держитъ науку въ своихъ рукахъ; онъ очищаетъ ее отъ техники и жесткости, и дѣлаетъ ее столь простою и понятною, что самые невѣжественные изъ служителей удивляются, что они такъ ясно постигаютъ предметы, казавшіеся имъ недостижимыми. Его одушевленная и выразительная физиогномія дѣлаетъ его ораторское обаяніе еще болѣе могущественнымъ. Въ его доказательствахъ такъ много

ясности, что кажется, будто изъ его глазъ, пальцевъ и рта исходятъ лучи свѣта. Онъ пересыпаетъ свои рѣчи ѣдкими примѣненіями, вызывающими на бой, или остроумными анекдотами, украшающими предметъ, безъ обремененія его. Когда онъ ограничивается простымъ изложеніемъ фактовъ,—краснорѣчіе его имѣетъ всю естественную прелесть простоты: но когда, ставъ предъ наукою лицомъ къ лицу, онъ взираетъ на нее съ важностью и готовится открывать ея таинства или возвыщать ея чудеса, тогда, проникнутый священнымъ благоговѣніемъ, онъ говоритъ языкомъ великолѣпнымъ; голосъ его возвышается, слогъ дѣлается богаче и богаче — и краснорѣчіе его становится столь же высокимъ, какъ и самый предметъ.» (Ч. II, стр. 184.)

II.

СТИХИ ВЪ АЛЬБОМЪ

П. И. РИКОРДА,

писанные Кардиналомъ Меццофанти.*

Счастье міра чшо? Мечша.
Слава чшо? Тѣнь, суеша.
Блаженъ, кшо право Бога знаешъ
И искренно Его желаешъ!

Римъ, 1838.

* Читателямъ, конечно, извѣстно, что почтенный Меццофанти представляетъ собою удивительное явленіе умственнаго міра: онъ знаетъ сорокъ языковъ, древнихъ и новыхъ, Восточныхъ и Европейскихъ, и на множествахъ изъ нихъ *пишетъ* и *говоритъ*, между прочимъ и на *Русскомъ*. Знаменитый мореходецъ нашъ, П. И. Рикордъ, въ бытность свою въ Римѣ, обласканный добрымъ и пріятнымъ Итальянскимъ лингвистомъ, просилъ его написать что нибудь на память. Русскіе стихи Меццофанти можно почесть такою рѣдкостью, что мы просили П. И. Рикорда позволить намъ напечатать ихъ и приложить *снимокъ* оригинала ихъ при нашемъ Журналь. Р. С. О.

III.

БЕЗЦѢННЫЙ ДАРЪ.

БАЛЛАДА.

(ПОДРАЖАНІЕ УЛАНДУ).

Кто шамъ, при блѣдномъ звѣздѣ сѣни,
 Черезъ паркъ задумчиво идешь?
 Бышь можешь, спрашное свиданье
 Избранника младаго ждешь? ..
 Ахъ, шо скишалець злополучный!
 Онъ подь окномъ у замка съль...
 Чу!... голосъ лиры среброзвучной!
 Пѣвецъ вздохнулъ — пѣвецъ запѣлъ:

«Эльвина, о мой ангелъ нѣжный!
 Твой сладокъ, мирень сонъ, иль нѣшь?...
 Пущь крѣпокъ онъ — пущь безнадежно
 Забышый другъ любовь поешъ!...
 Въ изгнаньи, въ шягосшной неволѣ,
 И жизнь, и мѣръ я проклиналъ —
 А злобный демонъ мнѣ шепшалъ:
 «Эльвины не увидишь болѣ!»

«О! помню, какъ явился я
 Въ шомъ чудномъ, пиршешвенномъ залѣ,
 Гдѣ послѣ бишвы ликовали
 Бароны, графы и князя!
 Ты красошою побѣдила
 Побѣдоносцевъ и вождей;
 Привѣшь — героямъ подарила,
 А мнѣ — небесный взглядъ очей!

«Какъ пресшарѣлый швой опецъ
 Невѣшпой-дочерью гордился...
 При немъ, Эльвина, совершился
 Союзъ двухъ счастливыхъ сердець!
 Умчался годъ — супругъ швой милый
 Давно въ землѣ сырой лежишь....
 Гдѣжь швой пѣвецъ? Въ слезахъ, спойшь
 Онъ подъ окномъ вдовы унылой!»...

Замолкъ. Бѣшь полночь; все шемно...
 Луна сквозь облакъ просіяла,
 И расшворилося окно,
 И что-то звонкое упало:

«Какъ чувшвамъ пѣснь швоя волшебно говоришь!
 «Ахъ, не забудь меня, скипалець вдохновенный!
 «Возьми кольцо — на пемъ брильяншъ неоцѣненный:
 «Невольная слеза — слеза любви блеспишь!»

ТРАУМЪ.

=

IV.

МОЯ ЗВѢЗДОЧКА.

=

Въ былое время свѣшлыхъ думъ,
 На небѣ звездочку видалъ я золошую:
 Она неопышный мой умъ
 Вела въ обишель не земную.
 Привѣшливо сіяла мнѣ
 Она въ воздушной вышинѣ!
 Пошокъ лучей ся огнишый
 Меня шаиншвенно прельщаль,
 И мой воспоргъ, какъ небо чистый,
 На небесахъ ее вспрѣчалъ.

Какъ помню я ея сіянье
 И препенъ свѣша, блескъ лучей,
 И въ наслажденьяхъ созерцанья
 Минувшихъ шолько милыхъ дней!
 Но шучи темныя, волнами,
 Какъ море, въ небѣ разлились,
 Между землей и небесами
 Онѣ шуманами свились....
 И ясно было вновь, но гдѣ же
 Моей звѣзды привѣшннй свѣтъ?
 Ея подруги шамъ, все нѣ же —
 Одной моей на небѣ нѣтъ!...
 И шщешно грушннй взоръ кочуешъ
 По шверди шемно-голубой,
 И сердце ноешъ и поскуешъ
 По милой звѣздочкѣ моей....
 Въ шамншвенной глубли небешной
 Напрасно жадннй взоръ шоплю....
 Тамъ нѣтъ звѣзды моей прелешной,
 Тамъ нѣтъ звѣзды, чшо я люблю!

В. ПАРШИНЪ.*

Пергинскъ.

=

* И — прибавимъ для чнтателей — поэтъ самоучка Забайкальской стороны. Р. С. О.

У.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

(Повѣсть Жюль-Жанена).

—

I.

Графъ Воклеръ, значительный военный чиновникъ, жилъ въ уединеніи съ своею единственною дочерью. Онъ представлялъ собою странную смѣсь простоты и гордости; удалился изъ Франціи во время ужасовъ Революціи, но не имѣлъ ничего общаго съ другими эмигрантами; возвратился при первомъ всепрощеніи, и не показывалъ особеннаго уваженія къ перерожденной Франціи. Наполеонъ, иногда любившій независимость характера, почти искалъ графа Воклера, и какъ истинная аристократія извиняетъ неподдѣльное величіе, вниманіе Императора обратилось къ чести и славы того и другаго. Воклеръ получилъ обратно свое имѣніе и удвоилъ свою почетность. Во время паденія Наполеона, онъ былъ уже артиллерійскимъ генераломъ и, при покровительствѣ Императора, успѣлъ жениться на богатой двушкѣ.

Черезъ годъ потомъ, съ прискорбіемъ, но рѣшительно, онъ отказался участвовать въ новомъ предпріятіи Императора: онъ далъ уже присягу новому правительству, и что бы ни говорила его признательность, разумъ отвѣчалъ ему: присяга всегда присяга.

Въ первыя минуты восторга, товарищи, восхищенные возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, не щадили Воклера. Но Императоръ понималъ людей. Онъ замолчалъ и задумался, когда ему передали Воклеровъ отзывъ на предложеніе вступить въ службу. Никто не смѣлъ ничего совѣтовать Наполеону. По мрачному и въ то же время печальному выраженію, какое на мгновеніе мелькнуло по его лицу, можно было угадать, что въ поступкѣ Воклера онъ провидитъ участь своего дѣла.

При такой прямоѣ, при такомъ понятіи о чести, недоступномъ понятію другихъ, Воклеръ долженъ былъ уклониться отъ дѣла. Переменчивости предательства того времени онъ не умѣлъ понимать. Движеніе Франціи въ 1815 г. не увлекло его; онъ вѣрилъ, что судьба рѣшаетъ однажды и рѣшаетъ навсегда; что было, тому не воротиться, какъ оно ни называйся. Призраки прошедшаго Воклеръ представлялъ ихъ жребію. Но онъ оставилъ свѣтъ такъ, какъ другіе съ нимъ знакомятся; онъ дрался на дуели. Одинъ изъ жаркихъ защитниковъ возвращенія съ Эльбы колко намѣкнулъ Воклеру о странной преданности его новому владычеству. Хладнокровно потребовалъ объясненія Воклеръ, и оно воспрепятствовало его сопернику сражаться при Ватерлоо. Потомъ, когда раненый излечившись отъ раны и отъ бонапартизма, появился въ переднихъ Лудовика XVIII, Воклеръ не думалъ объ немъ; онъ вспомнилъ о немъ гораздо позже, и съ нѣкоторымъ участіемъ, узнавъ объ его смерти, послѣдовавшей, какъ говорили, отъ неосторожностей въ жизни, раскрывшихъ его рану.

Эта простота ума такъ его возвышала, что вторичное возвращеніе Бурбоновъ, измѣнившее направленіе всѣхъ политическихъ видовъ, несдѣлало на него ни-

какого вліянія. Въ его здоровой и сильной душѣ не было мѣста для горькихъ ощущеній.

Жестокая потеря спасла его отъ обыкновенныхъ заботъ: его жена, молодая и любимая, умерла родами. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, коихъ не должно хвалить: простая, любящая, съ ангельскою душою, она не была замѣчена въ свѣтъ, какъ и все, что выше свѣта. Хотя Воклеръ былъ солдатъ, однакожь превосходно понималъ ее. Другіе, судя о ней, рѣшили, что она то и то; онъ одинъ понималъ, что нѣтъ названій для ея качествъ. Онъ такъ ее любилъ, что не хотѣлъ ее разгадывать. Какое-то чувство шептало ему, что сердце не должно искать опредѣленій; онъ принялъ счастье такимъ, какимъ оно ему досталось,—неожиданнымъ, разнообразнымъ и постоянно измѣняемымъ. Такому положенію души находятъ имя, когда все теряютъ.

Послѣ смерти жены, вся любовь графа обратилась на дочь.—Бланка будетъ похожа на мать, у ней будетъ такой же голосъ, тѣ же пріемы, тотъ же взглядъ. Воклеръ имѣлъ нужду вѣрить этому. Кто не хочетъ слить прошедшаго съ будущимъ? Какая отцовская душа не живетъ вдвойнѣ, неопредѣленно, и тѣмъ, что она потеряла, и тѣмъ, чего ищетъ?

Такія мысли воскресили Воклера. Бланка выросла, а онъ узнавалъ въ ней именно то, чего не успѣлъ замѣтить въ женѣ. Онъ видѣлъ дочь свою, и въ нѣжности его было менѣе смущенія, не было ничего земнаго. Онъ могъ думать, сколько угодно, чего не было при графинѣ. Бланка походила на мать болѣе сердцемъ и умомъ, чѣмъ наружностію.

Воклеръ былъ богатъ, независимъ, любилъ уединеніе; онъ могъ жить, сколько хотѣлъ, въ деревнѣ, куда онъ удалился послѣ смерти жены своей. Есть

тайное сочувствіе между солдатомъ и деревенскимъ жителемъ. Оба живутъ поэзіею, да притомъ истинною, т. е. сами того не зная; одинъ живетъ шумными впечатлѣніями, другой — величественнымъ спокойствіемъ; съ одной стороны, человекъ и адская часть его могущества, искусство разрушать; съ другой, духъ жизни, величавый покой души, созданіе, пріятно исчезающее въ безпредѣльности созданнаго.

Воклеръ любилъ дочь для нея самой; онъ ошибся, вообразивъ, что будетъ дурнымъ воспитателемъ. Добрякъ не смѣлъ думать, что Бланка будетъ такою, какою ей слѣдовало быть. Онъ былъ неучень; такимъ преимуществомъ онъ обязанъ старинному воспитанію; военная жизнь, избранная имъ по инстинкту, усилила въ немъ отвращеніе къ книгамъ и свѣту, но отцовское сердце превозмогло въ немъ философію.

Бланка покорилаcь отрицательному воспитанію. Когда генераль говорилъ, что ее надобно везти въ Парижъ, для окончанія воспитанія, она улыбалась, потому что онъ смѣялся; и мечтала, потому что онъ задумывался; вотъ и все!

Воклеръ принималъ нѣкоторыхъ сосѣдей, но не для себя, а для Бланки; онъ не хотѣлъ занимать дочь единственно собою, и благодарилъ, когда доставляли ей развлеченіе. Такой расчетъ, очень великодушный, вмѣшалъ въ себя и родительскій эгоизмъ; Бланка возвращалась къ нему съ большею нѣжностію, съ большею любовью. Минутное пожертвованіе влекло за собою удвоенныя наслажденія. Чтобы понять эти ребячества, надобно ухъзть за сто миль отъ Парижа. Счастливая дочь, счастливый отецъ содѣйствовали имъ всею душою, и ребячества становились дѣломъ великимъ и истиннымъ.

Между лицами, пріѣзжавшими въ замокъ по дружбѣ или отъ скуки, Бланка могла замѣтить, еслибъ

захотѣла, Альфреда Мармё. Это былъ молодой человекъ, двадцати восьми лѣтъ, занятый собою; онъ зналъ, когда улыбался, видѣлъ свой собственный взглядъ, и думалъ, что все знаетъ.

Альфредъ заботился только о тѣхъ, которые имъ не занимались; онъ цѣнилъ ласки генерала, только потому, что Бланка оказывала къ нему глубочайшую невнимательность. Она такъ искренно презирала г-на Альфреда, что сама о томъ не думала. Ей даже казалось, что она хорошо съ нимъ обходится; она видѣла, что отецъ ея принимаетъ его ласково, разговариваетъ съ нимъ про редуты, парапеты и батареи, (такое отличіе не всѣмъ оказывалось), и добрая и неумолимая Бланка терпѣла при себѣ Альфреда, играла съ нимъ и шутила по-деревенски, но такъ, что приводила его въ отчаяніе. Онъ смотрѣлъ на нее, разбиралъ, разглядывалъ ее, а она не смущалась: она не смѣла быть застѣнчивою съ г-номъ Альфредомъ.

Что можетъ быть для васъ непріятнѣе женщины, которая васъ не боится?

Альфредъ утѣшился. Сначала онъ удивлялся, потомъ убѣдился, что Бланка уже побѣждена. Бланка не бѣжитъ отъ него: стало быть, онъ ее немного привлекаетъ? Такъ рассуждалъ г-нъ Альфредъ!

Бланка продолжала обходиться съ нимъ по прежнему, не давая себѣ ни въ чемъ отчета. Дозволяется г-ну Альфреду поздравлять себя съ побѣдою: ему нечего бояться противорѣчій.

Однакожь наружный видъ тѣсной дружбы пробудилъ сосѣдей: дамы поздравляли Альфреда, смѣялись надъ нимъ, или сердились на него. Альфредъ молчалъ, и терпѣніе его было не совсѣмъ глухое. Роль счастливаго рыцаря очень истерта, однако же

все еще въ чести; до новаго порядка вещей, преслѣдовать женщинъ и мстить за нихъ — вотъ дѣло тѣхъ, которые за ними гоняются. Узнавъ про выборъ Альфреда, соперницы Бланки заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ; дотѣхъ поръ, онѣ признавали ее сносною: чѣмъ меньше ее замѣчали, тѣмъ больше хвалили. Теперь все измѣнилось; бѣдная Бланка уже не то, что была. Ея очаровательная блѣдность, первое условіе красоты въ свѣтъ, теперь стало неблагоприятнымъ признакомъ; блѣдность неумѣстна въ деревнѣ, гдѣ воздухъ, движеніе, должны давать лицу яркую краску и удалять сомнѣнія о здоровьи. Обращеніе ея тоже не нравилось уже дамамъ; что принималось за благородство, то стали называть чванствомъ. Стыдились, что называли прежде пріятными ея движенія, ея спокойствіе, голосъ и молчаливость; теперь все это стало однообразіемъ. Когда она бѣгала, играла, шутила съ Альфредомъ, не смѣли сказать, что все это значить. Самъ Альфредъ, покорясь злобнымъ комментаріямъ, чувствовалъ необходимость понравиться Бланкѣ и заставить ее любить. Онъ сталъ преданнымъ изъ эгоизма, и влюбленнымъ изъ гордости.

Безпрерывная война принесла Альфреду пользу. Бланка не обращала еще на нее вниманія, она не думала, что хотять похитить у ней г-на Альфреда, потому что вовсе не думала о немъ. Ея хладнокровіе никого не обезоружило, и не остудило горячности г-на Альфреда. Онъ защищалъ Бланку, не публично, какъ дѣлаютъ хвастуны, но съ кромностию; онъ возвысился даже до скромности, ибо минутная его прихоть перешла въ страсть, а страсть доходила до добродѣтели.

Видите ли, какъ онъ облагораживается, сбрасываетъ старую кожу, и изъ свѣтскаго человѣка обращается просто въ человѣка, каковы всѣ другіе? Онъ былъ

полюнь собою, дерзко покорень съ женщинами; теперь онъ правдивъ, силенъ, остороженъ; онъ самъ себя награждаетъ за все, что дѣлаетъ для Бланки, но и боится, потому что много ее любить. Въствъ съ преданностію приходитъ и сомнѣніе: Альфредъ предался Бланкѣ на жизнь и на смерть; но она знаетъ ли объ этомъ? принимаетъ ли отъ него преданность? Высокое сомнѣніе, открывающее душѣ челоуѣческой всѣ радости и всѣ горести сверхъ-челоуѣческія!

Останавливаюсь.... Развѣ Бланка не женщина, скажете вы? Если Альфредъ ее любить и, въ виду двадцати провинціальныхъ франтихъ, неужели она этого не знаетъ?

Я васъ понимаю. У Бланки есть умъ, и, что еще хуже, есть сердце: изъ чего слѣдуетъ, что она хорошо понимаетъ вещи. Но Альфредъ, не забудьте, былъ признаваемъ за хвастуна, и былъ похожъ на него разговоромъ и походкою. Кто прожилъ хвастуномъ двадцать лѣтъ, тому не легко передѣлать себя совершенно.

Альфредъ перемѣнился, но только въ душѣ; и перемѣна шла своимъ порядкомъ, т. е. все исказила, какъ бываетъ со всеми перемѣнами. Онъ не былъ уже Альфредомъ, но не былъ еще ничѣмъ другимъ. Современемъ, само собою разуметсяя, новый челоуѣкъ выростеть. Альфредъ, жертва непритворной страсти, представлялъ собою странную смѣсь природы и искусства. Спокойствіе Бланки удерживало его: онъ не смѣлъ показывать своихъ чувствованій, и дерзко сбросить заимствованную кору, которая скрывала его отъ другихъ и отъ него самого. Бланка не любить его; но, можетъ быть, станеть любить! Это сомнѣніе приводило его попеременно къ отчаянію и къ восторгу, чаще къ отчаянію, ибо онъ не давалъ сердцу простора, не хотѣлъ сбросить съ него коры.

Видали ль вы чловѣка, обыкновенно смѣшнаго, когда къ нему придетъ внезапная мысль, и когда онъ не можетъ передать ее ни красками, ни жестами? Несчастнѣй смущается, проклинаетъ свою глупость, которой онъ прежде не подозрѣвалъ, или пробужденіе своего ума, чрезвычайно утомительное. Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается; чѣмъ болѣе онъ старается вырваться, тѣмъ крѣпче стягиваются узы. Такому мученію нѣтъ подобнаго.

Такъ было и съ Альфредомъ. Едва приходилъ онъ въ волненіе, какъ присутствіе Бланки полагало конецъ его восторгу. Онъ принужденъ былъ оставаться прежнимъ *данди*; иначе онъ насмѣшилъ бы всѣхъ дамъ истинною своего обращенія, и удивилъ бы самую Бланку, еслибъ показался достойнымъ ея.

«Удивить ту, которую любишь, сказавъ ей, что любишь ее, значить не возбуждать въ ней ничего, кромѣ равнодушія.» Вотъ что говорилъ себѣ Альфредъ. Онъ видѣлъ свѣтъ и извлекъ изъ неѣ некоторые уроки. Послѣ долгихъ размышленій, онъ рѣшилъ, что Бланка еще совершенно свободна.

Такія размышленія не смутили его. Онъ зналъ, что Бланка великодушна; холодность первыхъ сношеній не ослѣпила его насчетъ достоинства Бланки, и нѣмая сила, съ которою онъ призывалъ ее, не имѣла ничего общаго съ ненавистію, идущею по стопамъ истинной любви.

У Альфреда въ самомъ дѣлѣ было сердце. Почему же это открылось такъ поздно? По какому несчастному случаю, сердце его уничтожилось, похоронило себя въ такъ называемой свѣтской жизни?

Альфредъ самъ этого не знаетъ, такъ же какъ и вы. Онъ былъ, какъ были и всѣ мы, ребенкомъ выученымъ и вымощенымъ, воспитаннымъ такъ, какъ

будто бы онъ родился за тысячу миль, за тысячу лѣтъ, отъ той страны и отъ той эпохи, въ коихъ изданъ *Эмиль*. Потомъ изъ него сдѣлали (для продолженія вашей и моей исторіи) совершеннаго молодого человѣка, математика, прекраснаго танцовщика, даже артиста, и бросили его въ гостиныя съ этими полезными средствами. Потомъ изъ примѣрнаго юноши онъ сталъ свѣтскимъ человѣкомъ, принялся дѣйствовать въ обществѣ девятнадцатаго вѣка, дѣйствовалъ положительно въ любви, положительно въ дѣлахъ, и даже въ мечтаніяхъ. Нуль на нуль, таково современное сложеніе въ міръ нравственномъ. Тутъ вся біографія Альфреда.

Но теперь онъ вышелъ изъ апатіи; дышетъ не одними губами, волнуется не одними только чувствами. Франтъ Альфредъ, глупо не подвигавшійся впередъ, теперь бьетъ ногою, поднимаетъ голову, какъ конь Юва, чувствуетъ, что у него въ груди бьется сердце, — наконецъ въ немъ есть страсть!

Однакожь Бланка мало заботится о перемѣнѣ Альфреда. Она ведетъ его, преневинно, и туда, и сюда, смотря по тому, весела она или скучна. Альфредъ очень любилъ современную поэзію. Какъ и всѣ слабыя души, онъ искалъ сильныхъ ощущеній въ искусствѣ, потому что не зналъ другихъ. Преданность, преступленіе, великія движенія заставляли его смѣяться, когда ходили на правду; онъ вѣрилъ имъ, читая Виктора Гюго. Такіе созерцательныя наслажденія прекратились. Думая о Бланкѣ, онъ чувствовалъ, что можетъ занять мѣсто въ свѣтѣ, можетъ увѣрить всѣхъ, что и онъ кого нибудь любить.

До сихъ поръ все шло порядочно; но съ новою страстію ничего не приобретаешь, ничего, кромѣ новой потребности. Въ наше время, самая искренняя любовь носитъ на себѣ отпечатокъ характера нашей

эпохи, требуетъ гораздо болѣе чѣмъ даетъ. Альфредъ хотѣлъ побѣдить Бланку. Хвастовство не доставило ему побѣды; страшная застычивость Альфреда не говорила ея душѣ въ его пользу. Какъ же быть?

Оставалось послѣднее средство, къ которому прибѣгаетъ всякій честный человѣкъ. Альфреду оставалась одна дорога. Безнадежность была его надеждою. Любовь, какъ случится; быть любимымъ, во что бы то ни стало! Великолѣпна горестъ души, пораженной нравственно. Душа видитъ свое безсиліе, слышитъ борьбу голосовъ, которые въ ней раздаются: она боится и любить себя; по окончаніи перелома, о которомъ она не хочетъ и вспомнить, вы страшитесь за дѣйствіе ея силъ, если она пойдетъ по пути добродѣтели; если она пойдетъ въ противную сторону, то есть еще нѣкоторое величіе въ шагахъ, на которые она отваживается.

Поведеніе Альфреда вдругъ измѣнилось. Онъ принялъ свое положеніе. Онъ отличилъ Бланку, поссорился со всѣми прочими дамами, и потому не хотѣлъ кончить дѣла явнымъ разрывомъ: онъ хотѣлъ разыгрывать ту же роль до отъѣзда графа Воклера въ Парижъ, гдѣ надѣялся съ нимъ встрѣтиться. Онъ презиралъ соперницъ Бланки, почиталъ ихъ болѣе завистливыми, чѣмъ ревнивыми, способными забыть о немъ для подсматриванія за нею, и надѣялся, что двойная роль франта и любовника, имъ разыгранная, не была никѣмъ разгадана. Потому онъ принялъ на себя прежній видъ франта, какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы истощить послѣднія сплетни дамъ.

Притомъ же Бланка бывала такъ часто вмѣстѣ съ нимъ, видѣла его ежедневно, привыкла къ нему; неловко было бы ему удалиться внезапно. Это было

бы необыкновенно; а онъ, по своимъ видамъ, хотѣлъ походить на всѣхъ другихъ людей.

Воклеръ догадался о происходившемъ, и думалъ объ Альфредѣ болѣе дочери. Кто насъ любить, тотъ узнаетъ любящихъ насъ, прежде насъ самихъ. Воклеръ выжидалъ окончанія. Бланка — его жизнь, слава, лучшая часть его самого. Мысль о разлукѣ, о счастіи ея съ другимъ, никогда еще не закрадывалась въ отцовскую душу. Замѣтивъ любовь Альфреда, онъ былъ пораженъ ужаснымъ ударомъ, получилъ одну изъ тѣхъ ранъ, какими страдаютъ самыя сѣльныя души. Тутъ только съ ужасомъ подумалъ старикъ, что онъ ничего не предвидѣлъ. Любить дочь какъ душу своей души и не совсѣмъ забыть себя для нея, значить уничтожить всю свою нѣжность; нельзя смотрѣть на прошедшее и утѣшаться имъ за будущее.

По счастію для отца Бланки, великодушная его горестъ происходила не отъ усилій разума; она происходила изъ того источника, который доставляетъ человѣку блага и горести, отъ него независяція; за то Богъ или природа доставляли ему утѣшеніе. Пожертвуетъ ли Бланка собою для отца? или оставитъ его, и соединится съ избраннымъ человекомъ?

Обвинивъ самого себя, обыкновенно обвиняютъ и другихъ; сравнивая себя съ любимыми особами, считаешь себя сноснымъ, видя ихъ несовершенными. Воклеръ очень подозрѣвалъ дочернюю любовь Бланки.

Онъ принялся изучать Альфреда, понялъ его, но не разгадалъ намѣреній Бланки. Сомнѣніе, котораго сначала онъ не желалъ разрѣшать, скоро превратилось въ тягость. Оставляя мирное убѣжище, гдѣ Бланка любила, знала, слушала только отца, она не могла скрывать отъ него тайны. Позже, когда она

попадетъ въ свѣтъ, въ число модныхъ дамъ, ей будетъ, можетъ быть, трудно довѣрить ему свои печали.

Такое мнѣніе было оскорбительно для Бланки; но часто добрыя сердца подозрѣваютъ васъ изъ уваженія къ вамъ.

Генераль старался выиграть время: съ пылкостью и скромностію любовника, ждалъ онъ дня, часа, когда Бланка будетъ въ волненіи и, въ то же время, спокойною.—Если она будетъ совершенно спокойна, думалъ онъ, то я потеряю храбрость и желаніе узнать про будущее; если же, напротивъ, она будетъ въ сильномъ волненіи, то какъ можетъ она успокоить меня, говорить со мною разсудительно?

Между тѣмъ готовились къ отъѣзду. Надобно было кончить счеты, проститься, устроить множество дѣлъ. Бланка бѣгала, суетилась, раздавала приказанія. Это путешествіе, первое событіе въ ея жизни, дѣйствовало на ея воображеніе. Никогда не была она такъ прелестна! Съ удовольствіемъ можно было слѣдить за нею по дворамъ, комнатамъ и парку, какъ прощалась она съ деревенскою жизнію! Надобно выѣхать изъ деревни: только тогда узнаешь, что имѣлъ въ ней. Бланкѣ казалось, что она ничего не видала до сей минуты: зелень, пруды, домашнія птицы, люди, все казалось ей новымъ, все приводило ее къ сладкому умиленію.

Воклеръ не пропустилъ этого безъ вниманія. Наканунъ отъѣзда, онъ совершенно простился со всеми сосѣдями, и ждалъ, пока Бланка набѣгается и насмотрится на все, что оставляетъ и о чемъ будетъ жалеть.

Онъ зналъ, что къ любимому своему мѣсту она пойдетъ послѣ всѣхъ другихъ; еслибъ она не указывала никогда на это мѣсто, то и тогда отцовская прорзорливость открыла бы его. Выборъ мѣсть относится къ душѣ, какъ взглядъ къ уму; хотите ли вѣр-

но судить о человѣкѣ? Спросите, гдѣ чувствуетъ онъ себя хорошо, въ гостиной, или на берегу моря, или на веселыхъ лугахъ?

До сихъ поръ вамъ кажется труднымъ объяснить Бланку. Есть ли въ ней душа, или нѣтъ? Дочерняя нѣжность достойна всякой похвалы; но молодая дѣвушка, отличающаяся только дочернею нѣжностію, еще не вполне раскрылась. Когда у этой красавицы будетъ характеръ?

На это она сама скоро вамъ ответить.

Не забудьте, что отецъ ее ждетъ, и не торопитесь болѣе его.

Воклеръ уже сердится, но не отъ того, отъ чего вы сердитесь. Онъ представляетъ себѣ разговоръ, который вы хотите слышать; онъ спрашиваетъ и самъ себѣ отвѣчаетъ; если это продолжится, Бланкъ нечего будетъ дѣлать. Вотъ ужъ онъ не понимаетъ, что говорить, ни что слышать; онъ не знаетъ, почему Бланка зарыдала, бросилась передъ нимъ на колѣни, испугалась его опасеній. Что онъ сказалъ? Что онъ сдѣлалъ? Почему его дочь, его любимая дочь, такъ перемѣнилась?

Воклеръ бродилъ по парку, сложивъ на груди руки, съ растрепанными волосами, и просилъ о пощадѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, бѣгалъ онъ безъ цѣли; отъ усталости упалъ къ дереву и, какъ всегда бываетъ послѣ тяжкаго сна, спрашивалъ себя: Неужели во всемъ этомъ есть что нибудь, кромѣ усталости?

Ничтожное происшествіе привело его въ себя и напомнило ему, что разговоръ, казавшійся конченнымъ, вовсе не начинался съ дочерью.

II.

Воклеръ внезапно перешелъ отъ смущенія къ радости, и перемѣна была такъ замѣчательна, что онъ самъ не замѣтилъ ея причины.

Онъ всталъ и, благодаря движенію, собралъ мысли; онъ могъ слышать лай и видѣть шалости своей собаки, которая тихимъ визгомъ и ласками, казалось, просила прощенія за свое шумное появленіе.

«Хорошо, хорошо, Касторъ! Кто тебя прислалъ? Она? Не правда ли? Иду. Бѣдное дитя! Богъ знаетъ, сколько времени я оставилъ ее тамъ одну; но я думалъ, что я и такъ близко къ ней; зачѣмъ было мнѣ искать ее?»

Старикъ желалъ бы опередить Кастора, онъ былъ далеко отъ Бланки; ежели она тамъ, куда онъ шелъ за ней, ему оставалось пройти весь паркъ.

Собака возвращалась четыре или пять разъ, объявляя дочери объ отцѣ, а отцу о дочери; но ни тотъ, ни другая не могли слѣдовать за ней черезъ прольски, пруды и рвы.

Бланка понимала, что отецъ идетъ за ней, но аллеи были извилисты, до безконечности запутаны; она могла сбиться съ пути, еслибъ отправилась его искать.

Она рѣшилась ожидать.

Генераль приближался, проклиная старость, кустарники, свои глупыя мечтанія, бесполезно отнявшія у него нѣсколько часовъ.

Послѣ все болѣе и болѣе уменьшавшихся разстояній времени, и послѣ ласкъ, все болѣе увеличивавшихся, Касторъ не являлся къ своему господину.

«Наконецъ конченъ путь,» сказалъ генераль, отирая потъ: «Касторъ остался съ Бланкой. Я знаю, что Бланка здѣсь; тутъ ей такъ хорошо! Между ею и этими мѣстами столько сочувствія, что если она пе-

рестанеть любить меня такъ, какъ я хочу, если свѣтъ, куда она скоро явится, отниметь что нибудь у моей дочери, или придасть ей,—я приведу ее сюда, я скажу ей: «Смотри, отдохни, узнай себя, и Бланка будетъ опять Бланкой, и дитя будетъ снова принадлежать отцу своему.»

Этотъ монологъ навелъ опять генерала на то, что онъ хотѣлъ оставить; онъ противъ воли впадалъ опять въ то непріятное состояніе, которое прежде такъ далеко завело его.

«Рѣшительно,» сказалъ онъ, «я схожу съ ума; какъ будто я живу романами, какъ будто Бланка не дочь моя!... Да! я попрошу, чтобъ она смѣялась надо мной; я увѣренъ, что она снокойна занята отрадными мыслями, и въ духъ.»

Это могло быть; но почему онъ зналъ? Душа Бланки была извѣстна отцу ея; у Бланки былъ здравый смыслъ, веселость, животрепещущее сердце; а безъ этого она могла бы поквитаться со всеми любившими ее. Воклеръ держался того же мнѣнія, и онъ отвергалъ, какъ мы видѣли, таинственную, печальную мысль о будущности своей дочери. Неужели въ ней были двѣ женщины? Простота, разсудокъ, стыдливость, и въ то же время, избытокъ поэзій, заблужденіе? Нѣтъ, это невозможно!

Воклеръ былъ въ десяти шагахъ отъ Бланки; онъ стоялъ и содрогался, не смотря на усилія смѣяться надъ самимъ собой.

«Да, это невозможно! Да, Бланка прелестное созданіе! Нѣтъ, ни она ни я, мы не сошли еще съ ума,» говорилъ онъ себѣ.

Это смѣшеніе мыслей совершенно изгладило воспоминаніе объ Альфредѣ.

«Но, неужели,» подумалъ генераль, «неужели онъ вскружилъ мнѣ голову? Чортъ знаетъ, отъ чего я страдалъ; мнѣ казалось, что какой-то злой духъ гло-

далъ мнѣ сердце; но если этотъ молодой человекъ любить мою дочь, изъ чего же я мучу себя? Я знаю ихъ обоихъ; я знаю, что случится.

Когда генераль уже разгадалъ первую причину безпокойства своего, онъ скоро побѣдилъ свою слабость; онъ болѣе не оставался въ неизвѣстности; онъ владѣлъ собою.

Онъ уже дивился, что могъ забыться, но ему стало стыдно, когда Касторъ, обезпокоенный его отсутствіемъ, напомнилъ ему, что онъ теряетъ время.

Бланка немного смутилась, увидѣвъ отца; но это смущеніе было такъ незначительно, что она тотчасъ оправилась.

«Что ты тутъ дѣлала, душа моя? Ты прощалась, не правда ли? Ты любишь эти мѣста, ты провела въ нихъ три четверти своей жизни; это женскій капризь, признайся? Потому что одна только ты находишь въ нихъ прелесть. Я цѣлый день ходилъ по парку съ гостями; мужчины любовались имъ, а женщины находили его превосходнымъ; женщины похвалили нѣсколько видовъ, и мужчины были съ ними согласны; но никто, совершенно никто не замѣтилъ твоего уединенія.

«Что же? Неужели это тебя сердить? Помиримся, поцѣлуемся. Здѣсь мой родительскій поцѣлуй будетъ тебѣ пріятнѣе, — ты все любишь, что дѣлаешь здѣсь.»

Бланка повиновалась.

«Что же это, дочь моя, неужели ты ждала моего позволенія на поцѣлуй? Какъ будто ты любишь меня по должности; довольно, сударыня, перестаньте думать, мыслить; я запрещаю вамъ, на нынѣшній вечеръ, здравый смыслъ.

«Вы говорите правду, папенька,» сказала Бланка, «теперь это будетъ лишнее, мы стоимъ между двухъ жизней; многое оставляемъ здѣсь; многого ѣдемъ искать тамъ; кто увѣритъ насъ, что мы возвратимся къ

нашимъ милымъ шалостямъ? Мнѣ кажется, что теперь кончается наше дѣтство...

«Наше дѣтство...» повторилъ генералъ.

Одно это слово выражало ихъ понятія о счастьи.

Бланка замолчала, и отецъ ея не замѣтилъ этого; онъ сроднился съ мыслию своей дочери; она обратила душу старика къ воспоминаніямъ, полнымъ наслажденія. Тихое счастье, размынь существовацій, неумовимая поэзія, украшавшія ихъ долгіе, блаженныя дни, представлялись съ большею живостью, не теряя своей привлекательности; слово, которымъ такъ точно выразилась Бланка, сосредоточивало въ черты этой жизни единой и двойственной.

Они были дѣтьми? Это просто, вѣрно, это высоко — истинно. Выраженіе Бланки такъ хорошо, что она сама его не замѣтила; она видѣла только самое дѣло, притомъ она гораздо лучше выражала его собою, нежели звуками. Въ это время въ Бланкѣ соединились всѣ отпечатки дѣтства, положенные на жизнь ея разными случаями; она вдругъ выражала всѣ степени, черезъ которыя прошла; ея обращеніе показывало ребенка и молодую дѣвушку; голосъ ея при малѣйшемъ переливѣ звучалъ чѣмъ-то инстинктивнымъ съ совершенно откровеннымъ чувствомъ; ежели она смотрѣла на отца, въ ней видна была и шалуныя, и разсудительная женщина, и мать и дочь!

А Воклеръ не похожъ самъ на себя; онъ былъ въ восхищеніи, не зная, что говорилъ Бланкѣ; онъ также начиналъ жить своею прошлою жизнью, говорилъ пустяки, потомъ разсуждалъ, потомъ радостно шалилъ.

Но все доводить до истины, даже безуміе.

Послѣ долгаго разговора, отъ котораго избавляю васъ, не изъ уваженія къ вамъ, а къ шимъ, Воклеръ принялъ важный видъ.

«Прежде, нежели мы отсюда уйдемъ,» сказалъ онъ дочери, «я желалъ бы знать, для чего ты такъ часто

приходишь сюда? У твоей матери вкусъ былъ лучше, она любила мои любимыя виды; то же, что она, говорили мнѣ про нихъ живописцы, люди съ воображеніемъ, не слыхавъ ея. Сколько ни смотрю около себя, а все ничего, рѣшительно ничего не вижу замѣчательнаго; не знаю, почему я дорожу своимъ вопросомъ, но дѣло въ томъ, что я имъ дорожу....»

Бланка не смутилась: она даже могла разсуждать о любопытствѣ отца своего.

Воклеръ уже готовъ былъ отказаться отъ своего вопроса; онъ искалъ въ привычкахъ Бланки причины такого предпочтенія; дочь его избѣгала шума страстей, всего замѣтнаго; можетъ быть, въ этомъ кроется вся тайна; однако ему что-то шептало, что не въ этомъ.

Бланка думала; вопросы отца не затрудняли ея; она могла отвѣчать очень откровенно; впрочемъ, не знаю.

Только, разсматривая пристальнѣе, она замѣтила съ удивленіемъ, что не больше его любила то, что онъ любилъ такъ мало; она сознавала въ себѣ воображеніе, какое-то внутреннее движеніе, со всѣмъ несогласное съ мѣлочными склонностями.

«Но, право,» сказала она, «я не вижу, почему бы я могла любить это мѣсто больше другаго; это слишкомъ отдѣлано, ничего не говоритъ душѣ; кіоскъ чистый, полосатый, хорошенькій и жалкій, какъ все хорошенькое; дернъ, вырѣзанный звѣздами, лентами, косоугольниками, глупо обсаженный привозными цвѣтами; никакихъ видовъ, кромѣ одного, на новый замокъ, на прямую дорогу, на чистыя и почти выметенныя поля г-на Мармьё.»

Это имя заставило генерала вздрогнуть; но онъ увидѣлъ, что Бланка говоритъ это очень обыкновенно.

И въ самомъ дѣлѣ, называя г-на Мармьё, она и не думала объ его сынѣ, объ Альфредѣ.

«У меня, дочь моя, загадка на загадку; я не стану больше спрашивать тебя.»

Они начали толковать о перспективѣ, садоводствѣ, сельской жизни, но съ разнымъ расположеніемъ духа.

Бланка не любила Альфреда; генераль былъ убѣжденъ, и не стоило начинать объ этомъ разговора. Эта мысль была для него такимъ счастіемъ, что онъ не рѣшилъ бы самъ, что тутъ такое — родительскій ли эгоизмъ, или чувство покровительства?

Если бы онъ смѣлъ, то сказалъ бы Бланкѣ: «Повтори мнѣ, что ты его не любишь!» Но видя ее спокойною, онъ самъ начиналъ успокоиваться. Пока она говорила отъ избытка сердца, онъ могъ еще искать причины своихъ опасеній. Не смотря на фамильярность ея съ Альфредомъ, онъ видѣлъ въ немъ только сосѣда, молодаго человѣка съ достоинствомъ. Какъ старикъ снисходительный, онъ желалъ бы скрыть всѣ его глупости; онъ даже могъ поступать такъ до тѣхъ поръ, когда Альфредъ, переставъ волочиться, началъ быговорить о любви. Воклеръ угадалъ, что это можетъ завлечь далеко; онъ одинъ хотѣлъ опасаться Альфреда, онъ не доискивался отъ чего; почувствовалъ, что опасенія его основательны, и равнодушіе Бланки извѣщало его отъ тягостнаго отказа или, что еще хуже, отъ согласія.

По мѣрѣ того, какъ онъ оживлялся, Бланка становилась задумчивѣе; она смотрѣла на бесѣдку, на цвѣтники, на строеніе замка г-на Мармьё, и все болѣе и болѣе увѣрялась, что все это ничего не значить; она знала даже, что никогда не обращала вниманія на всѣ эти предметы.

Трудно молодой дѣвушкѣ изучать свою душу; только въ послѣдствіи начинаетъ она вглядываться въ свои истинныя чувствованія. Ея опасенія, надежды, тайны до того не зависятъ отъ нея, что она не знаетъ, какъ онѣ смѣняются; онѣ живутъ съ ней, онѣ ея ды-

ханіе, ея движеніе, онъ все, что есть дѣйствительнаго, слѣдовательно незамѣтнаго.

Нужны особенный случай, опредѣленную радость, страданіе извнѣ, что нибудь неожиданное, чтобы извлечь сердце изъ этого самозабвенія.

Бланка чувствовала свою руку въ рукѣ отца. Въ то самое время, когда бѣдная дѣвушка понимала себя менѣе, чѣмъ когда нибудь, онъ доходилъ до другаго результата, думая по своему за разговоромъ, который продолжался по прежнему; онъ былъ готовъ плакать отъ радости: его дочь, его милая Бланка будетъ спокойна, какъ была ея мать; онъ найдетъ мужа честнаго и достойнаго ея, ежели ей непременно нуженъ мужъ; онъ будетъ храбръ, но не бѣшенъ; онъ согласится, чтобы она составила его счастье добродѣтелью, миромъ и простодушіемъ; это будутъ двѣ мудрыя, разсудительныя души, столько же далекія отъ пошлости свѣтскихъ современныхъ нравовъ, сколько отъ нелѣпости нравовъ, описываемыхъ въ нашихъ книгахъ.

«Послушай, дочь моя, знаешь ли ты, что я понимаю тебя превосходно? Мнѣ кажется, гораздо лучше не слишкомъ вдаваться въ поэзію; женщины, видишь ли, ищущія сильныхъ впечатлѣній, женщины, какъ Сталь, Сафо, суть самыя несчастныя женщины. Ты удивляешься, я вижу; но я жилъ съ твоею матерью, и долженъ презирать все, что не похоже на нее: это самая меньшая хвала ей; еще сегодня я узнавалъ ее во всемъ, передъ чѣмъ останавливались наши сосѣдки; да, мы восхищались видомъ, дѣйствіями свѣта, чистотою эха; но твоя мать молчала бы, потому, что она что нибудь почувствовала. Она побоялась бы насмѣшить разговоромъ о великихъ предметахъ; если у нея вырывалось движеніе, слово, которому бы могъ позавидовать художникъ, увѣряю тебя, что она забывала его прежде всѣхъ; она думала, что заимствуетъ у другихъ мысли, возбуждаемыя

ею въ нихъ. И теперь, милая дочь моя, я нахожу ее въ тебѣ; ты, какъ она, даже больше, нежели она: ты бѣжишь отъ величественнаго, высокопарнаго, эксцентрическаго: это гораздо умнѣе, дитя мое; женщины не созданы для созерцательной жизни. Твоя мать была велика во всѣхъ случаяхъ жизни; она была вѣрна себѣ въ самыхъ мѣлкихъ вещахъ; она крѣпко вѣрила въ домашнее достоинство, и я увѣренъ, что мужъ ея, со всею своею прозой, занималъ въ ея воображеніи гораздо почтеннѣйшее мѣсто, нежели всѣ красоты ея парка.»

Бланка внимательно слушала, оставляя отца развивать ту мысль, что она принимаетъ впечатлѣнія гораздо менѣе своей матери.

Не разъ хотѣла она остановить его, но для того ли, чтобъ подтвердить его сужденіе? Это была бы ложь; или чтобъ разувѣрить его, у нея не доставало силы.

Генераль продолжалъ, и похвалы его, внутренно отвергаемая Бланкою, давали ей возможность углубиться въ себя.

Нѣтъ, она не была похожа на свою мать; нѣтъ, она не забывала всего для своего долга; нѣтъ, она не была властительницею души своей; ошибка отца ея, ею порожденная и раздѣленная ею, становилась слишкомъ ясною и пробудила истину; по возобновляющемуся и вѣчно побѣждаемому волненію, смущавшему ея юную душу, она угадала всю свою жизнь, угадала свои опасенія, когда начала понимать мысли отца своего объ условіяхъ счастья. Слушая объ отъѣздѣ, о Парижскихъ нравахъ, о появленіи въ свѣтъ, она понимала впервые, какую пустоту произведеть это пополненіе? Страхи, еще неопредѣленные, но умноженные этою неопредѣленностью, обнаруживали передъ ней различіе предметовъ оставляемыхъ съ предметами, которые она ѣдетъ узнавать.

Бланка едва удержалась, едва не упала къ ногамъ отца, желая просить объ отъѣздѣ.

Ее остановила мысль: не повиновалась ли она ему до сихъ поръ? Не ея ли вина, что онъ и въ этотъ разъ надвѣтся на ея повиновеніе. Дѣятельныя, обыкновенныя, полезныя привычки, данныя ей, не образовали ли ее такъ, какъ онъ себя воображаетъ? Развѣ борьба между воображеніемъ и здравымъ смысломъ, столь давняя для Бланки, что она долго могла не знать ея силы, не приготовила ее къ тому, чего теперь отецъ ожидалъ отъ нея?

Она рѣшилась повиноваться. Въ послѣдній разъ взглянула она на бесѣдку и на все окружавшее ее: прелесть этихъ предметовъ разногласила съ состояніемъ ея души; она не безъ самодовольствія замѣтила это; съ благородною грустью осуждала такое чувство. Какая-то торжественность была въ этомъ разговорѣ, гдѣ отецъ и дочь предавались другъ другу, прежде нежели разлучать ихъ всѣ обстоятельства, всѣ ощущенія свѣтской жизни.

Мысли Бланки были важны, почти священны; въ нихъ она почерпала нужное ей великодушіе.

Она одобрила отца, въ душѣ созналась, что поѣздка въ Парижъ прекрасно придумана, и что поѣздка вполне введетъ ее въ жизнь дѣйствительную, отъ которой мы не имѣемъ права отказываться.

Сначала генераль былъ доволенъ; но странный голосъ дочери, видъ ея почти царственный, заставили его задуматься.

До сихъ поръ Бланка всегда повиновалась отцу; онъ хотѣлъ, чтобъ она занималась шитьемъ — она занималась шитьемъ; онъ выбралъ ей чтеніе успокоительное — она отказалась отъ книгъ, раздражающихъ воображеніе. Въ первый разъ, какъ онъ говорилъ противъ жизни созерцательной, и это было давно, когда онъ снова повторялъ ей, и это случалось часто, Бланка обязанностию поставила себя избѣгать великаго зрѣлища небесъ, великолѣпной таинственности пустынь. Она упрекнула бы себя, еслибъ по-

шла плакать при захожденіи солнца, если бы стала наслаждаться видомъ пропастей, блуждать между древними деревьями, случайно населявшими или оставлявшими, какъ бы для требованій пейзажа, виды всякаго рода, служившіе украшеніемъ парка.

Въ то время, какъ Бланка говорила объ отъѣздѣ точно такъ же, какъ говорилъ отецъ ся, между ними былъ двойственный разговоръ. Казалось, они говорили объ одномъ предметѣ и почти одними словами; на дѣлѣ они говорили совсѣмъ иначе своимъ сердцемъ. Бланка измѣняла себѣ; она была слишкомъ восторжена и перемѣна мѣста не могла быть истинною причиною этой восторженности, а генераль, отъ души ей удивлявшійся, видѣлъ въ своей дочери, безъ сомнѣнія, что-то болѣе повинovenія.

Притворство отягощало обоихъ; генераль прекратилъ его.

«Бланка!» сказалъ онъ важнымъ голосомъ.

Потомъ замолчалъ и искалъ вопроса.

«Дочь моя?.....»

Бланка уже оправилась, отерла наскоро слезинку, придала болѣе твердости голосу и имѣла столько силы, что развеселила отца своими шалостями.

Генераль вдался въ обманъ; онъ забылъ то, что думалъ видѣть въ душѣ Бланки; онъ не сталъ даже помнить своихъ вопросовъ, оставшихся безъ отвѣта.

«До завтра, дитя мое; мы уѣдемъ безъ дальнихъ прощаній, надѣюсь; они тебя опечалятъ; экипажъ готовъ, лошади будутъ здѣсь черезъ два часа—остается только сѣсть въ карету. Во время путешествія я скажу тебѣ кое-что; тамъ будетъ лучше нежели здѣсь. Когда карета двинется, когда мы выѣдемъ за рѣшетку, роль твоя измѣнится, дочь моя! Ты уже будешь не маленькою дѣвочкой, а наперсницей отца твоего, его подругой.

Было поздно, когда генераль и дочь его оставили бесѣдку. Вечеръ былъ тихъ, но темень, и мрачность

больше еще увеличивала темноту ночи. Бланка пла молча, радуясь, что могла скрыть свое волненіе и рѣшилась ожидать отъ времени объясненія того, что она чувствовала.

III.

Нѣсколько мѣсяцовъ прошло, какъ Воклеръ снова вступилъ въ свѣтъ; онъ нашелъ домъ въ улицѣ С. Оноре, и тройная его аристократія — военная, генеалогическая и денежная, превратила его гостиную въ мѣсто соединенія дворянства древняго, дворянства новаго и дворянства денежнаго; въ ней было все лучшее общество — финансовое, судебное и военное; артисты, образцовые молодые люди, прелестныя женщины и даже женщины любезныя.

Генераль и дочь его, не смотря на свой провинціализмъ, прекрасно исполняли свое дѣло; Воклеръ пимало не утратилъ твердости и любезности; привычка къ опасностямъ и управленію, гордость происхожденія и чистая совѣсть, въ особенности, всегда придавали ему нравственную физіогномію, и благодаря прекрасному лицу, онъ долженъ былъ казаться нимало неизмѣнившимся послѣ зрѣлаго возраста, а прежде достиженія этого возраста, онъ казался совершеннымъ человѣкомъ; возрасты не существуютъ для нѣкоторыхъ душъ.

Бланка имѣла чрезвычайный успѣхъ; но что удивительно, женщины прощали ей больше нежели мужчины; кромѣ нѣкотораго вниманія, слишкомъ похожаго на вѣжливости и неважнаго, молодые люди и даже заслуженные волокиты, отзывались объ ней очень сухо. Ее хвалили, потому что это было въ модѣ, но похвалы никого не оскорбляли, даже и женщинъ.

Бланка все это знала; но она могла все перенести, даже дружбу женщинъ; лучше нежели отецъ, поняла она свою роль въ свѣтъ; въ двѣ недѣли она со-

вершенно оглядѣлась. Всѣ современныя маски прошли передъ ней; она видѣла, обсудила, рѣшила. Если отецъ прикажетъ ей оставаться на этомъ театрѣ, она останется, потому что благоразумная дѣвушка вѣрить только своему отцу; но она избѣжитъ всѣхъ заблужденій, она останется по возможности спокойною.

Альфредъ явился опять. Страсть его не была уже застенчива или дерзка. Изучая Бланку, онъ нашелъ, что можно успѣть, и планъ его развивался съ каждымъ днемъ. Онъ былъ уврѣнъ, что Бланка не любить никого; она никого не могла выбрать въ толпѣ, ее окружавшей; въ этой толпѣ были только хорошенькіе мальчики, хорошенькіе умы, хорошенькія состоянія; для женщины, любившей прекрасное, это было менѣе чѣмъ ничто. Альфредъ все это видѣлъ, и если онъ не надѣялся скоро овладѣть сердцемъ Бланки, то ободрялъ себя презрѣніемъ къ своимъ соперникамъ.

Воклеръ болѣе не опасался Альфреда; онъ начиналъ удивляться, за что прежде почиталъ его опаснымъ; онъ не могъ понять спокойствія, послѣдовавшаго за страстію, и страсти, предшествовавшей спокойствію; какимъ образомъ пустой человекъ могъ бы полюбить Бланку? какимъ образомъ человекъ съ душой могъ бы когда нибудь ее оставить?

Бланка видѣла истину; Альфредъ для нея не былъ незначительнымъ; его стараніе скрыться уже отличало его отъ толпы. Не принимая сторону Бланки, онъ, напротивъ, казался менѣе всѣхъ тронутымъ, когда о ней говорили съ неуваженіемъ. Такой образъ дѣйствія имѣлъ свой эффектъ; его равнодушіе было на что нибудь похоже; оно было поддержано, оно было авторитетомъ, оно ставило его главою оппозиціи. Стараться забыть женщину значитъ очень ею заниматься; и Бланка съ улыбкою замѣчала, какъ Альфредъ старался забыть ее.

*

Альфреду хотѣлось разсердить ее; разсудивъ основательно, онъ сталъ ждать этой чести; онъ любилъ слишкомъ истинно и потому радовался малѣйшей удачѣ. Когда онъ увѣрился, что удивилъ Бланку, что, какъ бы то ни было, привлекъ вниманіе ея, онъ увидѣлъ цѣлую будущность, и началъ считать шаги свои.

Въ качествѣ друга Воклера, Альфредъ имѣлъ у Бланки нѣкоторыя преимущества; онъ былъ почти освобожденъ отъ всѣхъ церемоній; Бланка танцевала съ нимъ, пѣла съ нимъ, ѣздила верхомъ съ нимъ, когда онъ просилъ ее, такъ, что онъ имѣлъ тысячу средствъ разыгрывать равнодушнаго.

Особенно такіе случаи представлялись во время прогулокъ. У Бланки была прекрасная лошадь; она оживлялась вмѣстѣ съ лошадыю; она становилась опрометчивою, откровенною, деревенскою, и горе ея кавалеру, если онъ былъ уменъ, когда она шалила; если онъ сидѣлъ безукоризненно, когда она дурно держалась. Бланка, по лошади, предавалась своей природѣ; она была увлекательна; тогда, освободившись отъ приличій своего салона, не терпя ничего ложнаго, она понимала свою силу, и равнодушіе, извипительное въ ея глазахъ при постороннихъ, въ это время глубоко бы оскорбило ее.

Альфредъ былъ въ этомъ увѣренъ; подсматривая мысли Бланки, ея тоску, ея радости, онъ нашелъ слабую сторону, и на нея станеть нападать.

Въ одну изъ прогулокъ по Булонскому Лѣсу, Бланка была очень печальна; прежде отъѣзда, отецъ сказалъ нѣсколько словъ о бракѣ, пугавшихъ своею снисходительностію; онъ хотѣлъ, чтобъ дочь подумала о своемъ счастіи; чтобъ вмѣсто мужа, избраннаго имъ, она представила ему своего избранника; Бланка видѣла, что старый отецъ ея не рѣшаетъ уже ея судьбы, какъ бывало прежде, но умоляетъ приказать что нибудь. Да, она ошиблась; ему, этому

человѣку гордому и своевольному, нужна была власть раждаемая благородною уступчивостію, послѣ власти, которой онъ былъ обязанъ одному только разуму; Бланка поцѣловала его, улыбнулась сквозь слезы, потомъ поѣхала верхомъ, желая на минуту забыться этою жизнію внезапностей, куда она умѣла переноситься.

Сердце Альфреда было также полно; онъ видѣлъ, то Бланка была живѣе обыкновеннаго, обнаруживала въ каждомъ движеніи какое-то тайное волненіе; но онъ показывалъ, что не понимаетъ ея, принужденный къ молчанію; онъ сравнивалъ свои старанія съ пыткой Бланки, и находилъ, что она счастлива. Иногда любить значить ненавидѣть, и Альфредъ мстилъ за себя; чѣмъ болѣе она была трогательна, тѣмъ болѣе онъ былъ вѣтренъ; всякій предметъ, звуки, движенія, всевозможные случаи производили на Бланку впечатлѣніе, и, казалось, похищали у нея ея мысли и возвращали ихъ ей менѣе опредѣленными и болѣе грустными. Альфредъ, напротивъ, рисовалъ все это, и могъ бы дать Белланже вдохновенія по крайней мѣрѣ мѣсяцовъ на шесть.

Бланка позволяла ему быть злымъ, сколько ему хотѣлось; не желая открыться ему, она хотѣла заставить его раздѣлится съ нею какое нибудь чувство, даже чувство, пораждаемое видомъ поля, ржаніемъ лошади, встрѣчею нищаго на пути; всегда дума ея была полна; ей все было тягостно — и радость и страданіе, и бездѣлицы и вещи важныя; отнять у нея этотъ излишекъ, значило оказать благодѣаніе; но Альфредъ былъ твердъ.

Это ему стоило дорого; находясь въ одномъ положеніи съ Бланкой, онъ боялся въ свою очередь измѣнить себя. Поговорите довольно горячо съ женщиною, какой бы ни былъ предметъ вашего разговора, вы выскажете ей свою любовь или ненависть.

Альфредъ былъ благоразумнѣе и до того, что Блан-

ка наконецъ замѣтила это; она медленно, незамѣтно, перемѣнила разговоръ, такъ что Альфредъ догадался, какъ она приняла его дерзость.

Но такъ какъ этотъ случай продолжался только нѣсколько минутъ, то изъ него ничего не должно было заключить, и она, возвратившись домой, могла оставить свой дружественный видъ передъ Альфредомъ. Чтобъ увѣриться, онъ хотѣлъ разными околичностями выразить надежду на свиданіе вечеромъ, когда Бланка пригласила его обѣдать и вѣхать съ нею въ Итальянскій Театръ, гдѣ г-жа Малибранъ играла въ бенефисъ свой.

Генераль былъ задумчивъ, когда дочь его пріѣхала; онъ обдумывалъ новую рѣчь, болѣе ловкую, нежели первая, чтобъ дать ей понять свои отцовскія намѣренія. Онъ боялся, чтобъ дочь не испугалась его; онъ могъ мѣшать ей въ выборѣ, или слишкомъ показать, что она нужна ему; мужское сердце его начинало женоподобиться.

Онъ просіялъ радостью, и слеза блеснула на глазахъ, когда Бланка взошла съ хитрымъ личикомъ, и вдругъ стала рассказывать, не какъ вещь, о которой она вспомнила, но которую угадала,—все умничанье Альфреда во время прогулки.

Альфредъ былъ уничтоженъ.

Генераль смѣялся остротамъ своей дочери, Альфредъ не могъ поступать иначе; смѣялась ли надъ нимъ Бланка или умничала его умомъ? онъ не могъ разгадать. Эта неизвѣстность была мученіемъ; для него она была вопросомъ—быть или не быть. Ежели Бланка, пересказывая его слова, употребляла ихъ простодушно, это было началомъ сочувствія, и Альфредъ могъ надѣяться; еслижъ это была только одна шутка и, что еще хуже, невинная шутка, то Альфредъ, по ея мнѣнію, не стоилъ ни любви, ни ненависти.

А нужно было смѣяться этимъ шалостямъ.

Альфредъ не разъ чувствовалъ головокруженіе, и если бы веселость генерала и непринужденность Бланки не защитили его противъ него самого, онъ бы вѣрно сдѣлалъ какую нибудь глупость.

Онъ умѣлъ владѣть собою.

Притомъ, Бланка отомстила; сердце ея не было такъ пусто, чтобъ продолжать эту забаву. Нападая на Альфреда, она въ особенности хотѣла похитить у него его мысли, и заставить его болѣе не заниматься ею. Онъ не хотѣлъ понять, когда она была готова дѣлиться съ нимъ чувствами; въ свою очередь, она хотѣла показать свою беззаботность, когда онъ былъ въ затрудненіи.

Эта маленькая война не была замѣчена генераломъ; онъ еще смѣялся шуткамъ Бланки, когда разговоръ принялъ уже совершенно противоположный оборотъ.

Однако Бланка снова задумывалась, разговаривая съ генераломъ и Альфредомъ; она говорила съ собою и говорила съ ними. Мало по малу задумчивость ея увеличилась; генераль увлекся ея примѣромъ, и Альфредъ не зналъ бы что дѣлать, если бы Бланка, болѣе способная, нежели отецъ, заниматься всѣмъ вмѣстѣ, не напомнила отцу и Альфреду, что надобно вѣхать слушать *Сороку-Воровку*.

IV.

Театръ былъ полонъ; ложи блистали красивыми нарядами, хорошенькими женщинами и невыразимымъ блескомъ, происходящимъ отъ ожиданія удовольствія. Бланка, сидѣвшая между отцомъ и Альфредомъ, не слушала ихъ толкованія объ одной статьѣ военнаго права, въ ожиданіи поднятія занавѣса.

Альфредъ не обращалъ вниманія на женщинъ; онъ едва посмотрѣлъ на Бланку, на которую уже смотрѣли нѣсколько десятковъ лорнетовъ; онъ былъ въ самомъ неловкомъ положеніи — не смѣлъ не по-

казаться ни страстнымъ, ни холоднымъ. Бланка его сбивала съ толку; онъ разговаривалъ съ генераломъ, чтобъ скрыть свое смущеніе: это было тѣмъ легче, что Бланка забыла и того, и другаго; она разсматривала туалеты: это было для нея изящнымъ удовольствіемъ, однимъ изъ припадковъ утонченной гордости, спасающихъ скромность отъ глупости. Въ этотъ разъ, какъ и всегда, женщины ей улыбались, а франты, давъ ей какое-то принужденное одобреніе, занялись нарядами болѣе блистательными, и лицами болѣе завлекательными. Привыкнувъ къ этому страшному торжеству, Бланка и на этотъ разъ рѣшилась все видѣть, чувствуя свое достоинство, или, видя невозможность обращать вниманіе на все это; а сказать по правдѣ, она ни объ чемъ не думала, и поэтому была задумчива, не слыхала разговора генерала съ Альфредомъ, не видала того, на что смотрѣла въ залъ, и почти оправдывала равнодушіе молодыхъ людей.

Капельмейстеръ явился, музыканты сѣли, и опоздавшіе дилетанты рисковали прогулять увертюру. Одна ложа была пуста; она была прямо противъ Бланки, и Бланка безсознательно смотрѣла на нея. Эта ложа, безъ сомнѣнія, была взята, потому что многимъ отказывали; лица, долженствовавшія занять ее, были какъ будто ожидаемы публикой; удивлялись ихъ медленности. Это обстоятельство подстрекало любопытство; всякій говорилъ свое: одни рѣшили, что это должна быть какая нибудь знатная дама, напыщенная, восточная, которая нарядомъ своимъ закроетъ двѣ трети ложи; другіе помышляли тутъ ежедневнаго посѣтителя, знатока, авторитетъ, рѣшающій успѣхъ представленія; знали даже его фізіогномію, его манеру бить тактъ, и любимыя его восклицанія.

Уже нѣсколько разъ, за хохотомъ, раздавалось шикаше партера, и капельмейстеръ готовъ былъ под-

нять смычокъ, когда двери ложи отворились для молодого человека и молодой дамы. Они уже сидѣли, неподвижны, внимательны, прежде нежели замѣтили ихъ.

Бланка вздрогнула, внезапно вышедши изъ задумчивости.

«Евгеній!» сказалъ Альфредъ, «сынъ генерала *** и г-жа Монбрель.

«Генерала ***?» сказалъ Воклеръ, немного смутившись.

Бланка посмотрѣла на своего отца.

Альфредъ прибавилъ нѣсколько словъ, неразслышанныхъ Бланкою.

«Онъ одинъ изъ моихъ товарищей; онъ пріѣхалъ изъ Испаніи, и Богъ знаетъ зачѣмъ туда ѣздилъ! Но, извините, М. Г., я бы не долженъ при васъ называть сына генерала ***. Ваша дуэль.....

«Полно-те,» сказала Воклеръ, смѣшавшись, «дѣло давно забытое; и генералъ меня, безъ сомнѣнія, прощаетъ такъ же, какъ я его простилъ. Мнѣ даже хотѣлось бы увидѣться съ нимъ.

«Да, онъ умеръ, неизвѣстно гдѣ, прежде отъѣзда Евгенія въ Испанію. Говорятъ, что его рана не была залѣчена; она открылась отъ неосторожности, и Евгеній ѣздилъ скрыть, гдѣ могъ, память отца.»

Разговоръ прекратился. Воклеръ, казалось, слушалъ увертюру; но онъ думалъ объ Евгеніи, который съ своей стороны пристально смотрѣлъ на него. Генералу было неловко. Ему было неизвѣстно, знаетъ ли его Евгеній; и это долгое вниманіе, далекое отъ любопытства и отъ гнѣва, ничего не обнаруживало.

Дама, бывшая съ Евгеніемъ, казалось, хотѣла и не хотѣла съ нимъ говорить. Но видя, что онъ не думаетъ о Бланкѣ, она рѣшилась молчать, и не хотѣла его смущать именемъ генерала.

И въ самомъ дѣлѣ, это было бы досадно. Евгеній,

зная всю *Сороку* наизусть, съ наслажденіемъ слуха могъ соединять изученіе прекрасной головы старика—головой, которую художникъ встрѣтилъ бы съ радостью. Притомъ волненіе генерала, не объяснимое для Евгенія, было по этому самому таинственно и привлекательно.

Бланка сидѣла въ самомъ темномъ углу ложи; одинъ Альфредъ былъ видѣнъ подлѣ Воклера, и противоположность этихъ двухъ лицъ столько же возвышала одного, сколько вредила другому. Евгеній мало обращалъ вниманія на Альфреда; онъ видѣлъ только самую главную часть его особы, его одежду, положеніе, однимъ словомъ, однѣ общія черты. Такимъ образомъ, онъ не узналъ бы его въ фойе или на лѣстницѣ.

Этотъ быстрый, невинный, почти безсознательный обзоръ не могъ удовлетворить Альфреда. Онъ покраснѣлъ съ досады. Онъ посмотрѣлъ на Евгенія самымъ дерзкимъ взоромъ, но не получилъ того же. Онъ долженъ былъ ожидать антракта, когда можно будетъ встрѣтиться въ фойе.

Занавѣсъ опустился; Евгеній не вышелъ изъ ложи.

Бланка ничего не говорила объ Евгеніи; ей нечего было сказать объ немъ, когда генералъ и Альфредъ говорили про него. Но голосъ отца поразилъ ее; и презрѣніе, съ которымъ Альфредъ назвалъ Евгенія ^{***}, заставило ее теряться въ догадкахъ; она сама находила ихъ смѣшными, но не могла удержаться.

Генералъ и Альфредъ говорили еще живѣе, но еще тише, нежели въ первый разъ. Альфредъ, казалось, острилъ, а Воклеръ печально слушалъ его.

Бланка угадала, что дѣло идетъ объ Евгеніи. Ихъ разговоръ до нея не касался, потому что не хотѣли, чтобъ она его слышала. Чтобъ успѣшнѣе побѣдить свое любопытство, она начала заниматься тѣмъ, что дѣлалось въ залѣ. Евгеній оставлялъ ей полную сво-

боду разсматривать себя. Онъ ее увидѣлъ, но и только. Внимательно оглядѣвъ генерала, онъ вспомнилъ о г-жѣ Монбрѣль; они мирно разговаривали, но съ совершенно различнымъ спокойствіемъ.

Г-жа Монбрѣль старалась не замѣчать, что многія женщины смотрѣли на Евгенія и что ея появленіе съ нимъ казалось неприличнымъ.

Что же касается до Евгенія, онъ нимало не заботился о томъ: смотрѣли ли на нея, бранили ли ее, — ему было все равно. Его видъ однакожь не имѣлъ ничего дерзкаго. Въ немъ былъ виднѣнъ человекъ, увѣренный въ себя, позволяющій другимъ имѣть свое мнѣніе.

Сколько Бланка могла понять, этотъ молодой человекъ носилъ запятнанное имя, или имѣлъ какое нибудь странное приключеніе. Словомъ, тутъ была тайна, и Бланка не была бы женщиною, если бы не старалась объяснить ее.

Воклеръ слушалъ Альфреда, и хотя не совсѣмъ былъ доволенъ его шутками на Евгенія, но просилъ его продолжать.

«Неужели онъ ничтоженъ до такой степени? Удивительно! Смотря на него, я сказалъ бы, что онъ что нибудь значить.»

Альфредъ еще посмотрѣлъ на Евгенія, какъ будто для того, чтобъ объяснить себѣ различіе впечатлѣній, производимыхъ этимъ молодымъ человекомъ.

«Признаюсь,» сказалъ генераль, «онъ теперь довольно развязенъ. Не знаю, отъ чего это; потому что онъ прежде былъ очень не ловокъ, дикъ; его физическая сторона соотвѣтствовала нравственной.»

«И вы говорите, что въ школѣ онъ получалъ только нули? Не вы ли работали за него?»

Альфредъ покраснѣлъ. Онъ уже жалѣлъ о своемъ злословіи, и гордость его не была такъ велика, чтобъ продолжать даже сравнивать себя съ Евгеніемъ. Великодушіе уже занимало мѣсто досады; онъ готовъ

былъ раздѣлить участіе генерала къ своему товарищу.

«Что,» сказалъ Воклеръ, «вы не сознаетесь въ своихъ преимуществахъ? Хорошо, молодой человекъ, очень хорошо. Я вижу, что у бѣдняжки есть друзья. Да они ему и нужны, правду сказать. Память отца есть уже довольно тяжкое бремя. Надобно помочь Евгению нести его; съ запятаннымъ именемъ и небольшимъ личнымъ достоинствомъ, очень трудно устоять.»

Альфредъ молчалъ. Онъ старался понять Евгенія. Не смотря на свое вниманіе, совершенно полагаясь на свой вкусъ и на память, онъ не могъ сохранить прежняго своего мнѣнія объ Евгениі. Это Евгений и не Евгений. Альфредъ чувствовалъ, что уничтожается передъ нимъ, но не понималъ, какимъ образомъ? Въ Евгениі была какая-то важность, даже когда онъ обращался безъ церемоній съ г-жею Монбрель. Если онъ начиналъ говорить съ ней серьезно, какъ будто издали, эта гордость, показавшаяся бы смѣшною во всякомъ другомъ, придавала ему особенную прелесть.

Словомъ, Евгенийъ былъ въ самомъ лучшемъ и въ самомъ трудномъ положеніи. Онъ долженъ былъ устоять противъ всеобщаго вниманія. Г-жа Монбрель, извѣстная своимъ кокетствомъ и строгостью, совершенно измѣняла себѣ, являясь въ театръ съ нимъ, ничтожнымъ молодымъ человекомъ, заклеяннымъ пороками отца. Она одна гордилась; она одна вызывала на бой правосудіе и несправедливость свѣта. Она была уже не простая модница, обижавшаяся взглядами, и умѣвшая быть какъ никто и какъ всѣ.

На этотъ разъ она дѣйствовала открыто. Очевидно было, что она приняла Евгенія подъ свое покровительство, что было столько же удивительно для женщинъ, сколько для молодежи.

Одна Бланка находила это совершенно естествен-

нымъ. Въ томъ, какъ Евгеній разыгрывалъ свою роль, была какая-то непринужденность, не приобретаемая въ свѣтъ. Никто не могъ понять, откуда набрался онъ ее, и какимъ образомъ согласовалась она съ его обыкновеннымъ обращеніемъ. Бланка прекрасно видѣла, какъ судили объ Евгеніи; никогда не зная его, не слыхавъ того, что объ немъ говорили отецъ ея и Альфредъ, она бы поклялась, что знаетъ кое-что про него. Какая-то таинственная занимательность окружала этого молодого человѣка. Всеобщее вниманіе, выбравъ его предметомъ своимъ, выражало вмѣстѣ и отвращеніе, и любопытство. Онъ былъ человѣкъ особенный, загадка, лишній въ обществѣ, словомъ, нѣчто не похожее на прочихъ.

А Бланка еще видѣла только людей, стоившихъ одинъ другаго, пороки, — сгнѣздившіеся воедино, фізіогноміи, созданныя одна для другой.

Поразительная особенность—появленіе человѣка, не могла быть для Бланки бездѣлицей.

Прежде нежели начала она судить характеръ Евгенія, она собрала всѣ свои воспоминанія о молодыхъ людяхъ, съ тою увѣренностію, что по сравненіи его съ прочими, онъ будетъ еще одинъ въ тысячи прежде забытыхъ.

Въ этомъ быстромъ обзорѣ все проявилось въ образѣ Альфреда; его ничтожность всегда объясняла ей ничтожность прочихъ молодыхъ людей.

Потомъ ей стало совѣстно. Въ этотъ самый день, еще недавно, Альфредъ былъ человѣкомъ.

Бланка вспомнила прогулку, обѣдъ, и оттѣнки фізіогноміи, голоса, вида, обнаруживавшіе въ немъ какое-то чувство.

Въ то самое время, какъ она объ этомъ думала, Альфредъ заплатилъ ей взоромъ за взоръ, безпокойствомъ за безпокойство.

Онъ также былъ любопытенъ. Бланка казалось ему не такою, какъ всегда, и, чтобъ узнать причи-

ну переменны, онъ едва не послалъ къ чорту генерала съ его вопросами объ Евгеніи.

Но онъ не смѣлъ отдаться на произволь Бланки. Его гордость не допускала его быть смѣшнымъ, не подавляя однако силы его волненія. Въ этой ужасной борьбѣ, первобытная природа и личина, человекъ и деньги попеременно смѣнялись въ немъ, или странно соединялись, такъ что не позволяли дать ему никакого названія.

И Бланка не знала, какъ его назвать. Впрочемъ, ей было все равно, точно ли Альфредъ былъ Альфредомъ, отличенъ отъ другихъ, одаренъ чѣмъ нибудь такимъ, чего ѹ другихъ нѣтъ. Она хотѣла только увѣрится, что изъ молодыхъ людей, знакомыхъ ей, онъ одинъ не былъ навсегда и невозвратно обреченъ толпѣ. Очень можетъ случиться, думала она, что странное состояніе, въ которомъ она его видѣла, наконецъ выкажетъ его душу.

Отъ чего переходила она къ Евгенію, не имѣвшему ни одного изъ преимуществъ Альфреда?

Альфредъ былъ статень. Черты лица его были нѣжны, болѣе увлекательны, нежели правильны. Онъ былъ развязенъ, взоръ быстрый, и смѣшеніе изысканности съ естественностью въ его манерахъ, показывали, что онъ не тщеславіемъ достигъ до плѣнительнаго обращенія, но что, напротивъ, эта плѣнительность довела его до тщеславія.

Его наружность была такъ совершенна, что согласившись съ этимъ, не оставалось болѣе ничего говорить.

Евгеній ни въ чемъ не былъ похожъ на него. Это былъ высокій мужчина, на котораго вы взглянули бы двадцать разъ, не увидя его. Хорошъ ли онъ былъ? дуренъ ли? вы бы не отвѣтили. Провинціалъ ли онъ? Посвященный ли въ таинства Парижской гостиницы? та же неизвѣстность!

Но такіе люди имѣють два преимущества: первое

а можетъ быть и второе, то, что ихъ не замѣчаетъ толпа. Они могутъ ходить, бѣгать, говорить, молчать: никто на нихъ не обращаетъ вниманія. По крайней мѣрѣ, никто не хочетъ первый замѣтить; но когда разъ они замѣчены, всякій приписываетъ это себѣ.

Второе или, если хотите, первое преимущество этихъ людей то, что забвеніе толпы помогаетъ умнымъ людямъ помнить объ нихъ. Между ними составляетя какой-то инстинктивный союзъ, взаимность мыслей, совершенно пророчесственный договоръ, такъ что они наканунѣ знакомства уже старые друзья.

Евгеній былъ замѣчателенъ, потому что не былъ замѣтенъ. Въ немъ не было ничего характеристическаго. Его физіогномія, обыкновенно спокойная, какъ мысль его, показалась бы простою, если бы она могла чѣмъ нибудь казаться, въ сравненіи съ волненіемъ, или съ важностью, или съ благородствомъ или съ пошлостью, обыкновенно выражающимися на лицѣ мужчины. Но человекъ, умѣющій замѣчать, тотчасъ бы замѣтилъ забвеніе самого [себя, которое помогало ему не чувствовать забвенія другихъ.

Таковъ до сихъ поръ былъ Евгеній. Послѣ г-жи Монбрель, Бланка первая немного разгадала его. Даже Альфредъ начиналъ думать, что въ Евгеніи было что-то необыкновенное. Но онъ возвращался къ первому своему понятію объ Евгеніи, и въ самомъ дѣлѣ, перемѣна, замѣченнѣя въ немъ могла быть ошибкою, дѣйствиемъ удивленія или присутствія г-жи Монбрель.

Г-жа Монбрель, взволнованная, но твердая въ томъ, на что дерзнула, мало по малу собрала свое хладнокровіе, по примѣру Евгенія. Это было даже не по расчету. Сердце даетъ довольно ума женщинамъ, когда онѣ хотятъ показать свое самоотверженіе. Евгеній не вѣрилъ увѣреніямъ г-жи Монбрель; онъ

сталъ бы смѣяться надъ ея величіемъ, еслибъ она стала отвѣчать безпрестаннымъ важничаньемъ на безпрестанныя насмѣшки, летѣвшія въ нея. Онъ зналъ, что она для него дѣлаетъ; онъ зналъ ея осторожность и могъ думать, что этотъ самый вечеръ, гдѣ она была такъ великодушна, былъ великолѣпною жертвой. Но Евгенийъ былъ благородень; онъ не хотѣлъ, чтобъ его объ этомъ просили. Когда г-жа Монбрель жертвовала ему всѣмъ, душою, мыслью, именемъ, достоинствомъ и недостатками, это конечно значило что нибудь; но когда она всю эту жертву считала ничѣмъ, тутъ было все.

Бланка издали читала въ сердцѣ этой женщины. Бланку восхищала ея сила, ея надежды, ея скромность. Она не могла понять, чтобъ Евгенийъ могъ думать о комъ нибудь другомъ, кромѣ этой женщины. Ей было досадно, что онъ слушалъ Россини, въ то время, какъ гармонія души звучала возлѣ него. Она старалась разсердиться на него, чтобъ въ сердцѣ своемъ отомстить за эту женщину, столь высокую, страждущую, безропотную, любившую, казалось, даже его равнодушіе.

Но, неужели Евгенийъ былъ не болѣе какъ *фатъ*? Согласно ли это было съ тѣмъ, что въ немъ было видно? Бланка ничего не могла понять. Любопытство ея увеличивалось, хоть она сознавалась, что все это до нея не касается. Но особенно удивляла ее съ одной стороны разница между Евгениемъ и всѣмъ тѣмъ, что она знала прежде; съ другой, невозможность представить его себѣ, какъ скоро не смотришь на него. Это было неуловимое лицо; смотря на него, она говорила себѣ: «Я ничего не видала подобнаго». Думая о немъ, она, казалось, ничего не видала.

И Бланка безпрестанно возвращалась къ нему.

Между тѣмъ Евгенийъ слушалъ оперу. Но въ этой глубокой душѣ были различныя ощущенія. Онъ не

терялъ ни одного музыкальнаго выраженія; онъ принадлежалъ оркестру, входилъ въ хоры; онъ былъ Лаблашъ, онъ былъ Малибранъ; а съ этимъ разнообразіемъ художниковъ, онъ умѣлъ еще присутствовать въ другомъ кругѣ вещей. Хотя онъ не сказалъ ни одного слова, ни бросилъ ни одного взгляда г-жѣ Монбрѣль, онъ не потерялъ ничего однакожь изъ того, что она дѣлала, казалось, совершенно напрасно. Въ то время, какъ музыка увлекала его и обнаруживала въ немъ всего человѣка, другой человѣкъ — и это былъ онъ самъ — проявлялся еще съ бѣльшимъ величіемъ. Немногими жестами, движеніями физиогноміи, одобрительными восклицаніями, онъ выразилъ то, что, говорятъ, чувствовалъ Паганини къ Бетговену. Безъ паружныхъ знаковъ, безъ понятнаго вида, онъ теперь свидѣтельствовалъ свою признательность къ г-жѣ Монбрѣль, и Бланка, прежде нежели успѣла понять самое дѣло, всматриваясь внимательно, совершенно увѣрилась въ этомъ. Она видѣла, что г-жа Монбрѣль не была уже безпокойна и взволнована, но увѣрена въ своемъ счастіи. Между Евгениемъ и этою женщиной были какія-то необъяснимыя сношенія; они понимали другъ друга какимъ-то неизвѣстнымъ способомъ, но могущественнымъ, но лучшимъ всякаго другаго, потому что Евгенийъ, съ перваго взгляда казавшійся одинокимъ, превосходно понималъ мысль г-жи Монбрѣль. Больше и больше всматриваясь въ Евгения, Бланка больше и больше находила въ немъ свои чувства; она объяснила его наружное равнодушіе самосознаніемъ, благоразуміемъ, великодушнымъ отверженіемъ. — Евгенийъ, думала она, сомнѣвается въ своемъ сердцѣ, а г-жа Монбрѣль въ своемъ увѣрена; одинъ ожидалъ любви, другая любила больше нежели могла.

Если бы г-жа Монбрѣль была менѣе занята, она встрѣтила бы и сыскала взоръ Бланки; но съ самаго пріѣзда, она была спокойна на ея счетъ, потому что

Евгеній замѣтилъ одного генерала, говорилъ только объ этомъ благородномъ старикѣ и жалѣлъ, что не зналъ его имени. Г-жа Монбрѣль знала Евгенія; онъ хвалилъ женщину всегда, когда она того стоила, не заботясь о дѣйствии этой похвалы на г-жу Монбрѣль. Онъ даже хотѣлъ приучить ее къ этому; и когда онъ о Бланкѣ не сказалъ ничего, — видно, сказать было нечего.

Безъ этого обстоятельства, г-жа Монбрѣль не забыла бы Бланку. Она, можетъ быть, поняла бы ее такъ же, какъ Бланка понимала Евгенія; но какое ей дѣло? Ей довольно было изучать Евгенія, слѣдить за переходами удивленія и рѣшимости, презрѣнія и почтенія, съ которыми этотъ молодой человекъ принималъ любовь молодой женщины — женщины, способной быть женщиною.

Разговоръ генерала и Альфреда объ Евгеніи, шутки одного и строгое лицо другаго, показывали Бланкѣ, что этотъ молодой человекъ губить эту женщину, и что, въ свою очередь, она губить его. Эта мысль удвоила въ ея глазахъ занимательность ихъ положенія; эта женщина будетъ смѣшна, если Евгеній не поквитается съ ней; Евгеній будетъ неблагородный человекъ, если будетъ поступать съ ней неуважительно.

Для Бланки, для г-жи Монбрѣль, весь вопросъ заключался въ этомъ; эти двѣ женщины испугались бы одна другой, если бы онъ сравнили свои мысли; но Бланка слишкомъ думала о дѣйствии, чтобъ мстить на лица; а г-жа Монбрѣль, совершенно углубленная въ душу Евгенія, не думала, чтобъ ктонибудь въ толпѣ сталъ жить ея жизнію.

Чѣмъ больше Евгеній былъ тронуть, тѣмъ лицо его становилось таинственнѣе. Когда онъ явился съ г-жею Монбрѣль, онъ былъ живымъ, юнымъ, развязнымъ и только; этого было довольно, чтобъ удивить Альфреда; вскорѣ потомъ сознаніе искусства, съ его свя-

ценною и живую свободой, возвысило его видъ, придавъ ему эту особенную важность, нѣчто принадлежащее другому міру, заставляющее толпу думать, что вы ничего не чувствуете. Когда онъ началъ думать о г-жѣ Монбрѣль, когда онъ спросилъ себя, должна ли эта женщина положиться на него, трепеть пробѣжалъ по тѣлу его. Лицо его, обыкновенно блѣдное, поблѣднѣло совсѣмъ иначе; внутреннее содраганіе еще умножило наружную недвижимость его физиогноміи. Бланка, не терявшая его изъ виду, не тотчасъ замѣтила это: такъ хорошо Евгений умѣлъ владѣть своимъ волненіемъ! Г-жа Монбрѣль такъ дурно умѣла скрывать то, что съ нею происходило, и отъ этого была такъ интересна, что Бланка желала бы, чтобъ и Евгений не могъ укрываться; но его твердость была гораздо краснорѣчивѣе, и въ ней его упрекать было невозможно.

Толкуя о нравственности и остря, Альфредъ и Воклеръ, замѣтившіе вниманіе Бланки, начали сами принимать участіе въ этой драмѣ. Воклеру шечего было дѣлать: онъ не сходилъ съ ума отъ Россини. Со времени возстановленія Бурбоновъ, удаленный изъ Парижа, онъ еще кое-какъ сохранилъ привязанность къ ригурнелямъ Гретри и Далеирака. Онъ могъ по чистой совѣсти не думать о Россини въ то время, какъ разыгрывали его превосходныя произведенія; и онъ былъ отъ души радъ, что въ эпизодъ Евгения и г-жи Монбрѣль нашелъ развлеченіе отъ своей искренней скуки. Съ своей стороны, Альфредъ не былъ до такой степени дилеттантомъ, чтобъ не сознаться иногда въ своемъ музыкальномъ равнодушіи. Столько же изъ учтивости, сколько изъ откровенности, онъ посмѣялся съ Воклеромъ надъ руладами и *кресендо*, съ наибольшимъ жаромъ принятыми, и Евгений снова сталъ предметомъ разговора.

Воклеръ удивлялся, что такъ много думаетъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Сначала онъ приписы-

валъ это дѣйствию его имени. Тягостное чувство, испытанное имъ — этотъ неопредѣленный страхъ, котораго не могъ онъ пересилить — показались ему слѣдствіями одной причины. Человѣкъ отомщенный, являющійся вамъ потомъ подѣ другимъ видомъ, старая, возобновленная обида, дѣтская любовь, ругающаяся надъ сѣдинами, вотъ какія были мысли Воклера, когда Альфредъ называлъ Евгеніева отца.

Теперь на душѣ его лежало другое бремя; Евгенийъ смотрѣлъ на него съ уваженіемъ, слѣдовательно прошедшее было уже забыто. Воклеръ во второй разъ почувствовалъ то ужасное, невыразимое страданіе, которое такъ испугало его наканунѣ отъѣзда въ Парижъ; онъ вспомнилъ этотъ безумный сонъ; онъ опять увидѣлъ Бланку въ ужасѣ, хохотавшую отъ страха, молившую его непонятными мольбами.

Въ испугъ своемъ, онъ схватилъ Бланку за руку, но въ ея лицѣ и глазахъ онъ увидѣлъ такое спокойствіе, что страхъ его еще увеличился. Спокойствіе Бланки, не разсвѣвая его мрачныхъ мыслей, еще болѣе отуманило ихъ; генералу хотѣлось видѣть ее въ волненіи; тогда онъ сталъ бы уговаривать ее, онъ самъ бы устыдился своего страха, но онъ долженъ былъ молчать. Что подумаетъ Бланка, ежели онъ станетъ объяснять ей то, чего самъ себѣ объяснить не можетъ? Пристыженный, почти разгнѣванный возбужденнымъ вниманіемъ, онъ старался подражать спокойствію дочери. Онъ увѣрялъ себя, что между нимъ и Евгениемъ нѣтъ ничего общаго, что Бланка неспособна къ несообразностямъ, но воспоминаніе о сценѣ съ отцомъ внезапно возобновлялось, и Евгенийъ сидѣлъ передъ нимъ.

Альфредъ уже не смѣялся надъ своимъ товарищемъ; какое-то неопредѣленное чувство зависти, въ которомъ онъ не хотѣлъ признаться, заставило его задуматься. Бланка смотрѣла только на Евгения; она отдыхала только тогда, когда сомнѣвалась въ

согласіи какогонибудь движенія г-жи Монбрель съ какимънибудь движеніемъ Евгенія. Альфредъ все видѣлъ; онъ слишкомъ любилъ Бланку, и вѣрилъ въ ея скромность, чистоту, незнаніе собственныхъ мыслей; онъ зналъ, что Евгеній не тронулъ ея, но удивилъ, и Альфредъ, никогда не удивлявшій женщинъ, понималъ теперь, съ помощію своей любви, что это было прекрасное средство, чтобъ заставить себя любить.

Различно занятые, Воклеръ, Бланка и Альфредъ не думали о спектаклѣ. Когда занавѣсъ въ послѣдній разъ опустился, генераль и Альфредъ вдругъ вышли изъ ложи; едва дали Бланкѣ взять шляпку и шаль; это движеніе, совершенно выказавъ ее, дало случай Евгению, еще не вышедшему изъ ложи, замѣтить ее; нѣсколько любезныхъ словъ, предназначенныхъ г-жѣ Монбрель, остановились на устахъ его; Бланка отворотилась, покраснѣла и поблѣднѣла, и это замѣшательство такъ возвышало ея прелесть, что Евгеній не могъ уже помнить о г-жѣ Монбрель; онъ даже не замѣтилъ, что рука ея дрожала, опираясь на его руку. Когда Бланка ушла, Евгеній стоялъ неподвиженъ, смотря на то, чего уже не видалъ. Г-жа Монбрель не смѣла напомнить ему: это сдѣлала *ouvreuse* *. По удивленію этой женщины, онъ увидѣлъ, что простоялъ тутъ нѣсколько минутъ; г-жа Монбрель плакала; Евгеній увлекъ ее изъ ложи, не зная, что говорить, и побѣжалъ по корридорамъ и на крыльцѣ отыскивать свою незнакомку.

Толпа медленно расходилась; одни спѣшили, другіе ждали; отъ этого происходилъ безпорядокъ.

Бланка держалась за руку отца, Альфредъ шелъ сзади ея, совершенно закрывая ея талію, такъ что Евгеній, быстро проходя мимо ея, не узналъ и за-

* Такъ называются въ Парижѣ женщины, замѣняющія въ театрѣ нашихъ капельдинеровъ.

дѣль ея; ея шаль упала, она вскрикнула. Евгений остановился, бессмысленно взглянул на нее, въ то время, какъ г-жа Монбрель старалась увлечь его впередъ. Альфредъ уже нагибался, хотѣлъ поднять шаль; но его движеніе было предупреждено Евгениемъ, и такъ непринужденно, что его не замѣтили бы, еслибъ меньше занимались Евгениемъ въ продолженіе вечера. Генераль съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Бланку; застенчивость и вѣжливость Евгения обнаруживали не простой стыдъ неловкости. Бланка сѣмъла бы отвѣчать на его извиненія,—еслибъ они были такъ же незначительны, какъ казались. Ея молчаніе что-то выражало и Воклеръ снова почувствовалъ, и еще ужаснѣйшимъ образомъ, непонятное страданіе, уже дважды его посѣщавшее.

Эта сцена была такъ непродолжительна, что Альфредъ не успѣлъ рѣшить: подойти ли къ Евгению и назвать себя, хоть ему хотѣлось избѣгать его, или оставить его полнымъ обладателемъ вниманія Бланки?

Альфредъ еще разсуждалъ, когда Евгений и г-жа Монбрель были уже далеко.

Тогда Бланка замѣтила смущеніе Воклера.

Тотъ и другая потупили глаза, и Альфредъ не зналъ что дѣлать.

Всѣ трое вышли въ безмолвіи, не смѣя ни подслушать своихъ мыслей, ни отвергнуть ихъ; Альфредъ думалъ объ Евгении, Бланка и генераль думали о немъ же.

Воклеръ страдалъ болѣе всѣхъ; онъ по крайней мѣрѣ понималъ, что происходило въ душѣ его; предчувствія, его тревожившія, хотя были ложныя, но тѣмъ не менѣе ужасны; между тѣмъ какъ Альфредъ и Бланка чувствовали что-то непріятное, какое-то неопредѣленное волненіе, сопровождающее обыкновенно начало ненависти или любви.

Преслѣдуемый собственною мыслію, генераль по-

чувствовалъ одну изъ этихъ потребностей, которыя зараждаются въ самыхъ прекрасныхъ душахъ,—потребность быть несправедливымъ, заранѣй мстить Евгению за то, что онъ сдѣлаетъ въ послѣдствіи.

«Знаете ли, Альфредъ, что этотъ молодой человѣкъ довольно смѣшонъ? Я думалъ, что онъ возьметъ мою дочь за руку. Эта г-жа Монбрель мнѣ была, право, жалка; вашъ Евгенийъ человѣкъ сумазбродный, ежели не глупый.»

Альфредъ отвѣчалъ невпопадъ; его ненависть къ Евгению, тѣснямая присутствіемъ Бланки, но ободряемая генераломъ, мѣшала понимать его слова. Ему хотѣлось разстаться съ ними, потому что онъ не могъ раздѣлять мнѣнія ни той, ни другаго.

Бланка была счастлива и горда, не зная сама отъ чего: ей казалось, что это была награда совѣсти; она своею логическою принципательностію уничтожила всѣ предубѣжденія противъ Евгенія; будетъ ли онъ благодаренъ или нѣтъ, этого въ виду еще не было; ея дѣвическому сердцу нужна была только увѣренность, что она поступила великодушно.

Она уже упивалась этимъ сладострастіемъ души, когда вышла на улицу. Двѣ кареты подъѣхали въ одно время; въ одной уже сидѣла молодая женщина; къ ней входилъ кавалеръ; онъ случайно обратился къ Бланкѣ; она узнала Евгенія, и забыла, такъ же какъ и онъ, принять на себя видъ равнодушія. Г-жа Монбрель не видала Бланки; генераль и Альфредъ не замѣтили Евгенія. Этотъ взоръ, быстрый какъ молнія, таинственный самою этою быстротой, былъ мгновеніемъ, заключавшимъ цѣлые годы; отъѣздъ и разлука двухъ каретъ не могли разъединить Евгенія и Бланку.

V.

Хотя Евгенийъ уже сильно влюбленъ въ Бланку, но нужно было только одно слово, чтобъ заставить его

раскаяться; г-жа Монбрёлъ могла бы произнести это слово, она могла бы сказать: «Евгеній, отецъ этой женщины убилъ твоего отца!»

Бланка не знала этого происшествія; для нея всѣ препятствія къ любви Евгенія заключались въ его связи съ г-жею Монбрёлъ.

Но, кромѣ того, неужели этотъ молодой человекъ, котораго она больше не видала, былъ единственною мыслию ея? Воклеръ не любилъ его; онъ былъ печалень, когда Альфредъ говорилъ объ Евгеніи. Бланка хотѣла уважать ихъ нерасположеніе. Притомъ, кто сказалъ ей, что Евгеній что-то необыкновенное? И зачѣмъ помнить того, кто объ ней не помнить?

Бланка, во всѣхъ помыслахъ преслѣдуемая Альфредомъ, узнала отъ него, въ какихъ домахъ можно было встрѣчать г-жу Монбрёлъ и Евгенія. Бланка не встрѣчала ихъ тамъ; они перестали являться туда, послѣ сцены въ оперѣ, и Альфредъ опять все это пересказалъ ей.

При такомъ неудовлетворенномъ любопытствѣ, принимаемомъ Бланкою не болѣе какъ за любопытство, Бланка, менѣе и менѣе смущаемая мыслью о Евгеніи, безпокоилась только о Воклерѣ. Суевѣрный ужасъ, казалось, овладѣлъ душою генерала: вмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительно, какъ слѣдуетъ служащему надзирающему за своимъ дѣтищемъ или командующему своею дивизіей, Воклеръ всего пугался, привыкая къ разсуждать по-женски, и всякій поступокъ дочери казался ему началомъ несчастій.

Бланка не знала, что думать о новыхъ горестяхъ отца своего; принужденная совѣтоваться съ самою собою, она видѣла, что власть отца ослабѣваетъ; душа ея, долго не свободная, просила независимости; здоровое, но простое воспитаніе ея мало по малу теряло силу. Бланка уже не была дочь покорная, непричудливая, счастливая отъ незнанія этихъ кризисовъ души, которые всегда были описываемы ей смѣшными или

неприличными, она бессознательно становилась задумчивою, капризною, привязывалась къ мелочамъ, прежде ею незамѣченнымъ; она просиживала по цѣлымъ часамъ за своимъ піано; играла или не играла, погруженная въ неуловимыя мечты; всѣ ея поступки, всѣ слова имѣли опредѣленность; ея роль въ свѣтъ также измѣнилась. Сначала она была хорошо принята, но не имѣла успѣховъ; ее хвалили вообще и однажды навсегда: молодые люди изъ снисходительности, а женщины изъ особеннаго доброжелательства. Бланка слыла неукоризненною, чистою, совершенною; не заботились, откуда это происходило — отъ воспитанія, или отъ природы? Это ничтожное совершенство теперь исчезло. Бланка приобрѣла наконецъ то, чего ей всѣ желали — что-то невыразимое; въ ея взрѣ была поэзія; она смущалась; не знали, отъ чего она стала такъ раздражительна, какъ этого хотѣли?

Альфредъ слѣдилъ за успѣхами этой перемѣны; сперва она подтвердила его опасенія, но потомъ онъ перемѣнилъ мысли; двадцать разъ называлъ онъ Евгенія, и Бланка не вздрогнула; только она чувствовала удивленіе, ежели чувствовала что нибудь. Она не показывала ни желанія, ни нерѣшимости, когда нужно было явиться въ домъ, гдѣ она могла встрѣтить Евгенія. Альфредъ все это замѣчалъ.

Другая странность его успокоивала. Бланка менѣе оказывала къ нему презрѣнія въ минуты гордости; она была менѣе дитя въ минуты фамильярности; Бланка все дѣлала не такъ, какъ прежде. Теперь Альфредъ могъ дать цѣну тому, что она говорила ему любезнаго. Проницательностью ли, или вдохновеніемъ благороднаго положенія, Бланка угадывала это лучше его: то, чего онъ хотѣлъ самъ не зная, было согласно съ ея поступками; онъ приходилъ къ ней печальный, бессмысленный, стыдившійся самого себя; уходилъ утешенный, но не въ силахъ рѣшить — удовлетворенная ли это, или излеченная любовь?

Бланка, подобно генералу, все искала одиночества; она не подозрѣвала мысли своего отца, но согласовала съ нею свою жизнь посредствомъ той предусмотрительности сердца, которая гораздо лучше разсудка. Она готовилась къ счастію тихому, истинному, отдаленному, гдѣ дружба Альфреда, отцовская нѣжность, наслажденія искусства казались ей чѣмъ-то неограниченнымъ. Въ каждомъ ея удовольствіи было предчувствіе наслажденій, болѣе изящныхъ; все въ ней было положительно и неопредѣленно, просто и необъяснимо, совершенно въ настоящемъ и рѣшительно въ будущемъ. Это было двойственное существованіе, соединенное съ одной стороны съ существованіемъ генерала и Альфреда, такъ что они были совершенно довольны; съ другой, простиравшееся за границу того, что они могли видѣть и чувствовать.

Воклеръ еще разъ освободился отъ своего страха; онъ упрекалъ себя за пожертвованія дочери; видя въ ней переменъ, онъ радовался, но не видѣлъ въ этой переменѣ признака измѣненія болѣе тайнаго, неподозрѣваемаго даже ею самою; онъ начиналъ понимать, что высокое въ женщинѣ простирается далѣе обладанія однимъ здравомъ смысломъ; онъ никогда не думалъ сдѣлать изъ Бланки артистку; то, что она знала въ музыкѣ, рисованьи и литературѣ, было не болѣе какъ долгъ, заплаченный общежитію, и Воклеръ, столь же мало одобрявшій древнее невѣжество женщинъ и воспитаніе ихъ въ новѣйшее время, показавъ уваженіе къ предкамъ и къ современникамъ, давъ ей воспитаніе среднее; притомъ, онъ отнялъ у него сторону опасную, отнявъ все идеальное, приучивъ Бланку къ жизни обыкновенной. Гораздо прежде возраста мечтаній, онъ обращалъ ея сердце къ наслажденіямъ семейственнымъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ она находила удовольствіе въ хозяйствѣ, во всемъ что радовало отца; всѣ мѣлочи искусства на-

дѣли ей такъ же, какъ онѣ надѣждають учителямъ; она стала столько прозаическою, сколько генераль могъ желать. Иногда, какъ мы видѣли, онѣ боялся даже, что слишкомъ успѣлъ; онѣ не понялъ, что Бланка, сперва изъ повиновенія, а потомъ съ удовольствіемъ, избѣгала всего, что могло отвлечь ее отъ ея привычекъ. Теперь, когда вліяніе, не извѣстное, но положительное, избавляло Бланку отъ строгихъ законовъ, она могла, не огорчая отца, быть вѣрною самою себѣ. Она ускользала отъ него, но чтобъ принадлежать ему гораздо благороднѣйшимъ образомъ. Воклеръ не думалъ давать ей совѣтовъ; онѣ даже очень радовался этому освобожденію.

Еще приводило его въ восторгъ обращеніе Альфреда; этотъ молодой человекъ не былъ уже ни *фатомъ*, ни страннымъ; ничто не мѣшало генералу думать о Бланкѣ при мысли объ Альфредѣ; но онѣ поклялся повиноваться дочери, хотъ для того, чтобы наградить за долгое ея повиновеніе, и потому лучшимъ дѣломъ было — немного говорить объ Альфредѣ.

Короткость Бланки съ Альфредомъ не имѣла ничего эгоистическаго; раскрывая ихъ другъ передъ другомъ, она побуждала ихъ къ взаимнымъ пожертвованіямъ. Бланка не считала часовъ, проведенныхъ съ Альфредомъ, но она старалась держать его подалѣе отъ свѣта. Она желала бы, чтобъ его лучше понимали: Альфредъ былъ не менѣе великодушенъ. Кроме того, съ его намѣреніями соединялась какая-то гордость: онѣ нетерпѣливо желалъ, чтобъ Бланку оцѣнили и признали ее достойною его; и онѣ падѣлся, показавъ ее такою, какая она тогда была, не удивить никого ея превосходствомъ.

Воклеръ все видѣлъ; онѣ самъ упросилъ Альфреда и Бланку снова явиться въ свѣтъ. Испанскій посланникъ давалъ балъ; Воклеръ, пѣкогда служившій вмѣстѣ съ нимъ, не смотря на различіе званій, былъ приглашенъ: онѣ не могъ пропустить случая блес-

путь дочерью и посмѣяться надъ завистниками Альфреда.

Посланникъ защищалъ свободу своей страны противъ Наполеона; онъ часто встрѣчался съ Воклеромъ и даже былъ его противникомъ; словомъ, они дѣлали другъ другу всевозможное зло, и это служило вмѣсто услугъ. Воклеръ напередъ былъ увѣренъ въ успѣхъ Бланки. Отцовская гордость думала, что ее не поняли въ Парижѣ. Не смотря на старую свою философію, Воклеръ желалъ бы, чтобъ за его дочерью бѣгали; онъ не хотѣлъ, чтобъ она безумствовала въ любви, но очень былъ бы доволенъ отчаяніемъ нѣкоторыхъ искателей.

Хотя генералъ почувствовалъ припадокъ подагры въ самый день бала, но ничто не могло остановить его отъ зрѣлища торжества Бланки.

Бланка явилась среди прелестныхъ женщинъ, и имѣла счастье понравиться всѣмъ. Никто не могъ объяснить ея переменъ; она ускользала отъ похвалъ и критики, а критики и похвалы безпрестанно возвращались къ ней.

Первое вниманіе посланника, и слѣдовательно всѣхъ занимавшихся имъ, было посвящено Бланкѣ.

Въ душѣ Испанца есть что-то мужественное и утонченное, такъ что и женщины и мужчины скоро свыкаются съ нею.

Посланникъ былъ радъ генералу, простъ и милъ съ Бланкою; даже Альфредъ тронулся его обращеніемъ.

Праздникъ былъ такой, какова можетъ быть Испанія въ Испаніи; печальныя, строгія, украшенія; тамъ и сямъ прекрасныя лица, запечатлѣныя чувствами, которыя соединяются только за Пиренеями, лица, отлича отъ остальныхъ гостей, какъ лучъ ихъ Севильскаго солнца на сомнительномъ Парижскомъ небѣ, какъ поэзія и величіе Ис-

панскаго вѣрованія отъ сомнѣній нашего мнимаго общества.

Эта противоположность всѣмъ понравилась, какъ противоположность. На Бланку она произвела другое впечатлѣніе: душа ея, еще прежде пробужденная какимъ-то невѣдомымъ чувствомъ, не пропустила ни одного ощущенія; подъ защитою старой дружбы отца своего съ посланникомъ, она была рѣзва, важна, глупа, какъ будто на той сторонѣ Пиренеевъ.

Альфредъ ходилъ за ней, оставлялъ ее и снова къ ней возвращался во время бала; онъ таинственно разговаривалъ съ ней всякій разъ, какъ у нихъ обоихъ сердце было переполнено. Бланка, казалось, была счастлива, видя его подлѣ себя; когда она чувствовала волненіе или была торжественно спокойна, тогда она жила всѣми своими силами: она уже не боялась слишкомъ многочисленныхъ впечатлѣній: ей было съ кѣмъ раздѣлить ихъ. Эта Испанія, эта Франція, стоявшія передъ ней, совершенно обнаруживались одна подлѣ другой. Иногда Бланка сравнивала ихъ, и инстинктъ ея, еще болѣе развитый народными предубѣжденіями, показывалъ ей то, чтѣ посланникъ едва бы замѣтилъ. Иногда Альфредъ начиналъ говорить то же, что она думала; потомъ за увлекательностью разума слѣдовало другое наслажденіе: онъ молчалъ, не слушалъ ея замѣчаній, но внималъ ея Французскому голосу; онъ смотрѣлъ не на то, какъ согласовалось ея лицо и обращеніе съ характеромъ праздника, а на то, что характеризовало собственно ее: это нѣчто утонченное и умѣренное, это изящное совершенство, только у Француженокъ соединяющееся съ истинною чувствъ.

И когда онъ насмотрѣлся, онъ, казалось, просилъ прощенія; онъ уходилъ подальше мечтать о ней и о себѣ, и въ сотый разъ повторялъ, что Бланка вся его будущность; онъ воспоминалъ нѣкоторыя слова ея, особенно самыя обыкновенныя, имѣющія смыслъ

только для посвященныхъ въ таинства; онъ старался угадать въ ея голосъ, въ ея взоръ, признакъ рождающейся страсти; онъ думалъ о фамильярности Бланки, и она не была уже тою дѣвочкою, которая прежде приводила его въ отчаяніе. Бланка для него была тѣмъ, чѣмъ она ни была еще ни для кого. Переменная была таинственна, но тѣмъ не менѣе то была переменна; трудно было рѣшить: любовь ли это, или первый шагъ внѣ дружбы; но самое это сомнѣніе имѣло свою прелесть, а притомъ, благодаря этой неизвѣстности, Альфредъ не былъ тщеславнымъ.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ удалился отъ толпы, чтобъ снова рассмотреть свое положеніе, онъ вошелъ въ теплицу, передъманную въ гостиную и благоухавшую привозными растеніями; полъ былъ устланъ дерномъ, волканическими веществами, такъ что ящики съ деревьями были совершенно закрыты, отъ чего произошли неровности на землѣ, но все это было довольно просто и производило полный обманъ.

Альфредъ сидѣлъ подъ сѣнью померанцевыхъ деревьевъ съ полчаса, углубленный въ свои мысли, какъ передъ нимъ остановился молодой человѣкъ, съ улыбкою подавая ему руку. Альфредъ, казалось, смотрѣлъ на него, не замѣчая его, и молодой человѣкъ начиналъ уже отъ короткости переходить къ учтивости, когда нѣсколько голосовъ изъ разныхъ мѣстъ спросили Евгенія ***, гдѣ онъ и нашелъ ли Альфреда?

«Евгеній ***» сказалъ Альфредъ, съ живостью вставая.

«Да, конечно; кто же еще?» отвѣчалъ Евгеній. «Я тебя ищу цѣлый часъ. Я встрѣтилъ здѣсь дюжину школьныхъ друзей; они меня навели на твои слѣды. Чтожь? Ты все еще смотришь на меня? Мое путешествіе меня очень переменяло?»

Альфредъ удивился, что ему было такъ легко подлѣ Евгенія. Онъ вспомнилъ о Бланкѣ, объ оперѣ, о

прежнихъ своихъ опасенійхъ, какъ будто для того, чтобъ предостеречь себя, но не могъ. Но Евгенийъ былъ такъ спокоенъ и открытъ, что совершенно уничтожилъ подозрѣнія Альфреда.

Оба друга соединились съ товарищами, и разговоръ, сдѣлавшись общимъ, завязался, разумѣется, о томъ, что наиболѣе интересуеть молодыхъ людей. Дѣло шло о женщинахъ.

На этотъ разъ Альфредъ былъ въ затрудненіи. Онъ боялся, что ему будутъ говорить о Бланкъ. Но г-жа Монбрель была предметомъ всѣхъ рѣчей. Ея красота, умъ, рѣшительный характеръ занимали всѣхъ друзей Евгенія. Ея при немъ не называли, но хотѣли, чтобъ онъ заговорилъ; всѣ желали знать, для чего она съ нимъ явилась на балъ?

Евгений, казалось, не понималъ. Однако не принимая на себя таинственнаго вида, онъ шелъ во время разговора, къ отдаленному кружку, гдѣ была г-жа Монбрель.

Одинъ Альфредъ пошелъ за нимъ. Какъ скоро Евгенийъ остался съ нимъ одинъ, то предупредилъ его, что хочетъ его представить.

«Ты знаешь г-жу Монбрель,» сказалъ Евгенийъ: «или по крайней мѣрѣ, ты вѣрно говорилъ, или тебѣ говорили о ней? Эта женщина меня поняла, Альфредъ; ты можешь судить, что она для меня. Всѣ мои товарищи ей жалки; ты долженъ поднять честь школы.»

Евгений остановился, посмотрѣлъ на Альфреда, и, крѣпко пожавъ ему руку, продолжалъ:

«Она поняла меня Альфредъ! Знаешь ли, что это значитъ?»

«Да, Евгенийъ, да... теперь.... потому что, надобно признаться, ты долго былъ непонятъ. И отъ чего не признаться, что я былъ какъ всѣ. Ты никогда не имѣлъ нашихъ маленькихъ успѣховъ, нашихъ маленькихъ восторговъ, нашихъ маленькихъ превосходствъ. Въ школѣ о тебѣ никто не думалъ, въ

свѣтъ также. Теперь въ тебѣ что-то необыкновенное, чего мы не подозрѣвали, и съ этимъ, обращеніе болѣе, нежели совершенное, не сердись, и успѣхи твои вещь не маловажная. Въ тебѣ все удивительно, но нѣтъ ничего страннаго. Что же касается до г-жи Монбрѣль, знаешь ли ты, что ея выборъ говоритъ гораздо болѣе, нежели мои слова!»

Евгеній сдѣлалъ скромный знакъ и отвѣчалъ невнятными словами, въ которыхъ Альфредъ замѣтилъ немного смущенія; но г-жа Монбрѣль была такъ близко, что ея присутствіе могло это объяснить.

Г-жа Монбрѣль была хорошенькая брюнетка, немного изысканная, не отъ себя, а по милости свѣта, но довольно умная, чтобъ все остальное скрыть передъ тѣми, которые были только умны. По лицу Альфреда, она угадала, что Евгеній уже говорилъ; она была преместна простотой, непринужденностью, скромностью. Альфредъ видалъ ее въ свѣтъ, но окруженную вздыхателями. Онъ теперь находилъ ее въ связи съ Евгеніемъ, молодымъ человѣкомъ, не выходящимъ изъ толпы. И она сыскала этого неизвѣстнаго; она гордилась тѣмъ, что возвысилась до него.

Альфредъ любилъ; онъ зналъ, что не говоря, онъ это сказывалъ Бланкъ безпрестанно, и слушалъ, какъ эхо, голосъ г-жи Монбрѣль. Ея любовь была также любовь сокровенная, прозрачная, которая выражается всякому потупленнымъ взоромъ, ласкою птичекъ, привѣтомъ человѣку равнодушному.

Онъ не замѣчалъ, что Евгеній удалился по знаку посланника, повидимому, очень хорошо его знавшаго.

Г-жа Монбрѣль видѣла, проникала Альфреда. Она была печальна и довольна, какъ онъ. Сначала Альфредъ думалъ только о ней. Онъ узналъ всю ея любовь, и вспоминая голосъ и лицо Евгенія, когда онъ говорилъ о г-жѣ Монбрѣль, онъ спросилъ самого себя: это ли страсть?—Евгеній, думалъ онъ, толь-

ко благороденъ, полонъ уваженія, и ежели онъ предпочитаетъ г-жу Монбрель, это изъ благодарности.

Потомъ Альфредъ, сравнивая свою любовь съ любовью г-жи Монбрель, думалъ, что Бланка была волнуема не болѣе Евгенія.

Эта мысль, какъ кинжалъ, вонзилась въ его сердце; онъ взглянулъ на г-жу Монбрель, и этимъ взглядомъ, казалось, говорилъ ей: «Пожалуйте обо мнѣ, какъ я объ васъ жалую!»

Съ минуту продолжалось молчаніе. Г-жа Монбрель искала Евгенія; она скоро увидѣла его, и поблѣднѣла какъ мертвая. Онъ разговаривалъ съ Бланкою, и Альфредъ, въ это время ихъ замѣтившій, затренилъ всѣми членами.

Посланникъ былъ подлѣ Бланки. Онъ слушалъ ее съ восхищеніемъ и часто поручалъ Евгенію отвѣчать за себя. Евгеній исполнялъ его желаніе, то смѣло, то застенчиво. Глаза его оживлялись, движенія становились краснорѣчивыми; и по восторгу посланника и по глубокому благоговѣнію Бланки, видно было, что для одного тутъ были живыя воспоминанія, для другой — совершенно новыя ощущенія.

Посланникъ и Евгеній находили Испанію около себя. Они созидали ее изъ малѣйшихъ обстоятельствъ. Выговоръ, одѣяніе, походка крестьянки выражали имъ всю націю. При сихъ разсказахъ, Бланка, не имѣвшая ни романтизма провинціалки, ни положительности Парижанки, — Бланка неукротимая и владѣвшая собою, вступала въ другой міръ. Евгеній былъ для нея вся Испанія. Ей казалось, что она должна была бы родиться подлѣ этимъ небомъ, видѣть этихъ благородныхъ людей, принадлежать этому народу, неизмѣняемому въ своей физиогноміи.

Эти разговоры вполнѣ обнаружили душу Бланки и Евгенія. Евгеній никогда не былъ такимъ Испанцемъ. Молодая дѣвушка, вдохновлявшая его, не имѣла нужды, какъ г-жа Монбрель, спорить съ об-

ществомъ, чтобъ возвысить его въ собственныхъ глазахъ. Онъ былъ счастливъ, что его почитали такимъ, каковъ онъ есть. Во всемъ этомъ, онъ не хотѣлъ ни принять, ни отвергнуть сердца Бланки. Эта была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ жизни, когда бываешь вѣренъ самому себѣ, во всей возможной полнотѣ, не разсматривая ни по чему, ни какъ? Слушая его, Бланка сдѣлала ему гораздо больше добра, нежели г-жа Монбрѣль, со всемъ своимъ самоотверженіемъ: она помогла ему все забыть; она слилась съ нимъ воедино.

Посланникъ замѣтилъ это, и улыбка, съ какою передалъ онъ Бланку Евгенію при началѣ танца, обнаруживала мысль, которая должна была бы придти имъ первымъ.

Когда разговоръ кончился, затрудненіе было такъ же велико, какъ внезапно. Въ своемъ разговорѣ они забыли все; они начали думать обо всѣхъ, когда больше нечего было говорить. Но больше всего, Евгеній вездѣ думалъ видѣть г-жу Монбрѣль; Бланка думала объ Альфредѣ; г-жа Монбрѣль и Альфредъ оставались на одномъ мѣстѣ; ихъ закрывали танцовавшіе, и Бланка и Евгеній сначала не видали ихъ; перемѣщеніе въ танцахъ позволило замѣтить ихъ. Бланка чувствовала, какъ рука Евгенія трепеталась въ ея рукѣ. Они, казалось, болѣе страдали, нежели г-жа Монбрѣль и Альфредъ. Евгеній понималъ, по угрызениямъ своей совѣсти, что онъ любитъ Бланку. Онъ чувствовалъ на себѣ взоръ г-жи Монбрѣль, любимой имъ нѣкогда. До сихъ поръ онъ могъ ошибаться и распорядиться своею будущностью. Послѣ борьбы великодушной, онъ все отдалъ, все принялъ, и время, въ которое они перестали показываться въ свѣтъ, давало ихъ возвращенію видъ помолвки. Теперь, когда онъ увидѣлъ Бланку, когда онъ слышалъ ея молчаніе, ловилъ взоры ея, — теперь, когда эта невинная и могущественная душа сообщала ему

свой полетъ , онъ , понялъ , что можетъ сдѣлать изъ своей жизни— понялъ , что любовь не есть дѣйствіе доброты : онъ не постигалъ своихъ обѣщаній г-жѣ Монбрѣль.

Однако разсудокъ возвратился къ нему черезъ сердце. Горькая мысль легла ему на душу: г-жа Монбрѣль погибнетъ въ глазахъ свѣта, если она возвратится въ свѣтъ безъ него, съ ненавистнымъ или смѣшнымъ клеймомъ непризнаннаго пожертвованія; и ежели она первая узнала все возвышенное въ Евгеніи, это не значило ли, что ихъ участь была соединена?

Такое разсужденіе облегчило Евгенія, и онъ бросилъ г-жѣ Монбрѣль очень сносный взглядъ; потщето! Альфредъ одинъ понялъ его. Въ то время, какъ г-жа Монбрѣль отворачивалась, чтобъ скрыть свое страданіе, онъ былъ внимателенъ; наблюдалъ, смѣялся отъ боли, и ему казалось, что взглядъ Евгенія былъ дерзостью.

—Такъ онъ ее любитъ, подумалъ Евгеній, видя, что Бланка потупила глаза и покраснѣла такъ же замѣтно, какъ Альфредъ поблѣднѣлъ.— Она боится его; продолжалъ онъ; такъ чтожь? Я буду защищать ее. Я буду ее любить. Да, она для меня больше чѣмъ г-жа Монбрѣль.

И онъ продолжалъ танцовать съ Бланкою, ни о чемъ не думая, и зная уже, что, понятый или нѣтъ, онъ любимъ.

Бланка также рѣшилась; ей не было пужды, что Альфредъ до сихъ поръ жилъ ею, вѣровалъ въ нея; она могла сказать, что Евгеній сдѣлалъ для нея въдесятеро больше Альфреда; и чѣмъ менѣе это было понятно, тѣмъ болѣе она была увѣрена въ томъ. Она чувствовала, что начала жить только съ часъ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ, она какъ будто не существовала. А цѣлыя столѣтія безъ пользы стоятъ ли одной минуты, употребленной съ пользою?

И такъ Бланка и Евгений предавались другъ другу, безъ всякой жалости, жадные насладиться сими первыми удовольствіями, которыхъ свѣтъ не можетъ еще запретить, потому что они ловятся прежде нежели замѣтятся желаніе. Все это происходило такъ обыкновенно, такъ тихо, что Альфредъ и г-жа Монбрель только одни замѣтили. Не смотря на первое угрызеніе, предшествующее любви, Евгений и Бланка не были нисколько затруднены съ самаго начала; они были какъ будто давно знакомы.

Посланникъ, бывшій всему причиною, не могъ не улыбнуться своему произведенію; не зная ничего про дѣло Воклера и генерала ***, онъ хотѣлъ, чтобъ отецъ Бланки видѣлъ происходившее. Онъ скоро нашелъ его, среди нѣсколькихъ Испанцовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ ними въ войну Испанскую; генераль спорилъ со всѣми упорствомъ, допускаемымъ подагрою, о военной славѣ обѣихъ націй, и приписывалъ своей логикѣ преимущество, данное ему учтивостью слушателей.

«Право,» сказалъ Воклеръ, уходя съ посланникомъ: «Испанія много выигрываетъ, сблизясь съ Франціею; эти господа безъ предразсудковъ. Повѣрите ли, что они позволяли мнѣ хвалить Бонапарта и даже Иосифа? Повѣрите ли, что они не хвастали своимъ народомъ, своими доблестными монахами, своими женщинами, своими...., они ничего не сказали даже о себѣ?»

«Я вамъ говорилъ, генераль, надобно узнать ихъ; каждый изъ говорившихъ съ вами отличился чѣмъ нибудь; всѣ это знаютъ, исключая ихъ.»

«Мнѣ извѣстно; я исправлю свою ошибку, если мнѣ помогутъ, разумѣется. Пойдемте, отведите меня къ кому нибудь, кто хорошо ихъ знаетъ; я хочу знать отъ него, что такое Испанія, которою наши умники такъ занимаются. Мы не искали въ ней поэзіи, вы знаете; мнѣ хотѣлось бы узнать, что въ Испаніи по этой части, какое впечатлѣніе она остав-

леть въ душѣ, и какого рода люди восхищаются ею? Между нами, старыми служаками, не нужно, я думаю, украшать свою мысль, и еслибъ это со мною случилось въ разговорѣ о вашемъ отечествѣ, мои прежнія жалобы, вѣрно, заставили бы васъ смѣяться надъ моими похвалами! Съ этою проклятою подагрой, куда мнѣ хвалить кого нибудь и что нибудь?» Говоря эти слова, генераль остановился, посмотрѣлъ на Бланку, удалявшуюся послѣ послѣднихъ звуковъ оркестра съ молодымъ человѣкомъ, котораго лица еще не было видно.

Онъ начиналъ снова шутить, когда Евгений, садясь, оборотился.

«Что съ вами?» сказалъ посланникъ, видя, что лицо его измѣнилось.

«Ничего, ничего; это подагра, это.... не знаю, что такое, но.....»

Посланникъ увлекъ его къ Бланкѣ и Евгению, не слушая его, но генераль уже успѣлъ оправиться и надѣялся на свою твердость. Когда посланникъ назвалъ Воклера Евгению*** и Евгения*** Воклеру, послѣдовала торжественная минута. Бланка смотрѣла на нихъ, объясняя, какъ могла, мысли одного мыслями другаго, но не понимая ничего, кромѣ того, что между ними была внезапная притягательность и отвращеніе. Въ Евгениі, то сыновняя любовь уничтожала всякое другое чувство, и обращала въ насмѣшку раждавшуюся любовь и священное почтеніе ко всему, что принадлежитъ любимой особѣ; то человѣкъ становился на мѣсто сына, и тогда его физиогномія, немного фантастическая, снова сіяла блескомъ и свободою души его; горестное воспоминаніе, безпрестанно возвращавшееся, обнаруживало достоинство болѣе новыхъ склонностей; кромѣ его благороднаго и довърчиваго вида, въ немъ былъ видѣнъ еще этотъ избытокъ выраженія, происходящій отъ внутренней борьбы и обнаруживающій душу, которая выро-

стаетъ; онъ чувствовалъ, что онъ выше самого себя, и это было истинно. А когда человекъ великодушно побѣдилъ себя, и когда онъ сознаетъ свою силу, ему противустоять невозможно: тогда нѣтъ болѣе предубѣжденій, воздержности, страха; если страхъ былъ, тогда надобно показаться въ свою очередь великимъ.

Воклеръ былъ побѣжденъ.

Онъ, конечно, нѣсколько разъ заглядывалъ въ свою душу; онъ вспомнилъ свои предчувствія, или то, что принималъ за предчувствіе; но скоро увѣрился, что объ нихъ не думаетъ.

Евгеній овладѣлъ имъ.

И потомъ, этотъ молодой человекъ уменъ, твердъ, умѣренъ; какъ можно представить его ужаснымъ? Генераль постепенно находилъ всѣ печальныя мысли, волновавшія его при первой ихъ встрѣчѣ, и снова оставлялъ ихъ.

Во-первыхъ, онъ вообразилъ Евгенія человекомъ вспыльчивымъ, увлекающимся первымъ порывомъ и полюбившимъ Бланку со всею силою и непродолжительностью прихоти.

«Да, нѣтъ,» говорилъ онъ, слушая Евгенія, смотря на его спокойный, но не холодный видъ, одушевленный какою-то восторженностью: «онъ не романтикъ, онъ не располагаетъ своими чувствами.»

Исправляя эту ошибку, генераль упрекалъ себя въ другой.

Онъ думалъ, что Евгеній былъ страненъ, загадоченъ, что онъ изъ разсчета возбуждалъ любопытство Альфреда и всѣхъ; онъ видѣлъ въ этой системѣ исполненіе того, чѣго онъ наиболѣе боялся—этой маніи, которая довела до обыкновеннаго г-жу Сталь и Байрона тѣмъ, что слишкомъ возвысила ихъ надъ прочими, и отъ которой онъ хотѣлъ спасти дочь свою; однимъ словомъ, Евгеній показался ему человекомъ внѣ обыкновеннаго, характеромъ одинокимъ,

имѣвшимъ свои собственные законы и смѣявшимся надъ общественнымъ мнѣніемъ.

— Да изъ чегожь я это взялъ? думалъ онъ, слушая разговоръ Евгенія: ясно, что онъ человекъ съ здравымъ смысломъ; онъ имѣетъ умъ возвышенный; видно, что онъ всегда думалъ то, что теперь думаетъ, и былъ что теперь есть; отъ этого его не поняли, это его избавило отъ маленькихъ успѣховъ въ школу и въ гостиной; разсудокъ заставилъ его пренебрегать этими удовольствіями.

Евгеній продолжалъ, и генералъ отказывался отъ последней несправедливости, столь же тайной, какъ и первая.

Вы помните, что генералъ *** человекъ не дальній, былъ смѣшонъ своею дуелью съ Воклеромъ; еслибъ Евгеній наслѣдовалъ мнѣнія отца своего, онъ остался бы врагомъ Воклера, и любовь его къ Бланкѣ была бы отступничествомъ. А такая перемена, по мнѣнію Воклера, повлекла бы за собою всѣ преступленія виновной любви, дерзость, бѣшенство, упорство въ преслѣдованіи, и Бланка была бы погублена, безъ всякаго сомнѣнія, потому что эта гибельная мысль овладѣла умомъ ея отца.

Но, можетъ быть, Евгеній станетъ выше сыновняго предрассудка; онъ увидитъ въ Бланкѣ не дочь отца ненавидимаго, но одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ ни съ чѣмъ связать невозможно, даже съ ихъ семействомъ; душу, совершенно одинокую въ толпѣ, но преслѣдуемую другою подобною душою, еще не знавшю ея, но уже не оставляющею, когда разъ найдетъ.

И такъ, по недостатку чести или по избытку величія, Евгеній, по мнѣнію Воклера, былъ предвѣстіемъ гибельной будущности Бланки; онъ былъ назначенъ унижить ее до самого себя или, что было не лучше, углубиться съ ней въ возвышенной добро-

дѣтели, въ лабиринтъ нравственности, гдѣ никто не могъ бы узнать другъ друга.

«Я съ ума сошелъ,» продолжалъ Воклеръ, «онъ то, чѣмъ я былъ бы на его мѣстѣ—спокоенъ, безпристрастенъ, безъ всякихъ усилій; если онъ любитъ Бланку, такъ не въ тихомолку, потому что, исключая той минуты, когда посоль назвалъ меня по имени, онъ ни разу не измѣнялъ себя передъ нею; кажется, что онъ не хочетъ казаться скромнымъ. Если онъ и любитъ дочь мою, такъ не съ отчаяніемъ; онъ скромень, онъ слушаетъ насъ наравнѣ съ посланникомъ, и намъ при немъ какъ-то свободно. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, по всему, что вижу въ немъ и слышу о немъ, что этотъ молодой человекъ можетъ спасти дочь мою отъ того, чего я боюсь за нее.

Пока Евгений овладевалъ сердцемъ Воклера, г-жа Монбрель и Альфредъ находились въ странномъ положеніи. Альфредъ думалъ, что Евгений надъ нимъ смѣется. Наединѣ съ г-жею Монбрель, сначала ему было хорошо; онъ страдалъ, и г-жа Монбрель страдала; онъ злословилъ Евгенія незамѣтно, но ѣдко; г-жа Монбрель также поступала въ отношеніи къ Бланкѣ; но такая взаимность, такое сообщеніе скрытаго гнѣва показались имъ тяжелыми. Такими утѣшеніями немного можно помочь другъ другу; Альфредъ уже сердился на г-жу Монбрель, не прощалъ ей согласія съ его мыслями; ему трудно было оставаться возлѣ нея, а г-жа Монбрель, устыдившись своего гнѣва, и огорченная тѣмъ, что выказала его, начала говорить съ Альфредомъ такъ холодно, какъ прежде говорила откровенно.

Такъ хотѣла она загладить ошибку; пора! Евгений и Бланка разстались такъ охотно, такъ просто, что всякое подозрѣніе о взаимности ихъ чувствованій было разсѣяно.

Пока Бланка и генераль шли къ столу, ища глазами Альфреда, котораго отсутствіе начинало казать-

ся страннымъ, Евгеній разговаривалъ и смѣялся съ посланникомъ, а посланникъ отвѣчалъ ему таинственно и весело. Вдругъ Евгеній показался занятымъ и разсѣяннымъ, погруженнымъ въ думу, и болѣе и болѣе углублялся въ себя, по мѣрѣ того, какъ посланникъ разговаривалъ шутливѣе. Г-жа Монбрѣль старалась найти въ чертахъ его лица что нибудь похожее на угрызеніе совѣсти.

Но совѣсть не мучила Евгенія: онъ только повторялъ въ сердцѣ своемъ, передѣлывалъ по своему давнопрошедшее и прошедшее, которое только что совершилось; онъ ясно видѣлъ, въ какихъ находится отношеніяхъ къ Бланкѣ, и перемѣну въ отношеніяхъ своихъ къ г-жѣ Монбрѣль. Онъ представлялъ себѣ эту женщину, довольно старую, изысканною, безъ будущности, и признавался самъ себѣ, что страсть къ ней, какова бы она ни была, не польститъ его даже неожиданностію. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидалъ Бланку, услышалъ ее, какъ подылился съ нею всею полною своею жизнію; съ тѣхъ поръ, какъ онъ успокоился въ ней, подобно душѣ, открывающейся другой душѣ, — онъ созналъ все безсиліе своей воли; любовь не казалась уже ему ни преступленіемъ, отъ котораго должно краснѣть, ни добродѣтелью, которою можно было бы похвалиться. Это, просто, была тайна, вещь безъ имени, безконечная дѣйствительность, безконечная мечта.

И онъ самъ смѣялся надъ собою.

Посланникъ, хорошо его знавшій, съ радостію приготовилъ ему такое испытаніе. Онъ былъ Испанецъ, и увидѣвъ Евгенія въ первый разъ, понялъ, что такая душа нуждается въ страсти. Слѣдуя за мыслію Евгенія и за распространеніемъ новыхъ его впечатлѣній, посланникъ поглядывалъ на г-жу Монбрѣль и, выхваляя ее, не упрекалъ себя за то, что она страдаетъ.—Рано или поздно, думалъ онъ, это непременно должно было случиться. Г-жа Монбрѣль бы-

ла кокетлива, капризна, премило смѣшна: женщина съ такимъ характеромъ, не могла бы наполнить всей жизни Евгенія; переменна ея была бы слишкомъ велика, и пожертвованіе всіми своими недостатками не могло бы долго продолжаться.—Можетъ быть, думалъ онъ еще: и самое равнодушіе Евгенія много сдѣлало; г-жа Монбрель оставила бы Евгенія въ толпѣ, еслибъ онъ удивлялся ей, какъ толпа.

Бланка была первая женщина, не показавшаяся посланнику Француженкою вполне; онъ выхвалялъ ее Евгенію, по гордости знатока и немного по дружбѣ. Присутствіе г-жи Монбрель на балѣ, показывавшее, что Евгенийъ совершилъ уже выборъ; приготовленія къ свадьбѣ, важный шагъ послѣ слуховъ, распущенныхъ насчетъ Евгенія и г-жи Монбрель, успокаивали посланника. То, что онъ сказалъ Бланкѣ про молодаго человѣка, и разговоръ, бывшій между ними, еще болѣе утвердили посланника въ его мысляхъ. Бланка была молода, но не глупа; восторженна, но не странна; мужъ ея долженъ быть правдивъ, твердъ, другъ всего великаго, другъ всего простаго. Притомъ, не привыкла ли Бланка, подобно Евгенію, жить сама съ собою? Развѣ забвеніе, въ которомъ они были оставлены, ничего не значило? Евгенийъ выигралъ этимъ много: онъ избавился отъ скуки быть любимымъ въ обществѣ, отъ необходимости исправляться отъ какихъ нибудь недостатковъ. Бланка развилась еще въ большемъ уединеніи; жизнь ея души образовалась медленно, недовѣрчиво, тайно, и готова была разразиться при первомъ случаѣ.

Какъ скоро они встрѣтились, все было рѣшено.

Посланникъ пожалъ руку Евгенію, который въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ничего не отвѣчалъ, и отпустилъ его къ г-жѣ Монбрель.

Альфредъ принялъ его сурово, говорилъ о томъ, о сѣмъ, желая скрыть свое волненіе, и только тогда

пошелъ къ двѣицѣ Воклеръ, когда Евгенийъ сказалъ ему, что она его ищетъ.

Евгенийъ былъ такъ честенъ, что не могъ обманывать женщинъ. Онъ печально стоялъ передъ г-жею Монбрель; во весь вечеръ они не сказали между собою двухъ словъ.

Посланникъ замѣтилъ это, и жалѣлъ, что не можетъ раскаяться; онъ даже привыкъ къ тоскѣ Альфреда, хоть этотъ человекъ возбуждалъ въ немъ жалость. Г-жа Монбрель показывала по крайней мѣрѣ чувство достоинства, гордое утѣшеніе, слѣдующее за дурно вознагражденнымъ пожертвованіемъ; горестъ украшала ее и возвышала надъ Евгениемъ; она наказывала его страшнымъ спокойствіемъ своего взгляда; тутъ было отчаяніе, рѣшимость, стыдъ, гордость, все, что бываетъ въ душѣ женщины, оскорбленной неблагодарнымъ. А Альфредъ ничего не сдѣлалъ для Бланки: онъ любилъ ее очень осторожно; Бланка привыкла къ его любви и, посредствомъ ея, перешла къ любви Евгения. Посланникъ, которому Воклеръ говорилъ про Альфреда, сравнивалъ его съ Евгениемъ, и радовался, что Бланка судила ихъ, какъ онъ самъ.

Бланка сидѣла молча съ Альфредомъ, какъ Евгенийъ съ г-жею Монбрель; оба казались усталыми, истомленными; желали нетерпѣливо избавиться отъ шума и толпы.

Они встрѣтились еще разъ, при окончаніи бала; сквозь тѣсную толпу, съ двухъ противоположныхъ концовъ залы, они подошли къ выходу, какъ будто бы вычисливъ напередъ шаги, чтобы подойти въ одно время. Въ эту минуту г-жа Монбрель говорила съ Евгениемъ; она сжалась надъ нимъ, не хотѣла молчать до конца, не хотѣла обвинять Евгения слишкомъ продолжительнымъ своимъ молчаніемъ. Тронувшись такою снисходительностію, Евгенийъ готовился отвѣчать, какъ вдругъ очутился передъ Блан-

кою; онъ забылъ, что г-жа Монбрель говорила съ нимъ, не видалъ, какъ она съ досады одна бросилась въ карету; только стукъ экипажа напомнилъ ему объ этой разлукѣ.

Онъ остался съ Бланкою; смѣшно было бы ему смутиться; онъ даже не опасался, что надъ нимъ стануть смѣяться, хотя генераль, Альфредъ и Бланка видѣли все, что случилось; онъ разговаривалъ, какъ будто ужь часъ стоитъ съ ними, и согласился сѣсть въ карету генерала. Альфредъ не могъ этому удивляться; онъ видѣлъ въ этомъ необходимое послѣдствіе собственныхъ своихъ ошибокъ.

VI.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, Альфредъ ничего не думалъ, ничего не чувствовалъ, ни на что не глядѣлъ. Онъ былъ уничтоженъ. Стало быть, Евгенийъ не встрѣтилъ соперника; онъ видѣлъ Бланку, проводилъ съ нею цѣлые дни, и любовь его казалась давно начавшеюся. Все это совершилось такъ скоро, такъ необыкновенно, что Воклеръ и Евгенийъ не успѣли раскаяться. Теперь невозможно остановиться. Притомъ же, сказать правду, Евгенийъ уже не думалъ объ отцѣ; онъ полюбилъ Бланку, и съ этой минуты у него не было ничего другаго, ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Что же касается до Воклера, то его неопредѣленные опасенія смѣшили его самого; и если они приходили ему на умъ, то самъ онъ вызывалъ ихъ, по своей охотѣ.

Альфредъ сперва снисходительно смотрѣлъ на такую перемѣну. Никто не подумалъ бы, что это дѣло касается до него; Евгенийъ, въ присутствіи его, не скрывалъ своей души; сама Бланка не жалѣла его. Не сдѣлавшись трагическою, роль Альфреда должна была стать комическою; едва онъ не попалъ въ наперсники Евгенія.

Когда эта мысль запала въ его душу, онъ страх-

нулъ съ себя оковы сна, и передъ его глазами открылась будущность, въ которой вовсе не было будущности. Шаги его будутъ безъ цѣли; какъ истратить онъ жизнь свою? Чѣмъ возобновить онъ свое бытіе — онъ, сынъ XIX-го вѣка? Вмѣстѣ съ Бланкою утратилъ онъ послѣднюю свою мечту. Зачѣмъ узналъ онъ ее? Зачѣмъ принялъ любовь не за шутку? Прежде, онъ могъ быть вѣтренымъ, скептикомъ, положительнымъ; онъ сталъ человѣкомъ, не зная, что въ сердцѣ его вѣчность; онъ бросился въ ложныя разсужденія, истощая бесполезно разумъ свой, уничтожая нравственное начало тѣмъ, что вовсе не употреблялъ его.

Позже, эта поддѣльная жизнь спряталась за что-то лучшее; она уступила мѣсто глубокой любви, и Альфредъ сталъ человѣкомъ. По окончаніи сна, объ его жизни, первая — юность, ничтожная, и вторая — молодость, полная дѣйствительности, возбуждали въ немъ разнообразныя сожалѣнія. Зачѣмъ не можетъ онъ жить безъ сердца, какъ прежде, если сердцу его не къ чему прильпиться?

Альфредъ вдругъ отсталъ отъ дому Воклера. Въ головѣ его вертѣлись двадцать намѣреній. Сначала, онъ хотѣлъ вызвать Евгенія на дуэль, и храбро упрекалъ себя въ этой мысли. Честность намѣреній Евгенія была очевидна. Альфредъ самъ въ этомъ соглашался. Альфредъ общалъ самъ себя, за Бланку, все, чего ему самому хотѣлось, но Евгенію и Бланкѣ не было до этого нужды?

Альфредъ пришелъ въ ярость, увидѣвъ, что онъ и жертва и палачъ. Ему казалось, что на него показываютъ пальцами. Ухватъ, ухватъ далеко, очень далеко, — вотъ все, что ему оставалось. Боязнь, стать смѣшнымъ, взяла верхъ надъ отчаяніемъ. Альфредъ взялъ уже почтовыхъ лошадей и хотѣлъ ѣхать въ Германію; потомъ послалъ другаго лакея взять мѣсто въ дилижансѣ, отправляющемся въ Кале, и, не до-

ждавшись его, самъ побѣжалъ за позволеніемъ ѣхать въ Италію.

На слѣдующій день, даже въ тотъ же день, онъ принялъ новое намѣреніе, и воображалъ, что прежде не рѣшался на другое. Въмѣсто мести, вмѣсто изгнанія, онъ, отвергнутый, презрѣнный, задумывалъ что нибудь блестящее, что доставило бы ему силою уваженіе Евгенія и Бланки, и заставило бы ихъ сознаться въ непростительномъ ихъ двойномъ эгоизмѣ.

Г-жа Монбрѣль служила ему примѣромъ. Ихъ сближало одинаковое несчастіе. Они плакали вмѣстѣ. Альфредъ могъ все рассказать ей про Бланку, и рассказалъ. Г-жа Монбрѣль говорила про Евгенія, рассказывала его жизнь, рассказывала ее всегда въ первый разъ. Она не обвиняла его.

«Пожалуй,» говорилъ Альфредъ, «простите ему, если можете, но однакожь вы не скажете, что Евгенийъ поступилъ благородно. Такой внезапный разрывъ не приноситъ ему чести, и даже не показываетъ ума, по тому, что онъ мнѣ говорилъ, по тому, что зналъ Парижъ, Евгенийъ долженъ былъ кончить другимъ образомъ, болѣе достойнымъ и васъ, и его.

«Онъ такъ и кончилъ. Евгенийъ зналъ мое сердце; онъ не надѣялся и не хотѣлъ обмануть меня. Я знала, что онъ любитъ дѣвицу Воклеръ, что будетъ любить ее противъ воли; я знала это; все было кончено!

«Ну, такъ и я буду великодушень. Я опять увижу Евгенія, опять узнаю его; надобно признаться, что я давно о немъ не думаю. Повѣрите ли, что я почиталъ себя чѣмъ нибудь и сталъ бы отъ души смѣяться, еслибъ мнѣ сказали, что онъ затмитъ меня совершенно въ хорошемъ обществѣ. Не знаю, вѣрю ли этому? но знаю, что это случилось. Тутъ есть какая-то тайна. Не хочу, чтобы думали, что я убить. Я самъ пойду на встрѣчу къ Евгению. Не измѣню самъ себя отъѣздомъ или перемѣною образа жизни. Теперь вспоминаю, что Бланка была дружна со мною;

и этого не было бы, еслибъ она угадала любовь мою. Она увидитъ меня такимъ, каковъ я былъ прежде. Надебно попробовать — это будетъ усиліе; стало быть, будетъ энергія, жизнь, что нибудь; а въ моемъ отчаяніи, и въ вашемъ, знать что можешь сдѣлать, есть уже утѣшеніе.

«Я объ этомъ думала. Клянусь вамъ, я объ этомъ думала,» отвѣчала г-жа Монбрѣль. «Женщина умѣетъ судить о женщинѣ; Бланка внушаетъ мнѣ почтеніе; вы любили ее; Евгеній и теперь ее любитъ; стало быть, она меня занимаетъ. Притомъ же, дѣвица Воклеръ скоро поѣдетъ съ отцемъ въ деревню, а Евгений радъ удалиться изъ Парижа. За сто миль отсюда, они перестанутъ думать о насъ. Въ ихъ сосѣдствѣ живетъ старая моя родственница, которая воображаетъ, что я общала пріѣхать къ ней; вы видите, что все идетъ по нашему желанію.

Хотя г-жа Монбрѣль много говорила о своей рѣшимости, однакожь Альфредъ не посмѣлъ сказать ей, что Евгений уѣдетъ съ Бланкою черезъ нѣсколько дней. Генераль спѣшилъ въ деревню. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и приписывалъ свою болѣзнь Парижской температурѣ, хотя доктора видѣли въ ней нравственную причину. Сначала, онъ хотѣлъ сыграть свадьбу Бланки въ Парижѣ; онъ сказалъ объ этомъ Испанскому посланнику и всѣмъ друзьямъ своимъ, и каждый изъ нихъ считалъ себя приглашеннымъ. Заказы были сдѣланы мебельщикамъ, каретникамъ и разнымъ мастерамъ. Вдругъ генераль перемѣнилъ намѣреніе; приказалъ укладывать вещи и заготовить почтовыхъ лошадей. Онъ понукалъ Бланку и Евгения, а они понукали лакеевъ. Онъ хотѣлъ праздновать свадьбу въ деревнѣ и прежде срока, назначеннаго въ Парижѣ. Нетерпѣніе его было мрачно, и составляло противоположность съ его отцовскою радостію. Евгений и Бланка замѣтили это, но

не смѣли говорить, и даже слуги посматривали одинъ на другаго съ безпокойствомъ.

Альфредъ зналъ о приготовленіяхъ къ отъезду, но не зналъ, что они почти копчены. Онъ пріѣхалъ къ Воклеру, не думая о прощаньи, и съ удивленіемъ узналъ, что ѣдутъ завтра.

Такая новость была очень проста, однакожь она его поразила. Не смотря на всю его рѣшимость, отъездъ Бланки пробудилъ въ немъ отчаяніе. Еслибъ разлука случилась въ назначенный срокъ, Альфредъ успѣлъ бы воспользоваться каждою минутою; онъ насладился бы горечью послѣдней радости, и надѣялся на нее; но Бланка ничего не хотѣла видѣть; какое ей дѣло: влюбленъ въ нее Альфредъ, или нѣтъ?

Альфредъ вышелъ; глаза его горѣли, сердце не билось; онъ не зналъ, живетъ ли онъ.

Такое состояніе испугало его самого: онъ боялся, чтобы Бланка и Евгенийъ не замѣтили его. Гордость взяла верхъ надъ горестью; Альфредъ снова явился къ Воклеру, подъ какимъ-то предлогомъ, желая показать свое спокойствіе и безпечность.

Во всякое другое время, Бланка и Евгенийъ пожалѣли бы объ Альфредѣ; увидѣвъ его, они едва вспомнили, что онъ пришелъ во второй разъ. Одна мысль занимала ихъ, и малѣйшія обстоятельства служили ей переводчиками. Раздаваемые приказанія, распоряженія и отмыны распоряженій знакомили любовниковъ еще короче. Между ними царствовала очаровательная короткость.

При входѣ Альфреда, Евгенийъ сидѣлъ на сундукѣ и старался запереть его, но остался недвижимъ, уставивъ глаза на Бланку, которая до сихъ поръ шутила, шалила, болтала, такъ что даже принуждена была извиниться. Евгенийъ не могъ понять, отъ чего она вдругъ стала печальною, и голосъ ея задрожалъ. Она смотрѣла въ окно и видѣла Воклера на дворѣ. Евгенийъ слышалъ, какъ генераль говорилъ

громко и весело, а она остановилась на половинѣ начатой шутки.

Евгеній сидѣлъ неподвижно, все смотрѣлъ на нее и прислушивался къ хохоту Воклера; казалось, генералъ говорилъ не своимъ обыкновеннымъ, но страннымъ голосомъ; какъ будто онъ хотѣлъ плакать, а дѣлалъ противное по ошибкѣ. Евгеній и Бланка оставались въ раздумьѣ; Воклеръ продолжалъ, а люди, говорившіе съ нимъ, такъ понижали голосъ, что, не видя ихъ, можно было предполагать въ нихъ какое нибудь тяжелое чувство.

Евгеній погрузился въ глубокую думу; когда онъ опомнился, Бланка плакала и смотрѣла на него съ ужасомъ.

Совершенно забытый, Альфредъ чувствовалъ, что мысли его становились еще мрачнѣе. Кровь его бросалась къ сердцу; онъ желалъ быть причиною ужаса Евгенія и Бланки; душа его коршуномъ парила надъ ихъ душами и, не спускаясь на нихъ, любовалась своею добычею.

Потомъ, угрызеніе, невѣроятная мука, оледѣнила Альфреда съ головы до ногъ; онъ выбѣжалъ изъ комнаты, защищаясь обѣими руками отъ тысячи невидимыхъ рукъ.

Альфредъ не зналъ, куда идетъ, бѣгалъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ безъ цѣли, и вошелъ къ г-жѣ Монбрѣль, думая, что пришелъ къ Воклеру; говорилъ съ Евгеніемъ, котораго тутъ не было. Его растерзанное лицо, его ужасные крики заставляли молчать г-жу Монбрѣль; она упала въ кресло, закрыла лицо обѣими руками, и когда хотѣла говорить, слезы не допустили ея выговорить слова.

Смерклося. Г-жа Монбрѣль была уже одѣта и готовилась ѣхать съ необходимыми визитами; карета стояла у крыльца, и она не смѣла сказать объ этомъ Альфреду.

Она молчала и предавалась вполне не только чув-

ству состраданія къ нему, но и собственной своей печали.

Эта сцена истощила бы ихъ обоихъ, еслибъ скоро не выразилась словами.

Г-жа Монбрёль старалась утѣшить Альфреда; онъ успокоился, посмотрѣлъ на нее, провелъ рукою по лбу; она надѣялась, что онъ услышитъ ее.

Но Альфредъ былъ пораженъ удивленіемъ: онъ хотѣлъ знать, зачѣмъ пришелъ къ г-жѣ Монбрёль, и убѣдиться, точно ли онъ у ней?

Потомъ, прогнавъ всѣ печальныя мысли, онъ подошелъ къ ней дружески и ловко, остановился, посмотрѣлъ на нее, далъ ей посмотрѣть на себя, поцѣловалъ ей руку, чтобъ еще болѣе успокоить ее, и предложилъ довести ее до кареты.

Все это было еще страшнѣе; г-жа Монбрёль хотѣла удержать Альфреда у себя, но онъ исчезъ.

Въ этотъ разъ у него была опредѣленная цѣль: онъ хотѣлъ еще разъ видѣть Бланку, хотябъ она стала надъ нимъ насмѣхаться.

При домъ Воклера былъ садъ, выходившій къ Елисейскимъ Полямъ; съ этой стороны подходилъ Альфредъ и шелъ къ улицъ Сентъ-Оноре, какъ вдругъ за заборомъ раздались голоса; бѣлое платье свѣтлѣлось между деревьями, а черная тѣнь, сливавшая всѣ свои движенія съ его движеніями, показывала присутствіе мужчины.

Альфредъ притаилъ дыханіе, весь обратился въ слухъ, и выслушалъ бы весь разговоръ, еслибъ стукъ постепенно приближавшейся кареты не мѣшалъ ему. Имя Евгенія, произносимое Бланкою, имя Бланки, произносимое Евгеніемъ, съ краснорѣчивыми разстановками, заставили бы Альфреда закричать крикомъ умирающаго, еслибъ только умирающіе могли кричать,

Скоро между Евгеніемъ и Бланкою начался разговоръ живѣе. Дѣло шло объ Альфредѣ; они сами не

знали, что говорили. Въ такую минуту, каковъ бы ни былъ предметъ разговора, каковы бы ни были выраженія, понимаютъ, могутъ понимать только одно слово: *Люблю тебя!*

Они разговаривали весело. Альфредъ, дополнявшій разговоръ кое-какъ по мѣрѣ приближенія кареты, вообразилъ, что Евгенийъ надъ нимъ смѣется. Нѣсколько словъ о балѣ посланника, соединенныхъ съ шутками, которыя Альфредъ принялъ на свой счетъ, вывели его изъ терпѣнія.

—Такъ я былъ осмѣянъ!— подумалъ Альфредъ. Онъ избавлялся отъ меня посредствомъ г-жи Монбрѣль, а Бланкъ понравилась такая шутка.

Послѣ этого, ему осталось только или посмѣяться надъ своими комментаріями, или совершить то, что онъ сдѣлалъ.

Онъ зарядилъ два пистолета, тихо, не спѣша и душевно наслаждаясь тѣмъ, что должно было случиться.

Онъ стоялъ за деревомъ, когда дверь отворилась; видѣлъ, какъ Бланка ушла по призыву Воклера, который, въ замѣшательствѣ и безпокойствѣ, не смѣлъ разстаться съ нею на четверть часа.

Евгенийъ затворилъ дверь, когда почувствовалъ, что чья-то рука легла ему на плечо.

Евгенийъ посмотрѣлъ на Альфреда пронизательно, задрожалъ отъ страха, болѣе релігіознаго, чѣмъ человеческого, не отварачивая глазъ, не сказавъ еще ни слова; быстрая, но спокойная мысль все сказала ему; онъ даже увидѣлъ, что Альфредъ уже не чело-вѣкъ, что ему нужно крови, и тотчасъ! Не принимая еще пистолета, Евгенийъ скрестилъ на груди руки, посмотрѣлъ въ землю, на небо, чтобы доказать себѣ самому, что можетъ безъ замѣшательства, безъ притворной поспѣшности, отвѣчать на страшное приглашеніе друга своего.

Раздались два выстрѣла. Въ слѣдъ за ними раз-

дались два крика, одинъ изъ саду, другой изъ кареты, провѣзжавшей по Елисейскимъ Полямъ.... Еще соперники, оба раненые, не успѣли подняться, какъ двѣ женщины стояли передъ ними на колыняхъ, Бланка не плакала и стояла неподвижно; казалось будто она замышляетъ что-то рѣшительное. Г-жа Монбрѣль останавливала кровь, текшую изъ раны Евгенія, у котораго было прострѣлено горло.

Альфредъ былъ раненъ въ плечо, и по странности, которую прежде не замѣчали, Бланка наклонилась къ нему, забывая Евгенія.

Она встала, собрала всѣ силы души, хотѣла говорить, но не могла, и упала безъ чувствъ.

Генераль прибѣжалъ съ слугами. Раненыхъ пронесли на рукахъ, черезъ садъ, молча.

Бланка пришла въ себя, но взоры ея были необыкновенны: она не могла ни плакать, ни говорить; угрызенія совѣсти терзали ее. По ея обращенію и тѣлодвиженіямъ, можно было догадаться, что она воображала себя передъ умирающимъ Евгеніемъ, и что неполная мысль о выказанномъ ею равнодушіи тяжѣла надъ нею, какъ преступленіе. Она могла видѣть только одну г-жу Монбрѣль, которая заступила ея мѣсто и ухаживала за Евгеніемъ.

Генераль выѣхалъ изъ Парижа, не смѣя спрашивать себя о прошедшемъ. Г-жа Монбрѣль, оставшись одна въ мѣрѣ, посвятила себя Бланкѣ, и стала ея жизнію и спокойствіемъ.

Альфредъ, столь несчастный, что выздоровѣлъ, имѣлъ мужество осудить себя на жизнь и оставилъ отечество, не довѣривъ своей тайны ни одному другу, ибо не желалъ имѣть ни съ кѣмъ ничего общаго.

VI.

ОПИСАНІЕ ОБРЯДОВЪ И ЦЕРЕМОНИЙ, УСТА- НОВЛЕННЫХЪ ДЛЯ ГОЛЛАНДСКАГО ПОСОЛЬ- СТВА, ОТПРАВЛЯЕМАГО ИЗЪ НАНГАЗАКИ ВЪ ІЕДДО.

Послѣ Кемпѣера и Тунберга, конечно, первое мѣсто занимаетъ, для познанія Японіи, Путешествіе Зибольда, даже и потому, что послѣ недостаточныхъ и краткихъ извѣстій нашего почтеннаго соотечественника, В. М. Головинца, оно есть единственное *современное* описаніе Японіи, недоступной Европейцамъ. Зибольдъ жилъ въ Нангазакѣ семь лѣтъ, съ 1823-го по 1830 годъ, находился при посольствѣ въ Іеддо, успѣлъ собрать богатый музей рѣдкостей и произведеній Японскихъ, и теперь издаетъ свое *Путешествіе* на Голландскомъ и Французскомъ языкахъ. Жаль, что, по роскоши изданія, оно не многимъ будетъ доступно, составляя *пять томовъ*, съ великольпнымъ атласомъ, изъ 120 листовъ. Цѣна его, на подлинку, не менѣе 300 франковъ. До сихъ поръ выданъ только *одинъ* томъ. Переводимъ для нашихъ читателей самую интересную статью изъ сего тома, гдѣ видна вся характеристика Японіи и сношеній съ нею Голландцовъ.

*

Когда въ 1609 году, первое Голландское посольство было отправлено къ *Сейгуну* (Sjōgun), или гражданскому государю Японскаго царства, Минамото Ижежасъ, родоначальникъ новой царской ди-

настин передалъ уже сыну своему бразды правленія, упрочивая ему законность наслѣдія, и онъ учредилъ мѣстопробываніе свое въ Іеддо, гдѣ построилъ крѣпость въ 1605—1606 гг. Потому посланники, Іаковъ Спексъ и Петръ Загертзоонъ, посѣтивъ Футзіу, мѣстопробываніе Ижежаса, отправились въ восточную столицу, Іеддо, изъявить свое почтеніе сыну и наслѣднику его, Минамото Гидстаду.

Слѣдовавшіе затѣмъ посольства Индійской Голландской Компаніи, посланные къ Сейгуну Минамото Ижемидсу, всѣ были принимаемы въ Іеддо. Укажемъ между другими на посольства Франциска Катана и Гендриха Гагенлара въ 1634 и 1636 гг., а также на посольство Андрея Фризіуса и Антонія Фанъ-Бронкгорста въ 1560 г. Неся богатые подарки, они шествовали во всемъ величій къ резиденціи государя, благосклонности коего искали первыя морскія державы Европы. По роскоши и великолѣпію, упоминаемое нами посольство было, конечно, самое замѣчательное отъ посылаемыхъ Голландскою Компаніею. Между послѣдовавшими затѣмъ особенно замѣчательны посольства Захаріи Вагенкара въ 1657 г., и Гендриха Индейка въ 1661 г., хотя щедрость Компаніи уменьшалась, но мѣръ уменьшенія, какое производили въ барышахъ Компаніи затрудненія, наложенныя на торговлю Японскимъ правительствомъ. Черезъ тридцать лѣтъ потомъ, видимъ представителя сего сильнаго общества, Генриха Фанъ-Буйтенгейма, котораго сопровождалъ Энгельбертъ Кемпферъ, надзираемаго, будто онъ былъ государственный преступникъ, и совершающаго путешествіе въ Іеддо совсѣмъ не въ почетномъ видѣ.

Со времени сей эпохи, президентъ Голландской Факторіи въ Дезимъ (титулъ его: «Начальникъ Гол-

ландской торговли въ Японіи», а во время посольства именуется онъ «Старшимъ Посломъ») ежегодно отправлялся въ Еддо, сопровождаемый многими изъ своихъ чиновниковъ, относя подарки Сейгуну и главнымъ государственнымъ чиновникамъ. Около 1790 г. торговля Японская уменьшилась вполвину, и было рѣшено, чтобы впредь посольства были черезъ четыре года, а по три другіе года подарки были доставляемы толмачами, для того уполномоченными. Экономическій расчетъ заставилъ Японцовъ принять такую мѣру. Когда, въ недавнее время, кавалеръ Янъ Кокъ Бломгофъ, оживившій торговлю Факторіи, требовалъ, чтобы прежній обычай былъ возстановленъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы посольства являлись ко Двору каждые два года, то правительство отказало. Каковы бы ни были предлоги отговорокъ его, достовѣрно, что отказъ должно приписать денежнымъ расчетамъ. Посѣщеніе президента Факторіи было утверждено черезъ четыре года. Съ приближеніемъ времени отбытія, президентъ, согласно установленному порядку, уведомляетъ о томъ письменно правителя Наегазаки, который отвѣчаетъ, что онъ приметъ мѣры для изходатайствованія отъ Еддскаго Двора необходимаго позволенія, но въ самомъ дѣлѣ извѣщаетъ онъ только о будущемъ пріѣздѣ посланника Голландскаго, посылая ко Двору роспись особъ, составляющихъ его свиту. Вторымъ отношеніемъ, сей Японскій чиновникъ извѣщаетъ о согласіи Царя, и предлагаетъ ему самымъ настоятельнымъ образомъ о поддержаніи въ Факторіи порядка на время его отсутствія. *

Прежде, когда Голландцы имѣли еще свою Фак-

* За нѣсколько дней до отъезда, президентъ представляетъ правителю чиновника, который долженъ временно замѣнить его въ Факторіи.

торію въ Фирато, и даже послѣ перенесенія ея въ Дециму до 1657 года, посольства отправлялись по сѣверо-западному берегу Кіузіу, въ портъ Симонозеки, а оттуда въ Огозаку, черезъ архипелагъ, лежащій между Ниппономъ и Сикокомъ. Позже, и при Гендрихъ Индейкъ, въ 1661 году, посольства отправлялись сухопутно отъ Нагазаки въ Токитсъ, плыли до Соноги, переправляясь черезъ заливъ Огомура; потомъ слѣдовали по большой дорогѣ, черезъ провинціи Фиценъ и Теикуценъ до Кокуры; тутъ переплывали они море, потомъ доѣзжали до Симонозеки, откуда въ третій разъ отправлялись моремъ до Огозаки. Съ 1776 года, запрещено имъ переплывать заливъ Огомура, и съ тѣхъ поръ караванъ, везущій подарки, идетъ сухимъ путемъ отъ Нагазаки въ Кокуру.

Только нѣкоторая часть багажа перевозится моремъ въ Симонозеки. Кемпферъ, во время путешествія своего въ 1692 году, отправился изъ Изафажи въ Янагаву, въ провинціи Тсикуго, черезъ заливъ Орима, а оттуда черезъ Курумъ въ Ямай-же, откуда ѣхалъ обыкновеннымъ путемъ. Нынѣ посольство садится на суда въ Симонозеки, входитъ въ портъ Муро, и ѣдетъ, черезъ Фіого, сухимъ путемъ, до Огозаки. Позволеніе на остановку въ Муро и на продолженіе остальной дороги сухимъ путемъ, дано только со временъ Кока Бломгофа, который выпросилъ его подъ предлогомъ болѣзни. До него, посольство ѣхало моремъ нѣсколько дней лишнихъ, до Фіого, въ провинціи Сетсъ. Изъ Огозаки, оно ѣдетъ обыкновенно по большой дорогѣ, до Іеддо, за исключеніемъ малаго переѣзда черезъ рѣку Іодо, и черезъ устье Кизогавъ, между Куваною и Мижаю.

Свита посланниковъ, въ прежнее время, бывала довольно многочисленная. При Фризіусъ и Бронкгор-

ствѣ, она состояла изъ двадцати челоувѣкъ; потомъ постепенно уменьшалась; Кемпферъ имѣлъ уже при себѣ четырехъ, а Тунбергъ только трехъ челоувѣкъ: это число и опредѣлено для посольства съ 1790 года. Начальникъ Факторіи, секретарь и медикъ, суть нынѣ три особы, отправляющіяся въ Іеддо; находятъ ли они дѣйствительно въ сихъ должностяхъ, или носятъ только титула ихъ, все равно; однако же имена ихъ должны быть предварительно сообщены правителю. Японская свита, ихъ сопровождающая, состоитъ изъ тридцати пяти особъ, назначаемыхъ офиціально правителемъ. Вотъ названія ихъ: полицейскій комиссаръ (*kuinin* или *gobansjōsi*), и при немъ три помощника, изъ коихъ первый называется *funaban* (у Голландцовъ—*onderbanjoost*), а два другіе именуются *tjōsi*, *banjoosten*; переводчикъ и помощникъ его (*oho-tsūzi* и *ko-tsūzi*); четыре писца (*fi-sja*); вагенмейстеръ и его помощникъ (*sai-sjō*), и смотритель носильщиковъ; двое первостепенныхъ и пять второстепенныхъ слугъ; два повара для Голландцевъ и одинъ для Японцевъ. Наконецъ, тридцать два лакея, изъ коихъ шесть называются *разсылными* и предназначаются для служенія посольству. Прочіе лакеи принадлежатъ различнымъ Японскимъ чиновникамъ, о коихъ мы говорили, и кои имѣютъ столько слугъ, сколько имъ слѣдуетъ по чину. *Разсылныхъ* обыкновенно почитаютъ за шпионовъ, но мы не думаемъ, чтобъ такое мнѣніе было справедливо. Впрочемъ, посоль можетъ взять къ себѣ въ услуженіе, на свой счетъ, еще переводчика, медика и слугъ изъ Японцевъ. Такимъ же позволеніемъ пользуются и оба его товарища, но правитель обо всемъ долженъ быть подробно предваренъ. Въ 1826 году, мы взяли съ собою, для физическихъ наблюденій, медика, живописца и ше-

стерыхъ туземцовъ. Часто свита чиновныхъ Японцевъ, сопровождающихъ посольство, бываетъ вдвое болѣе назначеннаго числа, ибо, какъ послѣ увидимъ, во многихъ случаяхъ имъ нужны люди, совершенно имъ преданные. Каждый знатный путешественникъ имѣетъ при себѣ определенное число носильщиковъ, и народъ можетъ, по тяжести багажа, узнавать чинъ его хозяина. Обыкновенно, когда счета представляются жителями для уплаты издержекъ изъ финансоваго правленія Нагазаки, назначается вѣсъ багажа, какой можетъ имѣть при себѣ путешественникъ, смотря по его чину, а Голландцы могутъ взять и болѣе, принявъ на свой счетъ происходящія отъ излишка издержки. Президентъ имѣетъ два большихъ носимыхъ сундука (*nagamotsi*), двѣ пары такихъ же, поменьше и продолговатѣе (*riogake*) и четыре квадратныхъ ящика (*dani*); секретарь и медикъ пользуются вмѣстѣ тремя *nagamotsi*, двумя парамп *riogake* и четырьмя *dani*. Кромѣ сего, берутъ съ собою нѣсколько корзинъ (называемыхъ *kappokago*), въ кои кладутся плащи, фонари и соломенные шляпы. Въ продолженіе всего переѣзда, подарки остаются при посольствѣ; только большіе тюки отправляются моремъ изъ Нагазаки въ Симонозеки, для облегченія носильщиковъ въ переѣздѣ черезъ Кіузіу. Изъ Огазаки въ Іеддо, когда каждый имѣетъ своихъ собственныхъ носильщиковъ паланкина, свита умножается до того, что на дорогѣ, называемой *Tōkaidō*, караванъ, въ коемъ находятся три Голландца, состоитъ почти изъ двухъ сотъ человекъ. Понятно, что съ такою свитою издержки становятся значительными. Бросимъ на нихъ взглядъ, по одному изъ послѣднихъ путешествій, умалчивая о торжественныхъ шествіяхъ, чрезвычайно великолѣпныхъ, прежнихъ пословъ.

Когда Голландскій посоль отправляется ко Двору, департаментъ финансовъ, называемый въ Японіи *Денежною Палатою* (kwaï sjô), получаетъ отъ факторіи, въ вознагражденіе за его издержки, 13,533 компанейскихъ *тейла* (tails) или 33,956 франковъ, товарами, кои цѣнятся весьма дешево, такъ что палата получаетъ на нихъ чистаго барыша 126½ на сто. Въ число полученной суммы, палата выдаетъ начальнику факторіи, во время путешествія, 2,207 тейловъ камбангскихъ * (7,446 фр.) монетою, и кредитуетъ Компанію на 1,326 тейловъ Компанейскихъ (3,722 фр.), на слѣдующій годъ. Когда одни переводчики везутъ подарки въ Іеддо, то выдается только 7,866 тейловъ (23,123 фр.). Внеся въ счетъ чистую прибыль, о коей мы сейчасъ говорили, находимъ, что Палатѣ остается на издержки путешествія, 74,882 фр., когда ѣдутъ сами Голландцы, или 49,975 фр. когда подарки отвозятся Японцами. Изъ сей суммы палата должна уплатить издержки по слѣдующимъ статьямъ:

1. Путевыя издержки Японскихъ чиновниковъ;
2. сухопутную перевозку, квартиры, столъ, и пр.;
3. переѣздъ черезъ море и разныя рѣки;
4. вознагражденія домохозяевамъ въ Кокурѣ, Симонозеки, Огозакѣ, Мижакко и Іеддо, гдѣ путешественники живутъ довольно долго.

* Въ счетахъ Голландской факторіи употребляются *тейлы Компанейскіе* и *тейлы Камбангскіе*. Въ Японіи, нѣкоторыя статьи торговли привозятся и вывозятся исключительно Голландскимъ правительствомъ (прежде бывшаго Остъ-Индскою Компаніею Соединенныхъ Штатовъ); другими статьями дозволено торговать чиновникамъ въ Децимъ и корабельнымъ капитанамъ. Первый родъ торговли называется *Торговлею Компанейскою*, а второй — *Торговлею Камбангскою*. Компанейскій тейлъ стоитъ 2 фр. 81 сент., а Камбангскій 3 фр. 56 сент. Есть еще *Японскій тейлъ* (Sjimonine), монета, выбитая изъ золота или серебра, стоящая около 4 франковъ.

Суммы, назначаемыя на издержки Японскимъ чиновникамъ, весьма малы въ сравненіи съ великолѣпіемъ, какое отъ нихъ требуется; зато они получаютъ особое вознагражденіе, которое выплачивается обыкновенно Факторіею, съ помощію 500 пиколовъ дерева *сапанъ*; сей товаръ доставляетъ казѣ значительныя выгоды, безъ всякаго ущерба Компаніи. Все-таки правительство находитъ важный дефицитъ въ издержкахъ, когда посольство самъ отправляется въ Иеддо и, безъ сомнѣнія, по сей-то причинѣ не дозволены ежегодныя посольства.

Съ другой стороны, и Голландскіе чиновники получаютъ также недостаточную сумму (президентъ 2000, а товарищи его по 400 фр.), и принуждены вознаграждать себя за невольное великолѣпіе торговыми спекуляціями, которыя, въ такомъ случаѣ, весьма неприличны. Самъ президентъ пользуется тѣми же средствами; но чинъ принуждаетъ его къ осторожности, и онъ поручаетъ дѣла свои каммердинеру. Не слѣдовало бы, въ такомъ путешествіи, искать случая продавать товары, и особенно со стороны Голландцевъ. Приличнѣе было бы имѣть, въ качествѣ пословъ, брать съ собою только драгоценности, предметы роскоши, дѣльные Голландскія книги, — словомъ, вещи, коими можно дарить; такимъ образомъ, они могли бы благодарить за учтивость и подарки, получаемые ими, по обычаю страны, при поздравленіи ихъ съ пріѣздомъ, или когда они посѣщаютъ туземцовъ. Незначашіе подарки, полученные отъ иностранцевъ, имѣли бы болѣешую цѣну въ глазахъ жителей и доставили бы посольству многихъ друзей. Такимъ средствомъ можно было бы распространить внутри имперіи любовь ко многимъ предметамъ; выгоды, такимъ об-

разомъ доставленныя торговлѣ, вполнѣ вознаградили бы за малое увеличеніе издержекъ посольства.

Подарки, поднесенныя Сейгуну и членамъ его правительства, стоили, во время нашего путешествія въ 1826 году 13,862 Компанейскихъ тейла (38,910 фр.), и были распределены слѣдующимъ образомъ: въ Іеддо, Сейгуну и наслѣднику престола, государственнымъ совѣтникамъ Сейгуна (*gorō tsiu*), пяти духовнымъ совѣтникамъ (*zi sja go bugiō*), двумъ правителямъ Іеддо (*matsi go bugiō*) и совѣтнику финансовъ (*gokansiō bugiō*); въ Мижако, представителю Сейгуна при Дворѣ *Микадо* (*Sjōsidai*), и двумъ правителямъ; въ Огозакъ, двумъ правителямъ города. Въ Іеддо, когда мѣсто одного изъ сихъ сановниковъ не занято, подарки, ему предназначенныя, остаются въ пользу хозяина дома посольскаго. Сія подарки принимаются Японскимъ правительствомъ не за добровольное приношеніе, а за подать, за повинность или *фассакъ**; родъ ихъ и количество опредѣляются предварительно. Они состоятъ изъ суконъ, шерстяныхъ матерій, изъ матерій шелковыхъ и нестрыхъ бумажныхъ, изъ парчи золотой и серебряной, и пр. Обыкновенно везуть съ собою шерстяныхъ матерій и другихъ мануфактурныхъ издѣлій болѣе чѣмъ сколько слѣдуетъ, ибо излишекъ всегда выгодно сбывается. Дѣла такого рода вносятся въ книги подъ именемъ продажъ въ Іеддо. Въ 1826 году, они простирались до 2,564 тейловъ Камбанскихъ (8,637 фр.). Производство продажъ поручается переводчикамъ; когда они ѣздятъ одни, то привозятъ съ собою обратно даже обрѣзки, въ дюймъ шириною, въ доказательство своей честности.

* *Фассакъ*, по-Китайски *ра со*, значить первый день восьмага мѣсяца, то время, когда чиновники въ Нагазакіи выплачиваютъ собираемую подать.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, *Сейгуну* подносятъ въ подарокъ еще предметъ роскоши, произведенія искусства или рѣдкости. Такойъ обычай принять, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, по предложенію президента Гендрика Дефа (*Doeff*). По Японскимъ обычаямъ, посольство получаетъ въ подарокъ тридцать шелковыхъ одеждъ отъ имени *Сейгуна*, двадцать отъ наследника престола, и сто сорокъ семь отъ вельможъ. Последнія остаются у президента Факторіи, а первыя отсылаются въ Батавію, Голландскому правительству. Иногда, при большомъ торжествѣ, президентъ получаетъ деньги, за придаточные подарки. Въ 1822 году, онъ получалъ сто двадцать три серебряныя монеты, называемыя *itakane*, а въ 1826 восемьдесятъ, изъ коихъ каждая стоила 6 фр. 95 сент. *

Подобно Японскимъ вельможамъ, Голландцы совершаютъ путешествіе въ паланкинахъ, похожихъ на переносные домики и называемыхъ *porimono*, а начальникъ имѣетъ при себѣ всѣ знаки своего достоинства, въ числѣ коихъ находится богато украшенный наложъ, на коемъ вырѣзаны буквы V. N. O. C. (*Vereenigde-Nederlandsche Oost-Indische Compagnie*: Соединенная Нидерландская Остъ-Индская Компанія).

* Сей подарокъ долженъ быть произведенъ деньгами, но вывозъ золотой и серебряной монетъ строго запрещенъ. а потому послы доставляютъ, на блюды, пустые свертки бумаги, въ коихъ находились монеты, и кредитуютъ его на всю сумму. Въ 1826 году, г-нъ Штюрлеръ отказался отъ подобнаго подарка, сказавъ, что въ качествѣ посла, онъ не можетъ сравнить переводъ денегъ по счетамъ съ честью получить подарокъ изъ рукъ *Сейгуна*. Законъ о невывозѣ монетъ исполняется съ такою удивительною точностью, что во время путешествія ко двору, намъ даютъ денегъ не прежде первой станціи, а на возвратномъ пути отбираютъ всѣ остающіяся монеты. Законъ исполняется такъ строго тѣми самыми чиновниками и переводчиками правителя Нагазаки, которые платили, въ последнее время, тысячами кобанговъ за контрабанду. Эта Японская золотая монета очень извѣстна на Амстердамской биржѣ.

На семь наложъ, въ прежнѣе время, лежалъ Императорскій паспортъ. При начальникъ есть еще таблица, съ словами: *rai-li Olandazin*, т. е. *Голландцы, гдущіе для изъявленія погтенія*. Вездѣ пропускаютъ его свободно, и даже при въездѣ въ Дециму освобождаютъ его отъ таможеннаго досмотра. Японцы, состоящіе въ свитѣ, кромѣ *kuinin* и главнаго переводчика, отправляются въ обыкновенныхъ паланкинахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и крытыхъ переплетомъ изъ бамбука, называемымъ *kago* или *keton kago*. Нынѣ только чиновники ѣздятъ верхомъ; иногда, ихъ несутъ въ корзинахъ (*sjug.kago*), передъ караваномъ, или за нимъ.

Вообще, поѣздъ похожъ на поѣзды туземныхъ принцовъ, и посоль пользуется отличіями и преимуществами наравнѣ съ ними, не въ качествѣ представителя чужеземной націи, а потому, что имѣетъ честь ѣхать ко двору *Сейгуна*, куда допускаются только вельможи имперіи. Нельзя однако не признать, что все это частію происходитъ отъ почтенія и привязанности жителей къ имени Голландцевъ. Во время сухопутнаго переѣзда, соблюдается порядокъ княжескихъ поѣздовъ. Впереди везутъ подарки и багажъ, а за ними, въ значительномъ разстояніи, ѣдутъ *tsjō si*, составляющіе авангардъ. За ними слѣдуютъ: помощникъ переводчика, медикъ, секретарь и посоль. Главный переводчикъ, *funaban* и *kuinin*, заключаютъ шествіе. Каждое *ногіното* или *kago* сопровождается служителями и знаками отличія своего хозяина; такимъ образомъ онъ становится центромъ особаго отдѣленія. Въ противность существующаго въ Европѣ обычая, младшіе предшествуютъ старшимъ, и лѣвая сторона считается почетною. Отъѣздъ назначается въ половинѣ пер-

ваго Японскаго мѣсяца *; только важныя событія при дворѣ Сейгуна могутъ его замедлить. Обыкновенно посольство выѣзжаетъ 7 или 9 числа, а переводчики, если ѣдутъ одни, отправляются въ путь 15 числа. Когда подарки и другія необходимыя для пути вещи уложены и часть багажа отправлена моремъ въ Симонозеки, наканунѣ въѣзда, въ Дециму является главный *banjōs*. — *Tsjō-si*, ѣдущіе съ тремя Голландцами, досматриваютъ, только для формы, ихъ частный багажъ, и отправляютъ его тоже моремъ. На другой день, всѣ Японцы, составляющіе свиту, должны явиться лично за послами и подарками. Во время Кемпфера, оба правителя Нагазаки лично пріѣзжали съ прощальнымъ визитомъ къ послу; нынѣ они ограничиваются холодными поздравленіями. Голландцы, служащіе при Факторіи, провожаютъ своихъ соотечественниковъ шаговъ за сто далье Децимы, на улицѣ *Jedo matsi*, до мѣста Огогато, гдѣ и прощаются; потомъ путешественники проѣзжаютъ черезъ Нагазаки и останавливаются у храма Тенцинъ. Тутъ прощаются они съ Японскими чиновниками, служащими при Факторіи, выпивая съ ними чашу *sake*, и потомъ ѣдутъ черезъ Сакурабаба до горы Нагазакитожъ, гдѣ ихъ ждутъ и привѣтствуютъ власти окружныхъ городовъ. Сей день становится праздничнымъ для Нагазаки. Любопытство и благосклонность выводятъ на улицу жителей, которые, по обычаю, называемому *mi-jage*, исполняемому въ этой странѣ всѣми классами народа, толпами несутъ путешественникамъ сахарныя издѣлія и лакомства, для развлеченія отъ скуки во время путешествія. Возвращаясь изъ *Jedo*, посольство отдариваетъ ихъ, изъ благодарности, незначительными подарками.

* Онъ соответствуетъ нашему Февралю.

Давно уже назначено семь дней на переѣздъ изъ Нагазаки въ Кокуру. Правда, что до отъѣзда подаютъ послу маршрутъ, но онъ ничего въ немъ не измѣняетъ. Можно измѣнять мѣста, назначенныя для ночлега или для обѣда и чаепитія, но для сего требуются сильныя причины.

Такимъ образомъ путешествіе продолжается до Кокуры по однообразному маршруту, который ежедневно вечеромъ подносится послу однимъ изъ переводчиковъ, болтливымъ говоруномъ, и подаетъ поводъ къ важному препію, результаты коего напередъ извѣстны. Безпечный зритель могъ бы насладиться единственнымъ зрѣлищемъ, симъ путешествіемъ, въ коемъ каждое дѣйствіе, каждое обстоятельство, относящіяся до посольства, опредѣлены, ограничены старою рутиною, родившеюся изъ обычаевъ страны или изъ законовъ, а часто изъ злоупотребленій, нами же произведенныхъ. Когда обычай утвердился, то продолжается безконечно, не можетъ быть уничтоженъ и принимаетъ официальное имя *обрѣда* (*chapitre*). Не приступая къ описанію старинныхъ обычаевъ, *обрѣдовъ*, которые мучатъ пословъ въ теченіе семидневнаго переѣзда изъ Нагазаки въ Кокуру, отгадаемъ справедливость отличному порядку поѣзда, учтивости владѣтельныхъ князей, дружескому приему въ гостиницахъ, кои предназначены для Голландцевъ, усердію и точности Японскихъ трактирныхъ слугъ, словомъ, характеру жителей. На границѣ каждой провинціи или каждаго уѣзда, чиновники, высланные княземъ, встрѣчаютъ посольство, а солдаты сопровождаютъ его отъ одной границы до другой, какъ почетная стража. Хозяева гостиницъ, гдѣ посольство останавливается для обѣда или ночлега, выходятъ къ нему на встрѣчу въ праздничной одеждѣ, и поздравляютъ съ счаст-

ливимъ прїѣздомъ, низко кланялся. Даже въ домахъ принимаютъ пословъ радушно, и обходятся съ ними, какъ съ вельможами, съ тою только разницею, что пословъ принимаютъ въ комнатахъ простыхъ, но чрезвычайно чистыхъ и угощаютъ по-Европейски. Для этого, посольство беретъ съ собою два стола, со всѣми необходимыми предметами; поварь, помощники его и одинъ столъ отправляются впереди каравана. Также берутъ съ собою кровати и всѣ необходимыя мебели, и за тысячу миль отъ Европы, пользуются всѣми Европейскими удобствами, среди чуждой намъ образованности. Жители никогда не оказываютъ презрѣнія или неучтивости; напротивъ того, ихъ любопытство и учтивость надѣвдаютъ иногда путешественнику.

Гостиницы, назначаемыя для ночлега послу и обоемъ его товарищамъ, суть тѣ самыя, въ коихъ останавливаются путешествующіе принцы, правители Нагазаки и другіе вельможи. Онѣ украшены сообразно съ чиномъ обычныхъ своихъ посѣтителей. Главное лицо помѣщается въ обширныхъ комнатахъ, а слуги занимаютъ небольшія каморки, или ищутъ убѣжища на дворахъ. У входа въ домъ, гдѣ помѣщается посольство, выставляютъ *pavesades*, украшенныя Голландскими флагами и начальными буквами Компаніи, болѣе или менѣе изуродованными. Таковъ Японскій обычай. Вотъ обыкновенный маршрутъ изъ Нагазаки въ Кокуру, и разстояніе разставовъ:

Nagasaki, 3 ri *; *Zagami, 4*; *Zsafaja, 3*; *Oho-*

* Въ системѣ Японскихъ мѣръ, единица есть *sjak'* или *sasi*, равный 0,303 метра. Онъ раздѣляется на 10 *sun*, 100 *ban* или 1000 *rin*.

6 *sjak'* 3 *sun* (1,909 метра) составляютъ *ken*; 60 *ken* (114,540 метровъ) составляютъ *tsjoo* или *matsi*; 36 *tsjoo* или *matsi* составляютъ *ri* или $\frac{13}{14}$ Французской обыкновенной льѣ, которая не много менѣе почтовой.

mūra, 6; *Sonogi*, 3; *Uresino*, 3; *Siwoda*, 2; *Naruse*, 2; *Woda*, 2; *Usits*, 2; *Saga*, 1¹/₂; *Sakai Bara*, 1¹/₂; *Kansaki*, 2; *Nakabara*, 1¹/₂; *Todoroki*, 1; *Dasiro*, 2; *Faruda*, 1¹/₄; *Jamaije*, 3; *Utsino*, 3; *Jidsuka*, 5; *Ko Janose*, 3; *Kuroscki*, 3; *Kokūra*, 3; *Simonoséki*.

Мѣста для обѣда и ночлега суть слѣдующія:

	Обѣдъ.	Ночлеги.
1-й день	<i>Jagami.</i>	<i>Jsafaja.</i>
2-й —	<i>Ohomūra.</i>	<i>Sonogi.</i>
3-й —	<i>Uresino.</i>	<i>Tsuka Saki.</i>
4-й —	<i>Usits.</i>	<i>Kan Saki.</i>
5-й —	<i>Todoroki.</i>	<i>Jamaije.</i>
6-й —	<i>Jidsuka.</i>	<i>Koja Nose.</i>
7-й —	<i>Kokūra.</i>	<i>Kokūra.</i>

Японцы, сопровождающіе Голландскихъ посланниковъ, охотно показываютъ имъ, тоже по старинному обычаю, рѣдкости (*miserasi*) различныхъ мѣстъ, черезъ кои посольство проѣзжаетъ. Такая учтивость соединена съ большимъ неудобствомъ: она заставляетъ иностранцевъ восхищаться и удивляться, иногда противъ воли. Вотъ любопытнѣйшія изъ показываемыхъ рѣдкостей: въ селѣ Огомура, славномъ ловлею жемчужинъ, путешественникамъ подаютъ за обѣдомъ жареныя жемчужныя раковины; въ Нивозѣ, имъ показываютъ огромное камфарное дерево, внутри совершенно пустое. Въ Урезино, они посѣщаютъ источники кипящихъ водъ, и кушаютъ лѣца, въ нихъ сваренныя и превосходный чай изъ сосѣднихъ плантацій. Вечеромъ, они кушаются въ имперальномъ источникѣ въ Тсуказакки, въ домѣ Фиценскаго князя. Посоль, послѣ многократныхъ просьбъ, получаетъ дозволеніе покупаться въ купальнѣ самого князя. Въ *Водѣ*, имъ показываютъ грубо высѣченное въ деревѣ изображеніе бога *Batō Kwanwon*, по-

кровителя однокопытныхъ животныхъ. Потомъ послы проѣзжаютъ чрезъ Сагу, столицу провинціи Фицень; въ Какено, имъ подносятъ знаменитое *so-bakiri*, кушанье изъ сарачинскаго пшена, и они ѣдутъ до Жамайже, гдѣ посѣщаютъ минералогическій музей одного Японскаго любителя. На вершинѣ горы *Fijamidstoge*, посольство отдыхаетъ отъ усталости въ домъ, построенномъ для чая, гдѣ оно устраиваетъ, по обычаю, пиръ съ начальниками Японской свиты; этимъ случаемъ пользуются для взаимныхъ привѣтствій, о коихъ Японцы такъ много заботятся. Та же церемонія повторяется у подошвы горы, гдѣ посольство останавливается послѣ тяжкаго схода съ горы, и принимаетъ отъ жителей фазановъ, утокъ и яйца. Потомъ проѣзжаютъ черезъ долины Кожанозъ и выѣзжаютъ на ближайшую возвышенность *Tsjano Vara*, съ которой, въ ясную погоду видны море и желанный берегъ острова Ниппонъ. Въ Изизакъ, любуются красотою женщинъ; близъ села Кіомидсъ замѣчаютъ границу между провинціями *Tsikūzen* и *Vuzen*, и наконецъ вступаютъ въ предмѣстіе Кокуры. Тутъ, на встрѣчу посольству, выходятъ хозяинъ гостиницы съ семействомъ, и хозяинъ и капитанъ корабля, на коемъ послы будутъ перевезены изъ Симонозеки въ Огозаку. Вечеромъ, посольство принимаетъ посланнаго отъ князя (въ 1826 году это былъ швейцаръ дворца), который, отъ имени своего господина, привѣтствуетъ иностранцевъ горшкомъ *амы*. Посольство пользуется плохую квартирою въ Кокурѣ, хотя тутъ столица провинціи Буцень. На другой день, по утру, дозволено прогуливаться по городу, но запрещено близко подходить ко дворцу принца. Изъ Кокуры есть случай писать къ соотечественникамъ въ Дедиму, посылая имъ нѣсколько бутылокъ *амы*

(груднаго сыропа изъ пшеницы). Носильщики получаютъ въ семь городъ небольшое награжденіе, которое записывается въ путевомъ дневникѣ подъ именемъ *обрядныхъ денегъ*.

Изъ Кокуры отправляются моремъ до Симонозеки, садясь на суда въ устьѣ рѣчки Фалимото, или доѣзжая по берегу до Даири, гдѣ посѣщаютъ дачу князя и потомъ плывутъ въ Муру. Послѣдній переѣздъ, кратчайшій и менѣе трудный, предпочитаютъ первому, особенно въ бурную погоду. Паланкины остаются на островѣ, ибо неудобно возить ихъ на судахъ, тѣмъ болѣе, что есть другіе въ Муру, откуда опять начинается сухопутное путешествіе.

Въ Симонозеки, одинъ изъ градоначальниковъ гостепріимно принимаетъ пословъ въ своемъ домѣ. Въ 1691 году, при Кемпферѣ, тутъ не останавливались, а тотчасъ отправлялись въ Муру, а оттуда въ Фіого. Нынѣ остаются они по три дня, а иногда и долѣе, смотря по обстоятельствамъ, въ просторныхъ жилищахъ градоначальниковъ, которые за удовольствіе почитаютъ принимать поочередно посланныхъ Факторіи. Во время переѣзда въ Кіузіу, издержки за носильщиковъ, лошадей и даже за дневную пищу всего поѣзда, большею частію выплачиваются, какъ мы уже сказали, тѣми принцами, чрезъ провинціи которыхъ посольство проѣзжаетъ. То же бываетъ въ провинціяхъ Нагато и Алима, на островѣ Ниппонѣ. Но издержки выплачиваются такимъ образомъ, что ничего не стоятъ принцамъ. Жители доставляютъ носильщиковъ, лошадей и жизненные припасы; а изъ небольшихъ суммъ, платимыхъ правительствомъ отъ имени Голландцевъ, содержателямъ почтъ, имъ почти ничего не достается. Въ Симонозеки, посланные факторіи живутъ на счетъ принца въ теченіе трехъ дней, а потомъ всѣ издержки падаютъ на жи-

телей; такое распоряженіе, въ случаѣ долгаго пребыванія пословъ, производитъ въ народѣ неудовольствіе. Репутація Голландцевъ, хорошо принимаемыхъ въ семь красивомъ городѣ, еще болѣе увеличилась бы, еслибъ жителямъ назначалось приличное вознагражденіе; ибо часто, по прихоти посла, желавшаго имѣть удобнѣйшую барку для перевозки свиты, отплытіе замедлялось болѣе, нежели надлежало. Сія барка слишкомъ узка, и Голландцы и Японцы не могутъ прилично въ нее размѣститься. Такое неудобство всегда повторяется, хотя можно легко отъ него избавиться, уговоривъ начальниковъ свиты занять вторую барку, идущую вслѣдъ за первой, и въ которой имъ было бы просторно.

Симонозеки весьма пріятное мѣсто для Голландцевъ. Имъ показываютъ все достопримѣчательности города и стараются доставить тысячу увеселеній. Они осматриваютъ славный храмъ Амида, прогуливаются по улицамъ города и предмѣстія Такезаки, и находятъ всегда пріятное общество у градоначальниковъ. Они принимаютъ визиты отъ чиновниковъ князя, живущаго въ *Tsjofú*, между которыми бывають знатные люди. Какъ скоро въ баркѣ все готово для принятія путешественниковъ, и подарки на нее свезены, посольство отплываетъ. По Японскому обычаю, на морѣ доставляютъ удобства только знатымъ лицамъ, которыя должны были бы доставить облегченіе своимъ подчиненнымъ, еслибъ о нихъ заботились.

Изъ Симонозеки, послы ѣдутъ обыкновенно къ Камивозеки, гдѣ бросаютъ якорь. При самой благопріятной погодѣ, благоразуміе не дозволяетъ Японцамъ оставаться на ночь подъ парусами, и къ вечеру капитанъ ищетъ порта или другаго мѣста, гдѣ можно было бы бросить якорь, и когда вѣтеръ ему не по-

могаетъ, то онъ призываетъ на помощь веслы. Главныя такія мѣста, между Симонозеки и Огозакою и разстоянія между ними, суть слѣдующія: *Simonoséki*, 18 *ri*, (*ri*);—мысль *Muko*, 17;—*Kaminoséki*, 12; *Tsuwa*, 8;—*Kamigari Sima*, 10;—*Tadaumi*, 10;—*Tomo*, 10;—мысль *Simotsui*, 10;—*Usimato*, 10;—*Muro*, 13;—*Akasi*, 5;—*Fibgo*, 10;—*Ohosaka*. Слѣдственно, между Симонозеки и Огозакою считается 133 *ри*.

Ежедневно, утромъ и вечеромъ, Японцы спрашиваютъ посла, какою дорогою ѣхать. Обыкновенный результатъ сихъ преній есть то, что капитанъ, опытный морякъ, отвѣчающій головою за цѣлость гостей, долженъ распоряжаться, какъ заблагоразсудитъ. Когда посольство останавливается въ Каминозеки, жрецы храма *Abtono Kwanwon*, бога—покровителя моряковъ, приносятъ разныя яства, и приглашаютъ пословъ войти во храмъ, гдѣ ждутъ ихъ обѣдъ и народное празднество. Пребываніе въ Каминозеки весьма пріятно, ибо дозволено прогуливаться по горамъ, у подошвы коихъ лежитъ портъ, и посѣщать дома какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ сосѣднемъ селеніи Муротсъ. Тамъ можно провести нѣсколько дней съ удовольствіемъ; но въ городѣ скучно, если провести тамъ нѣсколько недѣль, какъ случилось съ Тунбергомъ.

При неблагоприятной погодѣ, черезъ проливъ переправляются выше Каминозеки и пристають къ юго-восточному берегу острова Язирозима, гдѣ можно безопасно бросить якорь въ заливѣ Дсинокаму-ро, и въ противолежащемъ заливѣ Окинокаму-ро. Тутъ запасаются прѣсною водою. Селеніе Окинокаму-ро должно быть очень привлекательно для путешественника, ибо отцы наши проводили въ немъ время самымъ пріятнымъ образомъ.

Въ этихъ мѣстахъ есть ненадежный портъ *Mita-*

gai, въ который иногда заходятъ суда, везущія посольство, проѣзжая проливъ Окамуру и приближаясь къ берегу Аки, чтобы бросить якорь въ заливъ Мибара, во время отлива, вечеромъ, когда плаваніе становится весьма опаснымъ среди острововъ и безчисленныхъ утесовъ. Отсюда посольство отправляется, между островами Юкезима и Тазима, къ мысу Факозаки, въ провинціи Сануки, и объѣзжаетъ гору *Комбура*, разстояніемъ на три *ри*. Пріѣхавъ вечеромъ въ Тамо, небольшой портъ на оконечности мыса провинціи Бинго, посольство могло бы бросить якорь въ *Mitarai*, и такимъ образомъ видѣть сей городъ, довольно замѣчательный. Вообще, слѣдовало бы болѣе искать случая узнавать города и важнѣйшіе порты сего превосходнаго архипелага; объ этомъ можно просить самого *Kuinin* и главнаго переводчика, предоставляя капитану рѣшать, какой путь слѣдуетъ выбрать въ этомъ лабиринтѣ. Напрасно думаютъ, что путешествіе шло бы медленнѣе, еслибъ не погоняли непрерывно моряковъ. Чѣмъ быстрѣе совершается переѣздъ, тѣмъ болѣе выгоды людямъ, завѣдывающимъ доставкою посольства къ мѣсту назначенія; это самая лучшая причина, служащая къ ускоренію путешествія. Пробѣгая въ Децимѣ морскіе дневники посольствъ, удивляемся нескончаемымъ спорамъ о направленіи пути, объ остановкахъ, и проч. Такія плачевныя исторіи происходятъ не отъ нерадивости или эгоизма Японцовъ, а отъ недоразумѣній, отъ совершеннаго незнанія пословъ въ географіи сихъ острововъ. Напримѣръ, желая посѣтить важнѣйшіе порты, посольствъ долженъ требовать сего отъ начальниковъ свиты, но не долженъ просить того, что противно даннымъ инструкціямъ или законамъ государства. Какъ Японцы, во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, основываются

на томъ, что отвѣчаютъ за нашу безопасность, такъ и мы, во всѣхъ своихъ требованіяхъ, должны основываться на той же причинѣ, столь важной для нихъ. Просьба, не превышающая власти начальника свиты и принесенная посломъ подѣ предложомъ болѣзни, даже невѣроятной для Японцовъ, никогда не будетъ отринута. Въ Японіи, на такой предлогъ смотрятъ иначе, чѣмъ въ Европѣ. Тамъ хотятъ приличнымъ образомъ избавиться отъ строгости закона, и дать особую и достаточную причину для оправданія въ случаѣ удаленія отъ колен, прорѣзанной обычаемъ, имѣющимъ силу закона; ибо каждый Японецъ носитъ съ собою журналъ своихъ предшественниковъ, и тщательно справляется съ нимъ и вноситъ въ собственный дневникъ, для своего оправданія, всѣ событія путешествія.

Томо — превосходный портъ, въ который посольство заѣзжаетъ обыкновенно на возвратномъ пути, ибо Японцы, составляющіе свиту пословъ и соединяющіе съ симъ путешествіемъ важныя торговля предпріятія, покупаютъ въ семъ мѣстѣ разныя произведенія провинціи Бинго. Мѣста, въ коихъ потомъ останавливается посольство, суть: островокъ *Siraisi*, мысъ *Simotsui*, или нѣсколько далѣе, портъ *Fibi*, на островѣ *Kosima*. Въ два сіи мѣста заходятъ только въ такомъ случаѣ, когда идутъ весьма близко къ берегамъ острова Ниппона. Если не заѣзжали въ Томо, а шли прямо на мысъ Факозаки и на берегъ Сануки, то оставляютъ въ лѣвой сторонѣ всѣ семь острововъ Сіаку-сима, доѣзжаютъ почти до Фиби, потомъ, ночью, идутъ къ сѣверу и бросаютъ якорь близъ берега Битсіу, откуда можно ѣхать смотрѣть селенія Фиби и Мукофиби, близлежація саловарни и гдѣ можно заpastись водою и свѣжими припасами.

Довольно большой остров *Sjodo Sima* служит указателем пути, по коему должно слѣдовать до порта Муру. Достигнувъ до его западной оконечности, поднимають всѣ паруса, и такимъ образомъ идутъ до мысовъ Оготабъ и Акафо, и потомъ входятъ въ портъ Муру, находящійся близъ нихъ. Тутъ кончается морское путешествіе; но часть людей, принадлежащихъ къ свитѣ, и весь багажъ перевозятся моремъ черезъ Фіого, въ портъ Огозаку. Послы проводятъ въ Муру день или два, очень приятно, гуляютъ по городу, посѣщаютъ чайные дома и публичныя мѣста, устроенныя оригинально; осматриваютъ отличныя кожевенныя заводы, производятъ покупки и заказы.

Кавалеръ Кокъ Бломгофъ, какъ мы уже сказали, первый получилъ позволеніе на сухопутный переездъ изъ Муру въ Фіого. По просьбѣ его, правитель Нагазаки согласился исполнить его желаніе и произвелъ столь важную перемѣну въ маршрутѣ Голландцевъ, не спрося у правительства. Посему видно, какъ велика власть сихъ важныхъ чиновниковъ, въ дѣлахъ, касающихся до факторій. Такимъ образомъ, можно было бы смягчить многія постановленія, многіе обычаи, на кои жалуются, какъ въ Децимѣ, такъ и во время путешествія въ Іеддо, только бы предлагаемыя перемѣны не были противны законамъ или выгодѣ правительства, которая предпочитается всѣмъ прочимъ соображеніямъ по устройству нашихъ дѣлъ. Мы думаемъ, касательно путешествія въ Іеддо, что нынѣ пора сдѣлать шагъ впередъ и доставить побольше свободы намъ самимъ, и болѣе обширное поле для ученыхъ розысканій. Для сей цѣли, надлежало бы выпросить слѣдующія уступки:

1. Присоединить къ посольству четвертую особу,

подъ именемъ медицинскаго помощника, какъ то было при Кемпферъ;

2. Укоротить пребываніе въ странѣ Кіузіу, и останавливаться на нѣсколько дней въ Кокуръ и Симоносеки;

3. Посѣщать во время переезда важнѣйшіе порты;

4. На возвратномъ пути, оставаться долѣе въ Мижако и Огозакъ;

5. Посвятить болѣе времени путешествію по большой дорогѣ въ Іеддо, чтобы возможно было посѣтить всѣ любопытныя мѣста, встрѣчающіяся на пути; и

6. На возвратномъ пути въ Мижако, ѣхать по дорогѣ черезъ Кизодси.

Мы знаемъ, что такія нововведенія покажутся, съ перваго взгляда, невозможными; мы знаемъ, что всѣ Японскіе чиновники, отъ послѣдняго досмотрщика до правителей областныхъ, почитаютъ ихъ неисполнимыми; однако же смѣемъ увѣрить, что всѣ они будутъ приняты, если употребить надлежащія средства и не упустить изъ вида, что въ денежныхъ дѣлахъ всякаго рода, мы имѣемъ дѣло не съ правительствомъ, а съ толпою важныхъ и мѣлкихъ чиновниковъ; въ ихъ рукахъ находится монополія внѣшней торговли, и они избѣгаютъ продолжительнаго путешествія, единственно потому, что при этомъ случаѣ увеличиваются ихъ издержки *. Можно назначить правительству вознагражденіе за четвертую особу посольства и за каждый день, проведенный

* Уже Кемпферъ и Тунбергъ превосходно понимали это. Последній пишетъ въ своемъ путешествіи, Т. III, стр. 62: «Главному переводчику, человеку въ лѣтахъ, поручено было вести расходъ во время путешествія и заботиться обо всемъ. Нельзя довольно похвалить его предусмотрительность и экономію; правда, въ этомъ была его выгода.»

посольствомъ, сверхъ положеннаго срока, на дорогахъ, въ большихъ городахъ и портахъ; присоединить къ сему денежную награду Японцамъ и новые подарки для обоихъ правителей Нагазаки. При такой щедрости, Японскіе чиновники употребятъ всѣ свои усилія и усердіе на удаленіе препятствій. Всѣ милости, полученныя Кокъ Бламгофомъ отъ Японскаго правительства, добыты подобными средствами, — не говоримъ уже о милостяхъ, нами полученныхъ, въ продолженіе нашего семи-лѣтняго пребыванія въ Японіи.

Дорога изъ Муру въ Фіого идетъ по замѣчательнѣйшей и самой веселой части острова Ниппона. Вотъ раздѣленіе дней: въ первый день, обѣдъ въ *Siso*, ночлегъ въ *Fimedsi*; во второй, обѣдъ въ *Sone*, ночлегъ въ *Kagogawa*; въ третій, обѣдъ въ *Akasi*, ночлегъ въ *Fibgo*.

Быстрымъ и тяжелымъ спускомъ съѣзжаютъ съ Муру въ плодоносную равнину, посреди коей возвышается Сизо. Тутъ посольство обѣдаетъ въ гостиницѣ, гдѣ его принимаютъ съ особенною ласкою; потомъ оно переправляется на лодкѣ черезъ неглубокую рѣку Сизогава, коей берега представляютъ повсюду живописные виды, а вечеромъ оно прѣѣзжаетъ въ большой и красивый городъ Фимедси. Второй день занятъ осмотромъ новыхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ предметовъ. Послѣ обѣда, оно идетъ къ извѣстнымъ храмамъ Совъ, Изинкура и Таказаго, гдѣ жрецы принимаютъ его учтиво и радушно; и наконецъ прибываетъ въ долину Инамно и приказываетъ нести себя, по песчаной дорогѣ, на ночлегъ въ Кагогаву.

Въ третій день, ѣдутъ чрезъ Низитани въ Фудсичаму и останавливаются въ гостиницѣ, на берегу Машконофамы, откуда очаровательный видъ на море.

Потомъ, отобѣдавъ въ Акази, ѣдутъ вдоль по берегу, противъ острова Авадѣи; кушаютъ въ Итсѣнотани, гдѣ иностранцы обыкновенно лакомятся лапшею, и потомъ, довольно поздно вечеромъ, въѣзжаютъ въ Фіого. Барка изъ Муру уже здѣсь, о чемъ хозяинъ докладываетъ послу съ низкими поклонами, тотчасъ по прибытіи его въ гостиницу. Обыкновенно, караванъ выступаетъ въ путь, на другой же день, въ Огозаку. Весь багажъ, за исключеніемъ подарковъ, и часть лицъ, принадлежащихъ къ свитѣ, отправляются моремъ, а Голландскіе послы ѣдутъ сухимъ путемъ, и на другой день, послѣ недолгой остановки въ *Sumijosi*, пріѣзжаютъ въ Низиномижу. Между рѣдкостями, встрѣчаемыми въ этотъ день, слѣдуетъ замѣтить надгробный памятникъ война *Kutsnosi Masasige* и храмъ *Sinto-Ikuda Mibzin*. Удаляясь отъ храма, видишь съ восторгомъ очаровательную картину залива Огазаки. Посоль пользуется свободнымъ временемъ, которое у него бываетъ во время переѣзда черезъ Низиномижу, и напередъ вознаграждаетъ себя за этикетъ, возлагаемый на него въ Огазакѣ. Этикетъ требуетъ, чтобы знатные путешественники въѣзжали въ большіе города утромъ; посему-то они проводятъ ночи въ Низиномижѣ близъ Огазаки, въ Фузими близъ Мижако, и въ Кавазаки, который отстоитъ отъ Еддо на четыре съ половиною *ри*.

Главный переводчикъ отправляется впередъ съ поспѣшностію и объявляетъ обоимъ правителямъ Огазаки о пріѣздѣ иностранцевъ. Потомъ, слѣдуютъ за нимъ вскорѣ, и проѣзжаютъ мимо Амагазаки, резиденціи принца *Matsdaira Tohodomino Kami*; переправляются черезъ рѣки Кансакигава и Сжурогава, и останавливаются въ Сжуро, вѣроятно, для того, чтобы угостить рюмкою анисовой водки содержа-

телей гостиницъ въ Огозаки и Фузими, которые являются сюда, встрѣтить гостей своихъ. Скоро показывается, на западной сторонѣ обширной равнины, городъ Огозака. Послѣ доѣзжаютъ до предмѣстія, переѣзжаютъ черезъ мостъ Нанивабасъ и черезъ нѣсколько минутъ останавливаются у гостиницы, которая отличается отъ всѣхъ прежде видѣнныхъ своею чрезвычайною бѣдностію. Сіе зданіе принадлежитъ Финансовому Управленію Нагазаки, которое закупаетъ здѣсь мѣдъ для внѣшней торговли. Управленіе содержитъ здѣсь на свой счетъ всѣхъ особъ, вѣдущихъ въ теченіи года ко Двору, также и обоихъ правителей Нагазаки, которые вѣздятъ ко Двору ежегодно по очереди. Пока послы не представлены *Сейгуну* въ Іеддо, никто изъ нихъ не можетъ прогуливаться въ Огозакѣ или въ Мижако, ни вѣздить къ правителямъ. Стало быть, въ сихъ городахъ, обходятся съ Голландцами, какъ съ плѣнниками, помѣщаютъ ихъ въ дурныхъ гостиницахъ, что еще болѣе наводитъ на нихъ скуку. По пріѣздѣ въ Огозаку, главный переводчикъ увѣдомляетъ посла, что подарки, назначенные правителямъ, останутся въ семъ городѣ до его возвращенія, когда ему можно будетъ посѣтить сихъ вельможъ. Послы могутъ однакожь принимать друзей и любопытныхъ, являющихся съ визитомъ, между коими, по визитному журналу, значится обыкновенно одинъ управитель *Сейгуна* (*oho dai kwan*). Наибольшая часть посѣтителей является для медика; онъ окруженъ слѣпыми, параличными и прокаженными, и можетъ показать свое искусство и терпѣніе.

Огозаку оставляютъ безъ сожалѣнія, выгрузивъ багажъ изъ барки, на которой онъ привезенъ, для перевозки его сухимъ путемъ. Дорога идетъ по

превосходной долины, по берегу рѣки Иодогава, и вѣдетъ въ Фиракату, гдѣ посольство объѣзжаетъ, и откуда отправляется къ знаменитой крѣпости Иодо. Ночлегъ имѣютъ въ Фузими, гдѣ посольство встрѣчаетъ ласковый пріемъ, но не находитъ покоя, ибо въ теченіе цѣлой ночи его преслѣдуютъ продавцы галантерейныхъ вещей, которыя выставляютъ передъ путешественниками свои красивые товары и беспокоятъ ихъ просьбами о покупкѣ.

Выѣхавъ изъ Фузими, вѣзжаютъ въ предмѣстія Мижакко, которыя идутъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Караванъ проѣзжаетъ мимо храмовъ *Inarinojasiro*, *Tōfukusi* и *Daibutsin*, и вѣзжаетъ въ Мижакко по мосту *Gosio no Basi*. Пребываніе въ семь городъ походить на пребываніе въ Огозакѣ; только домъ, занимаемый Голландцами, нѣсколько веселѣе, и былъ бы веселѣе для всѣхъ, еслибъ имъ давали нижній этажъ; но переводчики оставляютъ его себѣ, и помѣщаютъ секретаря и доктора въ комнату, назначенную для куренія табаку, находящуюся вблизи квартиры посла, которая состоитъ изъ спальни, кабинета и пріемной комнаты. Главный переводчикъ извѣщаетъ правителя и *sjōsidai* о прибытіи иностранцевъ, и выпрашиваетъ скорую выдачу паспортовъ въ Иеддо. Исполнивъ сію обязанность, онъ увѣдомляетъ посла, что подарки, назначенные симъ двумъ сановникамъ, останутся, какъ было въ прежніе годы, въ городѣ, и что онъ увидитъ ихъ только на возвратномъ пути. Вскорѣ засимъ, приносятъ послу паспортъ, писанный по Китайски, какъ и всѣ бумаги, выдаваемые правительствомъ; Посолъ просматриваетъ его и прикладываетъ свою печать. Это есть дозволеніе на провѣздъ мимо постовъ *Fakone* и *Arai*, и приказъ всѣмъ другимъ постамамъ, находящимся на дорогѣ *Tōkaido*, у

перевозовъ на большихъ дорогахъ, объ оказаніи путешественникамъ покровительства и пособія.

Въ Мижакко находится нѣсколько друзей Голландцевъ, изъ коихъ, въ 1826 году, мы замѣтили *Kotuli Niconoske*, придворнаго доктора Микадо, просвѣщеннѣйшаго и честнѣйшаго изъ Японцевъ. Часто эти друзья, съ своими семействами, ѣздятъ къ посланнымъ Факторіи, которые проводятъ съ ними вечера очень пріятно. Часто и важнѣйшія особы *Dairi* тайно пріѣзжаютъ съ ними повидаться. Когда нѣтъ препятствій, стараются поскорѣе отпривить Голландцевъ изъ Мижакко, такъ, какъ и изъ Огозаки*. Однако же не худо помнить, что часто случались обстоятельства, задерживавшія пословъ въ Мижакко болѣе недѣли. Живя довольно долго въ семъ городѣ, Голландцы могли бы собрать, съ помощію друзей, самыя любопытныя мѣстныя свѣдѣнія; и еслибъ не успѣли обогатить науки новыми матеріалами, то могли бы легко купить или заказать разные предметы искусствъ или торговли, чрезвычайна замѣчательные.

Заплативъ тяжкую подать, полагаемую обрядами, посольство выѣзжаетъ изъ Мижакко. Съ сего города начинается быстрое путешествіе по дорогѣ *Tōkaï-dō* и посольство проѣзжаетъ, не останавливаясь, по 125 ри въ день. Правда, что на многихъ станціяхъ трудно найти домъ, въ которомъ можно было бы провести одинъ или нѣсколько дней. Это было бы даже невозможно въ такомъ случаѣ, ко-

* По весьма странной причинѣ стараются удалить Голландцевъ изъ сего города. Отъѣздъ ихъ избавляетъ *Sjosidai* и правителя отъ опасеній насчетъ короткихъ связей между иностранцами и прекраснымъ поломъ, и особенно насчетъ дѣйствія, какое было бы произведено симъ извѣстіемъ при Дворѣ Микадо, который страшится при мысли о первомъ бракѣ въ своемъ семействѣ, ибо родъ Микадо считается божественнымъ.

гда свѣта какого нибудь вельможи, вѣдущаго ко Двору, встрѣтилась бы съ многочисленною свитою посольства; но это не всегда бываетъ. Послы часто останавливаются въ бѣднѣйшихъ селахъ, на берегахъ рѣкъ, разливающихся отъ дождей; почему же не могутъ они, по собственной воли, провести день въ замѣчательномъ мѣстѣ, или ѣхать не такъ быстро какъ для отдохновенія, такъ и для ученыхъ наблюденій? Рѣшеніе этого вопроса, со стороны Голландцевъ или Японцевъ, зависитъ отъ денежнаго пожертвованія, и потому-то правители Факторіи до сихъ поръ не занялись имъ. Дворъ въ Еддо, повторяемъ, нисколько не заботится о медленности путешествія, ни о томъ, какимъ образомъ посольство достигаетъ до столицы; это дѣло исключительно относится до правителя Нагазакі, Финансоваго Управленія и главнаго переводчика, завѣдывающаго путевыми издержками. Квартира и столъ, въ каждый лишній день, стоятъ пятьсотъ франковъ (прочія издержки не увеличиваются); и всѣ предложенія клонящіяся къ замедленію путешествія, отвергаются по сей причинѣ. Въ 1826 году, мы не могли жаловаться на поспѣшность нашихъ проводниковъ; самъ посолъ сѣвшиль, зная, что важныя дѣла ожидали его при Дворѣ; а можетъ быть, у него была еще и другая причина. Если сей визитъ *Сейгуну* не тягостенъ для пословъ, то они въ этомъ случаѣ обязаны превосходному устройству гостиницъ, носильщикамъ и перевозчикамъ, которые привыкли переносить и переносить черезъ широкіе потоки и черезъ высокія горы значительныя тяжести безъ потрясенія. Притомъ же, почти во всѣхъ гостиницахъ столъ превосходный, и все приготовлено для ночлега; страна безопасна; не нужно заниматься дорожными хлопотами, и можно провести время при-

тно въ обществахъ городовъ, черезъ которые про-
ѣжаешь.

Различные мѣста для обѣда и ночлега назначены
предварительно на сей дорожъ, какъ и на предъиду-
щихъ, и перемѣняются только въ случаѣ крайней
нужды. Вотъ обыкновенный маршрутъ, по коему
ѣхалъ Бломгофъ въ 1822 году, ибо быстрота, съ
которою мы ѣхали въ 1826 году, не можетъ быть
принята за постоянное правило.

Дорога изъ Мижакко въ Jeddo.

	Обѣды.	Ночлегъ.
1-й день	<i>Ohots</i> —	<i>Kusats.</i>
2-й —	<i>Isibe</i> —	<i>Minaguts.</i>
3-й —	<i>Tsutsijama</i>	<i>Seki.</i>
4-й —	<i>Isijakûsi.</i> —	<i>Kûwana.</i>
5-й —	<i>Saja</i> —	<i>Mija.</i>
6-й —	<i>Tsirifu</i> —	<i>Okasaki.</i>
7-й —	<i>Goju</i> —	<i>Josida.</i>
8-й —	<i>Arai</i> —	<i>Famamatsu.</i>
9-й —	<i>Fukurowi</i> —	<i>Nitsusaka.</i>
10-й —	<i>Kanaja</i> —	<i>Simada.</i>
11-й —	<i>Okabe</i> —	<i>Futsiu.</i>
12-й —	<i>Okits</i> —	<i>Juwi.</i>
13-й —	<i>Josiwara</i> —	<i>Jeziri.</i>
14-й —	<i>Fakone</i> —	<i>Wodawara.</i>
15-й —	<i>Oho iso</i> —	<i>Fudsisawa.</i>
16-й —	<i>Kanagawa</i>	<i>Kawasaki.</i>
17-й —	<i>Sinagawa</i>	<i>Jedo.</i>

Посольство обыкновенно въѣзжаетъ изъ Мижакко
послѣ полудня, и достигаетъ, по гористому пути,
до береговъ озера Бивако, которое кажется чрезвы-
чайно живописнымъ, если смотрѣть на него изъ
красивыхъ долинковъ въ *Ohots*. Пообѣдавъ въ одномъ
изъ сихъ домовъ, посольство пускается опять въ

путь, проезжаетъ мимо дворца Цезъ по двойному мосту Сета (который былъ прежде въ числѣ трехъ главныхъ постовъ пограничной стражи), и ночью привозитъ въ Кузатъ, куда часть багажа доставляется изъ Оготса на баркѣ. На основаніи путешественныхъ журналовъ, шарлагантъ *Муменоки* зоветъ на завтракъ къ себѣ пословъ, которые принимаютъ приглашеніе; зналъ, что онъ имѣетъ въ виду не гостеприимство, а желаніе увѣрить народъ, что продаваемые имъ лекарства получены отъ Голландцевъ. Изъ Кузатса, посольство направляется къ Имбу, перевозитъ черезъ рѣку *Iacoda-zawa*; обѣдаетъ въ Минагутъ, и ночуетъ въ *Tsutsijama*. На слѣдующее утро, оно проезжаетъ по замѣчательной цѣпи горъ; но удовольствіе отравлено быстротою, съ которою проезжаютъ по этой странѣ. Съ ранняго утра до полночи, тащутъ посольство по трудной дорогѣ, и едва останавливаются на нѣсколько минутъ въ *Sakandsita, Seki, Kamejama, Sjono* и *Isijakūsi*, и наскоро обѣдаютъ. Ночь похищаетъ потомъ у путешественниковъ лучшіе виды на пути, и они привозитъ очень поздно ночью въ *Jokaitsi*, проехавъ въ день одиннадцать *ри*. Караванъ трогается съ мѣста до свѣту, съ факелами, обѣдаетъ въ Кува-яъ, переправляется черезъ широкое устье Киога-вы и останавливается въ *Saja* или въ *Mija*, черезъ которую идетъ кратчайшій путь. Перевозъ черезъ Киогаву въ хорошую погоду гораздо пріятнѣе сухаго пути, а во время бури опасенъ и даже невозможенъ. Этотъ перевозъ часто подавалъ поводъ къ жаркимъ преніямъ. Начальникъ стражи, принца этой страны, по приказу его, снабжаетъ посольство кораблемъ и выбираетъ безопаснѣйшій и легчайшій путь, и потому можно избѣжать сихъ преній; отдавшись во власть Японцамъ, которые столько разъ

возили уже посольство. Когда продажают через *Saja*, тогда из сего города вдут сухим путем до *Mija*. Высто пребывания въ *Jokaitsi* и *Saja*, путешественникамъ гораздо было бы пріятнѣе провести день въ *Kiwana* и другой въ *Mija*. Занимающіеся спекуляціями нашли бы въ Кубань превосходныя мѣлонныя желѣзныя подѣлы, а занимающіеся учеными трудами, и особенно натуралисты, встрѣтили бы тамъ дѣятельное и умное содѣйствіе докторовъ *Midzutani*, *Sakerok*, *Itô Keiske* и *Okutsi Sondin*, которые, по заслугамъ, оказаннымъ Физическимъ наукамъ, стоятъ, чтобы имена ихъ, славныя въ Японіи, перешли къ потомству. Изъ *Mija* отправляются въ Окаваки, гдѣ стоитъ посматрѣть цитадель и большой мостъ на Жафаки гавъ. Потомъ проѣзжаютъ черезъ гористую страну, гдѣ находятся Фудзи гавъ, Акавака и Гожу; останавливаются въ Жолндѣ, гдѣ проводятъ ночь, и потомъ по скату горы Сифомизака спускаются къ берегу, и берегомъ продолжаютъ путь до поста *Arai*, мимо котораго должно схать посольство. Посоль идетъ къ дежурному офицеру; благодарить за привѣтъ принца, который дастъ ему яхту для переезда черезъ заливъ Фамануко. *Kiwinin* и главный переводчикъ сопровождаютъ его во время сего визита; но онъ производилъ бы болѣе впечатлѣнія, еслибы бралъ съ собою своихъ товарищей, а не заставлялъ ихъ ждать у дверей, посреди лакеевъ. Сей обычай, по несчастію, подражающій Японскому, не даетъ ли этому народу должное поимтѣ о нравахъ Европейскихъ?

Подаривъ офицеру, въ знакъ благодарности, двѣ бутылки ликера и нѣсколько глиняныхъ трубокъ, посоль возвращается на яхту, построенную изящно, но немогущую удобно вмѣстить въ себя всѣхъ Японцовъ, принадлежащихъ къ свитѣ. Такое неу-

добество превращаетъ учтивость принца въ тягость Голландцамъ, и разрушаетъ все удовольствія; какія можно было бы имѣть во время этого переезда. Искусно сооруженная плотина обезопасиваетъ плаваніе между *Arai* и *Maisuki*; изъ сего послѣдняго порта вдутъ на *Фамаматсу*, послѣ легкаго объѣзда.

На другое утро, посольство переправляется черезъ *Тенригаву*, находящуюся на равномъ разстояніи отъ *Мижако* и отъ *Иеддо*, и прѣвѣжаетъ черезъ *Mitske* въ *Какогаву*, гдѣ отиравается къ гробницѣ капитана *Гемми*, умершаго тамъ въ 1798 году. Скоро возвращаются курьеры, высланные впередъ, для узнанія о высотѣ быстрого потока *Ohoi gawa*, который иногда отъ снѣговъ, таящихъ и текущихъ съ горъ, и отъ сильныхъ дождей, такъ возвышается, что лодочки не рѣшаются перевозить черезъ него. Дорога, ведущая къ сему потоку, идетъ по достойной замѣчннн горъ *Nisi taka toge*. Эта часть путешествія весьма разнообразна; вездѣ восхитительныя виды, чайныя дома, конхъ хозяйки очень внимательны, монахи, пилигримы и нищие, которые сохраняютъ въ своихъ молитвахъ, пѣсняхъ и разсказахъ воспоминаніе о чудесномъ колоколѣ, называемомъ *Mukenokane*, и о камнѣ, имѣвшемъ въ прежнее время силу Медузиной головы.

Близъ *Канажи*, гдѣ виды безподобны, какъ по всему *Токаидо*, спускаются къ рѣкѣ *Оголчава*, и переезжаютъ черезъ нея, съ приготовленіями, которыя страшнѣе самаго переезда. Долговременная опытность и сила лодочниковъ, переносящихъ людей и багажъ на плечахъ своихъ, и особенно строгое распорядженіе закона, который заставляетъ каждого изъ нихъ отвѣчать за безопасность его ноши, должны успокаивать трусливаго путника, тѣмъ болѣе, что высота потока тщательно измѣряется, и

если она превосходитъ известную мѣру, то не перебожаютъ черезъ рѣку, а ждутъ уменьшенія воды, на близлежащей станціи. Не разъ случалось, что Голландцы были остановлены такими случаями и принуждены ѣхать назадъ, на дальнее разстояніе, въ мѣсто гдѣ прежде останавливались. Цѣны за перепоску людей и багажа пзмѣняются по высотѣ потока; обыкновенно платятъ отъ 80 до 98 *сень* каждому носильщику; въ 1826 году, мы платили по 94 *сень*. За перевозку всей свиты платится, среднимъ числомъ, 28 *кобановъ* (707 франковъ). Когда вода низка, лошади переправляются съ багажемъ; когда высока, багажъ переносится особо. На другой сторонѣ рѣки, близъ берега, лежитъ селеніе Симада, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ и откуда ѣдутъ въ *Futsi-eta*, передъ которымъ переправляются черезъ рѣку Сетогова, въ такомъ же порядкѣ, какъ черезъ Огойгаву. Футси-Эта небольшой городъ, растянутый, бѣдный, хотя известный по приготовленію кожъ акулъ, камбалы и другихъ рыбъ. Отсюда ѣдутъ по высотамъ *Utsuno jama* въ Мариго, гдѣ переправляются черезъ Абегаву, и ночью прибѣгаютъ въ Футсиу. Важнѣйшая промышленность сего обвдѣвшаго города, въ коемъ трудно узнать старинную и великолѣпную столицу *Сейгуна*, состоятъ въ издѣліяхъ изъ тростника и въ столярной работѣ. Сіи издѣлія превосходны; но цѣны, за нихъ требуемыя, такъ велики, что смѣло можно предлагать за нихъ половину или даже четверть. Дозволяютъ Голландцамъ, въ семь городъ, какъ и во всѣхъ другихъ, посѣщать купеческіе магазины, въ сопровожденіи Японскихъ офицеровъ и переводчика.

Изъ Футсиу, дорога идетъ черезъ Жезири въ Окитсъ, небольшое селеніе, лежащее на берегу, близъ коего Окитсъ гава впадаетъ въ море; переѣздъ черезъ

эту рѣку незатруднителенъ. Путешествіе болѣе замедляется переѣздомъ черезъ Фузи гаву, которая течетъ между Камбарою и Жозиварою, ибо караванъ долженъ останавливаться нѣсколько разъ, въ Окитсѣ, въ Юви и въ Камбарѣ, а между тѣмъ другіе путешественники ждуть пониженія воды на лѣвомъ берегу, въ Жозиварѣ, или близъ этого мѣста, въ селеніяхъ Теута Матси, Мотоитсиба или Фейгаки. Неправедливо обвинять Японцевъ въ медленной переправѣ черезъ Физигаву, и вообще черезъ всѣ широкія рѣки, пересѣкающія путь, хотя видно изъ журналовъ правителей факторій, что эта медленность была причиною непрерывныхъ споровъ между ними и ихъ проводниками. Сіи послѣдніе въ этомъ случаѣ такъ же виновны, какъ при переѣздѣ изъ Симоносеки въ Муру, а отъ приписываемой имъ медленности страдаетъ собственный ихъ карманъ. Переѣздъ черезъ рѣку Фузигава производится на лѣгчайшихъ лодочкахъ, почти эластическихъ, съ лысокими бортами. Прибывъ на противоположный берегъ, посольство направляется, не теряя величественнаго волкана Фузи изъ вида, въ селеніе Мотоитсиба, гдѣ селянинъ ждетъ путешественниковъ съ лѣгкимъ обѣдомъ, съ приправою *sake*, и со льдомъ, взятымъ съ вышеупомянутой горы и приготовленнымъ по-Европейски. За гостепримство его награждаютъ обыкновенно *кобаномъ* (25 фр., 25 сант.), который едва вознаграждаетъ его за издержки. Если не ѣдятъ рыбы, составляющей сей обѣдъ, то платятъ *пол-кобана*, а если сидятъ въ посылкѣ, какъ мы сѣдали въ 1826 году, и наслаждаются красотою мѣстоположенія, то ничего не платятъ. Гладкая дорога ведетъ отъ подошвы горы Фузи, черезъ Жозивару, въ Фару, гдѣ посѣщаютъ замѣчательный цвѣтникъ одного селянина, и потомъ ѣдутъ

къ горь Факоне. Тутъ начинается самый трудный перевьздъ черезъ сию гору, не по причинь дурлой дороги, а отъ быстроты, съ которою провьзжаютъ въ одинь день значительное пространство земли. Этотъ перевьздъ кажется еще болъе долгимъ, если, перночавъ въ Нуматъ, находишь въ дорогь съ четырехъ часовъ утра до десяти часовъ вечера, (какъ было съ нами въ 1826 году) и долженъ большую часть пути пройти пьшкомъ. Легко удалить такое затрудненіе, проводя ночь въ Мизимъ и даже въ селеніи Факоне. Только слъдовало бы дълно объяснить съ Яповцами, до отвьзда изъ Нагазакки, и этотъ трудный перевьздъ исчезъ бы изъ маршрута, составленнаго скупостію и выполняемаго слъпымъ духомъ рутинь.

Начиная съ Мизимы, дорога становится труднѣе и труднѣе; но часто встръчаются пріятныя мѣста для отдыха, гдѣ могутъ и носильщики поправлять силы свои. Всегда обьдають въ Факоне, потомъ провьзжаютъ мимо караула, стоящаго на границь Императорской резиденціи, высылаемаго Принцемъ Водавары. Никто не имѣеть права сидѣть въ паланкинь, кромь трехъ особь, составляющихъ посольство; они приказываютъ открыть дверцы своего *poritôno*, обращенныя къ караулу. Такимъ преимуществомъ пользуются только принцы - правители и первые ихъ министры, первые вельможи при дворѣ *Сейгунки*, напримьръ *Gobugio* и *O-taikwan*, словомъ, лица, принимаемыя Императоромъ на аудіенціяхъ или опредѣленныя имъ къ высшимъ должностямъ. Голландцы знаютъ, что жители сихъ горъ производятъ превосходныя, отлично отдѣланныя издѣлія изъ дерева и лака, доставляемаго мѣстомъ ихъ жительства. При оставовкѣ, Голландцы идутъ смотрѣть сін издѣлія къ какому нибудь богатому торговцу въ

селеніяхъ Фата и Жумото, гдѣ осматриваютъ также и теплыя бани. Они любятъ живописною красотою садовъ, и посѣщаютъ, у подошвы горы, домъ одного туземца, который всегда принимаетъ ихъ радушно; потомъ караванъ отправляется въ путь, не гористою дорогою, но однако же трудною, до Водовары, куда прибываетъ ночью. Изъ Водовары оно ѣдетъ берегомъ рѣки Сакавагавы, до Огоисо, а потомъ до Фирадзука, откуда оно переправляется въ баркѣ черезъ широкую рѣку Банжу, иначе называемую Сакамигава, и наконецъ прѣзжаетъ въ Фидзисаву черезъ превосходный сосновый лѣсъ. На слѣдующее утро, прѣзжаютъ черезъ селенія Тодска и Фодогажа, объѣдаютъ въ Канагавѣ, изъ коей превосходенъ видъ на заливъ Іеддо, и ночуютъ въ Кавзаки. Послы принимаютъ уже въ семь городѣ друзей изъ Іеддо, и особенно торговцевъ, которые спѣшатъ купить у нихъ товары.

На разсвѣтѣ, посольство, въ парадной одеждѣ, отправляется къ Императорской резиденціи, прѣзжаетъ черезъ Рокгогаву и останавливается на нѣсколько времени съ друзьями изъ Іеддо, которые выходятъ къ нему на встрѣчу въ Огомори и въ предмѣстіе Синагавы; посольство проходитъ по сему предмѣстью, любуясь открытымъ видомъ залива; проходитъ по мосту Ниппонбасъ, служащему географическимъ центромъ, отъ коего считаются расстоянія всѣхъ мѣстъ имперіи, и вступаетъ въ столицу, гдѣ занимаетъ домъ, для него приготовленный. Тотчасъ послѣ прибытія, является депутаціи отъ правителя Нагазаки, живущаго въ Іеддо; два *kuinin* подаютъ послу ноту, въ коей правитель изъявляетъ ему свою радость по случаю его прѣзда и предлагаетъ ему вести себя во всѣхъ случаяхъ согласно съ принятыми обычаями. Переводчики, *banjo*

ост, и хозяинъ дома получаютъ подобное же приказаніе. За первую депутаціею слѣдуетъ вторая, состоящая изъ нѣсколькихъ чиновниковъ другаго правителя, находящагося въ Нагазакі, оставшихся въ Іеддо, и изъ посланнаго отъ главнаго совѣтника финансовъ (*Gokan sjō bugjō*), завѣдывающаго внѣшнею торговлею. Обыкновенно сей посланный имѣетъ званіе совѣтника по земледѣлію (*Go fusin jak*). Депутаціи принимаются съ большими церемоніями; ихъ угощаютъ ликерами. Главный переводчикъ, ѣхавшій впередъ, для извѣщенія правителя о прибытіи посольства, возвращается съ поздравленіями отъ имени сего важнаго чиновника; за нимъ слѣдуютъ другіе вельможи, называемые *коммиссарами иностранцевъ* (*Commissarissen van oreemdelingen*). Эти лица, описываемыя въ Путевыхъ Запискахъ подъ именемъ *tempelheeren* (храмовыхъ господъ), дѣйствительно суть представители министерства духовныхъ дѣлъ, подъ надзоромъ коего Голландцы находятся въ Іеддо, ибо исключеніе иностранцевъ или ограниченія, на нихъ налагаемыя во время пребыванія ихъ въ Японіи, происходятъ отъ религіозныхъ причинъ.

Приверженцы и друзья Голландцевъ, привѣтствовавшіе ихъ уже дружелюбно въ Огомори и Синагавѣ, еще разъ пріѣзжаютъ съ визитомъ тотчасъ по прибытіи посольства. Когда они не могутъ видѣть посла лично, то оставляютъ карточки, во всемъ похожія на наши. Они впускаются въ домъ только съ дозволенія *kuinin* и подъ условіемъ, имѣть при себѣ переводчика. Такое правило весьма выгодно для сихъ чиновниковъ, ибо только съ ихъ согласія можно достигнуть до пословъ, а согласіе ихъ получается только посредствомъ подарковъ; подарками можно достигнуть всего въ этой странѣ. Японцы, знакомые или незнакомые, приносятъ въ

первое посѣщеніе Голландцамъ прекрасныя в частю дорогіе подарки. Поступая такъ, они имѣютъ въ виду подарки, которыми будутъ отдарены. Во время путешествія, вездѣ, гдѣ есть друзья, и вездѣ, гдѣ хотятъ ихъ имѣть, слѣдуютъ сему обычаю, и сообразуются съ нимъ тѣмъ болѣе, что только этимъ средствомъ можно пріобрѣсть любовь народную. Не слѣдуетъ обвинять Японцевъ въ жадности, ибо они приносятъ подарки по весьма естественному желанію, получить какое нибудь произведеніе чужеземной промышленности.

Домъ, занимаемый Голландцами въ Еддо, нѣсколько лѣтъ тому отдѣланъ довольно хорошо, на ихъ счетъ. Посоль занимаетъ четыре большія комнаты, а товарищей своихъ отсылаетъ въ комнату возлѣ лакейской. Комната ихъ очень плоха, и если они не совсѣмъ забыли учтивость Европейскихъ нравовъ, то могутъ сравнить ихъ съ Японскими обычаями. Не удивительно ли, не достойно ли сожалѣнія, что многіе президенты или начальники Факторіи, живя въ этой странѣ, забываютъ благородство и учтивость, отличающія высшій классъ въ нацихъ земляхъ, и чванятся тѣмъ, что обращаются вублично съ своими соотечественниками, какъ Японскіе вельможи съ своими подчиненными? Не грустно ли видѣть, какъ представители свободной Европейской нации, вмѣсто того, чтобъ оказывать своимъ согражданамъ почтеніе, какъ чиновникамъ своего правительства, нарочно удаляютъ ихъ отъ себя, для подражанія Японскому этикету, желая играть роль вельможъ въ глазахъ туземцевъ? Напротивъ, многіе туземцы, между коими встрѣчаются медики *Сейюма* и ученые, ежедневно посѣщаютъ товарищей посла тайно, и приводятъ съ собою любопытныхъ и людей, желающихъ научиться. Съ другой сторо-

ны, Яювцы, составляющіе свиту, показываютъ своихъ пльвиниковъ зрителямъ, коихъ всегда много въ такомъ городѣ, какъ Иеддо. Подарки разбираются и отвозятся во дворецъ къ Сейгуну и къ вельможамъ, гдѣ остаются на печатью правителя Нагазакки, находящагося въ Иеддо, до дня аудіенціи. Сіе распоряженіе вошло въ силу съ 1806 года, со времени сильнаго пожара въ Иеддо, когда часть подарковъ содѣлалась добычею пламени.

Нѣкоторые изъ слугъ принца, провожающіе во время аудіенціи Голландскихъ пословъ изъ передней до тронной залы и носящіе подарки, приходятъ къ послу на поклонъ. Это простые лакеи, изъ коихъ важнѣйшіе называются *камиказира*, а прочіе *камиказира-какъ*; они вовсе не духовные или *орреграреп* (верховные жрецы), какъ до сихъ поръ думали; они не имѣютъ съ духовными ничего общаго, кромѣ бритой головы и счастья быть избираемы довѣренными въ нѣкоторыхъ тайнахъ, что повудило насъ, въ 1826 году, поручить имъ важныя торговля дѣла. Полезно оказывать имъ почтеніе, не теряя изъ виду, что по положенію и званію своему, они схожи съ придворными въ Европѣ.

Kuinin и главный переводчикъ докладываютъ о дѣлахъ посольства правителю Нагазакки, находящемуся въ Иеддо, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія двора. Такое занятіе доставляетъ *kuinin* случай жить со свитою въ домѣ посольства, занимать комнаты, находящіяся при входѣ, и такимъ образомъ заниматься ремесломъ тюремщика. Онъ долженъ дѣлать это съ такою точностью, что не можетъ оставить посольскаго дома, даже когда жена и дѣти его въ городѣ; но они входятъ къ нему свободно. Во все пребываніе въ Иеддо, не рѣдко продолжаю-

щесся болѣе мѣсяца, всѣ три Голландца сидятъ, какъ плѣнныя въ домѣ, построенномъ на ихъ счетъ, и не могутъ выдти изъ него, ни подѣ какимъ предлогомъ, до дня аудіенціи. Когда наступаетъ день избавленія, посольство выходитъ изъ своего дома въ шесть часовъ утра, въ парадномъ костюмѣ, въ бархатныхъ платьяхъ, шитыхъ золотомъ*. Многочисленные слуги несутъ паланкины, а другіе идутъ по сторонамъ паланкиновъ; и, что очень странно, *kuinin* и главный переводчикъ, играющій столь важную роль во время путешествія, идутъ пѣшкомъ, какъ простые служители свиты. Поѣздъ идетъ въ томъ же порядкѣ, какой соблюдался во время путешествія, и пройдя по городу шаговъ тысячу проходитъ въ восточныя врата вѣщнаго дворцоваго двора (*Tokiwabasi go mon*) и по широкой и прекрасной аллеѣ, окруженной исправно содержимыми дворцами, доходитъ до вторыхъ воротъ (*Ohate go mon*), и останавливается на широкомъ дворѣ. Послы выходятъ изъ *porimono*, и пѣшкомъ идутъ въ двойныя врата, тяжело построенныя и ведущія на внутренній дворцовый дворъ. Они входятъ въ карaulьню *Commi* (*Fjak nin ban*), въ большую залу, не красивую (*Tadami*), гдѣ имъ предлагаютъ чай. Скоро является правитель Нагазаки, съ *sjb mon bugib* и съ начальникомъ дворцовой цолиціи (*Oho*

* Антикваріи и самыя ученые церемоніймейстеры затруднились бы въ присканіи именитой одежды, которую надѣвають послы, отправляясь ко двору, или при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Судя по придворнымъ Голландскимъ платьямъ, видѣннымъ нами въ Деккерскомъ гардеробѣ и въ музеумахъ Японскихъ богачей, это странная смѣсь модъ различныхъ временъ. Смѣшную одежду нехотѣли отыскать, основываясь на томъ, что невозможно измѣнить старинныхъ формъ въ Японіи; др полковникъ Стюрлеръ, которому мы обязаны многими счастливыми переѣздами въ этомъ родѣ, доказалъ на дѣлѣ противное. Однакожъ и нашъ костюмъ, въ 1826 году, показался бы довольно смѣшнымъ Европейцу.

metsiki); онъ кланяется посламъ и увѣдомляетъ, что имъ дана будетъ аудіенція. Онъ удалется, а посольство выходитъ, черезъ крѣпкія ворота, на самую эспланаду дворца. Резиденція, лежащая на возвышеніи, является въ видѣ храма Будды, когда войдешь на сто ступеней. Пройдя портикъ, посольство вступаетъ въ большую залу налѣво, гдѣ сидятъ, въ парадной одеждѣ, офицеры, принадлежащіе къ свитѣ принцевъ, ожидающихъ аудіенціи; потомъ посольство входитъ въ переднюю, и оставляетъ тутъ своихъ спутниковъ, то есть, секретаря, медика, *kuinin*, переводчиковъ и хозяина посольства и дома; посреди кучи бритыхъ лакеевъ, изъ коихъ самыя молодыя не старѣе двѣнадцати лѣтъ, ведутъ себя весьма неприлично. Скоро приходятъ вельможи и принцы; между ними находятся близкіе родственники *Сейгуна*, рассматривающіе иностранцевъ учтиво, разговаривающіе съ ними и спрашивающіе о платьяхъ, о чаяхъ, и другихъ предметахъ такой же важности. Черезъ нѣсколько времени, является снова правитель, съ прежними двумя товарищами, и повторяетъ послу, что аудіенція скоро начнется. Не смотря на такое увѣдомленіе, нѣрѣдко заставляютъ его ждать еще въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; пока представится удобный случай ввести его въ залу и увѣдомить о церемоніалѣ, который долженъ быть соблюдаемъ. Секретарю и медику дозволяется сопровождать посла и видѣть устройство залы и въ какомъ порядкѣ разставлены подарки. Начальнику Факторіи показываютъ, самымъ подробнымъ образомъ, гдѣ и какъ онъ долженъ совершить поклонъ, что есть самый важнѣйшій пунктъ церемоніала; безпокойные переводчики и усердные лакеи, окружающіе посла, приглашаютъ его повторять поклонъ столько разъ,

сколько почтутъ нужнымъ. Правитель и оба чиновника, при немъ находящіеся, присутствуютъ при этомъ, равно какъ и толпа другихъ вельможъ, которыхъ любопытство привлекаетъ въ этотъ день ко двору. По совершеніи сего обряда, возвращаются въ переднюю. Лакеи, отъ имени правителя, приглашаютъ посла къ аудіенціи и ведутъ его по галлерей до входа въ залу тронную; *kwinin* и переводчики слѣдуютъ за нимъ; секретарь и медикъ обыкновенно остаются въ передней. *

Аудіенць-зала (*o bira ma*) раздѣлена на нѣсколько частей, отличающихся по достоинству лицъ, представляемыхъ императору. Правитель Нагазакки ведетъ посла въ первую изъ сихъ частей, называемую *ogepan*. Посоль становится въ послѣднемъ ряду (*kiritagen*), въ галлерей, на деревянномъ полу. На лѣво въ отдѣльномъ мѣстѣ (*furudamari*) выставлены въ симметріи подарки, на носилкахъ. Посоль на коленяхъ и согнувшись до земли, ждетъ, пока *Сейгунъ* съ сыномъ покажется въ *gōsjodan*, въ углубленіи залы. Герольдъ громко провозглашаетъ: *Holanda karitan!* т. е. *Голландскій нагальникъ*. Посоль остается въ прежнемъ положеніи, не трогается съ мѣста и не оглядывается, пока правитель, стоящій сзади его, не дастъ ему знака вставать, дернувъ его за плацъ. Посль поклоновъ, церемонія кончена; посоль возвращается въ переднюю (*tensjo no ma*), гдѣ принимаетъ поздравленія отъ правителя и другихъ вельможъ, по случаю оказанной ему чести; въ то же время многіе вельможи толпятся около секретаря и медика, для удовлетворенія своего любопытства. Послуживъ зрѣлищемъ въ продолженіе нѣкотораго времени, посольство выходитъ изъ дворца по звуку

* Такой обычай введенъ со времени Тунберга; прежде они слѣдовали за посломъ.

правителя, садится въ паланкины, и тотчас отправляется въ резиденцію императорскаго принца. Въ полдень, принимаются за закуску, приготовленную въ *погитпо*. Черезъ нѣсколько времени, послы выходятъ изъ паланкиновъ, идутъ мимо вооруженной стражи, украшенной разными значками, и проходятъ по мосту, ведущему во дворецъ наследнаго принца. Его аудіенцъ-зала совершенно похожа на залу *Сейуна*, здѣсь соблюдается тотъ же церемоніаль, и посоль играетъ ту же роль; но, по принятому обычаю, принца не бываетъ въ залѣ; два государственные совѣтника принимаютъ поклонъ отъ посла. Послѣ сего, идутъ къ членамъ совѣта, въ томъ порядкѣ, въ какомъ живца ихъ встрѣчается посольству на дорогѣ. На улицахъ тѣснятся любопытные. Паланкины останавливаются у дверей каждаго дома, а послы идутъ нѣшкомъ черезъ дворъ. На лѣтницѣ ихъ встрѣчаетъ лакей, ведетъ мимо красивой стражи, и вводитъ въ залу, гдѣ они отдыхаютъ на пыновкахъ. Другіе лакеи приносятъ зеленаго чаю въ порошокъ и все, что нужно для куренія. Черезъ нѣсколько минутъ, входятъ два секретаря, и съ извиненіемъ говорятъ, что господинъ ихъ въ отсутствіи и находится еще во дворцѣ *Сейуна*. За симъ посоль и товарищи его поочередно изъявляютъ свое сожалѣніе, а первый, отъ имени правительства Голландскихъ владѣній въ Индіи, предлагаетъ подарки, которые разставляются въ залѣ на носилкахъ. Уходя, Японскіе секретари приглашаютъ ихъ отдохнуть немного, и попробовать предлагаемыхъ имъ лакомствъ; а между тѣмъ дамы, спрятавшіяся за бумажными окнами, съ любопытствомъ рассматриваютъ иностранцевъ и посылаютъ просить секретаря, чтобы онъ написалъ на вѣерахъ и лоскуткахъ бумажныхъ девизы и комплименты, что входитъ также

въ число обрядовъ. По возвращеніи домашнихъ секретарей, послы прощаются съ ними и, по заведенному этикету, управитель посольства беретъ къ себѣ всѣ предложенныя лакомства.

Такимъ образомъ послы посѣщаютъ пятерыхъ главныхъ совѣтниковъ (*gorotsū*), откладывая на слѣдующій день визиты къ восьмерымъ младшимъ совѣтникамъ, носящимъ титулъ *waka tosi jori*. Такой порядокъ заведенъ только съ 1826 года; въ прежнее время, какъ видно изъ путевыхъ журналовъ, всѣ визиты кончались въ одинъ день, что было почти выше силъ человѣческихъ. На третій день, посольство посѣщаетъ обонхъ правителей Іеддо, которые предлагаютъ ему ликеръ, *sake*, и нѣкоторыя Японскія кушанья, и заключаетъ визиты посѣщеніемъ четырехъ сановниковъ, носящихъ титулъ духовныхъ совѣтниковъ. Только послѣ всѣхъ сихъ официальныхъ визитовъ посольство можетъ открыто принимать медиковъ и астрономовъ *Сейгуна* и принцевъ; оно составляетъ торжественное собраніе, на коемъ присутствуютъ *kuinin* и переводчики. Члены собранія предлагаютъ вопросы въ выраженіяхъ, часто показывающихъ обширныя свѣдѣнія въ физикѣ, астрономіи и медицинѣ. Усердіе къ наукѣ, одушевляющее большую часть сихъ людей, достойно чрезвычайной хвалы; но особенно достойны удивленія ихъ успѣхи, если размотришь, какими малыми средствами они владѣютъ. Въ этомъ случаѣ, Японецъ вовсе не похожъ на Китайца. Китайскій умъ отвергаетъ Европейскую науку, а вліяніе ея па физику, медицину и математику въ Японіи оказывается явнымъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Путешественники, посѣщающіе сію страну, должны развивать сей драгоценный и плодоносный зародышъ западной цивилизаціи. По несчастію, имъ рѣдко занимались и даже,

слѣдуетъ признаться, незнаніе и грубость многихъ представителей Голландіи могли бы поколебать въру Японцевъ, любящихъ нашу науку, еслибъ такіе люди, какъ Кемпферъ, Тунбергъ и Титсингъ не утвердили ихъ довѣрія къ нашему просвѣщенію. Кавалеръ Дефъ и Кокъ Бломгофъ старались также поддержать между Японскими своими друзьями воспоминаніе о нашихъ наукахъ, доставляя имъ средства заниматься ученіемъ, съ похвальнымъ усердіемъ.

Исполнивъ всѣ обряды, о коихъ мы сейчасъ говорили подробно, послы могутъ заняться дѣлами Факторіи и производить важнѣйшія предложенія въ сильныхъ выраженіяхъ, только не выходя изъ предѣловъ старинной рутинны и не противясь устройству дѣлъ по принятымъ обычаямъ. Слѣдуя такому правилу, посольство можетъ быть увѣрено, что всѣ его дѣльные требованія дойдутъ по назначенію, хотя можетъ случиться, что неважныя жалобы останутся незамѣченными. Върнѣе всего, составить комиссію изъ нашего переводчика, изъ *kuinin* и изъ переводчика правителя Нагазаки, находящагося въ Іеддо, и вручить ей всѣ бумаги, слѣдующія къ сему сановнику. О дѣлахъ особенной важности слѣдуетъ относиться до начала путешествія, къ правителю, живущему въ Нагазаки, и потомъ представлять ихъ снова товарищу его въ Іеддо. Надобно сблизить обоихъ правителей Нагазаки и заставить ихъ произнести рѣшеніе, ибо власть ихъ въ дѣлахъ, до насъ касающихся, весьма обширна, или убѣдить ихъ въ чрезвычайной важности дѣла, чтобъ они почувствовали необходимость представить его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Отпускная аудіенція, имѣющая мѣсто при первой возможности, когда дѣла позволяютъ, совершенно

похожа на приемную, бывающую при прибытіи Голландцевъ. На этотъ разъ государственные совѣтники принимаютъ отъ посла только одинъ поклонъ, въ залѣ *Sinota*, гдѣ они сидятъ въ порядкѣ, каждый по чину своему. Они передаютъ Императорское повелѣніе правителю, а онъ читаетъ его послу, сядя въ его присутствіи. Статьи переданы переводчикомъ слово въ слово; всѣ онѣ относятся къ одному предмету, въ чемъ Японская политика отстала цѣлымъ вѣкомъ. Такой же приказъ ежегодно, до отхода Голландскихъ кораблей изъ Нагазаки въ Батавію, сообщается правителемъ перваго города президенту Факторіи. * Посоль объявляетъ, что понялъ всѣ статьи этого повелѣнія, и объявляетъ сообщить его правительству Батавіи. Пра-

* Вотъ сія бумага въ томъ видѣ, какъ ее передаютъ послу Японскіе переводчики:

«Голландцы, имѣя издревле дозволеніе одинъ разъ ежегодно торговать въ Нагазаки, какъ въ старину было приказано, не должны во все вести сношеній съ Португальцами; и если бы о томъ станете говорить съ ними я мы сздаемъ о томъ чрезъ извѣстія изъ вностранныхъ земель, плаваніе вамъ въ наши страны будетъ запрещено; также запрещается вамъ возить сюда Португальцевъ на вашихъ корабляхъ.

«Если желаете производить торговлю съ Японіей, то должны извѣщать насъ, посредствомъ кораблей вашихъ, о всѣхъ предпріятіяхъ или покушеніяхъ Португальцевъ на Имперію; надѣмся узнать отъ васъ, завоевываетъ ли сей народъ новыя мѣста или новыя страны, и объявляетъ ли яхъ въ свою христіанскую секту; что узнаете, все сообщайте правителямъ Нагазаки.

«Если извѣстится, что Китайцы ведутъ сношенія съ Португальцами си принимаютъ ихъ на свои суда, тоже сообщите правителямъ.

«Не вздите въ Японію на Китайскихъ іонкахъ.

«Во всѣхъ странахъ, гдѣ будете на корабляхъ, не входить въ сношеніе съ Португальцами, тамъ находятся могущими, и если встрѣтите людей сей націи, передайте правителю Нагазаки имена сихъ городовъ и странъ письменно, чрезъ капитановъ, ежегодно приѣзжающихъ въ Японію.

«У жителей острововъ Ліукіу, кои суть Японскіе подданные, не готбвайте ни кораблей, ни судовъ.»

витель и два чиновника, его сопровождающіе, относятся сей отвѣтъ совѣту, послѣ чего посольство выходитъ изъ залы и ждетъ подарковъ отъ *Сейгуна*; потомъ снова возвращается и раскланивается. Подарки отъ наследнаго принца принимаются такимъ же порядкомъ. Наконецъ, посольство входитъ еще разъ въ залу, и произноситъ прощальную рѣчь къ совѣту который даетъ ему, черезъ правителя, позволеніе на выѣздъ. По выходѣ изъ Императорскаго дворца, Голландцы отправляются къ сыну *Сейгуна*, котораго нѣтъ еще дома, и возвращаются въ свой домъ, куда приносятъ подарки отъ совѣтниковъ и другихъ вельможъ. Подарки состоятъ, какъ уже сказано, изъ шелковыхъ одеждъ. Посланные вельможи бываютъ принимаемы съ особенною учтивостію; ихъ потчуютъ ликерами, вареньемъ и табакомъ въ глиняныхъ трубкахъ. Исполнивъ всѣ обычаи придворнаго этикета, приступаютъ къ продажѣ товаровъ, привезенныхъ изъ Нагазаки вмѣстѣ съ подарками. Сія торговля, приистекающая не отъ благоразумія, а отъ жажды корысти, занимаетъ въ высшей степени не только Японцевъ, пріѣхавшихъ съ посольствомъ, и правителя Нагазаки, получающихъ отъ нея значительныя выгоды, но и членовъ посольства, изъ коихъ каждый получаетъ прибыль, сообразную съ его чиномъ. Во время приготовленій къ отъѣзду, посольство принимаетъ еще друзей и любопытныхъ, производитъ покупки и продажи, и наконецъ, къ величайшему удовольствію управляющаго домомъ, выѣзжаетъ изъ Іеддо, гдѣ тѣсная и недовѣрчивая политика не позволяетъ посламъ разсмотрѣть городъ. Друзья Голландцевъ провожаютъ ихъ до предмѣстій Каназуки, Сисакутси, Таканабе и Синагавы, гдѣ сановники еще разъ приходятъ повидаться съ посольствомъ. Въ 1826 году, мы принимали визитъ

почтеннаго старца, князя Сатцмы въ Сивагавъ, а князи Накатсь въ Огомори.

Караванъ отправляется въ путь и идетъ до Мижако съ такимъ же однообразіемъ, какъ въ прежнее путешествіе изъ Нагазаки въ Іеддо, съ тою только разницею, что на обратномъ пути посольство ночуетъ въ городахъ, гдѣ прежде останавливалось для объѣда. Еще позволяютъ имъ долѣ оставаться въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ продаются рѣдкости; наприм. въ Футсіу и Мижъ, только бы такія остановки не измѣняли порядка въ распредѣленіи дней.

На возвратномъ пути въ Мижако, съ послами обращаются точно такъ, какъ въ Іеддо: ихъ держутъ въ ихъ домѣ до тѣхъ поръ, пока *Sjōsidai* и правителя не дадутъ имъ аудіенціи. Она обыкновенно дается послѣ полудня, съ чрезвычайною пышностію, и оканчивается вечеромъ. Въ тотъ же день, или утромъ на слѣдующій, сіи сановники присылаютъ къ послу подарки, а онъ принимаетъ посланныхъ и отдариваетъ ихъ такимъ же порядкомъ, какъ въ Іеддо.

Японцы, сопровождающіе посольство, стараются какъ можно сократить пребываніе Голландцевъ въ Мижако, и только въ минуту отъѣзда, Голландцы могутъ посмотреть городъ. Жаль, что тутъ останавливаются только на полдня; легко было бы выпросить цѣлый день на осмотръ храмовъ и достопримѣчательностей этого древняго города. По старинному обычаю, въ полдень переѣзжаютъ черезъ прекрасный мостъ *Sansjō bas*, ведущій къ храму *Tsjō nin*, а оттуда къ священному портику *Kami*; кушаютъ кое-что въ сосѣднемъ чайномъ домикѣ, потомъ посѣщаютъ храмъ *Kijo mids*, откуда превосходный видъ на городъ и на безчисленныя церковныя зда-

ніа, его окружающіа, на храмы 33,333 боговъ, *Одал* и *Даубумса*, гдѣ показываютъ гробницу *Сейгуна Паико Hidejosi* и чрезвычайной величины колоколь; потомъ продолжаютъ путь до Фузими, гдѣ ужинаютъ, и въ тотъ же вечеръ на судахъ отправляются въ Огозаку. Черезъ Іодогаву переправляются въ удобныхъ ладьяхъ, и въ Огозаку прибываютъ на разсвѣтъ.

Обыкновенно послы живутъ въ семь городѣ цѣлую недѣлю, и тутъ аудіенція похожа на аудіенцію въ Мижакѣ, съ тою разницею, что въ Огозакѣ предлагаютъ имъ обѣдъ Японскій. Послу дозволено, въ продолженіе двухъ часовъ, осматривать городъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, и онъ пользуется симъ дозволеніемъ до аудіенціи или послѣ нея, какъ заблагоразсудитъ. Послѣ церемоніи, обыкновенно идутъ смотрѣть литейныя, гдѣ превосходно выливаютъ мѣдь; владѣлецъ ихъ самъ объясняетъ всѣ малѣйшія подробности устройства и приглашаетъ посѣтителей къ обѣду. По древнему обычаю, владѣлецъ долженъ былъ поднести послу большую монету (*ohoban*), а товарищамъ его нѣсколько малыхъ *кобановъ*; но такой обрядъ уничтоженъ. На слѣдующій день, ѣдутъ въ театръ и проводятъ тамъ цѣлый день, что весьма ослабляетъ впечатлѣніе, производимое сперва этимъ увеселеніемъ. Огозака, первый торговый городъ въ Имперіи, доставляетъ всѣ статьи торговли превосходнаго качества, и потому посольство производитъ закупки, садится на суда и плыветъ въ Амагазаки, внизъ по теченію Іодогавы. Хозяинъ дома и многіе друзья провожаютъ посольство; нѣкоторыя дамы присоединятся къ нимъ и содѣйствуютъ къ увеселеніямъ во время переезда. Посольство выходитъ на берегъ близъ Амагазаки и отправляется въ *norimono* до Низиномижа, гдѣ имѣетъ

ночлеги. На слѣдующій день, достигаютъ до Фіого, гдѣ стоитъ на якорѣ корабль, назначенный для перевозки посольства. На корабль нагружаютъ багажъ, привезенный изъ Огозаки водою, и чрезвычайно умноженный, не Голландцами, а Японцами, которые соединяютъ съ этою поѣздкою значительные торговые обороты, и пользуются ею для перевозки товаровъ безъ платы за фрахтъ и безъ пошлинъ.

Продолженіе пребыванія посольства въ Фіого зависитъ отъ обстоятельствъ. Возвращеніе моремъ въ Симонозеки совершается точно такъ, какъ въ первое путешествіе, и Японцы бросаютъ якорь только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ведутъ торговля дѣла, въ Томо, Митаран и Каминозеки. Разсматривая старинные журналы посольствъ, встрѣчаешь огромныя страницы, наполненныя разсказами о спорахъ, случающихся во время сего перѣзда между посланн и ихъ проводниками, о направленіи пути, о портахъ, гдѣ останавливаются, и о числѣ барокъ. Споры обыкновенно кончаются благоразумнымъ и твердымъ отказомъ Японцевъ.

Послѣ шести или двѣнадцати - дневнаго плаванія, посольство достигаетъ до Симонозеки, гдѣ остается на цѣлый день съ друзьями, а потомъ ѣдетъ водою до Кокуры, гдѣ проводитъ ночь, и поспѣшно отправляется прежнимъ путемъ въ Нагазаки; корабль плыветъ туда же съ багажемъ. Объ остановкахъ на островѣ Кіузіу скажемъ, что въ этотъ разъ ночуютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде обѣдали. При послѣдней остановкѣ, обыкновенно въ Жагами, строгіе *tsjō si* осматриваютъ багажъ и опечатаваютъ его; иначе онъ не можетъ быть пропущенъ въ Децимскія врата. Нѣкоторые друзья Голландцевъ выѣзжаютъ къ нимъ на встрѣчу до Огомуры, а боль-

шая часть ждуть ихъ въ чайномъ домѣ на горѣ Нагазакитожъ, а чиновники Факторіи привѣтствуютъ пословъ на дорогѣ, внѣ города. Посольство вторично выпиваетъ чашу *sake* въ храмѣ Тенцинскомъ, за счастливое возвращеніе, и путешествіе оканчивается торжественнымъ въѣздомъ въ Децимскую Факторію.

Разныя лица, принадлежавшія къ каравану, собираются въ домъ президента, взаимно поздравляютъ и благодарятъ другъ друга. Чиновникъ, занимавшій мѣсто начальника Факторіи, на время его отсутствія, подаетъ ему съ большою церемоніею ключи архива и журналъ, богатый наблюденіями метеорологическими и любопытными описаніями увеселеній, происходившихъ въ городѣ и окрестностяхъ.

=

VII.

К Р И Т И К А.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ЛИТТЕРАТУРУ 1838 и 1839 годовъ.

(Письма къ С. Д. П—ву, въ Москву).

II.

Приступимъ, мой милый другъ, къ настоящему предмету нашей бесѣды — современной, *теперешней* Русской литературѣ. Изъ предварительнаго вступленія, мы извлекли слѣдующіе выводы: 1-е, что литература Русская была и остается донынѣ недостаточно въ сравненіи съ величіемъ и силами Русской земли, и какъ прежде не выражала она, такъ и нынѣ далеко не выражаетъ національности Русской, и 2-е, что сличая періодъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ ея, послѣ всѣхъ измѣненій въ сіи годы, мы находимъ ее въ какомъ-то странномъ состояніи литературнаго застоя и критическаго колебанія, на какомъ-то литературномъ распутіи, и если съ одной стороны она въ сіи годы что нибудь выиграла, съ другой многое проиграла.

Причины того и другаго, *общія*, нахожу я прежде всего въ томъ, что литература наша никогда не бывала, ни общественною, ни самобытною, ни національною. *Особенныя* причины втораго открываются для меня въ томъ, что не имѣя ни общестственности, ни самобытности, ни національности, какъ прежде подвергалась она игу Схоластики и Классицизма, такъ нынѣ была увлечена повѣйшимъ литературнымъ переворотомъ, совершившимся въ Европѣ съ 1820 года; въ нашъ литературный заливъ отразилось волненіе бури съ открытаго моря, и наши челночки сталкиваются и летятъ щепками, когда тамъ, *на морѣ на Окіанѣ*, гибнутъ отъ урагана литературнаго цѣлыя флоты. Смотри, какъ развивался *нынѣшній литературный бытъ* нашъ изъ прежняго. Начнемъ съ нашей *Поэзіи*.

Геній Ломоносова первый угадалъ поэтическій ладъ нашего языка. Но Ломоносовъ, величайшій поэтъ въ жизни, *поэтомъ* - собственно, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ сего слова, не былъ. Какъ онъ испытывалъ мусію, наблюдалъ планеты, дѣлалъ химическія разложенія, такъ писалъ и стихи, переносил чуждыя формы въ Русское слово и воспѣвалъ Оды. Яркою, самобытною кометою пролетѣлъ потомъ по небу Русской поэзіи Державинъ; свѣтлымъ метеоромъ явились на немъ Хемницеръ и Крыловъ, и до Пушкина, самобытныхъ поэтовъ - собственно у насъ не было, кромѣ поменованныхъ мною трехъ. Частность *Оды* и *Аполога* не могли имѣть общаго вліянія на міръ поэзіи Русской. Между тѣмъ Карамзинъ и Дмитріевъ, одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ, нзмѣнили Латинско-схоластическія формы языка въ Французско-классическія. Жуковский и Батюшковъ придали языку поэзіи Русской отбѣнки Германскаго идеализма и Итальянской нѣги. Тутъ явился

Пушкинъ, наследникъ Державина по прямой линіи. Но если онъ усвоилъ себѣ все, что прежде сдѣлано было для языка, къ несчастію, надолго подчинился онъ чуждому намъ Байронизму, и сильному вліянію былого и настоящаго, и только въ послѣдніе годы началъ постигать свое самобытное, огромное назначеніе: Кавказскій Пѣнникъ, Евгенийъ Онѣгинъ, Цыганы, Бахчи - Сарайскій Фонтанъ уже не удовлетворяли его, не удовлетворялъ и языкъ поэзіи, доведенный имъ до удивительной гибкости и ловкости. Русской самобытности допытывался онъ въ *Полтавѣ* и *Годуновѣ*, и новыхъ элементовъ искалъ въ языкѣ. Тѣмъ идей тѣснилась въ его головѣ; десятки плановъ рождались у него и были бросаемы имъ въ началахъ. Журналь, Романъ, Повѣсть, Исторія, Шекспиръ, Поэзія Славянскихъ народовъ, Русская Сказка, Трагедія, Фаустъ, все волновало его, и — «сколько надеждъ неосуществившихся унесъ ты въ могилу!» думаю я, съ грустью читая и перечитывал все, что писалъ Пушкинъ въ послѣднее время, и что издано въ отрывкахъ послѣ его смерти. — Окрестъ Пушкина явился люди съ дарованіемъ; онъ открылъ имъ дорогу, но, не поэты великіе, они совершенно удовольствовались тѣмъ, чего недовольно было Пушкину, и въ языкѣ и въ идеяхъ. Сюда причислю: *Баратынскаго*, съ его элегическою (прежнею) Музою; *Дельвига*, съ его Русскою пѣснею, «хоть и въ душегрѣйкѣ новѣйшаго унывія» (какъ говорилъ объ немъ кто-то); *Плетневу*, съ его прекрасными элегіями (*Мишихъ*, *Тассъ*); *Языкова*, съ его разгульною пѣснею, и стихомъ, какъ хрусталь звонкимъ, но и чистымъ отъ идей, какъ хрусталь; *Козлова*, съ его романтической поэмою, окованною классическими условіями. Но всѣ сии люди не постигали того, къ чему устремлялся Пушкинъ, не вида-

ли и той дали, въ которой тонулъ его орлиный взоръ. Не снабженные основательнымъ ученіемъ, не одаренные его гевіемъ, они только отвергали Классицизмъ, хватались за формы Романтизма, не зная его, ибо не знали ни Англійской, ни Германской литературы, составили себѣ нѣсколько идей изъ того, что слышали у Жуковского и Пушкина, что мимоходомъ сами прочитали, и выучившись прежде всего гладкому стиху Пушкинскому, образовали свой отдѣльный маленькій міръ поэзіи, гдѣ нѣсколько идей плясали у нихъ по гладкому паркету ямба, вѣчно однообразнаго. Гибкость стиха, доступность мысли ринули за ними толпу другихъ поэтовъ нашихъ. Нынѣ число стихотворцовъ сдѣлалось у насъ чрезвычайно велико, но стала ли Поэзія наша выше? Нимало. Пушкинъ умеръ, и съ нимъ заснула она до новаго Пушкина. Вообще стихъ у насъ нынѣ весьма легкій; даже мальчики и дѣвочки слагаютъ его очень мило, но поэзіи въ немъ не бывало, и толпа поэтовъ представляетъ самую пеструю рать стиховъ безъ поэзіи. У насъ есть еще пѣнты—остатки Карамзинскаго вѣка, хоть ихъ уже очень мало, такъ, какъ мало и бывшихъ нѣкогда ихъ противниками, Ломоносовской фрактуры поэтовъ. Другіе стихами Языковскими пишутъ сущій вздоръ; третьи цѣпляются за поэмы въ родѣ Пушкина и Баратынскаго; иные подражаютъ неудачной Русской сказкѣ Пушкина; пятые распѣваютъ уныло на манеръ Жуковского. Наконецъ, чтеніе В. Гюго и другихъ Французскихъ современныхъ поэтовъ породило у насъ въ нѣкоторыхъ желаніе щеголять уродливостью фигуръ, метафоръ и словъ. Но ни одно великое твореніе, ни одинъ огромный трудъ, ни одна даже свѣтлая, новая идея не отражаются нынѣ въ нашей поэзіи. Ничего нѣтъ легче нынѣ, какъ пи-

сать стихи и сдѣлаться поэтомъ, и ничего нѣтъ отдаленнѣе отъ поэзіи всѣхъ современныхъ и стиховъ и поэтовъ. Мимоходомъ, замѣчу тебѣ забавную моду нынѣшнюю: юноши, и даже мальчики, начиная пописывать стишки, напишутъ песку, другую, третью. Мыслей нѣтъ; языка они не знаютъ — что за бѣда? Пишутъ! Обыкновенно: мечта, слеза, бывшее, трубка табаку, дѣва и восторги любви и сладострастья, иногда звѣздочка, море, гора, Италія, бываютъ предметомъ вдохновенія, и непременно надобны притомъ грусть, разочарованіе, фіалъ и могила. Поэтъ печатаетъ помаленьку свои пески въ журналахъ, альманахахъ, и — вотъ онъ съ литературнымъ именемъ. Тутъ разыгрывается великій актъ поэтической жизни: поэтъ сшиваетъ свои пески въ тетрадку, печатаетъ ихъ, обыкновенно называетъ книжку: *Стихотворенія* «такого-го». Книжка разсылается къ журналистамъ; иной скажетъ объ ней правду, и — дѣлается врагомъ поэта; другой, изъ жалости, или по духу противорѣчія, похвалитъ, и — поэтъ становится въ его ряды, печатаетъ у него свои стихи. Книжка, между тѣмъ, объявленная (обыкновенно) *по пяти рублей*, сбывается по полтинъ — куданибудь, и — такая смѣшная, кукольная комедія разыгрывается у насъ передъ глазами безпрестанно, и — это Поэзія?

Перейдемъ къ другому, обширному отдѣленію современной литературы, *чаду* нашего времени (принимай это слово въ какомъ угодно смыслѣ), *Роману* и *Повѣсти*. Считая невѣрнымъ мнѣніе, будто Романъ есть эпопея новѣйшаго времени, и не объясняя здѣсь, отъ чего такъ усилились нынѣ Повѣсть и Романъ повсюду, надобно сказать, что Европейское ихъ вліяніе жестоко отразилось и у насъ. Историческій романъ В. Скотта и Купера, переливъ его во

Французскую форму у В. Гюго и А. де-Виньи, романы бышенихъ страстей и отчаянной школы Жоржъ-Зандъ, Мюссе, Сулье, Сю, разнообразіе Повѣсти Французской, и наконецъ вся пошлость и ремесленность сего рода сочиненій сильно хлынули къ намъ. Но *тамъ*, слѣдствіе произвели глубокія, са-мобытныя причины, а *здѣсь* идея была чужая; у нихъ жизнь персходила въ искусство — у насъ искусство вздумало каррикатурить жизнь, списывать не свое, клеветать на сердце и душу. Романъ новый начался у насъ собственно сочиненіями *Булгарина* и *Марлинскаго*. Имя Булгарина должно остаться въ исторіи литтературы нашей по многому. Никогда не готовившись въ литтераторы, Рускій по рожденію, но провел юность за границею, только съ 1820 года начавши учиться снова Русскому языку, но непрерывно развлекаемый жизнью, Булгаринъ превосходно понималъ свое назначеніе, и началъ литтературное поприще легкою прозою, статьями о нравахъ, журналомъ, критикою. Умъ его, ловкій, раздражительный, смѣтливый, взялся потомъ за *повѣсть*, а наконецъ онъ создалъ своего *Ивана Выжигина*, котораго не назову я собственно-романомъ, но собраніемъ остроумныхъ статей о нравахъ, вставленнымъ въ романическую раму. И по свойству ума, и по образованію, и по жизни Булгаринъ не можетъ быть и никогда не былъ способенъ къ произведеніямъ обширнымъ и глубокимъ — блестящее остроуміе, умъне подмѣтить странное, смѣшное, смѣтливость въ дѣлѣ, какое-то добродушіе въ разсказѣ, нерѣдко участіе сердца, и удивительная бывалость, наглядчивость свѣта и людей — вотъ, по моему мнѣнію, свойства Булгарина-литтератора, соединенныя съ изумительною отвагою въ предпріятіяхъ литтературныхъ, удивительною легкостью писать, и привычкою

всегда и все высказать, что у него за душою. Успѣхъ его «Выжигина» былъ необыкновенный, и онъ отразился и на историческихъ его романахъ; сочиняя ихъ, Булгаринъ понималъ требованіе вкуса, а это, уже много значить, когда притомъ — можетъ быть, не выдерживая критики вполне, сочиненія его всегда показываютъ участіе ума живаго и живущаго *sur le qui vive* современности. *Марлинскій*, дитя пламеннаго воображенія и въ идеяхъ и въ выраженіяхъ, яркій колористъ страстей, природы и слова, человѣкъ впечатлительный, но не самобытный, угадчикъ, а не изслѣдователь жизни, былъ корифеемъ новѣйшей *Повѣсти* нашей. Сюда прибавлю еще *Загоскина*, у котораго одно, но безцѣнное свойство: Русское какое-то чувство, часто безотчетное, но всегда сердечное, пылкое, увлекающее и добродушное, соединенное съ самобытнымъ, неподдѣльнымъ гуморомъ и теплотою души. Вотъ были люди, введшіе Романъ и Повѣсть въ нашу современную литтературу. Ихъ успѣхъ двинулъ толпы писакъ, не имѣвшихъ, ни остроумія и смѣлки Булгарина, ни щегольства и блеска Марлинскаго, ни чувства и гумора Загоскина. Не зная жизни, не имѣя запаса ученія, схватывая только легкость выраженія упомянутыхъ писателей, все записало у насъ Романы и Повѣсти. Изъ-за границы привозили ихъ между тѣмъ десятками, сотнями, чудовищные, нелѣпые; ихъ точчаеъ фабриковали на Русскій ладъ, грабили, щечали, и сотни романическихъ уродовъ заходили по сценѣ Русской литтературы. Писать Романъ и Повѣсть сдѣлалось нынѣ такъ же легко, какъ кропать стихи, и кто ихъ не пишетъ? И ничего самобытнаго, ничего изъ души влѣтаго, ничего глубоко созрѣвшаго въ душѣ, нѣтъ въ нашихъ Романахъ и Повѣстяхъ! Манерность, чопорность, сколки съ чу-

жаго, подражаніе чужому, чужія страсти, чужія идеи, желаніе отличиться страшною — вотъ характеристика нашего современнаго Романа и Повѣсти современной — *общая*, прибавлю, ибо *объисключенія*хъ, хоть и немногихъ, мы поговоримъ послѣ, перебирая новости двухъ послѣднихъ годовъ.

Здѣсь надобно обратиться къ третьему, обширному отдѣленію нашей литтературы — *Журналистикъ*. Какъ все другое, такъ и она, начавшись у насъ съ половины прошедшаго вѣка, не была и до сихъ поръ не сдѣлалась самобытною, но между тѣмъ перемѣнила и перешла всѣ фазы, какіе являлись во все это время за границею: у насъ были свои Журналы Ученыхъ, Спектаторы, Французскіе Меркуріи; мы имѣли тоже свой *Политическій Журналъ*, переводя его цѣликомъ съ Гамбургскаго. Обыкновенно наполнялись прежде журналы наши переводами: что было въ модѣ въ Парижѣ, то пересаживалось къ намъ — А. Лафонтенъ, М-те Жанлисъ, Монтолье, Мармонтель. Критика не существовала. Переворотъ Романтическій долженъ былъ породить мысль, и о большей дѣятельности, и болѣе обширномъ объемѣ Русской Журналистики, и 1825-й и 1826-й годы вдругъ породили у насъ десятки журналовъ, начали журнальную критику, сдѣлали Журналистику отраженіемъ всего, что зашевелило тогда нашу литтературу. Полемика развила знамена и сражалась неутомимо. Нынѣ, по прошествіи 15-ти лѣтъ, я первый сознаюсь, что если и съ добрымъ намѣреніемъ дѣйствовала тогда Журналистика, если и принесла она какую нибудь пользу, то все таки она не была, ни самобытною, ни отчетливою, и споры Романтиковъ и Классиковъ тогдашнихъ, болѣею частью, были такъ же безотчетны, какъ нѣкогда споръ Каримзинистовъ съ Славянофилами. Не то ли было

причиною и скорого паденія Русской Журналистики? Черезъ десять лѣтъ, въ 1835 году, уже не было на Руси журналовъ, а если и оставались кое-какіе, то они вошли въ старую колею, и плелись сиротами по полю, усѣянному могилами побѣжденных на брани, обломками оружія и доспѣховъ, и изрытому запыльными батареями и рвами. Тогда явилось весьма замѣчательное явленіе Русской Журналистики, имѣвшее сильное вліяніе на литературу нашу. Не приступая къ изъясненію его, должно связать кое-что предварительно.

Литературный новѣйшій переворотъ, къ которому безпрестанно должны мы обращаться, давши толчекъ Русской Поэзій, Русскому Роману, и Русской Повѣсти и Журналистикѣ, необходимо долженъ былъ отразиться на всемъ. Такъ и было. Легкость стиха, подручность прозы, новостъ предметовъ, журнальная критика и полемика, перевертывали всѣ старыя идеи, и духъ реформы проявился во всемъ. Но, не бывши слѣдствіемъ глубокаго самопознанія, основательной учености и отчетливой самобытности, къ чему могъ онъ вести? Къ реформѣ пустой, мѣлкой, безцѣльной, скептицизму и желанію отлучаться странностью. Посмотримъ на нее въ двухъ весьма важныхъ отдѣленіяхъ — *Философій* и *Отечественной Исторіи*.

Надобно ли доказывать, что безъ *Философій* не можетъ существовать никакое образованіе и просвѣщеніе, какъ безъ азота дыхательный воздухъ? Но каждый народъ изобрѣтаетъ свои условія и находитъ свою форму великой наукъ наукъ, въ то же время подвергаясь общимъ современнымъ ея движеніямъ. Слѣдуя во всемъ направленію чужеземному, и въ *Философій* всегда подчинялись мы тому, что видѣли въ Европѣ. Огромный переворотъ мысленія,

Т. I. — Кн. II.

произведенный Кантомъ, сначала долженъ былъ коснуться насъ слабо, ибо все получали мы тогда изъ Франціи, а тамъ не понимали Канта. Белланскій и Галичъ тщетно хотѣли потомъ передать намъ дальнѣйшіе успѣхи Германіи, потому что передавали ихъ намъ въ темныхъ выраженіяхъ Германской діалектики. Нашъ Русскій, юный, откровенный умъ любить ясность, и потокъ философическихъ идей сильно отразился къ намъ тогда только, когда съ одной стороны Кузенъ и эклектики изложеніемъ своимъ показали намъ доступность Германскихъ идей, а съ другой сѣи самыя идеи стали передавать намъ въ простотѣ ихъ глубокихъ истинъ; но, не приготовленные наукою, мысленіемъ и образованіемъ, чѣмъ кончили мы съ Германскою Философіею? Переродили ль ее для себя? Умѣли ль создать для нея языкъ и форму? Приложили ль по своему сущность ея къ теоріи другихъ наукъ? Нимало! Мы увлеклись, въ несвойственную намъ, темную діалектику; думали, что въ словахъ науки состоитъ вся сущность науки; съ фанатическою нетерпимостью гнали противниковъ, кричали, толковали, и вовсе не трудились сами. Наши философы свирѣпо преслѣдовали Схоластику и Классицизмъ, не замѣчая, что сами впадаютъ также въ схоластику, только новаго рода, и не видя, что мечта улетаеть неуловимая. Смѣсь превратныхъ идей, при темномъ, неопредѣленномъ языкѣ, увлекла насъ потомъ въ новую систему Философіи, начатую Гегелемъ и его послѣдователями: и у насъ явились Гегелисты, съ чужаго голоса передающіе то, что слышали и не поняли, что мимоходомъ успѣли прочесть и схватить, когда притомъ нетерпимость — вѣрный признакъ всякаго полуобразования и невѣжества, составляетъ отличительныя черты всѣхъ нашихъ Геге-

листовъ, Шеллингистовъ и Кантистовъ, ибо всѣхъ ихъ встрѣтите еще теперь въ нашей литературѣ, когда притомъ, не только не явилось ни одного самобытнаго Русскаго мыслителя, по даже ни одной замѣчательной книги по части Философiи, кромѣ неполныхъ и темныхъ выписокъ изъ Нѣмецкаго, да философскихъ клочекъ на идеи, которыхъ никто не понимаетъ.

Еще страннѣе была участь *Отечественной Исторiи* въ новѣйшее время. *Исторiя Государства Россiйскаго* заключила собою рядъ явленiй прежней исторической, Классической, если угодно, школы. Реформа Романтическая коснулась и тутъ всего прежняго, и открывала намъ путь къ труду новому и огромному. Надобно было приняться за критику идей и фактовъ, за соображенiе и сборъ матерiаловъ. Но до того ли намъ? Какъ прежде безотчетно вѣрили мы всему, такъ теперь безотчетно ничему не стали вѣрить, бросились на нововведенiя, разбились на партiи, отвергаемъ старое и кричимъ объ новомъ. Но что же? Какiя обширныя изслѣдованiя, какiя творенiя ученыхъ произвели такой переворотъ? *Гдѣ и что* писали наши историческiе реформаторы? Никакихъ ученыхъ изслѣдованiй и ученыхъ творенiй не было и нѣтъ; матерiаловъ никто не разрабатывалъ; о системѣ и наукѣ никто не думалъ! Иной, увлекаясь духомъ сомнѣнiя, переходя, то къ Шлецеру, то къ Эверсу, то къ Фатеру, впалъ наконецъ въ совершенный скептицизмъ, и просто ничему не вѣрить; другой хочетъ спорить съ нимъ, и оказываетъ услугу Крыловскаго медвѣдя защищаемому имъ предмету; третiй безъ толку хватается за Шаффарика; четвертый выводитъ свою нелѣпую систему древней Исторiи, и забавнѣе всего, что все это находятъ послѣдователей, которые кричатъ, спо-

рять, бранять другъ друга, а дѣло впередъ нисколько не подается, да и никто изъ спорщиковъ не изъяснилъ еще до сихъ поръ порядкомъ, чего именно онъ хочетъ?— Такъ въ теоріи Изыщныхъ Искусствъ, въ теоріи Наукъ, мы кричимъ, споримъ, а *никто* не принимался за трудъ, даже не сообразилъ мнѣній противника и не изложилъ своихъ!

Когда притомъ Журналистика, гдѣ сосредоточивалась вся эта буря въ стаканѣ воды, упала, когда, съ другой стороны, мы невольно почувствовали потребность въ соединеніи, отчетъ, практикѣ, положительности знаній, тогда явилось вдругъ огромное журнальное предпріятіе, основанное дѣятельнымъ усердіемъ нашего Русскаго Брокгауза. Объяснять ли о комъ и о чемъ я говорю? Соединеніе именъ, обширность плана, объемъ книгъ поваго журнала, практика и положительность, имъ обѣщанныя, при эклектизмѣ основательномъ и благоразумномъ, дали новому предпріятію успѣхъ неслыханный. Но горько было разочарованіе, и оно довершило анархическое состояніе идей и мнѣній литературныхъ. Какъ ни разсматриваю журнальное предпріятіе, о которомъ говорю, и котораго именовать ненужно, его ловкое начало, его авторитетъ, такъ быстро пріобрѣтенный, средства, какими оно дѣйствовало, результаты, къ какимъ оно довело, и быстрый упадокъ его потомъ, я ничего не вижу въ немъ другаго, какъ ловко изобрѣтенную насмѣшку умнаго сатирика, и послѣднюю, окончательную черту того жалкаго состоянія, въ какомъ находится въ настоящее время наша Русская Литтература, съ ея Поэзію, Журналистикою, Философіею, теоріями всѣхъ Знаній, того состоянія, которое такъ хорошо выражаетъ собою, вѣроятно, *послѣдній въ родѣ своемъ* — большой журналъ, гдѣ собрано все смѣшное литтературы современной...

Онъ нес plus ultra, за которое не перешагнуть уже никакому журнальному Геркулесу!

Я сказалъ: «всѣхъ знаній». Да, мой другъ, *всѣхъ*. Взгляни, для примѣра, на Медицинскую литературу, и пойми этотъ хаосъ Медицинской литературы, гдѣ кричатъ наши *гомеопаты*, *аллопаты*, *гидропаты*; взгляни на *практическія* книги наши — жалкіе сборники, безотчетныя произведенія промышленности литературной, гдѣ шумятъ *агрономы* и *индустриалисты* наши; на практическіе наши журналы, надъ которыми смѣются наши производители; на всѣ передѣлки чужаго, гдѣ толкуютъ о томъ, что намъ не годится, несвойственно, а иногда и невозможно для исполненія; на наши *учебныя книги* (исключая официально издаваемые отъ Правительства, обращающаго особенное попеченіе на учебники) — что за смѣсь такая книгъ и системъ, сбивчивая, спутанная и всегда безотчетная! Послушай споры о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ *Политической Экономіи* и *Статистики* — какая сбивчивость, какое искаженіе самыхъ положительныхъ истинъ науки! Сдѣлай оборотъ отъ Политической Экономіи къ нашему театру, гдѣ «плачетъ Талія, смѣется Мельпомена», и гдѣ сбивчивость теорій и безтолковость критики отражается въ бѣдности нашего репертуара: мы согнали со сцены классицизмъ, а чѣмъ замѣнили его? Драмами Дюма, водевилями Ансело и Талона, всѣмъ тѣмъ, что «яко сельный цвѣтъ, процвѣтаетъ во утріе и къ вечеру гибнетъ!» Но всего забавнѣе нынѣшняя путаница нашего литературнаго языка, гдѣ страсть къ реформѣ довела насъ, просто, до *безъязыкія*! Какъ нѣкогда Латинская схоластика съ полонизмами, какъ потомъ Нѣмецкая фразеологія, классическіе галлицизмы и темный языкъ Германской Философіи, безотчетно овладѣва-

ли нами, такъ нынѣ безцѣльная реформа губить насъ. И не только не основывается она на филологическихъ изслѣдованіяхъ, на обращеніи къ роднымъ элементамъ, не только не ознаменовывается важными теоретическими твореніями по части языкознанія, по всего забавнѣе, что вопросы, давно рѣшенные, напримѣръ, о различіи языка книжнаго и разговорнаго, находятъ еще у насъ мѣсто, и первый, кто говоритъ громче, заставляетъ другихъ повиноваться своему голосу! Никогда еще не бывало у насъ такого смѣшенія всѣхъ языковъ, отъ схоластическо-Латино-Русскаго до Полоно-Русско-галиматическаго, и отъ приказнаго до безтолковаго рѣшительно. Юноши, едва умѣющіе связать періодъ, выдумываютъ свое правописаніе; критики, у которыхъ въ иной фразѣ смысла не добьетесь, толкуютъ съ важностью о слогѣ, и забывши прекрасныя начала трудовъ нашихъ филологовъ, забывая языкъ нашихъ Жуковскихъ, Батюшковыхъ, Пушкиныхъ, мы ищемъ варварскимъ нарѣчіемъ, какое выдумываютъ, или недоученные юноши, или такіе люди, которые сами не знаютъ по-Русски, и, конечно, исподтишка, смѣются тому, какъ легко сбить съ толку и увлечь въ заблужденіе людей, не имѣющихъ прочнаго основанія въ томъ, что они дѣлаютъ. И я, право, не виню того, кто, какъ говорятъ Нѣмцы, *въ кулачекъ смѣяться можетъ* (der sich ins Faustchen lachen mag), смотря на легковѣріе другихъ. . .

Я упомянулъ прежде о сильномъ вліяніи на насъ иностранной литературы, доказываемомъ тѣмъ, что привозъ иностранныхъ книгъ несоразмѣрно усиливается у насъ противъ княжной производимости на Руси, и о несоразмѣрности образованія между столицами и провинціями, и между разными званіями народа. Последнее доказывается высшимъ слоємъ

нашей литтературы—называю такъ грубыя, сѣрыя, издѣлія нашей литтературы—эту бездну неаѣныхъ романовъ, бессмысленныхъ стихотвореній, уродливыхъ переводовъ Французской дряни, шарлатанскія издѣлія дѣмателей, все, чего не видимъ въ порядочномъ обществѣ, и что находятъ однакожь себѣ покупателей и читателей, и расходится тысячами экземпляровъ, уродуя смыслъ и вкусъ бѣдныхъ жертвъ, которыя забавляются и поучаются подобными чудовищами нашей литтературы.

Представленное мною изображеніе Русской современной литтературы покажется тебѣ печально. Соглашаюсь, что оно оправдывается обзорѣніемъ историческаго хода ея донинѣ, и что послѣдній переворотъ такой исторіи литтературной, какая была у насъ донинѣ, долженъ былъ неминуемо довести ее къ подобному грустному состоянію, когда, указывая тебѣ на всю Европу, спрашиваю: не то ли однакожь и вездѣ нынѣ, что у насъ? Съ большимъ раздвиженіемъ литтературы, она становится ремесломъ, и меркантильность смѣняетъ въ ней всѣ другія побужденія; съ разрушеніемъ ига классицизма является всюду романтическое безначаліе—все разрушено, а многое ли начато? И здѣсь объясняются и безплодіе, и мѣлкость дарованій, то, что не только не являются люди съ дарованіемъ геніяльнымъ, но что вѣякое вслѣчіе литтературное возбуждаетъ какое-то гоненіе и смѣшное преслѣдованіе. Посмотри: Менцель ругается великому изваянію Гёте; Шеллинга смѣняютъ безтолковые Гегелисты; Раупахъ и Гальмъ наслѣдуютъ Шиллеру, Марриетъ и Бульверъ В. Скотту; люди, подобные В. Гюго, Ламартину, ошибаются въ направленіи своихъ дарованій, а Скрибы, Жюль-Жанены, Жоржъ-Завды, Гейне, занимаютъ собою всю Европу. Такъ и въ искусствахъ: Паганини и Олс-Були

уродуютъ великое искусство Годе и Лафона, а чудовищное въ музыкѣ увлекаетъ потомковъ Моцарта и Гайдена; Рафаэля замѣняетъ Альбертъ Дюреръ, а послѣ Микель-Анджело и Кановы любятъ странными изваяніями какого нибудь Нѣмецкаго рубачки мрамора, а гравировка работаетъ машиною кипсековые вздоры, и политипажъ вытѣсняетъ художническую гравюру. Но, иное дѣло тамъ, иное у насъ: тамъ все это происходитъ самостоятельно и самобытно, и сподвижники новаго суть только дополнители стараго, когда всякое измѣненіе дѣлается необходимою послѣ прежняго развитія....

А у насъ? ... Но, утѣшимся, мой добрый другъ, и вотъ гдѣ наши утѣшительныя надежды на будущее, и даже близкое будущее: намъ надобно было перейти черезъ вліяніе чуждое, дабы начать свое самобытное созданіе; такова неизбѣжная участь всѣхъ юныхъ образованій, и нынѣшнее состояніе нашей литературы, я увѣренъ въ томъ, есть послѣдній кризисъ и пароксизмъ нашей чужеземной литературной лихорадки.

Въ то время, когда мудрое Правительство указываетъ намъ на три основы нашего народнаго быта, *Православіе*, *Самодержавіе* и *Народность*; когда щедрія пособія его обращаются на усиленіе основательнаго ученія, расширеніе положительныхъ наукъ и знаній, изысканіе источниковъ отечественной исторіи, ученое изслѣдованіе Руси, и наша промышленность, наша производительность, наша общественная жизнь и образованность столь сильно движутся впередъ; когда, наконецъ, просвѣщеніе проникаетъ всюду, и самыя превратныя реформы служатъ только къ сильнѣйшему обобщенію знаній, свѣдѣній, идей и понятій — онъ пробуждается, спавшій долго богатырь—Русскій духъ, и въ литте-

ратурѣ нашей. Время реформы и своевольнаго разрушенія исчезаетъ, какъ послѣдній отголосокъ битвы, и наступаетъ время спокойнаго созданія и умнаго творенія. Говоримъ только о литературѣ: обобщеніе шевелитъ въ ней всюду новую жизнь, и тѣ стихіи, изъ которыхъ являлись Державины и Ломоносовы, Крыловы и Грибоѣдовы, уже кипятъ сею новою жизнью. Во-первыхъ, мы всё уже видимъ и убѣждаемся въ нелѣпности, пошлости и ничтожествѣ чуждаго, наслышаннаго образованія, пѣсни съ чужаго голоса, и безотчетной реформы, а послѣ сего всё пигмейскія усилія хвастливаго невѣжества, литературнаго фанатизма и безразсудной жадности къ новостямъ для насъ неопасны. Во-вторыхъ, взглядъ на послѣднее время нашей литературы представляетъ намъ и многія отрадныя явленія; по закону исторіи человечества, всякое противодѣйствіе есть средство для дѣйствія дальнѣйшаго, и всякое добро испушается борьбою со зломъ, каждая побѣда свѣта сраженіемъ со тмою, а на поляхъ битвъ всегда зеленеетъ потомъ самая тучная жатва. Ограждаемые мудростью закона и порядка, мы чужды пагубныхъ идей, потрясающихъ основы общественныхъ образованій, и слѣды бури, опустошавшей наше внутреннее литературное хозяйство, скоро у насъ изгладятся, а трудъ наградить щедро за убытокъ. Доказательства словъ моихъ покажу я тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ, въ томъ самомъ, что дѣлается нынѣ въ Русской литературѣ, а еще болѣе въ томъ, что необходимо слѣдуетъ изъ всего, что дѣлается, и на что есть уже у насъ надежды прочныя и прекрасныя. А когда настанетъ время дѣланія — дѣлатели явятся. Тѣ же самые, кто шалилъ въ юности, могутъ возмужать въ опытѣ лѣтъ, и представить собою достойныхъ сподвижниковъ, и изъ среды на-

шихъ юныхъ поколѣній выдвинутся впередъ богатыри, если только ихъ вразумить въ истинное, великое назначеніе Русскаго народа и Русской земли, изъяснять имъ великія родныя средства. А вся эта саранча, всѣ насѣкомыя ошибокъ и заблужденій, только удобряютъ собою плодородную почву науки и опыта, какъ удобряютъ ее листья, осенью падающіе на землю. Въ такомъ случаѣ, въ такихъ обстоятельствахъ, говорить правду, доводить истину до всеуслышанія, я почитаю подвигомъ и заслугою, и никогда и никого не побоюсь сказать и повторить ихъ, извлекая пользу изъ опыта и безпристрастнаго взгляда тѣхъ лѣтъ, когда страсти не увлекаютъ уже насъ, и кровь наша закипаетъ не при видѣ новости, но при видѣ пользы, и прежде ослѣпленія блескомъ даетъ отчетъ разсудку. Молчаніе здѣсь было бы виною, а мы и безъ того ужъ въ столь многомъ безъ вины виноваты. И вотъ я сознаюсь въ винѣ даже и передъ тобой, что наговорилъ тебѣ столько, а все еще не началъ *отвѣта* о томъ именно, о чемъ ты его требовалъ. Но, пѣняй на себя, если тебѣ уже надоѣло мое многословіе; ты самъ вызвалъ меня на бесѣду, и я почелъ необходимою предварительныя объясненія, поступая по словамъ нашего земляка, Москвича, почтеннаго П. Ѳ. Фамусова, который всѣ дѣла любилъ дѣлать и приказывалъ дѣлать «съ толкомъ, съ разстановкой». Твой, и проч.

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

VIII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

КНИГИ 1840 ГОДА.

8. Современникъ. Томъ XVII. Спб. въ тип. Е. Фишера, 1840 г., въ 8, 86, 104, 142 стр.

Небольшой объемъ изданія, рѣдкій выходъ книжекъ, участіе всѣхъ писателей, составляющихъ у насъ (по мнѣнію многихъ), что называется, *sommité littéraire*, не обязываютъ ли Редактора Современника заботиться объ особенной тщательности въ выборѣ статей, разнообразіи ихъ, дѣльности, безпристрастїи, и придачь самобытнаго характера критикѣ (ибо и она входитъ въ составъ Современника), и изгнаніи всего, что недостойно памяти незабвеннаго *основателя* Современника? Казалось бы, такъ надобно. Нѣсколько разъ говорили мы о Современникѣ, говорили откровенно, и даже откровенность наша не понравилась, можетъ быть, почтенному Редактору. Но намъ до того нѣтъ дѣла: правду стапемъ мы говорить ему и всѣмъ всегда, и она дастъ свой плодъ, если не для однихъ, такъ для другихъ. Недостатокъ разнообразія, излишняя сплсходительность, особливо въ стихахъ, и какая-то перышительность критики — вотъ существенные, неисправимые недостатки Современника. Они ярко отразились и на новой книжкѣ его, которою начинается ошъ *плтвй* годъ своего существованія. Въ прозѣ сей книжки находимъ, прежде всего, статью о Финляндїи, любопытную по подробностямъ и по имени автора, Финляндскаго поэта *Рунсберга*; за тѣмъ повѣсть г-на Осповьяненка: *Козырь дѣска*, ознаменованную дарованіемъ автора, несомнѣннымъ и замѣчательнымъ. Любопытны еще статьи: *Гонго-Сокко* (мѣстечко, гдѣ находятся золо-

тые рудники въ Бразиліи) и о *Слѣбодскихъ полкахъ*, хотя въ ней мало новаго и есть обмозвкп*. Но мы желали бы знать: скоро ли кончатся безконсчныя отрывки изъ Исторіи Партизановъ Пиринейскаго полуострова, г-на Невѣдомскаго? Скоро ли изъ *отрывковъ* превратится эта Исторія въ *книгу*, и уступить въ Современникъ мѣсто чему нибудь другому?—Замѣчаніе Редактора Современника, касательно прекраснаго, естественнаго и оригинальнаго окончанія повѣсти г-на Основьяпенка: *Вотъ любовь!* произвело странность: Редакторъ писалъ къ автору, что героиня повѣсти его, Галочка, пожертвовавши любовью долгу и волѣ отца, не должна была пережить своего жертвованія. Странное требованіе, неоправдываемое, ни дѣйствительностью жизни, ни условіями искусства! Но авторъ повѣсти согласился съ замѣчаніемъ, уничтожилъ прежнее, столь изящное и оригинальное, и прислалъ въ Современникъ новое окончаніе своей повѣсти, въ которомъ героиня повѣсти «романически» умираетъ. Редакторъ напечаталъ присылку, и, Богъ знаетъ съ чего, называетъ новое окончаніе *критическою* на повесть: *Вотъ любовь!* — Мы сказали, что критикъ Современника надобно бы болѣе самобытнаго характера, но въ нѣкоторомъ отношеніи оно не совсѣмъ справедливо. Если неопредѣленные, бездоказательные отзывы Редактора и выписка заглавій книгъ, безъ всякихъ замѣчаній, ничего не прибавляютъ къ суммѣ опыта и познанія вообще, за то у него тщательно раздѣлены всѣ пишущіе на *хвалымыя* и *исхвалимыя*, и напиши вторые, хоть лучше Шекспира, Редакторъ молчитъ, либо осуждаетъ. Впрочемъ осужденіе его не всегда бываетъ опасно. Примѣръ тому показали мы, разбирая мнѣніе Современника о *Ста Литтераторалъ*, а въ примѣръ противнаго укажемъ теперь на отзывъ его о новыхъ повѣстяхъ Н. Ф. Павлова. Вотъ что говоритъ Современникъ: «Въ отдѣленіи романовъ, повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ въ послѣдніе

* Сказано, на примѣръ, будто «земля, составляющая нынѣ Харьковскую губ., въ прежнія времена принадлежала В. К. Кіевскому, и служила древними границами Южной Россіи отъ Половцовъ, Казарь (?) и Печенѣговъ; что жители ея, при нашествіи Татарскомъ, удалились за Днѣпръ, и сравнены во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ Польскими шляхетствомъ, и что въ 1646 г. «двинулись они изъ-за Днѣпра и начали селиться по Бѣлогородской гертѣ. Тутъ, что слово, то ошибка!

три мѣсяца, мы не можемъ представить ничего *замѣчательнѣе* книги г-на Павлова.» Посмотримъ, чѣмъ она показалаcя столь замѣчательною г-ну Критику. «Онъ (г-нъ Павловъ) писатель самый внимательный *къ своему дѣлу* (?), глубоко *вникающій въ сущность предметовъ своихъ* (?), изучающій всѣ подробности *частной жизни* (?), однимъ словомъ, онъ *ни (одного?) слова не говоритъ безотчетно.*» Однимъ словомъ, ни слова мы тутъ не понимаемъ, кромѣ того, что ни о Шекспирѣ, ни о Гётѣ нельзя, кажется, сказать, будто они *«ни одного слова не говорятъ безотчетно.»* Но, пойдемъ далѣе. «Читать его *занимательно, и даже поучительно*» — просимъ замѣтить всѣ сін слова, ибо здѣсь вдругъ начинается совсѣмъ другое — *«хотя не соглашались съ нимъ въ мысляхъ, и чувствовали утомленіе отъ его разсказовъ.»* Какъ такъ? Послѣ того, когда повѣсти г-на П. самое *замѣчательное* явленіе Русской Словесности, онъ самъ *глубоко вникаетъ* въ сущность предметовъ, изучаетъ *всѣ подробности жизни*, и *ни одного слова не говоритъ безотчетно*, а читать его *занимательно, и даже поучительно*, послѣ того и въ то же время читать его *утомительно и въ мысляхъ съ нимъ не соглашались?* Критикъ изъясняетъ: «Въ повѣстяхъ его надобно отличать достоинство частей отъ цѣнности цѣлаго. *Каждая*, замѣтите, *мысль* его, сама по себѣ, замѣчательна, *какъ свидѣтельство ума проникательнаго и дѣйствующаго* (?). *Каждое выраженіе* у него запечатлѣно новостію и силою (*каждое* — замѣтите — новостію и силою ?!). Но всякое произведеніе Изыскаго Искусства оцѣнивается преимущественно по тому впечатлѣнію, которое сообщается душѣ созерцаніемъ цѣлаго. Главный *характеръ созданія* (сущность ? общность?) *магически овладѣваетъ* всѣмъ *духовнымъ существомъ нашимъ*, и подчиняетъ насъ *надъ* всѣмъ *господствующей* красотѣ. Мы охотно остаемся въ состояніи *этой* (такой, то есть) усладительной неволи, потому, что въ области (т. е. во власти) покорившей насъ красоты *ощущаемъ* одну изъ *тѣхъ благотворныхъ стихій*, которыя питаютъ нравственное бытіе наше. И такъ, *основа цѣлаго* не должна зависѣть отъ прихоти художника (а подробности развѣ должны?): онъ творитъ ее въ живомъ сознаніи природы и человѣка; онъ проводитъ ее въ параллель съ тѣмъ, что общечитіе, мѣстность и эпоха создали передъ нимъ. Созданное художникомъ внѣ этой сѣеры не

проникнуть существа нашего и не солется съ нимъ, потому, что оно ему чуждо. Въ разсматриваемыхъ здѣсь повѣстяхъ, моральныя задачи разрѣшены такъ своею правдою, такъ *несоответственно жизни*, что *самое поразительное въ нихъ не потрясаетъ души*, потому, что тутъ она себя не узнаетъ.» — Положимъ, бываетъ такъ, и нерѣдко, что *части* прекрасны, а *цѣлаго нѣтъ*, и что иной авторъ облачаетъ нелѣпую мысль, странный софизмъ, въ прекрасныя подробности; по можно ли послѣ того говорить, что у *такого* автора *каждая мысль* свидѣтельство ума пронизательнаго, *каждое выраженіе* запечатлѣно новостью и силою; что онъ писатель *самый внимательный* къ своему дѣлу, *глубоко изучающій* сущность предмета, *вникающій во все подробности жизни*, ни одного слова *неговорящій безотчетно*, и что *читать его занимательно и поучительно*? И сказавши все это, все, чего ни о какомъ писателѣ въ мірѣ сказать нельзя, вдругъ объявить, что *въ мысляхъ съ хваленымъ авторомъ не соглашаешься*, отъ его разсказовъ *чувствуешь утомленіе*, а *правственныя задачи* разрѣшаетъ онъ *такъ естественно*, что *душа человеческая не узнаетъ въ его сочиненіяхъ себя*, и *самое поразительное въ нихъ не потрясаетъ ея*? Р. С. немилосердо обращается далѣе къ языку повѣстей, гдѣ, какъ мы видѣли, «ни одно слово не говорится безотчетно», и находитъ, что «стремленіе къ новости идей и чувствованій, увлекшее сочинителя за *предѣлы естественности*, означилось даже на общемъ характерѣ языка его. Авторъ, повидимому, напередъ отвергнулъ *все, что есть для писателей неизбежно общаго въ выраженіяхъ* (?). Онъ все превратилъ въ *тяжелый трудъ*, для себя и для читателей». — Надобно ли прибавлять какія нибудь поясненія на такую рецензію? Да и попалили вы, что она такое: *похвала* или *осужденіе*? — Удивляться ли послѣ того, что поставивъ рядомъ брошюрки г-на Нефедьева и Спасскаго-Автомова съ книгою г-на Булгарина (*Лѣпнля прогулка*—столь замѣчательною и любопытною), критикъ *преходитъ молчаніемъ* Булгарина, а о г-нѣ Нефедевѣ отдѣльно замѣчаетъ, что «въ книгѣ его видишь умѣнье разсказывать соединенное съ точностью и занимательностью дѣла» (когда и вся-то книга г-на Нефедьева—отдѣльно напечатанные экземпляры газетной статейки!) Такъ г-нъ Шаховой предвѣщаетъ критикъ, что она будетъ «поэтомъ, какихъ,

не только у насъ, но и во всѣхъ литературахъ было очень немного.» Такъ объ *Утренней Зарѣ*, вся рецензія ограничивается словами: «Вотъ истинная прелесть, для читателей съ утонченными вкусомъ, наслаждающихся книгою, какъ *Петербургскіе жители уповаются вдохновенными движеніями Таліони* въ новомъ балетѣ: здѣсь все граціа—и стихи, и проза, и картинки, и самое изданіе! Такъ, поставивъ рядомъ романы гг. Каменскаго, Александрова и Загоскина, критикъ говоритъ, что «умъ, вкусъ ихъ, и даже характеръ твореній вполне выразились предшествовавшими опытами», почему и говоритъ объ нихъ нечего, кромѣ того, что они «снова украсили нашу литературу своими сочиненіями», какъ будто авторъ *Милославскаго*, авторъ *Павильона* и авторъ *Искателя сильныхъ ощущеній* равны по своему дарованію! И когда же успѣлъ выразить г-нъ Каменскій «умъ, вкусъ и даже характеръ своихъ твореній,» когда онъ до сихъ поръ издалъ только три, четыре повѣсти, и *Искатель* его есть первый опытъ его упражненія въ романѣ? Такъ о переводѣ Исторіи Карла V-го», критикъ говоритъ только, что «твореніе Робертсона извѣстно въ Европѣ каждому, сколько набудъ образованному человѣку», а о Путешествіи по Америкѣ Дорбиньи: «изящно было бы говорить о занимательности этой книги» — и ни слова болѣе! Но что всего страннѣе намъ показалось: критикъ выставляетъ рядомъ заглавія—*Сынъ миллионера*, романъ Поль-де-Кока, и *Дѣтская Библіотека*, переводъ г-жи Зражевской, и объявляетъ: «эти книжки посвящены преимущественно развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго.» Это что такое? Какъ? Романъ Поль-де-Кока книга для дѣтей? «Сынъ миллионера» развиваетъ изящность? ... Тутъ вѣрно опечатка, или что набудъ въ родѣ обмолвки!

Въ отдѣлѣ *Стихотвореній* помѣщены прелестные стансы Жуковскаго. Какое Русское сердце не отзовется на слова поэта: «Молитвой нашей Богъ смягчился,» и не повторитъ съ нимъ словъ, обращаемыхъ имъ къ благодатному Ангелу?

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
 Опять для насъ твоя краса.
 Ты повидался съ небесами
 И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
 Начнется, Ангель, для тебя;
 Ты заглянулъ въ святыни рая,
 Но землю избралъ самъ любя,
 И въ новомъ къ намъ переселеннѣ
 Сталъ ближе къ Вѣчному Отцу,
 Его очами, на мгновенье,
 Увидѣвъ тамъ лицомъ къ лицу.
 И чѣще будетъ жизньъ земная
 Съ тобой, пашъ другъ, намъ данный вновь:
 Ты къ намъ принесть съ собой изъ рая
 Надежду, Вару и Любовь!

Въ остальныхъ *дванадцати* пьесахъ есть стихотворенія Граф. Е. П. Р — ой, и — г-на Гребенки, у котораго Русалки хотѣтъ «пошалить немного съ *лѣшмихъ*» для рѣшмы: *расчѣшмихъ*, и

Цалуются травки,
 Цвѣты въ тихомолку...

Есть стихи и г-на Айбулата, который увѣряетъ, что въ могилѣ лучше, нежели на свѣтѣ, и что если въ могилѣ много червей —

Пусть много тамъ червей —
 За то ни одного изъ братій, изъ людей!

Видите: какую высокую, утѣшительную, истинно-поэтическую идею внушила поэту *могила* — великій урокъ чело-вѣчества!...

9. Призваніе женщины (.) (С)ъ Английскаго. Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1840 г. въ 12, V и 252 стр.

Назидательное сочиненіе, гдѣ авторъ, указывая на цѣль жизни женщины, обозрѣвая кругъ дѣйствій ея обличая несправедливныя и превратныя мнѣнія о писней будто бы передъ мужчиною степени женщины въ обществѣ и въ чело-вѣчествѣ, показываетъ и обширность, и величіе, и святость обязанностей ея. Въмѣсто *предисловія*, переводчикъ приложилъ отрывокъ (изъ ненапечатаннаго донывѣ) стихотворенія г-на Бенедиктова: *Къ Женщинѣ*. Стихи звучны и мысль прекрасна. Изображая мать съ ея младенцомъ, поэтъ говоритъ:

И вотъ — ты мать персеменца
 Изъ мрачныхъ странъ небытія:
 Весь міръ твой, въ образъ младенца,
 Теперь на персахъ у тебя;
 Теперь, какъ въ небъ безпредельномъ,
 Покоясь въ лонѣ колыбельномъ,
 Ложить вселенная твоа;
 Ея ты воплачь чутко внемлешь,
 Стремнись къ ней, и, посреди
 Глубокой тмы, ее подымлешь.
 Къ своей нитательной груди.
 И въ *этой* часъ, какъ все въ покоѣ,
 Въ пучинѣ сновъ и темноты,
 Не сплть, не дремяють только двое —
 Звезда полночная, да ты!

Можно пожелать побольше простоты въ метафоръ поэта, но все стихи его имѣють свое несомнѣнное, относительное достоинство, а особенно приличны книгъ, которую можно пожелать видѣть въ рукахъ каждой молодой супруги и юной матери.

10. Записки князя *Талейрана-Перигора*, бывшего Епископа *Отёнескаго*, члена Національнаго Собранія; министра, посланника, владѣтельнаго Князя Беневентскаго; *вице-великаго избирателя* и оберъ-каммергера Имперіи, сенатора, князя, пера, *оберъ-каммергера Франціи*, кавалера орденовъ: Св. Духа, Золотого Рука, *Большаго Орла*, Почетнаго *Легіона*, и проч. Собр. и изд. графинею О. дю-К., сочинительницею *Записокъ одной Знатной Дамы*. Пер. съ Французскаго. Часть I. Москва, въ тип. Лазар. Инст., 1840 г., въ 8, 193 и V стр.

Во Франціи есть множество *поддѣльныхъ* Записокъ, и есть даже особые мастера составлять ихъ. Такъ въ новѣйшее время составлены были Записки Дюбуа, Дюбарри, Фуше, Людовика XVIII-го, Знатной Дамы (*d'une femme de qualité*), Государственнаго Министра (будто бы Гарденберга — *d'un homme d'état*), и проч. И поддѣлка ихъ такъ умна, что ее читаете съ удовольствіемъ, ибо все, что только можно собрать умнаго и достовѣрнаго, сбирается въ такія *компиляціи*, изъ сотеи книгъ, располагаемое притомъ замѣлнлн, ловко и умно. Сюда принадлежать и *Записки Талейрана*, явившіяся тотчасъ послѣ его смерти. Наслѣдники Талейрана объявили, что онъ подложныи, и что собственныи замѣтки свои запретилъ Талейранъ издавать — *поминется* по

50 лѣтъ. Но за всѣмъ тѣмъ, подложныя Записки его разошлись, ибо составлены очень ловко и съ умомъ. Опъ являютъ теперь въ Русскомъ переводѣ, и могутъ быть чтеніемъ занимательнымъ. Переводъ, какъ можете видѣть изъ списка, нами *главнѣе*, гдѣ Талейранъ превращается въ *Таллерана*, называется *посланникомъ*, какимъ-то *еще-великимъ избирателемъ*, *оберъ-камергеромъ Франціи*, и украшается какимъ-то неслыханнымъ орденомъ *Большаго Орла*, переводъ Русскій не изъ шегольскихъ, но спосенъ однакожь для тѣхъ, кто не знаетъ Французскаго оригинала. Въдѣ *полу-Шампанское* замѣняетъ же у многихъ драгоценный нектаръ Эперне и Ан? И много ли выпиваютъ на Руси молагн и модеры, которая не была бы поддѣлана изюмцомъ изъ Сантурнискаго, на берегахъ Мойки и Яузы? Примѣните все это къ книжному дѣлу и — *дѣло въ шляпѣ!*

КНИГИ 1839 ГОДА.

5. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФІИ *Древнихъ Временъ*. Сочиненіе *Генриха Риттера*, Э. П. Берлинскаго Университета. Пер. съ Нѣмецкаго. Ч. I. Спб. въ тип. Ильи Глазунова и К., 1839 г., въ 8, XXIV и 584 стр.

Нашъ цемного удивило объявленіе, разосланное при аѳенскихъ и газетахъ, въ которомъ мы прочитали слѣдующее: «Желаю способствовать къ распространенію у насъ *классической Философской* литературы, я *воинапріилъ* издать на Русскомъ языкѣ «Исторію Философіи» Риттера, и сочиненія Платона, какъ два *фундаментальныя* въ своемъ родѣ творенія. *Первый томъ* Исторіи Риттера уже вышелъ. Подписки принимается у самого *издателя*, профессора Карпова» и проч.—Тутъ являлось множество недоумѣній: *самъ* ли г-нъ Карповъ *перевелъ* двѣ означенныя, огромныя книги, или только *издаетъ* ихъ? Что такое разумѣть опъ подѣ *классическою*, философскою литературою и *фундаментальными* твореніями? Но вслѣдствіи — перевести и издать Риттера и Платона — подвигъ исполнскій, и мы поздравляемъ Русскихъ читателей съ добрымъ приобрѣтеніемъ, даже и послѣ изданія одного *перваго тома* Риттеровой Исторіи Философіи. Имѣя свои недостатки, она содержитъ въ себѣ однакожь богатые матеріалы. *Первый томъ* объемлетъ Философію Востока (дополняемую авторомъ въ послѣдующихъ за тѣмъ томахъ, и мы удивляемъ-

ся, почему не соединилъ вмѣстѣ почтенный переводчикъ всего, что у автора неволью было раздѣлено, ибо онъ приобрѣлъ дополненія, когда первый томъ его былъ уже изданъ), и древнѣйшую Философію Грековъ, до Сократа (Ионійская, Пифагорейская, Элейская, Софистическая школы). Переводъ довольно вѣренъ, и былъ бы даже хорошъ, еслибъ *это, эти* не губили его: какъ терніе колющее, они разсыпаны у переводчика по всемъ страницамъ! Надѣмся, что онъ самъ замѣтитъ излишество такихъ ненужныхъ украшеній, и въ слѣдующихъ томахъ постарается придать слогу своему приличную важность и надлежащее изліцество.

6. *Руководство для родителей, желающихъ опредѣлить малолѣтнихъ дѣтей въ Военно-Учебныя заведенія*, составленное по приказанію Е. И. В. Главнаго Начальника Пажескаго, всѣхъ Сухопутныхъ Кадетскихъ Корпусовъ и Дворянскаго Полка, и изданное по Высочайшему соизволенію. *Изданіе второе, дополненное и исправленное*, согласно распоряженіямъ, состоявшимся по 1-е Сентября 1839 года, Спб. въ тип. Э. Праца и К., 1839 г., въ 8, XXX и 316 стр.

Многочисленность юношей, обучающихся въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ, и общее желаніе отдавать въ нихъ учениковъ, при вышншемъ совершенствѣ ученія въ сихъ превосходныхъ заведеніяхъ, дѣлали необходимою такую книгу, гдѣ были бы собраны всѣ правила для поступленія, бытности и выпуска изъ нихъ воспитанниковъ. Изданное въ 1836 г. Руководство, все было давно раскуплено, и множество требованій являлось на него вновь. Оно напечатано теперь снова, съ дополненіями, и въ большей системѣ, такъ, что вполнѣ даетъ всѣ потребныя свѣдѣнія, касательно Военно-Учебныхъ заведеній, кои суть: Кадетскіе Корпуса — губернскіе, Финляндскій, столичные (1-й и 2-й, Павловскій, 1-й и 2-й Московскіе) и для малолѣтнихъ (Александровскій), Дворянскій Полкъ, Пажескій Корпусъ, Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ, Артиллерійское и Главное Инженерное Училища, Морской Кадетскій Корпусъ, и кромѣ того Лицей, Институты Путей Сообщенія, Горныхъ Инженеровъ, Лесной и Межевой, Неплюевское Оренбургское и Войсковое Сибирское Училища, Аудиторская Школа, Батальоны Кантонистовъ, Школа Топографовъ, Штурманскій Полуэкипажъ,

*

и Учебный Морской и Морской рабочей Экипажи, Берейторская и Техническая школы, и заведенія при Кавказском Корпусѣ. Расположеніе *Руководства* слѣдующее: основанія, на которыхъ опредѣляются учепики; порядокъ подачи просьбъ; преимущества воспитанниковъ; правила выключки ихъ; программы наукъ, требуемыхъ при вступленіи; формы просьбъ; роетиси преподаванія наукъ по классамъ; росписи учебныхъ книгъ; исчисленіе управляющихъ заведеніями лицъ и ихъ Управленія и Вѣдомства.

7. *Городъ Старая Русса и ея сольно-минеральное богатство*, въ медико-топографическомъ, физико-химическомъ и врачебномъ отношеніяхъ. Сочиненіе Медико-Хирурга, и проч. *Андрея Воскресенскаго*. Издано по Высочайшему повелѣнію. Сиб. въ Вост. тип., 1839 г., въ 8, XX и 298 стр., съ планомъ города.

Старая Русса, столь памятная въ нашей Древнѣйшей Исторіи, притопъ на пути Норманскомъ «изъ Варягъ въ Греки», славная издревле соловарьями, знавшая Артезіанскій буравъ прежде Франціи, недавно сдѣлалась еще мѣстомъ лѣчѣнія больныхъ въ тамошнихъ соляныхъ источникахъ. *Wir leben in der Zeit der Brunnensiegen* (мы живемъ во время лѣчѣнія водами), говорятъ нынѣ медики, съ тѣхъ поръ, какъ узнали все преимущество простыхъ лѣчѣній, представляемыхъ матерью - природою, противъ нашихъ искусственныхъ микстуръ и пилюль. Старо-Русскіе источники входятъ теперь годъ отъ году въ большее употребленіе: въ 1837 г. было тамъ не болѣе 362, а съ 1838 г. уже болѣе 1000 больныхъ. Книга г-на Воскресенскаго даетъ подробное понятіе о мѣстности Старой Руссы и ея гидрографіи и медико-топографіи, болѣзняхъ, въ конхъ воды Старо-Русскія полезны, свойствахъ ихъ, разложеніи, методѣ лѣчѣнія, и проч., такъ, что можетъ служить полнымъ руководствомъ для имѣющихъ въ ней пужду. Почетительное Правительство, признавая пользу книги, напечатало ее на казенный счетъ. Изданіе прекрасно.

8. *Торжество заложенія храма Христа Спасителя въ Москвѣ*, 1839 года, Сентября 10 дня. Москва, въ Унив. тип. 1839 г., въ 8, 23 стр.

Съ благоговѣнною простотою описано въ сей небольшой книжкѣ великое и святое торжество поваго заложенія храма

Спасителя въ память 1812 года, въ Москвѣ, близъ Кремля. Красносельце не нужно, гдѣ говорятъ великія событія. А что огромнѣе тѣхъ событій, символомъ конхъ павѣки останется объѣтъ Благословеннаго, исполняемый благочестивымъ Братомъ Его!

9. *Объѣдъ, каковаго не бывало* (Сон. Ф. Н. Глинка). Москва, въ тип. Н. Степапова, 1839 г., въ 12, 30 стр.

Отдѣльно напечатанная статья почтеннаго Ф. Н. Глинки, которая была уже помѣщена во всѣхъ почти газетахъ. Она описываетъ трогательныя подробности перваго *объѣда для мнѣшей братіи*, учрежденнаго въ Москвѣ, по примѣру Петербурга. Рассказъ его дышитъ чувствомъ сердца.

10. *Михаилъ, Великій Князь Кіево-Черниговскій и Болгаринъ его Феодоръ*. Соч. Н. Ивановичи-Писарева. Издано Княземъ М. Оболенскимъ. Москва, въ тип. Лазар. Института, 1839 г., въ 8, 47 стр.

Счастливы, кто отдавши юность такимъ мечтамъ Поэзіи, лѣта преклопныя можетъ посвятить занятіямъ болѣе существеннымъ и полезнымъ, но крайней мѣрѣ (потому, что мы не хотимъ спорить съ поэтами), болѣе подчепнымъ колѣдному уму, пожелаи горлчкѣ воображенія. Мы помнимъ поэтическія созданія автора, его *надпись на полѣ Бородинскомъ*, и радуемъ, что досуги уединенія посвящаетъ онъ нынѣ положительнымъ занятіямъ Отечественною Исторіею. Въ изданной Н. Д. Ивановичемъ-Писаревымъ брошюркѣ изложена жизнь достопамятнаго Князя Михаила Черниговскаго, свидѣтеля вѣковыхъ бѣдствій отчизны, не поклонившагося свѣрпному повелителю ордѣ Татарскихъ, претерпѣвшаго мученіе за вѣру, и причтеннаго Церковью православною къ лику мучениковъ. Известно, что мощи его, и его вѣрнаго боярина Феодора, покоятся въ Архангельскомъ Соборѣ, въ Москвѣ. Въ рассказѣ автора все еще видѣнъ повѣтъ, но въ примѣчаніяхъ много любопытнаго найдется и для историка; особенно важно тутъ посланіе Іоанна Грознаго, вѣроятно, имъ самимъ писанное, когда по волѣ его мощи Князя Михаила были перенесены изъ Чернигова въ Москву; донынѣ оно оставалось неизвѣстнымъ.

11. *Способъ къ распространенію шелководства*. Я. Юдичаго. Москва, въ тип. Губернской, 1839 г., въ 8, 34 стр., съ рисункомъ.

Вот книжка, съ которою несправедливо, и больше нежелая несправедливо, поступилъ одилъ Русскій журналистъ: онъ разбрашилъ се на повалъ въ своемъ журналѣ, а потомъ опять разбравилъ въ газетѣ, которую издаетъ онъ вмѣстѣ съ журналомъ. За что такая немилость? За то, что книжка писана прекраснымъ, неправильнымъ языкомъ. Но, говоря *только объ явномъ*, критикъ совсѣмъ не замѣтилъ, что брошюрка г-на Ю. излагаетъ весьма важный и любопытный фактъ, который можетъ составить новую вѣтвь промышленности для жителей среднихъ областей въ Россіи: г-нъ Юдицкій нашелъ возможность, въ Москвѣ, подь 56°, воспитывать шелковичныхъ червей и разводить шелковницу на открытомъ воздухѣ. Изучить производство дѣла въ Крыму, съ 1818 года, г-нъ Ю. началъ опыты свои въ Москвѣ, встрѣчалъ неудачи, и, какъ всегда водится — насмѣшки, по *двадцать лѣтъ* трудился неутомимо, и въ 1838 году представилъ наконецъ публикѣ *Московский шелко*, коконы, шелконицу и червей - уроженцовъ Москвы, такъ, что почтенный и попечительный начальникъ Москвы, тамошнее Земледѣльческое Общество и всѣ обратили вниманіе на трудъ г-на Юдицкаго; теперь предполагается даже пронавести шелководство въ Москвѣ въ обширномъ размѣрѣ. Въ книжкѣ своей, г-нъ Ю. излагаетъ легкость, удобство, пользу дѣла, объясняетъ все производство его, и такъ просто, и такъ ясно, что его пойметъ всякій простолюдинъ. На приложенномъ рисункѣ изображены яички, коконы шелковыхъ червей, сами черви, шелконица и мотальбый стажокъ для шелка. Встрѣчать насмѣшкою такую книгу... неучтиво и несправедливо, и трудъ г-на Юдицкаго долженъ, напротивъ, внушить благодарность къ нему каждому благомыслящему человеку. Кроме того, книжка его и не такъ уже плохо писана, какъ хотѣли насъ увѣрить вышеупомянутые журналъ и газета; въ статьяхъ почтеннаго критика можно найти гораздо болѣе ошибокъ и кривографій, не говоря уже о смыслѣ, котораго иногда не сыщете въ нихъ и днемъ съ огнемъ.

12. Черкесь. Романъ *М. Воскресенскаго*. Москва, въ тип. С. Сельвановскаго, 1859 г., въ 12, 245, 236, 242 и 219 стр.

Послѣ трехъ романовъ: *Оный и Онял*, *Проклятое Мѣсто* и *Черкесь*, характеръ г-на Воскресенскаго, какъ романиста и писателя, опредѣляется, и критика можетъ впередъ уволить себя отъ всякихъ дальнѣйшихъ съ нимъ объясненій.

Возьмите пѣскольکو мерзавцовъ, дураковъ и негодяевъ, прибавьте къ нимъ развратную красавицу, да еще добрую красавицу, которую оболъщаютъ и развращаютъ; перепутайте завязку, развяжите ее рѣзвей; вставьте брань на людей, и пѣскольکو пьяныхъ ширушекъ; напишите все это падутымъ слогомъ, и — вы получите *романъ*, въ родѣ романовъ г-па Воскресенскаго. Не забудьте еще дать мудреное *названіе*, которое ни къ чему нейдетъ, да фразъ, фразъ, лихихъ, удалыхъ фразъ подсыпьте побольше! Въ повомъ романѣ все содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: умные и добрые, какіе-то князь старый да князь молодой, да еще старая княгиня полу-умная, и молодая красавица княжна, прѣзжаютъ въ Москву, въ гости, по приглашенію дальней родни своей, богача, откупщика и мерзавца (NB. Ихъ Сіятельства очень бѣдны; такъ, что живутъ кое-какъ въ обломкѣ своего стариннаго дома въ деревнѣ). У откупщика дура жена и развратный сынъ; у сына слуга, бывший разбойничій атаманъ и ужасный извергъ; у этого изверга развратная любовница, Польшка; у княжны нянька дура и родъ лакея - казачка, мальчишка Черкесъ; остальныхъ героевъ романа, какъ-то: подьячаго, который крадетъ деньги и облатки у откупщика; пьяница друзей развратнаго сына его, пустаго резонера, полковника, который объѣдаетъ откупщика и смѣется надъ нимъ, и проч. и проч., не исчисляемъ. Слѣдуетъ романъ: сынъ откупщика влюбляется въ княжну, княжна влюбляется въ него, братъ княжны (добрый и умный) въ дочь откупщика (также добрую и умную), а дочь откупщика въ него. Сынъ откупщика сватается за княжну; ее не отдають за него; онъ оболъщаетъ ее; братъ дерется съ нимъ, и хоть негодяй не хотѣлъ ужъ жениться на княжнѣ, а познакомился между тѣмъ съ Польшкой, но, испугавшись пистолета, женится на княжнѣ, и тотчасъ бѣжитъ за границу, думая, что и Польшка и слуга его поѣдутъ съ нимъ. Дура нянька, желая пособить княжнѣ, даетъ ей, вмѣсто лекарства, яду, и княжна умираетъ. Нянька сходитъ съ ума. Остальные князья и княгини уѣзжаютъ въ деревню; Польшка и бывший разбойничій атаманъ обкрадываютъ своего спутника и попадаютъ въ руки правительства; за ихъ злыя дѣла, ихъ наказываютъ и отправляютъ въ Сибирь. А что сдѣлалось съ сыномъ откупщика и съ Черкесомъ? Черкесъ повсюду преслѣдуетъ негодяя, мужа княжны, ищетъ его по всей Европѣ, находитъ въ Венеціи и рѣжетъ; потомъ ѣдетъ

въ Россію, приходилъ на могилу княжны, чертить на ней винкаломъ: «Ты отищена!» и какъ дѣло было зимой, то оны мерзеть и замерзаетъ до смерти на могилѣ.

Тутъ ему дурню
И смерть приключилась!

А съ нимъ пусть умреть и замерзнуть и память романа, гдѣ набрано столько несообразностей, нелѣпостей и клеветъ на челоуѣка!

13. Стихотворенія *Николая Богданова*. Москва, въ тип. А. Семеца, 1839 г. въ 12, 50 стр.

Начинается стихами къ *Маю*; потомъ идетъ *Утрапа*; потомъ *Самъ* — поэту грезилось, будто какая-то дивница обнимала его. Потомъ поэтъ восхищается *Пившей*, потомъ *Алишкой*; потомъ идутъ *Слезы*, разочарованіе, вяная пиррушка, *Два Ниси*, которая «не разбираетъ стариковъ и молодыхъ», и «всѣмъ равно даритъ лобзанія живыя, за «слезы золотыя, за кипящее вино»; наконецъ поэтъ приходитъ въ отчаяніе, думаетъ о быломъ, прощается, сердится, уверяетъ, что оны «печалены, золь на свѣтъ», а въ заключеніе объявляетъ, что оны *сбилъ съ толку и сталъ въ туманѣ* —

И что писать теперь безъ толку,
Когда нить мыслей въ голову?..
Не вдохновенье, какъ бывало, —
Бредеть на уль галилатья.
Теперь живу я машинально,
Что мнѣ въ грядущемъ ожидать?
Пойми меня, дружокъ, буквально —
Я сталъ въ туникъ.....

Точки поставлены сампмъ авторомъ, и вы можете дополнять смыслъ ихъ, какъ вамъ угодно.

14. Вторникъ на *Олиной недѣль*. Картина-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. *Н. С. Соколова*. Москва, въ тип. Лазар. Ипст. 1839 г. въ 12, 61 стр.

Въ Москвѣ есть старинный обычай: на Святой, когда всѣ лавки бываютъ заперты и никто не торгуетъ, купцы, пользуясь временемъ, считаютъ лавки свои, поверяютъ счеты, смѣкаютъ барыши, отбираютъ остатки, обрѣзки, *завалъ*, какъ они называютъ. Кому-то изъ нихъ и когда-то вдумалось объявить *продажу остатковъ по дешевой цѣнѣ, въ Олиныи поше-*

Дальникъ. Спекуляція была удачна. Народъ забылъ поговорку: «цѣна дешевая—товаръ гнилой,» и раскупилъ все — вѣдь мы охотники дешево покупать, а *ти гнилой товаръ* всегда найдется *купецъ смѣлой!* Имя генія изобрѣтателя продажи *дешеваго товара* въ Омниѣ понедѣльникъ неизвѣстно, по его выдумка осталась, и ужь никто въ Москвѣ не запоминтъ, какъ давно ведется обычай ходить въ ряды, покупать дешевой товаръ на Омнишой, въ поведѣльникъ и вторникъ. Тогда въ рядахъ Московскихъ протолпиться нельзя — тѣснота, толкотня, шумъ, гулянье; всѣ званія собираются тутъ и у купцовъ ярмарка; они даже парочно *готовятъ остатки*, рѣжутъ сицы въ лоскуты, ленты въ обрѣзки, и вся дрянь за цѣлый годъ сбывается, все, что вышло изъ моды—идеть, и часто съ большимъ барышомъ. Цены бываютъ тутъ презабавныя — сталкиваются барышни и служанки, франтики и офицеры, влокиты и зѣваки, купчихи и барыни, все ходить, говорить, шумить, торгуется, спорить, иногда ссорится, сердится, и проч. и проч. Добрая Москва любитъ временемъ пошалить, и шалить всегда по своему и оригинально.—Г-ну Соколову вздумлось представить на сценѣ Омниѣ вторникъ: вотъ представляются лавка, купецъ, прикащики; приходятъ барыни, торгуются, ссорятся; является франтъ, и вломится за чужою женою; мужъ ея ссорится съ нимъ; другіе супруги ссорятся между собою за моську; подъячій ухаживаетъ за служанкою; картежный игрокъ крадетъ платки; его ведутъ въ полицію, и все эо было представлено и хлоснулось на Московской сценѣ 17го Ноября, прошлаго года. Авторъ, печатая свой водевиль, подастъ *печатную* просьбу читающей публикѣ, и переноситъ апелляцію на ея судъ. Кажется, рѣшеніе публики будетъ такое: «За недѣльностью просьбы, чelобитчику отказать, съ подтвержденіемъ, чтобы и впредь подобными просьбами публики не отягощать.»

15. Изученіе *балетныхъ танцовъ*. Соч. А. Максина. Съ рисунками и нотами д-ра Фортеніано. Москва въ тип. Н. Степанова, 1859 г. въ 8, 4 стр., съ нотами и рисунками.

Худо родиться геніальному художнику *рано* — онъ будетъ Колумбъ, не имѣющій средствъ осуществить свою великую идею, а еще хуже родится *поздно* — онъ будетъ Дошъ Кихоть, смѣшпой съ своею великою идеею! Выйди книжечка г-на Максина лѣтъ за 30-та когда мы танцовали такъ усерд-

по и мапимаски и экосезы, рисовались и стучали въ мазуркахъ, выдѣлывали пожками, *на де-ригодонъ* и *жетте ассамбле*, и *на де-баскъ*, и въ *шоссе* ходили на пальчикахъ — какой бы успѣхъ! А пыть... Увы! кто станетъ слушать слова г-на М. о дурной методѣ танцовъ, о томъ, что надобно держаться хорошо, что искусный танецъ есть признакъ образованнаго чловѣка, что родители должны избирать систематическаго учителя... Но пусть голосъ г-на М. будетъ голосомъ безъ отголоска въ пустынь, а онъ излагаетъ систематически и подробно всю методу старинныхъ танцовъ, изъясняетъ всѣ *на*, всѣ *фигуры* кадрилией, вальсовъ, экосезовъ, мазурокъ, прилагаетъ рисунки, поты; всѣ *позици* у него описаны и на картинѣ представлены, и — ужъ я не знаю, кто се выучится плясать при такомъ подробномъ наставленіи — развѣ... развѣ уродъ какой нибудь! Бываютъ иногда люди, что хоть ты какъ хочешь бейся съ ними — на все другое они горазды, а танцевать не смогутъ! Когда Англійская Королева пожаловала въ министры лорда Честерфильда, танцмейстеръ, учившій его прежде, пожалъ плечами, и съ изумленіемъ сказалъ: «Не знаю, что нашла въ немъ Королева — я бился съ нимъ цѣлый годъ, и онъ ничего понять не могъ!» — Но по книжечкѣ г-на М., конечно, и Честерфильдъ плясалъ бы, какъ козочка... Такъ, да къ чему это теперь?... Ученикъ г-на Максина, отправляясь на балъ, долженъ быть непременно забыть всѣ его правила, — ходить, а не пыгать, горбиться и представлять ротозѣя, а не вытягиваться, и пропускать не только *соло* и *на*, но едва, едва дѣлать *фигуры*... Тогда только онъ будетъ модный танцоръ, пытъшій плясунъ... О времена! о правы! Да, чтожь намъ-то дѣлать? Весь свѣтъ не переучишь, и время *минуттовъ* и *аллелюювъ* пролетѣю, и такъ же невозвратно, какъ пудра, развѣянныя съ нариковъ нашихъ дѣдовъ, какъ — какъ... что бы такое?... Да, что не пролетаетъ въ здѣшнемъ міръ? И слава, и молодость, и счастье. Одниъ изъ нашихъ поэтовъ справедливо и прекрасно сказалъ:

Что счастье коловрачо,
Нельзя не знать томъ,
А мы еще стократно
Превратимъ его!...

IX.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Молитвою начали Россія и Царь ея *новый годъ*. Въ 1-й день Января, въ который празднуется день рожденіи Е. И. В. Государыни Великой Княгини Елены Павловны, отправлена была Духовникомъ, протопресвитеромъ *Музовскимъ* въ Придворномъ Соборѣ Зимняго Дворца божественная литургія, въ присутствіи: И. И. В. Государя Императора и Государыни Императрицы, и И. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, Государей Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Павловича, Государынь Великихъ Княжешъ Александры Николаевны и Маріи Михайловны, Герцога Лейхтенбергскаго и Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго. И. И. В. Великіе Князья Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна и Государыня Великая Княжна Ольга

Николаевна, изволили слушать литургію съ хоръ церкви. Члены Государственнаго Совѣта, Министры, Сенаторы, Придворные, и другіе знатные особы обоюга пола, имѣющія пріѣздъ ко Двору, Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, арміи и флота, находились при литургіи, по окончаніи коей Ихъ Императорскимъ Величествамаъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамаъ приносили въ церкви поздравленіе Члены Святѣйшаго Синода и Придворное Духовенство. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.— 6-го Января, въ день Богоявленія Господня, и празднованія Рожденія Е. И. В. Государыни Великой Княгини Анны Павловны, совершена была въ Придворномъ Соборѣ Зимняго Дворца высокопреосвященнымъ *Филаретомъ*, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, съ Членами Святѣйшаго Синода и Придворнымъ Духовенствомъ, божественная литургія, въ присутствіи И. И. В. Государя Императора и Государыни Императрицы, И. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, Герцога Лейхтенбергскаго и Его Свѣтлости Шпринца Петра Ольденбургскаго. И. И. В. Великая Княгиня Марія Николаевна и Великая Княжна Александра Николаевна изволили слушать литургію съ хоръ большой церкви, а Е. И. В. Великая Княжна Ольга Николаевна въ малой церкви, въ которой службу совершалъ протоіерей *Божановъ*. Члены Государственнаго Совѣта, Министры, Придворные особы, Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, арміи и флота, находились также при литургіи, по окончаніи коей были парадъ и крестный ходъ, слѣдовавшій, чрезъ залы Дворца, на устроенную у берега рѣки Невы Юрдань, гдѣ происходило, съ обыкновенною церемоніею, водосвященіе, при пушечныхъ выстрѣлахъ съ

Петропавловской крѣпости, и окропленіе знаменъ и штандартовъ роты Дворцовыхъ Гренадеровъ, полковъ Лейбъ-Гвардіи и Военно-Учебныхъ заведеній.

Декабря 26-го, геп. отъ инф., генераль-адъютантъ, *графъ Поццо ди-Борго*, по прошенію его; всемило-стивѣйше уволенъ отъ исправленія должности Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла при Великобританскомъ Дворѣ.—Декабря 31-го, Д. Т. С., Министру Юстиціи, Статсъ-Секретарю *Блудову*, Высочайше повелѣно вступить въ главное управленіе дѣлами II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, съ сохраненіемъ званія Статсъ-Секретаря, а Статсъ-Секретарю, *графу Паничу*, повелѣно быть, вмѣсто него, Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, съ оставленіемъ и въ званіи Статсъ-Секретаря при Особѣ Е. И. В.

Великобританія. Въ Лондонѣ дѣлаются большія приготовленія къ бракосочетанію Королевы, которое, какъ говорятъ, совершится 10-го Февраля. Обрядъ вѣнчанія будетъ въ Виндзорской церкви Св. Георгія, хотя и въ Сенъ-Джемской придворной церкви приготовленія идутъ поспѣшно. Маркизь *Кунингамъ* и графъ *Гросвеноръ* отправляются въ Германію, для поднесенія ордена Подвязки жениху Королевы, Принцу Алберту.

Франція. Послѣ открытія Королемъ засѣданія обвѣихъ Палатъ 23-го Декабря, на другой день открылись засѣданія въ *Палатѣ Перовъ*, гдѣ избраны президентами семи ея отдѣленій (bureau): графъ Молльенъ, Тарбе де-Воклеръ, вице-адмиралъ Вилломезъ, графъ Каффарелли, графъ Моле, Герцогъ Орлеанскій и графъ Симеонъ; членами Комиссіи прошеній: Камбасересъ, Персиль, Мильяръ, баронъ Карль Дюпелъ, маркизь Лапласъ, графъ Таше и

Гюмбло-Конте, а въ Коммиссію для составленія адреса: баронъ Мунье, Мерильу, Бурдо, баронъ Фревилль, графъ Моле, графъ Руа, графъ Порталисъ. — Января 5-го читанъ былъ проэктъ адреса, или отвѣта на королевскую рѣчь, и послѣ преній, продолжавшихся и 7-го числа, адресъ былъ утвержденъ, съ немногими переменами; 9-го онъ поднесенъ Королю, а 11-го представлены уже Палатѣ проэктъ разныхъ дѣлъ и законовъ (о вознагражденіи потерпѣвшихъ убытки на Сень-Доминго; о малыхъ желѣзныхъ дорогахъ; о занятіяхъ малолѣтнихъ работниковъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, и проч.) — Въ *Палатѣ Депутатовъ*, 24-го Декабря, избранъ былъ въ президенты: г-нъ Созе (172 голосами противъ 94-хъ, которые имѣлъ Одильонъ-Барро); 26-го, избраны вице-президентами гг. Кальмонъ (193 голоса), Ганнеронъ (167), Жакемино (163); выборъ 4-го вице-президента колебался между гг. Мартеномъ (123) и Вивьеномъ (121); 27-го первый изъ нихъ былъ избранъ. Января 7-го, представленъ былъ Палатѣ проэктъ адреса Королю, и послѣ весьма незамѣчательныхъ преній, принятъ Января 15-го, а на другой день Депутація Палаты поднесла его Королю.

Нидерландія. Декабря 28-го представленъ 2-й Палатѣ Штатовъ проэктъ о новомъ устройствѣ мѣстной администраціи государства, по которому Нидерландское королевство отнынѣ должно раздѣляться на девять областей (Сѣверный Брабантъ, Гельдерландъ, Голландія, Зеландія, Утрехтъ, Фрисландія, Оберъ-Иссель, Гренингенъ и Дренте), съ отдѣльнымъ герцогствомъ Лимбургскимъ, какъ частію Германскаго Союза, и герцогствомъ Луксембургскимъ, состоящимъ также на особыхъ правахъ. Вторая Палата должна отнынѣ состоять изъ 58 изби-

раемыхъ областями Депутатовъ, а первал, не менѣе какъ изъ 20-ти, и не болѣе какъ изъ 30-ти членовъ, опредѣляемыхъ Королемъ, на всю жизнь, съ тѣмъ, что каждый членъ долженъ имѣть не менѣе 40 лѣтъ отъ роду.

Швеція. По случаю возникшихъ разногласій о правахъ Швеціи на плаваніе по Зунду, Коммерцъ-Коллегія представила Королю докладъ, по которому находится, что Швеція имѣетъ право на свободный пропускъ ея кораблей, и платежъ пошлинъ только, по договору 1701 года и тарифу 1558 года, безъ всякихъ накладокъ и безъ осмотра судовъ, когда притомъ очищеніе пошлиною Шведскихъ кораблей должно производиться прежде всѣхъ другихъ кораблей, съ правомъ кредита, или отсрочки пошлинъ. — Шведская Академія, въ торжественномъ засѣданіи 20-го Декабря, раздала пять премій, за представленныя ей въ конкурсѣ 26 стихотвореній и 4 сочиненія въ прозѣ. Первую премію получилъ нашъ Финляндскій поэтъ *Рунебергъ*.

Германія. Въ Виртембергѣ учреждена новая военная награда, состоящая изъ бронзовой медали, носимой на черной ленточкѣ, съ красными полосами. На одной сторонѣ ея буква W; на другой надпись подъ щитомъ, съ двумя мечами: «За вѣрную службу въ (такихъ-то) походахъ.» Право на полученіе медали имѣетъ каждый, находящійся въ Виртембергской службѣ, и участвовавшій въ какомъ либо походѣ Виртембергскихъ войскъ.

Въ Гомбургѣ, Января 10-го, скончалась вдова покойнаго ландграфа Фридриха, ландграфиня *Елисавета*, урожденная Принцесса Великобританская, вторая тетка нынѣшней Англійской Королевы, родившаяся въ 1770 году.

Швейцарія. Послѣ семи-лѣтней отсрочки и подробныхъ судебныхъ изслѣдованій, въ Бернѣ рѣшена наконецъ участь заговорщиковъ, которые противились новымъ упрежденіямъ, принятымъ Бернскимъ кантономъ 19-го Мая 1832 года, и составили было заговоръ ниспровергнуть ихъ. Они были арестованы въ Августъ того же года (за исключеніемъ трехъ бѣжавшихъ; пятеро умерли въ послѣдствіи подъ судомъ); число всѣхъ подсудимыхъ простиралось до 295. Изъ нихъ: Лентульсъ, Фишеръ и Вердтъ (бѣжавшіе), осуждены на 10 и на 7 лѣтъ тюремнаго заключенія, Виттенбахъ и Зиро на 5-ть, и 97 человекъ отъ 5-ти до 4-хъ; за приготовленіе оружія заговорщикамъ, 6-ть человекъ осуждены на заключеніе на два года и на годъ; 35-ть, за неоткрытіе заговора, на двухъ-лѣтнее и полутора-годовое изгнаніе; 65-ть, оставлены въ подозрѣніи; 29 освобождены, а 58-мъ оказавшимся совершенно невинными, определено выдать даже денежное награжденіе. Судебныя издержки, и 100,000 фр., издержанныхъ въ 1832 году на отвращеніе заговора, и на содержаніе на военной ногѣ охранительнаго войска, въ теченіе двухъ мѣсяцовъ по открытіи его, определено взыскать съ осужденныхъ.

Испанія. Въ концѣ Декабря, Кабрера оказывалъ необыкновенную дѣятельность; онъ укрѣпляетъ теперь на Эбро города *Ф.шхъ* и *Мору*, закрывая ими *Алканисъ*, гдѣ главная квартира его; сообщенія его съ Каталонією остаются свободны. Писали однакожь потомъ, что онъ сдѣлался очень боленъ, такъ, что отчаиваются въ его жизни. Декабря 15-го Карлисты нападали на *Береу*, и 19-го на *Хинибросхъ*, но были отбиты съ урономъ.

Португалія. Января 2-го, въ Лиссабонѣ откры-

ты засѣданія *Кортесовъ*. Королева въ рѣчи своей упрямнула о спорѣ съ Испаніею за владѣніе устьемъ Гвадіаны, трактатъ съ Франціею, договоръ съ Нидерландами, переговорахъ съ Папою, новыхъ проектовъ законовъ. Но самое замѣчательное было объявленіе ея о протестѣ противъ рѣшенія Англіи, по которому Англійскимъ крейсерамъ предписано захватывать всѣ Португальскіе корабли, подозрѣваемые въ торговлѣ Неграми. Рѣшеніе приведено въ исполненіе такъ быстро, что уже множество Португальскихъ судовъ взято Англичанами. Англійскій военный бригъ *Коломбина*, подъ начальствомъ капитана *Элліота*, вошелъ въ Португальскую гавань Запру, на берегахъ Анголы, захватилъ тамъ Португальскіе военные, бригъ *Нептунъ* и шхуну *Ангерона*, овладѣлъ ими и потопилъ ихъ. Португальскіе журналы наполнены протестами и воплями противъ такого насильственнаго поступка; они жестоко обвиняютъ начальника Анголы, вице-адмирала Норонгу, въ трусости и измѣнѣ, ибо онъ не позволилъ другимъ Португальскимъ судамъ вступиться силою за истребленные Англичанами корабли, и рѣшительно призываютъ Правительство къ войнѣ съ Англіею; но образъ выраженія въ рѣчи Королевы показываетъ, что Португальское Правительство, хотя и протестуетъ въ обидѣ и убыткахъ, но надѣется однакожь мирно кончить начавшееся недоумѣніе.

Турція. Послѣ извѣстнаго гатти-шерифа Султанскаго, издаво дополнительное положеніе о порядкѣ подачи голосовъ въ судахъ и совѣтахъ. Султанъ повелѣваетъ каждому члену свободно подавать свое мнѣніе, хотя бы онъ былъ и младшій; въ случаѣ несогласія съ большинствомъ; каждый имѣетъ право протеста, и мнѣніе его письменно предста-

вдается рѣшенію: Султана отълично, съ тѣмъ, что всякій испротестовавшій, но имѣеть уже потомъ права, возвращеніа, и въ случаѣ жалобы его подвергается оуду, какъ неисполнившій своей обязанности.

Аравія. Пишуть о разбитіи войскъ Ишма Именскаго. Ибрагимомъ Пашкою младшимъ, и покореніи главнаго народа Йемена, Самы, Египетскими войсками, Такое завоеваніе дѣлаеть Мегемета Али, властителемъ всего Йемена, и богатыхъ его кофейныхъ областей. Уже въ 1838 году, вѣрломнымъ убійствомъ шейха Гассаца, Египтяне завладѣли городомъ *Таэзомъ*, составляющимъ ключъ къ Йемену. Теперь принадлежитъ Мегемету-Али все побережье Чернаго моря до самаго Маската. Въ Геджѣ, Ахметъ-Паша снова разбилъ войска степныхъ Аравитанъ.

Алжиръ. Имя Франціи поспѣшно отправляютъ въ Африку подкрѣпленія. Французы готовятъ тамъ войско, но походъ отлагается до весны, и Абдъ-Эль-Кадеръ занимаетъ долины и пространства по Алжирской области, между крѣпостями и лагерями Французовъ. Близъ Блidy произошло сраженіе сильнаго корпуса Аравитанъ съ 3,000-ю колонною Французовъ. Арабы дрались уперно, но были разбиты.

Америка. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ безпкойствомъ ждуть окончанія областныхъ выборовъ, чѣмъ долженъ будетъ рѣшиться выборъ Президента. Генераль *Скоттъ* и г-нъ *Клей* судъ два кандидата, на которыхъ сосредоточиваются голоса двухъ соперничающихъ партій.

Гватимала протестуетъ противъ занятія Англичанами острова Роатана, и прекращаетъ торговлю и сношенія съ ними, если они не очистятъ Роатана.

Въ Буэнос-Айресь дѣла, кажется, приближаются къ развязкѣ. Съ одной стороны, генераль Ливалья, соперникъ Розаса, съ острова Мартинагарци, вступилъ съ войскомъ въ Корриентесъ, и идетъ на Буэнос-Айресь; съ другой Орибесъ и Ачаге, соперники нынѣшняго Уругвайскаго Президента, Фруктуозо Риберы, подкрѣпленные Розасомъ, перенесли уже области Энтреріосъ, вступили въ Банду и приближаются къ Монтевидео. Французы высадили на помощь Риберы сильный отрядъ войска. — Въ Бразиліи продолжаются волненія; инсургенты заняли Кахיאсъ и Папикуръ, и оказали свирѣпое и кровавое ищеніе надъ всѣми противниками.

НЕКРОЛОГЪ.

І. Л. Де-Келенъ, архіепископъ Парижскій, род. въ 1778 г., сконч. въ Парижѣ 1-го Января. Смертью его очистилось мѣсто академика во Французской Академіи, которое прежде всѣхъ занимаемо было, при основаніи Академіи, епископомъ Годо, до 1672 г. — Его преемниками были: Флешье, до 1710 г., епископъ Несмондъ, до 1728 г., министр Амелотъ, до 1749 г., маршалъ Белиль, до 1761 г., аббатъ Трюбле, до 1790 г., Сенъ-Ламберъ, до 1803 г., Маре, Герцогъ Бассано, до исключенія его, при Бурбонахъ, въ 1816 г. — На его мѣсто поступилъ тогда епископъ Боссе, и занималъ кресла академическія до 1824 г., когда поступили они архіепископу Парижскому. Полагаютъ, что на мѣсто его изберутъ нынѣ — *Виктора Гюго!*

Въ Англіи скончалась мать знаменитаго лорда Бруггама, Генриетта Бруггамъ, на 87 году отъ рожденія. Бѣдныя оплакиваютъ память сей добродѣтельной и благочестивой

женщины, которая была матерью скорбящихъ и сиротъ, окончивая послѣднiе годы жизни въ уединенiи, замкъ сына своего, Брумъ-Галль, въ Вестмореландъ. — Въ Иенѣ умерла мать славнаго фортепiаниста Гуммеля, Маргарита Гуммель, на 93 году жизни. — Въ Лееваарденъ умеръ знаменитый Голландскiй живописецъ цвѣтовъ Эелькема; онъ былъ глухо-нѣмой отъ рожденiя, а въ послѣднее время и ослѣпъ. — Въ Allg. Zeitung пишутъ о кончинѣ Литовскаго помѣщика графа Тышкевича, который умеръ въ помѣстьи своемъ Волошинъ (Voloszyn), и оставилъ въ наследство 3-мъ сыновьямъ своимъ 60,000 душъ крестьянъ, и на 36 милльоновъ Польскихъ гульденовъ (Polnische Gulden?) капиталовъ наличныхъ и въ банкахъ (6-ть милльоновъ рейхс-талеровъ).

—

Въ Парижѣ умеръ Баронъ Иванъ (Yvan), бывшiй некогда лейбъ-медикомъ Наполеона, и бѣжавшiй отъ него изъ Фонтенебло, когда счастье оставило повелителя Францiи, въ 1814 г. — Во время Бурбоновъ, онъ пользовался большими милостями.

=

Х.

ИСТОРИЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Недавно вышла въ Парижъ любопытная для насъ книга: *Исторія языка и литературы Славянъ, Русскихъ, Сербовъ, Богемцевъ, Поляковъ и Литовцевъ* (Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, etc.), составленная Ф. Г. Эйхгофомъ. Мы не видали еще ея. Авторъ говоритъ объ Исторіи Славянъ и Литовцевъ, языкахъ ихъ, литературахъ, а въ концѣ прилагаетъ переводы, между прочимъ *Слова о полку Игоревомъ* и *Оды Богъ*, повторяя сказку о томъ, что Ода Богъ, будто бы, переведена по Китайски и по Японски, и написанная золотыми буквами, выставлена во дворецъ Богдыхана въ Пекинъ и въ храмъ въ Геддо. Благодаримъ за такую честь, но судя по отрывку въ одномъ журналѣ — вѣтъ нашей поэзіи удачи въ переводчикахъ Французскихъ! Г-нъ Эйхгофъ очень плохо передаетъ Французамъ Державина. Вспомните строфы: *Хаоса бытность довременну, до стиха: Я есмь — конечно, есь и ты!* и посмотрите, какую риторическую амплонкацію замѣняетъ стихи нашего пѣвца переводчикъ:

De la création que ton souffle pénètre,
Tous les cercles unis se confondent en toi;
Ce qui semble périr s'éclipse pour renaître,
Et la vie à la mort s'enchaîne par ta loi.

Dans les champs de l'éther, fécondes étincelles,
 Jaillirent par essaims les étoiles nouvelles,
 D'innombrables soleils brillèrent sous tes pas:
 Ainsi qu'en un beau jour, sur les plaines neigeuses,
 Le givre, s'épanchant en perles lumineuses,
 Tourbillonne et scintille au milieu des frimas.

Aussi loin que s'étend ta puissance infinie,
 Ces millions de feux proclament tes décrets;
 Dans l'immense domaine où s'agite la vie,
 Sur des êtres sans nombre ils versent les bienfaits.

Mais, au sommet des cieux, ces lampes rayonnantes,
 Ces criant, au milieu en globes scintillantes,
 Ces globes d'or flottant sur des vagues d'azur,
 Ces gloires, sillonnant les plaines éthérées,
 A ta gloire ineffable un instant comparées,
 Seraient ce qu'est la nuit à l'éclat d'un jour pur.

Comme une goutte d'eau dans l'Océan perdue,
 L'univers tout entier s'efface à ta splendeur;
 Mais jusqu'où mes regards sondent-ils l'étendue?

Et que sais-je moi-même auprès de toi, Seigneur?

Si, peuplant à mon gré ces cavités profondes,

Par-delà tous les cieux, par-delà tous les mondes,

Je semais de soleils le gouffre aérien,

Leur foule, accumulée en ta sainte présence,

Que serait-elle? Un point dans ton orbite immense;

Et moi, vain possesseur, hélas! je ne sais rien.

Rien... Mais toujours présente, à bon air, déposée,

Ta grace me relève en m'attirant à toi;

Comme l'aube du jour colore la rosée,

Tes divines clartés se reflètent en moi!

Rien... Mais mon cœur s'émeut d'amour et d'allégresse;

Aux célestes harpes de ton esprit sans cesse,

Un vol irrésistible entraîne mes esprits;

Je reconnais ma force au sein de ma misère,

Je sens, je réfléchis, je raisonne, j'espère;

J'existe, et tout en moi proclame que tu vis!

Г-жа Ламартинъ, супруга известнаго поэта, и женщина съ превосходнымъ дарованіемъ въ живописи, обладаетъ драгоценнымъ альбомомъ, гдѣ вписаны стихи всѣхъ замѣчательныхъ поэтовъ нынѣшней Франціи, и находится множество превосходныхъ рисунковъ. Недавно одинъ изъ известныхъ артистовъ нарисовалъ въ альбомъ г-жи Ламартинъ, вмѣсто картинки, на листкѣ бумаги, прелестную раму, составленную изъ цвѣтовъ, плодовъ, насекомыхъ — бабочекъ, пчелъ; роза свивается тутъ съ дубомъ; вѣтви винограда переплетаются съ неньюфарами и незабудками; на колосьяхъ лежатъ персики. Срединя листка оставалась бѣлою. Артистъ просилъ Ламартина написать тутъ стихи, и вотъ что написалъ поэтъ:

Insectes bourdonnants, papillons, fleurs ailées,
 Aux touffes des rosiers lianes enroulées,
 Convolvulus tressés aux fils des lisérons,
 Pervenches, beaux yeux bleus qui regardes dans l'ombre,
 Nénufars endormis sur les eaux, fleurs sans nombre,
 Calices qui noyez les trompes des cirons;

Fruits où mon Dieu parfume avec tant d'abondance
 Le pain de ses saisons et de sa providence;
 Figue, où brille sur l'œil une larme de miel,
 Pêches, qui ressemblent aux pudeurs de la joue,
 Oiseau, qui fais reluire un écrin sur ta roue,
 Et dont le cou de moire a fixé l'arc-en-ciel!

La main qui vous peignit en confuse guirlande
 Devant vos yeux, Seigneur, en étale l'offrande,
 Comme on offre à vos pieds la gerbe de vos dons.
 Vous avez tout produit; contemplez votre ouvrage.
 Et nous, dont les besoins sont encore un hommage,
 Rendens grâces toujours et toujours demandens!

Въ Парижѣ выйдутъ два новыя замѣчательныя книги: *Sièges de Saragosse (Осады Саратоссы)*. Исторія и картина событій въ семъ городѣ, во время двухъ осадъ его, въ 1808 и 1809 гг. Соч. генерала барона Лажёна (par le

général baron Lejeune, въ 8, съ планомъ). — Histoire de l'expédition des Français en Egypte (*Исторія похода Французовъ въ Египетъ*), сочиненіе Накула эль-Турка, Египетскаго ученаго шейха, съ Арабскаго переведенное *Дегранжемъ Старшимъ*, съ приложеніемъ Арабскаго текста. Любопытно видѣть образчикъ новѣйшей Египетской литтературы.

XI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Изъ отчета *Общества поощренія художниковъ* узнаемъ разныя любопытныя подробности о трудахъ художниковъ нашихъ, и пособіяхъ, какія Общество имъ оказываетъ. Вотъ самое замѣчательное: граверъ *Пищалкинъ* оканчиваетъ эстампъ съ Рафаэлевой картины: «Святое Семейство», а академикъ *Горданъ* началъ огромный эстампъ съ его безсмертнаго «Преображенія». Братъ извѣстнаго ваятеля, *баронъ Константинъ Клотъ ф. Юргенбургъ*, совершилъ путешествіе за границу, для усовершенствованія своего въ гравированіи на деревѣ (Академія и Общество выдали ему для того въ пособіе 5,000 рублей). Общество издаетъ альбомъ Русскихъ костюмовъ, подъ названіемъ: *Сцены Русскаго престопа-роднаго быта*, для котораго рисунки готовитъ рисовальщикъ *Щодровский*. Положено издать виды Москвы, снятіе которыхъ препоручено особенно молодому зодчему *Резанову*. Академикъ *Ивановъ*, находящійся въ Римѣ, и въ теченіе 9-ти лѣтъ получавшій отъ Общества вспоможеніе, занимается огромною картиною, *Явленіе Мессіи*. Живописецъ *Плаховъ*, находясь въ Германіи, и получивъ тамъ благотворное пособіе отъ Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника, посвятилъ себя особенно изученію произведеній школы тамошнихъ современныхъ живописцовъ. Знаменитый *Бруни* приготовилъ нѣсколько тетрадей *Очерковъ событій изъ Русской Исторіи*, и самъ гравируетъ ихъ, по заказу Общества; изъясненія къ нимъ со-

сдѣлано въ г-на Шудегина и Развиль. Авраамъ Боденъ, отпра-
вился въ Крымъ, для снятія тамошнихъ видовъ.

Скоро получимъ мы превосходный эстампъ, выгравиро-
ванный, акватинта, известнымъ художникомъ Фросте:
онъ изображаетъ Петра Великаго, и кромѣ изящества,
будетъ драгоцененъ и по историческимъ отношеніямъ.
Петръ изображенъ во весь ростъ, стоящій подлѣ стола;
передъ нимъ планъ Петербурга; въ рукахъ его цѣркуль;
въ сторонѣ модель корабля. Лицо нашего безсмертнаго
Царя снято съ портрета, писаннаго съ него въ Голландіи,
и находящагося у Графа Н. С. Мордвинова. Мундиръ на
немъ тотъ самый, который былъ на Петрѣ въ Полтавской
битвѣ и нынѣ хранится въ Аусональ; въ сторонѣ его
прострѣленная шляпа — святыня Россіи; модель корабля
взята съ модели, находящейся въ Кунстъ-Камерѣ; даже
чернилица, на столѣ стоящая, орисована съ хранящейся
въ Сенатѣ. — Г-нъ Фросте полагаетъ необыкновенно де-
шевую цѣну за свое превосходное произведеніе — 35 рубль.
исстигн. за экземпляръ. Желающіе могутъ видѣть эстампъ
у г-на Фросте (близъ Симоновскаго моста, въ доузѣ Слу-
чевскаго, № 15). Кто не пожедастъ имѣть портрета без-
смертнаго Петра, котораго донынѣ не было у насъ, сдѣ-
ланнаго съ художническою тщательностію и желаемымъ
изяществомъ!

Въ Спб. Ицель ницуютъ объ окончаніи одного изъ чет-
тырехъ барельефовъ, предназначаемыхъ для фронтонной
нашего великолѣпнаго Исакіевскаго Собора (который въ
нынешнемъ году будетъ снаружи совершенно оконченъ
вчера). Золотой ирестъ его уже сидѣтъ надъ громадами
Петербурга, и снимаемыя постепенно дѣла являютъ уже
ямъ величіе и мажество его благороднаго зодчества).
Барельефъ сдѣланъ Парижскимъ ваятелемъ Демеромъ (твор-
комъ барельефа на Магдалининской церкви въ Парижѣ).
Онъ изображаетъ Воскресеніе Господне, и видѣніе его

говорятъ, что онъ составилъ одно изъ превосходныхъ произведеній новейшаго ваянiя.

Въ деревнѣ Бойтовѣ, принадлежащей Н. А. Кашинцову, близъ Шуи, на берегу Тезы, найденъ крестьяниномъ при рытiи погреба глиняный кувшинъ, и въ немъ до 6-ти фунтовъ вѣсомъ старинныхъ серебряныхъ монетъ, или копѣекъ, принадлежащихъ времени отъ Иоанна IV-го до Мухаммада, но нѣкоторыя изъ нихъ и болѣе древни, съ Татарскими надписями и разными изображенiями.

Въ Слѣ. Пчелъ помѣщена любопытная некрологія почтеннаго Адмирала *П. М. Рожнова*, скончавшагося въ прошедшемъ году. Какая прекрасная, свѣтлая, благодатная жизнь! родившись въ 1763 году, изъ незнатнаго дворянскаго рода, заслугою достигъ онъ высшихъ почестей и особенной довѣренности Монарховъ, служилъ непрерывно почти *шестьдесятъ* лѣтъ, всегда и всюду оправдывая званіе опытнаго моряка, дѣятельнаго чиновника, храбраго воина, честнаго человека, добраго семьянина и товарища. Да, пребудетъ память праведнаго съ похвалами!

Высочайше утвержденъ уставъ учреждаемаго въ Казани *Экономическаго Общества*, цѣлю коего будетъ усовершенствованіе въ приволжскомъ краю Сельскаго Хозяйства. Члены его взносятъ ежегодно по 50 рублей. Общество раздѣляется на шесть отдѣленій, изъ коихъ, кромѣ одного, управляющаго дѣлами, остальные четыре преимущественно живють въ виду, отдѣльно каждое, часть ученую, Земледѣліе и Сельское Домоводство, рукодѣлія и торговлю; и Гигіену человека и животныхъ. Общество предполагаетъ читать безденежно лекціи Физики, Химіи и Сельскаго Хозяйства, распространять полезныя орудія и машины, вводить новыя изобрѣтенія, дѣлать опыты агро-

технические и технологические, раздавать премии и давать пособия, а также завести образцовую ферму, кабинет моделей, и проч. — Пожелаемъ успѣха столь полезнымъ и благонамѣреннымъ предположеніямъ.

Ноября 6-го выдана привиллегія Великобритавскому подданному *И. Б. Геварду*, на пять лѣтъ, на *улучшенную Аргандову лампу*. — Того же числа, иностранцу *Блансюбе*, на шесть лѣтъ, на *новую паровую машину* (круговращающуюся, безъ поршней и клапановъ), весьма дешевую и экономическую. — Но на особенно замѣчательное изъ новѣйшихъ открытій получилъ привиллегію (на шесть лѣтъ) ген. лейт. *Потье* (Октября 30-го), а именно, на *машину, въ которой пары замѣняются воздухомъ*, составляя новаго рода двигателя. Машина изобрѣтена во Франціи механикомъ *Франшо*, и можетъ совершенно замѣнить паровыя, съ большими притомъ выгодами, ибо, 1-е, сберегаетъ топлива отъ $\frac{5}{4}$ до $\frac{8}{9}$; 2-е, не подвергается взрыву; 3-е, не имѣетъ надобности въ паровикахъ, чѣмъ значительно уменьшаются грузъ и громоздкость снаряда; 4-е, начинаетъ дѣйствовать немедленно, когда паровая всегда требуетъ предварительной растопки. Паровыя машины легко могутъ быть передѣланы по новой системѣ въ воздуходѣйствующія, и если опытъ окончателно оправдаетъ предположенія изобрѣтателя, *замѣна пара воздухомъ* можетъ произвестъ большую революцію въ паровозахъ, пароходахъ и паровыхъ машинахъ.

Ученныя извѣстія. Съ Берлинской обсерваторіи открыта новая комета, Декабря 2-го, въ $17\frac{5}{4}$. Она была тогда близъ звѣзды γ , въ созвздіи Дѣвы. По вычетамъ пути ея оказывается, что ее видѣли въ то же время *Шумахеръ* въ *Альтонѣ* и *Богуславскій* въ *Бреславлѣ*. Въ самомъ близкомъ разстояніи къ землѣ была она 10-го Декабря, а мы и не замѣтили ея!

По плану, для обозрѣнія древностей въ Персіи, которое предпринимаетъ ученая Комиссія, отправленная при новомъ Французскомъ послѣ графъ Серсе, предположено: изъ Тегерана осмотрѣть развалины древняго Rhagae (нынешней *Рей*); потомъ близъ Гамадана, на дорогѣ въ Багдадъ, развалины *Экбатаны*; далѣе къ Керманшаху барельефы горы Бизутуны; остатки храма въ *Канживарь*; барельефы горы Такъ-Востана; близъ Серъ-Пуля, развалины *Гольвана*; гробницы *Дуккари-Даудъ* (двухъ царей); остатки крѣпости *Калаги-Куни*; развалины въ Деиръ, Гилаасъ, Зарнакъ, Сирванъ (гробъ Нуширвана); развалины *Сузъ*; остатки и водопроводъ *Шагабадскій*; близъ Шустера, развалины столицы *Арзацидовъ*; близъ Багдада остатки *Ктезифона* и *Вавилона*. Другое направленіе экспедиціи будетъ отъ Испагани къ Ширазу — славный *Персеполь*; изъ Шираза въ Кирранъ храмъ *Маговъ*; остатки *Назагарды*; развалины *Дарабгерда* (города Даріева), въ Фиру-Забадъ храмъ *Маговъ*, и проч.

Химикъ Деви представилъ Парижской Академіи изслѣдованія о весьма малозвѣстныхъ донынѣ *двухъ новыхъ минералахъ*, которые найдены въ трещинахъ гнейса, близъ Балтимора, докторомъ Гайденомъ, въ 1822 году, и названы *Гайденитомъ* (*Haudénit*) и *Зоолитомъ* (Деви предлагаетъ назвать послѣдній *Бомонтитомъ*). Они находятся въ гнейсѣ кристаллами, прикрытые слоевъ гидратоваго желѣза (*fer hydraté*); крѣпость ихъ равна плавиковою извести (*chaux fluatée*); цвѣтъ желто-темноватый и зеленватый. — Химикъ Бюсси, разлагая *горчицное масло* (*huile de moutard*), находитъ, что оно производится отъ возсоединенія (реакціи) водою двухъ различныхъ веществъ; изъ коихъ одно, кислоту (*acide*), называетъ онъ *мироникомъ* (*пугопикое*), а другое, родъ бѣлка (*albumine*), *мирониномъ* (*пугоиное*). Первое находится особенно въ черной горчицѣ, смешанное съ поташемъ, а второе, дающее запахъ горчицъ, особенно въ желтой горчицѣ, въ которой мироника вовсе нѣтъ.

Въ годовомъ торжественномъ засѣданіи *Парижской Академіи* разданы награды: 2000 фр. г-ну Картеру, за его изобрѣтеніе для спасенія утопающихъ; награды г-нѣ Ажассонъ-де-Гронавоо и де-Боссаю, за ихъ бомбу, употребляемую для того же предмета; золотая медаль докторамъ Брайту, Солдну и Ройеру, за изслѣдованія sur les maladies de l'origine; 1000 фр. г-ну Мартину, за искусственную ногу. Даландову астрономическую премію получилъ г-нъ Брюссо, за сочиненіе sur la mesure d'un arc du parallèle moyen; статистическую премію г-нъ Дюшатель, за изысканія о Финистерскомъ департаментѣ; премію маркизы Лашлазъ выдали первому ученику Политехнической Школы, при вышшемъ выпускѣ; Піету.

Въ преобразованныхъ Венеціанскомъ и Миланскомъ *Институтахъ* (Istituto di Scienze, Lettere ed Arti) избраны членами слѣдующіе ученые особы: въ первомъ, *Г. Сантини*, дир. Падуиской обсерваторіи; *Т. Катулло*, проф.; докт. *Г. М. Зекчинелли*; *Д. Вол. Брера*; аббатъ *А. Зендриш*, проф. матем.; аббатъ *Фр. Заптедески*; проф. *Б. Априлисъ*; аббатъ и проф. *Г. Замбони*; проф. *А. Раккетти*; аббатъ и проф. *А. Менецъ*; вице-библіотекарь библ. С. Марка въ Венеціи, *Б. Гамба*; *Д. Авг. Фаттани*; *А. Пассини*; *Ф. А. Москони*, дир. матр. семинаріи; *П. Палеоконя*; *Г. Казони*, морской архитекторъ, и *Н. Конте да-Ріо*, проф. фил. — Во второмъ, президентъ *Графъ Окт. Кастильони*; вице-президентъ *Ф. Карлини*, дир. Миланской обсерваторіи; *Г. Морози*; аббатъ *П. Конфилъаки*, проф. физики въ Павіи; док. мед. *Г. Фантонетти*; графъ *П. Литта*; *А. Манзони*; проф. *Бордони*; проф. *Паницца*; проф. *Белли*; *Адрианъ Бамби* (географъ); д. *Маур. Д. Рускони*; *Октавіо Ферраріо*; *Д. Г. Лабусъ*; аббатъ *В. Катена*, библ. Амвроз. бібліотеки; *Г. Н. Піола*; д. *Іосифъ Ачерби*; *А. Крамеръ*; *Каттано Каттанео*, дир. Нумизм. кабинета; *А. Христоворисъ*; *Д. Юлій Ферраріо*, дир. библ. Брерской; профессоры: *А. Левати*, *Г. Моретти*, и през. Миланской Академіи Художествъ *К. Лондоніо*.

Художественныя известія. *Современная Нидерландская школа Живописи.* М. Фанъ-Бреке, Пелинкъ, Навецъ, Фанъ-Биверенъ, Брейквлагъ, Бракекеръ, Регенмортеръ, Шельсгоутъ, Кеккекъ, Шотель.— Вотъ что пишетъ редакторъ газеты Kunst Blatt, о современной намъ *Нидерландской школѣ Живописи*: «Прежнія школы, Итальянская и Нидерландская, сходны между собою по исторіи, и могутъ быть сравниваемы одна съ другою. Въ Италіи явились некогда Рафаэль, Микель-Анджело, Караччи, Тиціанъ и Корреджіо; въ Нидерландахъ замѣняются они *Рубенсомъ, Ван-дикоомъ, Янъ-Штееномъ, фанъ-деръ Гельстомъ, Рембрандтомъ, Гоббеомъ, Рюисдалемъ*, и сходство еще лучше можетъ быть доказано картинными галлерееми обѣихъ странъ, гдѣ собраны лучшія произведенія туземныхъ художниковъ; однакожъ наследники ихъ далеко не оправдали славы предковъ, судя по школамъ современныхъ намъ живописцовъ Италіи и Голландіи. Уваженіе къ нимъ налагаетъ обязанность содѣлать себя достойными памяти предковъ, и оказать дальнѣйшіе успѣхи, согласуясь со временемъ, чего по всей справедливости имѣеть право требовать гений времени. Но ни въ Италіи, ни въ Нидерландахъ не оправдывается нынѣ наше желаніе, ибо школа Итальянская, некогда вмѣстѣлище высокихъ идей, нынѣ представляетъ въ произведеніяхъ своихъ окрашенные статуи, а не людей, покрытыя тканями, а не одеждою. Школа Нидерландская, хотя никогда не процвѣтала въ высшей степеніи, но за то и не такъ упала, можетъ быть, потому именно, что никогда не возвышалась до величія Итальянской. По однообразной природѣ, окружавшей ее, невозможно ей было оставить принятаго ею пути, и еслибъ она и оставила его, то вскорѣ возвратилась бы къ нему снова.

Когда Король Людовикъ, въ началѣ нашего столѣтія, началъ поощрять художниковъ и способствовать изящнымъ искусствамъ въ Нидерландахъ, они быстро пришли въ хорошее состояніе. *Фанъ-деръ-Крой* первый представилъ тогда свои произведенія. Художникъ сей выступилъ изъ ряду другихъ, какъ искусный колористъ. За нимъ послѣдовали *Пиннеманъ, Годгесъ, Круземанъ*, какъ портретные живописцы, хотя первый изъ нихъ написалъ карти-

ны битвъ при Катръ-Бра и Ватерлоо. Умолчимъ о большихъ или меньшихъ достоинствахъ сихъ живописцовъ, потому, что они большей части любителей довольно известны. По соединеніи Бельгіи съ Голландією, Нидерландцы многое заняли у историческихъ живописцовъ южныхъ областей, какъ-то: Матвѣя Фанъ-Брее, Пелинка, Навеца, съ которыми имѣли больше сношеній. *Матвѣй Фанъ-Брее*, директоръ Академіи Художествъ въ Антверпенѣ, ревностно и неумолимо подвизался на своемъ поприщѣ, и приобрялъ благодарность, какъ въ своемъ особенномъ кругѣ дѣйствій, такъ и въ исторической живописи. Его чрезвычайное искусство въ механизмѣ живописи даже часто вредило ему, и не позволяло передавать въ картинахъ своихъ истины изображенія, при составленіи живописныхъ эффектовъ. Героическая сдача Лейдена бургомистромъ Фанъ-деръ-Верфомъ, послѣ знаменитой осады города Испанцами, въ 1574 г., изображена была имъ въ картинѣ, назначенной для тамошней ратуши, и это лучшая изъ картинъ, за которую надобно благодарить его искусную кисть. Съ ужасающею вѣрностью изображены голодные, изнуренныя, печальныя лица жителей, и между ними бургомистръ, требующій сдачи города, уже расквашающийся въ отказъ сдать его, и приготовляющій голодный народъ къ ужасному договору. Знаменитая картина сія занимаетъ цѣлую стѣну, но справедливо обвиняютъ художника въ томъ, что она не представляетъ мѣстности, относящейся къ Лейдену. Не такъ счастлива другая его картина: *Умиравшій Рубенсъ*, находящаяся въ Антверпенскомъ Музее; въ ней находимъ расположеніе лицъ, выраженіе ихъ и колоритъ не естественными. Въ кабинетъ графа Маурица (нынѣ въ Гарлемѣ), находятся вмѣстѣ двѣ картины Пелинка и Навеца. Одна представляетъ *Туалетъ Психеи*, другая *Воскрешеніе сына Сунамитлянки Пророкомъ Елисеемъ*. Въ первой картинѣ, предметъ взятъ изъ Греческой міеологіи, въ подражаніи школъ Давида, и хотя исполненъ съ блескомъ и вкусомъ, хотя плѣнительно хорошо изображены голова, руки, ноги Психеи, но міеъ Греціи слишкомъ явно пересаженъ на почву Нидерландскую. Пелинкъ жилъ въ то время, когда типъ Давидовскій былъ преобладающимъ, и художникъ увлеченъ былъ по теченію идей времени. Картина Навеца,

писанная въ Римѣ, дышитъ со всѣмъ другимъ чувствомъ; она благородна, исполнена религіозною кистью и отличается возвышенною простотою, которая должна быть исключительно типомъ предметовъ священныхъ. Естественный сюжетъ, твердая рука и простота расположенія, по нашему мнѣнію, содѣлываютъ мастерское произведеніе Навеца лучшею картиною во всей упомянутой нами галлерей. По возвращеніи изъ Рима, художникъ, въ картинахъ своихъ, полныхъ жизни, по колориту сдѣлался слишкомъ однообразенъ. *Vanpers*, въ 1830 году, въ картинахъ своей: *Лейденскій Бургомистръ*, избралъ предметъ уже обработанный Фанъ-Брее, но приобрѣлъ себѣ ею большую славу, такъ же, какъ и картину *Scène de la Révolution*, написанною въ 1835 г. Жаль, что не избралъ онъ лучшаго предмета, и на крыльяхъ природнаго дарованія, съ его чистою душою и тонкимъ вкусомъ, не возвысился изъ тины современныхъ событій. — Въ живописи особеннаго рода (*de genre*) отличились четыре художника: *Фанъ-Беверендъ* и *Брейкелааръ* въ Амстердамѣ, *Бракелееръ* и *Регенмортеръ* въ Антверпенѣ. Изъ числа ихъ осмѣлился мы почесть Фанъ-Беверена, въ его родѣ живописи, первымъ. Нельзя желать болѣе искусства въ расположеніи и болѣе истинны въ исполненіи мысли. Обыкновенно, сюжеты картинъ его дышатъ тихою меланхоліей, и соединяютъ въ себѣ притомъ столь возвышенный характеръ, что хотя относятся они къ живописи особеннаго рода, но легко могутъ быть одинаково причислены къ историческимъ. Изъ лучшихъ произведеній его назовемъ извѣстнѣйшее, *Размышляющую монахиню*. Изящество изображенія и нѣжность выраженія превосходны. Руки изображены съ особеннымъ искусствомъ и находятся въ совершенномъ согласіи съ характеромъ лица. Колоритъ, нѣжностью и правильностью своею, напоминаетъ лучшихъ живописцовъ прежней Нидерландской школы, хотя уклоняется отъ сходства съ ними въ освѣщеніи и подробностяхъ. Занавѣсь и одежда, написанные, какъ будто небрежно, сдѣланы для эффекта, ибо голова и руки были исключительно главною цѣлью картины. Брейкелааръ пишетъ увлекательно и совершенно оригинально, лица обыкновенныя, и проницательныя, видимыя ежечасно. Картины Бракелеера добродушны, правильны и живописны, потому

что предметами избиралъ онъ изящныя сцены изъ общества Голландцовъ, съ костюмами временъ Дона и Янъ-Штеена. Регенмортеръ избираетъ предметомъ для своей кисти, обыкновенно, народныя сцены и гумористическія событія изъ нисшаго класса, и все они носятъ на себѣ болѣе отпечатокъ искусства въ технической части, нежели признаки душевной жизни. — Между самыми достойными живописцами ландшафтными и морскими, предпочтительно назовемъ гг. *Шельсгоута*, *Кеккека* (Коеккоек) и *Шоталля*. Два первые приобрѣли большую славу; не только въ своемъ отечествѣ, но даже въ большей части Европы, и потому излишнимъ почитаемъ говорить что нибудь въ похвалу ихъ. Оба художника особенно отличаются въ изображеніяхъ зимы, и въ семъ родѣ представляютъ они столько поэтическаго, столько вѣрности въ изображеніяхъ природы, столько изученія технической ея части, что едва ли кто нибудь можетъ съ ними сравниться. Шотель, которымъ кончимъ мы рядъ современныхъ живописцевъ, по вѣрности изображенія воды и воздуха, стоитъ на высшей степени совершенства въ морскихъ картинахъ. Никто изъ соперниковъ его не можетъ сравниться съ нимъ въ изяществѣ изображенія и свободномъ расположеніи красокъ. Какъ будто вѣтеръ вѣетъ изъ картинъ его, и вода при поворотѣ корабля влажно разсыкается трюмомъ его, а пана и брызги вылетаютъ изъ рамы. По случаю представленія одной изъ картинъ его, Французская Академія въ Парижѣ долго думала, отдать ли предпочтеніе ему, или сопернику его Гюдену (Güdin), и только позія картинъ Гюдена превысила въ ея рѣшеніи однообразіе превосходной кисти Шотеля.

Промышленность и торговля. По поводу несогласій съ Китаемъ, обращаясь къ торговлѣ чаемъ въ Англій, находятъ, что въ послѣднія 60 лѣтъ, она болѣе нежели удесятирилась: въ 1783 году вывели чаю въ Англійю 3,087,616 фунтовъ, а въ 1838 году 36,681,496 фунтовъ. — Первый чай вывезенъ былъ въ 1669 году; въ 1711 году получили его 141,995 фунтовъ; въ 1731 году уже 816,773 фунта, въ 1784 году 8,608,437 фунтовъ; въ 1796 году 13,985,506

фунтовъ, а въ 1827 году 16,043,223 фунта. — Считая центнерами, полагаютъ, что въ Англии потребляютъ чаю ежегодно 380,000, въ Соединенныхъ Штатахъ 65,000, въ Голландіи 28,000, въ Германіи 20,000, во Франціи — только 2,300 центнеровъ. Въ Лондонѣ лежитъ теперь запасъ чаю не болѣе 350,000 центнеровъ.

Вопросъ объ опиумѣ раскрываетъ намъ ужасную новость: открывается, что употребленіе сего губельнаго зелья чрезвычайно распространилось и распространяется въ Англии. Вестминстерское Медицинское Общество имѣло нарочно собраніе, для выслушанія донесенія по сему предмету доктора Джонсона. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что число употребляющихъ опиумъ въ Англии почти равняется числу употребляющихъ чай, и что открытіе такого зла сдѣлано Обществами застрахованія жизни, замѣтившими необыкновенное усиленіе смертности. Позоръ, слѣдующій за употребленіемъ опиума, такъ еще кажется ужасенъ, что несчастные, уже привыкшіе къ нему, скрываютъ въ глубочайшей тайнѣ губельный развратъ свой. Но съ тѣмъ вѣсть, одурѣніе опиума такъ увлекательно, что они не могутъ уже отстать отъ него. Если извѣстіе справедливо, то Азія хорошо расплачивается съ Европою, за все, что тамъ дѣлали Европейцы. Хомера, чума и опиумъ стоятъ завоеваній Александра, владычества Римлянъ, и того, чего стоили Индіи Албукерки и Клейвы!

Въ слѣдствіе соглашенія Германскихъ государствъ, составляющихъ *Таможенный Союзъ*, объ установленіи общей для всѣхъ и одинаковой монеты, въ Баваріи явились уже такія монеты. Съ одной стороны на нихъ портретъ короля, а съ другой дубовый вѣнокъ, и въ немъ означеніе цѣнности монеты: $3\frac{1}{2}$ флорина, или 2 талера; ниже: Семь составляютъ одну марку; выше: Монета Союза, а по краямъ монеты: Конвенція 30-го Іюля, 1838 года.

Въ Парижскомъ Коммерческомъ Судѣ было предъявлено въ 1839 году 1,013 банкротствъ, на сумму болѣе 60-ти милліоновъ франковъ.

Въ числѣ жалобъ, представляемыхъ Французскому Правительству, находится жалоба на затрудненія по транзитной торговлѣ черезъ Францію, стѣсняемой множествомъ обрядовъ, формъ и таможенными осмотрами, такъ, что многіе Швейцарскіе и Нѣмецкіе купцы предпочитаютъ транзитный путь черезъ Триестъ, Гамбургъ, даже Англію, хотъ онъ гораздо труднѣе и продолжительнѣе.

Статистика и Географія. Въ 1722 году почты приносили Англіи дохода 201,804 фунтовъ стерлинговъ, въ 1775 году 344,321, въ 1795 году 745,258, въ 1814 году 2,005,967, а въ 1836 году 2,461,806 фунтовъ стерлинговъ. Чистой прибылн за расходами оставалось въ семъ году Правительству 1,645,835 фунтовъ стерлинговъ.

Въ Галльскомъ университетѣ находится нынѣ 640 студентовъ; изъ нихъ по теологическому факультету 375, по медицинскому 101. — Во Фрейбургскомъ университетѣ 315 студентовъ; изъ нихъ, по теологическому факультету 98, юридическому 103, медицинскому 92, по философскому — 22!

Въ прошломъ году, въ Англіи умерло 14-ть перовъ, или членовъ Верхняго Парламента: герцоги Буккингамъ, Бедфордъ, Аргайль; графы Цетландъ, Каледонъ, Эссексъ, Лаудердаль, Моунтъ-Эджкомбъ, Кингтонъ; бароны Гоуденъ, Роосъ, Валингамъ, Рендлешамъ, Сентъ-Эленсъ. (Сей родъ совершенно прекратился смертью барона, умершаго въ родъ своемъ послѣднимъ). Въ Ирландіи умерли три пера: графъ Карнатъ, лордъ Лингфордъ и висконтъ Рендлешамъ.

По желѣзнымъ дорогамъ въ Англіи проехали въ прошедшемъ году: изъ Ливерпуля въ Манчестеръ 609,336, изъ Лондона въ Бирмингамъ 459,385, изъ Лондона въ Греничъ 1,544,266, изъ Дублина въ Кингстонъ 1,141,679, и изъ Эдинбурга въ Далькейтъ 299,201 человекъ.

Въ прошедшемъ году Парижане ѣли мяса меньше, нежели въ 1838 году. Вотъ доказательство: въ 1839 году употреблено на прокормленіе Парижа — 60,513 воловъ, 18,961 коровъ, 76,125 телятъ и 414,120 барановъ, что составляетъ меньше, противъ потребленнаго въ 1838 году, 1294 вола, 1165 коровъ, 2877 телятъ и 12,046 барановъ.

Въ трехъ Нидерландскихъ, а именно: Лейденскомъ, Утрехтскомъ и Гренингенскомъ университетахъ находится нынѣ 1399 студентовъ, изъ числа коихъ по юридическимъ факультетамъ считается болѣе трети — 481.

Зрѣлища и Музыка. Въ прошломъ 1839 году, *двѣсти девяносто пять* новыхъ пьесъ было представлено на 17-ти театрахъ Парижскихъ. *Опера* представляла 5 новостей, *Французскій Театръ* 9, *Комическая Опера* 10, *Итальянскій Театръ* 2, театръ *Возобновленія* 28, *Водвилля* 24, *Гимназіи* 18, *Разнообразія* 21, *Пале-Рояльскій* 24, *Веселости* 18, *Сенъ-Мартенскій* 41, *l'Ambigu* 22, *Олимпійскій циркъ* 6, *Сентъ-Антуанскій театръ* 45, *Драматическихъ Шалостей* 18, *Пантеона* 28, и театръ *Конта* 7. Скрибъ, Девержъ и Лорансенъ отдали на сцену по 9-ти пьесъ каждый; Байяръ, Толонъ и Поль-Дюпоръ по 8-ми. Всѣ другіе *драматическіе* (если только можно назвать братію, подрядчиковъ на Парижскіе театры, такимъ именемъ) писатели уступали имъ количествомъ своихъ дѣтокъ.

На Друриленскомъ театрѣ, въ Лондонѣ, ставятъ новую трагедію Гайнеса (Hauness), одного изъ лучшихъ совре-

менныхъ драматическихъ писателей Англии, *Марія Стюартъ*.

Въ бенефисъ В. А. Каратыгина, на Александринскомъ театрѣ дана была драма А. Дюма, *Алжирцы*. — Для бенефиса г-на Брянскаго, какъ мы слышали, предполагаютъ возобновить Кребильонову трагедію, *Радамистъ и Зенобія*. — Въ бенефисъ г-жи Асенковой дана была новая Русская драма, соч. Полеваго : *Параша Сибирячка*.

Извѣстіе о новомъ балетѣ нашемъ : *Глѣнь*, гдѣ такъ свѣтло и ярко является несравненная Таліони, передано уже въ Парижъ, какимъ-то *викомтомъ де S^m*, въ самыхъ поэтическихъ выраженіяхъ. Переводимъ нѣсколько строкъ изъ восторженнаго описанія почтеннаго виконта де S^m: «Скажу вамъ,» пишетъ онъ къ издателю *Revue de Paris*, «скажу вамъ, что безцѣнная ножка Таліони, прелестнѣйшая, очаровательнѣйшая въ мірѣ ножка, теперь еще усовершенствовалась въ *апломбъ* и *силъ*, и исполняетъ *les developpés, les fouettés, les pirouettes en dedans*, и все, что называется *les temps nobles*, съ такою изящностью, которой не превзойти ужь и ей самой, потому, что далѣе идти невозможно! Что касается до *contre-temps battus sur le coup-pied, do entrechats à quatre ou à six, do ronds de jambe, и do pointes*, все это просто чудо. И чѣмъ труднѣе, тѣмъ болѣе видимъ прелести, улыбки, простоты, какъ будто тутъ нѣтъ для Таліони труда, а только удовольствіе, и вы поймете, каковъ послѣ того восторгъ нашъ! Но гдѣ она несравненна, превосходить самое себя, достигаетъ того, что можно назвать сверхъ-естественнымъ — это *па* втораго акта, *па*, въ которыхъ она, буквально, *летаетъ* по цвѣтамъ! Сбросивъ съ себя тѣлесныя формы, она порхаетъ по нимъ — не знаю, изъ чего эти цвѣты, но очарованіе полное, и вы видите, какъ *божественная танцовщица* (*divine danseuse*) носится по камеліямъ, лилеямъ, жонкиламъ, и они даже не качаются, не шелохнутся отъ ея ножекъ. Когда мы видали прежде Таліони въ *Двѣя Дуная*, въ *Сильфидѣ*, мы думали, что до болѣе легкой не можетъ

уже достигнутъ человѣческое тѣло. Но совершилось чудо, невозможное исполнено — это уже не Нимфа, не Сильфида — *тѣнь, душа!* Перо лебедя, уносимое вѣтеркомъ, будетъ грубое съ нею сравненіе. Все что касается *дѣйствительнаго міра*, здѣсь не годится. Вообразите созданіе изъ парей, которое незримо исчезаетъ вдаль, пропорхнувши передъ вами. Видишь и думаешь; что видишь сонъ. Замѣчалъ ли вы, въ ясную, тихую ночь, длинныя золотыя нити лучей мѣсяца, дрожащія, мелькающія на вершинахъ деревьевъ, на темныхъ зданіяхъ — вотъ вамъ изображеніе *бестѣлеснаго танца*, изобрѣтеннаго Галіони!»

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Какъ листья осенью.... нѣтъ! сравненіе слишкомъ печально!... какъ пушистый снѣгъ зимою... а это слишкомъ холодно!... Не сказать ли: какъ листочки розы, обрываемые прелестною ручкою? — посыпались новыя листочки и листы газетъ съ наступленіемъ новаго года. И мы поздравляемъ почти все наши газеты: онѣ измѣнились во *внѣшнемъ* видѣ ихъ къ лучшему. Типографская часть ихъ показываетъ большія улучшенія: *Русскій Инвалидъ*, на его огромныхъ листахъ, *Вѣдомости С. Петербургской Полиціи*, *Санктпетербургскія Вѣдомости* — все печатается на такой хорошей бумагѣ, и такъ хорошо и красиво, что иная Нѣмецкая книга позавидуетъ летучимъ листочкамъ нашихъ газетъ. Особенно щеголяетъ *фасономъ* своимъ *Литтературная Газета*. Въ самой срединѣ ея заглавія, съ новаго года помѣщается (взятый съ какого-то Французскаго листка) прелестный политипажъ, изображающій какого-то лысаго толстяка, который сидитъ подлѣ стола, въ креслахъ, держитъ перо и думаетъ; въ ногахъ у него надпись: *Журналъ добросовѣстный есть дѣло великое въ благоустроенномъ государствѣ*. Надъ головой толстяка другая надпись: «Выходить *еженедѣльно по средамъ и субботамъ*.» Тутъ немножко непонятно — какъ же такъ: *еженедѣльно*, и — по *средамъ и субботамъ*? Развѣ *средѣ и субботѣ* бываетъ по одной только въ двѣ недѣли? или Д. Г. выходитъ на одной недѣлѣ въ *среду*, а на другой въ *субботу*? — Но оставимъ непостижимое нашему уму. Далѣе, слѣва, опять надпись: «Науки, Словесность,

Художества, Критика, Библиографія, Театръ, Моды, Сивьсь», а справа еще надпись: «Повѣсти, рассказы, стихотворенія, статьи о нравахъ, летопись Русской Литтературы, Журналистика, театры, Русскіе и иностранныя, анекдоты, Петербургская хроника, и проч.» — Содержаніе, какъ видите, богато — «ужь есть что почитать!»! Его достало бы на три журнала; какъ не наполнить имъ щедушнаго листочка въ три дня! — Изъ другихъ повременныхъ изданій замѣчательна обновленная *Художественная Газета*. Она является красивою тетрадкою, но, пусть извинять насъ, почтенные издатели, а ихъ *реформою* мы вовсе недовольны: въ ихъ Газетѣ читать нечего, поучиться нечему, и кромѣ того — неужели Газета, посвященная *Изящнымъ Художествамъ*, не должна подумать объ *изящности* языка? — Половина 1-го N-о занята отчетомъ Общества поощренія художниковъ — любопытнымъ, но онъ долженъ составлять *приваженіе* мѣлкими буквами, а не существенную статью Газеты. За тѣмъ слѣдуетъ статья о *Художественной Критикѣ* — три странички, сборъ словъ безъ мыслей. — За тѣмъ «Взглядъ на выставку Академіи Художествъ», гдѣ издатели, какъ будто «не смѣютъ смѣть, свое сужденіе имѣть». Они только всѣмъ кланяются, и все хорошо у нихъ: и пустая статья въ *Отечественныхъ Запискахъ*, и смѣшная статья *Б. для Ч.*, все у нихъ прекрасно, все хорошо! Чего же послѣ сего должны мы ожидать отъ нихъ самихъ? Да, и скоро ли дождемся мы исполнѣ ихъ статьи объ Выставкѣ, если они по *три странички въ книжкѣ* будутъ удѣлять ей, и заставлять потомъ ждѣ другихъ трехъ *по двѣ недѣли*? И притомъ, что сказали они на трехъ страничкахъ? Ничего ровно — «все благо, все добро!» Вотъ единственный результатъ изъ всего! Далѣ статейка переводная о Липманъ, которая годилась бы для всякой другой, но не для посвященной *исключительно Художествамъ* Газетѣ. Таково же извѣстіе о новыхъ приобрѣтеніяхъ для Эрмитажа. Еще нѣсколько легкихъ извѣстій, и — Газетѣ конецъ! Нѣтъ, почтенные издатели, если вы хотите быть истинно полезны, начать критику Искусства, имѣть *авторитетъ*, способствовать распространенію и совершенству Художествъ въ нашемъ отечествѣ, не такъ надобно вамъ начинать и продолжать вашу Газету! — На-

конецъ, слова два объ языкъ и образъ изложенія : кто переводитъ и составляетъ у издателей статьи, и на какомъ языкъ онъ пишутся? Взгляните на примѣръ :

«Въ Мадритъ, на Прадо, воздвигнуть монументъ памяти (памятникъ памяти?) погибшихъ за 31 годъ предъ симъ Испанцевъ. На этомъ мѣстѣ (,) 2 (-го) Мая (,) 1808 года (,) убито Французами до 200 безоружныхъ обоего пола гражданъ (т. е. жителей) г. (господина?) Мадрита. (Совершенная неправда : жители Мадрита жестоко дрались тогда съ Бертъе, который принужденъ былъ съ ними сражаться) Четырехъ-угольный (т. е. четыре-угольный) саркофагъ (но развѣ бывають саркофаги круглые, пяти-угольные, восьми-угольные?) изъ краснаго гранита, на широкомъ (,) каменномъ постаментѣ (подножіи?), составляетъ главную часть памятника. Каменная (разумется, не деревянная!) лѣстница ведетъ къ вершинѣ саркофага (т. е. на вершину; но какая у саркофага, т. е. памятника, сдѣланнаго въ видъ гробницы, можетъ быть вершина?) — По сторонамъ его четыре статуи, изображающія : любовь къ отчизнѣ (отечеству?), добродѣтель (?), храбрость и постоянство (?). Въ срединѣ (т. е. срединѣ, но въ срединѣ чего однакожъ : неужели саркофага?) возвышается обелискъ (,) изъ краснаго же гранита (,) въ 46 футъ (т. е. футовъ). Весь памятникъ (,) съ основаніемъ, имѣетъ въ вышину (т. е. вышиною) $104\frac{1}{2}$ фута (т. е. 15-ть сажень, или 45 аршинъ? Не можетъ быть! Что это такое? Саркофагъ съ подножіемъ въ 58 футовъ, то есть, болѣе 8-ми сажень вышиною, и на саркофагъ стоятъ обелискъ въ $6\frac{1}{2}$ сажень вышины? Каково же должно быть его широкое подножіе? Каковы статуи по бокамъ саркофага? Неужели онъ по 8-ми сажень вышины?), и украшенъ многими, соответствующими назначенію, аллегорическими украшеніями (украшенъ украшеніями!).»

Нѣтъ, почтенные издатели Х. Г., такъ не передають извѣстій, если хотять сдѣлать ихъ понятными, такъ и не пишутъ по Рѣсски! Искренно жѣлаемъ, чтобы вторая и послѣдующія книжки вашей Газеты походила на первую книжку — только наружностью, которая очень хороша и щеголевата.

Разныя извѣстия и Смѣсь. Благотѣльное заведеніе *Кассы Бережливости* (Caisse d'épargne) усиливается во Франціи. Такъ называются ломбарды, куда небогатые люди откладываютъ то, что могутъ сберечь за расходами, на случай нужды, и подобное сбереженіе вошло въ такой обычай въ Германіи и во Франціи, что тамъ каждый честный и порядочный ремесленникъ за несчастіе и стыдъ почитаетъ, если не можетъ чего нибудь отложить въ кассу. Многіе успѣваютъ такимъ образомъ составить небольшой капиталъ, на случай нужды, болѣзни, въ пособіе своему семейству. При нынѣшнихъ замѣшательствахъ по торговлѣ и промышленности во Франціи, изъ Парижской Кассы выбрано было вкладчиками въ 1839 году 26,138,151 франкъ; но и снова внесено тѣми же и другими 32,245,314 фр., такъ, что къ 1840 году, отъ 112,159 вкладчиковъ внесеннаго капитала, находилось въ кассѣ 69,357,276 фр. — Вотъ заведеніе, которое желательно бы видѣть и у насъ въ Россіи, и пользу котораго надобно бы хорошенько растолковать нашимъ мастеровымъ, ихъ хозяевамъ и всему рабочему народу въ Россіи, напоминая имъ старинную поговорку: *Береги денежку на черный день*, и уничтожая несчастную привычку *ставить копѣйку ребромъ*, и доводить ладъ до рукъ.

Изъ уваженія къ заслугамъ четырехъ старшихъ, *Наполеоновскихъ* генераловъ: Друе (графа Эрлона), графа Клапперде, графа Гариспа и барона Нейгра, король Людовикъ Филиппъ позволилъ имъ считаться въ штабѣ арміи, хотя по лѣтамъ ихъ, въ слѣдствіе послѣдняго постановленія о числѣ и отставкѣ за старостью генераловъ Французской арміи, ихъ слѣдовало отставить: 1-му изъ нихъ уже 75 лѣтъ, 2-му 70, 3-му 72, 4-му 66. Но какихъ событій не напоминаютъ имена ихъ, и — вотъ остатки воинскаго величія Наполеонова, ,

И вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о дивная держава!

Изъ Китая привезли во Францію два собранія семянъ, Китайскихъ овощей и цвѣтовъ. Тутъ находится множество

сортавъ Китайскаго луку, чесноку, шпината, селлерей и проч., а въ числѣ цвѣтовъ есть такіе, которые въ *первый* разѣ привезены въ Европу. Вся сія сѣмяна будутъ посажены въ Парижскомъ Jardin des plantes.

Въ Октябрѣ, умеръ въ Италиі знаменитый Германскій минералогъ, *Фридрихъ ф. Моосъ* (Friedr. v. Mohs), въ Агордо, близъ Беллуно, гдѣ находятся извѣстные рудники. Не смотря на различіе религій, Итальянцы съ честью похоронили его, и множество народа, католическаго духовенства, ученыхъ и чиновниковъ провожали гробъ. Между прочимъ читаны были на могилѣ Латинскіе стихи, и въ нихъ прекрасно сказано :

*Vir perit, ast virtus nunquam perit, ipsa superstes;
Mohs virtute refertus non morietur in sepm.
Quod cineres hominis tanti, tantique Magistri
Nunc capit Agurdum, magno fulgebit honore.*

Жестокая буре свирѣпствовали на Черномъ морѣ въ концѣ Декабря. Французскій посолъ, графъ Серсе, отправившійся въ Персію, едва не погибъ на пароходѣ, переезжая въ Трапезунтъ. — Изъ Марсели пишутъ, что тамъ совершенное лѣто, а у насъ въ Одессѣ, напротивъ, зима: 25-го Декабря жители Одессы вѣдиди на саняхъ. — Декабря 5-го Азорскіе острова опустошилъ сильный ураганъ; море поднималось на 30 футовъ; множество строевнй разрушено. — Въ Царьградѣ было землетрясеніе, и снова пожаръ въ Перѣ (Декабря 15-го); сгорѣло только шесть домовъ, и усиленіемъ Правительства огонь счастливо потушенъ. Турецкіе пожарные служители работали усердно, при пособіи Европейцовъ. — Во время жестокой бури смыло и уничтожило небольшой островъ, находившійся близъ Венеціи, причѣмъ погибло 12-ть человекъ.

Близъ города Кантурка, въ Англии, находилось обширное болото. Къ изумленію жителей, вдругъ начало оно

подниматься, пучиться, выступило из береговъ, и такъ быстро разлилось по окрестностямъ потоками черной, вонючей грязи, что люди, которыхъ засталъ разливъ, едва могли убѣжать, и нѣсколько хуторовъ было затоплено. Разливъ пошелъ послѣ того медленно, но все еще не прекратился, и изъ болота непрерывно выплываютъ новые потоки грязи, такъ, что окрестные жители не знаютъ, какъ положить имъ преграды и отвести ихъ. Причина такого страннаго изверженія неизвѣстна.

Кто не знаетъ старинной исторіи Эмпедокла, который оставилъ свои туфли на драку мудрецамъ, а самъ бросился въ жерло Этны, отчаявшись разгадать тайны природы и человека? Изъ Неаполя пишутъ, что тамъ, Декабря 12-го, бросилась въ жерло Везувія миссъ *Анна Вилькинсъ*, богатая Англичанка. Но не философское отчаяніе погубило ее, а несчастная любовь. Вотъ сюжетъ для оперы, и какая славная развязка: Везувій на сценѣ — послѣдняя арія, хоръ, изверженіе, и ужъ навѣрное — громъ рукоплесканія зрителей...

Извѣстенъ забавный процессъ Паганини: онъ договорился участвовать въ концертахъ Парижскаго Казино, но потомъ разсудилъ, что взялъ слишкомъ мало, и отказался. Директоры Казино подали на него жалобу въ убыткахъ. Судъ приговорилъ Паганини къ уплатѣ 20,000 фр. — Скупой скрипачъ взбѣсился, подавалъ апелляціи за апелляціею, переносилъ дѣло изъ судъ въ судъ, и теперь Королевскій Судъ окончательно рѣшилъ его споръ: Паганини приговорили къ платежу, съ проторями судебными, 52,000 фр. — Не отъ того ли умираетъ теперь несчастный Паганини? У бѣдняжки полагаютъ состоянія не болѣе 10-ти милліоновъ... Чѣмъ ему жить, если заплатитъ 50,000 франковъ? А давно ли еще подарилъ онъ Берліо 20,000... Раззоренье!

Въ Парижѣ продаютъ уже альбомы, составленные изъ рисунковъ, снятыхъ посредствомъ дагерротипа. — На зубную боль явились тамъ вдругъ два чудесныя лекарства:

Джаксонова вода (l'eau de Jackson), по 3 франка за стекляночку, а кто возьметъ полдюжины ихъ, тотъ даромъ получаетъ еще ученое сочиненіе о зубахъ и зубной боли, доктора Далибона (Hygiène des dents et gencives). Другое лекарство *Одонтинъ*, новое средство, удивительное, d'une odeur et d'une saveur agréables, qui donne à la bouche une fraîcheur des plus agréables. — Наконецъ явилось еще безцѣнное лекарство, *Каифа Ориентальная*, доктора Лаволлея; она излечиваетъ всѣ желудочныя болести, и продается по 4 франка за стекляночку, а кто возьметъ полдюжины, платитъ только 21 франкъ, и получаетъ даромъ книжечку: *Conseils sur l'art de conserver la santé*. Какъ позавидуютъ, думаемъ, многіе наши хворые здоровяки Парижанамъ! Но, не жалуйте, Мм. Гг. — вѣроятно, скоро привезутъ и къ намъ и *Джаксонову воду*, и *Одонтинъ*, и *Ориентальную Каифу*, какъ привозятъ Роландово Макасарское масло. Ипекакуановыя лепешки, Ракагутъ, шоколады съ осмазомами, рообы, и проч. и проч.; чѣмъ шарлатанство вытаскиваетъ деньги изъ кармановъ легковѣрныхъ, и что иные услужливые доктора не совѣстятся прописывать своимъ больнымъ, и — даже хвалить *печатно!* —

Предвѣщанія знаменитаго колдуна и алхимика *Нострадама* снова напечатаны въ Парижѣ, съ истолкованіями и примѣненіемъ къ нашему времени; тысячи экземпляровъ были раскуплены въ два дня, и многіе поварили изъясненіямъ. Смѣйтесь, но видно, шарлатанство всегда найдетъ себѣ уголокъ у глупости. Предвѣщанія Нострадама писаны старинными, темными стихами. Вотъ примѣръ:

De soldat simple parviendra à l'empire,
De robe courte parviendra à longue,
Vaillant aux armes en église au plus pur,
Vexer les prestres comme l'eau fait l'esponge.

Это значитъ *Наполеонъ*, по истолкованію; и такимъ образомъ находятъ изъясненія на нынѣшнія событія въ Испаніи, и даже на Мегемета-Али. Забавно, что съ XVI вѣка, когда жилъ Нострадамъ, разъ десять уже принимались изъяснять его шарлатанскую рукопись, и каждый

разъ, въ современныхъ событіяхъ находили ей полное изясненіе.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВСЯЧИНА. Любопытно количество откупа, платимаго за *перевозы* въ разныхъ мѣстахъ Петербурга. При торгахъ на четыре года, съ 1840 года, откупщики даютъ: за перевозъ отъ Галерной улицы 5800 р. с. ежегодно, отъ ~~Знаменнаго~~ дворца и за Мытнинскій перевозъ 4855 р. с., за Воскресенскій 1990 р. с., за Охтенскій 3020 р. с. и за перевозъ въ Каретной части 225 р. с. — Фонтанка, отъ Каменнаго до Симеоновскаго моста откупается за 270, отъ Измайловскаго до Калинкина моста за 331 р. с.; за перевозъ на островъ Берда даютъ 162 р. с., и за перевозки по Мойкѣ 222 р. с. — Слѣдовательно, перевозки по Невѣ, Фонтанкѣ и Мойкѣ платять ежегодно откупа, или акциза до 17,000 р. с. (59,500 р. асс.), и, разумется, откупщики должны еще имѣть лодки, снаряды, нанимать рабочихъ, и за тѣмъ имѣть барышъ. — На балъ въ Благородномъ Собраніи, 30-го Декабря, было 1292 посвѣтителей (839 кавалеровъ и 453 дамы). Балъ начался въ 9-мъ, кончился въ 4-мъ часу утра. — Въ маскарадѣ Патріотическаго Института, 29-го Декабря, было постороннихъ гостей 725 человекъ. — Увы! Польскія лоттереи кончились съ Декабремъ мѣсяцомъ! Не будетъ уже наслажденія за нѣсколько рублей покупать мѣсяцы надеждъ на богатство, на домъ въ Варшавѣ, на 900,000 злотыхъ; исчезли милыя *третинки* и *десятинки*; не будетъ видно въ окнахъ обольстительныхъ нумерацій, гдѣ общали прохожимъ рѣвки золота вершковыми цифрами! Если вы не заглядывали въ конторы, гдѣ бывала подписка на лотерею, при наступленіи срока къ полученію извѣстій о выигрышахъ, то вы лишились любопытнаго зрѣлища. Нарочно, раза три заходили мы въ бѣдную, неопрятную комнату въ огромномъ домѣ, что подлѣ Казанскаго Собора, на Невскомъ Проспектѣ, гдѣ продавались билеты... Какое смѣшеніе лицъ, возрастовъ, состояній! Какая страшная игра страстей! Какъ тутъ является жалокъ и *нехорошъ* человекъ! И нельзя не удивляться притомъ, какъ наше корыстолюбіе живуще, какъ всякое сред-

ство удовлетворить ему быстро проникаетъ въ народъ: кто теперь изъ простолюдиновъ не знаетъ у насъ, что такое *лоттерея*? Мы встрѣтили въ конторѣ, между прочимъ, челоѡвка въ лоскутьяхъ: онъ пришелъ справиться о своей *десятинкѣ*, и — какое отчаянное выраженіе мелькнуло на лицѣ его, когда ему сказали, что онъ ничего не выигралъ! Удивляться ли?... При выходѣ мы увидѣли, что онъ стоитъ у дверей и протягиваетъ руку, прося милостыни! — въ Продавцы лоттерейныхъ билетовъ спѣшатъ теперь объявлять о розыгрышѣ облигацій. Ловкій объявитель (въ № 3-мъ, Спб. Вѣд. стр. 17) мимоходомъ прибавляетъ, что у него рука счастливая, и что драгоценный № 9,039-й, выигравшій 900,000 въ 5-мъ классѣ, былъ взятъ въ его конторѣ. Спѣшите, Мм. Гг., спѣшите опять запастись билетами на надежду, и авось либо *вамъ именно* въ Юнѣ упадетъ *милльонъ* золотыхъ! Вѣдь его кто нибудь долженъ выиграть? Погадайте-ка, справьтесъ, хоть съ ворожейкою какою нибудь, сожмитесъ, какъ нибудь, и купите билетъ. *Авось* — чудное слово! — Наблюдатели замѣчаютъ, что въ Петербургъ пошли бѣды на собакъ: вдругъ видимъ *пять* объявленій о пропавшихъ и отставшихъ *болонкахъ, шпицахъ, лягавыхъ, водолазкахъ, пуделяхъ*; за находку ихъ хозяева сулятъ по 25, 50, даже по 100 рублей! — Новый родъ промышленности является еще въ Петербургъ: какой-то сапожный артистъ беретсѣ поставлять кому угодно, на цѣлый годъ, на *прокатъ*, или, лучше сказать, на *поношеніе*, сапоги, *тонкіе и прочные*, беретъ поношенные обратно, общааетъ брать за то бездѣлку, и еще деньги получать *по третямъ*! Чего же выгоднѣе? Еслибъ можно было брать и фраки и жилеты на поноску, сколько явилось бы тогда щеголевато одѣтыхъ и обутыхъ людей! А то, всѣ эти артисты такой грубой народъ — все плати имъ наличною монетою!

=

Счастье міра кто! жеста,

Слава кто! стн, суата.

Блаженъ кто право Бога знаетъ

И искренно Его желаетъ.

И. Козмофрант

Видъ 1888 года.

Намъ пора

Въ Дворѣ Д. Козмофранта.

1387

